

Англо-американская
ФАНТАСТИКА

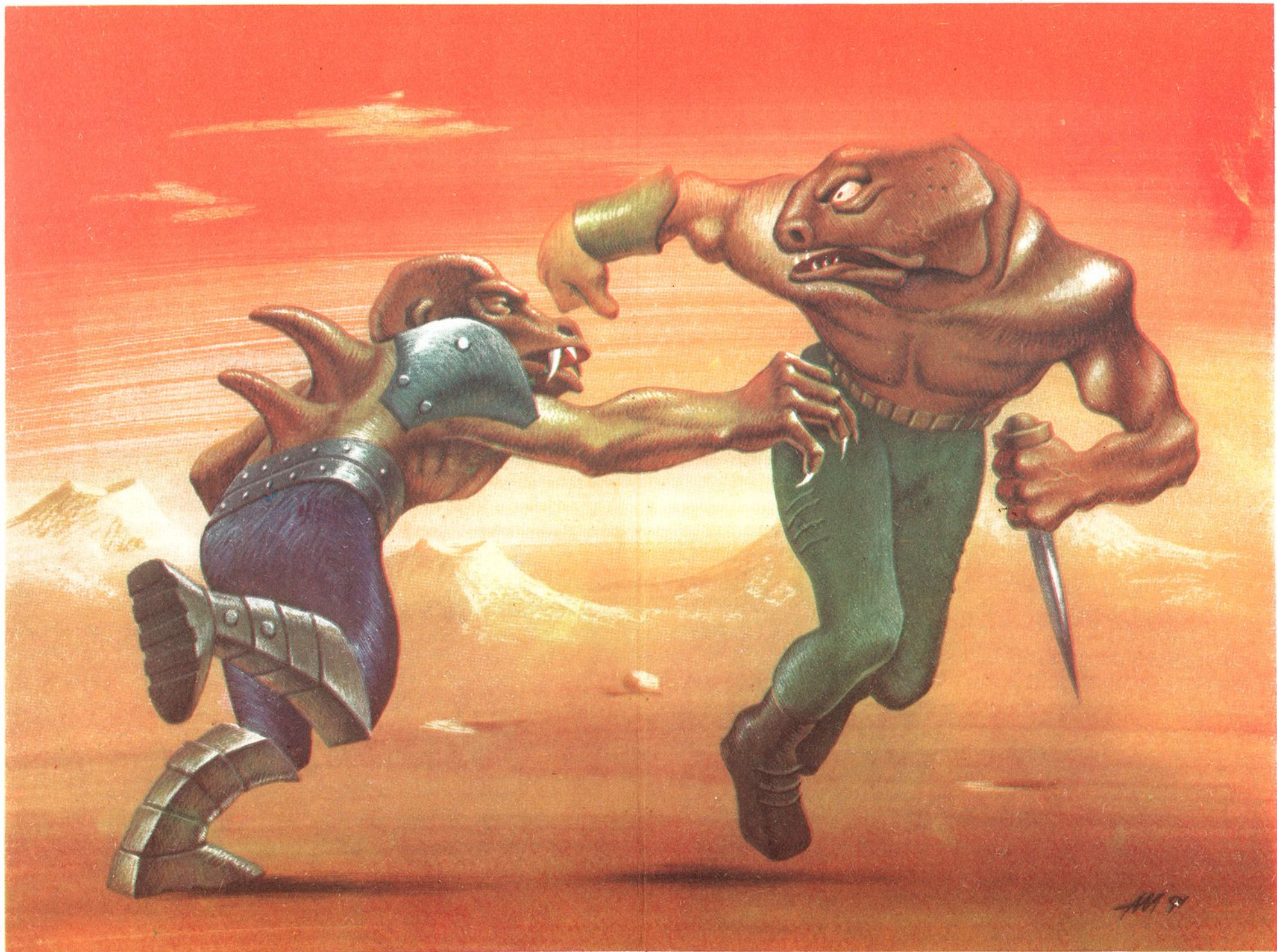

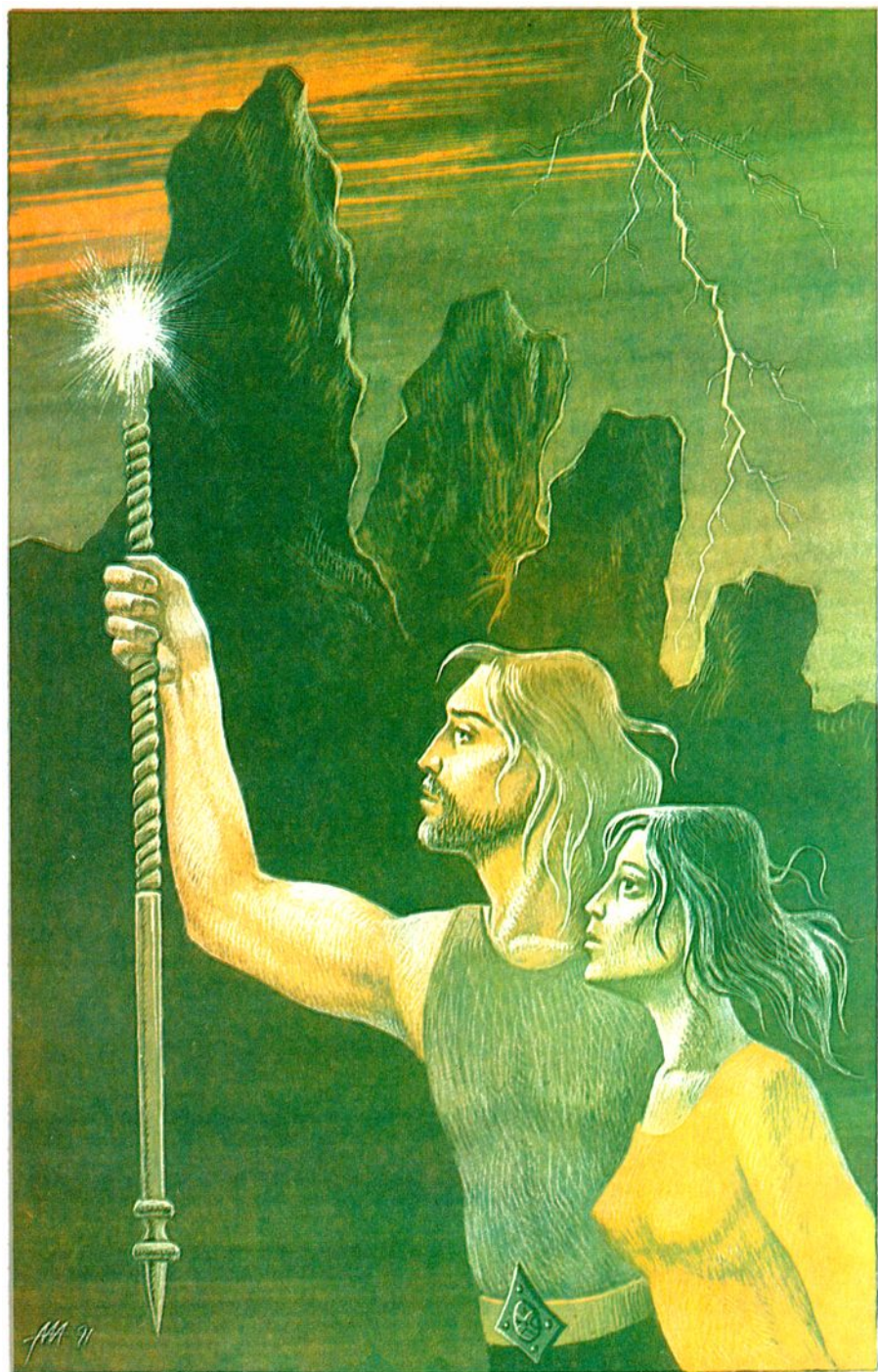
АНГЛО-
АМЕРИКАНСКАЯ

ФАНТАСТИКА

ВПЕРВЫЕ В СССР

АНГЛО- АМЕРИКАНСКАЯ ФАНТАСТИКА

ТОМ III

**МОСКВА
«ЗМЕЙ ГОРЫНЫЧ»
1991**

ББК 84.7США

Составители *Юрий Никитин и Александр Томберг*

Общая редакция *Любови Антиповой*

Художник *Андрей Абрамкин*

Англо-американская фантастика. Том 3. Перевод с англ.
М.: Змей Горыныч, 1991.— 443 с.

ISBN 5—85912—010—9

В третий том «Англо-американской фантастики» вошли произведения признанных на Западе писателей-фантастов: Урсулы ле Гуин «Могилы Антуана», Джона Бруннера «Поймай падающую звезду», Айры Левина «Этот идеальный день».

Надеемся, что эти романы понравятся и вам.

А $\frac{470304100-010}{M796(03)91}$ Без объявл.

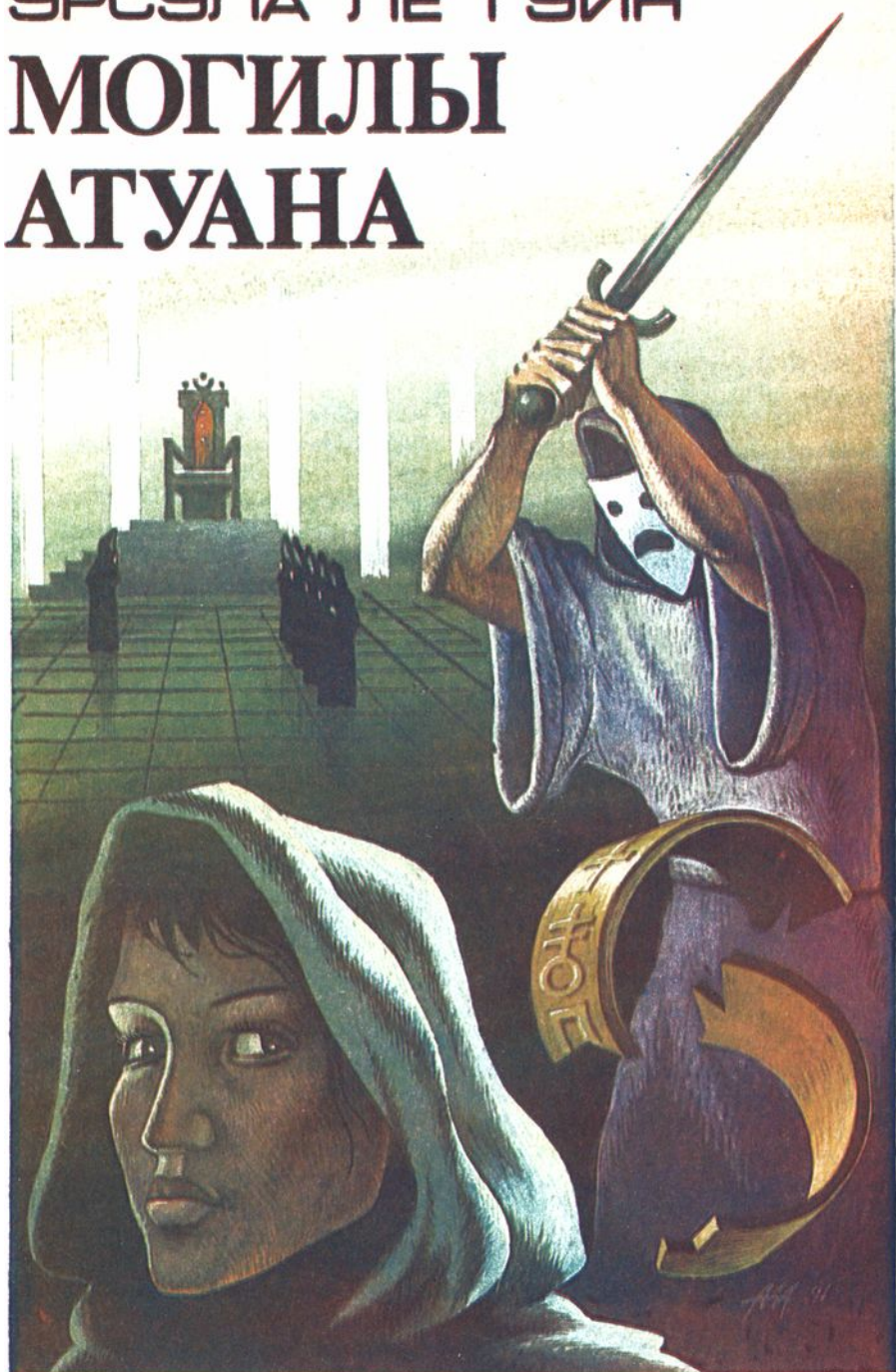
ББК 84.7США

© «Змей Горыныч».

© Перевод с англ. коллектива
авторов.

ISBN 5—85912—010—9

УРСУЛА ЛЕ ГУИН МОГИЛЫ АТУАНА

Перевод с англ. *Елены Солодуховой*, 1991

Редактор *Надежда Голосовская*

ПРОЛОГ

— Домой, Тенар! Домой!

В глубине долины сгущались сумерки, но все еще были видны на темных ветках яблонь уже раскрывшиеся цветы, бело-розовые, как далекие звезды. Под деревьями по свежей густой траве, мокрой от росы, бегала девочка. Бегала она просто так, ей это нравилось. Услышав голос матери, она не сразу направилась к дому, а сперва сделала еще один круг. Мать, стоя на пороге хижины, в глубине которой пылал очаг, долго смотрела на крошечную фигурку, порхавшую по темной траве, как пушок чертополоха, гонимый ветром.

Возле хижины отец девочки очищал мотыгу от налипших комьев земли.

— Зачем ты так возишься с ребенком? — проворчал он. — Ведь все равно через месяц они придут и заберут ее. Навсегда заберут. Она для тебя умерла — и дело с концом. Что толку цепляться, если мы ее все равно потеряем? Нам от нее никакой пользы. Если бы они заплатили, тогда другое дело, а то ведь не заплатят. Просто заберут, и поминай, как звали.

Мать не ответила. Она не отрывала глаз от девочки, а та, оставившись под яблоней, смотрела на родителей. Позади нее, за фруктовыми садами, возвышались холмы. Над ними пронзительно и ясно светила вечерняя звезда.

— Она давно не наша, с тех пор, как они пришли и сказали, что она станет Жрицей Могил... Почему ты не можешь этого понять?... — В хриплом голосе мужчины послышалась горестная тоска. — У тебя еще четверо детей, они останутся, а эта уже не твоя. Оставь ее, все равно придется отдать...

— Когда придет время, я отдам, — ответила женщина.

Девочка подбежала к ней, семена по грязной дороге голыми белыми ножками. Женщина нагнулась, взяла ее на руки и внесла в хижину, целуя растрепанную темную головку. Девочка была черноволосой, а волосы женщины при мерцающем свете очага казались совсем светлыми.

Мужчина остался снаружи. Земля холодила его босые ноги, над головой темнело ясное весеннее небо, а на лице застыло горе — тупое, тяжелое и злобное горе, которое он не мог передать словами. Наконец он ябко повел плечами и следом за женой вошел в хижину, где горел очаг и слышались звонкие голоса детей...

1. СЪЕДЕННАЯ

Пронзительно взвизгнул рожок и смолк. Теперь тишину нарушал только звук шагов. Множество ног ступало в такт барабану, бившему в ритме сердца. Сквозь трещины в крыше Тронного Зала и отверстия между колоннами, в тех местах, где вывалились куски каменной кладки, косо падали слабые солнечные лучи. Солнце взошло всего час назад. Холодный воздух был неподвижен. Сухая трава между мраморными плитами пола, посеребренная инеем, шуршала, когда ее задевали длинные черные хитоны жриц.

Они шествовали по четыре в каждом ряду через огромный зал между двойными рядами колонн. Монотонно бил барабан. Не было слышно голосов, не было видно лиц. Девушки в черном несли факелы. В лучах солнца их пламя казалось размытым, а в тени — более четким. Снаружи, на ступенях Тронного Зала, стояли мужчины: стража, трубачи, барабанщики. Но в огромные двери входили только женщины в темных хитонах с капюшонами. Четырьмя колоннами они направлялись к пустому трону.

Появились еще две жрицы, обе высокие, тоже в хитонах, одна худая, а другая такая грузная, что при ходьбе тело ее колыхалось. Между ними семенила босая девочка, лет шести, в белой рубашке, с непокрытой головой и голыми руками. Рядом с высокими жрицами она казалась совсем крошечной. У подножия ступеней, ведущих к трону, там, где в ожидании застыли темные фигуры женщин в хитонах, две жрицы остановились и слегка подтолкнули девочку вперед.

Трон стоял на возвышении, черный, гигантских размеров. На его подлокотниках и спинке тусклым блеском переливались драгоценные камни и золото. Если бы на этом троне сидел человек, он бы выглядел карликом. Трон был явно велик для человека, и он был пуст... Казалось, с обеих сторон он опутан огромными черными паутинами — то ли шторы, то ли просто густые тени.

К трону вела мраморная, с красными прожилками лестница из семи ступеней. Ступени были такие широкие и высокие, что девочка с трудом взбиралась на них, вставая обеими ногами, как это делают дети. На четвертой ступени прямо напротив трона стояла грубая деревянная колода с выдолбленным углублением. Девочка опустилась на колени, положила голову в углубление, слегка повернув ее в сторону, и так, стоя на коленях, замерла.

Неожиданно из темноты по правую сторону от трона выступила фигура в белой шерстяной тунике и по ступеням стала спускаться к ребенку. Лицо человека скрывала белая маска. Обеими руками он держал сверкающий стальной меч футов пяти длиной. Не издав ни звука, он молниеносно взмахнул мечом. Барабан смолк.

В то мгновенье, когда меч завис над шейкой девочки, слева от трона появилась другая фигура — в черном. Она бросилась вниз по ступеням, и хотя руки ее были тоньше, чем у человека в белом,

сумела остановить меч, занесенный над головой ребенка. Острое сверкающее лезвие застыло на полпути. На минуту они замерли над неподвижным ребенком: две фигуры — черная и белая — в позах танцоров с невидимыми лицами. Черные пряди девочки рассыпались, обнажив белую шейку.

В наступившем молчании фигуры отскочили друг от друга и исчезли в темноте за огромным тронном. Девочка продолжала стоять на коленях. Подошла жрица и вылила на ступени возле нее чашу какой-то жидкости. В полутьме зала пятно выглядело зловеще-черным.

Девочка поднялась, осторожно по ступеням сошла вниз и остановилась. Две высокие жрицы надели на нее черный хитон с капюшоном и мантию и повернули лицом к темному пятну и трону.

— О, пусть Безымяные увидят девочку, которая рождена истинно Безымянной. Пусть они примут ее жизнь и годы ее жизни до самой смерти, которая также принадлежит им. Пусть они найдут ее достойной. Пусть ее съедят!

Другие голоса, высокие и резкие, как звуки труб, ответили:

— Она съедена! Она съедена!

Испуганная девочка из-под своего черного капюшона смотрела снизу вверх на трон. Драгоценные камни, украшавшие огромные подлокотники и спинку, запыхались. Резьбу покрывали паутина и совиный помет. На трех верхних ступенях, которых никогда не касалась нога смертного лежал такой толстый слой пыли, что они казались просто серым грязным скопом. Мраморные плиты с красными прожилками скрывал толстый нетронутый слой пыли, накопившийся за столетия.

— Она съедена! Она съедена!

Снова послышался бой барабана. Теперь он звучал резче, а удары участились.

В полной тишине — лишь шуршание одежд и звук шагов — процессия двинулась прочь от трона к далекому яркому квадрату входа. По обе стороны зала поднимались толстые двойные колонны, похожие на икры огромных белых ног. Их вершины скрывались где-то в полумраке под потолком. Вместе с жрицами шла девочка. Теперь она, как и остальные, была во всем черном. Ее маленькие босые ножки чинно ступали по ледяным каменным плитам с пробивающей сквозь трещины заиндевевшей травой. Когда на нее упал косой луч солнечного света, она даже не подняла головы.

Стражники широко распахнули огромные двери, и мрачная процессия покинула Тронный Зал. Стояло раннее утро. Дул холодный ветер. Над необъятным простором на востоке ослепительно сверкало солнце. Его золотые лучи освещали вершины гор и фасад Тронного Зала.

Жрицы тихо запели. Мелодия состояла всего из трех нот. Поющие без конца повторяли одно и то же слово, и оно было таким древним, что давно уже утратило свое значение, как дорожный столб у забытой дороги.

Все строения в низине все еще окутывала сиреневая дымка, и только на холме Храм Крестных Братьев с недавно позолоченной крышей сиял на солнце. Черная вереница, извиваясь, спускалась с Горы Морил.

Они снова и снова повторяли это бессмысленное слово. Весь день Возрождения Жрицы звучало женское пение — монотонный непрерывный гул.

Маленькую девочку водили из храма в храм, из одной комнаты в другую. В одном месте ей положили соль на язык, в другом — поставили на колени лицом к западу, остригли волосы и вымыли голову маслом и душистым уксусом. В третьем она легла вниз лицом на черную мраморную плиту за алтарем, а пронзительные голоса запели похоронную песнь. Весь день ни девочка, ни жрицы не при- трагивались к еде и не выпили ни глотка воды. После захода вечер- ней звезды раздетую девочку положили на овечью шкуру. Этот тем- ный без окон дом был заперт уже много лет, его открыли только сегодня. Воздух был тяжелый и спертый. Безмолвные женщины оставили девочку в темноте и ушли.

Она лежала не двигаясь, в одном и том же положении, с широко раскрытыми глазами. Так прошло много времени.

И вдруг на высокой стене задрожал слабый отсвет. Кто-то тихо шел по коридору, загораживая свечу, так что она почти не давала света. Послышался хриплый шепот:

— Ты здесь, Тенар?

Девочка не ответила.

В дверь просунулась голова. Странная это была голова: совер- шенно лысая, она напоминала очищенную картофелину. Крошечные карие гла́зки походили на проклюнувшиеся глазки. Нос утопал между огромных плоских щек, безгубый рот больше походил на щель. Девочка, замерев, смотрела на это лицо.

— Тенар, ягодка моя, вот ты где...— Этот хриплый голос был высоким, как у женщины, но он принадлежал не женщине.— Мне нельзя быть здесь... Я должен сидеть снаружи, на крыльце. Сейчас уйду. Но как я мог не провести мою маленькую Тенар после такого трудного дня? Как ты, моя бедная маленькая ягодка?..

Грузная фигура бесшумно приблизилась. Человек протянул руку, чтобы погладить девочку по волосам.

— Я больше не Тенар,— сказала она, не сводя глаз с головы- картофелины.

Рука замерла, так и не дотронувшись до детской головки.

— Да...— прошептал человек мгновенье спустя.— Я знаю, я знаю... Маленькая, ты теперь съеденная. Но я...

Она молчала.

— Сегодня был трудный день для моей маленькой госпожи...— Человек смущенно переминался с ноги на ногу.

Свеча задрожала в его большой желтой руке.

— Тебе нельзя входить в этот дом, Манан.

— Да-да, я знаю. Мне нельзя входить в этот дом. Хорошо, малень- кая, спокойной ночи... Спокойной ночи...

Девочка не ответила. Манан медленно повернулся и вышел. В комнате снова стало темно, как в глубоком колодце. Маленькая девочка, у которой больше не было имени, кроме имени Ара, что означает «Съеденная», лежала на спине, устремив неподвижный взгляд в темноту.

2. СТЕНА ВОКРУГ МЕСТА

Шли годы, и Тенар совсем забыла свою мать, даже не заметив этого. Здесь было ее место, теперь она навсегда принадлежала Могилам. Лишь порою, долгими июльскими вечерами, когда она смотрела на горы, окрашенные заходящим солнцем в цвет львиной шкуры, ей вспоминались горящий очаг и комната, освещенная таким же золотым светом. Вспоминались ей и чьи-то руки, обнимавшие ее. Это было странно: ведь здесь к ней почти никогда не прикасались. Она вспоминала приятный свежий запах чистых волос, вымытых в настойке полыни. Эти волосы были цвета заката и огня. Вот и все ее воспоминания.

Конечно, Ара знала больше, чем помнила сама, потому что слышала историю своей жизни от других людей. Когда ей было семь или восемь лет, она впервые задумалась о том, кто же такая эта «Ара». Тогда она обратилась к своему опекуну, служителю Манану, и спросила:

— Расскажи мне, как меня выбрали, Манан.

— Моя маленькая госпожа, ты же это знаешь.

Она действительно это знала. Высокая жрица Тар рассказывала ей ту историю своим скрипучим голосом столько раз, что девочка выучила ее наизусть.

— Да, я знаю. Когда умирает главная жрица Могил Атуана, церемонии погребения и очищения продолжаются один месяц по лунному календарю. После этого некоторые жрицы и служители Места Могил идут через пустыню в разные города и села Атуана, ищут и расспрашивают. Они ищут девочку, которая родилась в ночь, когда умерла Жрица. Когда находят такую девочку, ждут и наблюдают. Ребенок должен быть здоров телом и душой, не болеть рахитом, оспой. У девочки не должно быть никаких уродств, и она не должна быть слепой. Если к пятилетнему возрасту у нее не появится никакого изъяна, тогда становится ясно, что тело ребенка — это на самом деле новое тело умершей Жрицы.

Ребенка показывают Королю-богу в Ауабате, а затем привозят сюда, в Храм, и обучают в течение года. А в конце года ее приводят в Тронный Зал и отдают ее имя Хозяевам, Безымянным. Теперь она тоже безымянная, Вечно Возрождающаяся Жрица.

Эту историю рассказала ей Тар, и Тенар не посмела попросить ее добавить к этому рассказу хотя бы слово. Эта худая жрица не была жестокой, но она строго следовала железным законам Храма и обращалась с девочкой холодно. Ара испытывала перед ней ужас. Зато она не боялась Манана, более того, вполне могла потребовать:

— А теперь Расскажи мне, как меня выбрали!

И он снова и снова повторял свой рассказ:

— На третий день молодой луны мы ушли отсюда и направились на северо-запад. Ведь бывшая Ара умерла на третий день последней луны. Сначала мы пришли в Тенакбу. Это большой город. Но те, кто видел Ауабат, говорят, что между двумя городами такая же разница, как между блохой и коровой. Но для меня и Тенакба достаточно велик. Я думаю, там тысяч десять домов! Еще мы зашли в Гар. Но в этих городах ни у кого не было девочки, родившейся в прошлом месяце не третий день луны. Правда, у некоторых были мальчики, но нам нужна была девочка... Тогда мы пошли в горную местность к северу от Гара и стали ходить по городам и селениям. Это моя родная земля. В этих горах я родился. Там текут реки и зеленеют луга, не то что в этой пустыне.

Когда Манан говорил, в его хриплом голосе звучали странные нотки, а крошечные глазки совсем исчезали в тяжелых складках щек. Он умолкал на некоторое время, а потом продолжал:

— Так вот, мы разыскивали родителей, чьи дети родились в последние месяцы. Некоторые пытались нас обмануть: «Да-да, наша девочка как раз родилась на третий день луны». Ты знаешь, эти несчастные часто бывают рады избавиться от девочек. А были и такие бедняки, которые жили в одиноких хижинах в горных долинах и не считали дней и не знали, как это делается. Они не могли сказать точно, сколько времени их ребенку. Но после долгих расспросов нам всегда удавалось установить истину. Дело продвигалось медленно. Наконец мы пришли в деревушку из десяти домов. Она стояла среди фруктовых садов к западу от Энтата. Там обнаружили девочку. Ей было восемь месяцев — вот как долго мы искали ее! Но она родилась в ту ночь, когда умерла Жрица Могил, и точно в час ее смерти. Это был прекрасный ребенок. Она сидела на коленях у матери и смотрела на нас сияющими глазами. А мы набились в комнатку, как летучие мыши в пещеру. Отец девочки, бедный крестьянин, ухаживал за фруктовыми деревьями в саду богатого человека. А у самого, кроме пятерых детей да козла, ничего не было. Даже дом ему не принадлежал. В общем, все мы втиснулись в маленькую комнатку. По тому, как жрицы поглядывали на ребенка и переговаривались между собой, было ясно, что наконец они нашли ту, кого считали Вновь Родившейся Жрицей. Мать девочки тоже это понимала. За все время она не проронила ни слова, только обнимала ребенка. Так вот, на следующий день мы вернулись. И представь себе! Маленькая девочка с ясными глазами лежала на камышовой подстилке. Она плакала и кричала. Все ее тело было покрыто волдырями и красной сыпью лихорадки. Мать причитала еще громче: «О-о-о! На моем ребенке Ведьмины Когти». Так она называла оспу. В моей деревне оспу тоже называли Ведьмины Когти. Но Коссил, она теперь Верховная Жрица Короля-бога, подошла к тюфяку и подняла ребенка. Все отшатнулись, я тоже. Я не очень-то тряусь над своим здоровьем, но кто же войдет в дом, где оспа? Но этой женщине был неведом страх. Она взяла ребенка на руки и сказала: «У нее нет жара». Потом поцеловала палец и потерла красные пятна. Они счищались. Это был всего лишь сок раздавлен-

ных ягод. Несчастная дурочка пыталась провести нас и оставить себе ребенка.

Вспомнив этот случай, Манан захохотал от всей души. При этом его желтое лицо почти не изменилось, только бока сотрясались от смеха.

— Так вот, муж побил ее, потому что боялся гнева жрицы. Вскоре мы вернулись в пустыню. Но каждый год кто-нибудь из Места навещал деревеньку среди яблоневых садов и проверял, как подрастает девочка. Так прошло пять лет. И вот Тар и Коссил отправились в путь в сопровождении стражей Храма и солдат Красного шлема. Они вернулись назад и привели с собой девочку. Это была вновь родившаяся Жрица Морил. Она пришла, чтобы служить Могилам. Кто же была эта девочка? А, малышка?

— Я,— отвечала Ара, пристально глядя вдаль, как будто пыталась там что-то рассмотреть.

Однажды она спросила:

— А что сделала... мать, когда они пришли забрать ребенка?

Но этого Манан не знал: он не сопровождал жриц во время последнего путешествия. А сама она ничего не помнила. Да и что толку помнить? Все это давным-давно ушло в прошлое. Она пришла туда, куда должна была прийти. Во всем мире она знала только одно место — Могила Атуана.

В первый год она спала в общей спальне с другими новенькими, девочками от четырех до четырнадцати лет. Уже тогда Манана выбрали из числа Десяти Стражей и назначили ее личным опекуном. Ее кровать стояла в маленьком алькове. Она была частично отделена от общей спальни, длинной комнаты с низким потолком, где девочки хихикали и смеялись, перед сном, а по утрам, при сером свете начинающегося дня, зевая, заплетали друг другу косички. Когда у нее забрали имя и она стала Арой, она перешла в Малый Дом и стала там жить одна. В этой комнате ей предстояло провести всю жизнь, и всю жизнь спать на этой кровати. Это был ее дом, Дом Жрицы. Людям запрещалось входить сюда без ее разрешения. Еще когда она была совсем маленькой, ей нравилось слышать, как люди смиренно стучат в дверь. Тогда она говорила:

— Можете войти.

Неприятно было только то, что обе Верховные Жрицы, Тар и Коссил, считали ее разрешение само собой разумеющимся и входили в дом без стука.

Шли дни и годы, похожие друг на друга. Девочки в Месте Морил проводили весь день в занятиях и работе. Они не знали, что такое игры. Для игр времени не было. Они учили священные песни и священные танцы, изучали историю Земли Каргад, тайны ее богов: Короля-бога, правившего в Ауабате, или Близнецов, Атуа и Улуа. Из всех учениц лишь одна Ара изучала ритуалы Безымянных. Этому ее учила Тар, Верховная Жрица Богов-Близнецов. Каждый день она покидала своих подруг на час или даже больше, а оставшуюся часть дня, как и они, проводила за работой. Они учились прясть и ткать овечью шерсть, учились сажать растения, собирать плоды и готовить

из них пищу. Девочки ели чечевицу, грубую кукурузную кашу, хлеб, лук, капусту, козлий сыр, яблоки и мед.

Самым приятным занятием в этой жизни была ловля рыбы в темной речке, протекавшей через пустыню в полумиле к северо-востоку от Места. Можно было взять с собой яблоко или овсяную лепешку на обед и целый день сидеть в теплых камышах, прогретых солнцем, наблюдая за неторопливым течением зеленой воды и тенями облаков, медленно ползущими по склонам гор. Но если леска натягивалась, и рыба, сверкнув на солнце чешуей, шлепалась на берег, а все вскрикивали от волнения, то Меббет шипела, как гадюка:

— Тихо вы, визгливые дуры!

Мреббет служила в храме Короля-бога. Это была еще молодая темноволосая женщина, с характером твердым, как обсидиан. Рыбная ловля была ее страстью. Нельзя было ни в чем ей перечить или шуметь, иначе она больше не взяла бы вас с собой ловить рыбу. Тогда не видать вам больше речки, разве что вас пошлют туда летом за водой, когда пересыхают колодцы. Невеселое это было занятие: до реки приходилось тащиться полмили по раскаленному песку, потом надо было наполнить водой два ведра, повесить их на коромысло и как можно быстрее идти в гору к Месту. Пройти первую сотню ярдов было нетрудно, но потом ведра становились все тяжелее и тяжелее, а коромысло жгло плечо, как раскаленное железо. Яркое солнце слепило глаза, горячий песок обжигал ступни, и каждый шаг был труднее и медленнее предыдущего. Наконец вы добирались до прохладной тени на заднем дворе Большого Дома около овощных грядок и выплескивали воду в огромный бак. Теперь надо было повернуться и проделать все это еще раз, и еще, и еще, и еще.

Место было самым древним и самым почитаемым из всех святынь Четырех Земель Империи Каргад, поэтому оно называлось просто «Место» и другое название было не нужно. На огороженной территории вокруг Места жило человек двести. Там было множество зданий и построек: три храма, Большой Дом и Малый Дом, жилища служителей-евнухов, а с внешней стороны стены располагались казармы стражников, хижины рабов, загоны для овец и коз и крестьянские постройки. Место было похоже на маленький городок, затерявшийся между высушенных солнцем холмов, где ничего не росло, кроме полыни, пожелтевших и жестких пучков травы и верблюжьей колючки. Его было видно издали. Даже если посмотреть наверх с восточных долин, можно было увидеть золотую крышу Храма Богов-Близнецов, которая сверкала у подножия гор подобно слюде в каменной глыбе.

Сам храм был сложен из камня и окрашен в белый цвет. Окон в нем не было. Маленькая дверь выходила на низкое крыльцо. Чуть ниже располагался храм Короля-бога. Он был построен на несколько веков позже и выглядел более броско. Этот храм украшали высокий портик и ряд толстых белых колонн с раскрашенными капителями. Каждая колонна была сделана из целого кедрового ствола. Кедр привозили на кораблях из Хут-ат-Хура, где много лесов, а потом двадцать рабов волоком перетаскивали стволы по голой равнине

к Месту. Путешественник, приближавшийся с востока, сначала видел золотую крышу и раскрашенные колонны храма, и только после этого на склоне холма его взору представал огромный и приземистый Тронный Зал, желто-коричневый, как сама пустыня, с залатанными стенами и приплюснутым полуобвалившимся куполом.

За Тронным Залом и вокруг всей вершины холма проходила массивная каменная стена, сложенная из глыб, не скрепленных строительным раствором. Кое-где стена обвалилась. На пространстве, окруженном стеной, как огромные пальцы, торчали из земли несколько черных камней высотой восемнадцать или двадцать футов. Заметив эти камни, путешественник уже не мог оторвать от них глаз. Они были исполнены особого, невыразимого смысла. Всего камней было девять. Один стоял вертикально, два других упали на землю, остальные наклонились. Они поросли серым и рыжим лишайником, и казалось, что забрызганы краской. Только один камень имел гладкую поверхность и тускло поблескивал. А на остальных под слоем лишайника можно было различить полустершиеся фигуры и знаки, вырезанные на камне. Эти девять камней и были Могилы Атуана. Рассказывали, что эти камни стоят там с тех времен, когда появились первые люди и сам Архипелаг. Они были установлены в темноте, когда земля поднялась из глубин океана. Они были старше Королей-богов Каргада, старше Богов-Близнецов, старше, чем дневной свет. Это были могилы тех, кто правил миром до появления людей, могилы Безымянных Властелинов. И та, что служила им, тоже не имела имени.

Ара нечасто приходила сюда, а кроме нее никто не ступал на землю, где стояли камни, никто не ходил по вершине холма за Тронным Залом. Два раза в год, в полнолуние, ближайшее к весеннему и осеннему равноденствию, перед Троном совершалось жертвоприношение. Тогда она выходила из низкой задней двери Зала, неся в руках огромную медную чашу, полную дымящейся козьей крови. Половину этой крови она выливала к подножию стоящего черного камня, половину — на один из упавших камней.

Иногда Ара приходила сюда рано утром и бродила среди камней, пытаясь разобрать знаки, вырезанные на их поверхности. В косых лучах утреннего солнца рисунки и надписи на камнях были видны более четко. А порой она садилась на стену и смотрела на горы на западе или вниз на крыши и стены Места. Она видела, как просыпалось селение вокруг Большого Дома, как выходили стражники из бараков, а стада овец и коз направлялись на просторные пастбища у реки. Делать около камней было нечего. Девушка приходила сюда только потому, что ей это разрешалось и потому, что она была здесь одна. Мрачное это было место. Даже летом в полуденную жару здесь веяло прохладой. Иногда между двумя камнями, склонившимися друг к другу, тихо свистел ветер. И тогда казалось, будто камни шепчутся, поверяют друг другу свои секреты. Но они не выдавали своих тайн.

От Могильной Стены ответвлялась другая каменная стена, более низкая. Она огибала Холм длинным неправильным полукругом,

а дальше тянулась на север, к реке. Стена не столько защищала Место, сколько разделяла его на две части. По одну сторону стояли храмы и дома для жриц и служителей, по другую — жилища стражников и рабов, которые работали на фермах, пасли скот и снабжали Место продуктами. Никто из них никогда не заходил за стену. Лишь во время особо важных священных праздников стражники, барабанщики и музыканты, игравшие на рожке, сопровождали процессию жриц, но только до портала. Другие мужчины тоже не заходили за стену, окружающую Место. Когда-то сюда приходили пилигримы, короли и вожди племен из Четырех Земель, чтобы поклониться святыням. Первый Король-бог был здесь полтора века назад, чтобы установить обряды в своем собственном храме. Но даже он не мог подойти к Могильным Камням. Даже ему пришлось довольствоваться ужином и ночлегом за пределами стены вокруг Места.

Камни в стене частично выпали, образовав углубления, и по ним на стену было легко вскарабкаться. Однажды теплым весенним днем Съеденная и девочка по имени Пенте сидели на стене, свесив ноги наружу. Им было по двенадцать лет. В этот час им полагалось находиться в ткацкой мастерской Большого Дома, огромной комнате с каменными стенами, где на больших станах всегда были натянуты нити черной шерсти, из которых девочки ткали ткань для хитонов. Они отпросились на минутку, чтобы попить воды из колодца, а потом Ара сказала: «Бежим!» и потянула свою подругу по склону холма к стене, туда, где их не было видно из Большого Дома. И вот они сидели на стене на высоте десяти футов, болтая босыми ногами. Под ними расстилалась гладкая равнина.

— Мне бы хотелось увидеть море, — сказала Пенте.

— Зачем? — спросила Ара, пожевывая горькую травинку, сорванную на стене.

Цветение растений на этой скудной земле только что закончилось. Все маленькие цветы пустыни, желтые, розовые и белые, низкорослые и быстро отцветающие, роняли семена. Ветер повсюду разносил крошечные белые пушинки и зонтики, а причудливо выгнутые коробочки падали на землю. Единственными деревьями в округе были яблони. Под их зелеными ветками лежал толстый ковер бело-розовых лепестков. Все остальное, насколько хватало глаз, было окрашено от горизонта до горизонта в однообразный желто-коричневый цвет пустыни. Только склоны гор, где уже зацветала полынь, отливали синевой.

— Даже не знаю, зачем. Просто мне бы хотелось увидеть что-нибудь новое. Здесь всегда одно и то же. Никогда ничего не происходит.

— Все, что происходит в других местах, начинается здесь, — сказала Ара.

— Да, я знаю... Но мне бы хотелось увидеть, как это происходит!

Пенте улыбнулась. Это была девочка с мягким характером и приятной наружностью. Она потерла свои босые ноги о нагретые солнцем камни и немного погодя продолжала:

— Знаешь, когда я была маленькой, мы жили около моря. Наша деревня была сразу за дюнами, и мы часто ходили играть на берегу. Я помню, как однажды увидели на море целую флотилию. Мы побежали в деревню, сказали соседям, и все пришли посмотреть. Корабли были похожи на драконов с красными крыльями. У некоторых на носу красовались головы дракона. Они плыли мимо Атуана, но это были не каргские корабли. Они пришли с запада, из Внутренних Земель, так сказал вождь. Все жители пришли посмотреть на них. Мне кажется, они боялись, что корабли могут причалить. Но они просто проплывали мимо, и никто не знал, куда и зачем они плывут. Может быть, они шли войной на Карего-Ат. Представляешь, они приплыли с островов, где живут колдуны. Там у всех людей кожа цвета глины, и им ничего не стоит заколдовать тебя.

— Нет уж, со мной у них ничего не выйдет,— горячо возразила Ара.— Я их не боюсь. Проклятые мерзкие колдуны! Как они смеют приближаться к Святой Земле?!

— Ну ничего, надеюсь, в один прекрасный день Король-бог завоюет их и продаст в рабство. Но мне очень хочется снова увидеть море. На берегу после прилива оставались лужи, и там иногда можно было найти маленьких осьминогов. Если им крикнуть «ух!», они становятся белыми. Вон идет этот старый Манан. Тебя ищет...

Опекун и слуга Ары медленно шел вдоль внутренней стороны стены. Иногда он нагибался и выдергивал большой пучок дикого лука, потом выпрямлялся, неловко держа его в руке, и смотрел по сторонам своими маленькими тусклыми глазками. За последние годы он растолстел, его лоснящаяся желтая кожа блестела на солнце.

— Прыгай на ту сторону,— прошептала Ара, и обе соскользнули вниз, как ящерицы, и прижались к стене, так что их не было видно с внутренней стороны.

Они услышали медленные шаги Манана.

— Ау! Ау! Картофельный нос! — пропела Ара голосом тихим, как шелест травы на ветру.

Тяжелые шаги прекратились.

— Эй! — произнес неуверенный голос.— Маленькая? Ара?

Тишина.

Манан побрел дальше.

— Ау! Картофельный нос!

— Ау! Толстое пузо! — шепотом вторила ей Пенте.

Ее душил смех.

— Есть здесь кто-нибудь?

Тишина.

— Ну, ладно, ладно,— вздохнул евнух, и его медленные шаги стали удаляться. Когда он скрылся из виду, девочки опять вскарабкались на стену. Пенте покраснела от жары и смеха. Но у Ары вид был свирепый.

— Этот глупый старый баран везде за мной ходит!

— Это его обязанность,— рассудительно сказала Пенте,— это его работа. Он должен заботиться о тебе.

— Обо мне заботятся те, кому я служу. Я угождаю им, и больше никому угождать не должна. А эти старухи и полумужчины, пусть они оставят меня в покое. Я — Главная Жрица!

Пенте внимательно посмотрела на свою собеседницу.

— Да,— тихо сказала она,— да я знаю, Ара...

— Пусть оставят меня в покое. Нечего все время делать мне замечания.

Пенте ничего не ответила, только вздохнула. Она сидела, болтая своими пухлыми ножками, и смотрела вниз на необъятную высушенную солнцем долину, которая медленно поднималась к неясному далекому горизонту.

— Знаешь что, очень скоро ты сама будешь делать замечания и приказывать,— наконец сказала она тихим голосом.— Еще два года, и мы уже не будем детьми. Нам исполнится по четырнадцать лет. Я буду служить в храме Короля-бога и для меня мало что изменится. Но ты к тому времени уже станешь Верховной Жрицей. Даже Коссил и Тар вынуждены будут тебе повиноваться.

Съеденная ничего не сказала. Она нахмурилась. В ее глазах под темными бровями отразилось бледное небо.

— Нам пора возвращаться,— сказала Пенте.

— Нет.

— Но учительница может пожаловаться Тар. И потом, скоро наступит время Девяти Песен.

— Я останусь здесь. И ты тоже оставайся.

— Тебя они не могут наказать, а меня накажут,— мягко ответила Пенте.

Ара промолчала. Пенте вздохнула, но продолжала сидеть. Солнце скрылось за облаками. Издалека со склона доносилось тихое звяканье овечьих колокольчиков и блеянье ягнят. Порывистый и сухой весенний ветер приносил дурманивший аромат трав.

Когда девочки вернулись, Девять Песен уже почти закончились. Меббет видела, как они сидели на Стене Мужчин, и доложила своей начальнице Коссил, Верховной Жрице Короля-бога.

Коссил подошла к ним, тяжело ступая. Лицо ее было мрачно, но спокойно. Ровным голосом велела девочкам следовать за собой. Она провела их по каменным коридорам Большого Дома, а затем они вышли через парадный вход и направились вверх по склону холма к Храму Атуа и Улуа. Здесь она о чем-то поговорила с Верховной Жрицей Тар, длинной и сухой, как оленья нога.

Коссил сказала Пенте:

— Сними свой хитон.

Они высекли Пенте пучком тростника, от чего на спине у девочки выступили тонкие полоски крови. Пенте терпела молча, и только по щекам ее текли слезы. Ее отправили назад в ткацкую мастерскую без ужина, на следующий день ей тоже не дадут еды.

— Если мы узнаем, что ты опять перелезала Стену Мужчин,— сказала Коссил,— то в следующий раз ты так легко не отделаешься. Ты поняла, Пенте? — Коссил говорила тихо, но в ее голосе звучали недобрые нотки. Пенте сказала: «Да» и выскользнула из

комнаты, вздрагивая всякий раз, когда грубая ткань касалась рубцов на спине.

Ара стояла рядом с Тар, когда секли Пенте. Теперь она смотрела, как Коссил приводит в порядок розги.

Тар сказала ей:

— Тебе не подобает лазить по стенам и бегать где попало с другими девочками. Ты ведь Ара!

На секунду девочка подняла глаза и посмотрела сначала в лицо Тар, а потом в лицо Коссил. Глаза сверкали таким гневом, что ее взгляд трудно было выдержать. Но тощая жрица оставалась невозмутимой. Более того, она слегка наклонилась вперед и сказала почти шепотом:

— Ведь ты Ара! У тебя ничего не осталось. Все съедено.

— Все съедено,— покорно повторила девочка. Эту фразу она повторяла каждый день с тех пор, как ей исполнилось шесть лет.

Тар слегка наклонила голову. Коссил убрала розги и тоже поклонилась. Девочка не ответила на их поклоны. Она повернулась и вышла из комнаты.

На ужин была картошка с весенним луком. В узкой и темной трапезной никто не разговаривал. Ужину предшествовало пение вечерних гимнов, начертание на дверях священных слов и краткий Ритуал Молчания. На этом дневные дела заканчивались. Теперь девочки могли пойти в спальную комнату и при слабом свете свечи поиграть в кости или палочки, а потом пошепаться в темноте. Ара же, как всегда, отправилась на другой конец Места в Малый Дом, где жила одна.

Ночной ветерок принес запах цветов. На небе горело множество ярких звезд. Они были разбросаны по небу, как ромашки по весеннему лугу, как солнечные блики на апрельском море. Но память девочки не сохранила воспоминаний ни о лугах, ни о море. Она даже не смотрела на небо.

— Эй, малышка!

— Манан,— равнодушно произнесла она.

К ней шаркая подошла огромная фигура и побрела рядом. На лысине Манана отражался свет звезд.

— Тебя наказали?

— Меня не могут наказать.

— Да... Не могут...

— Они не могут меня наказать. Не посмеют.

Ара видела перед собой неясные очертания его массивной фигуры. Большие руки висели, как плети. Она почувствовала горьковатый запах дикого лука и пота, исходящий от его поношенной одежды. Хитон был Манану короток и во многих местах порвался.

— Они не смеют до меня дотронуться. Я — Ара!

Ее звонкий голос задрожал от ярости. Она расплакалась.

Большие руки Манана с готовностью обняли ее. Он осторожно прижал ее к себе, пригладил заплетенные в косички волосы.

— Ну-ну, маленькая ягодка, маленькая девочка...

Она прижалась к Манану, слушая его хриплое бормотанье. Слезы высохли, но она по-прежнему держалась за него, как будто не могла стоять сама.

— Бедная малышка, — прошептал он, взял девочку на руки и понес к дому. У порога он опустил ее на землю.

— Все в порядке, малышка?

Она кивнула, повернулась к нему спиной и вошла в темный дом.

3. ПЛЕННИКИ

В коридоре Малого Дома послышались ровные неторопливые шаги Коссил. Ее высокая грузная фигура заполнила дверной проем. Жрица поклонилась, коснувшись одним коленом пола. Теперь она казалась меньше. Потом она выпрямилась в полный рост и приобрела прежние размеры.

— Госпожа...

— В чем дело, Коссил?

— До сих пор мне было поручено заниматься владениями Безымянных. Теперь моей госпоже пришло время ознакомиться с этими делами, кое-что увидеть и приступить к исполнению своих обязанностей, с которыми она пока что незнакома.

Разговор происходил в Малом Доме в комнате без окон. Со стороны казалось, что Ара предается размышлениям. Но на самом деле она ничего не делала и почти ни о чем не думала. Заученное, неподвижное и высокомерное выражение ее лица изменилось не сразу. Но полностью скрыть свои чувства Аре все же не удалось. Немного робко она спросила:

— Лабиринт?

— В Лабиринт мы не пойдем. Нам предстоит спуститься в Подземную Могилу.

В голосе Коссил послышались нотки страха, а, может быть, она просто притворялась, чтобы напугать Ару. Девочка не спеша поднялась и равнодушно сказала:

— Очень хорошо.

Но сердце ее ликовало. Она шла следом за грузной жрицей Короля-бога, повторяя про себя: «Наконец! Наконец! Наконец я увижу свои владения!»

Аре было пятнадцать лет. Она стала взрослой и одновременно приобрела в полном размере права Единственной Жрицы Могил Атуана, самой главной из всех верховных жриц Каргских Земель, жрицы, которая не подчинялась даже самому Королю-богу. Теперь все они преклоняли перед нею колено, даже суровые Тар и Коссил. Все обращались к Аре с особым почтением. Но в ее жизни ничего не изменилось. Все оставалось по-прежнему. Когда церемонии ее посвящения закончились, потянулись однообразные дни. Надо было снова прясть шерсть, ткать черную ткань, готовить пищу, соблюдать обряды. Каждый вечер девушки пели Девять Песен, освящали двери, два раза в год выливали на Камни козлиную кровь, танцевали перед Пустым Троном танцы темной стороны луны. Прошел целый

год, так похожий на предыдущие. А дальше? Неужели и все оставшиеся годы ее жизни будут похожи друг на друга, как две капли воды?

Порой ощущение скуки было таким сильным, что душило Ару, как страх. Недавно она дошла до того, что заговорила об этом вслух. Ей необходимо было выговориться. Она понимала, что иначе сойдет с ума. Девушка поговорила с Мананом. Гордость не позволяла ей открыться сверстницам, а осторожность удерживала от признания старшим женщинам. Но Манану можно было доверить все. Верный старый баран, какая разница, что она ему скажет? К ее удивлению, он дал ей обстоятельный ответ:

— Знаешь, малышка, — сказал он, — давным-давно, еще до того, как наши четыре острова объединились в Империю, всем нашим народом правил Король-бог. Было еще много других, менее важных королей, принцев и вождей. Они все время ссорились друг с другом и приезжали сюда, чтобы разрешить свои споры. Вот как это было: они приезжали из разных частей нашей земли — с Атуана, Карего-Ат, с Атнини, даже с Хур-ат-Хура. Вождей и принцев сопровождали слуги и воины. И они спрашивали тебя, что им делать. Ты подходила к Пустому Трону и сообщала им совет Безымянных. Но так было очень давно. Через некоторое время на всем Карего-Ат и на Атуане стали править Жрецы-Короли. А сейчас уже в течение четырех или пяти человеческих жизней на всех четырех островах правят Короли-боги. Они основали империю. Поэтому все переменялось. Король-бог может усмирить непокорных вождей и сам разрешает все споры. Видишь ли, поскольку он бог, ему незачем слишком часто просить совета у Безымянных.

Ара задумалась. Здесь, в пустыне под вечными Камнями, время текло незаметно. С течением столетий жизнь нисколько не переменялась. Она не привыкла к тому, что вещи могут меняться, что старое умирает, а новое рождается. Перемены были ей неприятны.

— Власть тех, кому я служу, гораздо сильнее власти Короля-бога, — сказала она, нахмурившись.

— Конечно... Конечно... Но только об этом богу не говорят, малышка. И его жрице тоже.

Она поймала взгляд его маленьких, темных, блестящих глазок и подумала о Коссил, Верховной Жрице Короля-бога, которую она не переставала бояться с тех пор, как впервые пришла в Место. Она поняла, что хотел сказать Манан.

— Но Король-бог и его люди забывают поклоняться Могилам. Туда никто не ходит.

— Зато он присылает сюда пленников для жертвоприношения. Об этом он не забывает. Помнит он и о дарах для Безымянных.

— О дарах! Каждый год его собственный храм покрывают свежим слоем краски. Алтарь там из чистого золота. В лампах жгут розовое масло! А посмотри на Тронный Зал: крыша дырявая, купол растрескался, в стенах живут крысы, совы и летучие мыши... И все же Пустой Трон переживет Короля-бога и всех королей, которые придут после

него. Тронный Зал уже стоял, когда их еще не было, и он останется, когда они уйдут. С него все началось!

— Да, с него все началось.

— Там огромные богатства. Тар мне иногда о них рассказывает. Там столько богатств, что ими можно засыпать храм Короля-бога вместе с крышей. Золото и древние трофеи накапливались там в течение жизни сотен поколений. Сокровища заперты в подземных хранилищах. Меня туда еще не водили. Я жду не дождусь, когда их увижу. Но я знаю, как устроены хранилища. Под Тронным Залом, под всем Местом, под нами находятся комнаты. Там много подземных ходов, целый лабиринт. Это огромный подземный город под горой. Там хранится золото, мечи древних героев, старые короны, кости. Подземелье хранит вековые тайны и тишину.

Она говорила, как бы впад в транс, глаза возбужденно горели. Манан внимательно смотрел на нее. Его дряблое лицо всегда выражало грустное безразличие, но сейчас оно было печальнее обычного.

— Да, и ты всему этому хозяйка,— сказал он,— хозяйка тишины и темноты.

— Да, хозяйка. Но они ничего не показывают, кроме комнат Тронного Зала, за Троном. Они даже не показали мне вход в подземное хранилище, только бормочут что-то невнятное. Они прячут от меня мои владения! Почему они заставляют меня так долго ждать?

— Ты еще очень молода. А может быть,— сказал Манан своим скрипучим голосом,— может быть, они боятся, малышка. Ведь это не их владения, а твои. Если они входят в подземелье, они подвергают себя опасности. Нет ни одного смертного, который бы не боялся Безымянных.

Ара ничего не сказала, но глаза ее сверкнули. Снова Манан заставил ее посмотреть на вещи с другой стороны. Тар и Коссил всегда казались ей такими грозными, невозмутимыми и сильными, что ей и в голову не приходило, что они могут чего-то бояться. И все же Манан был прав. Владения Ары, а также ее власть внушали им страх. Им страшно было спускаться в темное подземелье. Они боялись быть съеденными.

И вот теперь, когда Ара и Коссил спускались по ступенькам Малого Дома, а потом поднимались вверх по извилистой тропинке, ведущей к Тронному Залу, она вспомнила этот разговор с Мананом и радовалась про себя. Она не испугается, куда бы ее ни повели, что бы ей ни показали. Она знает, как ей себя вести.

Коссил шла по дорожке следом за ней.

— Одной из обязанностей моей госпожи, как ей известно,— сказала она,— является принесение в жертву пленников, преступников высокого происхождения, которые путем святотатства или предательства согрешили против нашего господина, Короля-бога.

— Или против Безымянных,— сказала Ара.

— Совершенно верно. Конечно, пока Съеденная была еще ребенком, ей не подобало выполнять самой эту обязанность. Но моя госпожа уже не ребенок. В Комнате с Цепями сидят пленники. Наш господин Король-бог, прислал их из Ауабата месяц тому назад.

— Я не знала о прибытии пленников. Почему мне не сказали?

— Пленников приводят ночью, тайно. Так предписывают законы Могил. Если моя госпожа пойдет по тропинке вдоль стены, она увидит потайной ход.

Ара свернула с дорожки и пошла вдоль стены, окружавшей Могилы. Стена была сложена из огромных каменных глыб. Даже самая маленькая из них весила больше человека, а большие были размером с телегу. Камни имели неправильную форму, но плотно прилегали друг к другу. Местами стена обвалилась, и здесь камни лежали бесформенной кучей. Причиной таких разрушений могло быть только время, многие века знойных дней и холодных ночей пустыни и незаметные для глаза движения самих гор.

— Через Могильную Стену перелезть ничего не стоит,— сказала Ара, когда они шли вдоль Стены.

— У нас недостаточно мужчин для того, чтобы ее перестроить,— ответила Коссил.

— Но у нас достаточно мужчин, чтобы ее охранять.

— Это всего лишь рабы. Им нельзя доверять.

— Им можно доверять. Надо только припугнуть их как следует. Пусть они понесут такое же наказание, что и чужой, которого они пропустят на священную землю за Стеной.

— А какое это наказание?

Коссил спрашивала не затем, чтобы узнать ответ. Она давным-давно научила Ару отвечать на этот вопрос.

— Им отрубят голову перед Троном.

— Значит, моя госпожа желает поставить охрану вдоль Могильной Стены?

— Да,— ответила девочка.

Ее пальцы, скрытые длинными черными рукавами, сжались от радости. Она знала, что Коссил не хочет отдавать ни одного раба для охраны стены. По правде говоря, это было совершенно бессмысленно. Кому придет в голову приблизиться к Могилам? Навряд ли кто-нибудь случайно или умышленно подойдет к Месту незамеченным даже на расстояние мили. И наверняка уж ему не удастся проникнуть к Могилам. Но охрана будет данью уважения Могилам. И Коссил нечего было возразить, она вынуждена будет подчиниться Аре.

— Здесь,— произнес холодный голос Коссил.

Ара остановилась. Ей часто доводилось ходить по этой тропинке вокруг Стены, и она знала ее, как свои пять пальцев. Здесь каждый камень, каждая колючка, каждый лист чертополоха были ей знакомы. Слева каменная стена была в три раза выше ее собственного роста. Справа холм уступами спускался к высушенной солнцем долине, которая заканчивалась у подножья гор на западе. Она еще раз огляделась, но не заметила ничего такого, чего бы не видела раньше.

— Под красными камнями, госпожа.

Чуть ниже, на склоне холма, виднелась красная лава, застывшая в виде небольшого уступа. Ара спустилась и повернулась к уступу

лицом. Вдруг она поняла, что перед ней грубая каменная дверь высотой в четыре фута.

— Что надо делать?

За годы жизни в этих священных местах она узнала: бесполезно пытаться открыть дверь, если не знаешь, как она открывается.

— У моей госпожи есть все ключи к темным местам.

Со времени церемонии по случаю ее совершеннолетия Ара носила на поясе железное кольцо, на котором висел маленький кинжал и тринадцать ключей. Некоторые из них были длинными и тяжелыми, а некоторые — маленькими, как рыболовные крючки. Она взяла кольцо в руки и разложила ключи на ладони.

— Этот,— сказала Коссил, указав на один из них, а потом положила свой толстый указательный палец на щель между двумя ноздреватыми поверхностями красных каменных глыб.

Длинный ключ с замысловато вырезанной бородкой вошел в щель. Ара взялась за него обеими руками и повернула влево. Ключ повернулся не сразу, но легко.

— А теперь?

— Вместе...

Они обе уперлись руками в каменную поверхность слева от замочной скважины. Тяжело, но беспрепятственно и бесшумно неровная каменная глыба сдвинулась внутрь, так что открылась узкая щель. За ней была темнота.

Ара нагнулась и вошла.

Грузная Коссил, закутанная в одежды, еле протиснулась в узкое отверстие. Оказавшись внутри, она с силой толкнула дверь, и отверстие закрылось.

Стало совершенно темно. Огня у них не было. Казалось, темнота давит на глаза, как мокрый бархат.

Они стояли, согнувшись в три погибели. Пещера была не больше четырех футов в высоту и такая узкая, что Ара, двигаясь наощупь, одновременно касалась сырого камня и справа и слева.

— Ты взяла с собой огонь?— прошептала она тихо, как шепчут в темноте.

— Нет, я не принесла огня,— ответила Коссил откуда-то сзади.

Коссил тоже говорила шепотом, но как-то странно, как будто она улыбалась. Это удивило Ару: ведь Коссил не улыбалась никогда. Сердце Ары учащенно забилося, кровь стучала у нее в горле. Она яростно сказала себе: «Это мои владения, все здесь мое! Я не буду бояться!»

Но вслух девушка ничего не сказала. Она пошла вперед. Путь был только один: в глубь горы и вниз.

Коссил шла следом, тяжело дыша. Ее одежда волочилась по земле и цеплялась за камни.

Вдруг потолок резко поднялся. Теперь Ара могла распрямиться. Она вытянула руки в стороны, но стен не почувствовала. Ее лицо вместо спертого воздуха, пропахшего землей, ощутило сырой холод. В воздухе чувствовалось легкое движение, поэтому она поняла, что находится в просторном помещении. Ара сделала несколько осторож-

ных шагов вперед, в непроглядную тьму. Камешек, проскользнувший под подошвой ее сандалии, задел другой камешек. Этому слабому звуку ответило многократное эхо, сначала близко, а потом все дальше и дальше. По-видимому, пещера была очень велика, но она не была пустой: неизвестные предметы в темноте, невидимые поверхности этих предметов, перегородки разбивали эхо на тысячи мельчайших звуков.

— Сейчас мы наверное где-то под Камнями,— шепотом сказала девочка. Голос ее устремился в черную пустоту, и звук рассыпался на отдельные нити, тонкие, как паутина. В пещере еще долго слышались отголоски ее шепота.

— Да. Это подземная часть Могилы. Иди вперед. Мне нельзя здесь оставаться. Иди вдоль стены. Поверни налево. Пропусти три коридора.

Косил говорила свистящим шепотом, и его эхо распадалось на более слабые шипящие звуки. Девочке было страшно, но-настоящему страшно. Ей не нравилось здесь, среди Безымянных, в их Могиле, в их темной пещере. Она была здесь чужая. Ей вдруг захотелось отсюда уйти.

— Я приду сюда с факелом,— сказала Ара, на ощупь пробираясь вдоль стены пещеры. Она не переставала удивляться странной форме поверхности стены. Здесь были выемки, выступы, тонкие изгибы и углы. Кое-где они были шершавыми, как кружево, кое-где гладкими, как полированная медь. Несомненно, это была резьба. Может быть, вся пещера была делом рук древних мастеров.

— Здесь запрещено зажигать огонь,— отрывисто прошептала Косил.

Но даже без ее слов Ара понимала это. Это был самый центр тьмы, здесь царила вечная ночь.

Три раза ее пальцы ощутили пустоту в сложных переплетениях невидимых каменных стен. Найдя в четвертой отверстии, она проверила его высоту и ширину и вошла. Косил — следом за ней.

В этом тоннеле, который снова понемногу поднимался вверх, они пропустили один ход слева, а потом на развилке повернули направо. Им приходилось непрерывно скользить руками по стенам тоннеля, чтобы не пропустить какой-нибудь ход или ответвление, по которым они ориентировались. Их проводниками были только собственные пальцы. Они не видели дороги, они двигались на ощупь.

— Это Большой Лабиринт?

— Нет, это Малый Лабиринт. Тот, что под Троном.

— А где находится вход в Большой Лабиринт?

Эта игра в темноте начинала нравиться Аре. Теперь она хотела решить более трудную задачу.

— Второй ход, который мы прошли в Подземной Могиле. Поищи справа дверь, деревянную дверь. Может быть, мы ее уже пропустили...

Ара услышала, как руки Косил неловко шарят по стене, скребут ногтями по камням. Девушка легко коснулась стены кончиками пальцев и тут же почувствовала гладкие деревянные доски. Ара толкнула

дверь. Она скрипнула и отворилась. Свет ослепил Ару, и минуту она ничего не видела.

Они вошли в большую комнату с низким потолком. Стены были выложены каменными плитами. С потолка на цепи свисал дымящийся факел. Выхода для дыма не было. Отвратительно воняло сажей. Глаза щипало, по щекам потекли слезы.

— Где пленники?

— Вон там.

Наконец она поняла, что три непонятные кучи в дальнем углу комнаты на самом деле люди.

— Дверь не заперта. А почему здесь нет охраны?

— Охрана не нужна.

Она нерешительно подошла немного ближе, напряженно вглядываясь в дымный полумрак. Пленники были прикованы к огромным кольцам, вмурованным в стену, за два локтя и одно запястье. Если пленник хотел лечь, его прикованная рука оставалась поднятой, свисая с оков. Их спутанные волосы и бороды сливались с тенями и закрывали лица. Один из них полулежал, двое других сидели на корточках. Одежды на пленниках не было. Исходившее из них злобное было даже сильнее запаха дыма.

Аре показалось, будто один пленник наблюдает за ней. Она увидела его сверкнувшие глаза. Но скорее всего это была игра воображения. Остальные не пошевелились и не подняли голов.

Она отвернулась.

— Это уже не люди,— сказала она.

— Они и не были никогда людьми. Это демоны, духи зверей, которые покушались на священную жизнь Короля-бога.

Глаза Коссил блеснули в красноватом свете факела.

Ара снова посмотрела на пленников. Ее наполняли ужас и любопытство.

— Как мог человек покушаться на бога? Как это могло произойти? Вы, как вы осмелились покушаться на живого бога?

Один из пленников взглянул на нее сквозь черные пряди спутанных волос, но ничего не сказал.

— Им отрезали языки перед тем, как отправить сюда,— сказала Коссил.— Не разговаривай с ними, госпожа. Это грязное отребье. Они твои, но ты не должна разговаривать с ними. Не смотри на них, не думай о них. Они твои, и ты должна отдать их Безымяным.

— Каким образом принести их в жертву?

Ара больше не смотрела в сторону пленников. Теперь она стояла лицом к Коссил, внушительная фигура и ровный голос которой придавали девушке сил и уверенности. От удушливого запаха у нее кружилась голова, к горлу подкатывала тошнота. Но со стороны она казалась совершенно спокойной. Разве ей уже не приходилось делать это много раз?

— Жрице Могил лучше знать, какой способ смерти больше понравится Повелителям. Ей и выбирать этот способ. К счастью, способов достаточно.

— Пусть Гобар, капитан стражи, отрубит им головы. А кровь надо вылить перед Троном.

— Как-будто это заклятие козлов?

Коссил словно насмехалась над ней из-за отсутствия воображения. Ара замерла. Коссил продолжала:

— Кроме того, Гобар мужчина. Ни один мужчина не может входить в Темные Подземелья Могил. Моя госпожа, несомненно, помнит об этом. Если он войдет сюда, то уже не выйдет...

— Кто привел их сюда? Кто дает им пищу?

— Служители моего храма Дьюби и Уато. Они евнухи и могут входить сюда для служения Безымянным, как и я. Солдаты Короля-бога оставили пленников связанными по ту сторону стены, а я и служители привели их в подземелье через Дверь Пленников, дверь в красной скале. Так делают всегда. Еду и пищу спускают через люк в одной из комнат за Троном.

Ара подняла глаза и увидела на потолке деревянный квадрат около цепи, на которой висел факел. Люк был слишком мал для человека, но свисающая оттуда веревка опускалась туда, где ее конец мог достать средний из трех пленников. Она снова отвернулась.

— Пусть им больше не дают воды и пищи. И когда догорит факел, пусть его больше не зажигают.

Коссил поклонилась.

— А тела, когда они умрут?

— Пусть Дьюби и Уато похоронят их в большой пещере, через которую мы проходили, в Подземной Могиле,— быстро сказала девушка, голос ее зазвенел.— Они должны это сделать в темноте. Мои Повелители съедят их тела.

— Приказание будет выполнено.

— Все правильно, Коссил?

— Все правильно, госпожа.

— Тогда пойдем,— резко сказала Ара.

Она повернулась к двери и быстро вышла из Комнаты с Цепями в черный тоннель. Здесь было тихо и темно, как в беззвездную ночь, когда не видно ни света, ни тени, ни жизни. Она нырнула в эту чистую темноту и пошла по тоннелю, рассекая ее, как пловец рассекает воду. Коссил спешила следом, спотыкаясь и тяжело дыша. Она все больше и больше отставала. Ара уверенно повторила их путь по лабиринту, пробралась через Подземную Могилу, где ее шагам вторило эхо, и наконец, согнувшись, протиснулась в последний длинный туннель, ведущий к закрытой каменной двери. Здесь она нагнулась и стала искать на кольце у пояса длинный ключ. Нашла его, но теперь не могла найти замочную скважину, крошечную точку света на невидимой стене. Ее пальцы заскользили по каменной поверхности, пытаясь нащупать замок, задвижку или ручку, но ничего не находили. Куда же вставить ключ? Как выбраться отсюда?

— Госпожа!

Эхо усилило зловещий голос Коссил.

— Госпожа, эта дверь изнутри не открывается. Здесь нельзя выйти, можно только войти.

Ара прижалась к каменной стене. Она не могла вымолвить ни слова.

— Ара!

— Я здесь.

— Иди сюда.

На четвереньках, как собака, она поползла по узкому проходу, пока не уткнулась в юбки Коссил.

— Направо. Скорее! Мне нельзя здесь оставаться. Иди за мной.

Ара встала, хватаясь за одежду Коссил. Они долго шли вдоль правой стены пещеры, касаясь пальцами причудливой резьбы, а затем повернули в черный проем. Теперь они поднимались вверх по тоннелям и лестницам. Ара шла с закрытыми глазами, по-прежнему держась за одежду Коссил.

Вдруг она почувствовала, что сквозь закрытые веки просвечивает что-то красное. Свет! Она подумала, что они, наверное, снова пришли в комнату с дымящимся факелом, и поэтому не открыла глаз. Но воздух был сухой, а сладковатый запах показался Аре знакомым. Лестница круто поднималась вверх. Девушка отпустила хитон Коссил и открыла глаза. Над ее головой светилось отверстие открытого люка. Вслед за Коссил она выбралась наружу и оказалась в знакомой комнате с каменными стенами. Это была одна из многочисленных комнат за Троном. Там стояло несколько сундуков и железных ящиков. За дверью в коридоре слабо брезжил серый дневной свет.

— Другая дверь, Дверь Пленников, ведет только в тоннели. Она не открывается наружу. Выход только здесь. Если есть где-нибудь еще один выход, то мне ничего об этом не известно. Но я думаю, другого выхода нет.

Коссил по-прежнему говорила тихо. В ее голосе звучала необъяснимая злоба. Бледное тяжелое лицо под черным капюшоном было покрыто потом.

— Я не запомнила дорогу сюда.

— Я напому тебе повороты. Но только один раз. Ты должна запомнить их. В следующий раз я с тобой не пойду. Мне нельзя туда ходить. Тебе придется идти одной.

Девушка кивнула. Она посмотрела в лицо Коссил. Каким странным оно ей показалось! Коссил едва скрывала страх, но тем не менее выражение ее бледного лица было явно торжествующим, как будто Коссил радовалась слабости Ары.

— Теперь я буду ходить туда одна, — сказала Ара и попыталась отвернуться от Коссил. Она почувствовала, что ноги не держат ее, комната поплыла перед глазами. Без сознания девушка упала у ног жрицы, как маленькая охапка черной одежды.

— Ничего, привыкнешь, — сказала Коссил, все еще тяжело дыша. Она не двинулась с места. — Привыкнешь...

4. СНЫ И ЛЕГЕНДЫ

Ара болела несколько дней. Ее лечили от лихорадки. Она лежала в постели или сидела на крыльце Малого Дома, греясь под мягкими лучами осеннего солнца, и смотрела на горы на западе. Она чувство-

вала слабость и пустоту. В голову снова и снова приходила одна и та же мысль. Девушке было стыдно, что она упала в обморок. У Могильной Стены никакой стражи не поставили, но теперь она никогда не осмелится просить об этом Коссил. Она вообще не хочет видеть Коссил, никогда. Ей было стыдно, что она упала в обморок.

Часто, сидя на солнышке, она раздумывала, как будет вести себя, когда снова спустится в подземелье под горой. Много раз она думала над тем, какую казнь назначит следующей группе пленников, более изощренную, более подходящую для обычаев Пустого Трона.

Каждую ночь она просыпалась от собственного крика:

— Они еще не умерли! Они еще умирают!

Аре часто снились сны. Ей снилось, что она должна приготовить пищу, наварить огромные котлы вкусной каши и вылить кашу в отверстие в земле. Ей снилось, что она должна отнести полную чашу с водой, глубокую медную чашу, кому-то, кто сидел в темноте и хотел пить. Но она никак не могла дойти до этого человека. Она просыпалась, изнемогая от жажды, но не поднималась и не шла за водой. Она лежала на спине с открытыми глазами, устремив неподвижный взгляд в темноту.

Однажды утром к ней зашла Пенте. Ара увидела с крыльца, как она подходит к Малому Дому с беззаботным и беспечным видом, как будто случайно забрела сюда. Если бы Ара не заговорила с ней, она бы не поднялась на крыльцо. Но Ара скучала, поэтому окликнула Пенте.

Пенте низко поклонилась: так делал каждый, кто приближался к Жрице Могил, а потом плюхнулась на ступеньки у ног Ары и произнесла что-то вроде «уф!» Она очень выросла и потолстела. От любого движения на щеках вспыхивал яркий румянец. Сейчас она разругалась от ходьбы.

— Я слышала, ты заболела. Я припрятала для тебя несколько яблок.

Тут она вытащила откуда-то из складок просторного черного хитона тростниковую сетку, в которой лежало шесть или восемь чудесных золотистых яблок. Пенте уже прошла церемонию посвящения и теперь служила в храме Короля-бога под началом Коссил. Но она еще не стала жрицей и по-прежнему выполняла все обязанности наравне с новичками.

— Мы с Поппе разбирали яблоки, и я сберегла для тебя самые лучшие. Всегда сушат самые лучшие яблоки; конечно, они так лучше сохраняются, но все-таки жаль их сушить. Красивые, правда?

Ара потрогала гладкую бледно-желтую кожицу яблок, посмотрела на черенки, к которым все еще прижимались коричневые листочки.

— Красивые.

— Съешь яблоко, — сказала Пенте.

— Потом. Ты съешь.

Пенте из вежливости взяла самое маленькое яблоко и, ловко откусывая, с аппетитом съела сочный плод.

— Я бы могла есть целый день, — сказала она. — Никогда не наедаюсь. Жаль, что я жрица, а не повариха. Я бы готовила лучше,

чем эта старая скряга Натабба. А кроме того, можно бы было выли-
зывать горшки... Ой, а ты слышала про Мунит? Ей велели начистить
медные сосуды, в которых хранят розовое масло. Знаешь, такие
длинные, похожие на кувшины, только с пробкой. А она подумала,
что внутри тоже надо чистить, и засунула туда руку с тряпкой, а
вытащить не могла. Она так тянула руку, что у нее все запястье рас-
пухло и рука по-настоящему застряла в кувшине. Она бежала по
спальным комнатам и орала: «Я не могу его снять! Я не могу его
снять!» А Пунти, он уже совсем глухой, подумал, что начался пожар
и крикнул другим служителям, чтобы спасали новичков. Тем временем
Уато доил козу. Он выбежал из загона посмотреть, что случилось,
а ворота оставил открытыми. Тогда все козы выскочили на двор,
туда же, где были Пунти, служители и маленькие девочки. А Мунит
размахивала рукой с медным кувшином, и у нее случилась истерика.
В общем, когда Коссил вышла из храма, все они носились по двору.
Она сказала: «Что такое? Что такое?»

На круглом лице Пенте появилось выражение презрительной
насмешки, и, хотя она совсем не была похожа на Коссил, в эту
минуту сходство было настолько комичным, что Ара фыркнула от
еле сдерживаемого смеха.

«Что такое? Что такое?» — сказала Коссил. И тут коричневая
коза боднула ее... — Пенте задыхалась от смеха, из глаз ее ручьем
текли слезы. — А Мунит ударила... ударила козу кувшином...

Обе девочки раскачивались от смеха, обхватив себя за колени.

— А Коссил повернулась и сказала: «Что такое? Что такое?»...
коз... козе.

Конец рассказа утонул во взрывах хохота. Наконец Пенте вытерла
глаза и нос и рассеянно взяла другое яблоко.

От хохота Ара почувствовала легкую слабость. Немного придя
в себя, она спросила:

— Как ты попала сюда, Пенте?

— Я была шестой дочерью у отца с матерью, и они не в состоянии
были нас воспитать и выдать замуж. Поэтому когда мне исполнилось
семь лет, они привели меня в храм Короля-бога и отдали в ученицы.
Это было в Оссауе. Наверное, у них там оказалось слишком много
новичков, потому что в скором времени меня отправили сюда.
А, может быть, они считали, что из меня получится выдающаяся жри-
ца. Но как же они ошибались!

С видом притворного сожаления Пенте весело укусила яблоко.

— Ты что же, не хочешь стать жрицей?

— Не хочу? Конечно, не хочу! Я бы с большой охотой вышла
замуж за свинопаса или жила в канаве. Я бы делала все, что угодно,
лишь бы не оставаться похороненной заживо в компании несчастных
женщин в заброшенном старом храме, куда никогда никто не при-
ходит! Но все это пустые слова, потому что я теперь послушница
и мне от этого не уйти. Но я очень надеюсь, что в своей следующей
жизни я буду танцовщицей в Ауабате! Я это заслужила.

Ара пристально посмотрела на нее сверху вниз. Она не понимала
Пенте. Она поняла, что никогда раньше не видела такой Пенте —

веселой, жизнерадостной толстушки, сочной, как одно из этих прекрасных золотистых яблок.

— И что же, выходит, храм для тебя ничего не значит? — спросила она довольно строго.

Пенте, всегда покорная и уступчивая, нисколько не встревожилась.

— Я знаю, что твои Повелители очень много значат для тебя, — равнодушно сказала она. Ее безразличие потрясло Ару. — В твоём случае это не лишено смысла, потому что ты особая служительница. Ты не просто послушница, ты рождена для служения Безымянным. А я что? Могу ли я так же поклоняться Королю-богу? В конце концов он просто человек, хотя и живет в Ауабате, в огромном дворце с золотой крышей. Ему около пятидесяти лет. Он лысый. Я видела его статуи. Уверена, ему приходится стричь ногти, как и всякому другому человеку. Но я думаю, что после смерти он станет божественнее.

Кое в чем Ара была согласна с Пенте. В душе она считала Священных Императоров Каргада самонадеянными выскочками, фальшивыми богами, пытающимися присвоить себе честь славных Истинных и Вечных Повелителей. Но в словах Пенте было еще что-то, с чем она не могла согласиться, что-то незнакомое и пугающее. Ара не понимала, насколько люди отличаются друг от друга, насколько различны их взгляды на жизнь. У нее было такое чувство, будто она подняла глаза и неожиданно увидела за окном новую планету, населенную людьми, целый неведомый мир, в котором боги не играли никакой роли. Ее напугала глубина неверия Пенте. Но, несмотря на свой испуг, она высунулась из окна.

— Да, ты права. Мои Повелители умерли давным-давно, кроме того, они никогда не были людьми... Знаешь, Пенте, я могла бы взять тебя в служительницы Могил. — Она говорила доброжелательно, как бы предлагая подруге более удачный выбор.

Румянец побледнел на щеках Пенте.

— Да, — сказала она, — ты можешь это сделать. Но я не... У меня не очень хорошо получится...

— Почему?

— Я боюсь темноты, — тихо сказала Пенте.

Ара презрительно хмыкнула, но ей было приятно. Может быть, Пенте и не верила в богов, но она, как и все смертные, боялась Безымянных Властелинов Тьмы.

— Я и не стала бы делать этого против твоей воли.

Наступила долгая пауза.

— Ты все больше и больше становишься похожей на Тар, — тихо и мечтательно сказала Пенте. — Слава богу, что не на Коссил! Но ты такая сильная. Мне бы тоже хотелось быть сильной. А я просто люблю поесть...

— Ну, что же, ешь, — сказала Ара снисходительно и немного удивленно, а Пенте медленно и с аппетитом съела третье яблоко.

Два дня спустя необходимость выполнения бесконечных ритуалов Места заставила Ару покинуть свое уединенное жилище. Коза родила не в сезон двух козлят-близнецов, и их, согласно обычаю, надо было принести в жертву Богам-Близнецам. На этом важном обряде

требовалось присутствие Первой Жрицы. Затем наступило новолуние, и надо было совершать обряды в честь темноты перед Пустым Троном. Ара вдыхала дурманивший аромат трав, горящих на бронзовых блюдах перед Троном, и танцевала в черных одеждах в честь невидимых духов мертвых и неродившихся. Во время танца духи собирались вокруг нее и повторяли медленные и уверенные движения ее рук и ног. Она пела песни, слова которых не понимал ни один человек. Этим песням ее когда-то давно, слог за слогом, научила Тар. Хор жриц, скрытый в полумраке за двойным рядом огромных колонн, повторял за ней незнакомые слова. Воздух в огромном полуразрушенном здании гудел от множества голосов, как будто вызванные духи снова и снова повторяли заклинания.

Король-бог в Ауабате больше не присылал пленников в Место, и постепенно Аре перестали сниться те трое, давно мертвые и похороненные в огромной пещере под Могильными Камнями.

Ей потребовалось все ее мужество, чтобы вернуться в эту пещеру. Она должна была вернуться: Жрица Могил должна входить в свои владения без страха, должна хорошо знать все подземные ходы.

В первый раз люк открылся очень туго, но не так туго, как она думала. Ара хорошо подготовилась к этому путешествию. Она была полна решимости отправиться туда одна и была уверена, что сумеет побороть страх. Поэтому, спустившись в подземелье, даже немного расстроилась, увидев, что бояться нечего. Возможно, там и были могилы, но их не было видно. Там вообще ничего не было видно. Темно и тихо. Вот и все.

Девушка ходила туда каждый день и всегда спускалась через люк в комнате за Троном. Наконец она прекрасно изучила все подземные ходы, внутреннее устройство пещеры, ее странные резные стены, насколько это было возможно сделать, не видя их. Она никогда не отходила от стен. Стены были ее единственным ориентиром. Оказавшись в пустом пространстве, она потеряла бы направление, а вернувшись назад к стене, не знала бы, куда идти дальше. Еще в первый раз она усвоила, что в темноте самое главное — знать, какие повороты и отверстия ты уже прошел, а какие еще предстоит пройти. Повороты обязательно надо считать, потому что наощупь они все кажутся одинаковыми. У Ары была тренированная память, и этот необычный способ передвижения не вызывал у нее трудностей, хотя дорогу ей помогали находить пальцы и счет, а не зрение и здравый смысл. Скоро она выучила наизусть все ходы подземелья, Малого Лабиринта, расположенного под Тронным Залом и горой. Но был один коридор, в который она никогда не заходила, второй слева от входа через красную скалу. Если бы она вошла туда по ошибке, то, вполне вероятно, не нашла бы дороги назад. Ее желание войти туда и изучить Большой Лабиринт постоянно росло. Но Ара останавливала себя, решив, что сначала постарается разузнать все что можно у Тар и Коссил.

Тар знала о Большом Лабиринте очень мало: только названия некоторых комнат и как туда пройти: какие повороты пропускать и куда повернуть. Она рассказывала Аре устройство лабиринта, но

никогда не чертила его и даже не показывала направления рукой. Сама Тар никогда в Лабиринте не бывала, и ей никогда не приходилось пользоваться своими знаниями. Но когда Ара спрашивала ее: «Как пройти от открытой железной двери в Комнату с Картинами?» или «Куда надо свернуть, чтобы пройти от Комнаты Костей к тоннелю вдоль реки?», Тар задумывалась и, немного помолчав, давала девушке подробный ответ. Об устройстве Лабиринта она узнала когда-то давно от бывшей Ары. Тар объясняла, сколько поворотов надо пропустить, сколько раз повернуть налево и так далее. И все это Ара выучила наизусть, как когда-то Тар, порой даже с первого раза. По ночам, лежа в постели, она повторяла их про себя, пытаясь представить, как выглядят эти комнаты и повороты.

Тар показала Аре потайные отверстия, через которые можно было заглянуть в Лабиринт. Такие отверстия были в каждом здании и храме Места и даже среди камней под открытым небом. Сеть подземных ходов располагалась под всем Местом и даже выходила за его пределы. Там, в темном подземелье, переплетались целые мили тоннелей. Никто, кроме Ары, двух Верховных Жриц и их служителей, евнухов Манана, Уато и Дьюби, не подозревал о существовании лабиринта. Среди остальных людей ходили неопределенные слухи о каких-то пещерах и комнатах под Могильными Камнями, но Безымянными и их святынями никто особенно не интересовался. Возможно, люди считали, что чем меньше они знают, тем лучше. Конечно, Ара проявляла любопытство и, зная о потайных отверстиях, все время их искала. Но они были так искусно спрятаны в полу или между камнями среди пустыни, что ей ни разу не удалось найти хотя бы одно, даже в своем собственном доме, до тех пор пока Тар ей не показала.

Однажды ночью, в начале весны, Ара взяла лампу и, не зажигая ее, спустилась в подземелье. Она подошла ко второму коридору слева от входа через красную скалу.

Пройдя шагов тридцать в темноте, девушка наощупь нашла железную дверь. До сих пор она никогда не входила в эту дверь. Ара долго шла по тоннелю и, когда он наконец стал поворачивать вправо, зажгла свечу и огляделась. Здесь разрешалось зажигать свет. Сейчас она уже была не под Могилами. Это место считалось менее священным, но, пожалуй, более страшным. Она находилась в Большом Лабиринте.

В маленьком пространстве, освещенном свечой, Ара увидела пустые сырые стены, каменные своды и пол. Воздух был совершенно неподвижен. Впереди и позади туннель уходил в темноту.

Все коридоры были похожи друг на друга, как две капли воды. Девушка внимательно считала повороты и пропущенные ходы и снова повторяла про себя указания Тар, хотя прекрасно их помнила. Ей никак нельзя потеряться в Большом Лабиринте. В Могильных Подземельях и соседних с ними коротких проходах Коссил, Тар или Манан могли бы ее найти. Манана она водила туда несколько раз. Но здесь никто из них ни разу не был: Ара приходила сюда только одна. Если даже они спустятся в Подземелье и будут звать ее, ей это вряд ли поможет. Она заблудится в каком-нибудь сложном спле-

тении ходов в полумиле от них. Ара представила себе, как по всем коридорам разносится эхо зовущих ее голосов. Она бы попыталась идти на голос, но заблудилась бы еще хуже. Картина, нарисованная ее воображением, была такой яркой, что девушка остановилась. Ей показалось, что она слышит далекий голос. Но это была только игра воображения. В подземелье царила полная тишина. Но она не потеряется. Ара очень осторожна, и потом ведь это ее собственные владения. Силы тьмы, Безымяные, указывают ей путь. Это так же верно, как то, что они собьют с пути всякого смертного, который осмелится войти в Могильный Лабиринт.

В первый раз девушка прошла недалеко, но достаточно, чтобы в ней возникла странная, горькая и в то же время приятная уверенность в своем полном одиночестве и независимости. Это чувство заставляло ее возвращаться в Лабиринт, и каждый раз она заходила все дальше и дальше. Ара побывала в Комнате с Картинами, в Шести Переходах, прошла весь нескончаемый Дальний Тоннель, проникла в странные переплетающиеся коридоры, которые вели в Комнату Костей.

— Когда был построен Лабиринт? — спросила она у Тар.

И суровая худая жрица ответила:

— Я не знаю, госпожа. И никто не знает.

— А для чего его построили?

— Для того, чтобы спрятать сокровища Могил и наказать тех, кто попытается украсть эти сокровища.

— Все сокровища, что я видела, находятся в комнатах за Троном и в подвалах. А что же спрятано в Лабиринте?

— Там несметные богатства, гораздо более древние. Ты хочешь их увидеть?

— Да.

— Никто, кроме тебя, не может войти в Сокровищницу Гробницы. Ты можешь взять с собой слуг в Лабиринт, но не в Сокровищницу. Даже если Манан войдет туда, то проснется гнев Властелинов Тьмы, и ему уже не выйти живым из Лабиринта. Ты всегда должна ходить туда только одна. Я знаю, где спрятано Великое Сокровище. Пятнадцать лет назад, перед тем как ты умерла, ты рассказала мне дорогу, чтобы я запомнила ее и снова рассказала тебе, когда ты вернешься. Теперь я могу рассказать тебе, как найти дорогу в Лабиринте за Комнатой с Картинами. Ключ к Сокровищнице у тебя. Это серебряный ключ с драконом на черенке. Но ты должна идти одна.

— Расскажи мне дорогу.

Тар рассказала, и Ара запомнила, как запоминала все, что ей рассказывали. Но она не пошла сразу осматривать Великое Сокровище Гробницы. Ее удерживало какое-то необъяснимое чувство. Девушке казалось, что ей пока не хватает то ли сил, то ли знаний. А может быть, она просто хотела оставить кое-что про запас, чтобы ей было чего ждать, чтобы это сокровище отбрасывало сквозь тьму свет своего сияния на эти бесконечные туннели, которые всегда заканчивались голой стеной или пустой и пыльной ком-

натой. Она немного повременит, прежде чем отправиться к своим сокровищам.

В конце концов разве она уже не видела их в своей прошлой жизни?

Аре все еще было странно, когда Тар и Коссил говорили о вещах, которые она видела, или о том, что она сказала перед тем, как умерла. Она знала, что действительно умерла и вновь родилась в новом теле в час смерти ее старого тела. И это произошло не один раз, пятнадцать лет назад, пятьдесят лет назад и еще раньше. На протяжении лет и веков, в течение жизни многих поколений, с самого начала когда был построен Лабиринт и возведены Стены, Первая Жрица Безымянных жила в этом Месте и танцевала перед Пустым Троном. Их жизни и ее жизнь были одно целое. Она была Первой Жрицей. Все люди возрождаются вечно, но только она, Ара, после возрождения оставалась собой. Сотни раз она изучала ходы и повороты Лабиринта и наконец приходила в потайную комнату.

Иногда девушке казалось, что она вспоминает, что темные подземелья под горой ей знакомы так, будто это не только ее владения, но и ее дом. Когда она вдыхала аромат дымящихся трав, танцуя на празднике Новолуния, у нее кружилась голова, а тело растворялось в воздухе. Тогда Ара знала, что танцует так уже много веков, босиком и в черных одеждах, и что этот танец не остановится никогда.

И все же странно было слышать, когда Тар говорила:

— Ты сказала мне перед смертью...

Однажды она спросила:

— А кто были те люди, что приходили ограбить Гробницу? Разве кто-то пытался это сделать?

Предположение о грабителях показалось ей увлекательным, но маловероятным. Как они могли проникнуть в Место незамеченными? Пилигримов было мало, даже меньше, чем пленников. Время от времени из небольших храмов четырех островов присылали новичков или рабов. Иногда приходила маленькая группа людей. Они приносили в дар одному из храмов немного золота или какое-нибудь ценное благовоние. Вот и все. Случайно сюда не заходил никто. Никто не торговал, не осматривал исторические места, не воровал. Никто не приходил сюда без разрешения. Ара даже не знала, сколько миль до ближайшего города, двадцать или больше. А ближайший город был совсем маленьким. Место охраняли и защищали пустота и одиночество. Любой, кто пересекал пустыню, окружавшую его, имел не больше шансов пройти незамеченным, чем черная овца по снежному полю. Так думала Ара.

Однажды в бурную и холодную апрельскую ночь Ара, Тар и Коссил сидели у очага в комнате Коссил при храме Короля-бога. Теперь большую часть времени вне Малого Дома или подземелья Ара проводила с ними. Очаг топился маленькой охапкой соломы. В прихожей Манан и Дьюби играли в палочки. Эта игра заключалась в том, что кучку палочек подбрасывали в воздух и старались поймать как можно больше на тыльную сторону руки. Манан и Ара обычно играли в эту игру во внутреннем дворе Малого Дома, где

их никто не видел. Жрицы молчали. Тишину нарушал только звук падающих палочек, неясное бормотание по случаю выигрыша или проигрыша и тихое потрескивание огня в очаге. А стены окружала глубокая тишина ночной пустыни. Время от времени доносился шум ливня.

— Многие пытались ограбить Гробницу, но никому это не удалось, — сказала Тар.

Она была молчалива, но иной раз любила рассказать какую-нибудь историю. И часто обучение Ары происходило именно в такой форме. Похоже, что сегодня можно было вытянуть из нее что-нибудь интересное.

— Как же они осмелились?

— Да они вообще ничего не боялись, — сказала Коссил. — Это были колдуны, волшебники с Внутренних Островов. Все это произошло еще до того, как на Островах Каргад стали править Короли-боги. Тогда мы были не очень сильными. Волшебники приплыли на Карего-Ат и Атуан с запада. Они грабили города и фермы на побережье. Они даже приходили в священный город Ауабат. Колдуны говорили, что пришли убить дракона, но оставались и грабили города и храмы.

А их великие герои приходили к нам, чтобы испытать свои мечи и проверить силу своих нечестивых заклинаний. Один из них, могущественный волшебник и повелитель драконов, величайший из всех волшебников, приехал сюда предаваться скорби. Это было давно, очень давно, но легенду все еще помнят, и не только у нас. Волшебника звали Эррет-Акбе. На Западе он был одновременно и королем и волшебником. Он приплыл на нашу землю, и в Ауабате вокруг него сплотились некоторые мятежные вожди каргов. Они долго боролись за власть в городе с Верховным Жрецом Храма Богов-Близнецов. Чары волшебника противостояли молниям богов. В результате Храм был разрушен. В конце концов Верховный Жрец сломал волшебный посох, разломил на две части кольцо-амулет и победил Эррета-Акбе. Волшебнику удалось скрыться из города и убежать с каргских земель. И он бежал через весь Архипелаг на Запад, а там его убил дракон, потому что он утратил свою волшебную силу. С этого дня сила и могущество Внутренних Островов пошли на убыль. Верховного Жреца звали Интатин. Он был основателем династии Тарб, от которой по прошествии веков, после того как сбылись предсказания, повели свой род Жрецы-Короли Карего-Ат. А от них в свою очередь произошли Короли-боги всей Империи Каргад. Так вот, начиная с правления Интатина сила и богатство каргских земель стали возрастать. А кто приходил грабить могилы? Колдуны. Снова и снова они пытались завладеть и увезти с собой сломанный амулет Эррета-Акбе. Но он по-прежнему здесь, куда положил его Верховный Жрец. Здесь же лежат и их кости... И Тар указала на землю у них под ногами. — А другая половинка утеряна навсегда.

— Как она была утеряна?

— Интатин положил одну половину в Сокровищницу Гробницы, где она должна была храниться вечно. Вторая половина осталась в руке у колдуна. Но прежде чем уехать, он отдал ее одному из взбун-

товавшихся вождей по имени Торег из рода Хупун. Не знаю, зачем он это сделал.

— Чтобы возвысить Торега над остальными и посеять раздор и смуту,— сказала Коссил.— Так и случилось. Потомки Торега снова взбунтовались во времена правления династии Тарб, а потом снова взялись за оружие и выступили против первого Короля-бога. Они отказывались признать его как короля и как бога. Это был проклятый, заколдованный род. Сейчас ни одного из них не осталось в живых.

Тар кивнула.

— Отец нашего нынешнего Короля-бога, Господин Восходящее Солнце, истребил всю семью Хупуна и разрушил их дворцы. Во время этих событий та половинка амулета, которая хранилась у них со времен Эррета-Акбе и Интатина, была утеряна. Никто не знает, что с ней стало. С того времени прошел срок одной человеческой жизни.

— Наверняка выбросили вместе с мусором,— сказала Коссил.— Говорят, оно с виду совсем не похоже на драгоценное, это кольцо Эррета-Акбе. Проклятье ему и проклятье всем колдунам! — Коссил плюнула в огонь.

— Ты видела ту половинку, которая хранится здесь? — спросила Ара у Тар.

Тар покачала головой.

— Оно находится в той сокровищнице, куда никто не может заходить, кроме Единственной Жрицы. Вполне возможно, это величайшее из сокровищ Гробницы, Думаю, скорее всего так и есть. Сотни лет подряд Внутренние Острова посылают сюда воров и волшебников, пытаются выкрасть его и вернуть назад. Они проходят мимо открытых сундуков с золотом и ищут только это кольцо. Эррета-Акбе и Интатина давным-давно уже нет на свете, но историю эту помнят и рассказывают и здесь, и на Западе. Многие стареет и забывается с течением веков. Очень немногие сокровища сохраняют свою ценность, очень мало легенд остаются в памяти людей.

Ара задумалась, а потом сказала:

— Раз они спускались в Гробницу, это, наверное, были очень смелые люди или очень глупые. Разве им неизвестно о власти Безымянных?

— Нет,— ответила Коссил своим бесстрастным голосом.— У них нет богов. Они умеют колдовать и думают, что они тоже боги. Но они ошибаются. После смерти они не возрождаются вновь. Они превращаются в прах и кости. А их дух тихо завывает на ветру, пока ветер не унесет его прочь. У них нет бессмертной души.

— А что такое колдовство? — спросила Ара с любопытством. Она бы ни за что не отвернулась и не отказалась бы посмотреть на корабли с Внутренних Островов.— Как они колдуют? Какова сила их колдовства?

— Это фокусы, миражи и плутовство,— сказала Коссил.

— Они еще кое-что могут,— добавила Тар,— даже если в легендах не все правда. Волшебники с Запада могут поднимать и усми-

рять ветер по своему желанию. В этом все мнения сходятся. Поэтому они отличные моряки. Они могут наполнить паруса своих кораблей волшебным ветром и плыть, куда захотят. Волшебники могут остановить шторм. Говорят, они умеют зажигать в темноте волшебный свет, а могут, наоборот, делать темноту. Они умеют превращать простые камни в алмазы, знают, где лежит золото, могут в один миг построить огромный дворец или целый город, по крайней мере, так будет казаться. Они умеют превращаться в медведей, рыб, драконов или в кого захотят.

— Я ничему этому не верю,— возразила Коссил.— Они опасны, их фокусы хитры, сами они скользкие, как угри — это правда. Но говорят, если у колдуна забрать его волшебный посох, волшебная сила покидает его. Может быть, на посохе написаны руны зла.

Тар снова покачала головой:

— Да, они действительно носят посох. Но это только орудие той силы, что находится у них внутри.

— Но где они берут эту силу? — спросила Ара.— Как они ее получают?

— Вранье... — прошипела Коссил.

— Они колдуют при помощи слов,— сказала Тар.— Мне рассказывал один человек, который видел колдуна с Внутренних Островов. Их там называют ма́гами. Этот колдун направлялся на Запад, но его взяли в плен. Он показал им сухую палку и сказал какое-то слово. Раз — и на палке расцвели цветы. Он сказал еще одно слово, и палка, цветы и яблоки — все исчезло, а вместе с ними и сам колдун. Сказал одно слово и растаял бесследно, как радуга. Его так и не смогли найти, хотя искали по всему острову. Ну, разве это просто фокус?

— Одурачить дураков всегда легко,— ответила Коссил.

Тар промолчала, не желая продолжать спор, но Аре не хотелось оставлять эту тему.

— А как выглядят эти волшебники? — спросила она.— Правда ли, что они все черные, а глаза у них белые?

— Они черные и мерзкие. Слава богу, я никогда их не видела,— довольным голосом сказала Коссил. Она уселась на стуле поудобнее, заерзав своим грузным телом, и стала греть руки над огнем.

— Пусть Боги-Близнецы держат их от нас подальше,— проворчала Тар.

— Они никогда больше не приедут сюда,— произнесла Коссил.

Затрещал огонь в очаге, по крыше снова забарабанил дождь, а из полумрака коридора раздался резкий голос Манана:

— Ага! Половину мне, половину!

5. СВЕТ В ПОДЗЕМЕЛЬЕ

В начале зимы Тар умерла. Она тяжело заболела еще летом. Тар и раньше была худой, теперь же изнурительная болезнь превратила ее в скелет. Всегда замкнутая и немногословная, Тар совсем перестала разговаривать. Только иногда она говорила с Арой, когда

они оставались одни. Потом и это прекратилось, и она тихо умерла. Когда Тар не стало, Ара начала по ней скучать. Тар была строгой, это правда, но не жестокой. И она учила Ару быть гордой и не поддаваться страху.

Теперь из Верховных Жриц осталась только Коссил.

Весной из Ауабата приедет новая Верховная Жрица для Храма Богов-Близнецов. Но до тех пор Ара и Коссил будут управлять Местом вдвоем. Верховная Жрица называла девушку госпожой и повиновалась ей, если та приказывала. Но Ара приучила себя не приказывать Коссил. У нее были все права приказывать, но она не обладала для этого достаточной силой. Коссил завидовала более высокому положению Ары. Она ненавидела все, что ей не подчинялось. Для того, чтобы дать отпор такой зависти и ненависти, требовалась недюжинная сила.

С тех пор как Ара узнала (от нежной Пенте) о существовании неверия и смирилась с этим, хотя неверие внушало ей страх, она стала понимать Коссил и чувствовала себя с ней более уверенно. В душе Коссил не было истинного преклонения перед Безымянными или перед богами. Для нее не существовало ничего святого, кроме власти. Сейчас власть принадлежала Императору Островов Каргад. Поэтому в ее глазах он действительно был королем и богом. И она была готова ему верно служить. Но храмы были для нее просто декорацией, Могилы Атуана — грудой камней, темными дырами, жуткими, но пустыми. Будь это в ее власти, она бы отменила поклонение Пустому Трону. Если бы осмелилась, разделалась и с Первой Жрицей.

Даже к подобной мысли Ара научилась относиться спокойно. Возможно, Тар помогла ей понять это, хотя никогда об этом прямо не говорила. В первые недели болезни, перед тем как потерять голос, Тар часто приглашала к себе Ару. Она рассказывала девушке о делах Короля-бога и его предшественника, о нравах Ауабата. Жрица с таким высоким положением, как Ара, должна разбираться в этих вопросах, хотя многое из рассказанного не делало чести ни Королю-богу, ни его двору. Тар рассказывала и о своей собственной жизни, описывала внешность Ары из предыдущей жизни, говорила о ее поступках, и изредка предупреждала о трудностях и опасностях, которые могут подстерегать Ару в ее нынешней жизни. Она ни разу не назвала имени Коссил. Но Ара уже одиннадцать лет была ученицей Тар, и чтобы понять и запомнить ее слова, девушке достаточно было намека или даже интонации.

Когда грустные хлопоты, связанные с траурной церемонией, закончились, Ара стала избегать Коссил. Выполнив свои ежедневные обязанности и совершив все обряды, она шла в комнату за Троном, открывала люк и спускалась в подземелье. Днем и ночью она продолжала обследовать свои владения. В подземелье совершенно не чувствовалось время суток: днем и ночью там было одинаково — темно и тихо. Поскольку Подземная Могила считалась самым священным местом, людям было строго запрещено туда входить. Там бывали только жрицы и их служители-евнухи. Если бы туда вошел кто-то посторонний, вне всякого сомнения, он был бы немедленно умерщ-

влен гневом Безымянных Однако запрет не касался Лабиринта. Да в этом и не было необходимости. Туда можно было войти лишь через Подземную Могилу. Как бы то ни было, разве есть правила, запрещающие мухам попадать в сети к пауку?

Ара часто приводила Манана в ближние части Лабиринта, чтобы он запомнил расположение подземных ходов. Ему не особенно хотелось туда идти, но он не смел ослушаться. Ара убедилась, что Дьюби и Уато, евнухи Коссил, знают дорогу в Комнату Цепей и выход из Подземной Могилы, но не более того. Она никогда не брала их с собой в Лабиринт. Девушка не хотела, чтобы кто-нибудь кроме верного Манана знал тайны Лабиринта. Ведь это были ее тайны, только ее, и ничьи больше. Так было и будет всегда! Ара поставила перед собой цель изучить весь Лабиринт. Этой осенью она провела много дней, бродя по нескончаемым коридорам, и все же в некоторых частях она еще не бывала. Изучать эту бесконечную и бессмысленную паутину было очень утомительно. Уставали ноги, от бесконечного счета поворотов и пропущенных тоннелей путались мысли. Сложное переплетение подземных ходов вызывало восхищение у тех, кто туда попадал. Коридоры Лабиринта были подобны улицам города, вырубленного в скале. Но одновременно он был предназначен для того, чтобы утомить и запутать смертного, попавшего в его сети. Даже жрицы понимали, что Лабиринт в сущности не что иное, как гигантская ловушка.

Итак, с наступлением зимы Ара занялась изучением самой Горы, алтарей, ниш, комнат с сундуками и ящиками. Она осматривала их содержимое, забиралась на чердаки и в подвалы, порой скрывавшие вход в темные коридоры.

Ее руки и рукава хитона пропахли сухим сладковатым запахом мускуса, который за восемь веков превратился в порошок, на лбу налипла паутина. Она часами простаивала на коленях, изучая резьбу на рассохшемся, но по-прежнему прекрасном сундуке из кедра, подарке какого-нибудь древнего короля Безымянным Властелинам Могил. Вот король, крошечная прямая фигурка с огромным носом, а вот Тронный Зал с его приплюснутым куполом и колоннами — все это в виде тонкой резьбы, выполненной неизвестным мастером, превратившимся в прах много веков назад. Вот Единственная Жрица, вдыхающая аромат трав, дымящихся на бронзовых блюдах. Она произносит предсказания или дает советы королю. А у короля нос отвалился. Лицо Жрицы было слишком маленьким, а черты лица стерлись, но Аре казалось, что это ее собственное лицо. Интересно, что же она говорит королю с длинным носом, и признателен ли он ей за ее слова?

У нее были свои любимые уголки в Тронном Зале, как у некоторых бывают любимые уголки в прогретом солнцем доме. Она часто поднималась на антресоли одной из комнат в задней части Тронного Зала, где хранилась одежда. Там лежали древние платья и костюмы, сохранившиеся с тех времен, когда короли и правители приезжали в Место поклониться Могилам Атуана и признать власть более сильную, чем их собственная или власть любого другого человека. Иногда

их дочери, принцессы, надевали эти мягкие белые шелка, расшитые топазами и темными аметистами, и танцевали с Жрицей Могил. В одном их хранилищ стояли маленькие раскрашенные столики из слоновой кости. На них были изображены танцующие принцессы и еще правители и короли, ожидающие у входа в Зал. Тогда, как и теперь, ни один мужчина не мог ступить на землю Могил. Но девушкам разрешалось входить в зал, они надевали белые шелковые наряды и танцевали с Жрицей. Сама Жрица была одета в одежду из грубой черной домотканой ткани. Эту одежду она носила с давних времен и по сей день. Ара любила приходить сюда и гладить мягкую ткань, ветхую от времени, источающую сладковатый аромат. Драгоценные камни, не тронутые временем, отрывались от ткани под своей собственной тяжестью. Запах в этих сундуках отличался от запаха благоуханий в храмах Места: он был слабее, но более свежий.

Порой девушка проводила в хранилище целую ночь, разбирая содержимое одного единственного сундука. Она вынимала из сундука камень за камнем, заржавевшие доспехи, сломанные перья, когда-то украшавшие шлемы, пряжки, булавки и броши, бронзовые, серебряные и золотые.

На балках сидели совы, хлопая своими желтыми глазами. Сквозь дырявую крышу струился свет звезд, а иногда падали снежинки, нежные и холодные, как старый шелк, рассыпающийся от прикосновения.

Однажды ночью в конце зимы Аре показалось, что в Тронном Зале слишком холодно. Тогда она подошла к люку, подняла крышку и, встав на ступеньки, закрыла ее за собой. Хорошо знакомой дорогой бесшумно направилась по коридору, ведущему в Подземную Могилу. Там она никогда не зажигала свет. Если зажигала лампу в Лабиринте или наверху, то, подходя к Подземной Могиле, тушила ее. Поэтому она ни разу на протяжении всех своих жизней не видела Подземной Могилы. Так и теперь: задудла свечу и не замедляя шага вошла в темноту. Она двигалась легко и свободно, как маленькая рыбка в темной воде. И летом, и зимой здесь всегда было одинаково — прохладно и немного сыро. Наверху ледяные зимние ветры гнали снег по равнине. Здесь же, под землей, не было ни ветра, ни времен года, только вековая тишина и покой.

Ара направлялась в Комнату с Картинами. Порой она заходила туда: ей нравилось рассматривать странные рисунки на стене. Свет вырывал из темноты фигуры людей с длинными крыльями и огромными глазами, спокойными и грустными. Никто не мог сказать ей, кто эти люди. Во дворце таких рисунков не было. Она подумала, что это, наверное, души проклятых, тех людей, что никогда не возвращаются вновь. Комната с Картинами находилась в Лабиринте, поэтому сначала ей предстояло пройти пещеру под Могильными Камнями. И вдруг, спускаясь по наклонному коридору, девушка увидела впереди какой-то слабый, едва заметный отсвет, отражение далекого света.

Сначала Ара подумала, что это обман зрения. Такое иногда случалось, когда она входила в темноту с дневного света. Она за-

крыла глаза — свечение исчезло, открыла — и оно появилось снова.

Она остановилась и замерла. Коридор впереди был не черным, а серым. В глубине его, там, где раньше ничего не было видно, где всегда таилась непроглядная тьма, сейчас мерцал тусклый, едва различимый свет.

Ара сделала несколько шагов вперед, вытянула руку и увидела на фоне стены неясные очертания своих пальцев.

Девушка пошла дальше, бесшумно ступая босыми ногами. Это было странно, немыслимо, невероятно — свет посреди могильной тьмы. Она не испытывала даже страха. Ее черная одежда сливалась со стеной. У последнего поворота она задержалась, а потом очень медленно сделала последний шаг, подняла глаза и увидела...

Увидела то, чего не видела никогда, хотя прожила тысячу жизней. Она увидела своды огромной Подземной Пещеры, созданной силами Земли, а не руками человека. Пещеру украшали кристаллы, филигрань из белого известняка в тех местах, где веками работали подземные воды. Ара увидела перед собой сверкающий ажурный дворец из алмазов, аметистов и хрусталя. Тьму, окружавшую этот дворец в течение многих веков, прогнало торжествующее сияние света.

Ее глазам, привыкшим к темноте, этот странный свет казался не просто ярким, а ослепительным. Мягкое свечение, похожее на огонь, медленно двигалось по стенам и потолку пещеры, зажигая тысячи искр и отбрасывая тысячи фантастических теней.

Этот огонь горел на конце деревянного посоха, не сжигая его и не давая дыма. Посох держала человеческая рука. Ара увидела лицо, освещенное светом, — лицо мужчины.

Она стояла неподвижно. Человек ходил от стены к стене. Казалось, он что-то ищет. Он заглядывал за ажурные каменные фонтаны, осматривал выходы из подземной могилы, но не заходил туда. А Жрица Могил по-прежнему стояла без движения в темном проходе и ждала.

Пожалуй, тяжелее всего ей было видеть незнакомца. Ей очень редко доводилось видеть чужих. Сначала она подумала, что это один из служителей. Нет, это наверное какой-нибудь человек из-за стены: пастух, стражник или раб. Он пришел выведать тайны Безымянных, а может быть, украсть что-нибудь...

Украсть... Ограбить Властелинов Тьмы. Святотатство. Это слово медленно всплыло в сознании Ары. Это был мужчина, а нога мужчины никогда не должна ступать на священную землю Могил. Однако он пришел сюда, в пещеру, в самое сердце Могил. Он вошел туда, он зажег свет там, где это было запрещено. Свет здесь не зажигали со времен создания мира. Почему же Безымянные не убьют его?

Сейчас он стоял, разглядывая неровный, покрытый камнями пол пещеры, разрытый в нескольких местах. Было видно, что землю раскапывали, а потом поверхность снова заровняли. Сверху валялось несколько свежих комьев земли из Могил.

Ее Повелители съели тех троих. Почему же они не съедят этого человека? Чего они ждут?

Пусть их руки схватят его. Пусть их язык заговорит...

— Прочь! Прочь! Уходи! — закричала она что было сил.

Ей вторили громкие раскаты эхо. Темное удивленное лицо повернулось к ней, и на какое-то мгновение неизвестный увидел ее среди ослепительного великолепия пещеры. И тут свет погас. Вся красота исчезла. Наступила непроглядная тьма и тишина.

Теперь Ара снова могла думать. Она освободилась от колдовских чар света.

Видимо, он вошел в подземелье через дверь в красной скале. Дверь Пленников. Скорее всего он попытается и выйти через ту же дверь. Легкая и бесшумная, как ночная птица, она бегом пересекла пещеру и оказалась в низком тоннеле, ведущем к двери, которая открывалась только внутрь. Сквозняка не чувствовалось. Значит, он закрыл дверь. И если он теперь в тоннеле, ему оттуда не выйти.

Но незнакомца в тоннеле не было. Она это знала наверняка. В этом замкнутом пространстве она услышала бы его дыхание, почувствовала бы тепло и биение его жизни. Но в тоннеле никого не было. Она напряженно вслушивалась. Где же он?

Темнота давила Аре на глаза, как повязка. Когда она увидела подземные могилы, ее охватило смятение. Мысли путались. Эту часть подземелья она знала только наощупь. Здесь девушка ориентировалась по холодным течениям воздуха в темноте и по звуку собственных шагов. Пещера была для нее необъятной тайной, которую нельзя увидеть. А она увидела, и тайна уступила место красоте, а не страху, красоте еще более таинственной, чем темнота.

Медленно и неуверенно она пошла вперед, нашла второй поворот налево, тот, что вел к Лабиринту. Здесь она остановилась и прислушалась. Уши рассказали ей больше, чем глаза. Она стояла, опираясь руками о каменную арку, и вдруг почувствовала слабое, едва заметное дрожание стены. В прохладном неподвижном воздухе витал чужой запах, запах дикой полыни, что растет на вершине холма под открытым небом.

Медленно и тихо Ара пошла по коридору, стараясь не потерять этот запах.

Шагов через сто она услышала шаги незнакомца. Он двигался почти так же медленно, как она, но не так уверенно. Она услышала шорох, как будто он споткнулся, а потом снова обрел равновесие. И снова наступила тишина. Она немного постояла, а потом пошла дальше, легко касаясь стены кончиками пальцев. Наконец ее пальцы нащупали круглую металлическую балку. Здесь она остановилась, вытянула руку вверх и нашла пальцами грубую железную рукоятку. Из всех сил девушка дернула ее вниз.

Послышался страшный скрежет и удар. Дождем посыпались голубые искры. Эхо поворчало и затихло. Она вытянула руки вперед и в нескольких дюймах от своего лица почувствовала шершавую поверхность железной двери.

Ара облегченно вздохнула.

Она медленно пошла по коридору, ведущему к Подземной Могиле, касаясь рукой правой стены. Подошла к люку в Тронном Зале. Ара двигалась торопливо и очень тихо, хотя теперь в этом не было никакой необходимости. Вора она поймала. Дверь, в которую он вошел, была единственным входом в Лабиринт. Открыть ее можно только снаружи.

Сейчас он внизу, в темном подземелье, и никогда уже ему оттуда не выбраться.

Медленно и прямо Ара прошла мимо Трона и направилась в длинный зал с колоннами. В бронзовой чаше на треножнике тлели красные угли. Здесь она повернула и подошла к семи ступеням, ведущим к Трону.

На нижней ступеньке Ара опустилась на колени и коснулась лбом холодных пыльных камней, где валялись мышиные кости, брошенные совами.

— Простите меня за то, что я видела, как была нарушена Ваша темнота,— сказала она еле слышно.— Простите меня за то, что я видела, как были осквернены Ваши могилы. О, мои Повелители, смерть отдаст его вам, и он никогда не родится вновь!

Она произнесла слова молитвы, но перед ее мысленным взором сияло мерцающее великолепие пещеры. Жизнь проникла в царство смерти. Но вместо того, чтобы ужаснуться этому святотатству или обрушить на вора свой гнев, она думала о своем странном приключении.

«Что же я скажу Коссил? — спрашивала она себя, когда выходила из Зала. Порыв холодного зимнего ветра с силой прижал плащ к ее телу.— Пока я ей ничего не скажу. Я — хозяйка Лабиринта. А Король-бог тут не при чем. Может быть, потом скажу, когда умрет вор. Как бы мне его убить? Надо позвать Коссил, чтобы она посмотрела, как он умирает. Она любит смотреть на предсмертные муки. Что же он искал? Должно быть, он сумасшедший. Как он попал в подземелье? Только у Коссил и у меня есть ключи от двери в красной скале и от люка. Наверное, он все-таки вошел через дверь в красной скале. Только колдун способен открыть ее. Колдун...»

Она остановилась, хотя ветер почти сбивал ее с ног.

— Он колдун, волшебник с Внутренних Островов. Он ищет амулет Эррета-Акбе.

Неожиданная догадка потрясла Ару. Ей стало жарко даже на ледяном ветру. Она рассмеялась. Ее окружала пустота и молчание пустыни. Ветер усиливался. В окнах Большого Дома света не было. Мелкий невидимый снег хлестал по щекам.

— Если он открыл дверь в красной скале при помощи колдовства, то он сможет открыть и другие двери. Он может убежать.

Эта мысль огорчила ее, но ненадолго. Безымянные позволили ему войти в подземелье. Почему бы и нет? Он не может причинить им никакого вреда. Вор, который не в состоянии покинуть место преступления, безопасен. Заклинания и черная магия помогли ему пробраться так далеко. Несомненно, сила их велика, но уж дальше он не пройдет. Никакие заклинанья, произнесенные простым смерт-

ным, не могут быть сильнее воли Безымянных. Все заклинания ничтожны перед могуществом Королей, чей Трон сейчас пуст.

Чтобы убедить себя в этом, Ара ускорила шаг и вскоре оказалась перед Малым Домом. Манан спал на крыльце, завернувшись в плащ и потрепанное меховое одеяло, служившее ему постелью. Она вошла тихо, чтобы не разбудить его, и не стала зажигать лампу. Девушка открыла ключом маленькую комнатку, обычный чулан в конце прихожей. Она высекла искру из кремня и быстро нашла на полу нужное место, встала на колени и отодвинула одну плитку. Пальцами Ара нащупала кусок грубой грязной ткани размером всего в несколько квадратных дюймов. Она бесшумно отбросила его и отпрянула: снизу прямо ей в лицо ударил луч света.

Быстро справившись с удивлением, очень осторожно она заглянула в отверстие. Она забыла, что на конце его посоха горел этот странный огонь. Ара думала, что ей удастся только услышать, как он передвигается в темноте, не больше. Она просто забыла про этот свет.

Человек был там, где она ожидала его увидеть: прямо под потайным отверстием, у той железной двери, которая не давала ему выйти из Лабиринта.

Он держал одну руку на поясе, а в другой у него был деревянный посох высотой с него самого. На конце посоха горел таинственный огонек. Голову он немного наклонил набок. По одежде незнакомец был похож на путешественника или пилигрима: на нем был короткий тяжелый плащ, кожаный жилет, шерстяные штаны и кожаные сандалии. За спиной — легкая котомка и бутылка с водой, на бедре — нож в ножнах. Он стоял неподвижно, как статуя, легкий и задумчивый.

Человек медленно оторвал посох от земли и приблизил его светящийся конец к двери, которую Аре не было видно. Свет изменился: огонек стал меньше, но ярче и наконец превратился в ослепительно яркую точку. Он что-то сказал. Язык был Аре незнаком, но его голос, глубокий и низкий, поразил ее куда больше, чем слова.

Яркий свет на посохе замигал и погас. На минуту стало совсем темно. Все исчезло.

Потом появился слабый и ровный фиолетовый свет. Человек отвернулся от двери. Заклинание открывания не подействовало. Его колдовство оказалось слабее сил, скреплявших замок на двери.

Он огляделся. Раздумывает, наверное, что теперь делать.

Коридор, где незнакомец стоял, был футов пяти в ширину. Потолок находился на высоте двенадцати или пятнадцати футов. Стены были выложены из каменных плит, без скрепляющего раствора. Они так плотно прилегали друг к другу, что между ними не входил даже кончик ножа. Ближе к потолку стены сходились, образуя свод.

Он оказался в ловушке.

Человек пошел вперед. Один шаг — и он вышел из поля зрения Ары. Свет исчез. Она уже собиралась положить на место ткань и плитку, как вдруг к потолку снова потянулся луч мягкого света. Он вернулся к двери. По-видимому, понял, что если войдет в лабиринт, то вряд ли ему удастся снова отыскать эту дверь.

Незнакомец тихо произнес слово, только одно слово «эменн», а потом снова, теперь уже громче, «эменн!» Железная дверь загремела. По сводчатому коридору громом прокатилось эхо. Аре показалось, что пол под ее ногами задрожал.

Но дверь не открылась. Тогда он засмеялся. Так обычно смеется человек, когда думает: «Ну и дурака же я сваял!» Он еще раз оглядел стены. Ара заметила, что на его темном лице блуждает улыбка. Он сел на пол, снял котомку, достал кусок черствого хлеба и стал жевать. Потом откупорил кожаную бутылку с водой и встряхнул ее. Похоже, она была легкая, наверное, наполовину пустая. Он не стал пить, а снова заткнул бутылку пробкой.

Подкрепившись, незнакомец подложил котомку под голову, лег и накрылся плащом. В правой руке он держал посох. Маленький шарик света оторвался от посоха, поднялся и застыл у него над головой, отбрасывая слабый свет. Левую руку он держал на груди, сжимая какой-то предмет, висевший на тяжелой цепи у него на шее. Очень удобно устроился. Человек посмотрел наверх на потайное отверстие, вздохнул и закрыл глаза. Свет постепенно ослабел. Незнакомец заснул. Пальцы, сжатые на груди, разогнулись, и Ара увидела, что за талисман он носит на цепи: кусочек голубого металла в форме полумесяца.

Слабое сияние колдовства угасло, он спал в темноте и тишине. Ара положила назад ткань и задвинула плитку, осторожно поднялась и выскользнула из комнаты. Она долго лежала в темноте с открытыми глазами, прислушиваясь к завыванию ветра. У нее перед глазами все время стояло это чистое сияние, что освещало обитель смерти, мягкий, совсем не страшный огонь, каменные стены тоннеля и спокойное лицо спящего человека.

6. ЛОВУШКА

На следующий день, совершив ежедневные ритуалы в различных храмах и позанимавшись священными танцами с новичками, Ара проскользнула в Малый Дом, затворила ставни в комнате, открыла потайное отверстие и заглянула вниз. Света не было. Незнакомец исчез. Правда, она и не ожидала, что он надолго останется у запертой двери. Но это было единственное место, куда она могла заглянуть. Теперь он, наверное, заблудился в Лабиринте. Как же его найти?

Как рассказывала Тар и как Ара убедилась на собственном опыте, коридоры Лабиринта со всеми ответвлениями, спиралями и тупиками тянулись более чем на двадцать миль. Самый дальний тупик находился от Могил на расстоянии немногим более мили по прямой. Но в подземелье не было прямых линий. Все тоннели делали повороты, разветвлялись, вновь соединялись, переплетались, петляли. Этот сложный путь заканчивался там, где начинался, у Лабиринта не было ни начала, ни конца. Можно было идти, идти, идти и никуда не прийти, потому что идти было некуда. В Лабиринте не было центра, не было сердца. И после того как дверь была заперта, он стал бесконечным: правильного направления не существовало.

Ара твердо помнила и коридоры, и повороты, ведущие к различным комнатам и частям Лабиринта. Но даже она, отправляясь в отдаленные уголки Лабиринта, брала с собой моток тонкой пряжи и разматывала его, когда шла вперед, а, возвращаясь, сматывала. Она внимательно считала все проходы и повороты. Если бы она пропустила хотя бы один из них, то вполне могла бы заблудиться. И свеча не помогла бы ей, никаких ориентиров в Лабиринте не было. Все коридоры и повороты были похожи один на другой.

Возможно, он уже прошел много миль и в то же время мог находиться совсем рядом с дверью.

Ара побывала в Тронном Зале, в храме Богов-Близнецов, в погребке под кухнями и, выбрав минуту, когда поблизости никого не было, смотрела вниз сквозь потайные отверстия в холодный и густой мрак. Когда наступила ночь, морозная и звездная, она пошла на Гору. Там поднимала ей одной известные камни, расчищала землю и заглядывала в подземелье. Снизу на нее смотрела беззвездная и вечная ночь.

Он там. Он должен быть там! И все же он от нее скрылся. Он умрет от жажды прежде, чем она сможет найти его. Когда она поймет, что он мертв, то пошлет в Лабиринт Манана, чтобы тот нашел его. Эта мысль была невыносима. Ара стояла на коленях на склоне горы, покрытом горькой полынью, и слезы выступили у нее на глазах.

Она пошла по тропинке к храму Короля-бога. Колонны и их резные капители, покрытые инеем, при свете звезд казались вырезанными из кости. Она постучала в заднюю дверь, и Коссил впустила ее.

— Что привело сюда мою госпожу? — произнесла толстая жрица, внимательно наблюдая за девушкой своими холодными глазами.

— Жрица, в Лабиринте мужчина.

Известие застигло Коссил врасплох. Произошло то, чего она никак не могла ожидать. Коссил стояла, широко раскрыв глаза. Казалось, вот-вот они выскочат из орбит. У Ары мелькнула мысль, что сейчас Коссил очень похожа на Пенте, когда та передразнивала Коссил. К горлу девушки подступил смех, и она с трудом подавила в себе желание расхохотаться.

— Мужчина? В Лабиринте?

— Мужчина, неизвестный.

Коссил продолжала смотреть на нее с недоверием, поэтому Ара добавила:

— Я знаю, как выглядят мужчины, хотя мало их видела.

Коссил не заметила ее иронии.

— Как туда попал мужчина?

— Думаю, при помощи колдовства. Он темнокожий. Может быть, он приехал с Внутренних Островов. Он пришел, чтобы ограбить Могилы. Я обнаружила его в Подземной Могиле, под самыми Камнями. Когда он меня заметил, то побежал к входу в Лабиринт, как будто знал, куда идет. Я заперла за ним железную дверь. Он произнес заклинания, но дверь не открылась. Утром он вошел в Лабиринт. Сейчас я не могу его найти.

— У него есть огонь?

— Да.

— А вода?

— У него небольшая бутылка с водой, да и то неполная.

— Его свеча уже выгорела, — медленно произнесла Коссил. — Через четыре или пять дней, может быть, через шесть я пошлю моих слугителей вынести его тело. Кровь его выльют перед Троном и...

— Нет, — сказала Ара изменившимся от гнева голосом. — Я хочу найти его живым.

Жрица свысока посмотрела на девушку и спросила:

— Почему?

— Я хочу продлить его муки. Он совершил святотатство против Безымянных. Он осквернил Подземную Могилу светом. Он пришел ограбить Могилы, присвоить их сокровища. Этот человек заслуживает худшей смерти, чем просто умереть в одиночестве, лежа в тоннеле.

— Да, правильно, — сказала Коссил, как бы раздумывая. — Но как же его поймать, госпожа? Вряд ли это у нас получится. Но разве нет в Лабиринте комнат, усыпанных костями, костями людей, которые вошли и навсегда остались там? Пусть же Безымянные сами накажут его, как захотят. Это будет страшная смерть, смерть от жажды.

— Я знаю, — сказала девушка, поворачиваясь спиной к Коссил.

Она накинула на голову капюшон и вышла на улицу. Снаружи дул ледяной пронизывающий ветер. Уже наступила ночь.

Глупо и наивно было с ее стороны обращаться к Коссил. Коссил не могла ей помочь. Единственное, что приходило ей в голову — это смерть после томительного ожидания. Она не понимала. Она не понимала, что этого человека нужно найти. Он должен умереть другой смертью. Еще раз она этого не вынесет. Пускай же с этого момента смерть будет быстрой и только при свете солнца. Для этого человека, который осмелился грабить Могилы, больше подходит смерть от острия меча. Ведь у него даже нет бессмертной, возрождающей души. Его дух будет скулить в коридорах. Нельзя оставить его одного умирать от жажды в темноте.

Ара мало спала в эту ночь. Следующий день был заполнен различными делами, выполнением обрядов. Всю ночь она бесшумно и даже без светильника ходила от одного потайного отверстия к другому. Они были спрятаны в домах Места и на склоне горы, обдуваемой со всех сторон холодными ветрами. Наконец за два или три часа до зари она вернулась в Малый Дом, но так и не смогла заснуть. На третий день после обеда Ара одна спустилась к реке. Сейчас река была скована льдом. У берега одиноко торчали замерзшие камыши. Она вспомнила, что однажды осенью в Лабиринте, когда забрела очень далеко, в кривом коридоре где-то около Шести Крестов она слышала за стенами шум бегущей воды. Если туда забрел человек, томимый жаждой, вполне возможно, он там и останется. Около реки тоже были потайные отверстия. Надо только было найти их. В прошлом году Тар показала ей все отверстия, поэтому она без труда их отыскала. Она искала отверстия, как слепой: не глазами,

а руками. У второго, самого дальнего от Могил отверстия, Ара накинула капюшон, чтобы дневной свет не мешал ей смотреть в темноту. Она открыла отверстие и заглянула — внизу тускло светился волшебный огонек.

Человек был там, правда, его было видно только наполовину. Это потайное отверстие находилось в самом конце подземного тупика. Ара видела только его спину, шею и правую руку. Человек сидел на полу, втыкая в камни свой нож, короткий стальной кинжал, украшенный камнями. Лезвие было уже обломано. Отломившийся конец лежал прямо под потайным отверстием. Он сломал нож, пытаясь раздвинуть камни, чтобы добраться до воды. В мертвой тишине подземелья с другой стороны непробиваемой стены до него доносилось журчание чистого потока.

Его движения были вялыми. За три дня и три ночи он сильно изменился. В этом усталом человеке трудно было узнать того гибкого и спокойного юношу, который стоял перед железной дверью и смеялся над своей собственной неудачей. Он был по-прежнему упрям, но силы оставили его. Заклинания не могли помочь ему вынуть камни из стены, и нож тоже оказался бесполезен. Даже колдовской огонек побледнел и потускнел. Свет чуть вспыхнул и погас. Голова человека поникла. Кинжал выпал из руки. Человек упрямо поднял его и попробовал вонзить лезвие между камнями.

Ара лежала на берегу реки среди вмерзших в лед камышей, не сознавая, где она находится и что делает. Она прижалась губами к отверстию и обхватила его сверху, чтобы направить звук.

— Волшебник! — позвала она, и ее голос, проскользнув в каменное горло, слабым шепотом отозвался в подземном тоннеле.

Человек вздрогнул и с трудом поднялся. Теперь ей не было его видно: он вышел из поля ее зрения. Она снова прижалась к потайному отверстию и произнесла:

— Двигайся назад вдоль стены, за которой течет вода. Второй поворот направо, потом первый налево, пропусти два поворота направо и войди в третий, дальше второй поворот направо, первый налево, а потом сразу направо. Ты придешь в Комнату с Картинами. Там и оставайся.

Она еще раз заглянула в отверстие. Одновременно туда проник и луч солнечного света. Он осветил тоннель в то мгновение, когда незнакомец вернулся в поле ее зрения. Он стоял, поднимая глаза прямо к отверстию. Девушка заметила, что его лицо, напряженное и взволнованное, покрыто шрамами. Губы запеклись и почернели, глаза лихорадочно блестели. Он поднял свой посох, все ближе и ближе поднося огонь к ее глазам. Она испуганно отпрянула, проворно закрыла отверстие каменной крышкой и засыпала его щебнем. Потом встала и быстро пошла к Месту. Руки у нее дрожали, голова кружилась. Она не знала, что теперь делать.

Если он последовал ее указаниям, то пойдет по направлению к железной двери в Комнату с Картинами. В потолке Комнаты с Картинами было спрятано отличное потайное отверстие. Наверху оно выходило в сокровищницу храма Богов-Близнецов. Может быть,

поэтому она вспомнила о нем. И все же, почему она заговорила с ним?

Она могла опустить немного воды в сосуде через потайное отверстие, а потом позвать незнакомца в это место. Это поддержит его силы. Тогда он сможет прожить столько, сколько она захочет. А если она время от времени будет оставлять ему в подземелье воду и пищу, то он проживет еще несколько дней или месяцев, блуждая по Лабиринту. Она сможет наблюдать за ним через потайное отверстие и говорить ему, где оставила воду. Иногда она будет обманывать его, и он будет искать зря. Но ему придется идти туда, куда она его пошлет. Это отучит его насмехаться над Безымянными и чваниться своей дурацкой храбростью в Месте Вечной Смерти.

Но пока он будет там, она не сможет сама войти в Лабиринт. «А почему нет? — спрашивала она себя и отвечала:— Потому что он может убежать через железную дверь, которую я оставлю открытой...» Но дальше Подземной Могилы ему не уйти. На самом деле Ара просто боялась встретиться с ним лицом к лицу. Она боялась его силы, его чар, с помощью которых он проник в Подземелье, его колдовства, которое зажигало огонек на посохе. А вообще, чего ей бояться? Властелины Тьмы были на ее стороне, а не на его. Здесь, в царстве Безымянных, он был бессилен. Он не смог открыть железную дверь, не смог добыть себе ни волшебной пищи, ни воды, не смог вызвать демона, чтобы тот сломал стены. Он не сделал ничего такого, чего Ара боялась. И он уже бродил по Лабиринту три дня. Он даже не нашел двери Великой Сокровищницы, которую, несомненно, искал. Тар рассказывала Аре, как пройти в эту комнату, но девушка еще ни разу не была там. Она все время откладывала посещение Сокровищницы. Ее останавливал страх. Она чувствовала, что время для этого еще не пришло.

Сейчас она раздумывала, не послать ли его в Сокровищницу. Он сможет вдоволь налюбоваться сокровищами Могил. Только вряд ли это пойдет ему на пользу! Она будет насмехаться над ним, посоветует ему есть золото и запивать алмазами.

С той нервной, лихорадочной поспешностью, владевшей ею последние три дня, девушка побежала в храм Богов-Близнецов, отперла маленькую сводчатую сокровищницу и открыла хорошо спрятанное потайное отверстие в полу.

Под ней в крошечной тьме находилась Комната с Картинами. Но она была пуста. Путь, который предстояло проделать человеку, был гораздо длиннее. Ара забыла об этом. Наверняка незнакомец ослабел и не мог двигаться быстро. Возможно, он забыл ее указания и не туда повернул. Мало кто запомнит дорогу с первого раза. А может, он даже не понимает языка, на котором она говорит. Если так, пусть бродит в темноте, пока не упадет замертво. Этот дурак, этот чужестранец, этот неверящий! Так пусть же его дух скулит в подземелье, в каменных коридорах Могил Атуана, пока темнота не пожрет и его...

Ночью Ара спала мало. Ее все время мучили кошмары. Рано утром она вернулась к потайному отверстию в маленьком храме,

заглянула вниз, но не увидела ничего, кроме темноты. Она спустилась на цепи в отверстие светильник с горящей свечкой. Он был там, в Комнате с Картинами. При свете свечи она увидела его ноги и одну руку. Она приблизила его лицо к потайному отверстию. Это было большое отверстие размером с целую плитку. Девушка позвала:

— Волшебник!

Незнакомец не двинулся с места. Может быть, он умер. И это вся его сила? Она усмехнулась, хотя ее сердце бешено колотилось.

— Волшебник! — закричала она. Ее голос зазвенел в пустой комнате внизу. Он пошевелился и медленно сел, дико озираясь по сторонам. Спустя некоторое время он посмотрел наверх, щурясь на мерцающее пламя свечи. Теперь она увидела его лицо. На него было страшно смотреть: опухшее, темное лицо мумии.

Он положил руку на посох, который лежал рядом на полу. Но волшебный огонек не вспыхнул. Силы покинули чужеземца.

— Хочешь увидеть сокровища Могил Атуана, волшебник?

Пленник утомленно поднял глаза, щурясь от света фонаря. Больше он ничего не видел. Попытался улыбнуться и медленно кивнул головой.

— Выйди из этой комнаты, сразу поверни налево, потом еще раз налево... — Она выпалила без передышки длинную серию указаний, а под конец сказала: — Там ты найдешь то, за чем пришел. И там же, возможно, ты найдешь воду. Что бы ты сейчас выбрал, волшебник?

Он встал на ноги, опираясь на посох. Глядя на потолок, но не видя ее, он попытался что-то сказать, но не смог произнести ни слова. Он слегка потянулся и вышел из Комнаты с Картинами.

Она не даст ему воды. Да он все равно никогда не найдет сокровищницу. Дорога слишком длинная. Наверняка он не запомнил, как туда идти. Но даже если найдет дорогу, еще останется ямаловушка. Сейчас он бродит в темноте. Он заблудится, упадет и умрет в этих узких пустынных коридорах. А Манан найдет и вытащит наружу его тело. Вот и все. Ара вцепилась в крышку потайного отверстия и, согнувшись, начала раскачиваться взад-вперед, взад-вперед, кусая губы, чтобы причинить себе боль. Она не даст ему воды. Не даст! Смерть ему, смерть, смерть, смерть, смерть, смерть!

В эту ужасную минуту ее жизни в сокровищницу тяжелой неуклюжей походкой вошла Коссил в черной зимней мантии.

— Этот человек уже умер?

Ара подняла голову. В ее глазах не было слез. Ей нечего было скрывать.

— Думаю, да, — сказала она, отряхивая юбки. — Его огонек погас.

— Он может обманывать нас. У этих людей нет бессмертной души, но они очень хитры.

— Я подожду один день, чтобы убедиться, что он мертв.

— Правильно, лучше даже два дня. А потом Дьюби спустится и вынесет тело наружу. Он сильнее старого Манана.

— Но Манан служит Безымянным, а Дьюби нет. В Лабиринте есть места, куда Дьюби нельзя заходить, а вор в одном из этих мест.

— Но ведь это место уже осквернено...

— Оно очистится его смертью,— сказала Ара. По выражению лица Коссил она поняла, что с ее собственным лицом произошло что-то странное.— Это мои владения, жрица. Я должна заботиться об этом, как мне приказывают мои Повелители.

Коссил втянула голову в капюшон. Так черепаха в пустыне уходит в свой панцирь: мрачно, медленно и зловеще.

— Очень хорошо, госпожа.

Они разошлись у алтаря Богов-Близнецов. Ара не спеша подошла к Малому Дому и позвала Манана. После разговора с Коссил она знала, что ей делать.

Ара и Манан поднялись на гору, вошли в Тронный Зал и спустились в подземелье. Дернув вместе за длинную рукоятку, они открыли железную дверь в Лабиринт. Там зажгли фонари и вошли. Ара шла в Комнату с Картинами, а оттуда — в Великую Сокровищницу.

Вор не мог уйти далеко. Ара и Манан не прошли и пятиста шагов на своем извилистом пути, как увидели его. Он рухнул на каменный пол узкого коридора и теперь лежал, как брошенная куча тряпья. Посох валялся поодаль. На губах незнакомца запеклась кровь, глаза были полузакрыты.

— Он еще жив,— сказал Манан, став на колени. Положил свою большую желтую руку на темное горло незнакомца, проверил пульс.

— Задушить его, госпожа?

— Нет. Мне он нужен живым. Подними его и неси за мной.

— Живым? — взволнованно спросил Манан. — Но зачем, маленькая госпожа?

— Чтобы он стал рабом Могил! Лучше помолчи и делай, что я говорю.

Лицо Манана стало еще грустнее, чем всегда. Но он послушался и без труда, как мешок, взвалил на плечи молодого человека. Пошатываясь под тяжестью груза, Манан пошел за Арой. Теперь он не мог двигаться быстро. Они останавливались десять раз, чтобы Манан мог отдышаться. На каждой остановке коридор выглядел совершенно одинаково: серовато-желтые, плотно лежащие камни, образующие свод, неровный пол, мертвый неподвижный воздух. Манан тяжело дышал и постанывал. Чужестранец не шевелился. Тускло мерцали два фонаря. С обеих сторон, сужаясь, уходил вдаль коридор. На каждой остановке Ара вливала из бутылки немного воды в пересохший рот незнакомца. Совсем немного, чтобы не убить его.

— В Комнату Цепей? — спросил Манан, когда они шли по проходу, ведущему к железной двери. Тогда Ара впервые задумалась, куда ей поместить этого пленника. Но она знала.

— Нет, не туда,— сказала она.

Ее всегда тошнило при одном воспоминании о смраде и вони, бессловесных фигурах, невидящих глазах, скрытых за всклокоченными волосами. К тому же Коссил могла прийти в Комнату Цепей.

— Он... он должен остаться в Лабиринте. Здесь он не сможет восстановить свое колдовство. Где же такая комната...

— В Комнате с Картинами есть дверь с замком и потайное отверстие, госпожа. Конечно, если ты не боишься, что он сможет открыть дверь.

— Здесь, в подземелье, он бессилен. Неси его туда, Манан.

Манану пришлось тащить его назад. Он устал, его мучила одышка. Но у него уже не было сил спорить. Когда они вошли в Комнату с Картинами, Ара сняла свою длинную тяжелую шерстяную мантию, которую носила зимой, и постелила ее на пыльный каменный пол.

— Положи его сюда,— приказала она.

Манан замер от удивления. Грустно глядя на Ару, пропыхтел:

— Маленькая госпожа...

— Я хочу, чтобы он жил, Манан. Он умрет от холода. Посмотри, как он дрожит.

— Ваша одежда будет осквернена. Одежда Жрицы. Это же неверящий, мужчина,— хрипло произнес Манан.

Его маленькие глаза сощурились, как от боли.

— Тогда я сожгу эту мантию. Мне соткут новую. Ну, скорее, Манан.

Манан нагнулся и послушно бросил узника на черную мантию лицом вверх. Человек лежал тихо, как мертвый. Но на его горле билась жилка. Время от времени он вздрагивал.

— Его надо приковать,— сказал Манан.

— Разве он опасен? — усмехнулась Ара.

Но когда Манан указал на металлическую скобу в стене, к которой можно было приковать пленника, она разрешила ему принести цепь из Комнаты Цепей. Манан, ворча, поплелся по коридору. Иногда он невнятно бормотал себе под нос повороты. Ему и раньше приходилось ходить в Комнату Цепей и назад, но он никогда не ходил один. В неверном свете фонаря казалось, что рисунки на стенах задрожали, пришли в движение. Нескладные человеческие фигуры с огромными крыльями стояли и сидели в неподвластной времени тьме.

Ара опустилась на колени и влила в рот пленника немного воды. Он закашлялся, с трудом протянул руку и взял бутылку. Она дала ему напиться. Человек лег на спину. Его мокрое потное лицо было запачкано пылью и кровью. Он пробормотал одно или два слова на незнакомом языке.

Наконец вернулся Манан, волоча железную цепь, большой висячий замок с ключом и железную полосу, которая опоясывала талию человека и заперлась на ней.

— Слишком слабо, он может выскользнуть,— проворчал Манан, запирая замок.

— Нет, посмотри.

Теперь Ара гораздо меньше боялась своего пленника. Она показала Манану, что не может просунуть руку между железной полосой и ребрами человека:

— Он не выскользнет, если ему не придется снова голодать.

— Маленькая госпожа,— жалобно сказал Манан,— я не сомневаюсь, но... какой смысл делать его рабом Безымянных? Ведь он мужчина, малыш.

— А ты старый дурак, Манан! Хватит ворчать!

Узник следил за ними усталыми глазами.

— Где его посох, Манан? А, вот он. Я его возьму — он волшебный. Да, и это я тоже возьму.

Девушка быстрым движением сорвала с шеи пленника серебряную цепь, хотя он пытался остановить ее руку. Манан ударил его ногой по спине. Она отвела руку, так что он не мог дотянуться до цепи.

— Это твой талисман, волшебник? Ты дорожишь им? Не очень-то он красив. Неужели ты не мог найти ничего получше? Не бойся, я его сохраню.

И она надела цепь себе на шею и спрятала подвеску под тяжелым воротником хитона.

— Ты не знаешь, что с ним делать,— сказал он хриплым голосом.

Чужеземец коверкал слова каргского языка, но говорил достаточно отчетливо.

Манан ударил его снова. Он тихо застонал от боли и прикрыл глаза.

— Хватит, Манан, пошли.

Она вышла из комнаты. Манан, ворча, последовал за ней.

Ночью, когда все огни Места погасли, Ара снова поднялась на гору, на этот раз одна. Она наполнила флягу из колодца в комнате за Троном и отнесла ее в Комнату с Картинами, не забыв захватить за собой большую плоскую лепешку пресного гречишного хлеба. Она положила их за дверь в таком месте, где он мог до них дотянуться, но он спал и даже не пошевелился. Она вернулась в Малый Дом, легла в постель и на этот раз спала долго и крепко.

Утром снова побывала в Лабиринте. Хлеб исчез, фляга была пуста. Незнакомец сидел, прислонившись спиной к стене. Его лицо, покрытое грязью и струпьями, было ужасно. Глаза настороженно блестели.

Ара остановилась в таком месте, где он не мог до нее дотянуться: держали цепи. Она взглянула на него и тут же отвела глаза. Но в этой пустой комнате ей не на чем было остановить взгляд. Что-то мешало ей говорить. Сердце билось так, будто она боялась узника. Но у нее не было причин его бояться. Его жизнь была в ее руках.

— Неплохо было бы зажечь свет,— сказал он тихим и низким голосом. Этот голос встревожил ее.

— Как тебя зовут? — спросила Ара тоном, не допускающим возражений. Ей показалось, что ее собственный голос звучит неестественно высоко.

— Чаще всего меня зовут Ястреб.

— Ястреб? Это твое имя?

— Нет.

— Так какое же у тебя имя?

— Я не могу тебе этого сказать. Ты Главная Жрица Могил?

— Да.

— Как тебя зовут?

— Меня зовут Ара.

— Ара... Кажется, это означает «съеденная»? — Его темные глаза внимательно наблюдали за ней. Он чуть улыбнулся и спросил: — А как твое имя?

— У меня нет имени. Не задавай вопросов. Откуда ты приехал?

— С Внутренних Островов, с Запада.

— Из Хавнора?

Это было единственное название города или острова Внутренних Островов, которое она знала.

— Да, из Хавнора.

— Почему ты приехал сюда?

— Могилы Атуана известны в наших местах.

— Но ты безбожник, неверующий.

Он покачал головой.

— О нет, Жрица. Я верю в силы тьмы. Я встречал Безымянных и в других местах.

— В каких местах?

— На Архипелаге существуют места, принадлежащие Древним Властелинам Земли, как это место. Но среди них нет ни одного более могущественного, чем это. Нигде у них нет храма, жрицы и такого поклонения, как здесь.

— Ты пришел поклониться им? — насмешливо сказала она.

— Я пришел ограбить их, — ответил он.

Его голос звучал так серьезно, что она вздрогнула.

— Хвастун!

— Я знал, что это будет нелегко.

— Нелегко?! Это невозможно сделать! Если бы ты не был неверящим, ты бы знал это. Безымянные берегут свои сокровища.

— То, что я ищу, не принадлежит им.

— Конечно, оно принадлежит тебе.

— Я претендую на эту вещь.

— А кто ты, наконец? Бог? Король? — Ара бросила презрительный взгляд на грязного, изнуренного пленника, закованного в цепи. — Ты всего лишь вор! — резко сказала она.

Он ничего не ответил. Их взгляды встретились.

— Ты не должен смотреть на меня! — крикнула она.

— Моя госпожа, — сказал он, — я чужестранец. Я нарушил законы, но у меня и в мыслях не было обидеть тебя. Я не знаю ваших правил, не умею выразить должного уважения к Главной Жрице. Я в твоей власти и прошу прощения, если обидел тебя.

Она замолчала и вдруг почувствовала, что глупо краснеет. Но он послушался и не смотрел на нее, поэтому не заметил ее смущения.

Некоторое время они молчали. Нарисованные фигуры глядели со стен слепыми, скучными глазами.

Ара принесла с собой каменный кувшин с водой. Взгляд пленника остановился на кувшине. Тогда она сказала:

— Пей, если хочешь.

Он сразу потянулся к кувшину, бережно поднял его, как будто это была чаша с вином, и сделал длинный, длинный глоток. Смочив конец рукава, он очистил лицо от грязи, запекшейся крови и паутины, вытер руки. Это заняло у него довольно много времени. Девушка наблюдала за ним. Теперь он выглядел лучше, но когда грязь отмылась, с одной стороны лица проступили шрамы: старые, давно зажившие светлые шрамы резко выделялись на темной коже. От глаза до челюсти шли четыре параллельные полосы, похожие на следы от когтей огромной лапы.

— Что это за шрам?

Он не ответил.

— Дракон?

Она презрительно усмехнулась. Разве она пришла сюда не для того, чтобы посмеяться над своей беспомощной жертвой, чтобы причинить ему боль?

— Нет, не дракон.

— Значит, ты не повелитель драконов.

— Нет,— сказал он нехотя,— я повелитель драконов. Но шрамы появились раньше. Я уже говорил, что мне приходилось встречаться с Властелинами Тьмы в других уголках земли. На моем лице отмети-на одного из таких Безымянных. Правда, уже не безымянного, потому что я в конце концов узнал его имя.

— Что ты говоришь? Какое имя?

— Этого я не могу тебе сказать,— ответил он, улыбаясь, хотя глаза его оставались серьезными.

— Это чушь, дурацкая болтовня, святотатство! Они же Безымяные! Ты сам не знаешь, что говоришь...

— Я знаю об этом даже лучше, чем ты, Жрица,— сказал он глухо.

— Посмотри сюда.

Он повернул голову, чтобы она могла видеть четыре ужасных шрама поперек щеки.

— Я тебе не верю,— сказала она дрожащим голосом.

— Жрица,— мягко произнес он,— Ты совсем не стара. Не так уж долго ты служишь Властелинам Тьмы.

— Нет, долго! Очень долго! Я — Главная Жрица, Возрождающаяся. Я служу моим повелителям много тысяч лет. Я их слуга, их голос и их руки. Я отомщу тем, кто осквернил их Могилы, кто увидел то, чего видеть нельзя! Что ты врешь и хвастаешься? Разве ты не видишь, что я могу сказать всего одно слово, и придет мой страж и отрубит тебе голову? Или я уйду и запру за собой дверь, и никто никогда сюда больше не придет. А ты умрешь в темноте, мои повелители съедят твою плоть, съедят твою душу и оставят твои кости валяться в пыли.

Он спокойно кивнул головой.

Она запнулась и, не находя больше слов, выбежала из комнаты, громко захлопнув дверь. Пусть думает, что она больше не придет! Пусть обливается холодным потом в темноте! Пусть содро-

гается и проклинает все на свете! Его мерзкие заклинания все равно ему не помогут.

Но вдруг она вспомнила, как он спал тогда, у железной двери, спокойно, как овечка на солнечном лугу.

Она плюнула на запертую дверь, сделала знак, чтобы отвести злых духов, и почти бегом направилась в Подземную Могилу.

Вдоль стены Ара пробралась к люку в Тронном Зале. Пальцы ее скользили по гладким каменным плитам и ажурным узорам, похожим на замерзшее кружево. У нее возникло странное желание зажечь фонарь и еще раз, хотя бы на мгновение, увидеть изрезанные временем камни, величественные стены, переливающиеся чудным блеском. Она крепко зажмурила глаза и поспешила дальше.

7. ВЕЛИКОЕ СОКРОВИЩЕ

Никогда ежедневные обязанности и обряды не казались Аре такими утомительными, долгими и ненужными. Маленькие девочки с бледными лицами и хитрыми повадками, беспокойные новички, жрицы, за строгими и сдержанными манерами которых скрывались тайная зависть, жадность, мелкие страсти — все эти женщины, среди которых она выросла и которые были ее миром, теперь были жалкими и скучными.

Но она, служившая великим силам, она, жрица Черной Ночи, была выше этого. Ей не приходилось испытывать на себе гнетущее убожество их жизни, когда единственной радостью было получить побольше жиру в чечевичную похлебку, чем твоя соседка... В ее жизни вообще не было дней, как не было их и в Подземелье. Там царил вечная ночь.

И где-то внизу, среди этой нескончаемой ночи сидел узник: темнокожий человек, владеющий черной магией, закованный в железо и запертый в каменных стенах. От нее одной зависело придти или не придти, принести ему воду, хлеб и жизнь или нож мясника, чан и смерть.

Никому, кроме Коссил, не рассказала Ара об этом человеке. И Коссил тоже ничего никому не говорила. Он уже находился в Комнате с Картинами три дня и три ночи, но Коссил до сих пор ни о чем не спросила Ару. Может быть, она думает, что он уже мертв, и Ара с Мананом уже отнесли его тело в Комнату Костей. Правда, Коссил ничего не принимала на веру, но Ара пыталась уверить себя, что в молчании Коссил нет ничего странного. Просто Коссил хочет все сохранить в тайне и ненавидит задавать вопросы. К тому же Ара запретила ей вмешиваться в свои дела. Коссил повинуется приказанию своей госпожи.

Но если Коссил считает этого человека мертвым, то Ара не может просить для него пищи. Поэтому ей самой приходится довольствоваться лишь несколькими яблоками да высохшими луковичками, которые удастся стащить из погреба в Большом Доме. Она приказала приносить ей завтрак и ужин в Малый Дом, притворившись, что желает есть в одиночестве, а сама каждую ночь относил всю

пищу, кроме супа, в Лабиринт, в Комнату с Картинами. Она привыкла поститься по нескольку дней и легко переносила голод. А этот парень в Лабиринте проглатывал ее скромные порции хлеба, сыра и бобов в один присест: раз — и нету. Ясно, он мог бы съесть в пять или шесть раз больше, но он вежливо благодарил ее, как будто он был ее гостем, а она — хозяйкой на праздничном пиру. Ей приходилось слышать, что такие пиры бывают во дворце Короля-бога, когда на столах стоит жареное мясо, булки с маслом и вином в хрустальных кубках. Станный человек.

— Расскажи мне о Внутренних Островах.

Она принесла с собой маленький складной стульчик из слоновой кости, чтобы не допрашивать его стоя и не сидеть на полу на его уровне.

— Островов очень много. Говорят, в одном только Архипелаге сорок раз по сорок островов, а ведь еще есть Провинции. Ни одному человеку не удалось до сих пор объездить все провинции и пересчитать все острова. Двух одинаковых островов не найти. Но, пожалуй, самый прекрасный из них — Хавнор, великий остров в центре Архипелага. В самом сердце острова в широком заливе, полном кораблей, расположен город Хавнор. Башни города построены из белого мрамора. Дом каждого принца и купца украшен башней, и они возвышаются друг над другом. Крыши домов выложены красной черепицей, а мосты покрыты мозаикой из красных, синих и зеленых плиток. На белых башнях развеваются разноцветные флаги принцев. На самой высокой башне установлен Меч Эррета-Акбе. Он, как шпиль, устремлен в небо. Когда в Хавноре восходит солнце, меч вспыхивает, а когда солнце садится и наступает вечер, меч еще некоторое время сверкает золотом.

— А кто такой Эррет-Акбе? — спросила Ара, притворившись, что не знает.

Пленник поднял голову и посмотрел на Ару. Ничего не сказал, только усмехнулся. Немного погодя, как бы передумав, произнес:

— Да, вы здесь мало о нем слышали. Пожалуй, ничего, кроме того, что он приезжал на каргские земли. А что ты о нем знаешь?

— Он потерял свой волшебный посох и амулет, а вместе с ними свою силу, как и ты, — ответила она. — Он сбежал от Верховного Жреца и скрылся на Западе, но там его убил дракон.

— В общем, так и было, — сказал пленник.

Она почувствовала, что в этом разговоре кроется для нее какая-то опасность, поэтому поспешила прекратить его.

— Говорят, он был повелителем драконов. Ты утверждаешь, что тоже повелитель. Скажи мне, кто такой повелитель драконов?

Она разговаривала насмешливым тоном. Его же ответы были прямыми и простыми, как будто он отвечал всерьез.

— Это человек, с которым драконы соглашаются говорить, — ответил он. — По крайней мере, в этом заключается суть дела, а не в том, чтобы одолеть дракона, как думает большинство людей. Вопрос вот в чем: будет ли дракон говорить с тобой или он съест

тебя. Если у тебя есть основания считать, что он сделает первое, а не второе, то тогда ты повелитель драконов.

— Драконы умеют разговаривать?

— Конечно! На Древнем Языке, на языке, который так тяжело дается нам, людям, и который мы так коверкаем, произнося волшебные заклинания. Ни один человек не знает этот язык в совершенстве, никто не знает даже десятой его доли. У человека недостаточно времени, чтобы выучить этот язык. Но драконы живут тысячу лет... С ними стоит поговорить, как ты догадываешься.

— А здесь, на Атуане, есть драконы?

— Я думаю, драконы не живут здесь уже много веков. Нет их и на Карего-Ат. Но, как я слышал, на вашем северном острове Хут-ат-Хур в горах все еще водятся большие драконы. На Внутренних Островах они сейчас встречаются на крайнем западе, в далекой Западной провинции. Там люди не живут, и мало кто туда приезжает. Если драконы голодны, они совершают налеты на острова, расположенные восточнее, но такое бывает редко. Я видел остров, где они собирались, чтобы потанцевать. Они взмывают вверх на своих огромных крыльях, все выше и выше поднимаясь по спирали над морем. Они напоминают желтые осенние листья на ветру.

Его глаза осветились воспоминанием об этом удивительном зрелище. Он смотрел сквозь черные рисунки на стенах, сквозь стены, толщу земли и темноту и видел необъятную гладь моря, простирающуюся до самого горизонта, и золотистых драконов в золотом вихре.

— Врешь,— гневно сказала девушка,— ты все это выдумал!

Он вздрогнул и посмотрел на нее:

— Зачем мне врать, Ара?

— Чтобы я почувствовала себя душой, тупицей и трусихой. А самому представиться мудрым, смелым, сильным, повелителем драконов и все такое. Ты видел, как танцуют драконы. Ты видел белые башни Хавнора. Ты везде побывал и все знаешь. А я ничего не знаю и никогда нигде не была. Но все это вранье! Ты всего лишь вор и пленник. У тебя нет души. Ты никогда отсюда не выйдешь. Какая разница, есть ли на свете океаны, драконы, белые башни и все остальное? Ведь ты их больше не увидишь! Ты не увидишь даже солнечного света! Я ничего не знаю, кроме черной ночи подземелья. И больше ничего знать не желаю. Да и в конце концов знать-то больше нечего. Тишина и темнота. Ты знаешь все, волшебник. А я знаю только одно, но это сильнее всех твоих знаний!

Он наклонил голову. Его длинные бронзово-коричневые руки были спокойно сложены на коленях. Она увидела на его щеке четыре полосы от шрамов. Он постиг тьму глубже, чем она. Смерть, даже смерть была знакома ему лучше, чем ей... На минуту Ару захлестнула волна ярости, гнев душил ее. Почему он сидит перед ней такой беззащитный и в то же время такой сильный? Почему она не может победить его?!

— Поэтому я должна оставить тебе жизнь,— неожиданно сказала она, задумавшись.— Я хочу, чтобы ты показал мне волшебные фокусы. Ты будешь жить, пока тебе будет что мне показывать. А если тебе нечего показать, если все это глупости и вранье, то я разделяюсь с тобой. Понял?

— Да.

— Очень хорошо. Тогда начинай!

Он на минуту уронил голову на руки и переменял позу. Железный пояс мешал ему устроиться поудобнее.

Наконец он поднял голову и очень серьезно сказал:

— Послушай, Ара. Я Маг, или, как ты говоришь, колдун. Мне известны некоторые волшебные приемы и заклинания, это правда. Но правда также то, что здесь, во владеньях Древних Властелинов Земли, сила моя невелика, а мое искусство отказывается мне служить. Сейчас я мог бы показать тебе фокус или чудо, вызвать иллюзию. Это самое простое, что есть в колдовских науках. Я умел делать фокусы еще ребенком, даже здесь я могу их показать. Но если ты в них поверишь, они тебя напугают, и если страх озлобит тебя, ты захочешь меня убить. А если ты им не поверишь, если сочтешь их, как ты говоришь, обманом и глупостями, я опять же потеряю жизнь. Моя же цель и мое желание — пока что остаться в живых.

— Это рассмешило ее, и она сказала:

— Ты еще поживешь. Разве сам не понимаешь? Ты и, правда, глуповат! Ладно, покажи мне свои фокусы. Я знаю, что все это обман, и не испугаюсь. Я бы не испугалась, даже если бы они были настоящими. Ну, давай! Твоя драгоценная шкура в безопасности, по крайней мере на сегодняшнюю ночь.

При этих словах он рассмеялся, как она минуту назад. Они перебрасывались его жизнью, как будто играли в мяч.

— Что ты хочешь увидеть?

— А что ты можешь мне показать?

— Что пожелаешь.

— Опять хвастаешься!

— Нет,— сказал он. По-видимому, это его слегка задело.— Я не хвастаюсь. Во всяком случае, не собирался.

— Покажи мне что-нибудь стоящее. Что хочешь!

Он наклонил голову и некоторое время смотрел на руки. Ничего не произошло. Сальная свеча в фонаре светила тусклым ровным светом. Черные неподвижные изображения на стенах, с птичьими крыльями, со скучными глазами, нарисованными белой и красной краской, неясно вырисовывались над ними. Стояла полная тишина. Она разочарованно и немного огорченно вздохнула. Он был слаб, много говорил, но ничего не делал. Он просто хороший лгун, даже вор из него не получился.

— Хорошо,— сказала она, наконец, и собрала свои юбки, чтобы встать. Но шерстяная ткань хитона как-то странно зашелестела. Она посмотрела на себя и застыла от удивления: ее тяжелая черная мантия исчезла. Теперь девушка была одета в платье из бирюзо-

вого шелка, яркого и мягкого, как вечернее небо. Оно расширялось книзу, и вся юбка была расшита тонкими серебряными нитями, жемчужными зёрнышками и крохотными кусочками хрусталя. Оно мягко искрилось, как апрельский дождь.

Ара безмолвно смотрела на мага.

— Нравится?

— Где...

— Такой наряд я видел на принцессе на празднике Возвращения Солнца в Большом Дворце Хавнора,— сказал он, глядя на нее с удовольствием.— Ты велела показать тебе что-нибудь стоящее. Я показал тебе тебя.

— Убери... убери его.

— Ты дала мне свой плащ,— сказал он, как бы упрекая ее.— Разве я не могу тебя отблагодарить? Ладно, не беспокойся. Это только иллюзия. Смотри!

Он даже пальцем не пошевелил, не произнес ни слова, но глубокой блестящий шелк исчез, и она снова оказалась в своем грубом черном хитоне.

Некоторое время Ара молчала.

— Откуда мне знать, что ты тот, за кого себя выдаешь? — спросила она наконец.

— А я не знаю, кем ты меня считаешь,— ответил он.

Она снова задумалась.

— Может быть, ты притворяешься...— она осеклась, потому что он неожиданно поднял руку и указал вверх.

— Она подумала, что он говорит заклинание и быстро отошла к двери, но потом, проследив движение его руки, увидела в темно сводчатом потолке маленький квадрат. Это было потайное отверстие в сокровищнице храма Богов-Близнецов.

Света в потайном отверстии не было. Она ничего не увидела, не услышала ни малейшего шороха. Но он почему-то указал на отверстие и вопросительно посмотрел на нее.

На минуту оба замерли.

— Твое колдовство — пустяки для детей,— отчетливо произнесла она.— Обман и ложь! Хватит с меня! Ты будешь отдан на съедение Безымянным. Я больше не приду.

Она взяла свой фонарь и вышла, громко щелкнув засовами. За дверью остановилась. Ей было не по себе. Что же теперь делать?

Что именно видела и слышала Коссил? О чем они говорили? Она не могла вспомнить. Кажется, она так и не сказала пленнику то, что собиралась сказать. Он совсем сбил ее с толку своими сказками о драконах и башнях. Он давал имена Безымянным, он хотел жить, он поблагодарил ее за плащ. И не сказал того, что можно было ожидать от человека в его положении. А она даже не спросила о талисмানে, который по-прежнему висел на цепи у нее на груди.

Но это даже к лучшему, ведь Коссил подслушивала их.

Ну и что, в конце концов? Что ей бояться Коссил? Ответ на этот вопрос был ей слишком хорошо известен. Нет ничего проще, чем

убить ястреба в клетке. Человек, закованный в цепи, беспомощен. Жрице Короля-бога достаточно было послать своего слугу Дьюби, чтобы тот задушил пленника. А если они не знают этой части Лабиринта, Коссил не составит никакого труда насыпать в потайное отверстие Комнаты с Картинами ядовитого порошка. У нее были коробочки и флаконы, при помощи которых можно отравить пищу, воду или воздух, если вдыхать его достаточно долго. И к утру он будет мертв, все будет кончено. Никогда больше под Могилами не загорится свет.

По узким каменным коридорам Ара поспешила к выходу из Подземной Могилы, где ее ждал Манан, терпеливо сидевший в темноте, как старая лягушка в топком болоте. Он не одобрял ее встреч с пленником, а она не разрешала ему везде сопровождать ее. Но теперь она была рада, что он поблизости. Ему, по крайней мере, можно было доверять.

— Послушай, Манан, немедленно отправляйся в Комнату с Картинами. Скажи этому человеку, что он будет похоронен заживо и что ты отнесешь его в Подземную Могилу.

Маленькие глазки Манана радостно загорелись.

— Скажи это громко. Сними с него цепь и отведи...— она остановилась, потому что еще не решила, где лучше спрятать пленника.

— В Подземную Могилу,— радостно сказал Манан.

— Нет, дурак! Я сказала «скажи это», а не «сделай это». Погоди.

Где же можно спрятаться от Коссил и ее шпионов? Только в самых глубоких местах подземелья, в самых потайных и священных уголках владений Безымянных, куда Коссил не осмеливалась заходить. Но разве Коссил чего-нибудь боится? Конечно, она боится ходить в темные места, но способна преодолеть страх, чтобы добиться своей цели. Трудно сказать, насколько хорошо она на самом деле знает расположение Лабиринта, что ей удалось узнать от Тар или от Ары в предыдущей жизни. А, может быть, она сама когда-то обследовала подземные ходы. Ара подозревала, что Коссил знает больше, чем говорит. Но был один ход, которого она не знает и который держали под строжайшим секретом.

— Ты должен отвести этого человека туда, куда я тебе укажу. Это надо сделать в темноте. Потом я приведу тебя назад, и ты выроешь могилу, сделаешь гроб, опустишь пустой гроб в могилу и засыпешь землей. Если кто-то вздумает искать этот гроб, он сможет убедиться, что гроб в могиле. Пусть могила будет глубокой. Ты понял?

— Нет,— ответил Манан мрачным и недовольным голосом.— Малышка, этот обман неразумен. Это нехорошо. Нельзя, чтобы здесь находился мужчина! Наказание неизбежно...

— Да, точно, одному старому дураку отрежут язык! Как ты смеешь говорить мне, что разумно, а что неразумно. Я выполняю указания Властелинов Тьмы. Иди за мной!

— Прости, маленькая госпожа, прости...

Они вернулись в Комнату с Картинами. Ара осталась ждать в коридоре, а Манан вошел и отомкнул замок, запиравший цепь. Она услышала, как низкий голос спросил: «Куда теперь, Манан? А высокий хрипловатый голос угрюмо ответил: «Ты будешь похоронен живо в Подземной Могиле. Так повелела моя госпожа. Вставай».

Ара услышала, как зазвенели тяжелые цепи.

Из двери вышел пленник. Руки его были связаны кожаным ремнем Манана. Манан шел сзади, держа его, как собаку, на коротком поводке. Только ошейник охватывал его за талию, а поводок был железным. Он внимательно посмотрел на нее, но она задула свечу и не говоря ни слова пошла вперед, в темноту.

Ара ступала медленно и легко, слегка касаясь пальцами стен по обе стороны коридора. Так она ходила всегда, когда не зажигала огня в Лабиринте. Манан с пленником шли следом, им было труднее из-за цепи; они шаркали ногами и спотыкались. Но свет зажигать было нельзя: она не хотела, чтобы кто-нибудь еще знал этот путь.

От Комнаты с Картинами налево, один пропустить, направо, пропустить один поворот справа, потом долго идти вперед по извилистому коридору, спуститься по ступенькам, скользким и слишком узким для нормальной человеческой ноги. Дальше этих ступеней она не заходила никогда.

Здесь было очень душно, в неподвижном воздухе пахло чем-то неприятным. Она хорошо помнила дорогу, помнила даже интонации голоса Тар, когда та рассказывала ей дорогу. Вниз по ступеням. Она услышала, как позади в крошечной тьме пленник споткнулся, а потом вскрикнул, когда Манан поддержал его, при этом с силой дернув за цепь. Внизу сразу налево. Пропустить три поворота налево, потом первый направо, дальше идти по правой стене. Коридоры поворачивали и петляли. На этом пути не было ни одного прямого участка.

— Теперь тебе надо обойти Яму,— услышала она голос Тар из глубины своей памяти.— Дорога очень узкая.

Она замедлила шаг, нагнулась и одной рукой ощупала пол перед собой. Теперь коридор устремился прямо вперед, вводя в заблуждение того, кто по нему шел. Вдруг ее рука, ни на минуту не отрывавшаяся от каменных плит, почувствовала пустоту. Вот край камня, а за ним — пропасть. Справа стена уходила прямо вниз. Слева вдоль стены тянулся узкий уступ, шириной чуть больше ладони.

— Здесь яма. Встань лицом к левой стене, прижмись к ней и переступай вбок. Манан, крепче держи цепь... Ты встал на выступ? Он сужается. Не нажимай на пятки. Ну вот, я прошла яму. Протяни мне руку. Все...

Тоннель часто делал повороты, разветвлялся. Из поворотов доносилось эхо их собственных шагов: странный, гулкий звук. И, что еще более странно, они чувствовали слабое движение воздуха наподобие сквозняка. Наверное, в конце каждого коридора

находится такая же яма. А может быть, под этой частью Лабиринта располагается огромная черная пустота, пещера во много раз больше Подземной Могилы.

Преодолев пропасть, они снова пошли по темным коридорам. Ход становился все уже, потолок опускался. Будет ли этому конец?

Конец оказался неожиданным: перед ними была закрытая дверь. Ара шла согнувшись и немного быстрее, чем обычно, поэтому ударилась головой и руками. Она нашла на ощупь замочную скважину, достала серебряный ключ в форме дракона. Она никогда раньше им не пользовалась. Ключ подошел, повернулся в замке. Ара открыла дверь Великой Сокровищницы Могил Атуана. И оттуда в темноту устремился затхлый воздух.

— Манан, тебе нельзя сюда входить. Подожди за дверью.

— Ему можно, а мне нельзя?

— Если ты войдешь в эту комнату, Манан, ты уже отсюда не выйдешь. Таков закон для всех, кроме меня. Ни один смертный не выходил еще из этой комнаты. Так что, войдешь?

— Я подожду за дверью,— произнес печальный голос в темноте.— Госпожа, госпожа, не закрывай дверь...

Его тревога передалась ей, и она оставила дверь открытой. Это место действительно наполняло ее душу тупым страхом. Она почувствовала недоверие к пленнику, несмотря на то что он был связан. Войдя в комнату, зажгла фонарь. Руки дрожали. В спертom воздухе фонарь горел плохо. В неверном пламени свечи, слепившем глаза после длинных темных коридоров, проступили неясные очертания предметов, на стенах задвигались причудливые тени.

Там было шесть огромных каменных сундуков, покрытых толстым слоем серой пыли — и все. Грубые стены, низкий потолок. Казалось, от промозглого ледяного воздуха стынет кровь. Паутины нет, только пыль. Здесь не было ничего живого, даже маленьких белых пауков, изредка встречающихся в Лабиринте. Зато пыли накопилось много. Может быть, в этом месте, без света и времени, каждая пылинка соответствовала одному дню? Дни, месяцы, годы, века — все превратилось в прах.

— Вот то место, которое ты искал,— произнесла Ара твердым голосом.— Это Великое Сокровище Могил. Ты пришел сюда. Но тебе отсюда не выйти.

Он ничего не ответил, и лицо его оставалось спокойным, только в глазах мелькнуло выражение, которое вызвало у нее сочувствие: это было отчаяние. Такие глаза бывают у того, кого предали.

— Ты сказал, что хочешь жить. Это единственное известное мне место, где твоей жизни ничего не угрожает. Коссил убьет тебя или заставит меня убить тебя, Ястреб. Но сюда ей не добраться.

— Он по-прежнему молчал.

— В любом случае ты бы не смог выйти из Могил. Разве ты

не понимаешь? Ну, а теперь по крайней мере ты достиг... цели своего путешествия. То, что ты искал, находится здесь.

Пленник сел на один из сундуков. Вид у него был изможденный. Волочившаяся за ним цепь с громким звоном ударилась о камень. Он посмотрел вокруг на стены, на плясавшие тени, потом на Ару.

Она отвела взгляд в сторону каменных сундуков. У нее не было желания открывать их. Ей было безразлично, какие сокровища там лежат.

— Здесь я сниму с тебя цепь.

Девушка подошла и сняла с него железный пояс, освободила руки от ремня Манана.

— Я должна запереть дверь. Тебе известно, что ты не можешь уйти? Что ты не должен даже пытаться уйти? Я — орудие их мести, я выполняю их волю, но если я их подведу, если ты обманешь мое доверие, тогда они отомстят. Ты не должен пытаться выйти из комнаты. Не вздумай ударить или обмануть меня, когда я приду. Ты должен меня слушаться.

— Я сделаю то, что ты скажешь.

— Я буду приносить тебе воду и пищу, когда смогу. Правда, немного. Воды тебе хватит, но пищи пока будет мало. Я проголодалась, понимаешь? Но с голоду ты не умрешь. Возможно, я не смогу приходить день или два, может быть, даже дольше. Мне надо усыпить подозрения Коссил. Но я приду. Обещаю. Вот фляга, береги ее. Я не смогу прийти скоро. Но я вернусь.

Он посмотрел ей в лицо. Странное выражение мелькнуло у него в глазах.

— Будь осторожна, Тенар,— сказал он.

8. ИМЕНА

По темным переходам Ара отвела Манана назад в пещеру. Ему предстояло выкопать могилу для узника. Так она докажет Коссил, что вор действительно наказан. Было уже поздно. Она направилась прямо в Малый Дом и легла спать. Ночью неожиданно проснулась: вспомнила, что оставила свой плащ в Комнате с Картинами. В сыром склепе у пленника нет ничего теплого, кроме его собственного короткого плаща, нет постели, кроме пыльного камня. «Холодная могила, холодная могила...» — с грустью подумала Ара. Но она была слишком усталой, чтобы проснуться полностью, и опять погрузилась в сон. Ей снились сны: души мертвых на стенах Комнаты с Картинами, похожие на огромных встрепанных птиц с человеческими руками, ногами и лицами. Они притаились во мраке подземелья. Эти птицы не могли улететь. Глина служила им пищей, а пыль — питьем. Это были души тех, кто никогда не возродится,— древних людей, не веривших в богов. Их пожирали Безымяные. Они окружили ее, спрятавшись в тени, и время от времени до нее доносилось тихое поскрипывание, писк. Одна из этих птиц подошла к ней совсем

близко. Сначала девушка испугалась и попыталась отодвинуться, но не могла пошевелиться. У этой птицы была птичья голова и золотые волосы. Птица произнесла тихо и нежно голосом женщины: «Тенар, Тенар...»

Ара проснулась. Ее рот был забит глиной. Она лежала в каменной могиле под землей, руки и ноги стянуты тяжелыми одеяниями. Она не могла ни двигаться, ни говорить.

Отчаяние Ары было так велико, что разрывало грудь. Она билась огненной птицей о камень, сокрушила его и вырвалась на свет — слабый дневной свет, проникавший в ее комнату без окон.

На этот раз Ара действительно проснулась. Кошмарный сон измучил ее, мысли путались. Она оделась и вышла во двор Малого Дома, где стоял бак с водой, опустила руки и голову в ледяную воду. Тело ее содрогнулось от холода, и кровь побежала быстрее. Откинув назад мокрые волосы, выпрямилась и посмотрела в утреннее небо.

Рассвело совсем недавно. Стоял ясный зимний день. Золотистое небо было совершенно чистым. Высоко в небе парила птица, ястреб или степной орел. В первых лучах восходящего солнца она казалась золотой искрой.

— Я — Тенар,— тихо сказала девушка, дрожа от холода, ужаса и восторга.— Ко мне вернулось мое имя. Я — Тенар!

Золотая точка полетела на запад к горам и скрылась из виду. Солнечные лучи позолотили крышу Малого Дома. В чистом свежем воздухе запахло дымом. Со стороны кухни потянуло запахом гречневой каши.

— Как есть хочется... Как он узнал? Как он узнал мое имя? Скорее, скорее, поесть...

После трех дней полуголодного существования Ара чувствовала себя несчастной и испуганной. Пища придала ей сил и спокойствия. После завтрака она была готова встретиться с Коссил.

Выходя из трапезной Большого Дома, девушка приблизилась к высокой грузной жрице и тихо сказала:

— Я разделалась с грабителем... Какой прекрасный день!

Холодные серые глаза искоса посмотрели на нее из-под черного капюшона.

— Я полагала, что Жрица должна воздерживаться от еды в течение трех дней после принесения человеческой жертвы.

Коссил была права. Ара забыла об этом и не смогла скрыть замешательства.

— Но он еще не умер,— наконец вымолвила она, пытаясь казаться равнодушной. Еще минуту назад это было совсем легко.— Он похоронен живо. Под Могилами. В гробу. Гроб деревянный, поэтому туда попадает воздух. Он будет умирать медленно. Когда я узнаю, что он мертв, начну поститься.

— А как же ты об этом узнаешь?

Она покраснела и снова замолчала в нерешительности.

— Узнаю... Они... Мои повелители скажут мне.

— Понятно. А где его похоронили?

— В Подземной Могиле. Я велела Манану выкопать у Гладкого Камня.

Не надо спешить с ответами, не надо разговаривать глупым просящим голосом. В разговоре с Коссил надо уметь сохранять достоинство.

— Живым, в деревянном гробу? Колдуна так опасно хоронить, госпожа. А вы не забыли заткнуть ему рот, чтобы он не произнес заклинаний? А руки ему связали? Они могут колдовать одним пальцем, если им отрежут язык.

— Колдовство его ничего не стоит. Все один обман,— сказала девушка уже громче.— Он похоронен, и мои повелители ждут его душу. А остальное тебя не касается, жрица!

На этот раз Ара зашла слишком далеко. Их разговор слышали другие: рядом стояла Пенте, еще несколько девочек, Дьюби и жрица Меббет. Девочки внимательно прислушивались к их разговору, и это не ускользнуло от внимания Коссил.

— Меня касается все, что здесь происходит. Все наши дела являются предметом забот Короля-бога, Бессмертного Человека, которому я служу. А он заглядывает и в самые темные подземелья, и в сердца людей. И никто не может ему этого запретить!

— Я запрещаю! Никто не смеет войти в Могилы без разрешения Безымянных. Они были до Короля-бога и будут после него. Говори о них уважительно, жрица. Не навлекай на себя их гнев. Они войдут в твои сны, в темные закоулки твоего мозга, и ты сойдешь с ума.

Глаза девушки гневно сверкали. Лица Коссил под черным капюшоном не было видно. Пенте и другие взволнованно наблюдали за происходящим.

— Они состарились,— послышался из-под капюшона тихий свистящий шепот Коссил.— Они состарились. Кроме этого места, им давно уже нигде не поклоняются. Их власть умерла. Это просто тени. У них больше нет власти. Не пытайся напугать меня, Съеденная. Ты — Первая Жрица. Но не означает ли это, что ты же и последняя? Меня не обманешь. Я тебя насквозь вижу. Темнота ничего не спрячет от меня. Берегись, Ара!

Коссил повернулась и пошла к дому Короля-бога тяжелыми размеренными шагами. Ее ноги, обутые в сандалии, с хрустом снимали заледеневшую траву.

Темная и стройная фигурка девушки замерла у входа в Большой Дом. Все вокруг застыло, никто не двигался. Во всем пространстве между храмом, равниной и горами двигалась только одна точка — Коссил.

— Пусть Властелины Тьмы съедят твою душу, Коссил! — закричала Ара голосом, похожим на крик ястреба, и, простирая вперед руку, обрушила проклятие на широкую спину жрицы, когда та поднималась по ступеням своего храма. Коссил пошатнулась, но не остановилась и не обернулась, а продолжала свой путь к двери храма Короля-бога.

Ара провела весь день, сидя на нижней ступеньке Пустого Трона. Она не осмеливалась спуститься в Лабиринт на глазах у других жриц. На нее свалилась какая-то тяжесть. Тянулся час за часом, а девушка все сидела в холодном сумраке, уставившись на толстые двойные колонны в дальнем конце зала, на солнечные лучи, косо падавшие сквозь отверстия в крыше, на густые клубы дыма над бронзовым треножником с углями около Трона. Она не находила в себе сил двинуться с места. Ара выкладывала на мраморных ступенях узоры из маленьких косточек мышей. Так, в непонятном оцепенении, она просидела весь день с опущенной головой. Мозг ее напряженно работал. «Кто я?» — спрашивала она себя, но ответа на этот вопрос не находила.

В зале стало темно и холодно. В дверях появился Манан и шаркая направился к ней между колоннами. Его одутловатое лицо было очень печально. Он остановился поодаль. Длинные руки устало свисали вниз. Кайма старого плаща оборвалась и болталась где-то у самого пола.

— Маленькая госпожа!

— Что, Манан? — Ара устало посмотрела на него. Вдруг ей стало его жалко.

— Малышка, разреши мне сделать то, что ты велела... Я выполнил твои приказания. Но он должен умереть, малышка. Он тебя околдовал. Она будет мстить. Она старая и злая. А ты слишком молода. У тебя не хватит сил.

— Она не может причинить мне вреда.

— Даже если она убьет тебя на глазах у всех, никто ее не накажет. Она — Верховная Жрица Короля-бога, а Король-бог правит всей Империей. Но она не убьет тебя в открытую. Она сделает это украдкой, ночью. Она отравит тебя.

— Тогда мне придется снова возродиться.

Манан сжал свои большие руки.

— Может быть, она не убьет тебя.

— Что ты хочешь сказать?

— Она запрет тебя там... внизу... Как ты заперла его. Возможно, ты проживешь там много-много лет... И новая Жрица не родится, потому что ты будешь еще жива. И не будет уже Жрицы Могил. И никто уже не будет танцевать танцы новолуния. Не будет жертвоприношений. Никто не выльет кровь перед Троном. И Властелинам Тьмы никто никогда не поклонится. Таково желание Коссил и ее господина.

— Мои Повелители освободят меня, Манан.

— Нет, ты навлекла на себя их гнев, маленькая госпожа, — прошептал Манан.

— Гнев?

— Из-за него... Святотатство осталось неотмщенным. Ах, малышка, малышка! Они не прощают!

Ара сидела на пыльной ступени, поникнув головой. Она посмотрела на крошечный предмет, лежавший у нее на ладони. Это был

череп маленькой мыши. Совы на балках над Троном зашевелились — скоро ночь вступит в свои права.

— Не ходи сегодня в Лабиринт, — тихо произнес Манан. — Иди к себе в дом и ложись спать. Утром пойди к Коссил и скажи ей, что снимаешь с нее проклятье. И все. Тогда тебе не о чем беспокоиться. Я предъявлю ей доказательство.

— Какое доказательство?

— Доказательство того, что пленник мертв.

Она не двигалась, потом медленно сжала руку, и хрупкая кость треснула и рассыпалась.

— Нет, — сказала она и отряхнула пыль с ладони.

— Он должен умереть. Он околдовал тебя, Ара! Ты пропала!

— Никто меня не околдовал. А ты старый трус, Манан. Испугался старухи. Интересно, как ты доберешься до него? Как убьешь его, чтобы получить свое доказательство? Или ты знаешь путь в Сокровищницу? Ты сможешь сосчитать повороты? Сможешь спуститься по ступеням, обойти Яму? А дверь? Ты сможешь открыть дверь? Бедный старый Манан, у тебя в голове помутилось. Как она тебя напугала! А сейчас иди в Малый Дом, ложись спать и забудь об этом. И не надоедай мне больше своими разговорами о смерти... Я приду позже. Пошел, пошел, старый дурак, старый болван!

Девушка поднялась и стала легонько и ласково подталкивать Манана к выходу.

Он тяжело и нехотя зашаркал прочь. Она смотрела ему вслед.

Когда Манан был уже далеко, она повернулась, обошла Трон и исчезла в темноте.

9. КОЛЬЦО ЭРРЕТА-АКБЕ

В Великой Сокровищнице Могил Атуана течение времени не ощущалось. Не было ни света, ни жизни. Ни паука в пыли, ни червяка в холодной земле. Камень и темнота. А время застыло.

На каменной крышке сундука, вытянувшись, лежал на спине грабитель с Внутренних Островов. Он был похож на резную фигуру каменного надгробия. Потрясенная вековая пыль осела на его одежде. Он не двигался.

Загремел замок. Дверь открылась. Огонь свечи разорвал тьму, потянуло свежим воздухом. Человек не пошевелился.

Ара закрыла дверь и заперла ее изнутри, поставила фонарь на сундук и медленно приблизилась к неподвижной фигуре. Она двигалась робко, с широко раскрытыми глазами. После долгого путешествия по темным коридорам зрачки ее расширились.

— Ястреб!

Она тронула его за плечо и снова позвала.

Человек пошевелился и застонал. Потом с трудом приподнялся и сел. Лицо его осунулось, глаза смотрели отрешенно. Он смотрел на нее, не узнавая.

— Это я, Ара!.. Тенар. Я принесла тебе воды. Вот, попей.

Несгибающимися пальцами он отыскал флягу и отпил, но немного.

Сколько времени прошло?

— Ты здесь уже два дня. Сейчас третья ночь. Я не могла прийти раньше. Мне удалось украсть пищу. Вот...

Она вытащила из мешка плоскую серую булку. Но он только покачал головой:

— Я не хочу есть. Здесь... смерть.

Он уронил голову на руки и застыл.

— Ты замерз? Я принесла плащ из Комнаты с Картинами.

Он не отвечал.

Ара положила плащ и уставилась на человека широко раскрытыми глазами. Ее била дрожь. Вдруг она упала на колени, уронила голову и зарыдала. Рыдания сотрясали ее тело, но глаза оставались сухими.

Он неловко поднялся с сундука и наклонился над ней.

— Тенар...

— Я не Тенар. И не Ара. Боги мертвы, боги мертвы.

Он положил руки ей на голову, откинув капюшон, и тихо заговорил. Язык был ей незнаком, но звуки его слов проникали в ее сердце, омывая его, как будто дождем. Она затихла и стала слушать.

Когда девушка успокоилась, он поднял ее, как ребенка, и посадил на сундук. Держа за руку, спросил:

— Почему ты плакала, Тенар?

— Я расскажу тебе. Какая разница? Ты ничего не сможешь сделать. Ты не можешь мне помочь. Ты ведь тоже умираешь. Так что это не имеет значения. Мне вообще все равно. Коссил, Жрица Короля-бога — злая женщина. Она хотела, чтобы я тебя убила, как убила других. А я не хотела этого. Она не имеет права. Она оскорбляла Безымянных, насмеялась над ними. Я прокляла ее. И с тех пор я ее боюсь. Манан правду сказал: она не верит в богов. Она хочет, чтобы их забыли. Она убьет меня, когда я буду спать. Поэтому я не спала. Я не вернулась в Малый Дом. Всю прошлую ночь я провела в Зале, на чердаке, где хранятся платья для ритуальных танцев. Перед тем как рассвело, я пошла в Большой Дом и украла на кухне немного пищи, а потом вернулась в Зал и пряталась там целый день. Я пыталась найти выход. А сегодня... сегодня я так устала и решила пойти в святое место и там поспать. Я подумала, она не посмеет туда прийти. И я спустилась в Подземную Могилу. Это большая пещера, где я первый раз увидела тебя. И там... она была там! Наверное, она пришла через дверь в красной скале. У нее был фонарь. Она рылась в могиле, которую выкопал Манан, хотела проверить, там ли тело. Как кладбищенская крыса, толстая, черная крыса. А в Святом Месте, в темном месте горел огонь. И Безымянные ничего ей не сделали. Они не убили ее и не послали на нее безумие. Она сказала, что они состарились. Они умерли. Их больше нет. И я теперь не жрица.

Молодой человек стоял и слушал, слегка наклонив голову и по-

прежнему держа ее за руку. Он немного пришел в себя, и лицо его оживилось, хотя серовато-синие шрамы резко выделялись на щеке, а одежда и волосы запыхались.

— Я прошла мимо нее через Подземную Могилу. Ее свеча давала больше тени, чем света. Она меня не заметила. Я хотела пройти в Лабиринт и там спрятаться. Но мне все время казалось, что за мной кто-то идет. Во всех коридорах мне слышались чьи-то шаги позади. Я не знала, куда идти. Я думала, что буду здесь в безопасности. Я надеялась, что мои Повелители не дадут меня в обиду. Но их нет, они умерли...

— Значит, ты из-за них плакала, из-за того, что они умерли? Но они здесь, Тенар, здесь!

— Откуда ты знаешь? — спросила она вяло.

— Все время, пока я находился в пещере под Могильными Камнями, я пытался усмирить их, отвлечь, усыпить их внимание. Это потребовало от меня всех моих знаний. На это ушли все мои силы. Я оплел эти коридоры бесконечной сетью заклинаний. Эти заклинания навевают сон, забытие, позволяют оставаться незамеченным. Но они знают, что я здесь, хотя и дремлю. Сквозь эту дремоту они наблюдают за мной. И хотя они наполовину спят, я изнемог от борьбы с ними. Это ужасное место. Одному с ними не справиться. Я умирал от жажды, когда ты дала мне воды. Но меня спасла не только вода, но и руки, давшие эту воду.

С этими словами он повернул ее руку ладонью вверх и посмотрел на ее ладонь, потом отвернулся, сделал несколько шагов и снова стал к ней лицом. Она молчала.

— Ты, правда, думала, что они умерли? В глубине души ты понимаешь, что это не так. Они не могут умереть. Эти темные силы бессмертны. Они ненавидят свет, короткий и яркий свет нашей жизни. Они бессмертны, но это не боги. И они никогда не были богами. Они не заслуживают того, чтобы им поклонялась человеческая душа.

Она слушала его, не сводя глаз с мигающего пламени фонаря.

— Что они тебе дали, Тенар?

— Ничего, — прошептала она.

— Им нечего тебе дать. У них нет силы созидания. Они могут только разрушить. Их окружает вечная тьма. Они не могут покинуть это место. Они и есть это место. Пусть это место останется у них. Не надо от них отрекаться, не надо их забывать. Но не надо и поклоняться им. Земля прекрасна, светла и добра, но это еще не все. Земля также ужасна, темна и жестока. И на зеленом лугу слышен крик умирающего кролика. Горы стискивают в своих огромных кулаках тайный огонь. В морях водятся акулы, а в глазах человека есть жестокость. И там, где человек поклоняется злу и преклоняется перед ним, там побеждает зло. На земле есть места, где собирается тьма. Это места, где властвуют те, кого мы называем Безымянными. Это древние Властелины Земли. Они царили на земле перед тем, как появился Свет. Это силы тьмы, разрушения, безумия... Я думаю, они уже давно послали безумие на Коссил. Я думаю,

она рыскала в одиночестве по пещерам и Лабиринту до тех пор, пока не потеряла способности видеть свет дня. Она говорит, что Безымянные умерли. Но в это может верить лишь пропащая душа, которая не видит правды. Они существуют. Но они не твои повелители. И никогда ими не были. Ты свободна, Тенар. Тебя учили тому, что ты их рабыня, но теперь ты вырвалась на свободу.

Ара слушала его, но выражение ее лица не изменилось. Он замолчал. Наступила тишина. Но это была уже не та тишина, которая наполняла комнату, когда девушка вошла. Теперь в этой тишине слышалось дыхание двоих, движение жизни в их жилах, тихое потрескивание свечи в жестяном подсвечнике.

— Откуда ты знаешь мое имя?

Молодой человек прошелся по комнате, потянулся, попытаться стряхнуть с себя оцепенение. При каждом его шаге с пола поднималось маленькое облачко пыли.

— Угадывание имен — моя работа и мое искусство. Чтобы заколдовать вещь, надо сначала узнать ее истинное имя. В наших краях мы всю жизнь скрываем свои настоящие имена. Их знают только те, кому мы полностью доверяем. Ведь в имени заключена огромная сила и огромная опасность. Когда-то, в начале жизни, когда Сегой поднял острова Архипелага со дна океана, все вещи имели свои истинные имена. И все искусство волшебства опирается на знание истинного и древнего языка Созидания. Многие имена надо вспоминать, а какие-то узнать. Конечно, необходимо выучить заклинания, научиться использовать эти слова. А также надо помнить и о последствиях. Всю свою жизнь волшебник ищет названия вещей, ищет способы, как узнать эти названия.

— А как ты узнал мое имя?

Он молча посмотрел на нее. Взгляд его ясных глаз пронзал тени, разделявшие их. Какое-то мгновение он колебался.

— Этого я не могу тебе сказать. Ты похожа на лампу, прикрытую и спрятанную в темном месте. Но огонь горит, они не сумели его потушить. Они не смогли тебя спрятать. Как я знаю свет, как я знаю тебя, так же я знаю и твое имя. Это мой дар, моя сила. Больше я не могу тебе сказать. Но скажи мне, что ты будешь теперь делать?

— Не знаю.

— Теперь Коссил известно, что могила пуста. Что она предпримет?

— Не знаю. Если я вернусь, она может потребовать моей смерти. Солгавшую жрицу казнят. Если она захочет, меня принесут в жертву на ступенях Трона. И Манану на этот раз придется по-настоящему отрубить мне голову. Раньше он просто поднимал меч и ждал, когда Темная Фигура остановит его. Но на этот раз его никто не остановит. Меч опустится и отрубит мне голову.

Ара говорила медленно и монотонно. Волшебник нахмурился.

— Если мы долго здесь пробудем, — сказал он, — ты сойдешь с ума, Тенар. Безымянные обрушат на тебе свой гнев. И на меня тоже. Когда ты пришла, мне стало лучше, гораздо лучше. Но тебя

долго не было, и я потратил почти все свои силы. Никто не может долго оставаться наедине с Безымянными. Никто не может в одиночку противостоять Безымянным. Они очень сильны.

Он произнес последние слова совсем тихо и замолчал. Казалось, он забыл, о чем говорил. Он потер лоб рукой и снова отхлебнул воды из фляги, потом отломил кусок хлеба, устроился на сундуке и стал жевать.

Ара знала, что волшебник говорит правду. Она все время чувствовала какую-то тяжесть. Казалось, что-то давит на нее, путает мысли, притупляет все чувства. Но она не ощущала страха, как тогда, когда шла по коридорам одна. Пугала только мертвая тишина за дверью. Но почему? Раньше она никогда не боялась молчания подземелья. Но раньше она всегда повиновалась Безымянным, не смела ослушаться их.

Она грустно улыбнулась.

— Вот мы сидим на самом большом сокровище Империи,— сказала она.— Король-бог отдал бы всех своих жен лишь за один сундук. А мы даже не открыли крышку и не заглянули внутрь.

— Я заглянул,— сказал Ястреб, жуя лепешку.

— В темноте?

— Я зажег маленький огонек, волшебный. Здесь это было не легко сделать. Даже при помощи посоха это было бы трудно. А без него это все равно, что разжигать сырой хворост в мокром лесу во время дождя. Но потом получилось. И я нашел то, что искал.

Она медленно подняла на него глаза.

— Кольцо?

— Половину кольца. Другая половина у тебя.

— У меня? Другая половина потерялась...

— Но потом нашлась. Я носил ее на цепи на шее. Ты сняла цепь и спросила, почему я не нашел себе талисман получше. Единственный талисман, который лучше половины кольца Эррета-Акбе,— только целое кольцо. Но, как говорят, полбулки лучше, чем ничего. Теперь у тебя моя половина, а у меня — твоя.

Он улыбнулся.

— Когда я взяла ее, ты сказал, что я не знаю, что с ней делать.

— Да, это так.

— А ты знаешь?

Он кивнул.

— Расскажи мне. Расскажи мне, что это за кольцо. Как ты нашел вторую половину? Как приехал сюда? И зачем? Я должна это знать. Тогда, может быть, я буду знать, что надо делать.

— Может быть. Очень хорошо. Что такое кольцо Эррета-Акбе? Вот видишь, оно совсем не похоже на драгоценное. И это даже не кольцо. Оно слишком велико для кольца. Скорее это браслет, хотя для браслета оно маловато. Никто не знает, для чего его сделали. Когда-то его носила прекрасная Эльфарран. Это было еще до того, как остров Солеа погрузился в море. И уже в те времена кольцо было старым. В конце концов оно попало в руки Эррета-

Акбе... Кольцо сделано из твердого серебра, в нем девять отверстий. Снаружи выгравирован рисунок, что-то вроде волн, а внутри — девять Рун Власти. На той части, которая у тебя, четыре руны и кусочек пятой, и на моей тоже. Трещина прошла как раз через пятую руну и уничтожила ее. С тех пор ее так и называют: Потерянная Руна. Остальные восемь магам известны: Пирр охраняет от безумия, ветра и огня, Гес дает выносливость и так далее. Но треснувшая руна связывала земли. Это была Руна Соединения — знак правления, знак мира. Только короли, которые правили под этой руной, могли править успешно. Никто не знает, как ее писали. С тех пор как она была утрачена, на Хавноре не было великих королей. Были принцы и тираны. А между островами Архипелага начались войны и вражда.

Мудрым правителям и магам Архипелага нужно было это кольцо, чтобы восстановить утраченную руну. Но в конце концов они перестали отправлять людей на поиски кольца, потому что никто не мог достать ту половину, что хранилась в Могилах Атуана. А вторая половина, которую Эррет-Акбе отдал каргскому королю, давным-давно потерялась. Говорили, что искать бесполезно. Это было много сотен лет тому назад.

Вот как она попала ко мне. Когда я был немного старше, чем ты сейчас, я преследовал... в общем, была погоня на море. Тот, кого я преследовал, обманул меня, и волны выбросили меня на пустынный остров недалеко от берегов Карего-Ат и Атуана, к юго-востоку отсюда. Это был маленький остров, чуть больше песчаной отмели. Там ничего не было, кроме дюн, покрытых травой, и источника с солоноватой водой.

Но там жили два человека: старик и старуха, по-видимому, брат и сестра. Они перепугались, увидев меня. Сколько лет они не видели людей? Наверное, десятки лет. Но я был в беде, и они помогли мне. У них была хижина, построенная из досок, прибитых к берегу, и очаг. Пищей старикам служили мидии, собранные на берегу во время отлива, и сушеное мясо птиц, которых они подбивали камнями. Старуха боялась меня, но пищу давала. Потом, когда увидела, что я не причиняю им вреда, стала мне доверять и показала свое сокровище. У нее тоже было сокровище... маленькое платье, шелковое, все расшитое жемчугом. Платье для маленькой девочки, для принцессы. Сама она носила невыделанные тюленьи шкуры.

Разговаривать мы не могли. В то время я не знал каргского языка, а они не знали языка Архипелага. Они и на своем-то языке общались с трудом. По-видимому, их привезли туда маленькими детьми и оставили умирать. Не знаю, почему, да и они вряд ли знали. Они ничего не знали, кроме этого острова, ветра и моря. Но когда я уезжал, она сделала мне подарок. Она дала мне утерянную половину кольца Эррета-Акбе.

Он на минуту замолчал.

Тогда я знал о нем не больше, чем она. Этот великий дар был сделан бедной старой глупой женщиной в тюленьих шкурах

легкомысленному оболтусу, который сунул его в карман, пробормотал: «Спасибо!» и уплыл... Ну вот, я поплыл дальше и выполнил то, что должен был выполнить. А потому у меня были другие дела, и я отправился на запад, на Остров Драконов. Но все время хранил вещицу у себя, из чувства благодарности к старой женщине, отдавшей мне единственную вещь, которой владела. Я продел цепочку в одно из отверстий, стал носить ее на шее и никогда не вспоминал о ней. А потом я попал на остров Селидор, самый дальний остров, где погиб Эррет-Акбе в битве с драконом Ормом. Так вот, на Селидоре я разговаривал с одним драконом, потомком Орма, и он сказал мне, что я ношу на груди.

Ему показалось очень смешно, что я не знаю об этом. Драконы вообще считают людей смешными. Но они хорошо помнят Эррета-Акбе и говорят о нем не как о человеке, а как о драконе.

Вернувшись, наконец, на Внутренние Острова, я поехал на Хавнор. Я родился на Гонтё, это недалеко от каргских земель, к западу. Потом я много путешествовал, но на Хавноре никогда не был. Настало время туда отправиться. Я увидел белые башни, поговорил с великими людьми, купцами, принцами и правителями древних областей. Я рассказал им о том, что у меня есть. И предложил отправиться к Могилам Атуана на поиски второй половины кольца, чтобы найти Потерянную Руну, ключ к миру. Они с восторгом поддержали эту затею, а один из них даже дал мне денег, чтобы оснастить лодку и закупить продовольствие. Тогда я выучил ваш язык и прибыл на Атуан.

Он замолчал, глядя в тени на стене.

— А что же, люди в наших городах не поняли, что ты чужеземец? Ведь у тебя другой цвет кожи, и говоришь ты не нашему.

— Людей легко обмануть, — сказал он рассеянно, — если знаешь кое-какие фокусы. Несколько иллюзионных приемов — и никто тебя не узнает, разве что другой маг. Но у вас, на каргских землях, давно уже нет магов и волшебников. Это странно. Давным-давно вы выгнали всех волшебников, запретили искусство Магии, а теперь почти не верите в нее.

— Меня учили не верить в Магию. Она противоречит учениям Жрецов-Королей. Но я знаю, что в Могилах ты мог пробраться только при помощи колдовства.

— Не только при помощи колдовства, но и при помощи хороших описаний. Я думаю, мы чаще пользуемся письменностью, чем вы. Ты умеешь читать?

— Нет. Это черное искусство.

Молодой человек кивнул.

— Но очень полезное, — сказал он. — Один грабитель-неудачник, побывавший в Могилах Атуана в древности, оставил кое-какие описания Могил и рассказал, как туда проникнуть при помощи Великих Заклинаний Открывания. Все это записано в книге, хранящейся в сокровищнице одного из принцев Хавнора. Он разрешил мне почитать ее. Так я добрался до Большой Пещеры.

— До Подземной Могилы.

— Грабитель, описавший дорогу, думал, что сокровище находится там, в Подземной Могиле. Я осмотрел пещеру, но у меня было такое чувство, что оно спрятано где-то в глубине Лабиринта. Я знал, где находится вход в Лабиринт, и когда увидел тебя, решил спрятаться там и поискать потом. Конечно, это было ошибкой. Я уже попал в сети Безумных, и они затуманили мои мысли. С каждой минутой я становился все глупее и слабее. Им нельзя поддаваться, надо бороться. Надо чувствовать себя сильным и уверенным в себе. Я научился этому много лет тому назад. Но здесь им трудно сопротивляться. Здесь они сильны. Это не боги, Тенар. Но они сильнее любого человека.

Они долго молчали.

— А что еще ты нашел в сундуках? — равнодушно спросила она.

— Так, ерунда. Золото, драгоценные камни, короны, мечи. Ничего такого, на что имеет право живой человек... Скажи мне, Тенар, как тебя выбрали Жрицей Могил?

— Когда умирает Первая Жрица, они ходят по всему Атуану и ищут девочку, которая родилась в ту ночь, когда умерла жрица. И всегда ее находят, потому что жрица вечно возрождается. Когда ребенку исполняется пять лет, ее приводят сюда, в Место. А когда ей исполняется шесть лет, ее отдают Безумным, и они съедают ее душу. Душа ее принадлежит им, она принадлежала им испокон веков. И у нее нет имени.

— И ты в это веришь?

— Я всегда в это верила.

— И сейчас веришь?

Она ничего не ответила.

Снова воцарилось молчание, на стене плясали тени. После долгой паузы она сказала:

— Расскажи мне... расскажи мне о драконах на Западе.

— Тенар, что ты будешь делать? Мы не можем просто так сидеть здесь и рассказывать друг другу сказки. Свеча скоро догорит, снова будет темно.

— Не знаю, что делать. Мне страшно.

Она выпрямилась, сжала руки и громко крикнула, как от боли:

— Я боюсь темноты.

Вор тихо ответил:

— Ты должна выбрать. Или ты оставишь меня здесь, запрешь дверь, поднимешься к своим алтарям и отдашь меня своим Повелителям, потом пойдешь и помиришься с жрицей Коссил — вот и все. Или же ты откроешь дверь и выйдешь отсюда со мной. Уедем от этих Могил, уедем с Атуана, за море. Там начнется новая жизнь. Ты должна быть Аррой или ты должна быть Тенар. Ты не можешь быть и той, и другой.

Его низкий голос звучал мягко и уверенно. Сквозь тени она взглянула на его лицо, суровое, покрытое шрамами. Но в этом лице не было жестокости, не было обмана.

— Если я перестану служить Безымянным, они убьют меня. Если я уеду отсюда, я умру.

— Ты не умрешь. Умрет Ара.

— Я не могу...

— Чтобы родиться вновь, надо сначала умереть, Тенар. И это совсем не так трудно, как ты думаешь.

— Они не дадут нам уйти отсюда. Никогда.

— Может быть, и так. И все же стоит попытаться. Ты кое-что знаешь, я кое-что умею, и у нас есть...

Он замолчал.

— У нас есть кольцо Эррета-Акбе.

— Да. Но, я думаю, между нами есть еще кое-что. Назовем это доверием... Это великая вещь. И хотя каждый из нас слаб, доверие делает нас сильными, сильнее Властелинов Тьмы.

Его ясные глаза смотрели спокойно.

— Послушай, Тенар! — сказал он. — Я пришел сюда, как грабитель, враг, вооруженный против тебя, а ты пожалела меня и поверила мне. И я сразу поверил тебе, с самого первого раза, когда увидел твое лицо. Тогда, в пещере под Могилами, оно мелькнуло передо мной, прекрасное лицо в темноте. Ты доказала мне свое доверие. А я ничем не подтвердил своего. Мое настоящее имя — Гед. Храни его.

Он поднялся и протянул ей серебряный полукруг с отверстиями и резьбой.

— Давай соединим кольцо, — сказал Гед.

Девушка взяла его половинку, потом сняла с шеи серебряную цепочку и сняла талисман. Она положила обе половинки на ладонь. Обломленные края сошлись, и кольцо превратилось в одно целое.

Не поднимая лица, она сказала:

— Я пойду с тобой.

10. ГНЕВ ВЛАСТЕЛИНОВ ТЬМЫ

Когда Тенар произнесла эти слова, человек по имени Гед положил руку на ее ладонь, в которой лежал талисман. Она удивленно подняла глаза и увидела, что его лицо осветилось радостной улыбкой. Это насторожило и напугало ее.

— Ты освободила нас обоих, — сказал он. — В одиночку никто не может завоевать свободу. Подержи его еще немного...

Она уже сжала пальцы, но по его просьбе снова раскрыла ладонь. Гед прикоснулся к кольцу в том месте, где сошлись обломленные края и произнес какие-то два слова. Тенар увидела, что лицо его покрыто каплями пота. На ее ладони что-то задрожало, будто там спал маленький зверек и теперь, проснувшись, задвигался. Гед вздохнул, вытер лоб.

— Ну вот, — сказал он и надел кольцо Эррета-Акбе на правое запястье Тенар. — Оно тебе в самый раз. Это браслет. Для женщины или для ребенка...

— А он будет держаться? — спросила она, почувствовав, как серебряный браслет свободно скользит по руке.

— Будет. Я не мог соединить половинки кольца Эррета-Акбе тем же заклинанием, каким деревенская колдунья починяет кастрюлю. Мне пришлось применить Правило. Теперь оно целое, будто никогда и не ломалось... Но нам пора в путь. Я возьму мешок и флягу. Надень плащ, Тенар. Мы ничего не забыли?

Она отыскала в двери замочную скважину и вставила ключ. Гед сказал:

— Жаль, у меня теперь нет моего посоха.

— Я принесла его. Он стоит за дверью...

— А почему ты его принесла? — спросил он с любопытством.

— Я подумала... что отведу тебя к двери. Я хотела отпустить тебя...

— Такого выбора у тебя не было. Ты могла оставить меня рабом, оставаясь в рабстве сама. Или могла выпустить меня на свободу и уйти со мной. Пошли, малышка. Наберись храбрости, поверни ключ.

Девушка повернула ключ с черенком в виде дракона и открыла дверь в низкий темный коридор. Она вышла из Сокровищницы Могил с кольцом Эррета-Акбе на руке. Гед следовал за ней... Но тут неожиданно стены и пол задрожали. Послышался глухой рокот, похожий на далекий гром или сильный обвал.

Тенар задрожала от ужаса и, не задумываясь, задула свечу. Она слышала за собой шаги Гед. Он был так близко, что когда заговорил, она почувствовала его дыхание на своем затылке. Он спокойно сказал:

— Брось фонарь. Если понадобится, я зажгу на посохе волшебный огонь. Который час?

— Когда я пришла сюда, было далеко за полночь.

— Тогда мы должны спешить.

Но сам не двинулся с места. Тенар поняла, что должна показать ему дорогу. Только она знала, как выйти из Лабиринта, и он ждал, когда она пойдет впереди, чтобы последовать за ней. Она пригнулась, потому что проход в этом месте был совсем низким. Но все же двигались они довольно быстро. Из невидимых боковых коридоров доносились дыхание холода и резкий сырой запах, мертвый запах пропасти, находящейся под ними. Проход стал немного выше, и она смогла распрямиться. Тогда Тенар пошла медленнее, стала считать шаги: они приближались к Яме. Гед легкими шагами шел за ней, повторяя каждое ее движение. Тенар остановилась, Гед тоже.

— Яма... — прошептала она. — Никак не найду уступ. А, вот он! Осторожнее, кажется, расшатались камни...

Камни шевелились у нее под ногами, и она в страхе отступила. Гед схватил ее за руку.

— Сейчас я зажгу свет, и мы посмотрим. Может, я найду нужное слово и укреплю их. Не бойся, малышка...

Она удивилась, что он обращается к ней так же, как Манан.

Конец волшебного посоха слабо засветился. Этот свет был похож на свечение гнилушки или свет туманной звезды. Она ступила на узкий выступ над черной бездной и вдруг увидела нависшую огромную фигуру. Это был Манан. Горло сдавило железными тисками, она не могла произнести ни звука.

Манан сделал движение, чтобы столкнуть Геда с шаткого выступа в яму, но в это мгновение тот поднял глаза и увидел его. С криком гнева и удивления он ударил евнуха посохом. Посох вспыхнул ослепительно-белым пламенем. Пламя ударило прямо ему в лицо. Манан вскинул большие руки, пытаясь прикрыть глаза, рванулся, снова пытаясь столкнуть Геда в пропасть, но промахнулся и рухнул вниз.

Манан падал молча. Из черной Ямы не донеслось ни звука. Они не услышали, как тело ударилось о дно пропасти. Смерть была бесшумной... Стоя на коленях, нагнувшись над краем пропасти, Гед и Тенар прислушались. Тишина...

Волшебный свет посоха превратился в маленькое серое пятнышко, едва различимое в темноте.

— Пошли,— Гел протянул ей руку. Она взяла ее. Когда черная Яма осталась позади, он погасил свет. Тенар опять пошла впереди, но немного погодя вдруг засомневалась: направо или налево?

Остановились.

Гед тихо спросил:

— Что случилось?

— Я заблудилась. Сбилась со счета. Не помню, какой это поворот.

— Я считал. От Ямы налево, потом направо и еще раз направо.

— Тогда следующий тоже будет направо,— сказала она заученно, но не двинулась с места.— Зажги свет.

— Свет не поможет нам, Тенар.

— Нам уже ничто не поможет. Мы пропали.

Ее тихий шепот поглотила мертвая тишина. Он нашел ее пальцы и пожал их.

— Пошли, Тенар. Следующий поворот направо.

— Зажги свет,— снова попросила она.— Коридоры такие извилистые.

— Не могу. Надо беречь силы. Тенар, они... Они знают, что мы ушли из Сокровищницы. Они знают, что мы прошли Яму. Они ищут нас, хотят сломить наш дух, нашу волю, поглотить. Я должен сопротивляться им, а ты мне поможешь. Надо идти...

— Мы не выйдем отсюда...— сказала она, но всё же сделала шаг вперед, потом еще один, нерешительно, будто под ногами грозила разверзнуться пропасть. Она ощущала теплое и сильное пожатие его руки.

Путь до лестницы показался ей очень длинным. А лестница раньше не была такой крутой. Это не ступени, а скорее просто скользкие выемки в камне. Они поднялись и пошли быстрее. Тенар помнила, что после лестницы длинный изогнутый коридор долго

тянулся без поворотов и разветвлений. Она шла, касаясь пальцами левой стены. Наконец нащупала пустоту: поворот налево.

— Здесь,— пробормотала Тенар.

Но он не спешил за ней следом, будто что-то в ее движениях насторожило его.

— Нет,— смутилась она, — не сюда. Кажется, следующий поворот налево. Не знаю. Не помню. Нам отсюда не выйти...

— Мы идем в Комнату с Картинами,— раздался спокойный голос в темноте.— Как туда пройти?

— Надо повернуть налево.

Тенар снова пошла впереди. Они долго шли по Лабиринту, миновали один тупик и свернули направо к Комнате с Картинами.

— Прямо,— прошептала она.

Теперь утомительная борьба с темнотой шла успешнее. Девушка хорошо знала все коридоры, которые вели к железной двери. Сотни раз она пересчитывала в уме все повороты. Странная тяжесть, сковавшая мысли, не могла заставить сбиться с пути, даже если она не думала о дороге. Но с каждым шагом они подходили все ближе и ближе к тем силам, которые на них давили. Ноги так устали и отяжелели, что Тенар стонала. Гед прерывисто дышал. Он, видимо, тоже выбивался из сил. Иногда он что-то говорил приглушенным отрывистым шепотом. До нее доносились отдельные слова или просто звуки. Но вот, наконец, и железная дверь. Тенар в ужасе загордилась рукой.

Дверь была открыта.

— Быстрее! — Тенар потащила вперед своего спутника. По ту сторону двери они остановились.

— Почему дверь открыта?..

— Потому что твоим Повелителям нужны твои руки, чтобы закрыть ее,— сказал Гед.

— Мы подходим к...— голос ее прервался от волнения.

— К центру тьмы. Я знаю. Но все же мы вышли из Лабиринта. А как выйти из Подземной Могилы?

— Есть только один путь. Дверь, через которую ты вошел, не открывается изнутри. Надо через пещеру пройти вверх по коридору к люку в комнате за Троном. В Тронном Зале.

— Тогда пойдем!

— Но она там...— прошептала девушка.— В пещере. Раскапывает пустую могилу. Я не могу к ней подойти, я не смогу снова к ней подойти!

— Она уже ушла.

— Я не могу туда пойти!

— Тенар, силой своих заклинаний я держу потолок, чтобы он не упал на нас, держу стены, чтобы они не обрушились. Я делаю все, чтобы земля не разверзлась у нас под ногами. Я это делаю с тех пор, как мы прошли Яму, где нас поджидал твой слуга. Я сдерживаю землетрясение. А что же ты? Боишься вместе со мной приблизиться к одному-единственному человеку! Поверь мне, как я поверил тебе. Пошли!

Бесконечный коридор, по мере того как они шли, расширился. Они почувствовали вокруг себя пространство. Тьма сгустилась, когда они вошли в пещеру под Могильными Камнями.

Держась правой стороны, Тенар сделала несколько шагов и остановилась.

— Что это? — прошептала она едва слышно.

Раздался глухой рокот, воздух дрожал. Эту тряску она ощущала каждой клеточкой своего тела. Изрезанные временем стены под ее пальцами гудели.

— Скорее... — произнес Гед хриплым сдавленным голосом. — Скорее, Тенар!

Шатаясь она пошла вперед, мысленно умоляя богов: «Простите меня, о мои Повелители, о Безымянные, Самые Древние из богов! Простите меня, простите меня!»

Ответа не было. Они никогда ей не отвечали.

Гед и Тенар вошли в коридор под Тронным Залом, поднялись по лестнице и остановились на последней ступени. Люк у них над головой был закрыт. Тенар всегда оставляла его закрытым. Она нажала на пружину, но люк не открылся.

— Он сломался, — сказала она. — Он заперт.

Гед подошел и попытался спиной поднять люк. Крышка не шевельнулась.

— Он не заперт. Просто на него поставили что-то тяжелое.

— И ты не можешь сдвинуть?

— Но ведь она ждет там... С нею есть мужчины?

— Дьюби и Уато, а может быть, и другие служители. Мужчинам нельзя туда входить...

— Я не могу одновременно заклинаниями открывать люк, драться с теми, кто нас ждет наверху, и сопротивляться воле Властелинов Тьмы, — задумчиво произнес маг. — Давай попробуем выйти через дверь в скалах, в которую я вошел. Она знает, что дверь не открывается изнутри?

— Знает. Когда-то она дала мне возможность в этом убедиться.

— Тогда она скорее всего не примет ее в расчет. Пошли!

Тенар опустилась на каменные ступеньки, гудевшие и дрожавшие так, будто под ними натягивали гигантскую тетиву.

— Что это? Что это дрожит?

— Пошли, — сказал он так уверенно, что она послушалась и, преодолевая усталость, пошла назад по коридорам и лестницам, назад в ужасную пещеру.

У входа в пещеру на нее налетел шквал слепой и мрачной ненависти. Тенар показалось, что на нее обрушилась вся земная твердь. Она, не слыша собственного голоса, громко крикнула:

— Они здесь! Они здесь!

— Тогда пусть они знают, что мы тоже здесь, — сказал волшебник, и его руки и посох вспыхнули ослепительным белым сиянием, как солнце осветившим тысячи алмазов на потолке и стенах. Это было торжество света. Они воспользовались этим и бросились

бежать, а их тени неслись по белым ажурным каменным узорам, мерцающим расщелинами и пустой раскопанной могиле. Пригнувшись, они вбежали в низкий коридор: Тенар — впереди, Гед за ней. Камни гудели и двигались у них под ногами. Но ослепительное сияние по-прежнему их сопровождало. Она увидела перед собой глухую каменную стену и одновременно услышала его голос. Перебивая грохот, он произнес одно слово. Она упала на колени. Маг ударил посохом по каменной стене у нее над головой, в том месте, где была дверь. Камни охватило белое пламя, и стена обвалилась.

Снаружи Тенар увидела бледно-серое небо. Приближался рассвет. Высоко в небе холодным белым светом светили последние звезды.

Тенар увидела звезды, почувствовала сладкое дыхание ветра, но не поднялась. Она стояла, согнувшись, на четвереньках, между небом и землей.

Человек, странная темная фигура в предрассветных сумерках, повернулся и потянул ее за руку, помогая встать. Лицо его было черным и перекошенным, как у демона. Она отшатнулась и закричала хриплым голосом, так не похожим на ее собственный, как будто у нее во рту двигался мертвый язык:

— Нет! Нет! Не трогай меня, оставь меня! Уходи!

И она поползла назад, в безгубый обваливающийся рот Могил. Он спокойно сказал:

— Талисманом, что у тебя на руке, заклинаю тебя: пойдем, Тенар!

Тенар увидела, как при свете звезд блеснул браслет на ее запястье. Не отводя от него глаз, она неуверенно встала, подала Геду руку и пошла за ним. Бежать у нее не было сил. Они спустились с горы. Позади черный рот в скале испустил долгий-долгий и жалобный стон. Вокруг сыпались камни. Земля содрогалась. Они шли дальше. Ее глаза по-прежнему были прикованы к браслету на запястье, отражавшему свет звезд.

Теперь Гед и Тенар были в сумеречной долине к западу от Места. Они снова начали подниматься в гору. Неожиданно он попросил ее обернуться:

— Смотри!

Тенар обернулась и увидела... Они находились по другую сторону долины, на одном уровне с Могильными Камнями. Девять огромных исполинов стояли и лежали над пещерой с алмазами. Камни, торчавшие вертикально, качались и наклонялись, как мачты кораблей. Один из них дернулся и поднялся, потом задрожал и рухнул. Упал еще один камень, придавив первый. Низкий купол Тронного Зала, казавшийся черным на фоне желтого небосклона, затрясся. Стены выгнулись. Вся гигантская масса каменной кладки изменила форму, как размоченная глина, осела, качнулась и с грохотом рухнула. В воздух взлетел фонтан камней и пыли. Земля в долине покрылась складками и пришла в движение. По склону горы пробежала волна. Между Могильными Камнями пролегла огромная трещина. В ней зияла черная пропасть, над которой, как серый дым, клубилась пыль. Те камни, что еще стояли, наклонились и упали. Их

поглотила пропасть. Затем раздался оглушительный грохот. Казалось, небо обрушилось на землю. Сырые черные губы расщелины сомкнулись. Горы вздрогнули еще раз и замерли.

Тенар оторвала взгляд от жуткого зрелища и посмотрела на человека рядом с собой. Она никогда еще не видела его лица при свете дня.

— Ты остановил его,— сказала она.

Ее голос после страшного рева и грохота был подобен шуршанию ветерка в тростнике.

— Ты остановил землетрясение, гнев Властелинов Тьмы.

— Надо идти,— сказал он, поворачиваясь спиной к рассвету и разрушенным Могилами.— Я устал и замерз...

И Гед, спотыкаясь, побрел прочь. Она взяла его за руку. Оба они так устали, что еле плелись. Медленно, как два маленьких паучка на огромной стене, стали карабкаться по нескончаемому склону горы и наконец добрались до вершины. Восходящее солнце окрасило землю в золотистый цвет. Длинные редкие стебли шалфея темными полосами выделялись на фоне высохшей земли. Перед ними возвышались Западные горы с пурпурными склонами и золотыми вершинами. Гед и Тенар постояли минуту, а потом скрылись за гребнем горы.

11. ЗАПАДНЫЕ ГОРЫ

Тенар, проснувшись, отгоняя дурные сны. Ей снилось подземелье, где она провела столько времени. За последние дни девушка так похудела, что даже в темноте видела, как сквозь кожу просвечивают кости на руках. Она открыла глаза и почувствовала резкий запах шалфея. Просыпаться было приятно. Радость переполняла ее. Она потянулась и с удовольствием огляделась вокруг.

Уже наступил вечер. Солнце скрылось за горами, но его отсвет лежал на земле и на небе. Все вокруг — огромное, чистое зимнее небо, пустынные горы и бескрайние равнины были залиты золотым светом. Горы возвышались совсем близко. Было холодно и тихо. Все застыло. Темнели сухие листья шалфея. Высохшие стебельки крошечных трав пустыни кололи ей руку. Этому мягкому свету радовалась каждая веточка, каждый листик, каждый сучок. Свет торжествовал на земле и в воздухе.

Тенар посмотрела налево и увидела на земле человека. Он крепко спал, закутавшись в плащ и подложив руку под голову. Его лицо во сне было строгим, почти суровым, а левая рука спокойно лежала на земле около маленького чертополоха, до сих пор сохранившего серый пушок, шипы и колючки. Человек и маленький чертополох в пустыне, чертополох и спящий человек...

Этот человек обладал такой же необъяснимой силой, что и Древние Властелины Земли. Он разговаривал с драконами, и его слово останавливало землетрясение. И вот он спит на земле, а около его руки растет маленький чертополох. Как странно... Жить, просто жить на белом свете оказалось гораздо прекраснее и интереснее,

чем она мечтала. Золотые отблески коснулись запылившихся волос спящего и позолотили чертополох.

Постепенно сгущались сумерки. С каждой минутой становилось холоднее. Тенар поднялась и начала собирать жесткие стебли шалфея и сухие веточки. Шалфей, приземистый и шишковатый, напоминал дуб в миниатюре. Они пришли сюда около полудня, когда было еще тепло. Тогда они валились с ног от усталости. Два кривых куста можжевельника да склон горы, по которой они только что спустились,— вот и все их убежище. Но этого было вполне достаточно. Они отпили немного воды из фляги и улеглись спать.

Под маленькими деревьями, росшими поблизости, нашлись ветки и побольше. Девушка расчистила место между камнями, сложила костер и зажгла его при помощи кремня и железа. Сухие листья и веточки сразу загорелись. Запылали розовые языки пламени, запахло смолой. Тьма вокруг костра сгустилась. На необъятном небосводе зажигались звезды.

Треск и щелканье костра разбудили спящего. Он сел, потер руками запыленное лицо и наконец неуклюже встал и подошел к костру.

— А если...— сонно пробормотал он.

— Я знаю, но ночью нам без костра не обойтись. Будет очень холодно,— ответила Тенар и немного погода добавила: — Если только у тебя нет в запасе какого-нибудь волшебного слова, чтобы согреть нас или хотя бы спрятать костер...

Гед сел. Пламя почти касалось его ног. Он обхватил руками колени.

— Брр,— сказал он.— Костер гораздо лучше волшебного слова. Я сделал тут небольшой мираж. Если сюда кто-нибудь придет, мы покажемся ему ветками и камнями. А как ты думаешь, нас будут искать?

— Не хотелось бы. Но думаю, не будут. О тебе знали только Коссил и Манан. Но они погибли. Наверняка она была в Зале, когда он рухнул. Она ждала у люка. А остальные скорее всего подумают, что я была в Зале или в Могилах и погибла под обломками.— Тенар тоже обхватила колени руками и вздрогнула.— Надеюсь, другие здания устояли. С горы было плохо видно из-за пыли. Не могли все храмы и дома рухнуть. Большой Дом, где спят девочки...

— Думаю, они уцелели. Только Могилы сами себя поглотили. Когда мы уходили, я видел золотую крышу какого-то дома. Он стоял на месте. А еще я видел людей. Они бежали с горы.

— Что они скажут, что подумают... Бедная Пенте! Возможно, теперь ей придется стать Верховной Жрицей Короля-бога. А ведь она всегда хотела убежать. Она, а не я. А может быть, теперь она тоже убежит.

Тенар улыбнулась. Никакая грустная мысль не могла омрачить ее радости. Эта спокойная радость поселилась в ней на рассвете, когда она проснулась в золотых лучах солнца. Девушка развязала мешок и вынула оттуда две маленькие плоские булки. Одну она

протянула через костер Геду, а сама стала есть другую. Хлеб был жесткий, кисловатый и очень вкусный. Некоторое время они молча жевали.

— Мы далеко от моря?

— Мне потребовалось два дня и две ночи, чтобы от моря добраться до Могил. Но сейчас на это уйдет больше времени.

— Я сильная, — сказала Тенар.

— Да, ты сильная. И смелая. Но твой спутник устал, — сказал он с улыбкой. — И потом, у нас не так уж много хлеба.

— А воду мы найдем?

— Да, завтра, в горах.

— А ты можешь раздобыть для нас пищу? — нерешительно спросила она.

— Для охоты нужно время и оружие.

— Я хотела сказать, не можешь ли ты наколдовать немного еды?

— Я могу позвать кролика, — сказал он, поправляя костер кривой веткой можжевельника. — Сейчас кролики покидают свои норки. Вечер — их время. Я могу позвать кролика, и он придет. Но разве можно поймать, ободрать и зажарить кролика, который так доверчиво к тебе подошел? Может быть, только в том случае, если ты умираешь с голоду. Но я думаю, это обман.

— Да. Но я подумала, не можешь ли ты просто...

— Вызвать ужин, — сказал Гед. — Могу. Даже на золотых тарелках, если пожелаешь. Но это иллюзия, а если питаться иллюзиями, то окажешься еще голоднее, чем прежде. Это примерно так же питательно, как слова.

Его белые зубы при свете костра сверкнули в ослепительной улыбке.

— Твое волшебство особого рода, — Тенар говорила с достоинством, как подобает Жрице говорить с Магом. — По-видимому, ты пользуешься им только для серьезных дел.

Молодой человек подбросил веток в костер, и в воздух взметнулся сноп искр. Запахло можжевельником.

— Ты, правда, можешь позвать кролика? — вдруг спросила Тенар.

— Ты хочешь?

Она кивнула.

Он отвернулся от костра и тихо сказал куда-то в темноту, пронизанную светом звезд:

— Кеббо... О Кеббо...

Тишина. Ни звука. Ни шороха. И вдруг у земли на самом краю круга света от костра показался круглый глаз, похожий на камешек. Потом изгиб пушистой спинки, ухо, длинное, настороженно поднятое.

Гед снова заговорил. Ухо вздрогнуло, потом из тени показалось другое. Зверек повернулся, и на мгновение Тенар увидела его целиком. Мягким и гибким движением он прыгнул в темноту и невозмутимо вернулся к своим ночным делам.

— Ой! Как здорово,— вскрикнула она и добавила: — А я тоже так могу?

— Видишь ли...

— Это тайна,— быстро сказала она, снова принимая серьезный вид.

— Имя кролика — тайна. По крайней мере им нельзя пользоваться без надобности. А умение позвать — это не тайна, а скорее дар.

— А, это то, что есть у тебя,— сказала она.— Я знаю.

Тенар притворялась насмешливой, но в голосе ее слышалось скрытое волнение. Гед взглянул на нее, но ничего не ответил. Он еще не пришел в себя после схватки с Безымянными. Он смертельно устал. И несмотря на победу, у него не было сил радоваться. Он опять улегся поближе к огню и заснул.

Тенар сидела у костра, время от времени подбрасывая в огонь сухие ветки, и смотрела на созвездия зимнего неба. От всего этого великолепия и тишины у нее закружилась голова, и она задремала.

Гед и Тенар проснулись одновременно. Костер потух. Звезды, которые она наблюдала, давно скрылись за горами, а на востоке появились новые звезды. Их разбудил холод, сухой холод ночной пустыни, ледяной ветер. С юго-запада небо затянули тучи.

Ветки, которые Тенар заготовила для костра, почти все кончились.

— Пойдем,— сказал Гед.— Скоро рассветет.

От холода у него так стучали зубы, что она почти не понимала его. Они тронулись в путь. Их дорога лежала на запад по длинному склону горы. При свете звезд кусты и камни казались черными. Дорогу было видно так же хорошо, как днем. Первое время было холодно, но ходьба разогрела их. Они уже не дрожали и не поеживались от холода. К рассвету молодые люди преодолели первый перевал Западных гор, который до сих пор загораживал от Тенар окружающий мир.

Они остановились в роще. На деревьях еще держались дрожащие золотые листья. Гед сказал, что это осины. Она в своей жизни не видела других деревьев, кроме можжевельника да чахлых кипарисов у ручья, и еще сорока яблонь в саду. Где-то на осине тоненьким голоском пропела птичка: «Ди-и, ди-и». Под деревьями бежал ручей, небольшой, но веселый. Он радостно журчал, перепрыгивая через камни, и бежал так стремительно, что вода в нем не успевала замерзать. Тенар чуть было не испугалась. Она выросла в пустыне, привыкла к тишине и медленному течению жизни: ленивым рекам, теньям облаков, медленному полету ястребов.

Гед и Тенар поделили последний кусок хлеба и крошащийся кусок сыра, немного отдохнули и пошли дальше. К вечеру они уже были высоко. Небо закрыли тучи, дул ледяной ветер. Они остановились отдохнуть в долине у ручья. Там было достаточно дров для костра. На этот раз сложили настоящий большой костер из бревен. У этого костра они как следует согрелись.

Тенар была счастлива. Под корневищем упавшего дерева она нашла орехи, припрятанные белкой, два фунта отличных греческих орехов и еще какие-то с гладкой скорлупой. Гед не знал, как они называются по-каргски, и называл их «убир». Она колола их камнем и отдавала каждый второй орех Геду.

— Как бы мне хотелось здесь остаться,— сказала Тенар, глядя вниз на долину, где гулял ветер и сгущались тени.— Мне нравится это место.

— Хорошее место,— согласился он.

— Люди никогда сюда не заходят.

— Да, не часто... Я родился в горах, на горе Гонт. По пути на Хавнор мы будем мимо нее проплывать, если пойдем по северному пути. Мой остров очень красив зимой. Он поднимается из моря, как огромная белая волна. Деревня стояла на берегу такого же ручья, как этот. А ты где родилась, Тенар?

— На севере Атуана, в Энтате, кажется. Я не помню своего дома.

— Ты была совсем маленькой, когда тебе забрали?

— Мне было пять лет. Помню только огонь в очаге и... больше ничего.

Он молча потер подбородок. У него уже отросла бородка, но лицо было чистым: несмотря на холод они умылись в горном ручье. Лицо Геда в отблесках костра было задумчиво и сурово. Темнело. Тенар наблюдала за ним и никак не могла разобраться в своем отношении к Магу.

— Что ты собираешься делать на Хавноре? — спросил он, глядя мимо нее в огонь.— Ты, правда, возродилась. Я не думал, что это случится так скоро.

Тенар кивнула и чуть улыбнулась. Она действительно чувствовала, что родилась снова.

— Прежде всего тебе надо выучить язык.

— Твой язык?

— Да.

— Мне бы очень этого хотелось.

— Ну хорошо. Смотри, это кабат.

Он бросил ей на колени маленький камешек.

— Кабат. Это что, на языке драконов?

— Нет-нет. Тебе же не надо произносить заклинания. Ты будешь разговаривать с другими людьми!

— А как будет «камешек» на языке драконов?

— Толк,— сказал он.— Но я не собираюсь превратить тебя в ученицу колдуна. Я просто учу тебя языку, на котором говорят на Архипелаге, на Внутренних Островах. А перед тем как приехать сюда, мне пришлось выучить ваш язык.

— Ты странно говоришь.

— Это неудивительно. Ну а теперь, аркемми кабат,— и он протянул руку, чтобы взять у нее камешек.

— Мне ехать на Хавнор? — спросила она.

— А куда еще ты можешь поехать, Тенар?

Она задумалась.

— Хавнор — прекрасный город, — сказал он. — И ты привезешь туда кольцо, знак мира, потерянное сокровище. На Хавноре тебя встретят как принцессу, окажут тебе великие почести за твой прекрасный дар. Они сделают все для того, чтобы тебе было хорошо. В этом городе живут благородные и щедрые люди. Они будут звать тебя Белая Госпожа из-за твоей белой кожи. И будут любить тебя еще больше потому, что ты так молода. И еще потому, что ты красива. Помнишь то платье, которое я показал тебе при помощи фокуса? У тебя будет сотня таких платьев, только настоящих. Тебя будут хвалить, благодарить и любить. Тебя, которая не знала ничего, кроме одиночества, зависти и темноты.

— Но у меня был Манан, — возразила она, и губы ее еле заметно дрогнули. — Он любил меня и всегда был добр ко мне. Он защищал меня, как мог, а я его за это убила. Он упал в черную яму. Я не хочу ехать на Хавнор. Не хочу ехать туда. Я хочу остаться здесь.

— Здесь — на Атуане?

— В горах. Где мы сейчас.

— Тенар, — сказал он тихо и серьезно, — если ты хочешь, мы останемся. У меня нет ножа, и если пойдет снег, нам придется совсем трудно. Но если мы сможем найти пищу...

— Нет. Я знаю, мы не можем остаться. Я просто глупая, — сказала Тенар и встала, чтобы подбросить дров в костер. Ореховая скорлупа разлетелась в разные стороны. Девушка стояла, очень тоненькая и прямая, в разорванном грязном хитоне и черном плаще.

— Все мои знания теперь бесполезны, — сказала она, — а больше я ничему не научилась. Но я постараюсь научиться.

Гед отвернулся, вздрогнув, как от боли.

На следующий день они перешли через хребет. На перевале дул сильный ветер, шел снег. Он обжигал лицо, слепил глаза. Только после того, как они стали спускаться по другой стороне, Тенар увидела под снеговым облаками землю, лежавшую по ту сторону горной гряды. Там росли сосны, зеленели луга, посевы, невспаханные земли. И хотя стояла глубокая зима, а с деревьев и кустов облетели все листья, эта спокойная земля была покрыта мягкой зеленью. Они смотрели вниз с высокого каменистого склона горы. Не говоря ни слова, Гед показал на запад, где за густыми желтыми облаками садилось солнце. Самого солнца не было видно, но на горизонте что-то блестело. Этот блеск напоминал сверкающие камни на стенах Подземных Могил, как будто край земли переливался веселым блеском.

— Что это такое? — спросила девушка.

И он ответил:

— Море.

Вскоре она увидела еще одну удивительную вещь, хотя и не такую

удивительную, как море. Они вышли на дорогу. К вечеру она привела их в деревню. Вдоль обочины стояло десять или двенадцать домов. В тревоге Тенар посмотрела на своего спутника: ведь здесь им встретятся люди. Но его она не увидела. Рядом с ней в одежде Геда, в его сандалиях и его походкой шел другой человек, с белой кожей и без бороды. Он весело взглянул на нее голубыми глазами и подмигнул.

— Как ты считаешь, они ничего не заподозрят? — спросил он. — А как тебе нравится твоя одежда?

Она посмотрела на себя. На ней была надета коричневая деревенская юбка, кофта и большая красная шерстяная шаль.

— Ой! — сказала она, остановившись. — Ты... Ты и, правда, Гед?

Как только она сказала его имя, он сразу же стал таким, каким она его знала: темное лицо со шрамами, темные глаза, а потом опять на его месте появился незнакомец с молочно-белой кожей.

— Не произноси моего настоящего имени, когда рядом чужие. И я тоже не буду. Мы брат и сестра, идем из Тенакбаха. Если нам встретится человек с добрым лицом, я попрошу у него чего-нибудь поесть.

С этими словами он взял ее за руку, и они вошли в деревню.

Они покинули деревню на следующее утро, наевшись до отвала и выспавшись на сеновале.

— Маги часто просят милостыню? — спросила Тенар, когда они шли по дороге между зелеными полями, где паслись козы и маленькие пятнистые коровы.

— Почему ты спрашиваешь?

— Мне показалось, для тебя это привычное дело. Очень здорово получилось.

— Пожалуй, да. Если так говорить, я просил милостыню всю жизнь. Ты знаешь, волшебники не богаты. Честно говоря, когда они путешествуют, у них вообще ничего нет, кроме посоха и одежды. Но большинство людей с радостью их принимают. Им дают пищу и кров. И волшебники стараются отблагодарить своих хозяев.

— А как?

— Ну, например, эта женщина из деревни. Я вылечил ее коз.

— Они болели?

— У обеих коз было воспаление вымени. Я пас коз, когда был мальчишкой.

— Ты сказал хозяйке, что вылечил их?

— Нет. Как я мог? Зачем?

Немного помолчав, она сказала:

— Значит, твое колдовство годится не только для серьезных вещей.

— Гостеприимство, доброта к незнакомым людям — это очень важная вещь. Конечно, можно было ее просто поблагодарить. Но я пожалел коз.

В полдень они подошли к большому городу. Он был построен из желтых глиняных кирпичей и окружен стеной, сложенной в каргском стиле, с бойницами, сторожевыми башнями в четырех углах и единственными воротами. Погонщики вели верез ворота большое стадо овец. Из-за стен виднелись красные черепичные крыши домов, которых в городе было не меньше сотни. У ворот стояли двое стражников в шлемах с красными перьями. Они говорили о том, что их хозяева состоят на службе у Короля-бога. Тенар уже приходилось раньше видеть людей в таких шлемах. Примерно раз в год они приходили в Место, сопровождая дары, рабов или деньги для храма Короля-бога. Когда она сказала об этом Геду, он ответил:

— Я тоже их видел в детстве. Они приехали на кораблях грабить Гонт и пришли в мою деревню. Но мы их прогнали. В Армауте, на берегу, была битва. Погибло много людей, говорили, несколько сотен. Может быть, теперь, когда кольцо соединилось, а Потерянная Руна восстановлена, таких набегов больше не будет, и жители Империи Каргад и Внутренних Островов перестанут убивать друг друга.

— Было бы глупо совершать новые набег,— сказала Тенар.— Зачем Королю-богу столько рабов?

Ее спутник задумался:

— Ты хочешь сказать, если карги завоюют Архипелаг?

Она кивнула.

— Навряд ли это произойдет.

— Но ты посмотри, как сильна Империя. Вот большой город. Его окружают крепкие стены. В нем много сильных мужчин. Как ваши острова будут защищаться, если на них нападут?

— Это не очень большой город,— осторожно и мягко возразил Гед.— В то время, когда я только что спустился со своей горы, я бы тоже подумал, что он очень большой. Но на Архипелаге много, много городов гораздо больше этого и очень много островов. Ты увидишь их, Тенар.

Она ничего не ответила, только нахмурилась и устало пошла вперед.

— Как прекрасно видеть новые острова, встающие из моря, когда к ним приближается твой корабль. Поля и леса, города с портами и дворцами, с базарами, где можно купить все на свете.

Она кивнула, понимая, что он пытается подбодрить ее. Но ее радость осталась в горах, в вечерней долине у ручья. Все сильнее росло в ней чувство страха. Впереди была неизвестность. Тенар в своей жизни ничего не видела, кроме пустыни и Могил. Но что в них толку? Она знала все повороты разрушенного Лабиринта, она танцевала перед рухнувшим алтарем. Но леса, города и сердца людей были ей неведомы.

Неожиданно она спросила:

— Ты останешься там со мной?

Она отвела глаза в сторону. Гед по-прежнему находился в облике белокожего каргского крестьянина. И таким он ей не нравил-

ся. Но голос его не изменился. Это был тот голос, который она слышала в темном Лабиринте.

Гед медлил с ответом.

— Тенар, я иду туда, куда меня посылают. Я следую своему призыванию. Оно не позволяет мне долго задерживаться в одном месте. Понимаешь? Я делаю то, что должен делать. В свои путешествия я всегда отправляюсь один. Я останусь с тобой на Хавноре, пока нужен тебе. И если когда-нибудь я снова понадобится тебе, позови меня. Я приду. Если ты меня позовешь, Тенар, я встану из могилы! Но остаться с тобой не могу.

Тенар промолчала. Немного погодя Гед сказал:

— Скоро я не буду тебе нужен. Ты будешь счастлива.

Она молча кивнула, соглашаясь с ним.

Рука об руку они пошли по дороге к морю.

12. ПУТЕШЕСТВИЕ

Лодка Геда была спрятана в пещере со стороны большого скалистого мыса. Крестьяне из соседних деревень называли его Мыс Туча. В одной из этих деревень Тенар и Геда накануне угостили вареной рыбой. Они спустились между скал на берег. Уже смеркалось. Пещера представляла собой узкую трещину в скале глубиной около тридцати футов. Песчаное дно пещеры находилось чуть выше линии прилива, поэтому песок был сырой. Вход в пещеру был виден с моря, и Гед сказал, что костер разжигать нельзя, потому что его могут увидеть рыбаки, плывущие вдоль берега в своих маленьких лодочках, и заглянуть из любопытства. Поэтому пришлось довольствоваться отдыхом на песке, который наощупь был таким мягким, но их усталым телам казался твердым, как камень. Тенар слушала шум моря. Волны плескались перед самым входом в пещеру. Они разбивались и с шуршанием откатывались. Их рокот разносился далеко-далеко на восток. Снова и снова море повторяло одни и те же звуки, но каждый раз в них слышалось что-то новое. Море находилось в постоянном движении. По всему свету у всех берегов всех стран поднимались эти беспокойные волны. Ни на секунду не останавливаясь, они без устали бились о берег. Пустыня, горы стояли неподвижно. Они не разговаривали монотонным и величественным голосом. Море же говорило вечно, но его язык был девушке незнаком. Она его не понимала.

Тенар проснулась с первыми лучами бледного рассвета, во время отлива, стряхнула с себя тяжелый сон и увидела, что волшебник выходит из пещеры. Она смотрела, как он ходит, босой, в подпоясанном плаще и что-то ищет среди скал, покрытых мохнатыми черными водорослями. Он вернулся, заслонив собой вход в пещеру.

— Вот,— сказал он, протягивая горсть мокрых отвратительных предметов, похожих на лиловые камни с оранжевыми губами.

— Что это такое?

— Мидии, я собрал их на скалах. А эти две — устрицы. Это даже лучше. Смотри — вот так их едят.

Маленьким ножом, который она сняла с кольца для ключей и отдала ему в горах, он раскрыл раковину и съел оранжевую мидию с морской водой вместо соуса.

— Ты даже не жаришь их? Ты съел ее живьем!

Она не могла на него смотреть и отвернулась. А Гед, немного смущаясь своего аппетита, тем не менее открывал раковины и глотал мидии одну за другой.

Насытившись, он подошел к лодке, стоявшей носом вперед на нескольких бревнах, которые он выловил у берега. Накануне ночью Тенар осмотрела лодку. Она вызвала у девушки недоверие. Тенар не понимала устройства лодки. Эта лодка была гораздо больше, чем она предполагала. Длина лодки была раза в три больше ее собственного роста. На дне лежало множество предметов, назначения которых она не знала. Лодка пугала ее. На обоих бортах ближе к носу было нарисовано по глазу. Ночью девушке все время казалось, что лодка следит за ней.

Гед что-то поискал в лодке и достал сухую булку. Она была хорошо завернута и потому не отсырела. Он протянул ей большой кусок.

— Я не хочу есть.

Гед посмотрел на ее печальное лицо, убрал хлеб, завернув его, как раньше, и сел у входа в пещеру.

— Примерно через полчаса начнется прилив, — сказал он, — вода поднимется, и мы сможем отчалить. Ты мало спала ночью. Почему бы тебе не поспать сейчас?

— Я не хочу спать.

Гед ничего не ответил. Он сидел под черной каменной аркой, повернувшись боком к Тенар и скрестив ноги. За ним вздымались сверкающие волны. Тенар наблюдала за своим спутником из глубины пещеры. Он сидел неподвижно, как скала. От него распространялось спокойствие, как круги на воде от брошенного камня. Его молчание было не просто отсутствием слов, оно существовало как бы само по себе, как и молчание пустыни.

Так продолжалось довольно долго. Тенар встала и подошла к входу в пещеру. Волшебник не двигался. Она посмотрела на его лицо. Оно казалось отлитым из бронзы: суровое и невозмутимое. Глаза были открыты, но смотрели не на нее, а куда-то вниз.

Как и море, он оставался для нее загадкой.

Где он сейчас? Где носится его душа? Она не могла его понять.

Он заставил ее уйти с ним. Он позвал ее по имени, и она покорно откликнулась, как маленький кролик в пустыне, которого он вызвал из темноты. А теперь он получил кольцо. Могила разрушена. Их жрица навсегда отреклась от своих повелителей. Теперь она ему не нужна. Он уезжает туда, куда она не может за ним последовать. Он с ней не останется. Он обманул ее, а теперь бросит.

Она нагнулась и ловким движением сняла у него с пояса свой маленький стальной кинжал. Он обратил на это не больше внимания, чем ограбленная статуя.

Кинжал, длиной всего четыре дюйма, был заточен с одной стороны. Он представлял собой копию ножа для жертвоприношений в миниатюре. Он был частью облачения Жрицы Моги, которая должна была носить его с ключами на поясе из конского волоса вместе с другими предметами, назначения которых она не знала. Она никогда не пользовалась этим кинжалом. Только во время одного из танцев на празднике новолуния она бросала и ловила этот кинжал перед Троном. Ей нравился дикий танец, без музыки под стук ее собственных ног. Пока она не научилась ловить нож за рукоятку, лезвие не раз резало ей пальцы. Маленький нож был достаточно острым, чтобы разрезать палец до кости. Он мог перерезать и артерии на шее. Она еще послужит своим Повелителям, хотя они предали и покинули ее. Они направят ее руку в последнем деле Сил Тьмы. Они примут ее жертву.

Тенар повернулась к человеку, держа за спиной правую руку, сжимавшую нож. Гед медленно поднял лицо и посмотрел на нее. У него был вид человека, который вернулся и видел страшные вещи. Его спокойное лицо исказила боль. Но постепенно он понял, кто стоит перед ним, и выражение его лица смягчилось. Наконец он произнес:

— Тенар,— и как бы приветствуя ее, дотронулся до резного серебряного браслета на ее запястье.

Казалось, он хочет убедиться, что все в порядке. Так девушка поняла его доверчивый жест. Гед не обратил внимания на нож в ее руке, взглянул на волны, заливавшие камни у входа, и с трудом произнес:

— Пора... Пора в путь.

При звуке его голоса ярость покинула Тенар. Она испугалась.

— Они останутся в прошлом, Тенар. Теперь ты свободна,— сказал он, резко вставая, потянулся и туго перепоясал плащ.— Помоги мне столкнуть лодку. Она стоит на бревнах. Так, толкай... еще раз. Все-все, хватит. Теперь приготовься прыгать, когда я скажу «оп». Отсюда неудобно отчаливать... Еще разок. Ну! Прыгай!

Он прыгнул в лодку за девушкой и поддержал ее, когда она потеряла равновесие. Гед усадил Тенар на дне лодки, встал, широко расставив ноги, и сильно оттолкнулся веслом. С убегающей волной лодка перескочила через камни и, оставив позади ревущие волны прибой, направилась прямо в море.

Когда линия прибой осталась далеко позади, он закрепил весла и установил мачту. Теперь, когда Тенар сидела в лодке, а снаружи о борт бились волны, лодка казалась очень маленькой.

Молодой человек поднял парус. Все снаряжение лодки говорило о том, что она побывала в дальних странствиях. Но при

этом выгоревший красный парус был аккуратно заштопан, и вся лодка была ухоженной и чистой. Она чем-то напоминала своего хозяина: оба далеко путешествовали и порой им приходилось нелегко.

— Теперь,— сказал он,— мы уехали, уехали навсегда, Тенар. Ты чувствуешь это?

Она это чувствовала. Черная рука страха, сжимавшая ее сердце всю жизнь, наконец отпустила. Но радости, охватившей ее в горах, уже не было. Девушка уронила голову на руки и заплакала. По щекам ручьем текли соленые слезы. Она плакала о тех годах, которые были потрачены впустую на служение бесполезному злу. Ей было больно, и она плакала, потому что была свободна.

Тенар начинала понимать, что такое вкус свободы. Свобода — тяжелый груз, непривычная тяжесть для души. Свободный человек отвечает за свой выбор. И выбор этот может оказаться очень трудным. Дорога ведет вверх, к свету, но нагруженному путнику не всегда удается пройти ее до конца.

Гед дал ей выплакаться, не стал утешать. Не заговорил он и тогда, когда она, вдоволь наплакавшись, затихла, устремив взгляд назад на голубой остров Атуан. Лицо волшебника было внимательно и строго, как будто он был один. Быстро и молча он управлял рулем и парусом, все время глядя вперед.

Днем он показал Тенар остров, видневшийся справа по ходу лодки.

— Это Карего-Ат,— сказал он.

Тенар посмотрела в ту сторону и увидела подернутые дымкой горы, похожие на облака — великий остров Короля-бога. Атуан уже скрылся из виду. На сердце у нее было очень тяжело. Солнце золотым молотом било ей в глаза.

Они поужинали сухим хлебом, копченой рыбой, которая показалась Тенар отвратительной на вкус, и попили воды из бочонка. Гед набрал воды в ручье на Мысе Туча накануне вечером. Вскоре спустилась холодная зимняя ночь. Некоторое время они видели далеко на севере крошечные мерцающие огоньки — это в деревнях на берегу Карего-Ат горел огонь в очагах. Но скоро и они исчезли в тумане, и путешественники остались наедине с темной ночью и бездонной глубиной океана.

Тенар свернулась калачиком на корме. Гед улегся на носу, подложив под голову бочонок с водой вместо подушки. Лодка уверенно шла вперед. Низкие волны слегка ударяли в борт. Дул легкий южный ветер. Здесь, вдали от скалистых берегов, море было спокойно. Лишь когда волна дотрагивалась до лодки, слышался легкий шорох.

— Если ветер дует с юга,— шепотом сказал Тенар, подражая морю,— разве не должна лодка плыть на север?

— Конечно, если бы мы не повернули. Я наполнил паруса волшебным ветром с запада. Завтра утром мы уже выйдем из каргских вод. И тогда нашу лодку погонит обычный ветер.

— Она плывет сама?

— Да,— серьезно ответил Гед,— я дал необходимые указания. Ей много не надо. Она уже была в открытом море, за самым дальним островом Западной Провинции. Она была на Селидоре, где погиб Эррет-Акбе. Но самое дальнее путешествие она совершила на восток. Это мудрая и хитрая лодка, моя «Гляди в оба». Ты можешь ей доверять.

Лежа в лодке, плывущей по огромному бездонному морю, девушка вглядывалась в темноту. Всю свою жизнь она смотрела в темноту, но в эту ночь на океане темное пространство было гораздо шире, оно вообще не имело границ. Оно лежало под звездами и не подчинялось силам земли. Этот простор существовал до появления света и останется после него. Он появился до возникновения жизни и будет после нее. Свобода существовала по другую сторону зла.

Тенар спросила из темноты:

— Тот маленький остров, где тебе подарили талисман, он в этом море?

— Да,— ответил другой голос в темноте,— где-то здесь. Наверное, к югу. Я не смог бы снова найти его.

— Я знаю, кто эта старая женщина, которая дала тебе кольцо.

— Знаешь?

— Когда-то мне рассказывали историю. Это часть того, что должна знать Первая Жрица. Тар рассказала ее мне в присутствии Коссил, а потом более подробно, когда Коссил ушла. В Хупуне был знатный род, боровшийся за власть с Верховными Жрицами в Аубате. Основателем рода был король Торега, и в его сокровищах, которые он оставил своим потомкам, сохранилась половинка кольца, данная ему Эрретом-Акбе...

— Об этом говорится в «Подвиге Эррета-Акбе». Это значит... На вашем языке это значит: «Когда кольцо сломалось, половина его осталась в руках Верховного Жреца Интатина, а половина в руках волшебника. Верховный Жрец послал сломанную половинку Древним Властелинам Земли, на Атуан, и оно попало во тьму, в потерянное место. А Эррет-Акбе отдал свою половину незамужней Тиарат, дочери мудрого короля, сказав: «Пусть оно останется как приданое девушки, пусть оно останется в этой стране, пока не станет целым». Так сказал герой перед тем, как уплыть на запад»...

— Все это время кольцо переходило от дочери к дочери этого рода. Оно не было утеряно, как думали вы. Но когда Верховные Жрецы сделали себя Жрецами-Королями, а Жрецы-Короли заставили всю Империю называть себя Королями-богами, род Торега стал беднеть и угасать. В конце концов, как рассказывала мне Тар, из потомков Торега в живых осталось только два ребенка, мальчик и девочка. Тогда Королем-богом Аубата был отец нынешнего Короля-бога. Он похитил детей из их дворца в Хупуне. Существовало пророчество, что один из потомков Торега из Хупу-

на в конце концов послужит причиной падения Империи, и оно напугало его. Он похитил детей и отправил на необитаемый остров, расположенный где-то посреди моря, не оставив им ничего, кроме надетой на них одежды и небольшого количества воды. Он боялся зарезать, задушить или отравить их. В их жилах текла королевская кровь, а за убийство королей несли наказание даже боги. Их звали Энсар и Антхиль. Кольцо тебе подарила Антхиль.

Он долго молчал, потом наконец произнес:

— Ну вот, теперь обе части истории соединились, как две половинки кольца. Но это жестокая история, Тенар. Маленькие дети, необитаемый остров, старик и старуха, которых я видел. Они едва понимали человеческую речь.

— Я должна кое-что тебе сказать.

— Говори.

— Я не хочу ехать на Внутренние Острова, на Хавнор. Эти огромные города чужие для меня, и там живут чужие люди. Мой народ предал меня, теперь у меня нет родины. Я совершила ужасную вещь. Оставь меня на острове так же, как были оставлены королевские дети, на острове, где нет ни одного человека, где вообще ничего нет. Оставь меня и отвези кольцо в Хавнор. Оно твое, оно не принадлежит мне. Оставь меня одну.

Вдруг в темноте, немного испугав Тенар, как маленькая луна, зажегся огонек. Он загорелся по приказу Геда на конце волшебного посоха. Гед сидел на носу лодки, повернувшись к девушке лицом. Огонек освещал дно лодки, ее обшивку, планшир. На лице молодого человека лежал серебряный отблеск. Он пристально смотрел на Тенар.

— Какое зло ты совершила, Тенар?

— Я приказала, чтобы три человека были заперты в комнате под Троном и умерли там от голода. Они умерли от голода и жажды. Они умерли, и их похоронили в Подземной Могиле. Камни Могил обрушились на их могилы.

Она остановилась.

— Что-нибудь еще?

— Манан.

— Его смерть на моей совести.

— Нет. Он умер, потому что любил меня, был предан мне. Он думал, что защищает меня. Он останавливал меч, занесенный над моей головой. Когда я была маленькой, он был добр ко мне. Когда я плакала...

Она снова остановилась, ее душили слезы. Руки сжимали черные складки платья.

— Я никогда не была добра к нему,— сказала она.— Я не поеду на Хавнор. Я не поеду с тобой. Найди какой-нибудь остров, куда никто не может заплывать, отвези меня на него и оставь. За зло нужно платить. Я не свободна.

Между ними, сквозь морской туман, мерцал мягкий свет.

— Послушай, Тенар. Подумай над тем, что я скажу. Ты была сосудом зла. Но зло вылило. С ним покончено. Оно похоронено в своей собственной могиле. Ты не была создана для зла и тьмы. Ты была сотворена, чтобы нести свет, как лампа, которая освещает все вокруг и прогоняет тьму. Я нашел лампу погашенной. Но я не оставлю ее на каком-то пустынном острове, как ненужную вещь. Я отвезу тебя в Хавнор и скажу принцам Архипелага: «Смотрите! В местах тьмы я нашел свет, ее душу. Она уничтожила старое зло. Она вытащила меня из могилы. Она соединила то, что было сломано. Там, где была ненависть, теперь будет мир».

— Я не поеду,— с болью в голосе сказала Тенар.— Я не могу. Это неправда.

— А после этого,— спокойно продолжал он,— я уведу тебя от принцев и богатых правителей. Тебе не место там. Ты слишком молода и слишком умна. Я отвезу тебя на свой остров, на Гонт, где я родился, к моему старому учителю Оджиону. Сейчас он очень старый человек, великий Маг. Он всегда спокоен. Его называют «Молчаливый». Он живет в небольшом доме на скалах Ре Альби, высоко над морем. У него есть несколько коз и садик. Осенью он один бродит по острову, по лесам, по горам, по речным долинам. Когда-то, когда был моложе тебя, я жил у него, но недолго. Я ушел искать зло и был уверен, что найду его. Но ты идешь, избавившись от зла, ты ищешь свободу, ищешь покой на некоторое время, пока наконец не найдешь своего собственного пути. Там тебя ждет доброта и спокойствие, Тенар. Там через некоторое время лампа загорится опять. Поедешь?

Морской туман медленно проплывал мимо их лиц. Лодка легко колыбалась на волнах. Вокруг была ночь, а внизу под лодкой — море.

— Я поеду,— сказала она, вздохнув, и добавила: — Я бы хотела оказаться там как можно скорее... прямо сейчас...

— Уже скоро, малышка.

— А ты будешь туда приезжать?

— Буду, когда смогу.

Огонек погас. Их снова окружила темнота.

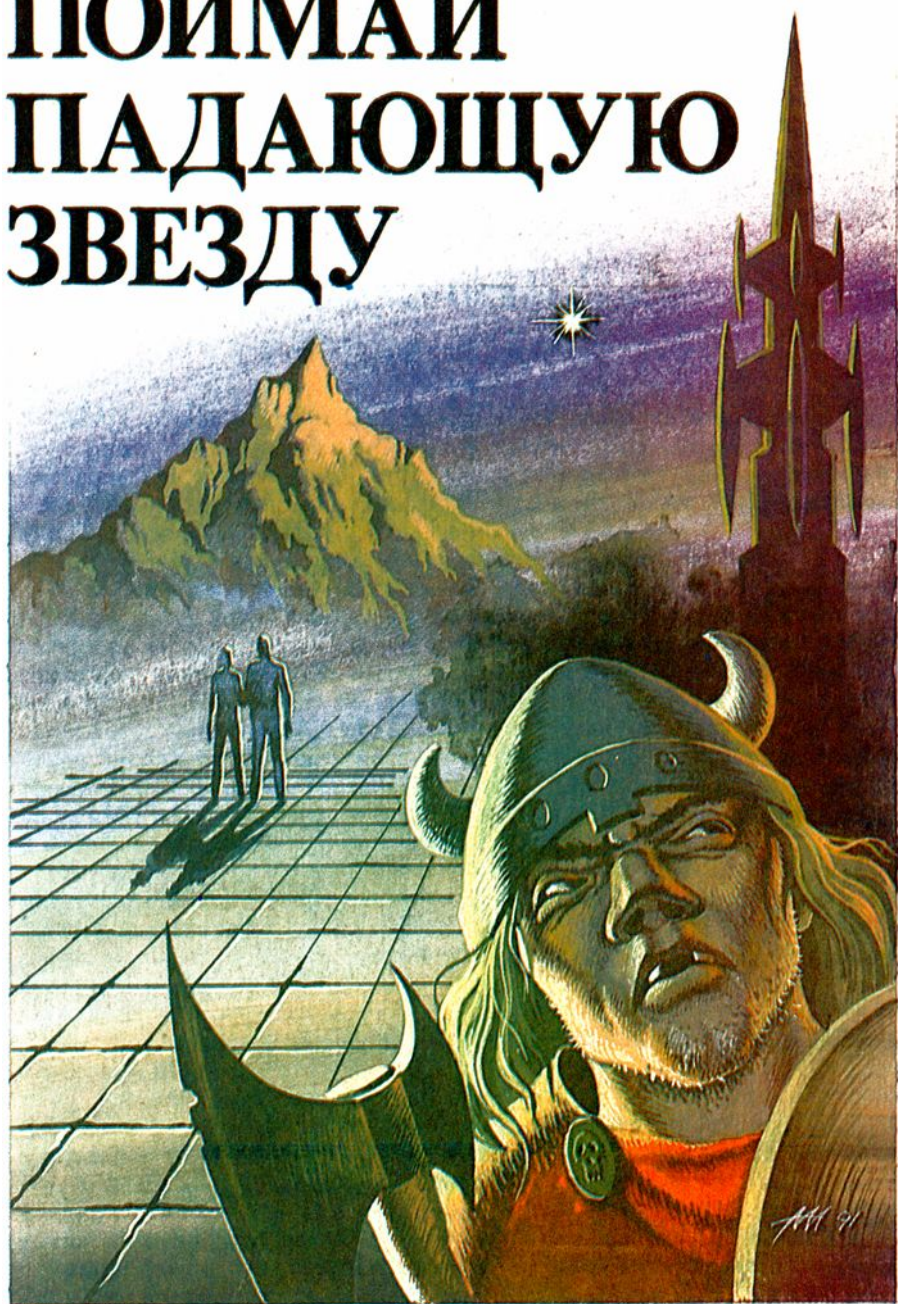
Наконец после многих закатов и восходов, после тихих безветренных дней и дней непогожих, когда дул ледяной ветер, они вошли во Внутреннее море. Их лодка шла по оживленным морским путям, встречая огромные корабли. Они поднялись вверх по Эбванорскому течению в залив и вошли в Великий Порт Хавнора. Они увидели белые башни и весь город, белый и сияющий от снега. Своды мостов и красные крыши домов были покрыты снегом. Заледневшая оснастка кораблей сверкала под лучами зимнего солнца. Вести о приближении Геда и Тенар опережали их, потому что залатанный красный парус «Гляди в оба» был хорошо известен

в этих краях. Огромные толпы собирались на заснеженных причалах. На холодном ветру хлопали цветные флаги.

Тенар, выпрямившись, сидела на корме в своем поношенном хитоне. Она посмотрела на запястье, на браслет, а потом на многолюдный, разноцветный берег и дворцы с высокими башнями. Она подняла правую руку, и серебряный браслет ослепительно сверкнул на солнце. До нее донесся радостный возглас восхищения, который не мог заглушить шум ветра. Гед начал причаливать. Сто рук протянулись, чтобы схватить веревку, которую он бросил на причал. Молодой человек вскочил на пирс и обернулся, подав руку Тенар.

— Добро пожаловать,— улыбаясь, сказал он. Она встала и тоже выпрыгнула из лодки. Неторопливо Тенар пошла рядом с Гедом по белым улицам Хавнора, держа его за руку, как ребенок, возвращающийся домой.

ДЖОН БРЮННЕР
**ПОЙМАЙ
ПАДАЮЩУЮ
ЗВЕЗДУ**

Перевод с англ. *Максима Бабарина*

Лит. обработка *Лорины Дымовой*

Иди, поймай летящую звезду.
Найди волшебный корень мандрагоры,
Скажи, куда уходят наши годы...

Джон Дон.

I

Испугавшись, что каприз, заставивший человека в золотой одежде принять его приглашение, может пройти, Креоан мысленно проклинал дверь своего дома за то, что она так медленно открывается. Казалось, что дом по какой-то зловещей причине не желает отодвинуть защитную изгородь с отравленными шипами.

Но, может быть, это объяснялось лишь его собственным ужасом, из-за которого секунды казались ему часами, а минуты — вечностью.

Едва лишь щель стала достаточно широкой, он схватил своего спутника за руку и потащил в дом. Мужчина автоматически сопротивлялся: никто не смел прикасаться к одетому в золото знатному гражданину Лимерианской Империи. За это посягнувший мог быть проколот украшенной драгоценными камнями шпагой — такой, какая висела у него на поясе. Но гость, похоже, был обыкновенным обманщиком и сопротивлялся, скорее, для вида. Кроме того, он не мог скрыть жгучего любопытства — уж слишком таинственным и многозначительным тоном Креоан пригласил его к себе.

По коридору с полом, покрытым мхом, со стенами из легкого, мягко светящегося вещества, имеющего густоту меда и испускающего тонкий аромат, они прошли вглубь дома. Там, в огромной комнате, стоял мощный телескоп, взглянув в который, можно было увидеть необъятное черное небо, полное звезд.

Слишком много звезд...

До неожиданной встречи с человеком в золоте, который, единственный из всех горожан, гулявших сегодня вечером по улицам, поддался его уговорам, Креоан придумывал и повторял про себя слова, которые пробили бы панцирь всеобщего равнодушия. Он избретал жесты и восклицания, рисовал впечатляющие картины, чтобы тот, к кому он обращался, испытал чувство приближающейся опасности — такое же, какое постоянно испытывал он сам. Но теперь, когда это произошло в действительности, а не в воображении, единственное, что он смог сказать гостю, было отрывистое: «Смотри!».

Человек в золоте подчинился, показывая всем видом, что ожидал большего и что не имеет понятия, к чему себя готовить. Пауза затягивалась и гость недовольно посмотрел на Креоана.

— Это, значит, и есть твоя машина, которая показывает будущее? — спросил он. — И что же необыкновенного ты там увидел?

— Вон звезда, — показал Креоан. — Разве ты видел ее когда-нибудь над своей любимой Лимерианской Империей?

— Я? Откуда я знаю? — гость был, явно, раздражен. — У настоящего мужчины есть чем заняться ночью, вместо того, чтобы пялиться на звезды. Ты обманул меня! Ты сказал, будто нашел способ заглянуть в будущее, и я последовал за тобой в надежде, что это похоже на то, как мы смотрим в прошлое. Но то, что ты мне показал, — пустяки!

Злость на этого человека, на его ограниченность внезапно развязала Креоану язык.

— Неужели пустяки — знать, что звезда пройдет рядом с нашей планетой? — почти закричал он. — Разве из-за этого вскипят моря и высохнут земли, города в дыму и пламени взлетят на воздух, все надежды и стремления человечества будут уничтожены, а Земля превратится в безжизненный шар? Это пустяки?

Горячность Креоана ошеломила человека в золоте, и, отступив на шаг, он, чтобы успокоиться, положил руку на эфес шпаги.

— А ну-ка, покажи мне ее, эту штуку! — потребовал он.

Креоан вздохнул, он не сомневался, то гость будет разочарован.

— Я не могу это тебе преподнести, как империю, одежду и манерам которой ты подражаешь, — он чуть не сказал «плохим манерам», — но все, что я сказал, случится, и через гораздо меньший промежуток времени, чем тот, который отделяет нас от лимерианцев, столь чтимых тобою.

— Когда это случится? — в глазах гостя мелькнуло любопытство.

— Меньше, чем через триста лет.

Напряженность человека как рукой сняло, он расслабился и презрительно усмехнулся.

— Напиши об этом своим потомкам, дурак! К тому времени я буду давно мертв, и ты тоже. Так какое нам до этого дело? Напрасно я поверил чепухе, которую ты наплел, чтобы заманить меня сюда.

— Я дал тебе возможность заглянуть в будущее, — огрызнулся Креоан. — И не моя вина, что тебе недостает ума и воли, чтобы воспользоваться этой возможностью.

Человек в золоте оскорбился и даже вытащил из ножен шпагу. Но он был Историком, то есть человеком, который всю жизнь с вождением маньяка занимается лишь прошлым, — и разум в нем возторжествовал над чувством. Он находился в доме Креоана и знал — хотя немногие из тех, кто мог поведать об этом, остались в живых, — что может сделать такой дом, чтобы защитить своего хозяина. Конечно, лимерианцы не были знакомы с такими домами, но человек в золоте не был лимерианцем: он был всего лишь их подражателем.

Он резко повернулся на каблуках — так, что накидка взвилась над его плечами, и зашагал прочь, бормоча проклятия. Креоан смотрел ему вслед и чувствовал, как на него вновь накатывает волна отчаяния.

Неужели ничто не в состоянии пробить эту чудовищную стену равнодушия, пока пламя не опалит лица и пока волосы не вспыхнут на человеческих головах?

По зеркалу объектива телескопа ползло изображение звездного беглеца. Пока оно еще было маленьким, и Креоан вряд ли бы обратил на него внимание, если бы не Моличант.

Этот маленький смуглый человек тоже был Историком, но совершенно другого типа. Он был не маньяк, снedaемый завистью к прошлому, считающий, что в те времена его героизм или фантастические способности принесли бы ему славу, — нет, это был человек, стремящийся узнать, каким образом прошлое превратилось в настоящее, это был ученый, пытающийся понять причины того или иного современного события.

Возможно потому, что большинство приятелей Моличанта принадлежали к первому типу Историков, он не любил беседовать с ними и за последние год-два привык обсуждать всё новое, что узнавал, с Креоаном. Анализировать открытия вместе с другими Историками, по мнению Креоана, было невозможно: все обсуждения заканчивались бы или тщеславными спорами или просто заурядными потасовками.

Зато и Моличант благосклонно выслушивал рассказы Креоана о звездах и даже снабжал его иногда полезной информацией о том, как изменялась картина неба на протяжении столетий и тысячелетий. И однажды он указал на звезду, которая — ныне такая яркая — вообще не была видна во времена Усовершенствования Человека, почти десять веков назад.

Заинтересовавшись этим замечанием, Креоан произвел некоторые измерения и подсчеты, что было его любимым занятием, внес в таблицу все прежние локальные перемещения звезды и не придавал им особого значения. Тем более, что увеличение яркости за последнее десятилетие, когда он занимался наблюдением, было слишком незначительным, чтобы обратить на него внимание. У многих звезд излучение менялось — они то становились ярче, то затухали.

Но тысяча лет была достаточным сроком, чтобы сделать подсчеты и сопоставления, и прошлой ночью он этим занялся.

Креоан сидел до рассвета, проверяя и перепроверя расчеты, уничтожая любую возможность ошибки. На рассвете он заставил себя заснуть в надежде, правда, очень слабой, что, проснувшись, он найдет ошибку. Сегодня утром он всё начал сначала. Голодный и измученный, он повторял расчеты, составлял целые серии уравнений. Ошибки не было. Через двести восемьдесят восемь лет эта звезда пересечет границу Солнечной системы. Втянутая внутрь системы, она будет вращаться вокруг Солнца по сужающейся спирали,

пока не соединится с ним и не превратится в гигантский огненный ад.

Оставшись один на один с этим открытием, Креоан очень жалел, что не рожден Историком, аптекарем или хотя бы просто любовником, — это спасло бы его от невыносимого знания, которое он обрел.

Видимо, он слегка сошел с ума: в его памяти образовался пробел. Он понял это, внезапно обнаружив, что находится не у себя дома за столом, а на улице, хотя и не собирался никуда идти.

Весь день до самого вечера он ходил по городу, обращаясь к прохожим, пытаясь поделиться с ними своим открытием, но над ним смеялись и не хотели с ним разговаривать. Человек в золоте был его последней надеждой. Креоану помогли прилив вдохновения и обещание показать будущее: мужчина оказался любителем сенсаций и клюнул на приманку.

Но все напрасно...

В бессильной ярости Креоан сжал кулаки. Неужели эти люди не чувствуют никакой благодарности к Земле, которая веками одаривала их, кормила и поила? Неужели их зрение кончается на границе их собственной короткой жизни? Неужели у них не осталось ни капли любви к планете, которая их выносила? Сможет ли он жить, если поверит в это? Ведь он тоже принадлежит к человеческому роду!

Конечно, если не в этом городе, то в другом, он, скорее всего, найдет человека, который тоже содрогнется при мысли о грядущем несчастье, пусть даже оно случится потом, когда их уже не будет.

В конце концов на Земле так много самых разных людей...

Его возбужденный мозг понемногу успокаивался. Обратившись к спокойному и разумному прошлому (неужели это прошлое для него кончилось только вчера? Ему казалось, что прошла целая вечность!), Креоан привел в порядок свои мысли. Он вспомнил о том, что они часто обсуждали с Моличантом во время бесед, и приказал дому создать образ Моличанта. Используя все свои впечатления о друге хозяина, который нередко тут бывал, дом выполнил приказание настолько хорошо, что Креоан чуть не заговорил с другом.

Если бы он действительно был здесь!

Но когда они виделись в последний раз, Моличант рассказал о своем намерении проследить за изменением во времени то ли какого-то слова, то ли какой-то мелодии, — Креоан забыл, о чем шла речь, — и из путешествия вернется не раньше, чем дней через двадцать.

А если бы Моличант физически присутствовал здесь, то...

Креоан не позволил себе додумать до конца. Мстить другу за ошибки Вселенной? Нет, это был постыдный всплеск чувств, который он с ужасом обнаружил в себе и тут же погасил. Разве лучше было бы находиться в блаженном неведении? Хотя теперь он временами и мог завидовать тем, кто не подозревает о гибели, ожидающей планету. Моличант сослужил ему службу, натолкнув на это открытие, и если бы разум и воля не выветрились из людей

окончательно, возможно, он сослужил бы службу и всему человечеству.

Подумав об этом, Креоан успокоился. Он начал вспоминать беседы с Моличантом о том, что в данный момент ему казалось важнее всего.

II

— Не думаешь ли ты,— сказал однажды Креоан,— что в последние века люди вроде тебя будут тосковать об этих днях, о нашем времени, находя, что оно значительно лучше, чем их настоящее? Вот и ты, и все, кто разделяет твою страсть к истории, отвернулись от своего времени. Вы пренебрегаете им, считаете, что оно не стоит вашего внимания. Держу пари, ты больше знаешь о событиях, происходивших во времена Усовершенствования Человека, чем о том, что происходит в данный момент, ну, скажем, за границей.

Креоан думал, что Моличант, специализирующийся на периоде, бывшем на Земле менее чем сто веков назад, почувствует себя уязвленным, но Моличант в ответ лишь засмеялся, как смеются над неудачной шуткой.

— Найдут этот век превосходным? Что же, по сравнению с их веком, может быть, он таким и покажется.

Однако, увидев каменное выражение лица Креоана, не допускающее шуток, он сжал обеими руками кубок с необыкновенным вином (его собственный дом такого не производил) и перешел на более серьезный тон.

— Конечно, многое может служить доказательством твоей правоты. Например, установлено, что эти дома, которые так лелеют и защищают нас, появились не вследствие естественного хода жизни, а благодаря искусственному вмешательству в наследственность растений. И где теперь искать изобретателя, который придумал и создал первый такой дом? А огоньки, висящие ночью в небе и делающие нас независимыми от движения Солнца? Теперь уже трудно поверить, что не так уж давно этих огоньков не было, и людям приходилось зажигать факелы, если они хотели выйти на улицу после захода солнца.

— Я не стану тебе возражать,— улыбнулся Креон,— поскольку, следуя этой логике, ты попадаешь в свою же собственную западню. Смотри! Ты выбрал период времени, от которого, по часам Вселенной, нас отделяет лишь мгновение. Другой, входящий вместе с тобой в Дома Истории, потешается над твоим любимым периодом Усовершенствования Человека, но с почтением умолкает перед временами Бридволов, искренне считая их умение использовать ощущения человеческого тела вершиной всего, что достигнуто за тысячелетия. Третий восхищается Геринтами, их отказом от персональной ответственности и считает абсурдным утверждение Бридволов, будто каждый индивидум лично отвечает за всё, что происходит в мире. А тем временем кто-то еще сочтет Геринтов сторонниками край-

ностей и будет идеализировать Минога, поскольку те нашли золотую середину. Разве это не так?

И дождавшись осторожного кивка Моличанта, Креоан с видом триумфатора задал свой главный парадоксальный вопрос:

— Если ты утверждаешь, что каждый новый век хуже предыдущего, ответь, почему все Историки не удаляются так далеко, как только возможно?

Моличант пожал плечами:

— Конечно, есть нечто необъяснимое в том, что привлекает людей в Дома Истории. Если бы ты знал хоть немного из того, что мы, Историки, чувствуем интуитивно, мне не пришлось бы сидеть здесь и спорить с тобой. Разумеется, ты можешь сказать, что некоторые люди благодаря своему происхождению и образу мыслей чувствуют себя более подходящими для другого времени, чем для своего собственного. Среди бесконечного разнообразия культур и обществ, которые разжигают наше воображение, каждый может найти для себя что-либо полностью ему соответствующее.

— Нет, этого быть не может. Иначе что делать с такими, как я, которые не испытывают никакой тяги к прошлым временам?

— Возможно, я и преувеличиваю,— согласился Моличант после паузы.— Сейчас мне в голову пришла другая идея: может быть, привлекательность прошлого заключается в уверенности, которую испытывает человек, изучая какой-то исторический период, поскольку знает, чем он закончился.

— А в наше время человек чувствует себя неуверенным? — спросил Креоан.— Отчего он неуверен? В древности неуверенность была порождением страха перед холодом или зимней стужей. А сейчас? Разве кому-нибудь угрожает смерть от голода? Разве кто-нибудь страдает от нищеты? Даже смерть, маячащая вдали, не так страшна от сознания, что благодаря Домам Истории другие люди смогут бесконечное число раз наблюдать за твоими даже самыми незначительными деяниями.

— Тогда смотри на это как на противоядие от скуки,— раздраженно проговорил Моличант.— По-видимому, ничто не в силах пробить броню твоей предубежденности.

На этой фразе обсуждение, как правило, прекращалось. Креоан подозревал, что Моличант страдает оттого, что не может убедить друга, но при этом он собирает опыт — в чем для него и заключается смысл жизни. Однако продолжать надоевший спор ему не хочется, чтобы не убить привязанности, которую они испытывают друг к другу.

Очнувшись от воспоминаний, Креоан велел образу Историка исчезнуть и пока тот удалялся, подумал, что теперь, наконец, есть оправдание его собственным занятиям. Благодаря им стало известно, чем завершится этот век — век, в котором жили он сам, и Моличант, и все остальные. Но становился ли от этого их век более привлекательным? Почувствует ли Моличант себя увереннее, если Креоан

поделиться с ним своим открытием? Конечно, нет! Он, как и вся историческая братия, лишь чаще и дальше будет убегать от действительности в прошлое.

Ему захотелось увидеть небо просто так, без телескопа, и сразу же крыша залы завернулась, будто увядший цветок, оставив его под открытым небом. Раньше он никогда не задумывался о том, как это делается, а сейчас впервые обратил на это внимание — видимо, в миг, когда он понял, что жизнь неизбежно кончится, Земля показалась ему полной тайны и очарования.

Этот дом был если не частью его самого, то, безусловно, его продолжением. Он выбрал его из-за телескопа. До того, как он вошел в него, дом долго был пуст, как и полагалось всем домам, — он забывал своего прежнего владельца. Может быть, Креоан немного поторопился с въездом? Даже сейчас дом проявлял иногда свойства, которые Креоан не признавал своими: он был уверен, что это привычки, оставшиеся от его предшественника.

Однажды, несколько лет назад, он без всякой цели, просто из любопытства, спросил дом: «Кто был твоим хозяином до меня? Покажи мне его!»

Комната задрожала. Казалось, дом напрягся изо всех сил, пытаясь вспомнить. Но к этому времени он уже считал своим владельцем только Креоана, и изображение, возникшее в воздухе, было копией Креоана, только более молодого.

Ну да все равно. Предыдущий владелец, судя по тому, как он расположил дом вокруг телескопа, скорее всего понял бы чувства, переполняющие сейчас Креоана. Но он, должно быть, давно умер. Оставалась единственная возможность узнать, кем он был: обратиться к Историку. И он решил попросить Моличанта поискать его в прошлом, но почти сразу же передумал. Хотя, конечно, это был бы идеальный случай проверить самому возможности Дома Истории.

... Он стоял под открытым небом, слушая шумную и прерывистую музыку города, и прохладный ночной ветер трепал его густую бороду. Он различал безумный смех завтрашнего мяса, собравшегося на пологих склонах холмов, чтобы спуститься к морю и встретиться там со своей хозяйкой — Смертью. Стаи кружащихся над головой огоньков мешали ему разглядеть звезды.

Поддавшись порыву, Креоан подозвал свистом одного из огоньков, с опозданием вспомнив, что тот не может приблизиться, пока он не прикажет дому прекратить колебания, — дом производил их, чтобы расчистить поле зрения телескопа. Исправив свою оплошность, Креоан свистнул еще раз. Огонек послушался и пока он садился на его руку, Креоан внимательно рассматривал его — глаза-бусинки, закинутую назад голову. Этот огонек, как и все остальные, кружащиеся в воздухе, был зеленым, потому что улица, на которой жил Креоан, и дорога, и стены домов в течение последней недели были зелеными. Какой-то элементарный рефлекс привлекал огоньки к местам, окрашенным в тот же цвет, что и они сами.

Хотя Моличант не однажды ссылался на существование огоньков как на доказательство удивительных, ныне утраченных способностей

и знаний, которыми обладали люди минувших веков, Креоан никогда не задумывался об этих существах. Они появлялись каждую ночь, выполняли свои функции и исчезали — о чем тут размышлять? Обычный факт обычной жизни. Но теперь он поймал себя на том, что думает о них с каким-то острым интересом. Едят ли они? Вообще-то, должны, но тогда что именно? Очевидно, они каким-то образом размножаются. Где? Попробовать расспросить Историков? Но тогда придется долго выслушивать их хвастовство и разглагольствования об их любимом периоде, пока, наконец, они не дойдут до того, когда и как появились эти самые огоньки. Будет ли эта информация полезна для его целей?

Нет, скорее всего, нет. Он вздохнул. Историки, подобные Моличанту, редки. Большинство из них предпочитают пассивно созерцать чудеса иных времен, им не хватает настойчивости и любопытства, чтобы их исследовать.

Креоан подбросил светящееся существо в воздухе, и оно, расправив крылья, снова закружилось над его головой вместе с тысячами своих приятелей.

Ветер опять принес с холмов полуисступленные, полуотчаянные вопли мяса, и мысль Креона еще раз изменила направление. Это было как раз то, на что Моличант мог законно ссылаться наряду с огоньками и домами, чтобы подтвердить утверждение об упадке современного общества: ежедневное прибытие определенного количества мяса, его готовность принять Смерть как друга, чтобы служить жителям этого города. Эта идея не приходила в голову Моличанту видимо потому, что он, как и Креоан, редко ел мясо — только когда обедал с другом. Им обоим исключительно повезло с домами: те оказались достаточно разносторонними и обеспечивали все их потребности в пище, так что это не занимало их внимания.

Многие же люди, продолжал мрачно размышлять Креоан, до сих пор суеверно считают, что какие-то неведомые микробы переносят в их организмы энергию пищи, которая несколько часов назад сама была полна энергии.

Неужели мы все настолько поглупели из-за всеобщего упадка? Неужели человеческий род настолько приблизился к последней черте, за которой лишь одряхление и деградация, что гибель от приближающейся звезды есть просто милосердная возможность легкой безболезненной смерти?

— Нет! — воскликнул он и спугнул криком летающих поблизости огоньков; они засуетились и поднялись выше.

Нет, это предположение невыносимо. Согласиться с ним — значит, принять аргумент Моличанта и считать, что для каждого живущего ныне человека в прошлом есть нечто привлекательное, а из этого следует, что человечество исчерпало свои возможности, и дальнейший прогресс исключен.

И опять мысль Креона прервалась... Все-таки он еще раз попытается найти человека, который правильно его поймет и будет вместе с ним сокрушаться о судьбе Земли. Надеяться на большее, чем утешение такого же плакальщика, он не мог: у него не было возмож-

ности заставить звезду свернуть с курса. Жалость — это было последнее, что Человек мог предложить своему миру.

Где-нибудь в городе он, возможно, и найдет того, кого ищет. А если не в городе, то дальше — может быть, даже не внутри страны, а на равнинах Круина или за далекими Арбеллинскими Океанами.

Где-нибудь! Где-нибудь!

Он обязан заставить людей понять серьезность происходящего. После минутного раздумья он приказал дому выдать ему траурный костюм: шляпу с полями, отбрасывающую грустную тень на лицо, тунику цвета запекшейся крови и краги, которые казались заляпанными до самого колена засохшей грязью. Облачившись в этот наряд, Креоан отправился в город на поиски приятеля-плакальщика.

III

Несколько часов бродил он по улицам, пока у него не начала кружиться голова от усталости, голода и отчаяния. А более всего от однообразности разнообразия, которое предлагал город жителям. Ни один из домов не был похож на другой, поскольку нет на свете двух одинаковых людей. И там, где пара, группа или семья, состоящая из нескольких поколений, жили под одной крышей, сложность взаимоотношений между ними фантастически преображала дом. Определить, где какой дом находится, было невозможно: традиционные названия, которые носили улицы, давно устарели. Его улица, например, называлась улицей Музыкантов, но на его памяти никаких музыкантов на ней не жило лет уже десять или больше.

Правда, сейчас улица составляла единое целое благодаря общему зеленому цвету, который распространялся на все, что на ней находилось, и который предопределял даже цвет огоньков, кружившихся над ней. Это был удивительный феномен — смена цветов, вызываемая циклом метаболизма домов, и их свойство принимать цвет того, что в данный момент наиболее энергетично. На прошлой неделе улица Музыкантов была синей, а до этого — желто-оранжевой. Сегодня вечером желто-оранжевой была улица Граверов, а улица Путешественников рядом с ней была белой.

В другое время это заинтересовало бы Креоана. Часто для исследований ему бывал нужен белый огонек и если естественное свечение стен его дома было другим, ему приходилось идти на белую улицу, подзывать свистом к себе огонек и, засунув его в сумку, нести домой. Но сейчас ему было не до того: он должен был найти себе товарища-плакальщика.

В отличие от Историков, которые в это время в большинстве своем мысленно находились в далеком прошлом, остальные жители города одевались обычно в одежду того же цвета, какую в данный момент была их улица. Можно было подумать, что без этого они не могли узнать своих соседей и друзей.

Прохаживаясь по чужим улицам, люди обменивались приветствиями со встречными, одетыми так же, как они. Но к тем, на ком

были траурные одежды, никто не обращался, и прохожие, которых Креоан останавливал, отвечали ему лишь недовольными гримасами или вообще не обращали на него никакого внимания.

Он вышел на незнакомую улицу и остановился возле дома, на котором висело объявление о том, что здесь живут поэты и каллиграфы и за небольшую плату пишут белые стихи на любую тему на яндийском, фрагиальском и клеофинском языках. На крыльце Креоан увидел юношу и женщину, причем юноша был поглощен странным занятием: он пощипывал пухлые бледные плечи женщины, которая была явно старше его. Срывающимся от волнения голосом Креоан спросил, сколько будет стоить впечатляющая, могучая баллада о конце мира.

Юноша на мгновение оторвался от своего занятия.

— Это устаревшая тема,— неохотно ответил он.— Менестрель Скрад разработал ее пять тысяч лет назад. А кому сейчас нужны произведения Скрада?

Женщина недовольно посмотрела на Креоана и подставила к губам поэта мочку левого уха.

На пустом участке, где недавно умер дом, а земля еще не была готова принять новые семена, женщина создавала фигуры из цветного дыма. За ней внимательно следили трое маленьких детей. Креоан поздоровался с женщиной и спросил, не может ли она нарисовать дымом картину, которая будет видна в любом уголке города. Картина должна быть такая: пламя и темные клубы дыма, в которых тонет наша планета. Женщина ничего не ответила, и ему даже показалось, что она просто не обратила внимания на его слова. Когда же он нерешительно коснулся ее руки, она подняла голову, улыбнулась ему и, откинув пряди темных волос, показала, что у нее нет ушей и что она должна видеть его — лишь тогда она может понять, что он говорит.

Потрясенный, он пошел дальше и вышел в конце концов на берег моря, так и не встретив того, кто ему был необходим. Широкая дорога шла вдоль берега до самого горизонта и терялась из виду. Волны спокойно набегали на берег, оставляя на песке в сиянии зеленого и белого света крабов и моллюсков. В ответ на это над берегом кружилось несколько белых и зеленых огоньков, но сама дорога была темно-бордовая, а белых и зеленых огоньков было так мало, что они все вместе не могли затмить звезды.

Итак, можно было подвести итоги. Во всем городе не нашлось никого, кто мог бы понять, ужаснуться или хотя бы просто огорчиться известием о грядущей катастрофе.

Идти дальше было бессмысленно. Однако вернуться домой и провести весь вечер, а потом бесконечную бессонную ночь в пустой комнате один на один с мыслью о том, что Земля, его любимая прекрасная Земля, погибнет в адском пламени, Креоан не мог. Лучше остаться здесь, на этом пустынном берегу, под небом, усеянным бесчисленными звездами, среди которых одна — всего лишь одна! — таит в себе опасность для человеческого рода.

Креоан огляделся по сторонам и увидел странный дом — фантастически разросшийся, с несколькими стволами и ответвлениями. Такой дом не мог быть обычным жилищем, принадлежащим пусть даже большой, состоящей из нескольких поколений семье. Скорее всего это было какое-то учреждение, а, судя по яркости и причудливости переплетенных растений, образовывавших дверь и навес над ней, дом вполне мог оказаться таверной или чем-нибудь другим в этом же роде.

Креоан подошел поближе и увидел, что не ошибся: это, действительно, была таверна, причем довольно большая, если сравнивать с теми, в которых он бывал иногда с Моличантом.

Это была удача, что у него на пути оказалась таверна, — ему самому ни за что бы не пришло сейчас в голову, что можно пойти в какое-нибудь подобное заведение, посидеть за столиком и убить несколько часов теперь уже ненужного времени; а может быть, даже — чем чет не шутит! — именно там он и найдет того, кто ему так необходим? Он понимал, надеяться на это смешно и глупо, но так ему было легче...

Он вошел в распахнувшуюся перед ним дверь, прошел через мерцающий коридор и оказался в круглом зале с множеством дверей, ведущих, судя по всему, в отдельные кабинеты.

Из некоторых комнат, располагавшихся по кругу, доносились голоса и смех, однако никого не было видно. В центральном зале, когда Креоан туда вошел, сидела в полном одиночестве женщина, крупная, в темном одеянии, уставившаяся в потолок невидящими глазами. Поначалу он не обратил на нее никакого внимания, решая, какой из напитков ему выбрать, но, пока он думал, женщина подошла к стойке, наклонилась и прильнула губами к отверстию на механическом официанте, как младенец к материнской груди.

По спине Креоана пробежал холодок. Он повернулся и удивленно взглянул на нее. Черный хитон — ее единственное одеяние — поза, которую она приняла, когда начала сосать, объяснили ему всё в мгновение ока. Она была Историком, увлекавшимся периодом Великих Геринтов, и то, что она глотала, могло быть только...

В ужасе он смотрел, как ее тяжелое тело поднимается и опускается в такт глоткам, заставляя хитон то натягиваться, то свободно спадать. Это было в обычаях Геринтов — они презирали украшения. И когда кто-нибудь из их последователей-подражателей достигал этой стадии, лучше было находиться где-нибудь подальше.

Креоан двинулся к выходу, ступая мягко, как кошка, но женщина вдруг перестала сосать, перевела на него взгляд и неожиданно вытянула свою толстую руку, преградив ему путь. Бесполезный, не на шутку напуганный, он остановился и замер.

— Ты скорбишь? — спросила она низким голосом, внимательно изучая его внешность. — Негоже скорбеть в таверне. Это не приято.

Ее замедленная речь подтвердила худшие опасения Креоана. Она пришла сюда, желая попробовать в конце концов «девичью

кровь Геринтов». Официант — а это входило в его обязанности — предоставил ей то, что она просила, и теперь со-жизнь, должно быть, нашептывала ей эти шипящие слова. Трижды в году Геринты поглощали этот напиток в хранилищах Правильного Мышления, поскольку в их времена со-жизнь могла быть сохранена только в человеческом окружении. Для современного же человека и одного раза было слишком много.

— Дай мне яду, — приказал Креоан официанту. — В кувшине.

Он ненавидел себя за то, что собирался сделать, но разве он был в этом виноват? Так же, как однажды он чуть не возненавидел Моличанта, когда тот принес ему ужасную новость, но виноват-то был вовсе не Моличант. В данном же случае, если кого-то и надо было обвинять, то только самих Геринтов, но они находились уже вне пределов досягаемости.

Ледяная жидкость, сияющая черными бликами, полилась из крана. Прежде чем сосуд наполнился на четверть, женщина заговорила вновь.

— О ком ты скорбишь? Или твоя скорбь — обман?

— Я скорблю о Земле, — сказал Креоан, краем глаза следя за уровнем жидкости в кувшине. И тут же понял, что совершил ошибку. Со-жизнь, вошедшая в мозг женщины, была беспощадна — поэтому Геринты и исчезли.

— Земля не живая и не может умереть, — заявила женщина. — Земля все еще существует, поэтому нельзя скорбеть о ней. Ты, очевидно, не способен логически рассуждать либо просто лжец. В любом случае мой долг — избавить от тебя общество!

Именно так рассуждали Геринты, и это тоже было причиной, почему они исчезли.

Что-то бормоча себе под нос, женщина поднялась и схватила пустой кувшин со стойки, собираясь ударить им Креоана по голове. Но не успела — Креоан резким движением плеснул яд из своего кувшина ей в лицо. Одна капля попала на его собственную руку, и большой палец сразу же занял и онемел. Женщина же с возгласом удивления опустилась на пол и замерла.

С ней было покончено, но со-жизнь, разделявшая с ней ее мозг, была еще жива и, собираясь ускользнуть, выползала из ушей своей жертвы. Креоан поспешно вытер руку и вылил остаток яда на обнаженную протоплазму этого существа.

Ошеломленный, подавленный, он поставил кувшин на стойку. Официант неожиданно произнес:

— Вы заказывали яд.

Креоан кивнул, забыв, что официант не может увидеть его кивок, а тот продолжал:

— Вы не мертвы. Когда человек заказывает яд, он должен умереть. Яд был недостаточно сильный?

— Яд был очень сильный, — с трудом произнес Креоан, ощущая во рту неприятный привкус. — Разве не достаточно того, что один человек мертв? Яд не пропал даром.

Он опустил голову и, ничего не видя перед собой, побрел к выходу.

Через некоторое время, очнувшись, он обнаружил, что идет вовсе не по берегу океана, а через спиральные комнаты все той же таверны. Первая комната была занята, в ней расположились Любовники, которые пытались выяснить, сколькими способами могут быть соединены их тела. Они были слишком заняты и даже не заметили вторжения постороннего человека. Креоан прошел мимо них и вошел в следующую, тоже занятую комнату, где сидели три женщины и мужчина, наблюдая, как существо, подобранное на берегу, умирает в грациозных конвульсиях. Когда Креоан вошел, женщины и мужчина, убедившись, что существо мертво, подняли высокие бокалы с голубоватой жидкостью, собираясь чокнуться.

— О ком ты скорбишь? — весело спросила Креоана одна из женщин. — Об этом существе?

Она подцепила трупик острым ногтем и подняла, чтобы показать гостю.

— Я скорблю о том, что этот мир скоро погибнет, — механически ответил Креоан.

— Это спасет нас от необходимости изобретать всё новые и новые способы, как убить время, — сказала та же женщина.

Ее бледный товарищ, очевидно, более практичный, пробормотал:

— Этот человек сошел с ума.

— Как это произойдет? — поинтересовалась вторая женщина, часть лица которой была закрыта маской.

— Другое солнце сожжет землю.

— Другое солнце? Но солнце только одно! — возразила первая женщина. — Если только каждый день на небе не появляется новое — я никогда об этом не задумывалась.

— Солнц тысячи! — воскликнул Креоан. — Все звезды — это солнца!

— Звезды? — удивилась женщина.

— Маленькие сияющие точки в небе, — вмешалась женщина в маске, — ты их видела.

— Да, конечно, видела, — кивнула первая женщина, — но никогда не слышала, чтобы их так называли. Кроме того, непохоже, чтобы они могли сжечь мир. Они вряд ли даже теплые. И порхают вот так!

Она замахала руками, подражая летающим в ночи огонькам, и Креоан пожалел, что напрасно потратил столько времени. Он резко повернулся и направился к выходу, внезапно почувствовав дурноту — и от воспоминания о женщине в хитоне, и от стыда за весь человеческий род, рожденный его любимой Землей.

IV

ПОЧЕМУ Я БЕГУ?

Этот вопрос громыхал в голове Креоана, как горошина в пустом барабане, но не мог заставить его остановиться. Однако спешить было ни к чему. Ведь поиски товарища-плакальщика, если он всерьез этим займется, могут затянуться на весь остаток жизни. Но всё

было бы иначе, если бы любым, пусть даже самым невероятным образом он смог предотвратить гибель Земли.

И все же он не мог избавиться от чувства, что дело это безотлагательное и что каждый день, прожитый на обреченной планете, будет казаться ему проведенным впустую, если он не сделает в этот день хоть что-нибудь для...

Для чего? Для изменения траектории полета гигантского пылающего шара, называемого звездой? Нелепо!

Но не доводы разума остановили его, бегущего вдоль берега, а реакция желудка на воспоминание о смерти женщины, одетой в черное.

Креоан согнулся, словно кто-то ударил его в солнечное сплетение, и завертелся, как лягушка, насаженная на горячую спицу. Опираясь рукой о камень, он хватал ртом воздух, его рвало; покрытый потом, он долго кашлял и плевался, пока не очистился от невыносимой грязи своего поступка. Ослабевший, он посидел еще некоторое время на песке, убеждая себя, что если бы женщина, подражавшая Великим Геринтам, осталась жива, она сама бы приговорила его и, возможно, многих других к смерти только потому, что со-жизнь в ее мозгу не одобрила бы их одежду или прическу.

Внезапно Креоан с удивлением почувствовал, что камень, о который он опирается рукой, на ощупь больше похож не на камень, а на грубую одежду. И в это же мгновение послышался приятный и мелодичный женский голос.

— Тебе плохо, друг? Могу ли я чем-нибудь помочь тебе?

Креоан поднял глаза. В нескольких шагах от него, у самой кромки воды, стояла на коленях девушка с длинными мокрыми волосами, мерцающими в свете кружащихся огоньков. Откуда она взялась? Давно ли она здесь?

С трудом выговаривая слова, он пробормотал:

— Благодарю... Не надо... Не обращайтесь внимания... Того, что произошло, не поправить...

Девушка подошла к нему, улыбнулась и, извинившись, вытащила из-под его онемевшей руки то, что ему показалось грубой одеждой — обычное полотенце. Она была совершенно нагая, но почему-то совсем этого не стеснялась. Хотя почему она должна была стесняться? Креоан успел заметить, что у нее безупречная фигура и гладкая матовая кожа, а когда девушка уже завернулась в полотенце и умирающий огонек, прежде чем упасть в море, вспыхнул и озарил ее лицо, Креоан увидел, что лицо ее тоже прекрасно.

Однако ее появление по-прежнему оставалось для него загадкой. Казалось, она вышла прямо из воды. Он с трудом находил слова.

— Ты... Ты из моря?

— Конечно! — сказала девушка и засмеялась, выжимая мокрые волосы — кап-кап-кап. — Я часто там бываю. И подолгу. Но не только ночью, и днем тоже.

— Под водой? Разве под водой можно дышать?

— Мои подводные друзья не дают мне захлебнуться, — сказала девушка.

От движения полотенце сползло и обнажило ее грудь, но она не торопилась прикрыть ее, а, наоборот, не спеша вытерла остатки воды.

Всё это было для Креоана ново и странно, однако он не подал виду и спросил:

— Друзья? Значит, в море есть люди?

— Пожалуй, их можно назвать людьми,— задумчиво ответила девушка.

Она ловко соорудила на голове из полотенца нечто, похожее на тюрбан, подняла с камней одежду и оделась — ночь была довольно прохладной.

— Чего только нет под водой! — продолжала она. — Там великолепно! А ты действительно не знаешь, что там есть? Стыдно, стыдно! Если бы я так не устала сегодня от плавания, прямо сейчас показала бы тебе подводный мир. Там прекрасно!

— И там тоже? — сказал Креоан. — Тем более жаль, что миру придет конец.

Девушка, занятая волосами, расслышала только последние слова и с удивлением посмотрела на Креоана.

— Конец? — спросила она неуверенно. — Почему ему должен прийти конец? Он существует тысячи лет и будет существовать еще столько же. Разве не так?

Креоан не ответил ей. Вместо этого он спросил:

— Ты будешь жалеть о его гибели?

— Конечно! Но я не понимаю тебя!

Девушка смотрела на него огромными темными глазами, такими же глубокими, как океан, который она очень любила.

Креоан показал рукой на небо.

— Ты видишь эту звезду?

Она посмотрела в том направлении, куда он показывал, и спросила:

— Ту, зеленоватую?

— Нет, голубоватую, очень яркую, почти на самом горизонте.

Девушка неуверенно посмотрела на небо, потом подошла к Креоану поближе и прижалась щекой к его поднятой руке, чтобы было понятнее, куда он показывает.

— Да, вижу! — сказала она. — Ну и что?

— Это солнце. Почти такое же громадное, как наше. Через небольшой отрезок времени — длиннее, чем наша жизнь, но короче, чем те промежутки времени, в которых путешествуют Историки, — эта звезда подойдет к Земле так близко, что сожжет ее дотла.

— Солнце? Похожее на то, которое нам светит днем?

— Да, все эти звезды — солнца. Возможно, вокруг них вращаются миры, подобные нашим, кто знает?

— Подумать только, — задумчиво проговорила девушка, — я прожила всю жизнь, не интересуясь природой неба... Должно быть, там, наверху, — огромное пространство, гораздо большее, чем мой подводный мир. Расскажи мне о нем!

Она откинулась назад, нашла на ощупь уступ в скале и уселась на него. Болтая босыми ногами, она сидела и слушала Креоана, который рассказывал о том, что узнал, глядя в телескоп и читая работы древних ученых: об огромных пустых пространствах между этими разбросанными огоньками-звездами; о том, как ярко и горячи эти прекрасные драгоценные камни неба; о путешествиях, известных только по легендам, и совершенным, вероятно, раньше самых ранних наблюдений Историков над защитным покровом земной атмосферы.

В свою очередь девушка рассказала ему о своих друзьях, с которыми она познакомилась в море: это не совсем люди, но существа вполне разумные и очень любопытные. Когда посетитель плывет через коралловые гроты, в которых они обитают, они радуются и исполняют нечто вроде приветствия, хлопая ластами, отчего бывает больно ушам, а кожа вибрирует. Они приносят гостю особые, наполненные газом пузырьки, которые, проскакивая между зубами, заменяют обычное дыхание, так что можно часами гулять по их украшенным драгоценностями подводным пещерам, освещенными поющими подвижными существами, переливающимися красным, белым, желтым и зеленым цветами.

Они говорили и о многих других вещах, даже о таких, которые Креоан никогда ни с кем раньше не обсуждал. Они говорили о звезде, несущей гибель, и о других звездах, пока нежные краски рассвета не окрасили небо.

Только тогда Креоан почувствовал, как затекло его тело, и, потянувшись, зевнул.

— Спасибо за то, что ты меня выслушала, — сказал он. — Весь вчерашний день и вечер я искал кого-нибудь, кто бы просто выслушал меня. Но это никому не нужно.

— Никому? — спокойно спросила девушка. — Но мне же интересно!

— Тебе — да, и это чудо... Понимаешь, когда я узнал про звезду, у меня было ощущение, что изменился мир. В одно мгновение место, где я находился, стало другим. Это было то же самое место, но одновременно и другое, — он сделал движение пальцами, словно пытаясь объяснить свои слова. — Те люди, которых я встретил в таверне и которым я рассказал о звезде, остались равнодушными. Они просто не умеют переживать! Одна женщина даже сказала, что конец мира спас бы ее и ее друзей от необходимости выдумывать все новые и новые способы, как провести время. Другие же были поглощены эротическими занятиями, хотя и в этом не может быть ничего нового, поскольку наше тело не изменилось с тех пор, как Историки начали наблюдать за человеком. А что касается женщины, которую мне пришлось убить...

Креоан замолчал, не в силах продолжать. Не говоря ни слова, девушка обняла его за плечи — она ждала, когда он снова сможет говорить. Он благодарно сжал ее пальцы.

— Люди, подобные этой женщине, способны полностью посвятить себя идее, в которую верят. Но разве конец мира — это не то, что должно волновать каждого? Я никогда не поверил бы в это, но

оказалось, что большинство людей хотят просто жить, смеяться, любить, а конец мира означает для них конец удовольствиям. Люди знают, что умрут раньше, чем это произойдет, и потому не обращают на это внимания. Мне кажется, мой друг Моличант прав: дух, побуждавший людей прошлого действовать и созидать, в нашем поколении исчез.

— Да, это так, — кивнула девушка. — С тех пор, как я выросла, я почти всё время была одна, поскольку никто вокруг не был похож на меня. Никто из окружающих не был... Не знаю, какое слово тут больше всего подходит. Пожалуй, «любопытен». Никто не был любопытен. А я именно из любопытства решила узнать, что скрывает от нас океан. И все-таки...

Неожиданно голос ее стал твердым.

— И все-таки дух созидания не мог выветриться из людей окончательно! Меньше чем за один короткий день ты нашел человека — меня — которого волнует то же, что и тебя! Что такое один день на часах истории? Мир велик, и у нас много дней. Давай покажем, что у человеческого рода всё еще хватает дерзости, чтобы поставить перед собой невыполнимую задачу, и что у него достаточно любви к Земле, чтобы эту задачу решить! Именно мы с тобой, любящие приключения и приветствующие перемены, должны попытаться изменить облик завтрашнего дня. Почему мы должны оставаться здесь, в этом сборище самовлюбленных лентяев, когда перед нами открыт весь мир, почему?

Креоан смотрел на нее, не веря тому, что слышит. Он спросил:

— Ты готова отказаться от всего и отправиться на поиски неведомого и недостижимого?

— А почему бы и нет? — с вызовом сказала она. — А разве ты хочешь иного? Не лучше ли человеку добровольно отказаться от чего-то, чем позволить слепому случаю смести и уничтожить всё, чем он живет?

— О да, — тихо ответил Креоан. — Да, да, да!

Он схватил девушку за руки и притянул к себе. Стоя рядом, они подняли глаза к небу, которое с приближением восхода солнца становилось из черного голубым.

— Попытаться изменить путь этой звезды! — прошептал Креоан. — Для этого мы должны быть безумцами!

— Разве не бывает безумство величественным? — тихо ответила девушка.

Но Креоан чувствовал, что она дрожит, а руки ее холодны, как лед.

V

Надо было прощаться, и в это мгновение Креоану пришло с голову, что он не спросил девушку о главном.

— Как? — воскликнул он. — Мы проговорили столько времени, а я до сих пор не знаю ни твоего имени, ни где ты живешь! Меня зовут Креоан, а живу я на улице Музыкантов.

— Меня зовут Чалит,— ответила девушка.— А что касается моего дома... Ну, здесь... Или где-нибудь еще...

— У тебя нет собственного дома?

— А зачем нужен дом? У меня есть деревья и кусты, чтобы спрятаться от дождя, а ночи здесь всегда теплые. К тому же я люблю, когда вода прикасается к коже, и редко прячусь от дождя.

— А пища? — изумился Креоан.— А одежда?

— Но разве бывает, что ее нет? При всех своих недостатках люди нашего города щедры. Тем более, что они отдают то, что им самим не нужно. Одежда протирается,— девушка приподняла край ткани.— Завтра или послезавтра, или еще когда-нибудь она выносятся, и единственное, что мне надо будет сделать, это найти какую-нибудь девушку моего роста и попросить у нее платье, которое ей не нужно. Так же и с пищей. А иногда обитатели моря угощают меня чем-нибудь необычным, но очень вкусным. Мне нравится пробовать их лакомства, посоленные морской солью. Наш мир богат, в нем всего хватает на всех.

Это было так не похоже на то, к чему привык Креоан, на его привязанность к своему дому с любимым телескопом, с изгородью из колючек, что он удивления он не мог произнести ни слова. Девушка, видя его изумление, рассмеялась.

— Скажи мне честно,— воскликнула она,— может ли тот, кто так привязан к своим вещам, предлагать другим отправиться на поиски неведомого?

Креоан заколебался.

— Ты права,— наконец проговорил он.— Я даже чувствую себя пристыженным. Представляю, каким бы я стал через пятьдесят лет, если бы не встретил тебя! Я отчетливо вижу: согбенный старик, по-прежнему останавливающий прохожих всё в том же самом городе. исхоженном вдоль и поперек в тщетных поисках того, кто разделит с ним его тревогу. Я вижу, как люди уже избегают старика, считая его сумасшедшим. Послушай, Чалит, а не тронуться ли нам в путь прямо сейчас, пока не угасла моя решимость? Если да, то в какую сторону мы пойдем?

Креоан посмотрел вокруг, на землю, уже освещенную утренним светом, и увидел, что темно-бордовые огоньки, кружившиеся над дорогой, поднимаются всё выше и скрываются из виду.

Чалит снова засмеялась..

— Ну нет, Креоан! Блуждать по миру наобум, как ты по городу, значит, надеяться на случай. Там, где один ищущий полагается лишь на интуицию, двое могут всё обсудить и составить разумный план. Кроме того, нужно подготовиться к путешествию, а главное,— она сладко зевнула,— немного отдохнуть.

— Тогда пойдем со мной,— предложил Креоан.

— Конечно,— согласилась девушка.— Я предвижу, что когда мы отправимся в путь, нам долго не удастся поспать.

Они возвратились в город и в доме Креоана легли вместе на широкое ложе, мягкое и упругое, приятно зеленого цвета, всегда

имеющее температуру человеческого тела. Они обнялись без страсти, но с нежностью, которая переполняла обоих, и, не разжимая сплетенных рук, уснули, как счастливые дети.

В полдень они проснулись и попросили у дома одежду, подходящую для далекого трудного путешествия: огненно-красные рубашки, свободные серые брюки и мягкие ботинки, удобные для долгой ходьбы по каменистым дорогам. Войдя в комнату, где стоял телескоп, Креоан громким голосом приказал дому освободить комнату от этого прибора.

В тот же миг они услышали жалобный звук — дом повиновался приказу. Треснуло огромное зеркало, мощные подпорки задрожали и затрещали, как старые сухие ветки при лесном пожаре. Дом поглотил собственное сокровище, и комната осталась пустой, как провал в космосе.

— Зачем ты это сделал? — закричала Чалит. — Ведь ты так им дорожил!

— Именно поэтому, — угрюмо ответил Креоан. — Я вспомнил, что ты сказала прошлой ночью: тот, кто привязан к вещам, не сможет пойти по дороге лишений и опасности. Зачем мне теперь телескоп? Всё, что он мог сделать, он уже сделал: поведал мне о грозной звезде и наполнил мое сердце печалью. Если же понадобится подтверждение, достаточно будет только взглянуть на небо: звезда уже настолько яркая, что и безо всяких приборов говорит об опасности.

Чалит посмотрела на Креоана долгим взглядом, и глаза ее наполнились слезами.

— Дело сделано, — сказал он решительно. — И сделано во имя великой цели. Это хороший знак. Итак, какой дорогой мы идем?

Чалит вытерла слезы и уже спокойным голосом спросила:

— В городе есть улица Путешественников? Кто-нибудь из ее жителей исследовал земли вокруг города?

Креоан покачал головой.

— Названия нашим улицам давали так давно, что они ничему не соответствуют. На улице Путешественников проживает, наверное, столько же путешественников, сколько музыкантов живет на моей улице, а здесь нет ни одного. Поэтому... Хотя подожди! — его лицо просияло. — Я вспоминаю, что там действительно живет один человек, подтверждающий название улицы. Я слышал о нем от Моличанта. Этот человек уже стар, но в молодости он совершил путешествие и нашел за океаном странные вещи.

— Как его зовут?

— Глир, если не ошибаюсь.

— Значит, оттуда и начнем поиски, — сказала Чалит.

Но когда они подошли к дому Глира и позвали его, им никто не ответил. Немного погодя появился сосед Глира и сообщил огорчительные новости.

— Нет смысла его звать,— сказал он.— Если даже Глир дома, он скорее всего не ответит — ведь он совсем свихнулся. Такое с Историками случается частенько.

Сосед с явным сожалением оглянулся на гамак из ползучих растений, из которого вылез.

— Он стал Историком? — удивился Креоан.

— Да, конечно! Разве вы не знаете сказку, которую он рассказывал каждому встречному? О том, как в молодости он путешествовал по морю и нашел старинный город с разрушенными башнями. Несколько лет назад он решил посмотреть, как выглядел этот город в период расцвета, и, похоже, достиг своей цели.

— Кажется, я знаю, что это за город,— сказала Чалит.— Один из моих морских друзей принес мне в подарок золотой шлем, который, впрочем, был мне велик, и я от него отказалась. Он сказал, что плыл день и ночь во много раз быстрее, чем может двигаться лодка, и, наконец, достиг берега, где такие вещи рассыпаны тысячами. Он не знал, как давно пал этот город.

— Если Глира нет дома,— спросил Креоан соседа,— где он по-вашему может быть? В Домах Истории?

— Да, наверное,— ответил мужчина.— Но в каком из них, я сказать не могу. Мне хватает и настоящего. Я совершенно равнодушен к прошлому, как, впрочем, и к будущему.

Как бы в подтверждение своих слов он вытащил длинную трубку, наполненную порошком наркотика, и снова лег в гамак. Взяв мундштук в губы, он глубоко затянулся и через мгновение забыл о Креоане, Чалит и своем соседе Глире.

— До чего же я не люблю наркоманов! — прошептала Чалит.

— А я — Историков,— пробормотал Креоан.— Кроме моего друга, разумеется. Но обстоятельства обязывают. Ты когда-нибудь бывала в Домах Истории?

— Я? Никогда. Неужели наша связь с реальностью так слаба, что увести от нее человека может что угодно: один для этого пользуется наркотиками, другой переступает порог Домов Истории...

— Но у нас есть цель, которая, я надеюсь, поможет нам устоять перед соблазном,— сказал Креоан.— И раз нам надо найти Глира, мы туда пойдем.

На пологом холме, возвышаясь над городом, в обрамлении голубых и зеленых листьев стояли Дома Истории. Вокруг их темных стен расстилались лужайки, на которых Историки с блуждающими глазами в одеждах самых разных веков стояли, сидели и даже лежали на траве. Рассудок каждого из них находился в конфликте между ярким «тогда» и слабо воспринимаемым «сейчас». Креоан бродил между ними, спрашивая у каждого о Глире и разрушенном городе, который так привлекал Историка, но в ответ либо видел бессмысленную улыбку, либо слышал бурные восторги по поводу какого-либо периода истории.

Наконец они обратились к юноше лет двадцати, который, казалось, чего-то ждал. В ответ на их вопросы он неуверенно поднялся на ноги, посмотрел вокруг себя и, убедившись в бессмысленности настоящего, направился прямо к ближайшему входу в Дом.

Чалит и Креоан обменялись взглядами и последовали за ним, держась за руки, как испуганные дети, идущие по длинному темному коридору.

Моличант не раз объяснял Креоану принцип работы Домов Истории. Взгляды, которых придерживались изобретатели этих Домов, за тысячу лет во многом устарели, а образ их мышления казался чуждым для современных людей. Однако было понятно, что когда человек находится в Домах Истории, в его мозгу возникают почти незаметные токи и воспоминания, лежащие ниже клеточного и даже молекулярного уровней и зависящие от незначительного натяжения самой материи Вселенной.

Правда, все эти объяснения не подготовили Креоана к реальности, которая обрушилась на него, когда он переступил порог вслед за юношей. С каждым шагом у него изменялось ощущение состояния собственного тела: его ноги то шли и даже бежали по земле, то, отдыхая, лежали неподвижно, то были прибиты гвоздями к стене, а то вдруг ему казалось, что у него вообще нет ног — их обнимали нежные руки и укутывали в тонкую ткань; но тут же ни с того, ни с сего его ноги подкашивались от старости.

Креоан закричал, стараясь не потерять из виду юношу, и увидел, что тот идет несколькими ступеньками ниже по проходу, который оказался вовсе не проходом, а чередой бесчисленного количества пейзажей: тут было и чистое поле, и густой лес, и снежная пустыня, красный город, черный город, длинная серая дорога, высокий просторный банкетный зал. В то же мгновение, тучи образов начали бороться за место в его мозгу, отчего он почувствовал, что сходит с ума.

Несмотря на это, он продолжал идти вперед, убеждая себя, что, лишь исследуя эти промежутки, они могут найти Глира. Но кто из всей этой массы образов был Глиром: или красивый чернокожий мужчина с темными точками на зубах, или сморщенный карлик, одетый в плохо продубленную шкуру, или, может быть, женщина с обнаженной грудью, разрисованной зеленой тушью, с бордовыми губами и черными провалами глаз?

— Нет! — произнес чей-то голос. — Нет, нет, нет!

Кто-то схватил его за руку, и он против собственной воли последовал туда, куда его тащили. Тело, в котором обитала его душа, сделало несколько шагов и...

Чистый сладкий воздух, яркое солнце, зеленая трава... Он смотрел вокруг, не веря своим глазам, и вдруг ощутил присутствие Чалит. Она стояла рядом с ним, растерянная, с бледным от ужаса лицом.

— Креоан, ты не можешь пройти через это! — прошептала она. — Ты слишком боишься будущего! А прошлое имеет над тобой чересчур большую власть!

Ощущение реальности вернулось к нему рывком. Он схватился за голову: конечно, он должен был это предвидеть! Подсознание, парализованное ужасной мыслью о будущем столкновении со звездой, делало его легкой добычей для Домов Истории, лишая возможности хотя бы контролировать себя. А именно самоконтроль позволял Историкам выбирать, какой исторический период на этот раз возобладает в их мозгу.

— Тогда забудем о Глире,— сказал Креоан.— Пойдем наугад и будем надеяться на случай.

— Нет,— покачала головой Чалит,— у меня другая мысль. Посмотри-ка, видишь человека в золотом шлеме? Шлем очень похож на тот, который мне подарил мой морской друг. Этот человек явно из того же города. Послушай, мне начинает казаться, что сама Земля на нашей стороне, потому что мы посвятили себя делу, которое ее достойно.

VI

Они побежали через поляну, перепрыгивая через Историков, лежащих в прострации. Однако можно было не торопиться: старик, за которым они бежали, еле шел, сгибаясь под тяжестью золотого шлема. Одежда свободно болталась на нем, и похож он был на высушенный временем скелет. До ближайшего входа в Дом Истории ему оставалось пройти еще шагов десять, когда друзья догнали его.

— Сэр,— выдохнул Креоан,— вы случайно не Глир?

Выцветшие глаза старика остановились на нем, но казалось, что старому Исторiku трудно сфокусировать взгляд на том, что существует не в прошлом, а в настоящем.

— Да, это я,— ответил он скрипучим голосом.— Что вам от меня нужно?

— Мы хотим узнать, не вы ли тот самый Глир, который совершил великое путешествие через море много лет назад?

Сморщенное лицо под шлемом просветлело, а согбенная спина горделиво распрямилась.

— Конечно, это я! — с явным удовольствием произнес старик.

— Тогда мы хотели бы поговорить о вашем путешествии,— сказала Чалит.— Нам интересно узнать, что вы нашли.

— Руины и развалины,— грустно ответил Глир.— Печальную тень былого величия и ничего больше. А теперь, извините...

И он продолжил свой путь к Дому Истории.

Не зная, как задержать старика, Креоан решил сыграть на его, может быть, слегка угасшей, но все же еще существующей гордости.

— Неужели дело дошло до того,— насмешливо сказал он,— что вы, сильный духом человек, бежите в прошлое, как испуганная мышь в нору?

Глира, однако, это совершенно не задело, и он скрипуче засмеялся:

— Разве есть в нынешнем мире место для человека, сильного духом? Какое дело достойно его внимания? Если бы я нашел чело-

века — мужчину или женщину, всё равно! — который ходил по улицам моего мертвого города во времена его расцвета, я, наверное, посвятил бы этому человеку свою жизнь. Но найти такого не смог. Поэтому я, как вы сказали, бегу в прошлое.

— У нас есть дело, достойное человека сильного духом, — сказала Чалит. — Присядьте ненадолго, и мы расскажем вам об этом.

Огорченный задержкой, то и дело оглядываясь на Дом Истории, Глир присел вместе с друзьями на скамью. Креоан и Чалит коротко рассказали ему о своем намерении, и внимательно слушавший их Глир восхищенно заговорил:

— Это благородное дело! Такое было по плечу только людям прошлого — людям, не знавшим слова «невозможно». Если бы то, о чем вы мне рассказали, происходило столетие назад, когда я был молод и энергичен, не раздумывая, присоединился бы к вам! Я знаю, что скоро умру и меня все забудут. Но вы, если вам будет сопутствовать удача, останетесь жить в памяти всех жителей Земли, кроме, разве что, нескольких Историков, которые выберут для себя другой период. Но я с радостью помогу вам, хотя моя помощь будет мала. Поделюсь с вами знаниями, которые, как мне казалось, давно выветрились из моей памяти, но сейчас я понимаю, что нет. Всё вернулось!

Он скрестил руки на груди и возвел глаза к небу. Потом снял шлем, положил его на колени и, водя пальцами по выгравированному на металле узору, опять медленно заговорил:

— Видите ли, я был не одинок в своей жажде приключений. В годы моей юности было просто какое-то поветрие, мода на путешествия. Причем и я, и мои товарищи предпринимали их в одиночку, соперничая друг с другом. Вы знаете мое имя — значит, вы, скорее всего, слышали рассказы обо мне. Но что вам говорят такие имена, как Беринголь, или Казадор, или Квейс? Ничего? О, боже!

Глир горько вздохнул и закашлялся. Потом, немного помолчав, продолжил рассказ:

— Беринголь направился на север и вышел на странную дорогу, вымощенную камнем. Через какое-то время, как он потом рассказывал, он увидел диковинные корявые растения, сочащиеся ядовитым соком. Среди них бродили существа, которых он назвал диколюдми. Когда наступала темнота, он слышал, как они что-то бормочут на непонятном языке. Там же он нашел полуразвалившиеся строения из бревен, в которых диколюды держали пчел, чтобы получать мед. Когда измученный голодом Беринголь хотел подкрепиться медом, он узнал, как хорошо диколюды вооружены: один из них размозжил дубинкой ему локоть. Вернувшись домой, ослабевший и больной Беринголь так и не смог уже оправиться и вскоре умер. Так что идти на север вам, по-видимому, не имеет смысла.

Думаю, что не стоит и пересекать море, как это сделал я. Долгие дни совершенно одинокий я сидел в своей маленькой открытой лодке в ожидании хоть небольшого ветерка, который бы надул парус. Меня сжигало солнце, я грезил о глотке воды — только безумная юность позволяет человеку так обращаться со своим телом! И что это

мне дало? Я высадился на островах, которые когда-то были великими и могущественными, и обнаружил пустые черепа, валяющиеся среди осколков драгоценных камней. Из этих камней были сделаны окна башен, разбитые зимними бурями. Башни эти, представьте себе, не росли сами, как наши дома, а были возведены человеческими руками, и в них, как в органных трубах, свистел ветер, выводя песню-реквием по исчезнувшим навеки строителям. До сих пор в моем стареющем мозгу звучит эта музыка — самая грустная на свете.

— И там никто не живет? — воскликнула Чалит.

— Не только никто, но и ничто, — ответил старик. — Ничто, кроме плюща, семена которого, принесенные ветром, падали в пыльную землю и пускали корни. Там все обвито гирляндами плюща — темно-синими, коричневыми, черными...

Ошеломленный печальной картиной, которую нарисовал Глир, Креоан спросил:

— А что произошло с другими путешественниками? Что случилось с этим... как его... Квейсом?

— С Квейсом? Он не вернулся. По крайней мере живым. Годы спустя, когда мое собственное путешествие слегка поблекло в памяти, я гулял по берегу недалеко отсюда — там, где река Слейнд впадает в море. И вдруг увидел лицо, смотревшее на меня сквозь кусты. Мне стало страшно, но я все-таки подошел к кустам. Действительно, там был человек Квейс. Он поднимался и опускался на волнах, удерживаемый в вертикальном положении большими камнями, привязанными к ногам. На его мертвых губах застыла усмешка, а на обнаженной груди были вырезаны какие-то слова. Но грудь опухла, и я не смог ничего разобрать. Если бы не кольцо на пальце, хорошо мне знакомое, я не узнал бы своего друга.

— Что же с ним произошло? — прерывающимся голосом спросила Чалит.

— О, кто же знает? Может быть, какие-то туземцы в отместку за то, что он вторгся в их владения, убили его и возвратили нам как предостережение, чтобы никто никогда не пошел по его пути. Это было очень давно, девочка. Когда десять лет назад я пришел на то место вновь, там уже ничего не было, кроме разбросанных костей.

Чалит и Креоан испуганно посмотрели друг на друга — они не представляли себе, что мир так опасен.

— История Казадора, — продолжал Глир, — тоже может послужить вам предостережением, по какой дороге не надо идти. Он пошел на восток и вернулся сумасшедшим.

Наступило долгое молчание. Креоану вдруг показалось, что он ощущает пульс истории, в которой возникают огромные империи и одновременно гибнут другие, и что этот пульс постепенно замедляется, как ток крови в старых венах Глира. И еще одна мысль пришла Креоану в голову: падение зловещей звезды является благодеянием и самым безболезненным выходом для человеческого рода. Но, возможно, такая мысль возникла у него лишь из-за воздействия на его мозг процессов, происходящих в Домах Истории.

— Вы поставили перед нами слишком много препятствий,— пробормотал Креоан, недовольно глядя на Глира.

— Не возмущайтесь этим! — сказал старик и положил свою костлявую руку Креоану на колено. — Разве я не сослужил вам службу, как обещал? Разве я не предупредил вас о возможных опасностях?

— Конечно, и спасибо вам за это,— примиряюще сказала Чалит и незаметно подмигнула Креоану.

— До сегодняшнего дня,— проговорил старик,— я думал, что никто на свете не сможет оторвать меня от моего любимого мертвого города. Но говорю вам совершенно искренне: если бы мог, я забыл бы о нем и пошел с вами.

VII

Итак, следующим утром они двинулись в направлении, которое, судя по рассказам Глира, таило в себе меньше всего опасностей. С собой взяли немного продуктов и вещей, необходимых в дороге. Сначала они шли быстрым шагом, удаляясь от моря, пока, наконец, не добрались до места, где город незаметно переходил в зеленые холмы, откуда ночами слышался безумный смех мяса.

Самый последний дом города был украшен множеством цветов, и выглядел на редкость уютным и изящным. На его пороге сидела девушка и пела. Ее волосы, обвитые гирляндами голубых цветов, были похожи на солнечный свет, а голос — на журчание воды.

— Извини нас,— вежливо обратился Креоан к девушке,— ты не знаешь, что там, за теми холмами?

Девушка улыбнулась:

— Нет, незнакомец, не знаю. Я сижу здесь и пою вот уже десять лет, но никогда не была нигде дальше этого порога. Разве это не прекрасно?

— Это называется равнодушием,— тихо сказала Чалит, и они пошли дальше.

Но не успели отойти на несколько шагов, как девушка окликнула их. Они остановились и смотрели, как она идет к ним — необыкновенно красивая, нагая, обвитая гирляндами цветов, сорванными со стен дома.

— Что ты хочешь? — спросил Креоан.

— Если вы, действительно, пойдете через холмы, может быть, встретите человека, который ушел по этой дороге год назад. Его зовут Венс, вы легко узнаете его: один глаз у него голубой, а другой — карий.

— Значит, кто-то уже ходил по этой дороге? — воскликнула Чалит.

Девушка, одетая в прекрасные цветы, покачала головой.

— Только один человек,— ее губы задрожали, а глаза наполнились слезами. — Венс был моим любимым, и мы жили вместе в этом доме. Мы пели, ели и пили, любили друг друга — а что еще нужно? Но почему-то год назад он ушел за холмы. Он сказал, что если я хочу, могу пойти за ним. Я пыталась... Честное слово, я действительно

пыталась! Но как только я теряла свой дом из виду, сердце не выдерживало, и я возвращалась. Потом снова выходила за порог — и снова у меня ничего не получалось. И все-таки я до сих пор жду... Жду!

Слеза упала с ее ресниц в чашечку голубого цветка.

— И что мы должны сделать, если встретим твоего Венса? — поинтересовалась Чалит.

— Скажите ему... Скажите, что я все еще его жду, — прошептала цветочная девушка.

— Скажем, — согласился Креоан, — но почему ты думаешь, что мы его встретим? И кроме того, если человек отправился в путешествие, значит, у него есть какая-то цель. Вряд ли он вернется, не достигнув этой цели. А ты будешь сидеть здесь и стариться. Эти цветы увянут и опадут, открыв твое нагое тело, сморщенное, с отвисшей грудью. Голос станет скрипучим, золотые волосы поседеют от холодного дыхания времени. Ты действительно собираешься ждать своего возлюбленного, пока он не вернется и не увидит тебя, ставшую старухой?

— Гадкий, гадкий! — закричала девушка и обернулась к Чалит. — Разве ты не слышишь, какие ужасные вещи он говорит? Как ты можешь дружить с таким злым человеком?

В этот миг ей в голову пришла какая-то новая мысль, и тон ее изменился. Она подошла к Чалит.

— Ты должна оставить его раньше, чем он начнет говорить такие же вещи тебе! — убежденно сказала она. — Брось его, пока он не утащил тебя в дикие неведомые земли! Останься со мной, мы будем вместе жить в моем доме и петь среди цветов счастливые песни!

— Наверное, ты никогда не встречала мужчину, который знает цену правде, — холодно, без тени жалости проговорила Чалит. — Что касается меня, то лучше я пойду с тем, кто не разучился быть честным, чем останусь с тем, кто говорит спасательную ложь.

— Мы с Венсом не лгали друг другу! — воскликнула девушка.

— А разве ты не обещала ему вечной, неумирающей любви? — поинтересовалась Чалит.

— Обещала... И не один раз... — упавшим голосом ответила девушка.

— Значит, из вас двоих лгала ты. Значит, не так сильно ты его любила, раз не покинула своего дома и не пошла с ним, — резко сказала Чалит. — Нас с Креоаном связывает не любовь, а общая цель. Прощай! Мы не знаем, куда идем, но скорее всего путь нам предстоит неблизкий, и мы не можем терять время.

— Но вы не поняли, — жалобно сказала девушка. — Я рвусь к Венсу каждой клеточкой тела, но мои мысли прикованы к дому. Я не ушла с ним, потому что он не тащил меня за собой насильно, а не тащил он меня, потому что любил... Но... — ее лицо неожиданно просветлело. — Вы-то мне чужие! Вы можете меня заставить идти! Вы можете подтолкнуть меня вперед, когда я захочу вернуться, потеряв из виду свой дом! Я не хочу больше сидеть здесь и петь в одиночестве до самой смерти, но без вашей помощи мне никогда отсюда не уйти!

— В таком случае смени свои цветы на теплую одежду и надень на ноги прочную обувь,— ответил Креоан.— Мы не будем тащить тебя — это нас задержит, но пока ты не упадешь духом, можешь для поддержки воспользоваться нашей компанией.

— Я согласна! — радостно воскликнула девушка и пошла собираться в дорогу.

— Зачем? — тихо спросила Чалит, когда девушка ушла.

— Поскольку вся наша затея — сплошное безумие,— улыбнулся Креоан,— что может изменить маленькое неблагоразумие?

Девушки так долго не было, что Креоан и Чалит уже начали подозревать, что она передумала, но наконец она появилась на пороге дома. Одета она была в серый костюм, ее хорошенькие ножки обуты в удобные ботинки, из кожаного чехла на поясе торчал нож, за плечами висел мешок с продуктами, а из кармана мешка виднелась маленькая арфа.

— Такое же снаряжение было у Венса,— сказала девушка,— только вместо арфы он взял с собой флейту. Меня зовут Мэдал. А вас?

Они представились, и Креоан подумал, что у нее, пожалуй, больше здравого смысла, чем он предполагал. Они в последний раз посмотрели на город, а Мэдал — на свой дом, и все трое решительно двинулись в путь.

Шло время, и солнце начало клониться к закату. Сначала они шагали по ровной дороге, потом вышли в долину между двумя холмами, где земля была довольно сильно изрыта. Внимательно изучив следы на земле, Креоан решил, что именно по этой дороге мясо приходит ночью в город. Они пошли дальше, перешагивая через грязь, решив держаться следов, поскольку в конце концов они куда-нибудь да должны были привести.

Краешком глаза Креоан видел, что Мэдал часто оглядывается. Лицо ее было печально, рот крепко сжат, но она продолжала идти наравне со своими товарищами.

Солнце село, а они все еще шли по следам, оставленным мясом. Чалит, самая ловкая и энергичная из всех троих, прокладывала путь, выставя вперед палку и проверяя сомнительные участки. Неожиданно она остановилась и воскликнула:

— Слышите?

Издавдалека до них донесся сумасшедший смех мяса, которое, очевидно, шло по дороге на встречу со Смертью. Креоан с тревогой взглянул на девушек, но рассмотреть в тусклом свете их лица было невозможно.

— Лучше уйти с тропы,— сказал он.— Я никогда не встречался со стадом мяса, но представляю, что может произойти. Свернем налево, там легче пройти.

Они бросились прочь от тропы, побежали вверх по склону и остановились на вершине холма. Крики становились всё громче и громче, и вот первые животные, лохматые и ужасные, появились в зыбком свете. Вдвое выше человека, длинноногие и низколобые, увязающие в мокрой земле, они визжали, кричали, хохотали, и холмы

сотрясались от их безумного смеха... Креоан вздрогнул и заткнул уши.

— Я никогда раньше не видела мяса живым,— сказала Чалит, когда снова стало тихо.— Как эти существа похожи на человека! Две руки, две ноги, вертикальная человеческая походка. Мой желудок стонет, вспоминая о них. Смогу ли я когда-нибудь снова есть мясо?

Мэдал же думала о другом. Глядя вслед стаду, она прошептала:

— Они идут в наш город! Утром мой сосед придет ко мне, чтобы вместе пойти за мясом, и увидит, что мой дом пуст, и неизвестно, куда я ушла... Сегодня ночью я должна буду спать под открытым небом, а дома меня ждет моя кровать, в которой я спала целых десять лет,— правда, в последнее время одна, но с надеждой, что скоро всё изменится...

Чалит резко повернулась к ней:

— Тогда иди за этими зверями! Те десять лет, которые ты спала в мягкой кровати, я спала под открытым небом. И я могу пойти с незнакомцем в дальнейшее трудное путешествие, тогда как ты не можешь даже пойти по следам человека, которого любила. Иди за этими животными, а мы пойдем своим путем!

— Ты права... Мне стыдно...— сказала, помолчав, Мэдал.— Так же стыдил меня и Венс, когда уходил, а я не последовала за ним. Пусть будет так, как ты говоришь,— ляжем спать под открытым небом. Здесь? Или будем идти, пока не свалимся от усталости?

— Нет, я думаю, здесь,— сказал Креоан.

Он нашел ровное место, удобное для ночлега. Чалит наломала веток и развела костер. Они сели вокруг огня и немного поели. Пока еще было неясно, на сколько времени нужно растянуть их небольшой запас провизии.

Потом Мэдал взяла арфу и запела грустную протяжную песню. Она все еще пела, когда Креоан и Чалит заснули, и мелодия плавно текла сквозь их сны.

На следующее утро они молча тронулись в путь, обнаружив, что достигли самой высокой точки ландшафта. Задолго до полудня, всё еще шагая по прямой тропе, протоптанной мясом, они увидели равнину, заросшую желтой травой.

Равнина простиралась до самого горизонта, и Чалит пробормотала:

— Теперь я понимаю, что чувствовал Глир в океане, в котором нет ни единой тропки...

— Здесь-то как раз дорога видна,— ответил Креоан и показал на сильно извивающуюся, ведущую вниз тропу.

По обе стороны от нее росли колючие кусты, на их шипах висели клочья серой шерсти. Эти клочья и кровь на ветках говорили о стремительности, с которой животные продирались сквозь кусты. Креоан, бывший вдвое меньше этих двуногих существ, мог свободно проскользнуть между ветками, не зацепив их. Но огромные животные, идущие по двое или по трое, должно быть, жестоко обдирались о шипы, не переставая тем не менее смеяться диким смехом...

Кроме кустов, повсюду росла высоченная трава, стебли которой были толщиной не меньше, чем с палец.

— Нам придется идти только по тропе, — сказал Креоан, — иначе мы заблудимся. Трава выше головы!

— Это означает, — откликнулась Мэдал, — что пока еще мы не заблудились, потому что эта тропа куда-нибудь нас обязательно приведет.

— Я думаю, тропа приведет нас туда, где мясные существа размножаются, — заметил Креоан. — Вряд ли наш город единственный, для которого они служат пищей. А значит, от того места должна идти другая тропа или даже несколько. Пойдемте вперед, и как можно скорее!

Мэдал вздохнула, поправила на плече мешок и пошла впереди, задавая темп ходьбы аккордами арфы. Немного отстав от нее, Чалит и Креоан негромко разговаривали.

— Ты видел сегодня ночью эту ужасную звезду?

— Да, — кивнул Креоан. — Здесь нет летающих огоньков, и теперь она будет видна каждую ясную ночь.

— Возможно, это моя фантазия, но кажется, она стала ярче!

Креоан пожал плечами и ничего не ответил.

Тропа извивалась среди высокой травы, но было бесполезно пытаться спрямить дорогу, поскольку вокруг лежала плоская равнина без каких-либо ориентиров, и, отойдя хоть на шаг от тропы, они немедленно бы заблудились. Они шли до тех пор, пока солнечные лучи не потеряли свою силу, устав пробиваться сквозь желтую растительность. И в это время они снова услышали сумасшедший смех приближающегося мяса.

— Чем ближе мы к месту, где эти животные размножаются, тем в более ранние часы мы будем их встречать, — сказал Креоан.

После очередного поворота тропа неожиданно выпрямилась, и шагах в ста пятидесяти, в конце прямого участка дороги, появилось стадо, идущее навстречу путешественникам. Почему-то в дневном свете эти животные казались одновременно и более, и менее похожими на человека, и, как всегда, они содрогались от безумного смеха. Слепой ужас охватил Мэдал, и, громко вскрикнув, она бросилась в сторону.

— Уйди с тропы, дуручка! — крикнул Креоан Чалит и, схватив ее за руку, прыгнул в траву.

Толстые стебли, выпрямившись, укрыли их, и стадо прошествовало мимо.

Когда затих дикий смех животных и наступила тишина, Креоан встревожился: где Мэдал? Что с ней? Успела ли она спрятаться? И почти сразу же услышал ее крик:

— Креоан! Чалит! Я заблудилась! Я не могу найти тропу!

Креоан и Чалит обменялись тревожными взглядами.

— Мэдал! — что есть силы крикнул Креоан. — Ты где-то совсем близко! Мы тебя очень хорошо слышим! Ориентируйся по стеблям, которые ты повалила, когда бежала с тропы!

Чалит тронула его за руку и молча показала на траву, через которую они только что прошли. Трава мгновенно выпрямилась, и никаких следов не было видно.

— Оставайся на месте, Мэдал! — снова крикнул Креоан. — Время от времени подавай голос, и мы пойдем на звук!

— Кажется, она там, — показала Чалит прямо перед собой. — По-моему, и тропа тоже там.

— Сейчас увидим, — кивнул Креоан и пошел на голос Мэдал.

Чалит, стараясь не отставать, шла за ним, но тугие, негнувшиеся стебли то и дело заставляли их сворачивать в сторону. В голосе Мэдал уже явственно слышался ужас, и когда они, раздвинув заросли, наконец ее увидели, она стояла на коленях, закрыв лицо руками. Услышав их голоса рядом с собой, она посмотрела на них и зарыдала.

— Где же тропа? — простонала она. — Куда она пропала?

— Мы ее не пересекали, — сказала Чалит. — Похоже, что мы заблудились.

— Заблудились?! — вскричала Мэдал. — Теперь мы будем до самой смерти блуждать в этих зарослях!

— Ерунда, — покачал головой Креоан. — Когда пойдет следующее стадо, мы услышим смех и пойдем, где тропа.

— У меня другая идея, — сказала Чалит. — Если ты, Креоан, нагнешься, я залезу тебе на спину и посмотрю вокруг. Может быть, что-нибудь увижу.

Креоан не понимал, как он сам до этого не додумался. Он наклонился, и Чалит ловко вскарабкалась ему на спину.

— Ну, — спросила Мэдал, — ты видишь тропу?

— Нет, — ответила Чалит, — но я вижу кое-что поинтереснее. Там дым какого-то костра!

— Ты уверена? — удивился Креоан и выпрямился.

— Уверена, — кивнула Чалит, чуть не грохнувшись на землю. — Это дым костра, а мясные существа вряд ли умеют разводить костры. Если бы огонь был случайный, тут давно бы полыхал пожар. Нет, кто-то разжег костер на очищенном месте и следит за ним.

VIII

Они с трудом пробирались сквозь высокую упругую траву, то и дело останавливаясь, чтобы Чалит посмотрела, правильно ли они идут. Мэдал все еще хныкала, но постепенно успокаивалась. Вскоре они уже не сомневались, что идут в правильном направлении, поскольку чувствовали запах дыма и слышали какой-то шум. Наконец они вышли на расчищенную площадку шириной шагов в двадцать и с изумлением увидели нечто вроде навеса, сделанного из сухих стеблей, подпираемого, как им сначала показалось, белыми ветками, но при ближайшем рассмотрении выяснилось, что это длинные кости.

Теперь они чувствовали не только запах дыма — к нему примешивался другой, менее приятный запах запекшейся крови и паленой шерсти. Одно из мясных существ, освежавшее и выпотрошенное,

лежало без руки в дальнем углу площадки, над ним кружились и гудели жирные мухи.

Сама рука жарилась на костре на чем-то вроде вертела, тоже сделанного из кости — в этом материале здесь недостатка не было. Рядом с навесом лежала куча костей. На некоторых еще сохранились остатки мяса, и в нем копошились черви. У огня сидел мужчина и наблюдал за жарящимся мясом так сосредоточенно, что едва повернул голову, когда трое незнакомцев подошли к его костру.

— Друг, ты не знаешь, где проходит тропа через эту равнину? — спросил Креоан.

Борода и волосы мужчины слиплись, и голова его напоминала мохнатый шар. Его тело было покрыто слоем грязи, и если когда-то на нем и была одежда, то она давно превратилась в лохмотья. В ответ на вопрос Креоана он широко раскрыл глаза и замер. Один глаз у него был голубой, другой — карий.

— Никакой тропы на этой равнине нет, — наконец проговорил мужчина и снова уставился на мясо.

Креоан с опаской взглянул на Мэдал и понял, что она не узнала этого человека. С изумлением на лице она ходила по площадке, заглядывала под навес, рассматривая кучу костей. Надеясь, что ее потрясение не будет слишком велико, Креоан сказал отрывисто:

— Этим кончилось твоё отважное путешествие, Венс?

Мэдал резко обернулась, изменилась в лице и, наверное, упала бы, если бы Чалит не подскочила к ней и не подхватила ее под руки. Мужчина поднялся на ноги.

— Венс? — с изумлением воскликнула Чалит. — Ты думаешь, Креоан, что это потерявшийся любовник Мэдал?

Креоан подошел к мужчине ближе.

— Ответь же, — сказал он, — разве ты не Венс?

Мужчина кивнул.

— Да, так меня звали когда-то. А вот Мэдал... Я забыл ее имя, пока твоя женщина не произнесла его.

— Что с тобой случилось? — спросил Креоан. — Что ты здесь делаешь? Как ты живешь?

— Живу? — задумчиво переспросил Венс. — Это не жизнь, это всего лишь существование. Дни тают, как разноцветный воск, превращаясь в серое бесформенное ничто.

Он показал на подгорающее мясо.

— У меня есть еда. Хотите попробовать?

— Но почему ты здесь? — закричал Креоан, не отвечая ему. — Почему ты закончил свой поход так близко от дома?

— Близко? Близко?! Я не знаю, ты лежц или дурак, или призрак, порожденный солнцем. Меня согнало с тропы стадо мяса, и я блуждал по этой ужасной равнине тридцать долгих дней. Все эти тридцать кошмарных дней я был уверен, что иду вперед, пока случайно не набрел снова на тропу, по которой ходят мясные существа. Я понял, что не должен отходить далеко от тропы, иначе погибну. Поэтому остался в живых! — он снова показал на мясо. — Понюхайте! Чувствуете, какое оно свежее и вкусное?

Креоан, стараясь не смотреть на мух, кружившихся над осве-
женной тушей, проговорил:

— И ты согласился сидеть здесь, на этом пятачке? Неужели ты
ничего больше не хочешь от жизни?

Венс пожал плечами и снова присел на корточки.

— А что еще можно получить от жизни, кроме сидения целыми
днями на одном месте? — равнодушно спросил он.

— Но как ты справляешься с этими животными? Как ты их уби-
ваешь? Ты не настолько силен, чтобы тащить сюда от тропы живот-
ное вроде этого.

Вместо ответа Венс показал на нож, воткнутый в землю.

— Это слабое оружие, — покачал головой Креоан.

Венс иронически улыбнулся, вытащил нож и снова воткнул его
в землю.

— Эти звери кое в чем очень похожи на людей, и я этим поль-
зуюсь. Приятные слова, определенные действия — и они с радостью
идут со мной. Подойди к туше поближе. Видишь, это самка. —
Он оскалился в улыбку; казалось, он упивается глубиной своего
падения. — Моя добыча — только самки. Кроме того, они могут уто-
лить и желание мужчины. Разве это не всё, что нужно от самки?

В это мгновение произошло нечто такое, чего никак нельзя было
ожидать: какое-то движение, прыжок, крик, удар — и вот уже Мэдал
с перекошенным от гнева лицом стоит над распростертым на земле
бывшим возлюбленным и держит, как молот, над его головой длинную
белую кость.

— Ты зверь! Ты скотина! Ты хуже, чем животное! — вопила
она. — Это единственное, что тебе нравилось во мне? А я любила,
ждала тебя и пошла вслед за тобой! Я ненавижу тебя, ненавижу,
ненавижу, ты слышишь?

И она стала яростно колотить его тяжелой костью. Стоя на коле-
нях, он пытался дотянуться до ножа, но не мог: град ударов —
по плечам, по спине, по голове — не давал ему пошевелиться.
Креоан и Чалит хотели оттащить Мэдал, но она, оскалившись,
пообещала, что если они вмешаются, достанется и им.

— Неужели я не могу рассчитывать с ним за украденные у меня
десять лет? — кричала она. — Грязный лжец! Подумать только, он
использовал меня, как одну из этих! — она ткнула костью в тушу.

Венс захныкал. И все-таки он был вовсе не так ошарашен, как
изображал: не успела Мэдал на секунду отвести от него взгляд,
как он бросился на нее, пытаясь укусить за ногу. Мэдал отпрыг-
нула и ударила его изо всех сил костью по челюсти. Боль была так
сильна, что Венс рухнул на землю и завыл.

— Оставь его, — сказала Чалит. — Он сошел с ума от одиночества.
Он никогда уже не станет нормальным человеком.

— Нет! — крикнула Мэдал. — Я его использую, даю вам слово!
Разве он не сказал, что знает, где находится тропа? Значит, он
может отвести нас к ней. И немедленно! А ну, поднимайся, воню-
чая навозная куча!

Она снова ткнула Венса в спину, и он поднялся.

— Как вы думаете, можно оставить этот костер? Это не опасно? — спросила Чалит, с сомнением взглянув на высокую сухую траву, стеной окружающую площадку.

Венс застонал — поврежденная челюсть мешала ему говорить.

— Мне кажется, он хочет, чтобы костер остался гореть, — перевела Мэдал. — Но в любом случае ты права. Нужно засыпать костер землей.

В куче костей Креоан нашел одну, плоскую, как лопатка, накопал немного земли и засыпал костер. Огонь потух. Мэдал наблюдала за попытками Венса помешать Креоану, и на лице ее можно было прочесть нечто похожее на удовлетворение.

— А теперь води нас к тропе! — приказала она.

Венс с ненавистью взглянул на нее и побрел прочь от костра, стараясь идти там, где стебли травы легче раздвигались. Мэдал поспешила за ним, подталкивая его костью. Креоан и Чалит тоже старались не отставать. Наконец они снова вышли на тропу, однако Венс вместо того, чтобы остановиться, бросился вперед и через мгновение пропал среди растительности.

— Скатертью дорога! — крикнула ему вслед Мэдал.

Опираясь на кость, как на посох, она равнодушно смотрела на распрямляющиеся стебли.

— Ты позволишь ему уйти? — спросила Чалит. — Он же погибнет здесь со своей сломанной челюстью!

— Он меня тоже оставил страдать в одиночестве, — ответила Мэдал. — Я всего лишь восстанавливаю справедливость.

— Что бы он тебе ни сделал, — сказала Чалит, — ты должна быть милосердной. Со сломанной челюстью он неминуемо погибнет! Мы хотим спасти еще не родившихся людей. Так можем ли мы с такой легкостью обрекать на гибель того, кто живет сейчас?

— С легкостью? — возмущенно спросила Мэдал. — У меня украли десять лет жизни, а ты говоришь, что я это делаю с легкостью? Ну, тогда иди за ним — очевидно, это грязное животное для тебя подходящая компания!

Но уже через мгновение ее запал угас, она уронила кость и уткнулась лицом в плечо Чалит. Тело девушки сотрясали рыдания.

— Это ужасно! Ужасно! — причитала она. — Я, действительно, любила его. Он был добрым и умным... И так хорошо играл на флейте!..

— Мы в этом не сомневаемся, — сказал Креоан. — Долгое одиночество свело его с ума. Это уже не твой Венс, а другой в его обличье. Это уже не человек.

— Даже если так, разве не наш долг спасти его от ужасной смерти? — проговорила Чалит. — Ведь он погибнет из-за того, что не сможет жевать пищу!

— Я думаю, что нам это не удастся, — вздохнул Креоан. — Ты сама убедилась, как трудно найти кого-нибудь среди этой травы, а ведь мы всего лишь искали Мэдал, которая сидела на одном месте и звала нас. Искать же того, кто старается убежать, бессмысленно, а сами мы можем никогда больше не найти тропы.

— К сожалению, ты прав,— грустно сказала Чалит:— Ладно... Ему тут уже ничем не поможешь... А что ты будешь делать, Мэдал? Вернешься домой?

Желтоволосяя девушка вытерла слезы:

— Я думаю, мне нужно идти дальше. Если я пойду одна обратно, кто поручится, что меня не постигнет та же участь, что и Венса? А он-то был сильным мужчиной! Но какой смысл идти вперед? Он был один, а нас трое. Не случится ли с нами то же, что и с ним, только в три раза дальше от дома?

— Нет, у нас есть цель,— покачал головой Креоан.— Возможно, Венс ушел просто потому, что ему не сиделось дома, и в конце концов он обнаружил, что знает слишком мало и поэтому нет смысла идти дальше. А у нас есть цель.

— Спасти мир? — Мэдал саркастически засмеялась.— Один мужчина и одна женщина решили изменить путь звезды!

— Нет, не это заставляет нас идти,— сказала Чалит.— Правда заключена в другом. Мы идем, потому что боимся.

— Чего? Катастрофы, которая произойдет, когда вас обоих давно уже не будет?

— Нет, меня страшит другое,— задумчиво проговорила Чалит.— Мир так огромен, а я так мала! И я могу умереть, так ничего в нем и не поняв... А ты, Креоан?

— Я тоже боюсь, но другого,— признался Креоан.— Я боюсь, что меня забудут те, кто придет после нас. Я боюсь, что на земле не останется никого, кто будет помнить обо мне. А ты, Мэдал? Может быть, и у тебя есть страх, который заставил бы тебя продолжить путь вместе с нами?

— Если страх может служить причиной,— немного подумав, сказала Мэдал,— то вы уже знаете ответ. Я боюсь идти обратно одна И я пойду с вами. В какую сторону, Креоан?

Креоан посмотрел на солнце.

— Туда,— решительно сказал он.

И друзья снова пошли по тропе.

IX

В середине дня тропинка устремилась вверх, и растительность изменилась. Среди травы начали попадаться кусты с бледно-голубыми цветами, низкие деревца с изящными резными листьями, грибы-дождевики, полупрозрачные, как лягушачья икра. Внутри каждого из них виднелись смутные очертания чего-то непонятного, но путешественники предпочли не задерживаться возле этих грибов — в них было что-то тревожащее.

Мэдал, казалось, не удивилась бы и не испугалась, даже если бы у ее ног ударила молния — так подавлена она была встречей с Венсом. Она шла молча, глядя себе под ноги, и ее товарищи, чтобы не беспокоить ее, тихонько разговаривали, обсуждая странные вещи, которые встретились им на пути.

— Креоан, откуда взялись эти растения? — спросила Чалит, сорвав голубой цветок и обескураженно глядя, как он в одно мгновение стал грязно-коричневым. — Ведь мы не перешли в другую климатическую зону. Я никогда не видела такой растительности поблизости от нашего города. Может быть, произошли какие-то изменения в составе почвы?

— Я говорил как-то об этом с Моличантом, — ответил Креоан, — и он сказал, что это результат деятельности человека: тысячи веков то вмешиваясь в жизнь растений, то давая им расти спокойно, человек создал невероятно разнообразную растительность.

Чалит показала на семейство дождевиков:

— Но с какой целью создавались виды вроде этого, если он, действительно, рукотворный?

— Возможно, цели никакой и не было, — пожал плечами Креоан. — Может быть, их создавали просто из любопытства. Но скорее всего цель была, однако теперь уже непонятная. Люди изобрели множество ненужных вещей. Когда я думаю о Геринтах... — он сделал судорожный глоток. — Ну, эта женщина... напала на меня в таверне, я говорил тебе... Я не могу понять ее мотивации, хотя она жила в том же времени, что и мы с тобой...

Возникла пауза. Креоан оглянулся посмотреть, не отстала ли от них Мэдал, и увидел, что они поднялись уже достаточно высоко и что отсюда видна вся желтая травянистая равнина, похожая на море. Дальше что-нибудь разглядеть было невозможно: дымка закрывала горизонт, и небо в голубом мареве соединялось с землей.

— Креоан, — сказала Чалит, — что-то мне неспокойно. Ты не замечаешь здесь ничего странного?

— Странного? — переспросил Креоан и внимательно посмотрел по сторонам.

Он сразу же понял, о чем она говорит. До сих пор тропа, проложенная мясными животными, шла все время в одном направлении, незначительно отклоняясь то в одну, то в другую сторону через каждые сто или чуть больше шагов. Здесь же она делала зигзаги с удивительно острыми углами поворотов. Странной казалась и насыпь с одной стороны тропы, покрытая растительностью.

Креоан остановился и, достав из мешка нож, стал ковырять им насыпь. В дюйме от поверхности он наткнулся на что-то твердое. Потыкав ножом в других местах и обнаружив то же самое, он решительно соскреб верхний слой.

И сразу же обнажилась поверхность большого обтесанного камня с трещиной, идущей от одного угла к другому. Какие-то насекомые, испугавшись света, мгновенно скрылись под дерном, и Креоан даже не успел их рассмотреть.

— Я так и думала! — воскликнула Чалит. — Здесь, на этом самом месте, когда-то был город со стенами и домами, но не саморастущими, а сделанными человеком.

— Наверное, ты права, — согласился Креоан. — Однако от него не осталось никаких следов, кроме линий этих улиц.

— Но как могут Историки отправляться в прошлое, зная, что смерть унесла всех — и строителей, и изобретателей, и правителей? — пробормотала Чалит.

— Возможно, то, что они сами еще живы, дает им ощущение превосходства, — цинично заметил Креоан. — Несмотря на очевидность, я думаю, на земле всего лишь несколько человек сознают неотвратимость смерти.

Он спрятал нож и сказал, как бы подводя черту:

— Во всяком случае, мы узнали, почему так неожиданно изменилась растительность. Как ты и предполагала, это вызвано изменением состава почвы. Возможно, людям, которые построили этот город, нравилось, что в их садах растут чудовищные дождевики вроде этих.

— Чудовищные — самое подходящее слово, — сказала Чалит. — Ты видел, какой страшный дождевик там, впереди, у следующего поворота?

Креоан посмотрел и увидел громадный пузырь, который раздулся до такой степени, что стал совершенно прозрачным и был виден только благодаря отсвечивающему солнцу. Внутри него шевелилась черная тень.

Креоан почувствовал необъяснимую тревогу, но сказал сам себе: скорее всего это движение происходит из-за ветра. Он сделал знак, что можно идти, но, приблизившись к гигантскому грибу, бессознательно замедлил шаг. Что-то в этом пузыре было такое, отчего волосы вставали дыбом.

— Скорей, Креоан! — крикнула Чалит. — Не останавливайся возле этой штуки!

Креоан схватил Чалит за руку, Чалит — Мэдал, и они осторожно пошли по самому краю тропы, стараясь держаться как можно дальше от чудовищного дождевика. Поравнявшись с жутким грибом, Креоан снова увидел тень внутри пузыря и подумал, что там находятся жидкость и газ. У основания клубилась серо-желтая субстанция, из середины которой торчало центральное образование: что-то вроде неровного купола с двумя темными ямками под ним, потом еще одно углубление, похожее на перевернутый месяц, и слегка возвышающаяся над поверхностью горизонтальная щель с пересекающими ее беловатыми полосами. Гигантский дождевик рос на насыпи, нависая над дорожкой, и две его симметричные ямки оказались как раз на уровне глаз Креоана.

Глаза?

И в тот же миг, когда он понял, что это такое, раздался возглас Чалит.

— О, Креоан, это лицо!

Ее слова как бы послужили сигналом: покрытие обеих темных ямок треснуло и чешуйками посыпалось в мутную жидкость у основания. Обнажились два огромных белых шара — каждый с темной вертикальной щелью. Ужасный нечеловеческий взгляд приковал друзей к месту.

Голова чудовища откинулась назад, обнажились белые полосы,

похожие на крупные острые клыки, с которых капала ядовитая жидкость. К Креоану вернулась способность двигаться. Он рванул за руку Чалит, та — Мэдал: прочь, прочь от этого чудовища! Но тут ему на глаза попалась куча камней, лежащих на земле. Он отпустил руку Чалит, схватил камень и, размахнувшись, изо всех сил швырнул его в разбухшую мембрану дождевика.

Камень прорвал оболочку, и газ начал выходить наружу, испуская жалобный стон, растущий вопль отчаяния. Шар вмялся внутрь, стал непрозрачным, оболочка безжизненно повисла складками, как серое покрывало на отвратительной голове.

Чалит вытерла пот со лба.

— Нет, это не естественное растение, — с трудом проговорила она. — Но какое извращенное человеческое сознание могло его придумать и оставить здесь!

— Не буду даже говорить об этом, — сказал Креоан. — Единственное, чего я хочу, — это выбраться из проклятого места, где растут такие кошмары. Мэдал, как ты? Всё в порядке? Эй, девочка, да у тебя все ноги в крови!

Действительно, сквозь ботинки Мэдал проступали красные пятна.

— Ничего, пойдемте дальше, — решительно проговорила она. И видя, что они колеблются, добавила тоном, не допускающим возражения, — я сказала, пошли дальше! Я тоже хочу поскорее выбраться из этого места, независимо от того, болят у меня ноги или нет!

Не очень решительно Креоан попытался забрать у нее поклажу, но она отрицательно мотнула головой и пошла по дороге, бледная, со сжатыми губами. Креоану и Чалит ничего не оставалось, как последовать за ней.

Вскоре дорога стала круче, и они были вынуждены идти медленнее и даже искали иногда, за что ухватиться, чтобы не поскользнуться. Растительность снова изменилась. Пропали дождевики и кусты с голубыми цветами. Вместо этого появился красный мох и бледные лишайники, покрывающие голые скалы; тут и там деревья с красными листьями воздевали к небу корявые ветви. Близился закат, и Креоан уже собирался поискать место для ночлега, когда издали до него донесся неясный шум.

— Послушайте, — сказал он, подняв руку. — Это не смех мяса? Он внимательно посмотрел вокруг и щелкнул пальцами.

— Похоже, что мы недалеко от места, где его разводят. Посмотрите: холм, по которому мы шли, образует воронку. Внутри, как я предполагаю, лежит долина в виде чаши, и мы слышим смех, отраженный стенками воронки, — твердыми породами, которые окружают долину.

— Тогда скорей на вершину! — крикнула Чалит и полезла наверх.

Она привыкла бороться с океанскими течениями, и тело ее стало упругим и гибким, как хороший клинок. Креоан же шел вверх медленно, помогая Мэдал в самых трудных местах.

Через некоторое время Чалит исчезла между двумя валунами, и тут же они услышали ее крик:

— Ты был прав, Креоан! Это потрясающе!

У основания холма действительно лежала чашеобразная долина. Она была не очень глубокой, но широкой, однако увидеть противоположную сторону они не могли из-за огромного бугра, возвышавшегося в середине. Креоан обратил внимание, что холмы располагаются вокруг, как грязь, разлетевшаяся от удара молотка, и вспомнил образования на Меркурии, которые он видел в телескоп. Он был уверен, что стоит на краю кратера, появившегося при падении метеорита. Это его так заинтересовало, что он даже не взглянул на стада мяса, бродившие внизу. Они жевали белые стебли растений, похожих на кактусы, которые росли в долине. Животные лихорадочно ели, будто понимая, что, чем больше они съедят, тем скорее потолстеют и смогут, наконец, и сами быть съеденными.

— Это вы грабите наше стадо? — раздался за их спиной суровый голос.

Они оглянулись. Позади них, на выступе скалы, стояло существо, напоминающее одного из мясных животных. На самом же деле это был человек. Просто он снял шкуру с одного из зверей и, укоротив лапы, натянул ее на себя. В его мускулистых руках был лук, а стрела, нацеленная в незнакомцев, казалась достаточно острой, чтобы проткнуть всех троих одновременно.

Х

— Вы ограбили меня! — крикнул человек. — Значит, вы заслуживаете смерти!

— Нет-нет! — воскликнул Креоан с неожиданным воодушевлением. — Тот, кто грабит вас, бродит по равнине среди желтой травы. Но у него сломана челюсть, так что он больше не может есть!

— Посмотрите сами, брали мы ваше мясо или нет, — предложила Чалит и, сняв свой мешок, вынула оттуда остатки провизии. Чтобы не раздражать агрессивного незнакомца, остальные последовали ее примеру.

— Я вижу, у вас и вправду нет мяса, — согласился несколько озадаченный незнакомец и опустил лук. — Откуда вы пришли и что вам тут надо?

— Мы пришли из города, который находится там, за равниной, на берегу моря, — ответил Креоан и показал рукой в направлении, откуда они пришли.

На одетого в шкуру человека эти несколько слов произвели совершенно неожиданный эффект. Он уронил лук, закрыл лицо руками и заплакал.

Забыв о своих израненных ногах, Мэдал полезла на выступ.

— Что с тобой, бедняжка? — спросила она, подойдя совсем близко к незнакомцу. — Почему ты плачешь?

Человек всхлипывал и тер глаза кулаками, как огромный ребенок.

— Вы... Вы пришли из города, и у вас нет мяса,— заговорил он, глотая слезы.— Это может значить только одно — мы потерпели неудачу! Значит, мы потратили жизнь впустую!

— Как это — потерпели неудачу? — спросила Мэдал, глядя его жесткие нечесанные волосы.

Справившись со слезами, мужчина заговорил более внятно, но по-прежнему отворачиваясь, будто стыдясь смотреть на пришельцев.

— Мы посвятили жизнь выращиванию этих стад, и мы посылаем их в разные города, как нас научили наши отцы, а тех — их отцы — и так с самого сотворения мира. Однажды, очень давно, к нам пришли незнакомцы и сказали, что у них в городе нет мяса, и это значило, что мы потерпели неудачу. А теперь вы... И у вас тоже нет мяса!

— Но в нашем городе есть мясо,— успокоила его Мэдал.— Оно приходит с холмов, и каждый, кто хочет, имеет его в достаточном количестве.

Услышав это, человек преобразился. Казалось, солнечный свет пробился сквозь грозовую тучу его печали.

— Это правда? — спросил он с некоторым сомнением, вытирая слезы лохматым рукавом.— А почему тогда вы не взяли его с собой, отправляясь в путь?

Креоан понимал, что человеку, посвятившему жизнь выращиванию стад для снабжения далеких неведомых городов, не стоит рассказывать о способности современных домов кормить своих хозяев и объяснять, что люди поэтому вполне могут обходиться без животного мяса.

— Мы не едим мяса больше, чем нам необходимо, чтобы добраться до этого места,— сказал Креоан.— Что может быть бессмысленнее, чем нести сюда мясо, которого здесь так много?

Мужчина удивленно уставился на него и неожиданно начал хихикать, потом хохотать, и вскоре он уже задыхался от смеха, такого же безумного; как и у мясных существ. Вскочив на ноги, он исполнил танец радости, ловко забрался на соседний уступ и спрыгнул оттуда на прежнее место.

— Тогда пошли! — вскричал он.— Пошли к моим братьям! Мы устроим великий пир, который будет длиться всю ночь! Как все обрадуются, когда узнают, что работают не напрасно!

Внезапно он оборвал речь. Его настроение снова изменилось. Теперь он выглядел обиженным.

— Но почему вы не пришли сюда раньше? — обратился он к Чалит и Креоану.— Неужели в вашем городе так много дел, что вам некогда подумать и о нас? Мой отец прожил всю жизнь и умер, так и не узнав, хорошо ли справляется со своим делом. А я частенько подумывал, не пойти ли мне с каким-нибудь стадом в город и не спросить ли, хорошо ли мы кормим людей. Но нас всего несколько человек, а работы так много... Да что же это я жалуюсь вам — вы же прошли такой путь, чтобы сообщить нам эту радостную весть! Мы так ее ждали!

— Ну, по правде сказать...— начала было Чалит, но Креоан взглядом остановил ее.

Ничего не заметив, человек наклонился, чтобы поднять лук, и увидел окровавленные ноги Мэдал.

— Ты даже поранилась ради нас! — воскликнул он. — Ты не должна ходить, пока рана не заживет! Я сам отнесу тебя в наш дом!

И, легко подняв девушку, он спрыгнул с уступа и направился вниз. Чалит и Креоан последовали за ним.

— Ты мог себе представить, что в мире есть такие люди? — шепнула Чалит.

Креоан рассмеялся:

— Мир настолько больше и удивительнее, чем я предполагал, что я уже ничему не удивляюсь. Надеюсь лишь, что все, кого мы встретим, будут такими же разумными, как этот пастух, и не похожими на тех, которые убили Квейса.

При упоминании о товарище Глира Чалит помрачнела, и дальше шли молча.

Спустившись с холма, они вскоре оказались среди шумного стада мяса, которое при появлении хозяина перестало есть и собралось вокруг него. Он называл каждого из животных по имени, трепал по загривку, а они в ответ смеялись бессмысленным смехом и уходили. Креоан подумал о том, как много имен пастух должен помнить и какво ему каждый день посылать на смерть существ, так похожих на него.

«Дом», о котором говорил пастух, оказался пещерой. Освещался он фитилями, плавающими в плошках с жиром, но вонь от них не могла перешибить сильные запахи человеческого тела. На стенах пещеры в камне были видны металлические прожилки, хоть и закопченные, но вполне различимые. Это подтверждало предположение Креоана о том, что долина образовалась благодаря падению метеорита в далеком прошлом. Возможно, этот метеорит и разрушил до основания город, через который они недавно проходили. Вернется ли он когда-нибудь в Дома Истории, думал Креоан, чтобы расспросить об этом Историков?

Внутри «дома» не было никакой обстановки, кроме полок и ниш, сделанных прямо в скале, однако у самого входа лежали шкуры и горел костер.

— Подождите здесь, — сказал пастух. — Я пойду расскажу обо всем братьям.

Он хотел положить Мэдал на шкуру, и вдруг на его лице отразилось удивление: девушка спала, положив голову ему на грудь. Он осторожно опустил ее на шкуру, девушка зашевелилась, потом прижав щекой к густому меху и затихла.

Пастух объяснил, что его братья сейчас собирают стадо, которое завтра на рассвете должны послать в город. Заинтересованный элементарным вопросом биологии, Креоан поинтересовался, нет ли среди них и сестер, но пастуху это слово явно ничего не говорило.

— И еще скажи, — обратилась к нему Чалит, — у тебя есть имя?

— Конечно! — воскликнул пастух. — Вы пришли из города, а там я не так известен, как в этой долине. Эй, как меня зовут? — крикнул он мясным существам, толпящимся у входа.

Звери, все как один, задрали головы и выдавили из себя: «Аррхи-харт!»

— Видите, — сказал человек, — когда среди нас появляется кто-нибудь, у кого еще нет имени, мы показываем его мясу, и первое слово, которое они произносят, становится его именем. Однако мне надо идти.

Он вскочил и почти выбежал из пещеры.

Креоан придвинулся к огню, чтобы согреть руки, но едкий дым мешал насладиться теплом.

— Ну что, — сказал он Чалит, — ты думаешь, эти люди покажут нам дорогу к другому городу?

— Он говорил о городах во множественном числе, — ответила Чалит. — Но у меня ощущение, что для них вся Вселенная заключена в этой долине. Несмотря на утверждение нашего друга, что он не пошел в город вместе со стадом из-за чрезмерной занятости, я подозреваю, что он, как и Мэдал, просто боится покинуть свой дом.

— Не осуждай ее, — примирительно сказал Креоан. — Разве ты не почувствовала, когда она стала утешать этого человека, что нежность в ней ищет выхода?

— Я знаю, — кивнула Чалит. — И из-за этого я презираю Венса не меньше, чем она.

— Какая грустная ирония в том, что наш поход во имя спасения человечества начинается с таких страданий! — произнес Креоан. — Мысль о Венсе, погибающем из-за сломанной челюсти, долго будет меня преследовать.

— Зачем думать о прошлом? — сказала Чалит. — Мы не можем изменить его. Мы должны попытаться изменить будущее. Когда мы шли сегодня по разрушенному городу, я засомневалась, есть ли вообще смысл в том, что мы затеяли. Наша планета покрыта останками погибших народов!

— Совершенно верно, — согласился Креоан. — И какой-то из них, возможно, был раздавлен на этом самом месте: эта скала, если я не ошибаюсь, представляет собой не что иное, как метеорит, упавший с неба.

— Не может быть! — удивилась Чалит и оглянулась на каменную громаду. — Тем более! Если люди не смогли спастись даже от метеорита, есть ли у нас хоть малейший шанс спасти Землю от столкновения со звездой?

— Не знаю, — вздохнул Креоан. — Когда мы отправлялись в путь, я не мог предположить, как пуст современный мир. Хотя Моличант и говорил мне, что когда-то нас были миллиарды. Возможно, нас стало мало, потому что время людей кончается.

— Так быстро?! — воскликнула Чалит.

— Быстро? Разве это быстро? Считается, что то время, когда люди научились использовать инструменты и разжигать костры, было два миллиона лет назад. Это короткий отрезок для вида, но отнюдь не самый короткий из всех нам известных.

Они помолчали.

— Слушай,— снова заговорила Чалит, но уже другим тоном,— мы еще слишком близко от дома, чтобы говорить на такие мрачные темы. Поговорим о другом. Скажи, как могло произойти, что эти мясные существа, похожие на людей, стали всего лишь пищей?

— А разве не могло быть наоборот? Кто знает, как давно эти братья привели стада в долину? Может быть, с каждым поколением животные все больше становятся похожими на человека, и не только внешне?

— Но если они могут так изменяться, кто может сказать, когда они станут настолько похожи на человека, что будет уже невозможно забивать их на мясо? Венс говорил, их самки достаточно похожи на человека, чтобы...— Чалит запнулась, подыскивая слово.

Но Креоан все равно ее не слушал. Он смотрел в сгущающуюся тьму.

— Посмотри,— сказал он.— Роковая звезда снова появляется на горизонте.

XI

Послышались крики, похожие на крики мясных существ, но не такие пронзительные. Мэдал зашевелилась и села на шкуре. Они увидели Аррхихарра и его братьев, которые спешили к ним, подпрыгивая от радости. Их было восемь, и все они были одеты в шкуры. Один из них нес на спине тушу только что убитого животного, другой вел за руку ребенка. Они окружили Чалит и Креоана, с любопытством разглядывали их и задавали самые разнообразные вопросы, удивляясь их одежде и вещам и требуя подтверждения тому, что рассказал им Аррхихарр.

— Да, уверяю вас,— снова и снова повторял Креоан,— в городе, из которого мы пришли, я ни разу не слышал, чтобы кто-нибудь был недоволен вашей работой. Я сожалею, что никто не пришел сюда раньше сказать вам об этом.

Бурно порадовавшись новости, братья занялись приготовлениями к пиршеству. Один подкладывал в костер дрова, другой начал освеживать тушу, а третий приводил в порядок шкуры. Наблюдая за ними, Креоан нашел ответ на вопрос, который его занимал. Через вырезы на шкурах было видно, что эти «братья» в действительности двух полов: четверо мужчин и четверо женщин, а ребенок — мальчик. По-видимому, в этой жизни, где все должны были работать и действовать одинаково, разница между «он» и «она» была утрачена. Но их фигуры, худощавые и мускулистые, могли служить образцом для современного человека.

Заметил Креоан и другие особенности, которые казались ему важными: все они были лохматы и примитивно одеты, но ни один из

них не был грязным. «Брат», занимавшийся разделыванием мяса, закончив работу, ушел куда-то за скалу и вернулся чистый, умытый, без единого пятна крови на руках или одежде. Должно быть, там находится источник или колодец, решил Креоан.

Пользовались они лишь самыми простыми инструментами, многие из которых, как и у Венса, были сделаны из кости, но, рассмотрев нож, Креоан обнаружил, что его рукоятка украшена искусно выгравированным изображением мясного существа. Удивительно: эти пастухи, полностью изолированные от мира, как-то ухитрялись оставаться людьми.

Размышляя обо всем этом, Креоан обратил внимание, что, пока он изучал хозяев, один из них изучал его самого. Неподалеку стоял мужчина, ростом не выше Чалит, и в очертаниях его загорелого лба Креоан угадал незаурядный ум. Он вспомнил, что этот человек, один из всех, не участвовал во всеобщем ликовании по поводу их прихода, а остался задумчиво стоять в стороне. В его глазах Креоан увидел вопрос, на который он вряд ли бы смог дать ответ.

— Ху! — позвал Аррхихарр, и смуглый человек медленно повернул голову в его сторону. — Ху, не принесешь ли ты выпивки из наших запасов? Мы не должны ударить в грязь лицом перед нашими гостями!

Тень улыбки скользнула по губам смуглолицего, и он без комментариев удалился в глубь пещеры.

Проснулась Мэдал и сразу же затеяла какую-то игру с мальчиком, который не отходил от нее ни на шаг. Однако «брат», возившийся с мясом у огня, делал это так неуклюже, что она не выдержала и пошла ему помогать. Мальчик поплелся за ней. Креоан наблюдал, как она притащила овальный камень, чтобы мясо могло печься, а не жарилось на вертеле, и велела принести сочные корни и листья, чтобы придать мясу аромат. Потом она попросила Аррхихарра принести ее мешок и достала из него соль и другие приправы. Через некоторое время по всей пещере распространился аппетитный запах, вызвавший восторженные возгласы хозяев.

— Слава богу, — негромко сказала Чалит Креоану. — Я боялась, что они будут недовольны: ведь она занялась их делом.

— Я тоже этого опасался, — ответил Креоан. — А теперь я надеюсь на то, что ей не удастся завоевать их чрезмерную любовь, иначе они постараются не отпустить ее, а заодно и нас.

Вернулся Ху с кувшином, сделанным из выдолбленного стебля кактуса. Кувшин был так тяжел, что Ху еле нес его. Аррхихарр налил из него в чашки, сделанные из того же материала, густой сладковатый сок, разбавил его водой и лишь после этого церемонно предложил напиток гостям. Креоан и Чалит осторожно попробовали сок и нашли его вполне сносным, а разгоряченная работой Мэдал выпила залпом всю чашку до дна. Одобрительно покачав головой, она побрызгала соком мясо, чем вызвала всеобщее удивление.

Вскоре еда была готова, и все собрались у огня. «Братья» сидели на корточках, гости на выступах скалы, покрытых шкурами. Пища была для гостей непривычной, но они были так голодны, что рвали

зубами горячие куски мяса и просили еще. «Братья» тоже съели по нескольку кусков, и Аррхихарр заявил, что никогда не знал, что мясо может быть таким вкусным. Ху, облизывая пальцы, с интересом посмотрел на Мэдал, но ничего не сказал.

Когда всё было съедено, Аррхихарр откинулся назад, урча от удовольствия, и воскликнул:

— Теперь давайте танцевать!

— Танцевать еще рано, пусть пища уляжется,— сказал другой «брат».

— Ладно,— согласился Аррхихарр,— тогда будем петь. Ху, у тебя хорошая память, спой гостям несколько баллад.

— Отчего же не спеть,— согласился смуглолицый и завел длинную протяжную песню. Слова её перемежались со звуками, похожими на крики мясных существ, поэтому не всё в песне было понятно. Но общий смысл был ясен: когда-то давно бешеное животное в ярости набросилось на стадо, а отважный пастух заколол его копьем. Мэдал достала из мешка арфу и стала аккомпанировать певцу, что тоже вызвало удивленные возгласы слушателей.

Ху закончил, и все восторженно захлопали и закричали; он же с каменным спокойствием дождался, пока они умолкнут, и обратился к Креоану:

— Вы послушали одну балладу. Все остальные о том же. Я думаю, этого достаточно. Ведь мир занят не только разведением мяса, как мы в этой долине.

Не успел Креоан ответить, как двое «братьев» встали и начали танцевать вокруг огня. Движения их были похожи на неуклюжую походку мясных существ. Сначала они танцевали под собственные крики, похожие на смех животных в их стадах. Эти крики привлекли самих животных к границе освещенного круга, и они молча смотрели на веселье. Вскоре, благодаря выпивке, ноги у Мэдал почти перестали болеть, она воспряла духом и заиграла на своей арфе дикую, неистовую мелодию.

В течение нескольких минут всё смешалось в безумной общей пляске, в которой, казалось, принимали участие все, кроме Чалит и Креоана.

Или почти все...

Внезапно Креоан услышал у себя за спиной голос, который не могли заглушить ни крики танцующих, ни звон арфы:

— Что-то я не вижу на ваших лицах радости от того, что вы выполнили свою миссию и можете вернуться домой.

Креоан оглянулся и увидел Ху.

— Как тебе сказать... Понимаешь...

Он искал и не находил нужных слов. Вызов смуглолицего ошеломил его. Боясь, что обман будет слишком явным, Креоан не посмел возразить и решил сказать полуправду.

— Ты прав, наше путешествие действительно здесь не заканчивается. Но истинная правда и то, что ваше мясо регулярно и в достаточном количестве приходит в наш город. И так было всегда.

Темноволосый человек улыбнулся:

— Я не осуждаю вас за то, что вы нас обманывали. Я думаю, и Аррхихирра вы ввели в заблуждение неумышленно. Конечно, нам приятно узнать, что существуют люди, которые пользуются плодами нашего труда, поскольку было не исключено, что мы просто выполняем бессмысленный ритуал, оставшись совершенно одни на всем земном шаре.

Креоан посмотрел на Чалит и, увидев, что она не отрывает глаз от танцующих, вышел из круга света и присел рядом с Ху.

— Хотя твоя жизнь ограничена этой долиной,— сказал он,— ты очень хорошо информирован об окружающем мире, друг.

— Возможно, я последний в нашей семье, способный мыслить,— грустно покачал головой Ху.— Вряд ли этот мальчик будет таким же, хоть он и мой сын... Но это дело будущего. Послушай, что я тебе скажу.

Он придвинулся ближе к Креоану.

— Во мне прорастает зерно недовольства, я беспокоюсь о моих сородичах. Ты слышал, как я пел песню-историю, сложенную моим пра-пра-прадедом. Да, это груз, который ношу в сердце. Я знаю и другие песни, много песен, которые редко пою. В них рассказывается о тех временах, когда мужчины и женщины из городов, которые мы снабжаем едой, часто приходили сюда поблагодарить нас и сообщить новости. Мои братья вряд ли что-либо понимают в этих песнях, кроме рассказа о людях, похожих на нас. Но я долгие дни обдумывал эти истории — с тех самых пор, как научился петь их. Это тот источник, из которого я почерпнул все свои знания: что Земля круглая, что она вращается вокруг Солнца и на ней есть океаны и города, которых никогда не видел.

Его лицо помрачнело, а руки сжались в кулаки.

— Мне кажется, что на нас лежит заклятие! Почему мы живем здесь, следим за своими зверями и не уходим никуда дальше этой долины? Другие люди изучают мир, плавают по морю, поднимаются на вершины гор... Я тоже мечтаю об этом! — он ударил себя в грудь кулаком.— Нас с вами разделяют несколько поколений. Наша жизнь проходит впустую, в бессмысленном труде на благо далеких неизвестных людей, которые никогда даже не подумали о нас с благодарностью. Скажи мне правду, Креоан: до того, как вы встретили Аррхихарра, вы подозревали о нашем существовании?

Креоан был вынужден признаться, что нет.

— Тогда какова же цель вашего путешествия? — спросил Ху.— Пусть Аррхихарр и остальные радуются вашей выдумке, но мне нужна правда.

Креоан с трудом проглотил комок в горле.

— К Земле приближается звезда,— сказал он наконец.— Вон та, голубая, над твоей головой. Пройдут годы, ее притянет к себе Солнце, и ее жар обожжет нашу планету. Мы надеемся... Нет, я не знаю, на что мы надеемся...

— Я понял,— задумчиво проговорил Ху.— Тогда позволь мне сказать вот что. Пусть погибнет мир, который сыграл такую злую шутку со мной и моей семьей,— я не буду из-за этого горевать! Если

бы мог притянуть звезду, о которой ты говоришь, чтобы она сожгла Землю прямо сейчас, я бы сделал это! И я бы смеялся!

Он зло сплюнул, поднялся и исчез, оставив Креоана в одиночестве.

— О, боже! — услышал Креоан голос Чалит — Смотри, Креоан!

Она протянула дрожащую руку, и Креоан увидел на границе света, как мясные существа подражают танцорам, двигаясь в такт музыке.

Креоан, потрясенный, что-то пробормотал, а Чалит в ужасе закричала:

— У меня ощущение, будто я съела своего брата!

Бледная, она вскочила на ноги и скрылась в темноте. Через несколько секунд Креоан услышал, что ее вырвало.

ХИ

Наконец танцоры устали. Они по очереди покидали круг и уходили в пещеру. И только Мэдал осталась сидеть у огня. Теперь она негромко наигрывала мягкую, ностальгическую мелодию, вызывающую грусть о безвозвратно уходящем времени.

Креоан тоже поднялся и направился к пещере. Он подошел к Чалит, удобно устроившейся на шкурах, лег рядом с ней, и вскоре оба они безмятежно и крепко спали.

На рассвете их подняли хозяева — они хоть и казались усталыми, но явно были в прекрасном настроении: очевидно, уверенность в том, что их работа полезна и даже необходима, вдохнула в них новые силы. Креоан, щурясь от света, вышел из пещеры и сразу же почувствовал на себе взгляд Ху. Однако посмотреть ему прямо в глаза Креоан почему-то не мог и все время отводил взгляд.

Маленький мальчик, сын Ху, отвел его и Чалит за скалу, где бил родник с чистейшей водой. Прудик, в который стекала вода, был разделен перегородкой, чтобы отделить место для питья от места для купания. Чалит, предвкушая удовольствие, быстро стянула с себя одежду и залезла в ледяную воду, Креоан же ограничился тем, что вымыл голову и ноги.

Они вернулись в пещеру и увидели Мэдал, с трудом ковыляющую на израненных ногах, хотя к ранам уже были приложены какие-то целебные травы. Одной рукой она что-то придерживала у себя за пазухой. Аррхихарр закапывал кости, оставшиеся от ночного пиршества. Он подошел к Креоану и положил руку ему на плечо.

— Я не помню, чтобы когда-нибудь мы были так счастливы! — сказал он. — Это прекрасно, что вы пришли к нам. Вы должны как можно дольше у нас пожить, чтобы потом рассказать о нас в своем городе.

— Мы не можем остаться, — сказал Креоан и, увидев, что лицо Аррхихарра погрузнело, добавил: — но вы были так гостеприимны и так хорошо нас встретили, что если нам удастся прийти к вам еще раз, мы непременно останемся.

Ху, подкладываявший в огонь дрова, бросил на Креоана быстрый взгляд, но ничего не сказал. Понять, о чем он думает, было невоз-

можно, но, вспоминая его ночной монолог, Креоан не испытывал большого желания продолжить с ним беседу.

— И когда вы собираетесь уйти? — спросил Аррхихарр.

— Наверное, сегодня.

— Нет, это невозможно! Разве вы не видите, что у вашей подруги изранены ноги? Она не сможет идти!

Креоан и Чалит видели, что это действительно так, и это их повергло в уныние. Они чувствовали необъяснимую тревогу, будто каждое мгновение уже было на счету. Зловещая звезда заставляла их торопиться.

Мэдал словно прочла их мысли и неожиданно сказала:

— Нет смысла из-за меня задерживаться. Дальше я не пойду.

— Что? — разом воскликнули все, кто был рядом.

— Я решила, — твердо проговорила Мэдал. — Из всех, кого я когда-либо встречала, только эти люди живут ради других. Я не спала всю ночь и поняла, что хочу остаться с ними. Теперь я знаю, почему я была так зла на Венса. Я жила ради него, а ему вовсе не нужно было то, что я могла ему дать... Ему было нужно только... только... — она не смогла договорить и, тряхнув золотыми волосами, опустила глаза.

— Смотрите! — Мэдал взяла себя в руки и, улыбнувшись, вытащила из-за пазухи то, что так старательно прятала.

Это был один из желтых цветов со стены ее дома. Его лепестки уже увяли, но завязь в самой сердцевине была живой и твердой.

— Здесь пять семян, — сказала Мэдал. — Из каждого семени, надеюсь, вырастет такой же дом, как мой, и я посажу их вокруг скалы. Я не могла бы попросить этих людей разрешить мне остаться с ними, если бы у меня не было этого дара. А так могу отплатить за их доброту. Ведь для меня не было в жизни ничего дороже моего дома. Даже Венс... о боже, даже любимый Венс...

Ее голос прервался, и Аррхихарр, который не понял ничего из того, что она сказала, бросился ее утешать.

— Ну что же, пусть будет так! — торжественно произнес Креоан. — Мы с Чалит пойдем дальше одни.

— Нет, — сказал Ху, бросив кочергу, которой перемешивал угли. — Я пойду с вами.

— Что? — удивленно воскликнул Аррхихарр.

— А почему бы и нет? Разве это справедливо, что из всех городов, в которые мы посылаем мясо, только один решил поблагодарить нас? Теперь у вас будет еще одна пара рук, и я смогу пойти в какой-нибудь другой город и рассказать о нас его жителям.

— Но кто же сложит балладу о великом пире, который был у нас прошлой ночью? — грустно спросил Аррхихарр. — И кто научит мальчика старым песням?

— Время старых песен прошло, — твердо сказал Ху. — Что ты на это скажешь, Креоан?

Благодарный Ху за то, что тот не выдал его и не рассказал «братьям» об истинной цели их путешествия, Креоан одобрил его идею, но все-таки предупредил, что не так просто преодолеть привычки, которые веками держали его предков в этой долине. Чалит, свежая и прекрасная, как только что раскрывшийся цветок, узнав, что Ху отправится вместе с ними, не возражала.

— Тогда отправимся прямо сегодня и вместе с мясом, — решительно сказал Ху.

Однако Аррхихарр запротестовал.

— Но мы не можем отпустить с вами трех тренированных скакунов. У нас их всего десять, а чтобы обучить новых, понадобятся месяцы!

— Не можете лишиться трех скакунов? — переспросил Ху. — Но у вас останется по одному на каждого, а мальчик не будет ездить верхом, пока вы не объездите новых скакунов.

Аррхихарр не нашел, что возразить.

— А как вы собираетесь использовать таланты Мэдал, — поинтересовался Ху. — На разведение стад? После того, как вы отведали такую вкусную пищу этой ночью; после того, как узнали о выращивании домов, которые, как рассказывают старинные баллады, есть в далеких городах?

Пресекая дальнейшие разговоры, он закинул голову и что-то громко крикнул. Три мясных существа сразу же перестали есть и подошли к пещере.

— Ну вот, — сказал Ху Креоану и Чалит, — в оставшееся время вы должны научиться ездить верхом.

— Всё произошло слишком быстро, — неодобрительно покачал головой Аррхихарр. — Слишком! Мне кажется, что всё должно меняться постепенно, если уж это необходимо.

— Тогда собери всех остальных и объясни им это, — сказал Ху с нескрываемым презрением, но Аррхихарр принял эти слова всерьез и, подпрыгивая и крича, побежал собирать «братьев».

— Не бойтесь, — улыбнулся Ху. — Я один тут умею хорошо говорить. Через полчаса мы добьемся их полного согласия, и я думаю, что вы предпочтете дальше ехать, а не идти пешком?

— Ну конечно, — кивнула Чалит. — Но как ты можешь оставить свой дом и семью? А главное — сына?

Ху погрузнел.

— Мне лучше уйти... Я никогда никому этого не говорил, потому что никто бы этого не понял... Из древних баллад я узнал: для рода плохо скрещиваться и скрещиваться в такой маленькой группе, как наша. Да, это мой сын. Но он не похож на меня... Мы знаем о размножении животных, но не знаем ни о чем другом. Скоро станет ясно, что мальчик не в состоянии запомнить песни, которые я выучил, едва научившись говорить, и это будет печальной новостью для моей родни. Пусть они обвиняют меня за то, что я их покинул. Это будет для меня легче, чем видеть, как страшный яд разрушает нашу наследственность!

— Ты хочешь сказать, что он... — Креоан не смог договорить.

— Тупица,— резко произнес Ху.— Почти такой же, как Аррхи-харр.

Великая печаль наполнила их сердца. Наступило молчание.

Как и предсказывал Ху, уже через несколько минут «братья» с ним согласились, хотя Креоан не мог найти этому объяснения. Неужели им было достаточно пустых обещаний и предвкушения новых пиршеств? Но каковы бы ни были причины, они согласились оторваться от дел и учить новичков ездить верхом на удивительно послушных мясных существах.

К концу дня трое путешественников сели на своих скакунов и присоединились к стаду, которое в этот день уходило в город.

— В какой город мы поедem? — спросил Креоан.

Ху пожал плечами.

— Мы можем отправиться по любой дороге, кроме той, по которой вы пришли. Нам не на что рассчитывать, кроме собственной интуиции.

Они оглянулись и помахали на прощание рукой пастухам, среди которых стояла и Мэдал — такая маленькая и хрупкая по сравнению с ее новыми «братьями».

— Я надеюсь,— грустно проговорила Чалит,— что она сделала правильный выбор.

— Такой же правильный, как и мы,— с иронией ответил Креоан и направил своего скакуна вслед за Ху.

ХII

Они ехали по местам, не похожим на те, через которые шли раньше. Природа здесь была более убогой, чем на равнине с желтой травой или среди развалин города с гигантскими дождевиками.

Низкие кустарники с красными, бордовыми и морского цвета листьями карабкались по склонам, окружавшим узкую долину, но большая часть земли была каменистой, лишь кое-где поросшей мхом. Несмотря на тряску и сильный запах, испускаемый шкурой животного, Креоан мог бы даже получать удовольствие от поездки, если бы не одно обстоятельство: мясо, казалось, было так радо идти навстречу смерти, что его сумасшедший смех делал невозможными не только разговоры, но и размышления.

Временами Ху подъезжал к Креоану и Чалит на своем скакуне и предлагал то сок кактуса, то холодное мясо. Креоан, сам тому удивляясь, чувствовал сильный голод и ел с удовольствием. Но Чалит с огромным трудом заставила себя немного поесть.

— Ты, наверное, думаешь, что эти мясные существа подобные людям? — спросил ее Ху.— Ты ошибаешься.. Я прожил среди них всю жизнь, наблюдал за ними и ни разу не видел, чтобы они вели себя, как человек. У них нет собственной воли, они не разговаривают друг с другом и никогда ничего не создают. Они лишь подражают

человеку, и если бы было какое-нибудь другое существо для подражания, я думаю, они бы с радостью копировали его.

Становилось всё теплее. Стадо без устали шло вперед и вперед. Наконец добрались до реки, и Ху, взглянув на темнеющее небо, сказал:

— Мясо прибывает в город ночью. Значит, через несколько часов мы будем на месте.

Скакуны шлепали по грязи, перепрыгивали лужи, и ездокам потребовалось приложить немало усилий, чтобы не свалиться на землю. Когда спустилась ночь, смех вожаков стада начал понемногу затихать.

— Мы, должно быть, почти у цели! — воскликнул Креоан. — Посмотрите!

Он показал туда, где стаи огоньков кружились в воздухе.

— Там должен быть город!

Но Ху не обратил на его слова никакого внимания.

— Мне тут что-то не нравится, — пробормотал он. — Разве вы не видите, что животные нервничают? Что-то пугает их.

Он втянул ноздрями воздух, тряхнул головой, не понимая, что за запах принес ветер, и перевел скакуна на рысь.

Остальные тоже прищипорили своих животных.

Скоро они уже не сомневались, что запах, который их насторожил, — запах тления.

— Вы ничего не слышите? — спросил Ху. — Где-то далеко... Чей-то смех... Как у мяса, но растерянный и слабый!

Они поднялись на плоскую вершину горы, возвышавшейся над городом, надеясь увидеть, что там случилось, но огоньки, роившиеся и внизу, и над ними, закрывали от них панораму. Пришлось, так ничего и не узнав, спускаться вниз по извилистой тропке, такой узкой, что скакуны могли идти по ней только гуськом.

— Что это за блестящие порхающие штучки? — спросил Ху.

Креоан подозвал свистом одного огонька и показал ему.

Через некоторое время они выехали на окраину города, и перед ними открылась невероятная картина. Огромные стада мяса, ослабевшего и истощенного, бесцельно бродили по дороге и пустырю. Они перекрывали дорогу новым стадам, и, несмотря на все старания, Ху со стадом вынужден был остановиться.

— Почему они не идут дальше? — испуганно воскликнула Чалит. — Я думала, что мясо направляется в какое-то определенное место и там добровольно умирает?

— Так и должно быть, — недоуменно покачал головой Ху. — Ясно, что до этого места в городе добраться невозможно. Слезайте!

Креоан и Чалит с радостью подчинились и слезли со скакунов, разминая затекшие ноги. Но Ху и не думал об отдыхе, и они покорно последовали за ним.

Через некоторое время путешественники, к своему ужасу, оказались среди массы валяющихся тел. Мертвое мясо лежало повсюду — на дорогах, лужайках, возле домов. Нелегкая и ласковая смерть, которая была им обещана, настигла их — вдали от кактусов, своей

обычной пищи, они просто гибли от голода. Туши, валявшиеся на окраине города, были совсем свежие, некоторые даже шевелились, но в самом городе повсюду попадалось уже совершенно разложившееся мясо, а в центре, куда с огромным трудом все-таки пробрались путешественники, на улицах валялись чистые белые скелеты.

— Так вот почему этот город не благодарил нас за мясо! — с гневом воскликнул Ху и, не глядя на Чалит и Креоана, скованных ужасом, начал яростно пинать скелеты.

Дав волю чувствам, он, наконец, успокоился и только тогда увидел, что Креоан с растерянным видом рассматривает что-то круглое и белое, мерцающее в фантастическом свете кружащихся огоньков. Поскольку город был мертв, в их цветах не было никакого порядка — только сумасшедшее кружение невообразимой радуги.

— Это... Это череп?.. — спросила Чалит прерывающимся голосом.

— Череп, — кивнул Ху и непонимающе посмотрел на Креоана.

— Но я думал, что вы не отправляли мясо, когда оно было еще таким маленьким, как это, — сказал Креоан.

— Конечно, не отправляли! — ответил Ху.

Он положил скалящийся череп себе на плечо, и на мгновение Креоану показалось, что это сама Смерть, глядящая на них.

— Значит, это человеческий... — прошептал он. — Значит, они мертвы — жители этого города...

Ужасная мысль пришла ему в голову, и он умолк. Возможно, их путешествие бессмысленно... Может быть, по какой дороге бы они ни пошли, — везде их ожидало бы разорение и смерть... Может быть, их собственный город был последним обитаемым в целом мире...

Уткнувшись лицом в плечо Креоана, Чалит заплакала.

И вдруг они услышали шум. Потом еще. И еще. Звуки целенаправленного движения, отличавшегося от бессмысленного блуждания мяса. Ху, держа череп наготове как оружие, оглядывался по сторонам. Через несколько минут среди скелетов возникли черные тени, и почти сразу появился человек — причем так смело, что, даже не видя теней, друзья догадались: он не один.

Человек был совсем маленького роста, наверное, Креоану по пояс. Его коричневое тело было защищено жесткой кожаной кирасой и крагами, а на голове плотно сидел круглый белый полушлем, сделанный из черепа мясного животного. В руке человек держал широкий топор, на лезвии которого сияли отражения огоньков.

Некоторое время он изучающе смотрел на пришельцев, потом, явно удовлетворенный тем, что увидел, махнул рукой, и немедленно появилась еще дюжина точно таких же коричневых человечков.

С трудом сдерживая дрожь в голосе, Креоан спросил:

— Кто вы? Чего вы хотите?

— Придет время, и ты всё узнаешь, — ответил маленький человек, неприятно усмехнувшись.

Говорил он с акцентом, которого Креоан никогда раньше не слышал, и употреблял обороты мертвых языков, но разговаривал

совершенно свободно, так что скорее всего это был его родной язык.

— Идите за нами! — отрывисто приказал он.

Ху посмотрел на него с такой злостью, что Креоан сказал:

— Нам лучше не сопротивляться. Может быть, это единственные люди, уцелевшие от того, что погубило город...

— Мы и есть то, что погубило город! — гордо объявил маленький человек. — Правильно делаете, что не сопротивляетесь! Вперед, вперед!

Путешественники подчинились.

Позади затихал исступленный смех мяса. Запах гниющих туш отнесило ветром в другую сторону, и друзья наконец могли вздохнуть свободнее. С тяжелым сердцем смотрел Креоан на дикорастущие дома, мимо которых они проходили. По буйству растительности он понимал, какое великолепие здесь когда-то царило. Судя по всему, этот город был вдвое больше его собственного. Об этом он догадывался и по гораздо большему стаду, которое сюда присылалось. Но теперь город опустел...

Ху держал свои мысли при себе и казался невозмутимым. По грустному же лицу Чалит, по ее широко раскрытым глазам можно было понять, что она тоже думает о гибели этого прекрасного города.

Они вышли на дорогу, которая была не так загромождена скелетами, и коричневые человечки перешли почти на бег. Двигаться с такой скоростью уставшим пленникам было тяжело, но когда они замедляли шаг, на них обрушивались удары и насмешки по поводу их высокого роста. Постепенно Креоан начал понимать логику поведения захватчиков.

Они достигли мостовой, покрытой пятнами лишайников, которая когда-то была, должно быть, красивой дорогой вдоль берега реки. Очевидно, это был последний отрезок пути, по которому шли стада мяса. Процессия достигла обрыва и остановилась. Креоан посмотрел вниз и увидел целую флотилию лодок, привязанных к тросу, протянутому от одного берега к другому. Мужчины — все низкорослые, с коричневой кожей, в доспехах — управляли лодками.

— Вниз! — скомандовал предводитель и показал на скользкие от мха ступеньки, ведущие к грязному берегу реки. Пленники заколебались, и предводитель недовольно сморщился. Размахнувшись, он ударил Чалит рукояткой топора — она вскрикнула и, поскользнувшись, упала в грязь.

Креоан взглянул на Ху, и они без слов поняли друг друга. Забыв про боль и усталость, они кинулись на врагов. Ху схватил предводителя, Креоан — другого человека, и, не дав им опомниться, они бросили их в воду. Оба всплеска прозвучали одновременно. Стража в лодках вскочила, послышались тревожные крики.

Какие легкие эти человечки, подумал Креоан. Но не их топоры. Один просвистел над его головой, и он едва успел пригнуться. Не теряя ни минуты, Креоан схватил человечка, метнувшего в него топор,

и бросил в воду, а вслед за ним — еще одного, и еще, и еще. Ху в это время расправлялся с остальными.

— Неужели эти коротышки уничтожили целый город? — удивленно спросил Ху. — Они слишком слабы даже для того, чтобы тащить за собой собственные тени! Хотел бы я посмотреть, как кто-нибудь из них справился бы с бешеным мясным существом, как это приходилось делать мне.

На мостовой, кроме них, никого не осталось. Плеск воды говорил о том, что человечки плывут к своим лодкам. Креоан вооружился топором, оставшимся на поле брани, спустился по ступенькам к Чалит и испуганно вскрикнул. Она по колено увязла в береговой трясине и, несмотря на все попытки выбраться, погружалась всё глубже и глубже. Креоан ухватился за торчащее из стены ржавое металлическое кольцо и протянул Чалит руку. Но бесполезно — расстояние до нее было слишком велико.

— Давай я! — крикнул Ху.

Он был выше ростом, и руки у него были длиннее. Чалит, бледная от страха, пыталась дотянуться до руки Ху, грязь уже доходила ей до бедер.

— Есть! — торжествуя крикнул Ху, ухватив наконец Чалит за кисть, и изо всех сил стал тянуть ее из трясины.

На реке царило оживление, слышались крики и лязг металла. Похоже, темнокожие воины оправились от первого потрясения. Надо было спешить. Креоан пытался помочь Ху, но едва он сделал шаг в сторону, как его самого тут же начинала засасывать трясина. Внезапно Ху тоже поскользнулся и выпустил руку Чалит. Креоан вскрикнул: теперь надо было помогать им обоим! Однако нет — Ху выбирался сам, стараясь снова не потерять равновесие. Креоан ухватился за кольцо, дотянулся до Чалит, но в это мгновение увидел, что одна из лодок уже подплывает к берегу. Два темнокожих человечка тащили ее вдоль троса, протянутого над рекой, еще двое сидели в лодке с топорами наготове, а один стоял на корме, отдавая какие-то непонятные команды.

Креоан обреченно подумал, что теперь знает, на что похожа Смерть.

XIV

Секунду спустя он с удивлением понял, что ощущение неизбежной гибели возникло у него лишь из-за незнакомого акцента и невнятности речи темнокожего человечка. Ничего страшного или угрожающего в речи этого человека не было.

— Что ты стоишь, как безмозглый мясной зверь! — кричал он. — Лови веревку и протяни ее через кольцо!

Веревку? Какую веревку? Пока Креоан соображал, Ху уже поймал конец веревки, которую бросил один из человечков, сидящих в лодке, и, протаскив ее сквозь кольцо, накинул петлю на плечи Чалит. Вместе с Креоаном они вытащили ее на твердую почву.

Но это был не единственный трюк с веревкой, который знали темнокожие человечки. Пока друзья стояли, пытаясь отдышаться,

в воздухе просвистела еще одна веревка, и, не успев ничего понять, они обнаружили, что связаны.

— Идите сюда! — сказал человечек с кормы и невежливо дернул за веревку.

Если бы они не пошли добровольно, человечки явно просто потащили бы их по скользкому берегу.

— Идем, — сказал Креоан, и они пошли в сторону лодки.

Жирная грязь капала с них, пачкая дно и сиденья, когда они залезли в лодку. Коричневым человечкам это не понравилось, и они недовольно залопотали, но окрик человечка с кормы заставил их замолчать. Креоан с любопытством смотрел на него. В отличие от своих подчиненных, он носил мантию, закрывавшую всё его тело — от плеч до ног. На голове красовалась тканая шапка с блестками, а по обе стороны от него лежал целый арсенал оружия, взглянув на который, Креоан поразился, что они не сопротивлялись. В арсенале был не только боевой топор, какими были вооружены человечки на берегу, но и два метательных топора поменьше, мечи, ножи и колчан с дротиками. Четыре члена его команды тоже были вооружены довольно внушительно: вдоль каждой скамьи в лодке лежало оружие.

— Из-за вас я лишился тринадцати человек, — картаво сказал человечек на корме.

— Но мы просто бросили их в реку, — возразил Ху. — Они всего-навсего лишь промокли.

— Мне такие воины не нужны, — сказал человечек. — Их победили враги, которых было вчетверо меньше. Смотрите!

Он показал рукой на воду, и друзья увидели возле лодки человека. Стражник быстро поднял и опустил меч, и голова человека поплыла по течению, а тело, истекая кровью, пошло ко дну.

Путешественники оцепенели. Чалит в ужасе сжала руку Креоана. Удовлетворенный впечатлением, произведенным на пленников, человек на корме отдал новый приказ — воины на носу ухватились за трос, натянутый поперек реки, и оттащили лодку от берега.

— Вы не из этого города, — твердо сказал человечек со своим невероятным акцентом.

— Как вы узнали? — спросил Креоан, с трудом преодолевая охватившее его отвращение к этому маленькому чудовищу.

— А! Эдод — город мертв! — человечек сплюнул за борт. — Как и все остальные, эдод-город давно мертв.

Чалит онемела от изумления, а Ху сделал шаг вперед, отчего лодка тяжело закачалась.

— Все в городе мертвы? — переспросил он. — В с е?

— Конечно, все, — равнодушно кивнул человечек.

Удивительно, но он, казалось, даже не был этому рад. Он сделал левой рукой жест в направлении ближайшего берега.

— Мы всё здесь обшарили, везде находили только эдо. Сейчас из города возвратятся мои люди и скажут мне то, што я знаю и без них, — што дам нед никого, кроме живодных, кодоры похожи на больших людей. А вы откуда взялись?

— Мы не из города, — соврал Креоан.

Коричневый человечек даже не удивился.

— Эдо я знаю. Если бы вы жили в городе, я бы уже завоевал его. Но здесь теперь только мертвые города. Эдо для меня конец.

Его меланхолическую речь прервало появление человечка, судя по всему, такого же самоуверенного, как тот, который возглавлял команду на берегу. Ступив одной ногой на нос лодки и увидев высоких незнакомцев, он заколебался, но жест человека на корме успокоил его. Он сделал еще один шаг и, бухнувшись на колени, доложил:

— Повелитель, мы были в городе. Там нет никого живого.

— Иди! — сказал повелитель человечку, и тот исчез.

Сразу же появился другой человечек, тоже с докладом. Вслед за ним еще один, и еще. Их было, как заметил Креоан, столько же, сколько лодок. Почти сразу все лодки, включая их собственную, начали наполняться темнокожими воинами, которые, заняв свои места, клали топоры и брали вместо них широкие весла.

Путешественники стояли рядом с повелителем и ждали, когда кончатся доклады. Чалит шепотом пожаловалась Креоану, что грязь засыхает на ее теле, и спросила, нельзя ли ей прыгнуть за борт и смыть ее, но Креоан запретил даже думать об этом: повелитель мог это воспринять как попытку к бегству, а они уже знали, как он расправляется с теми, кто ему не подчиняется. Все расселись по своим местам, но один отряд остался на берегу, и Креоан догадался, что это те воины, которых они, сами того не желая, погубили. На волнах покачивалась их пустая лодка — повелитель приказал прорубить в ней дыру и потопить ее.

Повелитель был на голову выше своих подчиненных, но, как выяснилось, его длинный плащ скрывал деревянные кубики, привязанные к ногам, которые постукивали, когда он двигался.

Эти маленькие воители, по-видимому, отчаянно завидовали расам более высокого роста и именно эта зависть и толкала их разрушать и завоевывать города. Креоан понял, что самонадеянный человечек, которого они встретили первым, сказал правду: «Мы и есть то, что погубило город!»

Судя по всему, на Земле больше не было населенных городов, на которые воины могли бы нападать, и они блуждали по белому свету в тщетной надежде снова найти людей — высоких людей, которых они могли бы победить и унижить.

— Сядьте! — приказал повелитель, и пленники с радостью подчинились. Чалит и Креоан, прижавшись друг к другу, чтобы хоть немножко согреться, сели на скамью, а Ху — на дно лодки. Он мрачно следил за темнокожим человечком, от которого теперь полностью зависела их судьба.

— Што вы делали в городе? — спросил повелитель без всякого интереса.

Надеясь, что разгадал психологию темнокожих воителей, Креоан решил рискнуть.

— Вы ищете города, чтобы их завоевать,— сказал он,— а мы, созданные городом, хотим завоевать звезду.

Это заявление по необъяснимой причине вызвало у повелителя тревогу. Его рука сжала рукоять топора, будто он почувствовал, что в людях выше его ростом заключена неведомая опасность, от которой надо защищаться. Увидев это, Креоан с надеждой продолжал:

— Вы объехали все земли, через которые протекает эта река, и нашли только мертвые города. Зачем же вы продолжаете поиски?

Довольный, что путешественники хоть чего-то не знают, повелитель пожал плечами:

— У нас такой обычай. Повелитель может стать королем, только если он завоюет город больших людей. Десять — двенадцать поколений у нас нед короля. Мой отец, как и я, был всего лишь повелителем. Потому что здесь нед больше городов, которые можно завоевать.

Креоан задумчиво кивнул. Оправдывались еще кое-какие его догадки. Например о том, почему темнокожие воители никогда не появлялись в его собственном городе. В своих поисках они пересекли цепь холмов, а долина, в которой разводили мясо, находилась где-то у самой высокой точки этой цепи. Так что холмы, вероятно, служили границей, которую воины не пересекали, а его город находился по другую сторону границы и выходил к другому океану. Креоан ужаснулся при мысли, какую легкую добычу нашли бы там воители.

— Вы, наверное, приплыли сюда с острова, который находится далеко в море? — спросил он, и повелитель кивнул в ответ.

Беседа продолжалась долго, и прежде чем лодки достигли устья, Креоан выяснил все, что его интересовало. Оказалось, береговая линия тянется с севера на юг, а вдоль нее, не прерываясь, недалеко от побережья тянутся гряды холмов, которые эти люди никогда не пересекали: они слишком зависели от лодок и не желали рисковать, пускаясь в сухопутные путешествия. Скорее всего, думал Креоан, лодки и реки занимают в их жизни такое место, что они не представляют себе, как можно жить вдаль от воды, а если и можно, то уж, наверняка, не в городах, которые в состоянии сделать их повелителя королем.

Язык у повелителя развязался, и он начал рассказывать о легендарных походах своих предков, словно показывая путешественникам, идущим к звезде, что и они не лыком шиты. Креоан был несколько удивлен,— эти рассказы очень напоминали те, которые он слышал от Историков у себя дома. Раса, к которой принадлежали эти мародеры, оставила глубокий след в мировой истории.

— А куда вы направляетесь сейчас? — спросил Креоан, когда небо начало светлеть, а звук прибоя предупредил их о том, что рядом море.

— Мы поплывем дальше,— безнадежно сказал повелитель.— Куда-нибудь... Может быть, где-нибудь остался хоть один населенный город.

Креоан поднялся, держась за плечо Чалит.

— Мы можем привести вас туда, где вы еще никогда не были,— сказал он.— Можем показать вам, где находится побережье, о котором вы не знаете.

Повелитель недовольно заерзал на скамейке: ему не нравилось смотреть на Креоана снизу вверх, однако встать он не решился, поскольку туфли его были неудобны, и он мог потерять равновесие.

— Куда же мы должны направиться? — спросил он.

Креоан посмотрел на небо и показал на стайку огоньков, улетающих перед рассветом из опустевшего города.

— Вы знаете, куда летят огоньки? — спросил он.

Повелитель покачал головой.

Тогда Креоан рассказал ему, как Ху вместе с друзьями растил стада, как они отправляли каждый день животных из долины в города. Он чуть не проговорился и не сказал о том, что и сами они пришли в долину из города, но вовремя спохватился и перешел к сути. Он сказал, что у огоньков скорее всего тоже есть место, где они размножаются и откуда их стайки каждую ночь улетаю́т в города, расположенные по обе стороны огромного океана. А значит, темнокожим воителям надо найти это место и направиться вслед за огоньками в новом направлении, где — кто знает! — могут оказаться и новые города.

— Ты, наверное, думаешь, что огоньки прилетают со сфезды, к которой вы идете,— недоверчиво сказал повелитель,— и хочешь использовать меня, чтобы я помог вам добраться до сфезды!

Креоан не собирался его переубеждать.

— Если вы заранее уверены, что ничего на этом побережье не найдете, разве что-нибудь потеряете, если отправитесь в новое место?

На лице повелителя отразилась напряженная внутренняя борьба: нежелание воспользоваться идеей, высказанной большими людьми, сменялось надеждой стать первым настоящим королем своего народа за дюжину поколений.

Наконец, мрачно глядя на Креоана, что должно было предвещать отказ, повелитель неожиданно произнес:

— Ладно! Поплывем за огоньками.

XV

Для Креоана это были тревожные мгновения. Он не был уверен, что сможет победить недоверие, которое вызывали у повелителя люди выше его ростом. Трудно было надеяться, что они с Ху завоевали у темнокожих человечков уважение и симпатию, победив тринадцать воинов. Несомненно, их будут держать под стражей в ожидании возможного вероломства. Но зато они были избавлены от долгих и бесплодных поисков в тех землях, которые они сейчас покидали.

В голове у Креоана родился план, но, к сожалению, у него не было возможности поговорить и обсудить его с товарищами — повелитель слишком внимательно за ними следил.

Лодки, качаясь, пробивались сквозь прибой там, где река впадала в море. Рассветное небо отражалось на бескрайней поверхности воды. Повелитель, сложив руки рупором, отдал флотилии приказ следовать за огоньками, и все без лишних слов подчинились.

Не обращая внимания на пленников, повелитель лег на скамью, свернувшись как ребенок и немедленно заснул.

Пленникам не оставалось ничего другого, как сделать то же самое. Они устроились на дне лодки и уснули, полные надежд.

Когда они проснулись, вокруг было только море, и берег они увидели лишь через четырнадцать дней.

Креоан сравнивал довольно простое путешествие Глира на пустынный остров с тем, как путешествовали эти человечки, и не переставал удивляться. Лодки для них были родным домом. Они спали, ели и пили, не покидая своих постов, положив весла на колени. Когда появлялась необходимость в пище, группа человечков ныряла в море и рыскала в окрестных водах с гарпунами в руках. Редко они возвращались без рыбы, моллюсков, или в крайнем случае сочных водорослей. Преодолев отвращение к пище из-за того, что ее приходится есть живой, Креоан и его товарищи должны были признать, что пища эта прекрасно насыщает.

На второй день, когда флотилия остановилась для такой экспедиции за рыбой, Чалит присоединилась к ныряльщикам. С точки зрения Креоана, это было довольно рискованной затеей, поскольку повелитель по-прежнему относился к пленникам с подозрением. Но, вернувшись с рыбиной, которую с трудом удерживали два человечка, Чалит вызвала всеобщее восхищение, и повелитель ничего не сказал.

Все пока шло по плану, но Креоана огорчало, что до сих пор у него не было возможности поговорить с товарищами, так как они сидели на самой корме — на расстоянии вытянутой руки от повелителя. Однако когда Чалит вернулась с добычей и внимание всех было обращено только к ней, Креоану удалось перекинуться с Ху несколькими словами. С тех пор, как они сели в лодку, Ху хранил молчание, видимо, размышляя о мертвом городе, в который и он сам, и его предки посылали ненужную пищу.

— Ху! — прошептал Креоан. — Что ты думаешь об этих людях?

Ху поднял густые брови и сплюнул в море:

— Согласен. Но зато они переправят нас в целости и сохранности через океан. К тому же они избавили нас от бессмысленных блужданий по берегу.

— Избавили вас от блужданий, — уточнил Ху. — Меня не волнует ваша идея заставить звезду изменить курс. Что сделал бы я, если бы был свободен, — так это вернулся бы домой и объяснил моим братьям, какими глупцами мы были всю жизнь! И еще одно. Когда наконец мы пересечем океан и, предположим, действительно найдем на том берегу городá, как ты сможешь жить, если эти кровожадные людишки их уничтожат?

Бросив на Креоана взгляд, полный печали, Ху снова погрузился в молчание.

Вскоре на борт вернулась Чалит, веселая и оживленная, и, раскинув по плечам волосы, села, обнаженная, чтобы высохнуть на теплом ветерке.

— Креоан! — крикнула она. — Ты должен научиться плавать и нырять! Под водой такая красота! Здесь совсем не так, как в прибрежных водах.

Креоан ничего ей не ответил, даже не улыбнулся, и обеспокоенная Чалит спросила, в чем дело. Креоан передал ей слова Ху, но она не успела ничего сказать в ответ — предводитель, с удовлетворением осмотрев добычу Чалит, вернулся на место и приказал флотилии двигаться дальше.

С этого дня ни одна охота не обходилась без Чалит, рыболовы признали ее своим вожаком. Креоан видел, что только один повелитель страдает от зависти к пленникам, которые выше его ростом, считая, будто именно они, или такие, как они, мешают ему обрести полную королевскую власть. Капитаны лодок вели себя так же, как их хозяин, но рядовые воины признали талант Чалит и не скрывали этого. Она могла уплыть гораздо дальше, чем они, нырнуть глубже и тащить тяжеленную добычу, нисколько при этом не уставая. С каждым разом она все дольше оставалась за бортом, испытывая терпение повелителя, пока однажды он не пригрозил ей, что они уплывут без нее, если она будет продолжать в том же духе. Внешне покорная, она прятала усмешку, и только Ху и Креоан видели, что ей ни капельки не страшно.

Ху по-прежнему не говорил ни слова, но у Креоана на душе было беспокойно. Картина, нарисованная Ху, казалась ему вполне правдоподобной: ведь, действительно, если на другом берегу океана они найдут новые города, а темнокожие воители их завоюют, он никогда себе этого не простит. Снова и снова он пытался найти выход, но понимал: при малейшем неверном движении они могут оказаться выброшенными за борт. Единственное, что им оставалось, это постараться остаться в живых и все решать на месте, когда придет время.

Стаи огоньков каждый день пролетали над их головой, подтверждая, что лодки следуют правильным курсом. Шли дни. Повелитель становился все более раздражителен, и Креоан часто ловил на себе его подозрительный взгляд. На пятнадцатый день, часа через два или три после рассвета, они увидели, что стайка огоньков в тускло-коричневых нарядах села на острове, появившемся на горизонте.

Великое волнение охватило всех пассажиров, даже. Ху очнулся от апатии и с интересом смотрел, как их лодка подплывает к поросшему зеленью берегу. Все на острове — земля, деревья, камни — было усеяно огоньками. Они роились, собирались в группы и, к удивлению Креоана, даже кричали.

— На эдод раз ты оказался прав,— сказал предводитель, по-прежнему восседая на корме.— Я очень надеюсь, что во всем остальном ты тоже был прав.

— Теперь нам надо всего лишь следовать за любой стаей огоньков, летящих дальше через море,— сказал Креоан и вновь почувствовал на себе осуждающий взгляд Ху.

Они заплыли в небольшую бухту. Отряд вооруженных воинов отправился на разведку и вернулся с двумя известиями: что остров необитаем и что огоньки пахнут, как хорошая еда. После этого лодки причалили, воины разбили лагерь. Было решено: они останутся здесь до тех пор, пока не станет ясно, в какое время и в каком направлении улетают отсюда огоньки.

Сам повелитель был очень обрадован, что неизвестные ему земли действительно существуют. Он ослабил надзор за путешественниками, и Чалит тут же исчезла. Временами ее можно было увидеть среди скал, торчавших из моря недалеко от берега. Ху тоже ушел и бродил в одиночестве по острову, поэтому Креоану не оставалось ничего другого, как заняться изучением жизни огоньков — этих странных существ, размножавшихся здесь, на острове.

Он узнал многое, о чем раньше не имел представления. Огоньки гнездились на высоких скалах, откуда группы новорожденных огоньков спрыгивали, испытывая свои еще не светящиеся крылья. Они добывали себе пищу, роняя раковины моллюсков на камни с высоты или вылавливая рыбешку, неосторожно появлявшуюся на поверхности воды. Но поведение взрослых огоньков, причина их полетов в гора, которые уже не нуждаются в освещении,— это по-прежнему оставалось для Креоана тайной, подтверждающей слова Моличанта о способностях человечества, утраченных навсегда. Не было сомнения, что именно вмешательство человека заставило огоньков вести себя таким образом. Но также было очевидно: теперь, спустя тысячелетия, тот же самый человек обо всем этом может только догадываться.

В конце дня уставший Креоан вернулся в лагерь. Ужин был уже готов, и он взял кусочек жареного огонька. Как и предполагали разведчики, мясо огонька оказалось очень вкусным.

Чалит не возвращалась, и Креоан начал волноваться. Он долго сидел у костра и ждал ее, хотя с удовольствием бы лег спать, как все остальные. Наконец она появилась, оживленная, легкая, с сияющими фосфоресцирующими волосами.

— Где ты была? — Креоан не мог скрыть тревогу.— Я волновался!

— В море, конечно,— небрежно ответила Чалит.— Ты же знаешь, как меня притягивает море!

— В такой ситуации ты могла бы...— Креоан вдруг понял, что говорит слишком громко, и перешел на шепот.— В такой ситуации ты могла бы отказаться от удовольствий! Неужели ты не понимаешь, что Ху абсолютно прав: из-за моей болтовни другому матерiku угрожает та же зараза, которая погубила города на нашем побережье.

Весь вечер, сидя у костра и поджидая Чалит, он пытался придумать, как защитить неведомый город от завоевателей и в то же время самим остаться в живых.

— Что толку говорить об этом? — пожала плечами Чалит. — Если бы не встреча с этими людьми, мы потратили бы месяцы, а то и годы, бродя по побережью и не находя ничего, кроме их ужасных следов и запустения. Что касается их самих, то они довольно симпатичны, хотя амбиции их повелителя мне отвратительны.

— Конечно! — согласился Креоан. — Поэтому я и не понимаю, как ты можешь быть такой беспечной. Ведь они, как снег на голову, свалятся на ничего не подозревающих людей.

— Я беспечна, возможно, потому что чувствую: наша цель высока, и Земля на нашей стороне.

Эти слова показали Креоану настолько безответственными, что он чуть не взорвался от негодования, но Чалит приложила палец к губам и показала глазами на берег. К ним шел один из стражников, и продолжать разговор явно не стоило.

Это была их последняя возможность поговорить друг с другом — на рассвете лодки снова отправились в путь вслед за цепочкой огоньков, которые, как и предсказывал Креоан, летели к дальнему берегу.

Креоан чувствовал, что его депрессия усиливается, но ничего не мог с собой поделать. Море было спокойно, гребцы ритмично налегали на весла, хотя ощущалось, что они устали; день сменял ночь, и остановки для ловли рыбы были такими же частыми, как и раньше. Все было по-прежнему, кроме одного: когда бы Креоан не смотрел за борт, ему казалось, что за ними под водой следует нечто странное, напоминающее коричневый камень размером не меньше их лодки. Однако, возвращаясь с рыбной ловли, никто не сообщал ни о чем необычном, и в конце концов Креоан решил, что это ему мерещится.

XVI

— Мы совсем близко от берега, — прошептала Чалит, влезая в лодку после очередной рыбалки на двадцатый день плавания.

— Откуда ты знаешь? — спросил Креоан. — Изменилась растительность?

— Нет, дело не в этом, — ответила Чалит, выжимая волосы.

— А в чем? — не понял Креоан.

С тех пор, как они покинули остров огоньков, он пытался определить, в чем причина ее совершенно беспочвенного, на его взгляд, оптимизма. Он с невероятной тревогой ждал развития событий, которые сам спровоцировал, а она была абсолютно спокойна. Постепенно у него сложилось впечатление, что она просто не понимает, какую серьезную опасность представляют темнокожие воители для ничего не

подозревающего города. Но поскольку Креоан знал, что отсутствием воображения Чалит не страдает, ее поведение было для него загадкой.

Ху, который тоже всю дорогу, очевидно, размышлял о несчастном неведомом городе, посмотрел на Креоана и покачал головой:

— У тебя осталось слишком мало времени, чтобы что-то придумать.

Чалит удивленно взглянула на Ху:

— А что он должен придумать?

— Ты прекрасно знаешь, о чем я говорю! — воскликнул Ху.

— Ну, насчет этого ты можешь не беспокоиться, — сказала Чалит, будто только теперь поняла, о чем идет речь!

Креоан с удивлением посмотрел на нее, но в это время повелитель вернулся на свое место, и все замолчали.

Креоан думал о словах Чалит и терялся в догадках. Наступил вечер, над их головами пронеслась вереница огоньков. Они беспорядочно кружились в воздухе, пока не скрылись за горизонтом. Ночь сгущалась, и пролетавшие огоньки становились все ярче.

Внезапно повелитель вскочил на ноги, забыв об осторожности.

— Дам город! Город! — закричал он. — Дам новый город, который мы завоюем!

Радостный шелест пролетел по лодкам, и гребцы с новой силой навалились на весла. Повелитель вернулся на свое место и, не спуская глаз с пленников, положил руку на рукоять любимого топора.

Креоана охватил страх: смогут ли они живыми добраться до берега? Чалит тем не менее казалась абсолютно безмятежной и даже задала повелителю провокационный вопрос:

— Разве не опасно приближаться к незнакомому берегу в темноте? Можно разбиться о подводные камни!

— Мои люди достаточно опытни, — самодовольно ответил повелитель и после паузы обратился к пленникам. — Ну что же, большие люди, я тумаю, вы сполна заплатили мне за тех двенадцать воинов, которых уничтожили. Вы нам больше не нужны.

— Что это значит? — спокойно спросил Ху и поднялся.

Сердце у Креоана упало: победная ухмылка повелителя слишком ясно говорила о его намерениях. Но Чалит была все так же спокойна, она лишь шепнула своим товарищам, тихо, чтобы не услышал повелитель:

— Теперь вам придется научиться плавать!

Ни за что на свете, подумал Креоан, повелитель не допустит, чтобы они прыгнули за борт. Но в это мгновение Чалит резко наклонилась, схватила один из топоров, лежавших на корме, и швырнула его в воду.

— Сейчас! — крикнула она и бросилась в море.

Повелитель, красный от негодования, вскочил на ноги; гребцы, схватив оружие, хотели кинуться на Креоана и Ху, но лодка вдруг содрогнулась от страшного удара. В ее днище образовалась огромная пробоина, в лодку хлынула вода, началась паника.

Реакция Ху была мгновенной: он с силой толкнул Креоана и вместе с ним прыгнул за борт. Не прошло и минуты, как к ним подплыла Чалит и велела освободиться от одежды.

Почти не умеющий плавать, испуганный Креоан все же не потерял самообладания. Он стянул с себя прилипшие брюки и сразу почувствовал, насколько легче стало держаться на воде. В это время начали опрокидываться и другие лодки, атакованные каким-то невидимым существом, которое продырявливало их или вытряхивало из них коричневых человечков.

Прошло еще несколько минут, и вдруг Креоан, к своему изумлению, увидел в воде рядом с собой странное лицо — широкое, как грудь мужчины, а на нем нечто похожее на улыбку, причем находилось это лицо на коричневом похожем на камень, туловище, которое он и видел за бортом.

Чалит подплыла к существу и, жестикулируя, сказала ему какие-то слова благодарности. Существо завильало хвостом, будто смущаясь, и Креоан даже подумал, что сейчас оно покраснеет. Чалит сделала знак друзьям, они ухватились за мускулистые плавники животного, а Чалит — за хвост, и существо поплыло к берегу. Хотя оно тащило трех пассажиров, двигалось же на удивление быстро, и очень скоро темнокожие человечки остались позади.

Огоньки в небе становились все ярче, берег был уже совсем рядом, и вскоре ноги путешественников коснулись дна. Они отпустили плавники, морское животное круто развернулось и остановилось перед Чалит. Та похлопала его по огромной голове, причем сделала это очень ласково, и существо исчезло.

Друзья стояли по грудь в воде и смотрели на берег. Там был город, хотя и не такой, в каком жили Креоан и Чалит. Возле берега качались на волнах маленькие лодки, на деревянных кольцах сохли рыбацкие сети. Все говорило о присутствии людей, и настроение у Креоана начало улучшаться.

— Как тебе удалось это сделать? — спросил Ху у Чалит, мгновенно забыв про свою меланхолию.

— Когда-то очень давно эти существа были товарищами и слугами человека, — ответила девушка. — Я встречала много таких созданий. Такое же животное принесло мне золотой шлем с острова, куда плавал Глир. Ты помнишь, Креоан?

— Да, — кивнул Креоан, казалось, с тех пор, как она рассказывала ему об этом, прошло сто лет.

— Оно было так радо, когда встретило меня — первого человека за много сотен, если не тысяч лет... Оно сразу согласилось плыть за нами и сторожить нас. Мы договорились, что если я брошу оружие за борт, оно ударит носом в дно лодки.

— Мне бы хотелось поблагодарить его, — искренне сказал Креоан.

— Ему достаточно и того, что оно расскажет своим собратьям удивительную историю, которая с ним произошла. Однако надо спешить. Скоро здесь появятся темнокожие человечки, вряд ли мы их намного опередили. Они, конечно, будут напрягать все силы,

чтобы поскорее добраться до берега. Мы должны предупредить людей...

— Они как раз идут сюда,— прервал ее Ху, показав на берег.

Вниз к морю шла группа людей — мужчин и женщин. У них были темные, глубоко посаженные глаза и кожа желтая, как старое золото. На некоторых из них были развевающиеся белые и голубые мантии, на других — короткие куртки довольно непрезентабельного вида, а на ногах — сандалии с деревянными подошвами. Все они были разного возраста, а самый старый среди них оказался и самым высоким — на полголовы выше Креоана. Они возбужденно переговаривались, но, услышав их, Креоан погрузнел: он не мог понять ни единого слова.

Тем не менее он пошел к ним навстречу, догадываясь, какое удручающее впечатление производит: голый, лохматый, со спутанной бородой, но зато чистый после вынужденного купания.

Желтый человек, очевидно главный в этой группе, задумчиво посмотрел на пришельцев и обратился к ним на неизвестном мелодичном языке. Креоан молчал и с тревогой думал о том, что у этих людей нет с собой оружия — смогут ли они противостоять темнокожим воинам? Наконец, он догадался спросить:

— Кто-нибудь из вас говорит на нашем языке?

Мужчина и женщина в голубых мантиях ответили одновременно, причем оба говорили гораздо лучше, чем темнокожие человечки:

— Кое-кто говорит.

— Тогда слушайте! К вам плывет банда темнокожих убийц! Правда, без лодок. Лодки их утонули.

— Человечки? — спросила женщина, одетая в голубое.

Креоан кивнул. К его величайшему изумлению, женщина весело рассмеялась. Мужчина в голубом повернулся к остальным и начал переводить новость, а женщина обратилась к Креоану.

— Меня зовут Лианг-Лианг, я изучаю историю и знаю, что в прошлом маленькие темнокожие люди много раз пытались завоевать нас, но мы без особого труда их прогоняли. На этот раз благодаря вашему предупреждению это будет проще, чем обычно.

— Темнокожие человечки бывали здесь и раньше? — удивился Креоан. — Но они не знают даже, что на этом берегу океана есть обитаемые земли!

— Вполне возможно, что эти действительно не знают, — пожала плечами Лианг-Лианг. — Их тщеславие так же велико, как малы их тела, и поскольку военные авантюры им не удаются, они, несомненно, придумывают утешительные небылицы и стараются забыть о своих поражениях. Последний раз они посещали наш берег три поколения назад.

Креоан вспомнил, как тяжело он страдал, думая о предстоящем набеге человечков на неведомый город, и улыбнулся. Лианг-Лианг сочувственно покачала головой.

— Нам бы не хотелось выглядеть неблагодарными по отношению к вам, испытавшим такие лишения ради того, чтобы предупредить...

нас,— сказала она.— Пойдемте с нами в город, мы накормим вас и оденем, вы сможете отдохнуть.

Группа разделилась: юноши и девушки в куртках побежали вдоль берега, а предводитель, тронутый историей Креоана, которую ему перевели, спокойно отдавал распоряжение остальным. Лианг-Лианг пригласила пришельцев пойти вместе с ней.

Некоторое время они шли по мягкому песку, потом мимо дюн, поросших жесткой травой. Пройдя еще шагов сто, они оказались в городе, который Креоану и Чалит показался очень странным: дома в нем были построены людьми, а не росли из семян. Выглядели они просто — низкие, прямоугольные, с участком земли, на котором росли ровными рядами фруктовые деревья. Судя по всему, это общество сильно отличалось от того, в котором жил Креоан. А вдруг они именно здесь узнают то, что поможет предотвратить катастрофу? В конце концов, убеждал себя Креоан, эти люди хотя бы выслушают его с сочувствием.

— Креоан! — сказала вдруг Чалит.— Посмотри!

То, что он увидел, повергло его в уныние. В центре маленькой площади стояло массивное приземистое здание, напоминающее Дом Истории в его родном городе. И он понял, что надеяться не на что: несомненно, и эти люди слишком привязаны к прошлому и потому вряд ли смогут заинтересоваться еще не наступившим будущим.

— И здесь то же самое...— пробормотал он и опустил голову.

XVII

Их привели в один из домов и дали мантии из белого мягкого материала и плетеные сандалии. Лианг-Лианг собственноручно подстригла волосы и бороды Креоана и Ху. Высокий юноша принес три маленьких подноса на треножниках, на них стояли чашки с сытным и вкусным супом, лежали пышные булочки с начинкой из моллюсков и мелкие красные ягоды, политые медом. Путешественники ели и чувствовали, как к ним возвращаются силы.

Хозяева не спрашивали пришельцев об их встрече с темнокожими воителями, вероятно, ожидая, когда те сами об этом заговорят, но Креоан вполне допускал, что вопросов они не задают просто из-за отсутствия любопытства.

Через некоторое время появился другой юноша и, ухмыляясь, начал что-то рассказывать Лианг-Лианг на местном диалекте. Та выслушала его, кивнула и обратилась к гостям:

— Если вы не очень устали, вы можете вернуться к морю: мой друг сказал мне, что некоторые человечки уже подплывают к берегу. Прием, который мы им собираемся устроить, думаю, вас развлечет.

— Я устала,— сказала Чалит, поднимаясь с подушек,— но пропустить зрелище, о котором вы говорите, не могу.

— Тогда пойдемте,— улыбнулась Лианг-Лианг, и все трое отправились на берег.

Она повела их к морю другой дорогой, и вскоре они оказались на высоком обрыве, заросшем густым цветущим кустарником.

Лианг-Лианг развела ветки, и они увидели то место на берегу, куда недавно приплыли сами и где теперь стояла группа темнокожих воителей, построившись в виде подковы. Креоан догадался, что это те немногие, которым удалось сохранить оружие. Теперь они держали его наготове и дико озирались.

Под защитой этого вооруженного полукольца стояли безоружные воины, вымотанные долгим плаванием: они кашляли, растирали затекшие мышцы, массировали друг друга. В это время подплыли еще два или три человека. Они ползли на четвереньках по дну, и несколько воинов поспешили помочь им выбраться на берег. Огоньков над берегом было почему-то значительно меньше, чем раньше, и Креоан шепотом спросил у Лианг-Лианг, куда они делись. Женщина ответила, что огоньки по случаю предстоящего мероприятия были специально отозваны.

— Непонятные предметы, почти не видимые в сумерках, — главное, на что мы рассчитываем, — добавила Лианг-Лианг.

— Но в чем состоит ваш план? — полюбопытствовал Креоан.

— Среди деревьев и кустов сидят, невидимые, как и мы, наши люди. Вы сейчас увидите, что они будут делать — я уже чувствую запах дыма.

Вскоре запах дыма почувствовали и темнокожие человечки. Они стали подозрительно принюхиваться, а те, которые находились внутри кольца, вышли оттуда и присоединились к наружной группе. Потихоньку один край берега скрылся в дыму, и вдруг из дыма возникла фигура раз в пять выше человеческого роста, со шлемом на голове и огромным поднятым мечом. В клубах дыма появилась другая такая же громадная фигура, потом еще одна, и все они стали медленно приближаться к темнокожим человечкам. Глаза великанов горели дьявольским огнем, а изо рта торчали огромные фосфоресцирующие клыки.

Ху испуганно вскрикнул, но Лианг-Лианг сделала успокаивающий жест рукой.

— Это всего лишь гигантские куклы, — прошептала она. — В глазах у них фонари, а зубы намазаны специальной жидкостью.

Креоан кивнул — он это понял безо всякого объяснения. Но когда раздался зловещий голос, напоминающий раскаты грома, он не смог скрыть удивления. Казалось, одновременно заговорила сотня человек:

— Я ВИ-ЖУ ВАС, ЧЕ-ЛО-ВЕЧКИ!

— Это наш знаменитый певец Тран-Нионг, — тихонько сказала Лианг-Лианг. — Он говорит в длинную деревянную трубу — она усиливает звук. А теперь смотрите, как улетучивается храбрость этих маленьких дурачков!

Действительно, одни из них упали на колени, другие, побросав оружие, устремились во тьму. Повелитель, которого Креоан с трудом узнал, поскольку тот потерял в море туфли и был такого же роста, как все, громко кричал от ярости и бил своих подданных ногами и кулаками. Это не давало желаемого результата, и он, схватив с земли чей-то топор, замахнулся на того, кто оказался рядом. Человечек,

разрубленный от плеча до бедра, упал, и это было последней каплей, переполнившей чашу терпения человечков. Даже самые стойкие из этого маленького войска не смогли вынести того, что с ними расправляется их собственный повелитель, и бросились кто куда: одни бежали к морю, другие ныряли в кусты, где их поджидали местные жители и без труда захватывали в плен. Вскоре повелитель остался на берегу один, топая ногами и угрожая великанам, которые опустили мечи и, опираясь на них, с удивлением его рассматривали.

— Сразимся! — кричал маленький повелитель. — Сразимся, я вам говорю!

В ответ фигуры посмотрели друг на друга, одновременно пожали плечами и, повернувшись спиной к взбешенному повелителю, пошли прочь. Этого маленький завоеватель выдержать не смог. Вопя от бесильной ярости, он бросился на острее собственного меча.

Наступила тишина. Казалось, победители огорчены победой. Наконец Ху сказал:

— Если бы я был одним из них, то подумал бы, что это земля дьяволов!

— Главное, что их поразило, — громадный рост врага, — задумчиво проговорила Лианг-Лианг. — Если бы они не покинули родные земли, чтобы завоевать другие, они не стыдились бы своего роста, поскольку даже бы не знали, что люди бывают другими. А такие, как они, завистливы, и их легко победить. Но подобная победа не из приятных, и многие из нас будут теперь плохо спать ночами!

Она отвернулась, чтобы не видеть тело, истекающее кровью.

— Я представляю себе, как вы устали, — сказала она после паузы. — Не вернуться ли вам в ваше жилище?

Друзья отправились за ней, и больше не было произнесено ни слова. Когда они вышли на площадь, где стояло массивное здание, Креоан спросил:

— Скажи, Лианг-Лианг, это не Дом Истории?

— Древо Истории, — поправила его Лианг-Лианг. — Здесь люди, посвятившие себя истории, изучают прошлое всего нашего рода. Я тоже тут провожу все свое время. А вы видели такие дома где-то еще?

— Вы используете их только для того, чтобы собирать знания? — не отвечая на ее вопрос, продолжал спрашивать Креоан.

— Конечно! — Лианг-Лианг была удивлена. — Разве они могут служить для чего-то еще?

— У нас... — начал Креоан и запнулся. Но потом все же рассказал об Историках в своем родном городе.

Лианг-Лианг была возмущена.

— Но это недостойно! — воскликнула она. — Наши Древа не доступны тому, кто хотел бы провести жизнь в мечтаниях. Разве вы видели, чтобы... чтобы художник отдавал свои краски ребенку, который хочет малевать на стене? Это пособия для нашего труда, и они бесценны. Кроме того, у нас есть большой проект. Мы анализируем и располагаем в правильной последовательности все воспоминания, которые содержат наши Древа, чтобы составить полную

историю существования человека. Когда проект будет завершен, мы надеемся вырастить последнее и окончательное Древо, устроенное так, что человек сможет войти в дверь и, медленно пройдя все Древо насквозь, увидеть полную панораму человеческой истории.

— Неужели вам удастся это сделать? — недоверчиво покачал головой Креоан.

— Мы надеемся, — ответила Лианг-Лианг. — Эти Древа выращены не нами — они были привезены сюда во времена Усовершенствования Человека, тысячу лет тому назад. А наше общество работает над проектом не более трех столетий. Но мы ежедневно собираем все новые сведения и уже полностью изучили и проанализировали прошлое вплоть до Лимерианской Империи, существовавшей, как известно, четырнадцать тысяч лет назад.

— Но Древа появились значительно раньше, — сказал Креоан. Ему говорил об этом Моличант.

— Боюсь, что так, — согласилась Лианг-Лианг. — Но когда-нибудь мы все-таки овладеем полным знанием. я уверена. Ну вот мы и пришли!

Она толкнула дверь небольшого низенького дома и впустила гостей.

— Здесь вы будете жить, — сказала она. — Надеюсь, вам тут понравится.

Весь дом состоял из одной-единственной комнаты, большой и просторной, вдоль стен которой лежали большие стопки ярких, разноцветных подушек. С потолка свисали необычные украшения: мастерски вырезанные звенящие конструкции из колокольчиков и металлической проволоки, живые цветы в маленьких фарфоровых вазочках. В углу комнаты находился высокий желоб, сделанный из темно-синего стекла, и по нему текла теплая вода. Чалит прямо с порога побежала к желобу и погрузила в него руки, всем своим видом выражая удовольствие. Ху повалился на подушки, не в силах больше сражаться с усталостью.

Креоан же, едва взглянув на жилище, остался стоять на пороге. Лианг-Лианг встревожилась, решив, что ему что-то не нравится.

— Нет, я восхищен! — словно очнувшись, воскликнул Креоан. — Просто я думаю о том, что вряд ли вам удастся осуществить ваш грандиозный проект.

— Почему? — спросила Лианг-Лианг, и голос ее задрожал. — Мы достаточно настойчивы и упорны!

— Нет-нет, ты не так поняла меня. — Креоан глубоко вздохнул. — Вы не думали о том, каким образом мы попали в руки темнокожих воителей и почему очутились так далеко от родного города?

— Конечно, думали. Но у нас не принято заставлять пришельцев рассказывать о себе. Наше дело — проявить гостеприимство.

Креоан слишком устал и был не в силах объяснять, что гостеприимство не самая важная вещь на свете. Поэтому он просто рассказал Лианг-Лианг об ужасном открытии, которое заставило его и Чалит отправиться в путешествие.

— Все это очень серьезно,— сказала Лианг-Лианг.— Прошу прощения, что не сразу поняла ваши некоторые замечания. Я должна сейчас же сообщить эту новость Кионг-Бину, нашему руководителю,— вы его видели на берегу, когда вышли из моря. А завтра или в самое ближайшее время мы обсудим это на общем собрании. Положитесь на меня и отдыхайте спокойно. Ваше сообщение будет принято во внимание.

Поклонившись, она вышла.

— Ну? Что вы думаете? — спросил Креоан притихших друзей.— Кажется, это рассудительные и надежные люди. Не исключено, что они смогут предотвратить катастрофу.

— У них богатый запас знаний,— согласился Ху и сладко зевнул.— Но все же говорить о чем-либо еще рано.

Он повернулся на бок и тут же заснул.

— Чалит...— сказал Креоан.

Но она уже сбросила мантию и залезла в желоб с водой, радуясь возможности смыть морскую соль. Подумав, Креоан решил, что вряд ли он сможет придумать что-нибудь более умное, и последовал ее примеру.

XVIII

Утром их разбудил тот же юноша, который вечером приносил им еду. На этот раз он принес на подносах одинаковые на вид шарики величиной с кулак — когда их разрезали, они оказывались наполненными различной начинкой: одни сладкие, другие кислые, третьи соленые, но все чрезвычайно вкусные. Через некоторое время пришла Лианг-Лианг. Судя по тому, как она выглядела, выспаться этой ночью ей не удалось. Нетерпеливо ожидая, когда они закончат завтрак, она тем не менее не торопила их и, пока они ели, рассказывала о происхождении и жизни своего общества, тонко намекая, что культ Историков существует не только там, откуда пришли Креоан и Чалит. После этого она все-таки сообщила друзьям, что с ними хочет встретиться Кионг-Бину: новость, которую они принесли, его весьма заинтересовала.

Боясь показаться невежливыми, а главное — желая поскорее узнать, действительно ли здешние люди готовы бросить вызов падающей звезде, путешественники прервали завтрак и немедленно отправились к Кионг-Бину на аудиенцию. По дороге Креоан засыпал Лианг-Лианг вопросами о нравах и порядках, существующих в их обществе. Он спросил, почему многие жители носят длинные мантии, причем одни — белые, другие — голубые, а остальные ходят в коротких куртках, и часто в рваных и грязных.

— Мантии,— объяснила Лианг-Лианг,— одежда тех, кто участвует в осуществлении грандиозного проекта, о котором я рассказывала вам вчера ночью. Голубой цвет говорит о том, что этот человек посещает Древа Истории и там собирает воспоминания, которые возникают в мозгу благодаря незаметным нервным импульсам... Но я напрасно вам это объясняю: ведь вы пришли сюда из города, где

тоже растут Древа Истории, хотя их и используют для недостойных целей. А белые мантии носят те, кто занимается анализом собранной информации. Они ее суммируют и записывают, где и кем она была получена. Что же касается курток — их носят все остальные. Они вполне могли бы ходить и вообще без одежды, но считается, что одеваться — значит, выражать поддержку проекту. А рваная на тебе одежда или нет — это не имеет никакого значения.

Такая жесткость системы была Креоану не по вкусу, но он подавил сомнения.

— И все-таки что делают те, кто носят куртки? — спросил он.

— Они выполняют работу, необходимую для содержания ученых в нашем обществе, — пожала плечами Лианг-Лианг. — Эта работа, наверное, одинакова во всех частях света: готовить, убирать, носить тяжести, собирать фрукты, ловить рыбу. Она слишком скучна и монотонна, чтобы ею занимались интеллектуалы.

— Значит, вы нам оказали незаслуженную честь, одев нас в эти мантии?

— Я не думаю, что незаслуженную... В конце концов путешественник тоже собирает и анализирует информацию, не так ли? К тому же после того, что вы рассказали вчера ночью, мне стало ясно, что вы — предсказатели, такие же, какими были наши предки, пока вели кочевой образ жизни. Ну вот мы и пришли. Подождите, пожалуйста, я доложу о вас.

— Предсказатели! — взорвался Креоан. — Нет, я...

Но Лианг-Лианг уже вошла в дом. Взмолванный, он стоял вместе с Ху и Чалит перед жилищем Кионг-Бину и с интересом его рассматривал. В доме, очевидно, было несколько комнат — он с трудом помещался между двумя Древами Истории, как их здесь называли, находясь в тени их веток. Его карниз украшали странные символы, и некоторые из них Креоан узнал — их носили на одежде Историки в его городе. Но большинство символов было ему совершенно неизвестно — вероятно, они относились к тем периодам прошлого, которыми Историки у него на родине не занимались.

Путешественников пригласили в дом, и они вошли в большой зал, у дальней стены которого на высоком троне с подлокотниками сидел Кионг-Бину. Такого роскошного трона они никогда не видели и решили, что только преклонный возраст Кионг-Бину или его положение дают ему право сидеть на нем. Для посетителей перед троном стояли низкие табуретки; на одну из них села Лианг-Лианг, на две других — мужчина средних лет, представленный как Ненг-Иду, и ясноглазая девушка с живым лицом — Кионг-Ла, внучка Кионг-Бину.

Глава общества поздоровался с путешественниками и задал несколько вежливых вопросов относительно их здоровья, отдыха и прочего. Все это Лианг-Лианг аккуратно перевела, и, наконец, беседа коснулась главного. Первая же фраза хозяина повергла Креоана в уныние, хотя те несколько слов, сказанные Лианг-Лианг у входа в дом, должны были его подготовить.

— Я понял, что ты — могущественный предсказатель, — сказал Кионг-Бину, обращаясь к Креоану, — и предсказал, что с неба упадет

звезда и не даст нам завершить нашу работу. Прорицание, увы, — утраченное нами искусство. Вероятно, это произошло потому, что такое глубокое погружение в прошлое, как наше, не может сосуществовать с предсказанием будущего. Но, разумеется, нас это очень волнует, и мы хотели бы узнать как можно больше.

Креоан взглянул на своих товарищей и увидел, что они также разочарованы, как и он. Реакция же окружения Кионг-Бину была иная. Ненг-Иду сидел с таким выражением лица, будто сообщение о грядущем конце света его совершенно не касалось, но на лице Кионг-Ла Креоан уловил живейший интерес.

— Не совсем правильно называть меня предсказателем, — проговорил он после паузы. — Я изучаю небо, а не предсказываю будущее. Попытаюсь объяснить, что привело меня к такому печальному пророчеству.

Так начался самый тягостный день в его жизни. Ему было тяжелее, чем даже тогда, на борту лодки с маленькими человечками, когда он думал о возможных последствиях своей болтливости. Этот день был тягостнее даже тех дней, когда он пытался вызвать интерес к открытию у жителей родного города. Сейчас он испытывал другое. Не говоря о том, что после каждой фразы он должен был ждать, пока Лианг-Лианг переведет ее, у него было ужасное ощущение непреодолимой пропасти между тем, что он говорил, и тем, как они понимали его слова. Причем все они, включая и Лианг-Лианг.

И это происходило не потому, что они были невежественны. Нет, эти люди были хорошо осведомлены в области астрономии, хотя некоторые слова — такие, как «телескоп», были Кионг-Бину незнакомы, и значение их приходилось объяснять. В пользу этих людей говорило и то, что они не жили лишь ради настоящего. Креоан считал, что общество, интересы которого сконцентрированы на изучении периода истории продолжительностью в сотни тысяч лет, должно иметь широкие взгляды. Кроме того, уважая способность предков предвидеть будущее, эти люди перенесли свое отношение и на пришельцев.

Но все же в их реакции на известие о близком конце света не было и следа того, что испытали Чалит, Креоан и даже Ху — этого чувства грядущей трагедии, из-за которого они и отправились в путь. Общий тон обсуждения был спокойным, лишенным каких бы то ни было эмоций, как будто речь шла о том, что случилось десять тысяч лет назад.

Кионг-Ла, похоже, более, чем другие, ощущала важность того, о чем он говорил, однако не смела сказать ни слова — по некоторым случайным фразам Креоан понял, что девушка оказалась здесь лишь потому, что упростила деда разрешить ей встретиться с пришельцами.

Наступил полдень. Принесли всевозможные кушанья. Беседа продолжалась с обстоятельностью, сводящей с ума: задавались вопросы, и прежде чем ответить на них, собеседники долго выясняли, в оди-

наковом ли смысле они употребляют те или иные слова. Соответствуют ли понятия «телескоп», «звезда», «годы», использованные Креоаном, терминам, которые употреблялись четырнадцать тысячелетий назад. Все более и более раздражаясь, Креоан взглянул на Кионг-Ла и удивился: она кусала губы и качала головой, показывая, что хорошо понимает, как ему скверно.

Ху тоже до смерти надоели все эти разговоры, и в конце концов он не выдержал.

— Пожалуйста, спросите Кионг-Бину, — обратился он к Лианг-Лианг, изо всех сил стараясь быть вежливым, — понимает ли он, что Креоан говорит правду, а если понимает, то собирается ли что-нибудь предпринять?

Лианг-Лианг с удивлением посмотрела на него.

— Что-нибудь предпринять? — переспросила она с таким видом, будто Ху сказал что-то неприличное.

В это мгновение на Креоана снизошло озарение: он понял, что будет дальше, и тут же пожалел, что понял.

— Да, предпринять! — выкрикнула молчавшая до сих пор Чалит.

— Но ведь я уже говорила, — терпеливо сказала Лианг-Лианг, — мы созываем общее собрание, на котором обсудим это как можно подробнее.

— И ничего больше?! — изумилась Чалит.

— А что возможно еще? — Лианг-Лианг была удивлена.

— Мы не знаем, — сказал Ху. — Но кто-нибудь из ваших ученых, может быть, знает?

— Это и выяснится на собрании, — Лианг-Лианг явно успокоилась. — Вполне возможно, что у кого-нибудь найдется дополнительная информация, и мы с радостью передадим ее вам. Знаниями нужно делиться — это основной принцип нашего общества.

Ху, Чалит и Креоан обменялись взглядами.

— И больше вам ничего не нужно? — спросил Креоан.

— Вы поделились своими знаниями с нами, мы поделимся своими с вами, что же еще?

В этот момент Кионг-Бину что-то сказал, и Лианг-Лианг перевела ему разговор. Чалит, еле дождавшись паузы, спросила:

— А собираетесь ли вы действовать, обретая новые знания?

Лианг-Лианг была потрясена до глубины души.

— Действовать? — переспросила она.

— Конечно! Вдруг окажется, что можно что-то сделать...

— Вы предлагаете нам испачкать руки трудом? — прервала Лианг-Лианг Чалит.

— Конечно, если...

— Ничего не конечно! — с негодованием крикнула Лианг-Лианг. — По-моему, вы превышаете права гостей! — Во-первых, вы заранее осуждаете решение общего собрания. Во-вторых, вы предлагаете делать нам неинтеллектуальную, черную работу. В-третьих, если я ошиблась во втором предположении, просите предоставить вам людей, чтобы они выполняли черную работу для вас! Но наше маленькое общество не может жертвовать никем ради чужих дел.

Это было уже чересчур.

— Но это работа не для нас! — с возмущением воскликнул Креоан. — Это работа для того, чтобы спасти планету Земля и всех живущих на ней, включая и вас! И если окажется, что кто-то, действительно знает способ, как спасти Землю, неужели Кионг-Бину не прикажет, чтобы...

Достаточно! — прервала его Лианг-Лианг. — Продолжать эту дискуссию не имеет смысла. То, о чем вы говорите, было возможно лишь в варварские периоды истории. Я не могу представить себе Кионг-Бину, приказывающего ученым испачкать руки! Это просто неприлично!

Она вскочила с табуретки и начала что-то возмущенно говорить Кионг-Бину и Ненг-Иду. Их лица стали каменными, они тоже поднялись, поспешно раскланялись и покинули комнату. Лианг-Лианг, стараясь не встречаться с гостями взглядом, последовала за ними. Кионг-Ла, однако, уходит не спешила. Она улыбнулась Креоану и спокойно проговорила:

Не переживайте! Мой дед абсолютно консервативен, он никогда не заглядывает вперед дальше, чем на шаг. Поэтому и окружил он себя людьми такого же склада. Но не все здесь такие. У меня есть друг, его зовут Паро-Мни. Он знает, как нужно себя вести на собрании, и у него будет возможность проявить свои таланты. Посмотрим, права ли я. Все будет хорошо, не переживайте!

Она опять улыбнулась и ушла.

XIX

— Не могу понять этих людей, — проворчал Ху, наверное, в тысячный раз.

Креоан вздохнул:

— Я тебе высказал свое мнение! По-моему, они так долго занимались изучением прошлого, что забыли о простой истине: всё когда-то происходит впервые. Они легко прогнали темнокожих вояк, поскольку проделывали это уже не раз, но, оказавшись в ситуации, не имевшей прецедентов, они просто не в состоянии ее воспринять и надеются, что она разрешится сама собой. Похоже, сегодняшнее собрание будет для них непрым.

— Чем бы ни кончилось это собрание, — сказала Чалит, — я сомневаюсь, что от них будет какая-нибудь практическая польза.

— Боюсь, что ты права. Но, как сказал Ху, у них огромные запасы информации. Даже если они откажутся делать что-то сами, боясь «испачкать руки», они, возможно, направят нас к кому-нибудь другому, не такому брезгливому.

— Вполне может быть, — обрадовалась Чалит. — Я об этом не подумала.

— Всё выяснится очень скоро, — пробормотал Ху. — Сюда идет Кионг-Бину.

Они сидели на высоком деревянном помосте в центре небольшого естественного амфитеатра, расположенного в стороне от моря.

Амфитеатр был заполнен людьми — их тут было две или три тысячи, все в длинных белых и голубых мантиях элитарных ученых. Самые молодые из них сидели прямо на траве, покрывавшей склоны, а те, кто были старше, — на табуретках или подушках под тентами, спасавшими их от солнца. Были здесь и простые люди — им разрешалось слушать, но не говорить — и то только в том случае, если они в это время были свободны от своих обязанностей. Все они, в коротких куртках, стояли по краю амфитеатра.

Возможно, и было нечто приятное в простоте и определенности жизни этих людей, но Креоан опасался, что и культура их так же жестка, как их отношения. А он не однажды слышал от Моличанта, что негибкое общество непременно разваливается и кому-то приходится на руинах собирать из кусков новые структуры, прежде чем общество начнет возрождаться.

Кионг-Бину, холодно кивнув путешественникам, занял место в центре помоста. С ним пришли Лианг-Лианг и Ненг-Иду, которые тоже взглянули на друзей холодно и отчужденно. После вчерашней встречи Лианг-Лианг избегала их, проследив, однако, за тем, чтобы они нашли дорогу к своему жилищу. Они надеялись, что Кионг-Ла подойдет к ним и представит их Паро-Мни — своему другу, о котором она говорила, и что ему, может быть, удастся склонить собрание на их сторону, но она не появилась.

Никто из них от этой дискуссии не ждал ничего хорошего. Изучая глазами толпу, Креоан пытался найти Кионг-Ла, но не мог — должно быть, она сидела слишком далеко, и узнать ее среди почти одинаковых золотокожих людей было невозможно.

Собрание началось с длинного и подробного вступления Кионг-Бину, голос которого, хоть и не слишком сильный, был везде хорошо слышен. Видимо, он привык говорить в этом амфитеатре и автоматически приспособлялся к естественному резонансу каменной чаши. Говорил он, разумеется, на родном языке, и Лианг-Лианг, сидевшая рядом с путешественниками, переводила им его речь бесцветным голосом. Креоан даже засомневался, правильно ли она переводит, но тут же решил, что не в ее характере обманывать и притворяться.

Как и следовало ожидать, Кионг-Бину начал свою речь с замечания, что каждый, кто делает предсказания, является предсказателем, таким же, какими были их предки, но в остальном его пересказ событий был совершенно точным. Он описал прибытие путешественников, упомянул о грозной звезде и в заключение рассказал о предсказании Креоана.

После этого выступило несколько человек из амфитеатра с кое-какими дополнениями и пояснениями. Это, как понял Креоан, были специалисты по тем периодам истории, когда пользовались приборами, подобными телескопу, и когда существовали такие понятия, как межзвездное расстояние. Выступления были вполне разумными, и Креоан снова начал надеяться.

Это был пролог к обсуждению, и продолжался он около часа. После этого Кионг-Бину предложил путешественникам высказаться, чтобы собрание, узнав все подробности, могло вынести правильное

решение. Креоан встал и заметил, что в разных местах аудитории тоже поднялись люди — как объяснила Лианг-Лианг, это были переводчики, готовившиеся переводить речь Креоана для тех, кто не знал его языка.

— Когда мы отправлялись в путь,— начал Креоан,— мы хотели всего лишь найти кого-нибудь, кто разделит бы с нами печаль о Земле, которая скоро должна будет погибнуть. Но с каждым днем нам становилось всё яснее: это само по себе бессмысленно. Мы поняли, что должны искать способ, как предотвратить катастрофу. Нам неизвестно, был ли в истории случай, чтобы маленький народ нашел в себе силы изменить курс звезды, но вы, изучившие историю доскональнее, чем кто бы то ни был, обладаете таким знанием.

Он подождал, пока переводчики перевели его слова, и хотел было продолжить, но в этот момент кто-то крикнул:

— Он прав! Мы должны им помочь! Дай мне слово, Кионг-Бину! Старый руководитель нахмурился:

— Не кажется ли тебе, что ты перебиваешь гостя, Паро-Мни? — недовольно спросил он.

Услышав это имя, Креоан поспешно сказал:

— Я с радостью его выслушаю.

— Хорошо,— вздохнул Кионг-Бину, и Паро-Мни поднялся с места.

Теперь Креоан увидел и Кионг-Ла, сидевшую рядом с говорившим — высоким мужчиной с копной непричесанных волос, которые он все время откидывал назад.

— Друзья, мы посвятили свою жизнь осуществлению грандиозного проекта — анализу Истории Человечества. Если произойдет катастрофа, вся наша работа окажется бессмысленной и пропадет зря. Поэтому мы должны на некоторое время оторваться от своих занятий и попытаться найти необходимые знания, чтобы...

Ему не дали договорить. В амфитеатре разразилась буря. Лианг-Лианг без всякого выражения переводила некоторые выкрики:

— Мы не можем оставить нашу работу!

— Неужели мы испачкаем руки черной работой?!

— Не желаем, чтобы наши дети были рабами!

С невыразимым удивлением Креоан смотрел на бушующую толпу. Не сошли ли эти люди с ума?

— Я хочу ответить Паро-Мни,— бесстрастным голосом сказал Ненг-Иду, сидящий на помосте.

Кионг-Бину кивнул в знак согласия, и Ненг-Иду заговорил.

— Я не согласен с тобой, Паро-Мни. Мое мнение — это подает нам знак неумолимая судьба. За те двести восемьдесят восемь лет, которые остались человечеству, мы как раз должны завершить наш труд! Подразумевается, что когда закончится изучение Истории Земли, будет выполнена цель человеческого рода. Мы не должны отвлекаться. Мы обязаны завершить наше славное дело, и после этого ничто для нас уже не будет иметь значения.

Энергичные кивки и крики поддержки были ответом на выступление Ненг-Иду. Ху заскрежетал зубами, а Чалит с такой силой сжала пальцы Креоана, что ему стало больно.

Однако Паро-Мни остался стоять, ожидая, пока затихнет шум и, когда всё успокоилось, сказал:

— Кионг-Бину, я не закончил. Могу я продолжать?

Кионг-Бину недовольно кивнул.

— Я хочу возразить Ненг-Иду! — решительно начал Паро-Мни. — Досконально изучив историю, можно сделать единственный вывод: так называемая «неумолимая судьба» есть не что иное, как порождение человеческой слабости. Неужели мы настолько бессильны? Неужели мы готовы смириться с мыслью, что наши дети, которые, если пользоваться вашей терминологией, никогда не станут рабами, — будут сожжены заживо? Нам должно быть стыдно перед отважными пришельцами, которым, может быть, не хватает знаний, которым, может быть, не хватает силы, но которые в избытке наделены ЦЕЛЕУСТРЕМЛЕННОСТЬЮ!

Он провел рукой по волосам и сел. Споры вспыхнули с новой силой, и скоро стало ясно, что Кионг-Бину уже не в состоянии их погасить. Это продолжалось так долго, что Лианг-Лианг оставила попытки переводить то, что говорили разгоряченные ораторы. И когда все уже вконец обессилели, сквозь шум прорезался спокойный звонкий голос Кионг-Ла.

— Я предлагаю компромисс, — сказала она, обращаясь к деду. — Я могу говорить?

— Что ж, говори, — сказал старик, пожав плечами.

— Вы видите, что мнения разделились и собрание не может принять решение. Я думаю, каждый должен поступать так, как ему диктуют его убеждения. Пусть тот, кто хочет, поможет пришельцам в поисках информации. Пусть остальные, которые не хотят этим заниматься, вернутся к своим обычным делам.

Последовала долгая пауза, напряжение спало, и люди, удовлетворенно кивая головами, начали вставать с мест. Кионг-Бину объявил, что это единственно правильное решение, и закрыл собрание.

Как только он, а вслед за ним и Ненг-Иду ушли, Паро-Мни и Кионг-Ла подошли к помосту.

— Ну, — с улыбкой сказал Паро-Мни, — как вам понравилось наше прекрасное общество ученых?

Ху больше не мог сдерживаться.

— Если все на нашей планете так же близоруки, — с негодованием воскликнул он, — пусть они поджарятся на гигантском костре — ради таких не стоит даже пошевелить пальцем.

— Но все-таки мы кое-чего добились, — сказала Кионг-Ла. — Мы наставили нос моему деду и этому самодовольному дураку Ненг-Иду. Вы когда-нибудь встречали подобную надменность? Даже Геринты не считали свои идеи высшим достижением человеческого разума!

— Но чего мы, собственно, достигли? — осторожно спросила Чалит.

— Многого! — вмешался Паро-Мни. — Теперь вы имеете свободный доступ ко всем нашим Древам Истории. С помощью тех, кто был на вашей стороне, вы сможете найти нужную информацию, и это, вероятно, поможет вам правильно действовать. Конечно, это только начало, и теперь нужно искать людей, которые вам помогут. И если таких наберется хотя бы дюжина, значит, вам повезло.

Креоан рассказал о своем ужасном походе в Древо, или Дом Истории в его родном городе.

— Здесь тоже совершают мысленные путешествия в прошлое? — с тревогой спросил он.

— Мы вас научим, — дружелюбно сказал Паро-Мни. — Чтобы справиться с воспоминаниями, пробуждаемыми Древом Истории, необходима большая дисциплинированность. Но вам потребуется серьезная помощь.

— Скажите, — хмуро проговорил Ху, — существуют ли на самом деле где-нибудь такие люди, которые, если понадобится, вместе с нами решатся бросить вызов звездам?

— Разве вы не встречали таких людей во время путешествия? — в свою очередь спросила Кионг-Ла.

— Если бы мы их встретили, разве мы оказались бы здесь? — резонно заметил Ху.

— Нет, я думаю, таких людей нет, — задумчиво сказала Кионг-Ла. — Во всяком случае на этом берегу. Южнее нас расположен только гигантский остров, но там живут лишь свирепые звери. На западе от нашей границы — континент. Именно там человечество пережило свой расцвет в разные тысячелетия. Может быть, где-то там... Хотя рано еще говорить об этом! Бессмысленно обсуждать подробности, не решив главного. Давайте все-таки начнем с нашего побережья. И как можно скорее! Прежде всего надо определить, что мы можем сделать. Никогда раньше мы не пробовали анализировать воспоминания, полученные в Древах Истории, но я думаю, что у нас это должно получиться.

— Тогда чем раньше мы начнем, тем лучше, — сказал Креоан.

XX

По мнению Креоана, Древа Истории были устроены иначе, чем Дома Истории в его родном городе. Очевидно, это объяснялось тем, что в течение последних столетий их использовали для различных, непохожих целей. Так, здесь имелись даже карты, начерченные еще до эпохи Лимерианской Империи, на которых были отмечены основные вехи десяти предыдущих тысячелетий, а также указано, в каком Древе и в какой точке его внутренних переходов человек того или иного склада легче реагирует потоком нервной энергии на информацию о прошлом. Несмотря на все упражнения и проверки, которым его подвергали Паро-Мни и Кионг-Ла, Креоан все же чувствовал себя напряженно, когда впервые рискнул посетить Древо. Обнаружив, что на этот раз его не захватывает беспорядочный поток

воспоминаний и что ему удастся сохранить в нем свое сознание, он успокоился и с готовностью занялся познанием. Он даже начал чувствовать то очарование, для определения которого Моличант так и не смог найти слов. Но задача, стоявшая перед ним, требовала безотлагательных действий, и он, не сопротивляясь, растворился в столпотворении видений, вызываемых Древом.

Чалит тоже вошла во внутренние коридоры прошлого, открывшиеся перед ней, но она всегда оставалась человеком сегодняшнего дня, и это защищало ее от одержимости. Реакция Ху была иной, поскольку он испытывал горечь от мысли, что его род давным-давно превращен в сухую ветвь человеческого древа.

Однако он не искал способа это изменить. Он был слишком практичен и понимал, что вся его семья, за исключением его самого, счастлива, несмотря на рутинную, продолжающуюся в течение многих поколений работу. И решать дальнейшую судьбу их рода должен был не он, а неумолимое время. Уважая душевные страдания Ху, Креоан и Чалит никогда не говорили с ним о его семье и о Мэдал, чье вторжение в жизнь общины, вероятно, помогло их безболезненному уходу.

Так, после долгих дней предварительных упражнений и приговоров, началось самое глубокое и всестороннее изучение прошлого, какое когда-либо предпринималось людьми.

Лимерианской Империи, как известно, предшествовала эпоха Великих Геринтов, которые сосредоточили усилия на превращении своего народа в единообразное стадо. О последствиях этого у Креоана остались самые удручающие воспоминания.

До Геринтов были Люкотида и Претамканцы. Они поделили всю планету между собой и пользовались тепловым циклом атмосферы, чтобы снабжать энергией свои гигантские дрейфующие в океанах города. Именно в это время, как с удивлением обнаружила Чалит, существа, с которыми она подружилась в море, впервые встретились с людьми, но это были еще не те люди, чьи разрушенные города посетил Глир. Те были поздними декадентами, несмотря на все его хвастовство их великими достижениями.

А до этого была эпоха Тимолетров и Гвамов, а также Тридвелионов, похожая и в то же время непохожая на тысячи других культур. До них на Земле властвовали Миноговористо — люди, использовавшие облака в качестве занавеса для театра теней над целыми континентами. Однако их деятельность, как и деятельность их преемников, остановилась на границе космоса.

До этого царствовали Дозы, Глигли и Нгротор, а до них — Чатрик, которые занимались посадками на земле лесов из лишайников-мутантов, привезенных с ныне уже не существующей Луны. Эти растения, быстро одичав, переварили всю субстанцию спутника Земли и превратили в органический материал, который разлетелся и пропал, оставив облако частиц, указывающих на то, что раньше это было твердое тело. Кроме того, эти люди строили пирамидальные нежилые

дома, так называемые храмы, на бесплодной почве Марса для целей, понятных только им самим. Нет, такие люди вряд ли бы могли заставить звезду свернуть с пути...

Прошло полгода. Креоан, Чалит и Ху уже не вели счет времени, поскольку научились не хуже, чем Паро-Мни и Кионг-Ла перепрыгивать через воспоминания, плотным слоем покрывающие века. Они бродили по эпохам, схватывая одно здесь, другое там и отбрасывая всё несущественное. Просыпаясь в одну эпоху и засыпая в другую, они и не заметили, насколько незначительным им стало казаться то, что происходит сейчас или будет происходить когда-нибудь. Теперь они уже не стали бы так категорично судить о людях, нежелающих думать о сегодняшнем дне.

Эпохе Чатрик предшествовали Пледовцы, которые долгие века боролись за господство на Земле с расой ящероподобных людей, возникшей на руинах исчезнувшего государства. Гуманные Пледовцы целых пять столетий приспособливали жаркую планету Венеру для жизни этих существ, а потом переправили их туда.

Может быть, они?.. Нет, вряд ли. Все пятеро исследователей, тщательно изучив этот период, единодушно решили, что и Пледовцам было бы не под силу свернуть с курса планету, не говоря уже о звезде.

Итак, они двигались все дальше и дальше в прошлое, мимо Кинкаканов, Двигов, Комбара Комита, Тнаб — маленьких обществ, которые оставили после себя лишь одну легенду и несколько домов. Потом были Умфтити, чьи дома росли так же, как дом, в котором жил Креоан. У Умфтити в обращении с растениями существовали навыки, которые они сами не до конца понимали, как будто ген, осуществляющий связь с растениями, неожиданно на короткое время возник у всего населения планеты, однако никогда не имел отношения к рациональному сознанию. Поэтому, когда Умфтити канули в Лету, их деревья остались стоять в ожидании периода Усовершенствования Человека, который наступил лишь двадцать девять тысяч лет спустя. Именно тогда вновь понадобились живые насаждения, и в связи с этим были открыты заново.

Именно Умфтити и изобрели Древа Истории, но, как это ни парадоксально, они не были способны постигнуть то, что сами изобрели, и их преемники Тнабы так и не поняли ничего из того, что было сделано до них. Поэтому Древа Истории были оставлены на долгие тысячелетия.

Креоана заинтересовало, не город ли Тнабов, заросший теперь страшными дождевиками, был уничтожен метеоритом, который образовал долину, где родичи Ху выращивали мясо. Но, конечно, после такой катастрофы никого не осталось в живых, и поэтому можно было лишь догадываться о том, что произошло.

Волны человечества одна за другой прокатывались по планете, и постепенно выявилась закономерность: эпоха машин и механизмов непременно сменялась эпохой деятельности живых существ и длилась

до тех пор, пока желание работать в этих существах не угасало, затем культура дегенерировала и возвращалась к машинам. Этот порядок не всегда соблюдался: иногда падение биологической культуры сказывалось и через две, три, пять и более эпох. Но в основном закономерность сохранялась. Ближе, чем другие, к комбинации обоих направлений подошли Люкотиды и Претамканцы, однако и они недалеко продвинулись в изучении материи, поскольку, как и многие до них, были захвачены единственной идеей, и в результате — саморазрушились.

Всё более и более разочаровываясь, путешественники перескакивали через большие периоды, в которых тоже были пустые промежутки, а это значило, что целый континент мог оказаться неучтенным,— такое случалось в эпохи, когда культура умирала. Друзей угнетало, что какая бы сила ни вызывала видения прошедших веков в сознании современного человека, эти видения зависели не от самого человека, а от сохранности в настоящее время ствола, относящегося к данной эпохе. Поэтому можно было допустить, что целые общества оказались скрытыми от исследователей.

Но утешало то, что предмет их поисков скорее всего находился в технически оснащенной культуре, а поскольку именно таковые и распространялись на земле, можно было надеяться, что они не ускользнули от их взгляда.

Однажды путешественники наткнулись на эпоху Мув, жители которой пятьдесят тысячелетий назад предприняли попытку изменить движение планеты Меркурий, чтобы спасти своего деспота-правителя от неприятного предсказания. Это было уже похоже на то, что они искали, однако Мув с поистине грандиозной задачей не справились. Это привело их в состояние такого уныния, что все они погибли в ужасной войне, которая сравняла горы и вызвала погружение в пучину многих островов. Вконец расстроенные, друзья двинулись дальше.

Воспоминания становились все туманнее, поскольку на них накладывалось множество отражений. Очевидно, приближался предел разнообразия, на которое было способно человечество. Случалось, что событие, дающее, наконец, им надежду, оказывалось лишь отблеском культуры, находившейся в тысяче, пяти тысячах, двадцати тысячах лет от него, и уже было невозможно выделить незатуманенную группу истинных фактов. Но все же несколько великих культур ярко выделялись из общего ряда: Курейлы, Ломрилы, Слаффы — все они пытались лететь к звездам, хотя по-настоящему это никому из них так и не удалось.

Прошел год, и однажды во время вечерней еды, когда они, как обычно, обменивались информацией, полученной за день, Паро-Мни сказал:

— Похоже, что перед нами непроходимый участок. Плотность данных на нем такова, что все наши ученые вместе взятые вряд ли смогут ее преодолеть, если, конечно, когда-нибудь заберутся так далеко. Смешение событий многих тысячелетий — это проблема, о существовании которой мы и не подозревали.

— Но как можно было это предвидеть? — сказала Кионг-Ла. — За тысячу лет историки дошли лишь до Лимерианской Империи. А мы сейчас углубились в прошлое на семьдесят — восемьдесят тысяч лет.

— Допустим. Но теперь мы приблизились к цивилизациям, которые, возможно, имели ключ к тому, что мы ищем. Было бы обидно, если бы они так и остались в тумане.

— Почему они, а не кто-нибудь еще до них? — поинтересовался Ху. — Можно предположить, что когда-то была... порода людей, если можно так выразиться, которые слышали зов звезд и откликались на него! А потом они вымерли...

— Такие люди не могли вымереть, — сказал Креоан. — Об этом говорит даже то, что ты бросил привычную жизнь и пошел вместе с нами.

— Мне кажется, — проговорила Кионг-Ла, — что ученые постепенно теряли интерес к изучению неорганических веществ. Противоположное направление, занимающееся изучением самого человека, оказалось более перспективным. Оно представлено и в нашем обществе с его тысячелетним проектом.

— Нельзя разделять эти два направления, — возразил Паро-Мни. — Я всегда так считал, а падающая на Землю звезда лишь один раз это подтверждает. Какой смысл пытаться постичь человечество, если не останется ни одного человека, чтобы объективно все оценить?

— По-моему, полный провал, — устало сказала Чалит. — В доступном нам участке исторической памяти нет даже намека на то, как спасти Землю. Но даже если бы такая возможность и существовала, на свете нет никого, кто бы мог ею воспользоваться.

— С этим я не могу согласиться, — прервал ее Креоан. — Не кажется ли тебе странным, что повторяющийся цикл, который явно существует, оставался на одном и том же уровне вплоть до периода Усовершенствования Человека? Значит, было целое тысячелетие неподвижности и окостенения. Похоже, дольше оставаться в таком состоянии человек просто не может. Если цикл не нарушен, то я утверждаю, что где-то на Земле есть люди, которые строят с помощью механизмов и изобретают машины. Не могут все быть помешаны на прошлом или деградировать, как темнокожие человечки.

— Как долго живут Древа Истории? — неожиданно спросил Ху. Паро-Мни непонимающе уставился на него.

— Ну... Точно мы не знаем. Эти деревья Умфтити сеяли в своих рощах двадцать девять тысяч лет назад, но не было никого, кто бы это описал.

— Все же давайте вернемся во времена Умфтити, — сказал Ху.

— В какой-то момент этого периода какой-то человек, вероятно, вошел в Древо и заглянул в прошлое, которое теперь загромождено воспоминаниями тридцати тысяч лет, — предположил Ху, и все с облегчением захохотали, словно кто-то отменил висевший над ними приговор.

Такой человек, действительно, существовал, но произнести его имя они не могли, поскольку оно обозначалось щелканьем языка и мимикой. Образ жизни этого человека, его поведение, манера говорить тоже казались странными. Он был жрецом культа, поклонявшегося давно исчезнувшему животному, и носил звериную шкуру, а волосы его прилеплены к черепу глиной. Но он был убежден, что воспоминания — это видения, вызываемые дьявольскими духами, и, войдя в Древо, рассмотрел прошлое до последнего предела.

Он видел Куреилов, Ломрилов и Слаффов, но они были последние из цивилизаций, отправлявшихся к звездам. Только Слаффы достигли успеха, в том смысле как они это понимали, поскольку их целью было просто убедиться, что звезды — это, действительно, звезды, такие же, как земное солнце. Они совершили единственное путешествие, которое стоило одному человеку здоровья и жизни. Когда их предположение относительно звезд подтвердилось, Слаффы потеряли к ним интерес и переключились на что-то другое.

Это была странная культура. В ней существовали не только научные догмы, такие, как утверждение, что звезды — те же солнца, но и чрезвычайно развитая техника. Подмастерье в деревенской кузнице мог за один день выплавить, отлить и собрать двигатель, который согревал и освещал его дом. Но в то же время он мог не иметь представления о географии собственной страны. Беднейший из бедных жил в невероятном комфорте: он спал на мениске между двумя слоями воздуха, теплыми и сухими даже тогда, когда дождь стучал по крыше. Юноша, разлученный с возлюбленной, мог оставить ей на память движущуюся куклу, произносящую слова любви его голосом.

Не останавливая внимания на людях, творящих чудеса, искатели всё дальше и дальше проникали в прошлое, желая узнать, какая уникальная культура продвинулась так далеко, что чудеса остались после него просто как осколки. Так как наследство этой культуры полностью исчезло еще до расцвета Мув, можно было предположить: во времена Куреилов существовала лишь часть первичной массы знания. Тогда считалось само собой разумеющимся, что люди небольшого городка могут строить космические корабли и посылать их к Луне для удовлетворения своих потребностей в руде.

Но, углубляясь все дальше в прошлое, искатели больше не встречали этих чудес. Существовал лишь один ряд, состоящий из семи культур, в которых умение управлять космическим кораблем было всеобщим, и многие люди свободно этим пользовались. В конце концов друзьям пришлось согласиться с тем, что говорил Ху: очевидно, когда-то существовала категория людей, которые были очарованы пустотой, безгранично простиравшейся вглубь Вселенной, — и они с радостью приняли ее вызов. Что случилось потом? Почему это очарование исчезло? Может быть, просто потому, что полеты в космос стали обычным делом и уже не могли действовать на воображение? Это казалось невозможным! Галактика была слишком велика, и не

верилось, что все эти семь культур ограничились изучением лишь небольшого, доступного им участка Вселенной.

Видения вновь стали туманными. Воспоминания Древа были замутнены непониманием того, что происходило во времена Умфтити. Не прошло и месяца, как они снова оказались перед непроходимым участком — таким же смутным, как предыдущий.

Они не сразу смирились с провалом. Перед ними мелькнул один многообещающий факт, который мог бы объяснить, кто оставил для преемников такое фантастическое наследие знаний и навыков и где знания достигли своей кульминации. Это была гора, громадная и необъятная гора, вокруг которой легенды теснились, как спелые плоды на дереве. После эпохи, летавшей в космос, остались предания. В них говорилось, что каждый космический корабль, летящий к звездам, должен стартовать с единственного места на планете, а именно — с этой горы. Уверенность в этом у людей последующих веков была так велика, что хотя космические корабли то и дело разбивались о вершины окружающих гор, гигантские усилия общества были направлены на уменьшение высоты соседних гор, а не на изменение высоты и очертаний именно этой вершины. Изменение конфигурации гор вызвало подъем магмы и извержение нескольких вулканов, и к эре Слаффов все эти драматические события были забыты.

Забыты, пока тот человек из Умфтити не удалился в изгнание и не отправился далеко на запад с единственной целью — найти ту самую гору. Хотя он был суеверен и, кроме того, абсолютно не разбирался ни в каких механизмах более сложных, чем колесо и рычаг, древняя легенда так притягивала его, что он решился на это путешествие. Скорее всего оно ему стоило жизни и к тому же вдалеке от человеческого общества, поскольку дальше след его терялся, и путешественники не нашли больше никаких упоминаний о его судьбе.

Хотя они и не обсуждали этот факт, им одновременно пришла в голову одна и та же мысль, и, когда это выяснилось, все пятеро испытали огромное облегчение.

— Я вижу в этом большой смысл, — сказал Паро-Мни. — Трудно представить, что где-то в мире методы изучения прошлого с помощью Древ Истории развиты лучше, чем у нас. Тысячи лет детального изучения истории должны были, очевидно, довести технику до абсолютного совершенства. И если мы достигли черты, за которой уже нельзя получить достаточно четкой информации, то к тому же самому должен был прийти любой другой исследователь. Нужно искать другой путь. Надеюсь, все согласны?

— Согласны, — ответил за всех Креоан. — Хотя я особо не надеюсь, что гора поможет нам справиться с нашей задачей. Гоняться за тенью, за легендой — занятие бесплодное.

— Завтра я скажу деду, что мы должны уйти, — сказала Кионг-Ла. — Не думаю, что он слишком огорчится.

— И все остальные тоже, — покачал головой Ху. — Больше всего они хотят забыть об опасности, грозящей Земле, а пока мы здесь, им все время об этом напоминают.

На следующий день они с тревогой ожидали Кионг-Бину, который, как обычно, явился в сопровождении Ненг-Иду и Лианг-Лианг. Кионг-Ла была права: старик не слишком расстроился из-за предстоящей разлуки с гостями. Но узнав, что его внучка собирается уйти вместе с ними, он опечалился. За долгие месяцы, проведенные здесь, путешественники довольно хорошо освоили местный язык, и, чтобы понять разговор Кионг-Ла с дедом, переводчик им уже не понадобился.

— Неужели, внучка, ты, действительно, уйдешь? — воскликнул Кионг-Бину.

— Да, — твердо ответила Кионг-Ла.

— Но зачем? Какова цель вашего путешествия? — напирал старик. — Неужели вы всерьез надеетесь встретить людей, строящих машины? Вы думаете, что за два века они найдут способ изменить траекторию полета звезды?

— Но мы наверняка не найдем таких людей, если останемся здесь! — возразила Кионг-Ла.

— Вы можете не найти их и в вашем походе! Что вы тогда будете делать? Даже если доберетесь до своей горы? Прочесывать континенты в поисках людей, которых, возможно, вообще нет на свете?

— Если в мире нет никого, кто готов совершить невозможное, нам придется смириться с судьбой Земли, — пожалала плечами Кионг-Ла.

— Пока вы занимались вашими поисками, зима наступила и прошла, потом прошло еще много месяцев. Где же информация, за которой вы охотились?

— К сожалению, ее нет, — ответила Кионг-Ла, и Ненг-Иду зло-радно захихикал.

— Я знал с самого начала, — высокомерно сказал он, — что ваши поиски будут напрасны. Пусть вы даже найдете этих воображаемых людей, строящих машины! Какой смысл, если никогда — понимаете, никогда! — не существовала необходимая технология?

— Возможно, такого никогда раньше просто не случилось, и технология была не нужна? — вставил Креоан.

— Ненг-Иду не верит в то, чего никогда не было и что происходит впервые, — сказал Паро-Мни. — К нему никогда в жизни не приходили оригинальные мысли. Но в любом случае никто не может утверждать, что какое-либо знание никогда не существовало. Вполне может быть, что оно существовало, но нам не удастся до него добраться, потому что совершенно невозможно проанализировать и обработать всю историю человечества. И твое, Ненг-Иду, любимое предприятие никогда не будет завершено, независимо от того, сгорит Земля или нет.

Ненг-Иду в ярости вскочил на ноги.

— Как ты смеешь насмехаться над целью, ради которой жили и умирали твои предки?! Как ты смеешь говорить это нам, следующим по их стопам? Ты... ты...

Не найдя слов, он бросился на Паро-Мни, схватил его короткими толстыми руками за горло и повалил на спину, опрокинув табу-

ретку. Кионг-Бину испуганно закричал, и все бросились на помощь Паро-Мни, однако справиться с Ненг-Иду удалось только Ху: помогло умение обращаться с бешеными мясными существами. Никто не успел опомниться, как он сбил Ненг-Иду с ног и, скрутив ему руки, сжал стальными пальцами его рот и нос.

Глаза Ненг-Иду округлились от гнева, он попытался освободиться, но Ху держал его мертвой хваткой. От недостатка воздуха лицо Ненг-Иду побагровело, и Ху прошептал:

— Если хочешь дышать, веди себя прилично! Я разжимаю пальцы — дыши! Но если ты еще раз кого-нибудь тронешь или даже просто попытаешься заговорить, я заткну тебе глотку навсегда!

Кионг-Бину был потрясен.

— Почему он это сделал? — с трудом проговорил он.

— Потому, что ваш доверенный не выносит, когда ему говорят правду, — ответил Паро-Мни, потирая горло, на котором ясно были видны следы от пальцев Ненг-Иду. Он ободряюще кивнул Кионг-Ла, которая от испуга не могла произнести ни слова, и продолжал: — По-видимому, есть предел, за которым наши Древа становятся непригодными для изучения прошлого. Это по времени в пять раз дальше, чем период, который вы сейчас исследуете. Но мы уверены, что вы тоже наткнетесь на этот барьер. Очевидно, все-таки существует предел у человеческого разнообразия, и, поскольку все культуры с давнего времени до наших дней мало отличались друг от друга, обертоны более поздних периодов накладываются на более ранние. Именно это нам и помешало. Не думаю, что вы можете нас обвинить в недостатке настойчивости или разума.

Наступила долгая пауза. Ненг-Иду, воспользовавшись ею, попытался что-то сказать, но Ху мгновенно сжал пальцы, и Ненг-Иду замолчал.

Наконец, Кионг-Бину заговорил:

— Что же, внучка, иди! Желаю тебе успеха. Надо смотреть правде в глаза, какой бы горькой она ни была. А я считаю то, что сказал Паро-Мни, правдой. Вы сделали для нас гораздо больше, чем просто указали на новый факт. Я подумывал о том, чтобы сделать Ненг-Иду своим преемником, считая, что его преданность делу наших предков является и преданностью правде. Но я ошибался. Отпусти его, друг Ху. Можете быть уверены, что с этого дня он лишится моей благосклонности.

Ху подчинился, и Ненг-Иду, с трудом сдерживая слезы, поспешно вышел из комнаты.

Кионг-Бину снова сделал паузу, будто взвешивая то, что собирался сказать.

— Я заметил, что вы испытываете презрение к моим соотечественникам, — сказал он наконец, обращаясь к путешественникам. — И я понимаю, почему. В вас есть дух, который отсутствует у многих наших людей, но, надеюсь, присутствует в Кионг-Ла и Паро-Мни. В это трудно поверить, но именно вы спасете нас от нашей же слепоты. Простите нас, мы сделали вашу задачу более сложной, чем она могла бы быть. Скажите, что вам надо для ва-

шего путешествия, и я прослежу, чтобы вас снабдили всем необходимым. Я желаю вам добра от всего моего старого и глупого сердца...

XXII

Несмотря на презрение ученых и предводителей ко всем, кто пачкал руки черной работой, в обществе было достаточно мастеров и умельцев. По приказу Кионг-Бину путешественников прекрасно снарядили для похода и снабдили провизией.

Их путь лежал на запад через земли, которые они теперь знали почти так же хорошо, как если бы не один раз путешествовали по ним. Дело было в том, что многие из земных цивилизаций расцветали и умирали именно в этих местах. Их ландшафт почти не изменился. Равнины и горы, через которые им предстояло идти, миллионы лет простояли в глубокой дреме, а за это время незаметные перемещения пыли и праха разложившихся растений занесли следы человека и подготовили еще одну чистую страницу в мировой книге.

Неумолимость этого процесса угнетала Креоана. Пусть даже их безрассудная затея увенчается успехом, но пройдут века, и люди забудут, что существовала угрожающая Земле звезда, путь которой надо было изменить. На фоне огромных событий, происходящих в природе, даже самые дерзкие человеческие предприятия казались мелкими и незначительными.

Они прибыли сюда весной, прожили зиму, и вот опять наступила весна. Креоан искал утешения в мыслях о том, что прекрасные цветы, окружающие его, возможно, свидетельствуют об умном вмешательстве людей, любящих красоту, в природу. Но в этом было мало утешения, поскольку культура, изменявшая живые существа, по всей видимости, была уничтожена то ли болезнью, то ли холодом, а может быть, и внезапным сотрясением, которые иногда случаются с Землей, — так вздрагивает спящий великан, потревоженный мухой. Креоану казалось, будто он шагает среди обломков мечтаний своих предков, и всё, что он видел вокруг, поддерживало в нем это чувство: равнина, из которой торчали черные руины, как гнилые зубы, показывая, что когда-то здесь был город; осколки пластмассовых и металлических шаров, выброшенные на берега рек, вздувшихся от таяния снегов. Они проходили мимо странного места, где песчаная почва была настолько спрессована, что казалась толстым стеклом, слишком скользким, чтобы по нему можно было ходить. Для чего это было сделано, никто из них не мог понять.

Но даже эти обломки исчезнут, думал Креоан, даже от них не останется и следа.

Когда он поделился с Чалит своими тягостными мыслями, она весело ответила:

— Креоан, ты слишком рано стал пессимистом! Когда ты будешь старым, немощным и слепым — пожалуйста, но не сейчас! Мы взялись за дело, не имеющее прецедентов. Это доказывает, что человеческий род не окончательно утратил способность искать и изобретать.

И кто знает, до какой степени сможет развиваться эта способность, если катастрофа будет предотвращена.— Видя, что Креоана ее слова не успокоили, она добавила:

— В любом случае, эта часть пути показывает, что мы достигли значительного прогресса.

И это было правдой. Креоан уже не раз жалел, что они с Чалит не были подготовлены к первой части пути так же, как к этой. Лучшие мастера Кионг-Бину снабдили их легкими тентами, раскладными постелями, приспособлениями для готовки пищи, которые, он был уверен, понравились бы Мэдал. Но самое главное — разбивая на ночь лагерь, они могли с уверенностью сказать: «Завтра, после часового перехода, мы придем к небольшому ущелью, которое к настоящему времени выветрилось, так что пересечь его не составит труда», или «По этой дороге идти нельзя, там три тысячи лет назад земля превратилась в пустыню, и, вероятно, она до сих пор бесплодна и камениста», или «Такие деревья, как вон те, впереди, растут только у воды, так что там должна быть река, которую мы ищем».

Однако во время похода с ними всё же случилось небольшое происшествие, испортившее настроение. В прошлом, которое они так долго изучали, на этой территории жили дикие звери и еще более дикие люди. Они боролись друг с другом за добычу, но борьба была слишком неравной, и звери сдались, а многие из них были вообще уничтожены человеком.

Но все же часть животных уцелела: в основном те, которые не соперничали с человеком. Некоторые из них, длинноухие, изящные, пугливые, прятались в кустарнике, если кто-нибудь подходил слишком близко. Другие — худые и длинные, с тонкими ногами — бегали стадами, слишком большими, чтобы обращать внимание на присутствие людей. Были среди них и пухлые, добродушные существа с жирными голыми хвостами и тупыми мордочками, которыми они копались в земле в поисках клубней сочных растений.

От этих существ путешественники узнали, какие корни и листья годятся в пищу, а один толстый уродец, слишком ленивый, чтобы самостоятельно искать корешки, сам увязался за ними. Ему нравилось, что люди не едят выкопанные корни сразу, а складывают их кучкой и потом готовят. Однако он не понимал, как они могут так мало есть: то, что насыщало пятерых человек, для него было лишь легкой закуской.

Некоторое время они терпели его шумное присутствие, надеясь благодаря ему находить самые лучшие клубни, но через несколько дней стало ясно: это он ждет, что его поведут к вкусным корешкам. В конце концов им пришлось отогнать его с помощью факела, но его хрюканье и жалобный визг слышались еще несколько часов, пока он, наконец, не отстал и не отправился домой.

Вид такого количества мяса нагонял тоску на Ху, но у народа Кионг-Ла и Паро-Мни не было принято убивать наземных животных, хотя они и ловили рыбу, поскольку, по их словам, это были существа

с холодной кровью. Это различие Ху считал слишком тонким, так же, впрочем, как Чалит и Креоан, но помня об огромной помощи, которую их новые товарищи им оказали, они терпели эту причуду.

При таком изобилии животных оставалось загадкой, что же могло случиться с людьми, которые раньше населяли эти земли. Не было видно никаких следов последних людей — только останки давно исчезнувших народов. Тем не менее друзья не падали духом. Даже Креоан приободрился и со всеми вместе уверенно шагал от рассвета до заката, преодолевая долгие, бесконечные мили.

Иногда Креоан удивлялся, что они решились предпринять такое сложное, изнурительное путешествие, не зная, что их ждет в конце пути, и ориентируясь лишь на сказку о горе, с которой космические корабли улетали к звездам. Но действие для них было предпочтительнее ожидания, и это вполне могло служить для них оправданием.

Тем временем...

За сто дней они прошли больше, чем полпути — с каждым днем цель становилась все ближе. Пересекая район с великолепной растительностью, они впервые увидели пейзаж, изменившийся за последние тысячелетия и не похожий на тот, который был нарисован им Древом Истории.

Поперек их пути, от горизонта до горизонта, простирался лес: огромные темно-зеленые деревья со стволами так густо обвитыми плющом, что лес превратился в сплошной непроходимый барьер.

Тем не менее путешественники вошли в него, но, пройдя несколько сотен шагов, поняли, что верхушки деревьев полностью закрывают от них солнце, не говоря уже о звездах, по которым они определяли направление. Пришлось из леса выйти и подняться на холм, чтобы посмотреть, нет ли где-нибудь прохода сквозь эту гигантскую зеленую стену. Но никакого прохода они не увидели. Граница леса была безукоризненно ровной, и он поэтому казался искусственным, хотя вполне могло быть, что он просто повторяет очертание территории, богатой какими-то микроэлементами. Но так или иначе, лес не давал им идти дальше.

Солнце уже перевалило через зенит. Имело смысл остаться на этом месте до утра. Пока еще было светло, они совершили несколько вылазок в лес и убедились, что он действительно непроходим, так что завтра им придется повернуть на север или на юг. Ху и Креоан считали: лучше идти на север, поскольку более холодный климат должен был подавить рост леса, в то время как на юге лес может оказаться еще более густым. Паро-Мни и Кионг-Ла боялись быть застигнутыми зимой, если придется сделать слишком большой крюк, и считали, что идти нужно только на юг. Чалит, выслушав обе точки зрения, решила, что и та и другая достойны внимания.

В конце концов они устали от бесплодной дискуссии и легли спать, расположившись недалеко от костра. Их палатки и все остальные вещи были пропитаны специальным веществом и не могли загореться от вылетающих искр. Долгое время они шли по земле, где им не угрожала никакая опасность: даже звери там боялись человека

больше, чем человек зверей. И все-таки Креоан не мог заснуть из-за непонятного беспокойства. Чтобы не потревожить товарищей, он заставлял себя лежать неподвижно, но это лишь усиливало его тревогу. Наконец он все же не выдержал и, натянув одежду, выскользнул из палатки.

Он подложил в костер сухие ветки и отошел от огня. Небо над ним было совершенно безоблачным, и зловещая ярко-голубая звезда сияла среди своих безвредных сестер.

Креоан снова и снова задавал себе вопрос: куда идти — на север или на юг? Понимая, что это предрассудок, он все-таки решил положиться на случай и загадать: если...

— Креоан! — услышал он за спиной голос Чалит. Что случилось?

— Ничего, кроме бессонницы, — тихо ответил он. — Иди в палатку, я скоро приду. Или нет... подожди минутку. Скажи, это глупо? Я загадал: если хвост первого же метеора покажет на юг, я соглашусь с Кионг-Ла и Паро-Мни, и мы пойдем на юг.

Чалит засмеялась.

— Я могу придумать что-нибудь и похлеще. Но почему ты решил довериться случаю?

— Из-за твоих же собственных слов. Помнишь, ты сказала, что сама Земля на нашей стороне, потому что мы посвятили себя делу, которое ее достойно?

— Я и сейчас так думаю, — пробормотала Чалит. Несмотря на стену, преградившую нам путь. Ты знаешь, я тоже хочу посмотреть. Давай встанем спиной друг к другу, и по тому, с чьей стороны метеор появится раньше, мы и выберем направление.

Радуюсь, что Чалит готова заниматься вместе с ним этими глупостями, Креоан легонько обнял ее, и они встали спина к спине. Она откинула голову назад и замерла.

— Долго нам придется ждать? — спросила она. Здесь холодно.

— Недолго, — уверенно ответил Креоан. Космос полон обломками луны. Помнишь, я тебе рассказывал, когда мы впервые встретились?

— Каким далеким кажется теперь тот залив! — вздохнула она. И насколько мы приблизились... Смотри! Вон он!

В это же мгновение Креоан увидел другой метеор.

— Вон!.. Смотри! — воскликнул он и замолчал, потрясенный.

Над их головами, почти в самом зените, вспыхнул не один, не два, а целая гроздь метеоров — пять, десять, пятьдесят, и каждый из них показывал хвостом не на север и не на юг, а на запад, прямо на таинственную тьму леса.

XXIII

Креоан задремал, но не потому, что забавное и абсурдное небесное предзнаменование успокоило его, а просто от сильной усталости. Его разбудил странный звук — он открыл глаза и прислушался.

Шум продолжался. Он ощутил запах дыма и в то же мгновение понял, что это был за звук: огонь заливали водой. Но это был не дождь — дождь барабанил бы по туго натянутому тенту.

Тенту?

С удивлением Креоан осознал, что между ним и небом не было никакого тента. С громким щелчком, как по мановению волшебной палочки, он слетел с опор, и Креоан увидел молчаливые темные силуэты, снующие по лагерю. В тусклом свете звезд он разглядел, что это сгорбленные, долговязые, волосатые существа — гротескные пародии на людей; с такими длинными руками им незачем было нагибаться, чтобы коснуться земли тыльной стороной ладони. Костер угасал: три волосатых существа мочились в него с явной целью погасить огонь.

Креоан истошно закричал и попытался вскочить на ноги. Но кто-то бросил на него сверху сеть и тут же так туго затянул ее, что Креоан выкатился из постели и больно ударился о землю. Прежде чем он успел что-либо сказать, такие же сети упали на его товарищей, и через несколько секунд все были связаны.

Изумленные больше, чем испуганные, они уставились на зверей... Нет, надо было бы сказать на людей, на людей, которые захватили их в плен. Их принадлежность к человеческому роду не вызывала сомнения: из всех существ, обитавших в течение сотен тысяч лет на Земле, только человек умел плести из лиан сети, носить одежду, делать оружие. А у этих существ были и одежда, и оружие. Постепенно справившись со смятением, Креоан разглядел, что на них были только латы и обувь из сплетенных листьев, а в руках — копья с заостренными наконечниками. Почувствовав такое копье у горла, Креоан уже не сомневался, что сопротивление бесполезно.

— Креоан! — услышал он голос Чалит; из-за волос, упавших на глаза и придавленных сетью, она не могла увидеть, что происходит. — Креоан! Я ничего не вижу! Что случилось?

— На нас напали человек пятнадцать, — откликнулся он. — Паро-Мни, ты знаешь много здешних языков, не так ли? Попробуй поговорить с ними!

Паро-Мни, забывший от страха все, что знал, все-таки собрался с духом и дрожащим голосом произнес несколько фраз, но дикие существа не обратили на него никакого внимания. В то время как один из них с копьем наготове сторожил путешественников, а другой держал конец сетей, трое, включая самого высокого, которого Креоан считал вожаком, с любопытством изучали лагерь, сворачивая палатки, прыгая на переносных кроватях, шаря в мешках. Однако все это делалось в полном молчании, и только Паро-Мни нарушал тишину, продолжая произносить приветствия на всех известных ему языках.

— По-моему, ты зря стараешься, — сказала Кионг-Ла усталым голосом. — Вряд ли они могут тебя услышать. Посмотри, кажется, у них нет ушей!

И действительно, уши на узколобых лохматых головах дикарей отсутствовали. Как бы компенсируя это, природа подарила им огром-

ные глаза: белки в форме правильной окружности располагались вокруг черных центров, очевидно, зрачков.

— Как это может быть? — изумился Паро-Мни.

— Многие цивилизации в прошлом пытались изменять наследственность человека, — сказал Креоан. — Возможно, это результат наполовину удавшегося эксперимента.

— Но откуда они взялись? — воскликнула Чалит.

— Я думаю, из этого чертова леса, — откликнулся Ху. — Такие руки, как у них, просто необходимы, если они живут на верхушках деревьев.

— Похоже, что скоро мы удовлетворим свое любопытство, — грустно пошутила Кионг-Ла.

Закончив осмотр лагеря, тот, которого Креоан называл про себя вожакom, сделал странное движение рукой и ткнул указательным пальцем в сторону леса. Ху оказался прав. Ночные мародеры подхватили сети, которыми были стянуты путешественники, просунули сквозь ячейки копыя и двинулись вниз с холма, причем часто они вместо руки использовали свободную ногу, и наоборот.

— Кажется, метеоритное предсказание сбывается, Креоан, — сказала Чалит.

— Какое предсказание? — заинтересовался Ху.

— Я так и не мог решить, в какую сторону нам идти, — ответил Креоан, — и стал ждать, куда покажет первый же метеор своим хвостом — на север или на юг. И представь, одновременно появилась дюжина, если не больше, метеоров, и все показали на л е с!

— Глупости! — проворчал Паро-Мни. — Обычное суеверие!

— Суеверие или нет, — сказала Кионг-Ла, — но к лесу мы теперь действительно привязаны.

Лес, несомненно, был домом для этих людей, и, когда их окружили деревья, они расслабились, забыв об осторожности, которую соблюдали на открытом месте. Они по-прежнему не разговаривали, но весело раздвигали ветки со звуком, напоминающим шелканье кнута, тревожа и пугая остальных обитателей леса. Со всех сторон слышались звериные крики, пронзительный визг, низкое утробное урчание.

Дикари уверенно шли по знакомым местам, и Креоан даже не сразу заметил, что они оторвались от земли и теперь поднимались вверх, шагая по чему-то, напоминающему горную тропинку. Не замедляя хода, они шли по веткам — от одной к другой, от дерева к дереву, дергая и раскачивая сетки, в которых лежали связанные пленники. Вскоре они бесцеремонно свалили их на площадке квадратной формы длиной примерно в двадцать шагов. Звезды снова появились над головами друзей, а внизу, насупившись, стоял лес, темный, как подземный тоннель.

Креоан, сделав энергичный рывок, ухитрился сесть как раз в тот момент, когда последний из носильщиков, совершив фантастический прыжок через черный провал, ухватился за сук и исчез из поля зрения.

Они остались одни. Теперь можно было попытаться избавиться от сетей и обсудить ситуацию. Креоан первым высвободился из

сети и поспешил на помощь Чалит, но ей уже тоже удалось распутаться. У нее все было в порядке, и только кожа в некоторых местах оказалась растертой сетью.

У Паро-Мни была вывихнута кисть руки, но остальные были целы и невредимы. Осторожно, не зная, чего ожидать, они поднялись на ноги.

— Из чего это... эта площадка? — спросила Кионг-Ла. — Какая она упругая и, по-моему, не слишком прочная.

Креоан потрогал площадку рукой.

— Это циновка из сплетенных ветвей, — сказал он. — Похоже, она нас выдерживает, но все-таки лучше стоять на середине.

— Конечно, лучше, — пробормотала Чалит. — Когда я смотрю вниз, у меня обрывается сердце.

— Эти деревья высотой футов в сто, — сказал Креоан. — И насколько я понимаю, в пределах досягаемости нет ни одной ветки достаточно крепкой, чтобы нас выдержать. Вы же видели, как эти древесные люди прыгали отсюда вниз?

— Что это? — вдруг закричала Кионг-Ла.

Что-то вылетело из темноты и с глухим стуком упало у ее ног. Она отпрянула назад, но в то же мгновение снова что-то мелькнуло в воздухе. Пять непонятных предметов, один за другим, упали на циновку. Ху громко втянул ноздрями воздух.

— По-моему, это еда! — воскликнул он и осторожно взял упавший предмет. — Да, кусок какой-то жирной еды, завернутый в листья.

— Значит... — Паро-Мни был испуган, но пытался взять себя в руки. — Значит они не собираются нас убивать?

— Неизвестно, — пожал плечами Ху. — Они могут откармливать нас, чтобы потом съесть.

Все разом замолчали — уж больно вероятной была версия Ху. Тем не менее они развернули свертки с пищей и обнаружили там маленькие ножки каких-то животных, густо смазанные горькой пастой непонятного происхождения. Ху попробовал кусочек и нашел, что это странно, но вкусно, и съел с аппетитом всю порцию, однако никто больше к пище не притронулся.

Вскоре еще один предмет упал на площадку — на этот раз с противоположной стороны. Новая «посылка» оказалась скорлупой ореха величиной с человеческую голову. С одного края она была продырявлена и заткнута деревянной пробкой, на которой можно было различить следы зубов. Вероятно, пробку обкусывали до нужного размера.

В орехе была сладкая вода, и путешественники жадно выпили ее, не оставив ни капли.

Креоан все-таки попытался посмотреть вниз: там была черная бездна. Он вздохнул и отказался от мысли спуститься, даже если их противники ослабят бдительность. Однако прилетевшая к ним пища ясно показывала, что за ними наблюдают с еще более высоких деревьев.

По-видимому, древесные люди были ночными существами — Креоан догадался об этом по их огромным глазам и способности об-

ходиться без света: им вполне хватало мерцания звезд. Надо было дожидаться рассвета, прежде чем принимать какие-либо решения.

Все с ним согласились и сели в круг в центре площадки, дрожа от ночного холода. Сидели они молча, хотя без опаски могли разговаривать — ведь безухие люди действительно были глухими. Но можно ли было выразить словами то странное чувство опасности и тайны, которое поселилось в сердце каждого?

Прошел, наверное, час. Звезды на востоке побледнели и исчезли — восходящее солнце окрасило небо. И сразу же на ближайших деревьях послышались шелест и треск, как будто над лесом бушевала буря. Но ветра не было, и через минуту Ху все понял.

— Эй, да лес просто кишит ими!

Протерев глаза, путешественники посмотрели по сторонам — Ху был прав. На самых верхних ветках деревьев, опасно провисая над бездной, сидела сотня или более древесных людей, делая одновременно руками какие-то странные жесты. Чем светлее становилось небо, тем сильнее они прищуривали глаза, и теперь между век была видна только часть зрачка. Почему они вышли из тени ветвей, если, совершенно очевидно, не выносили яркого дневного света, как все ночные животные?

Причина стала ясна, когда на огромной раме из лиан на уровень площадки была опущена чудовищная человекоподобная кукла, сделанная из ветвей и покрашенная красной, желтой и голубой краской. Из рта чудовища торчали кривые клыки и отвратительный язык. Что это значит, было ясно еще до того, как копье, просвистевшее над головой Кионг-Ла, вонзилось в площадку.

— Ты оказался прав, Ху, но лишь наполовину, — сказал Креоан, стараясь говорить спокойно. — Они принесли нас сюда не для того, чтобы съесть, а чтобы пожертвовать своему богу. Я думаю, что это он и есть.

— Что значит — бог? — спросил Ху. — Не бога ли искал тот человек из Умфтити, когда...

Он не договорил. Его прервал крик Чалит.

— Посмотрите! — она показывала рукой на небо. — Что это может быть?!

Далеко над черно-зеленым морем леса, простиравшимся до самого горизонта, плыла в сторону рассвета громадная раздутая штука. К ее брюху, украшенному зелеными и белыми полосами, было прицеплено что-то вроде сжатых клешней.

XXIV

Поскольку древесных людей интересовали только пленники, а услышать приближавшегося монстра они не могли, опасность, явившаяся с неба, оказалась для них неожиданной, а реакция на нее — запоздалой. В пленников летели копья — одно за другим, но бросавшие были либо не умелы, либо слишком возбуждены, и копья не причиняли путешественникам никакого вреда.

Чудовище в небе было уже совсем близко, и Ху ввиду теперь уже двойной опасности велел всем лечь на циновку — уж больно легкой мишенью они были, когда стояли. Все, кроме Креоана, подчинились, а он, наоборот, постояв минуту, как вкопанный, вдруг вытащил ветку с листьями, вплетенную в площадку, и начал размахивать ею как сигнальным флагом.

— Креоан! Ты сошел с ума! — закричала Чалит. — Оно увидит тебя!

— Я и хочу, чтобы они меня увидели! — крикнул в ответ Креоан. — Неужели ты не поняла, что это такое? Это сделано человеком! Это воздушный корабль! Это... Ай!..

Ветка выпала из его руки, и он скорчился от боли. Одно из копий все-таки достигло цели, зубцы наконечника впились в бицепс Креоана. Сразу же на руке выступили капельки крови, похожие на стремительно созревающие ягоды.

— Берегись! — крикнул Ху и сделал прыжок, пытаясь заслонить Чалит от копья.

Но в этот момент древесные люди заметили чудовище, плывущее к ним по небу. Они прекратили ритмично взмахивать руками и замерли.

Паро-Мни схватил ветку, которую выронил Креоан, и тоже начал изо всех сил размахивать ею. Воздушный корабль продолжал движение вперед, как показалось путешественникам, не обращая на них никакого внимания. Или, может быть, он все же слегка изменил свой курс?

Но так или иначе, а дождь из копий прекратился. Ху вырвал одно из них, вонзившееся в площадку, и прицелился. Люди, державшие идола за канаты, представляли собой прекрасную мишень: они стояли такой тесной группой, что Ху даже не очень метким броском наверняка поразил бы кого-нибудь из них.

Он встал на одно колено, еще раз прицелился и метнул копье. Испытывая скорее удивление, чем удовлетворение, он смотрел, как копье воткнулось в живот одного из древесных людей, с ужасом смотревшего на воздушный корабль. Человек взмахнул руками, выпустил канат и полетел вниз — в никуда. Его сосед был так ошарашен, что тоже отпустил канат, и тяжелый идол опасно накренился. Видя растерянность древесных людей, Ху схватил другое копье и послал его вслед за первым. Те, кто держали канаты, поняли, откуда в них летят копья, но были настолько деморализованы, что дать отпор оказались не в состоянии.

Ху ухмыльнулся: он мало знал о поведении богов, но было похоже, что этот бог не сумел вдохновить своих поклонников на подвиги. И действительно, через несколько секунд древесные люди, забыв о своем жертвоприношении, в панике бросились в лесную тьму.

Креоан, упав на колени, глухо стонал: копье все еще торчало у него в руке. Чалит, Кионг-Ла и Паро-Мни стояли вокруг него, но были слишком растеряны, чтобы оказать помощь.

— Сними с себя эту тряпку! — отрывисто приказал Ху Кионг-Ла.

Удивленная, она приложила руку к груди: кроме сорочки, на ней ничего не было.

— Быстро! — сказал Ху и, оттолкнув Паро-Мни, чтобы тот не мешал ему, внимательно осмотрел рану. Сам только что бросавший такие же копы, он понимал: вытащить зазубренный наконечник, не причинив боли, невозможно. Тем не менее копьё необходимо было немедленно вытащить и дать крови смыть грязь, которая попала в рану.

— Держись, Креоан, — сказал он и впился зубами в руку друга.

Разорвались кожа, мышцы, обильно потекла кровь, и Креоан вскрикнул, как испуганный ребенок. Однако рана разошлась, и Ху, дернув за древко, вытащил копьё.

Обнаженная Кионг-Ла молча протянула Ху свою сорочку. Тот взял ее и разорвал так, что из нее получилась впитывающая кровь прокладка и две повязки. Через несколько минут Креоан был перевязан. Все было кончено.

— Ну вот! — Ху похлопал Креоана по здоровому плечу. — Это не так страшно, как укусы бешеных мясных существ. Будешь жить!

В этот миг их накрыла тень, и они застыли. Казалось, все небо закрыто огромным брюхом бело-зеленого воздушного корабля, и когда с него послышался голос, говорящий на довольно понятном языке, друзья не поверили своим ушам.

Но это было на самом деле. В гондоле, подвешенной к воздушному шару, сидели мужчина и женщина. Они так наловчились управлять своим странным транспортом, что, используя только ветер, добрались до площадки и ухитрились остановить шар прямо над ней. Используя веревки с крюками на концах, они надежно закрепили воздушный корабль и, сбросив веревочные лестницы, сошли вниз, предварительно убедившись, что на расстоянии полета копыя нет древесных людей.

— Мы не могли прилететь быстрее, — извиняющимся тоном произнес мужчина. — Двигатель у нас не очень мощный, и нам приходится использовать еще и ветер. Но я рад, что вы все живы.

— Мы увидели в бинокль, что здесь происходит, — вступила в разговор женщина, — и тут же поспешили вам на помощь, хотя, признаться, мы думали, что здесь кто-то из нашего города. Древесные люди для нас — постоянная опасность. В определенные сезоны они похищают людей для своего идола, бросают в них копыя, и жертвы умирают, истекая кровью. В остальное время года они не опасны и прячутся в глубине леса.

— Вы в состоянии отправиться вместе с нами в город? — спросил мужчина у Креоана, увидев повязку на его руке. — Как вы себя чувствуете?

— Хорошо или плохо — не имеет значения! — воскликнул Креоан. — Единственное, чего я хочу, поскорее убраться отсюда. Вы сами построили этот воздушный корабль?

— Да, конечно, — сказала женщина. — Но, разумеется, не одни, а вместе с друзьями. Это самое последнее изобретение моего мужа Рофа.

— Без воображения моей жены это вряд ли было бы возможно, — возразил мужчина. — Ее зовут Зейла. А вас? Я полагаю, у вас странные имена, поскольку, судя по всему, вы пришли с востока, а те земли нами еще не изучены, как не изучены и языки, на которых там говорят.

— Мы все из разных мест, — сказал Креоан, с трудом поднимаясь и поддерживая раненую руку здоровой; он представил своих друзей и спросил: — Но сможет ли корабль поднять нас всех, если он рассчитан только на двоих? А улететь и потом вернуться назад опасно: древесные люди могут собраться с духом и проткнуть копьями газовые баллоны. А если они к тому же зажгут факелы?

Роф от удивления раскрыл рот.

— Вы говорите так, будто хорошо знакомы с устройством воздушных кораблей! — воскликнул он.

— Нет, я никогда раньше их не видел, — пробормотал Креоан.

— Тогда откуда же... — голос Рофа сорвался.

— Даже жители нашего собственного города, — вмешалась Зейла, — не понимали, пока мы им не объяснили, как опасен для нашего шара огонь и как мало он может поднять, несмотря на величину.

Путешественники обменялись взглядами. Роф и Зейла были невероятно горды изобретением, и объяснять им, что эта вещь не нова, а изобреталась за время существования человека добрую тысячу раз, было по меньшей мере бестактно. Но вдруг Креоан покачнулся, побледнел, и разговор сам собой прервался.

— Мы должны немедленно вас увезти! — решительно сказала Зейла. — Мы сможем увезти всех. Даже если ветер будет дуть нам навстречу, мы выдвинем плоские пластины, которые служат для повышения подъемной способности при полете против ветра. Я думаю, нам удастся проскользнуть над верхушками деревьев. А когда мы отлетим от леса, не все ли равно будет, где мы сядем?

Она проворно взобралась по лестнице в гондолу и протянула руку Креоану, но тот, почувствовав легкое головокружение, отошел в сторону и пропустил вперед друзей. Он с интересом смотрел на спасителей, мысленно сравнивая их с людьми, которых он встречал и в действительности, и на бесконечных пространствах Древ Истории.

Роф и Зейла были, на его взгляд, довольно красивыми людьми — высокими и мускулистыми, с кожей золотисто-бронзового оттенка. Носили они простую одежду, одинаковую у обоих: удобные брюки, заправленные в ботинки высотой до икр, и туники с вместительными карманами. Материал, из которого были сшиты их костюмы, отличался добротностью и искусной выделкой — лучшего за время своих скитаний Креоан не встречал. У обоих были длинные черные волосы, завязанные на затылке, — у Рофа белой веревочкой, у Зейлы — зеленой. Оба носили на указательных пальцах кольца — единственное украшение. Все эти внешние особенности тем не менее могли соответствовать самым разным культурам и обществам. Чему Креоан обрадовался, так это тому, что его смелое предсказание, сделанное давно и далеко отсюда, подтверждалось: действительно, на планете существовали люди, которые работали с материалами и изобретали

механизмы. Он даже вздрогнул, подумав, что они, возможно, нашли тех, кого искали.

Роф забрался в гондолу последним и сразу же вместе с Зейлой начал освобождать корабль от лишнего веса. Они без колебаний бросали за борт все, без чего могли обойтись, включая собственную одежду. Их вовсе не удивило, что Кионг-Ла обнажена, они и сами поступили так же, и Креоану понравилось их спокойное пренебрежение к условностям. Напоследок они вместо того, чтобы подтянуть веревки, закреплявшие корабль, обрезали их, и корабль, рванувшись вверх, поднялся на добрую сотню футов. Ху глотнул воздух и прильнул к борту гондолы, Чалит любовалась пейзажем, обняв Креоана за плечи. Достигнув высшей точки подъема, Роф открыл клапан, и пар, вырвавшись из небольшого котла, засвистел в лопастях турбины. Винт на корме начал вращаться так быстро, что лопасти слились в сплошной круг. Зейла потянула за рычаг, тронула руль, и корабль, описав широкий круг, взял курс на далекий город, из которого прилетели Роф и Зейла.

Креоан напряженно думал об этих людях, но не проронил всю дорогу ни единого слова, боясь спугнуть надежду.

Наконец вдаль появился край леса, а за ним — аккуратно разлинованные, вспаханные поля, дороги, стекающие к городу, дома, построенные из кирпича, ручей, рядом с которым деловито вертелась водяная мельница. Люди в гудящих повозках останавливались, смотрели на небо и махали рукой воздушному кораблю.

Только теперь Креоан позволил себе вспомнить о боли в руке и благодарно оперся на плечо Чалит.

XXV

Люди, к которым так неожиданно попали путешественники, были рассудительны и трудолюбивы. Они радушно приняли незнакомцев, явившихся из какой-то неизвестной части земного шара, сделали Креоану новую повязку, накормили гостей, одели и предоставили им кров без всяких вопросов.

Помня, какие яростные споры вызвало их сообщение о звезде у золотокожих людей побережья, так и не пожелавших оторваться от проекта, рассчитанного на тысячелетие, путешественники держали свои мысли при себе. Однако сами они задавали хозяевам массу вопросов, стараясь при этом все-таки быть не слишком назойливыми. Все, что они видели вокруг, вселяло в них надежду. От лесных людей их спас воздушный корабль, созданный в этом обществе, всего третий по счету, но уже надежный и легко управляемый; их везли с места, где он приземлился, в гудящей повозке по дороге, мощеной дробленым камнем, склеенным растительным клеем; их поселили в доме, сложенном из кирпичей, который Креоану и Чалит казался довольно примитивным, но был он теплым, устойчивым и прекрасно приспособленным к нуждам человека.

И, не советуясь друг с другом, друзья одновременно пришли к одному и тому же заключению: вполне вероятно, что это и есть

общество, которое за два века сможет предотвратить встречу со звездой.

И все же они не торопились открывать свои карты. Третью планету лежала между ними и их домом — Креоан давно потерял счет, сколько раз они пересекали линии долготы. Путешествие многому их научило, и теперь они были чрезвычайно осмотрительны в словах и поступках, боясь случайно обидеть хозяев неосторожной фразой.

Как, к примеру, гордый изобретатель Роф отреагировал бы на правду о его воздушном корабле, который он считал первым в мире бороздящем небеса Земли, в то время как этот корабль был, по крайней мере, миллионным, поскольку одни только Миноговаристо построили их не менее пятисот тысяч, чтобы подготовить и проконтролировать свои теневые спектакли на облаках!

Как повела бы себя сиделка Креоана, измерявшая не только у него, но и у его товарищей пульс, кровяное давление, эффективность дыхания и другие физиологические параметры, поскольку незнание могли болеть и неизвестными в этом обществе болезнями? Что сказала бы она, узнав, что все эти методы использовались врачами каждого общества, которое мог встретить современный человек в Древней Истории.

И самый важный вопрос: как могла развиваться «механическая» культура при полном отсутствии знаний о своих предшественниках?

Друзья решили, что этот вопрос слишком деликатен, и выяснить его можно лишь обходными путями. Прежде всего они с радостью признали Рофа и Зейлу спасителями, чем те чрезвычайно гордились и чувствовали себя лично ответственными за благополучие подопечных. Путешественники с удовольствием отправились вместе с ними на экскурсию по городу. Каждый из них встречал в городе то, что его больше всего заинтересовало, когда он вместе с друзьями изучал прошлое.

Креоан, рана которого благополучно заживала, теперь тоже часто ходил вместе с товарищами в город и с удивлением обнаруживал в Паро-Мни, Кионг-Ла и даже в Ху качества, о существовании которых даже не предполагал, несмотря на долгое совместное путешествие.

— Это наш друг Шрап, — сказали Роф и Зейла, представляя друзьям мужчину с густой темной бородой, работающего вместе с подмастерьями в комнате с высокими сводами, где сильно пахло серой.

Шрап приветливо поздоровался с гостями и начал рассказывать о смысле и цели своих занятий.

Мы отрезаны от соседних территорий со всех сторон. Лес, как вы знаете, отделяет нас от восточных стран — лесные люди ловят каждого, кто входит в лес, и приносят его в жертву своему воображаемому богу, который, как они считают, спасает их от солнечных лучей. Север покрыт льдами, снег там никогда не тает. На юге от остального мира нас отделяет безводная пустыня, а на западе — цепь гор, где часто случаются землетрясения и откуда течет жидкая красная порода.

Вспомнив о своей недостигнутой цели — горе на западе, откуда, согласно легенде, совершались полеты к звездам, путешественники старались не пропустить ни слова.

— Шрап ищет способы, как нам, не подвергаясь опасности, преодолеть изоляцию, — с гордостью сказал Роф. — Он пытается помочь человеку пересекать непроходимые снега, изобретает устройства для мелиорации земли, чтобы человек мог пройти через пустыню, и многое другое. — Роф сделал паузу и, посмотрев на Зейлу, продолжал: — Когда Зейла придумала некоторые усовершенствования для моего корабля, мы пришли именно к Шрану, чтобы наши замыслы он сделал реальностью.

Паро-Мни был глубоко потрясен тем, что услышал. Он засыпал Шрапа вопросами о том, как можно расчистить дорогу через лес, ведущую на восток, к его родному городу. Когда вся компания двинулась дальше, он не захотел идти вместе со всеми и остался со Шрапом в его лаборатории.

Путешественники поднялись на верх самой высокой башни в городе. Пожилая женщина с ясными глазами и удивленным выражением лица объяснила им, что эта башня называется Люджией и является центром, ответственным за воду, топливо, строительные материалы, пищу, — словом, за все, что нужно людям для приятной и удобной жизни.

Теперь не захотела идти дальше Кионг-Ла. Как выяснилось, она всегда хотела облегчать людям жизнь, удовлетворяя их потребности. В ее городе заниматься этим было невозможно, поскольку там все материальные вопросы решались без участия ученых, а ученым разрешалось заниматься лишь изучением прошлого.

Путешественники шли по городу, встречали все новых и новых его обитателей и не переставали удивляться. Они познакомились с людьми искусства. Один юноша, почти подросток, долго объяснял Чалит, почему форма его флейт, барабанов и колокольчиков именно такая, а не другая. Креоан вспомнил о Мэдал и подумал о том, что Чалит могла бы остаться с ней в ее прелестном домике и жить, наслаждаясь музыкой и покоем, однако нет, Чалит предпочла пойти вместе с ним через бескрайнюю равнину, чтобы совершить невозможное. Только сейчас он понял, как огромна ее любовь к Земле, и ему захотелось немедленно сказать, как он восхищен ее поступком.

Они встретили в городе и ученых, которые изучали природу во всех аспектах и могли спорить от рассвета до заката о происхождении древесных людей. Ху, который многое узнал, изучая с помощью Древа Истории различные биологически образованные культуры, с большой охотой стал помогать ученым и даже иногда высказывал свои идеи — Креоан считал, что они возникают у него на основе наблюдений за мясными существами, которых он собирал в стада и отправлял на смерть. Здесь же, в этом городе, не было ничего похожего на ежедневное прибытие мяса или кружение огоньков, что могло бы поведать людям о существовании иной жизни, и поэтому все, что рассказывал Ху, их восхищало.

И сам Креоан нашел здесь для себя друзей. Роф и Зейла представили его человеку по имени Йейд, который изучал небо с помощью пусть примитивного, но тем не менее действующего телескопа, причем линзы для него Йейд отшлифовал собственными руками. Он знал, что Земля круглая, но до сих пор не измерил ее величины: подозревал, что звезды — это солнца, но пока не сумел определить, на каком расстоянии от Земли они находятся. Креоан был восхищен самоотверженностью этого человека, но чувствовал, что Йейд пока еще не вполне ему доверяет и что преодолеть барьер, существующий между ними, будет непросто.

Но теперь было уже очевидно, что если эти люди не будут слишком настаивать на своем приоритете во всех технических изобретениях — начиная с воздушных шаров и кончая телескопами — то именно такое общество и обладает потенциальной возможностью предотвратить катастрофу.

На девятый день после их прибытия Роф и Зейла — у которых не было детей и поэтому они могли сколько угодно времени проводить с гостями — пришли, чтобы разделить с ними вечернюю трапезу. Все с аппетитом ели горячие пироги, только что вынутые из печи, и пирожные, пропитанные медом. Роф и Зейла были вежливы и спокойны и, казалось, не обращали внимания на то, что время от времени путешественники, желая что-то от них скрыть, говорят на языке Чалит и Креоана, который для них недоступен.

И все-таки через некоторое время Креоану показалось, что их спасители держатся довольно напряженно. Причина этого стала ясна, когда Роф неожиданно заговорил:

— Друзья, извините меня за прямоту, но я должен задать вам вопрос, который мучает меня с тех пор, как мы встретились с вами в лесу. Тогда вы с таким знанием дела говорили о воздушных кораблях, утверждая при этом, что никогда ни одного не видели! Мы знаем от наших друзей, что и при них вы иногда переговаривались между собой о каких-то невероятных вещах, но потом умолкали, будто набирали в рот воды! Меня снедает подозрение, и я должен, я обья-за н вас спросить: вы пришли из краев, где все наши технические достижения давно превзойдены? Вы относитесь к нам, как к детям, играющим в игрушки?

Путешественники переглянулись. Никто не решался заговорить. Но не ответить было нельзя, и Креоан, тщательно подбирая слова и стараясь не обидеть своих гостеприимных хозяев, сказал:

— Нет, мы относимся к вам совсем иначе! Мы восхищаемся вашими успехами, и более всего по причине, о которой я скажу потом. Но сначала я хотел бы вас спросить: что вы знаете о происхождении вашего общества? О других культурах? О ваших соседях — древесных людях?

— Очень мало, — ответила Зейла. — Наши письменные источники охватывают только три-четыре столетия, хотя мы подозреваем, что в них есть обрывки сведений о более ранних событиях. Насколько

мы можем судить, наши предки, утратив большую часть своих владений, пришли сюда с запада, перебравшись каким-то образом через вулканическую цепь, о которой мы вам уже говорили. Наткнувшись на непроходимый лес, они были вынуждены обосноваться здесь. Хоть они и называли эти места своим домом, мы сделали все, чтобы вырваться из этой искусственной изоляции. Такова вкратце история нашего народа.

— А древесные люди в то время были уже тут? — спросил Креоан.

— Мы думаем, что да. Не только же чаща остановила наших предков?

— И вы ничего не знаете о тех краях, откуда они пришли?

— Ничего, — пожала плечами Зейла. — А что? Вы что-нибудь об этом знаете?

— Возможно. — Креоан вздохнул. — Ваш рассказ объясняет, почему вы оказались такими невежественными в области истории. Люди, по какой-то неизвестной причине покинувшие дом и измученные долгим переходом через неизвестные земли, вполне могли утратить большую часть знаний, накопленных за века. И все же вы сохранили одно качество, которое может оказаться спасительным для нашей Земли. У вас есть практичное, осмысленное отношение к фактам человеческого существования, и это, как я уже говорил, нам очень в вас нравится.

Он взглянул на своих друзей-путешественников.

— Я могу продолжать? — спросил он.

Все согласно закивали.

— Мне бы очень не хотелось говорить об этом, — снова заговорил Креоан, — но я думаю, вы простите меня, когда узнаете, что поставлено на карту. Начнем с вашего воздушного корабля. Вы спрашиваете, откуда я знаю о его возможностях, если вижу его впервые? Дело в том, что в предшествующие века таких кораблей были миллионы. Также мне известно, что ваш друг астроном Йейд был поражен моими случайными замечаниями о звездах. Я знаю о них больше, чем Йейд, потому что всю жизнь изучал их с помощью приборов во много раз более совершенных, чем его телескоп. В частности, я открыл, что одна из звезд уничтожит нашу Землю, если не найдется способа это предотвратить.

Роф был потрясен, но не сообщением о грядущей катастрофе.

— Миллионы? М и л л и о н ы воздушных кораблей, таких, как мой? — бормотал он.

Но Зейла дослушала Креоана до конца.

XXVI

Креоан замолчал, и Роф вскочил на ноги. Сжав кулаки, он возбужденно бегал по комнате.

— Нельзя было сыграть над нами более злую шутку! — кричал он. — Подумать только, что все, чем мы гордились — телескопы Йейда, механизмы Шрапа, наши воздушные корабли — все было

уже создано, и не один раз! Что ж, узнав это, мы можем позволить звезде нас прикончить! В конце концов после этого никто больше не испытает такую горечь и разочарование!

— Нет! — воскликнула Зейла, схватив Рофа за руку. — Ты не прав! Я не могла от тебя такого ожидать, Роф! Неужели ты не понимаешь, как нам повезло?

— Повезло?! — Роф горько рассмеялся. — О, да! Повезло! Это напоминает везение человека, который ухлопал всю жизнь на строительство дамбы, чтобы защитить свой дом от наводнения, а когда закончил, узнал, что река пересохла!

— Нет, Роф, послушай меня! Креоан говорит нам о грядущей великой беде, а ты заткнул уши и не желаешь ничего слышать, потому что кто-то много веков назад уже сделал то, что ты изобрел только сейчас!

Сделав над собой усилие, Роф перестал бегать по комнате и неуверенно посмотрел на Зейлу.

— Послушай! — снова сказала Зейла, и ее темные глаза засияли. — В прошлое тысячелетие люди изобрели очень важную вещь. Это не Древа Истории — они были придуманы на много тысячелетий раньше, во времена Умфтити. Нет, я имею в виду другое: систематическое использование информации, которую Древа Истории предоставляют; ее анализ, сопоставление различных периодов и выводы, сделанные из этого...

— Но, как я понял из рассказов наших друзей, — оживился наконец Роф, — соотечественники Кионг-Ла и Паро-Мни не желают даже прикасаться ни к каким материальным вещам или изобретениям. Они скорее зажарятся живьем, чем замарают свои руки черной работой! Им кажется, что это ниже их достоинства!

— Но мы-то другие! — почти выкрикнула Зейла. — А дед Кионг-Ла обещал Креоану и его друзьям любую помощь!

Ее голос стал тихим и нежным.

— Любимый, мы прожили вместе достаточно долго, и я помню, как тебя угнетала ограниченность нашей жизни. Мы отрезаны от мира вулканами, лесом, пустыней, льдами. Разве нас испугали трудности, когда мы решили перелететь через все эти препятствия? И мы перелетели — и они нам показались ничтожными!

Роф задумчиво кивнул.

— Прекрасно! — продолжала Зейла. — Я не верю, что, узнав о полетах других людей, пусть даже и неудачных, ты согласишься летать только вокруг собственного дома, а не по всему свету или даже в космосе! Мы еще молоды — ты и я, и оба не глупы. И Шрап, и Йейд, и все наши друзья тоже. Что было сделано однажды, может быть сделано вновь!

— Нет, не может, — возразил Роф. — Креоан сказал, что существовали технологии, основанные на ресурсах, которых на земле давно уже нет. Закопанные леса, которые называли «углем», минеральные масла, которые добывали из земли, — все это было безрасходно потрачено, от этого не осталось и следа.

— Но солнце по-прежнему светит, а ветер — дует, — сказал

Креоан,— магнит, как и раньше, притягивает железо, а ток течет по проводам. Воздух состоит из тех же газов, что и тогда, когда человек узнал о его составе и о процессах, происходящих на Солнце. Запас энергии во Вселенной на протяжении какой-то сотни тысячелетий не изменился.

На лице Рофа отражались самые разные чувства, и когда, наконец, он согласно кивнул, все почувствовали облегчение.

— Но... если звезда подобна нашему Солнцу, но только голубее...— неуверенно проговорил он.— Не значит ли это, что она и горячее? Кажется, Йейд говорил...

— Нет, она во всех отношениях похожа на наше Солнце,— прервал его Креоан,— а голубее кажется из-за того, что движется с громадной скоростью, только и всего.

— Но даже если она как Солнце...— Роф облизнул губы.— Да можем ли мы, мечтавшие как о великом чуде пролететь хотя бы сто футов против ветра, можем ли мы поставить перед собой такую фантастическую цель?

— Как бывало, и не раз, когда люди, вдохновленные великой целью, перескакивали через ступени прогресса: от хождения по земле сразу к космическим полетам,— сказал Паро-Мни.

— Но вы же сами говорили, что за восемьдесят тысяч лет не нашлось людей, способных изменить траекторию звезды!

— Не нашлось,— спокойно сказала Зейла, сев в кресло.— Это осталось для нас. Мы должны сделать то, чего до нас еще никто не делал.

Наступила тишина. Роф с удивлением посмотрел на жену.

— Ты права,— сказал он наконец.— Права ты, а не я. Но где нам искать людей, которые помогут нам это сделать? Где они? В городе, где живет Паро-Мни, их нет. Там обитают одни белоруки, которых не волнует судьба Земли. В городе Креоана, где используют знание истории лишь для того, чтобы себя тешить, их тоже нет...

— Вы их найдете,— неожиданно проговорила Чалит.— Однажды я в шутку сказала Креоану, что сама Земля на нашей стороне, поскольку наша цель прекрасна. Теперь я это говорю всерьез. Почему это так, объяснить не могу, но чувствую, что это правда. И то, что метеоры предсказали нам переход через лес, подтверждает мои слова.— Она откинула волосы, упавшие на лицо и задумчиво сказала: — Я все время думаю, не связаны ли изменения пространственной структуры, передающей воспоминания в Древах Истории, с волей человека, с его активным желанием, чтобы Земля была спасена?.. Поверьте мне, вы найдете людей, которые вам нужны.

— Я многое бы отдал за такую уверенность,— вздохнул Креоан.

— В одном вы можете не сомневаться,— заявил Роф,— мы сделаем все, что будет в наших силах. Наши сограждане постараются сделать в этом мире что-то такое, чего никто еще не сделал и кроме нас никогда и не сделает.

— Разве ты не испытываешь гордости за человеческий род? — спросил Ху Креоана через несколько дней.

Вместе с Чалит они стояли на балконе высокой башни Людзии и смотрели на дождевые тучи, собиравшиеся над вулканами на западе. Кионг-Ла и Паро-Мни остались в лаборатории вместе с Рофом и Зейлой: они обладали обширными познаниями, связанными с историей этих мест, и могли помочь в поисках залежей угля и руды.

— Чем это я должен гордиться? — проворчал Креоан.

— Тем, что есть еще люди, которые... которые имеют великую наглость бросить вызов Вселенной! — Ху ухмыльнулся в густую бороду. — Я так благодарен вам обоим за то, что вы выдернули меня из моей родной долины! Страшно подумать, что я мог остаться там и до конца дней делать работу, которая давным-давно потеряла всякий смысл. Вы привели меня к целеустремленным людям, энергичным, любознательным, интересующимся всем, что происходит вокруг. Никогда в жизни я не был так счастлив и даже не мог себе представить, что такое возможно.

Никто не ответил ему. И Чалит, и Креоан молчали. Немного озадаченный, Ху продолжал:

— Разве вы не выполнили задачу, ради которой отправились в путь? Впереди два века исследований и подготовки к операции. Я надеюсь, что Роф пошлет на воздушном корабле мастеров туда, где они смогут на деле применить сведения, собранные Древями Истории. Если вам этого мало, то чего же вы хотите еще?

— Я не знаю, — вздохнул Креоан. — Вполне возможно, что этого недостаточно.

— А ты, — Ху посмотрел на Чалит, — может быть, ты поможешь ему увидеть смысл в том, что уже сделано? Ведь он хотел одного: донести свою важнейшую информацию до тех, кто мог бы ею воспользоваться, — и он сделал это. Вряд ли кто-нибудь из живших на нашей старушке Земле достигал когда-нибудь большего успеха в достижении своей цели, чем ты, Креоан.

— В этом-то и заключается несчастье, — спокойно сказала Чалит, и Креоан устало улыбнулся, радуясь, что она его понимает. — Плохо, когда такая колоссальная цель достигается чересчур просто.

— Просто?! Неужели вы забыли, как ваша жизнь не один раз висела на волоске? Аррхихарр чуть не застрелил вас, думая, что вы воруете его мясо. Маленький темнокожий повелитель, не раздумывая, убил бы вас, если бы не твой, Чалит, подводный друг. Мы нашли всего лишь двух нужных нам людей в городе Кионг-Бину, а если бы вообще никого не нашли? Мы блуждали бы по лесам и горам и, возможно, погибли бы где-нибудь в глуши. Древесные люди могли проткнуть нас копьями, и мы умерли бы, истекая кровью, ради этого идола из листьев и веток. И вы считаете, что это «просто»? Тогда я хотел бы знать, что называется сложным?

— Я не это имел в виду, — устало сказал Креоан. — Вероятно, дело в том, что все мы шли к общей цели разными путями. Мэдал удовлетворилась тем, что нашла людей, которым могла по-

могать, дарить свои способности и тепло, будучи уверенной, что ее дар ценят. Ты, Ху, искал дело, важное для сегодняшнего дня, а не для прошлого. То же самое относится и к Кионг-Ла и Паро-Мни. Поэтому они так охотно отвечают на бесконечные вопросы наших новых друзей. Их не удовлетворяет знание как таковое, они ищут ему применение в отличие от Ненг-Иду, который готов, завершив описание великой истории человечества, увидеть, как это самое человечество сгорит в день, когда будет дописана последняя страница.

— Понятно,— кивнул Ху.— Вселенная существовала до нас и, вероятно, будет существовать, когда мы исчезнем, но я не вижу причины торопить смерть или даже допускать ее возможность. Что ты об этом думаешь, Креоан?

— Я не удовлетворен ни прошлым, ни настоящим,— сказал Креоан.— Теперь я знаю, что заставило меня принять вызов Чалит и отправиться через земли и моря. Меня интересует только будущее.

— Будущее? — воскликнул Ху.— Но забота о безопасности Земли разве не имеет отношения к будущему? Разве...

— Бесполезно объяснять,— прервал его Креоан. Он был в отчаянии, что не может выразить свои чувства.

— Существует прошлое — сто тысяч лет! — не унимался Ху.— Сколько знаний можно из него почерпнуть!

— А на сколько мы продвинемся при этом в будущее? — выкрикнул Креоан.— Наша жизнь — всего-навсего одно тиканье вселенских часов. Что можно сделать за отпущенное время? За два миллиона лет до того, как люди начали записывать свои мысли и поступки, на этой планете жили существа, которые разводили костры, делали из камней и палок инструменты, объяснялись друг с другом жестами, заменяющими им речь. Они тоже были людьми, мой друг, и тем не менее у них так же мало общего с нами, как у нас с теми, кто придет после нас!

— Да, это так,— кивнул Ху,— и все-таки на твоем месте я бы вполне удовлетворен. Не будет никакого будущего, если нас уничтожит звезда. Ты сделал то, ради чего отправился в путь, и, по-моему, возражаешь только из упрямства.

— Да, мы сделали то, ради чего ушли из дома,— вмешалась Чалит,— но не то, что должны были сделать, осознав, благодаря Древам Истории, степень нашего невежества.

Креоан посмотрел на нее со смешанным чувством удивления и восхищения, и она, забыв о Ху, говорила, уже обращаясь только к нему одному.

— Разве мы не собирались идти в западном направлении до тех пор, пока не дойдем до горы, о которой говорилось в стольких легендах? Мы сделали все, что могли, рассказав этим людям о приближающейся катастрофе. Задача, которую мы перед ними поставили, даст им возможность максимально использовать и развить свои способности. А мы теперь вольны и можем дойти до самого конца.

Упав за валун, чтобы укрыться от пронизывающего ветра, Креоан хотел было сказать, что страшно устал, но во рту было сухо, как в пустыне. Чалит тоже еле двигалась. Идти становилось все труднее и труднее. За последние три дня, кроме нескольких лишайников, они не встретили ничего — ни живых существ, ни воды. Люди здесь тоже не жили. Это был огромный выжженный рубец на лице Земли — голый, истощенный землетрясениями и засыпанный пеплом, где робкие попытки живой природы возродиться постоянно подавлялись камнепадами и выбросами лавы. Воздух здесь пах серой, а мрачное небо имело желто-серый оттенок.

А что если гора, которую они ищут, думал Креоан, выветрилась или была разрушена каким-нибудь землетрясением? Или, что еще хуже, сохранилась, но когда они, наконец, дойдут до нее, окажется неприступным утесом? Они даже не знали, добрался ли до нее тот человек из Умфтити тридцать тысяч лет назад. А может быть, она находится вовсе не здесь, а значительно дальше?

И все же они продолжали двигаться — то ползком, то карабаясь по каменным глыбам, стараясь не угодить в трещину, то увязая по колено в пепле. Сколько еще им предстоит идти? Креоан старался об этом не думать. Его глаза, красные от усталости, иногда останавливались на Чалит, и он с грустью отмечал, как она осунулась и похудела. Он и сам был похож на скелет, и нередко ловил себя на том, что ему хочется скорее стать трупом.

Но каждый раз в этот момент он чувствовал на себе взгляд Чалит и видел, что она улыбается ему — улыбается серыми от пыли, потрескавшимися губами, и заставлял себя улыбнуться в ответ.

Он не знал, сколько дней они уже были в пути, когда однажды закачалась под их ногами земля. Скала, вдоль которой шли, задрожала, как будто планету бил озноб. Они крепко ухватились друг за друга, легли на землю и зажмурились, понимая, что сейчас начнется извержение вулкана.

Раздался долгий ревуший звук, потом грохот, а вслед за ним звук скольжения и перемалывания: громадная гора поднималась из пропасти и застывала, засыпая все вокруг щебнем и галькой.

Когда грохот и рев затихли, Креоан поднял голову и огляделся.

Он не поверил собственным глазам и решил, что это галлюцинация. Там, где несколько минут назад расстилась безжизненная равнина, была гора. Черная. Огромная. Вызывающая благоговение. Со склонов ее текла вода, а вершина сверкала, как алмаз, под тусклым небом. Гора еще росла.

Креоан безумным взглядом посмотрел на Чалит и хотел ей сказать, что... что... Снова раздался грохот — казалось, ярость всех громов в небе, клочкотание всех землетрясений, вой всех океанов слились в один невероятный, невыносимый рев. Земля снова завибрировала у них под ногами, будто они стояли на чудовищном исполинском барабане, а боги били по нему молниями вместо палок.

И вот первые ручьи, вырвавшиеся из земли, разлились у их ног, друзья упали и стали барахтаться в теплой грязной воде, плача и бормоча какие-то слова. Слепой ужас толкнул их к воде — к стихии, которую их пращуры познали до того, как вышли на сушу, откликнувшись на властный зов вечной природы.

Далеко на горизонте дымились кратеры, извергшие лаву и посеявшие горящие семена для будущих гор.

Креоан очнулся. Он был жив, и рука его сжимала руку Чалит. Мучительно, по частям, Креоан собирал себя, свою личность из фрагментов и кусков, на которые он был раздроблен землетрясением. Он с трудом встал на ноги и помог подняться Чалит. Ледяной ветер пронизывал их до костей, но они этого не замечали. Они просто смотрели вокруг.

Прошли минуты, а может быть, и часы, прежде чем Креоан нашел слова, чтобы выразить то невероятное, что открылось ему.

— Чалит! Эту гору сделали люди! Они спрятали ее под землей, и она лежала там сто тысяч лет. Но куда девались люди? — в его голосе было отчаяние. — Где они сейчас, когда Землю ожидает гибель?

Чалит не ответила, а схватила его за руку и потащила к горе через перерывную землю.

Они подошли ближе и увидели в горе отверстие в форме трапеции, высотой, наверное, в два роста Креоана. Они с трудом перебрались через груды камней, разбросанных возле отверстия, заглянули внутрь и увидели длинный коридор, стены которого освещены бледно-голубым флюоресцентным светом. В глубине горы пульсировало что-то огромное и мощное — будто они проникли в вены исполинского зверя и слышали биение его сердца.

Они переступили порог и остановились.

Эта гора была похожа на Древо Истории, но содержала только одно воспоминание и, кроме того, не была живой. Она представляла собой огромное хранилище смоделированных схем электрического тока, который путем индукции мог создавать другие модели, действующие в человеческом мозгу.

— Если они смогли сделать это, — сказала Чалит, глядя в бесконечность коридора, — они смогли бы и заставить звезду свернуть с пути.

— Они это и сделали, — торжественно проговорил Креоан. — Молчи и иди за мной.

Он взял Чалит за руку, и они, прихрамывая, пошли по коридору, чтобы узнать о самом великом деянии из всех, которые когда-либо совершали люди.

Как они называли себя? Своих имен они не оставили. Достаточно, что это были мужчины и женщины Земли. Они учились, читали, проводили эксперименты, пытались постичь Вселенную.

Они рассеялись по всей планете, погрузились в ее моря, пересекли ее джунгли и льды; они глубоко проникли в ее недра и высоко поднялись в ее атмосферу.

Когда их внимание привлекла Луна, они приложили такие же усилия, чтобы постичь и ее. После Луны их заинтересовали другие планеты. Они не стали покрывать поверхность спутника Земли растительностью, чтобы удовлетворить свою мимолетную прихоть. Они не стали, подобно Мув, наблюдать за звездами лишь для того, чтобы предсказывать судьбы предводителей. Ими руководило любопытство, доходившее порой до одержимости. Чем может кончиться их соби́рание знаний, не задумывались. Возможно, у них и было смутное ощущение, что это принесет человеку счастье, но скорее всего, по мнению Креоана (а ему казалось, что он понимает этих людей), они просто испытывали удовлетворение, доказывая самим себе, что они не так уж слабы и ничтожны даже по сравнению с могущественным и бесконечным космосом.

Они нанесли на карту направление движения в кольцах Сатурна, взглянули из пустынь безжизненного Плутона на Солнце, похожее на маленькое пятнышко, пронзили пылающую оболочку солнечной атмосферы и обнаружили, что находятся на краю бездны — такой громадной, что даже луч света мог пересечь ее лишь за несколько лет.

Неустрасимые, они начали искать способы обойти природные законы Вселенной. Они попытались ускорить ход этих медлительных лучей — и не смогли. Не было надежды построить корабли, обгоняющие свет. Тем не менее они не оставляли мысли посетить звезды. Быстро, но все же слишком медленно их корабли неслись по межзвездным пространствам, и некоторые возвращались, чтобы рассказать о других мирах и существах, которые смотрят на земное Солнце и видят его как тусклую белую звезду.

Но на посещение даже самого близкого из миров тратилось не менее десяти лет.

Они ухитрились искусственно удлинить сроки своей жизни, но Вселенная была огромна, а Галактика представляла собой лишь малую ее часть, и девятьсот девяносто девять тысяч девятьсот девяносто девять ее частей из миллиона оставались для них недоступными.

И в это время стали раздаваться голоса: «Довольно!» «Хватит!»

Но исследователи не желали их слышать.

Это было парадоксом того времени: несмотря на мощные космические корабли, межзвездные заливы, не говоря уже о межгалактических, оказались для людей фактически непреодолимыми. Однако именно тогда стало ясно: если будет найден новый способ движения во Вселенной, человечеству хватит времени, чтобы изучить Вселенную во всей ее полноте, — она будет существовать так долго, что ее можно считать вечной.

И было достигнуто согласие между людьми, которые кричали «Довольно!», и теми, кто хотел и дальше изучать Вселенную: весь мир должен был в последний раз объединиться для осуществления гигантского проекта. Ученые рассуждали так: корабль не может перенести достаточное количество людей через Галактику, но планета может. Используя энергию самих звезд, ученые подтащили ближе к Земле другую Солнечную систему и сделали одну из ее пустынных

планет обитаемой, и тот, кто хотел совершить самое великое в мире путешествие, мог прилететь на нее и там обосноваться.

Затем ученые заставили эту звезду двигаться по такой орбите, которая через сто тысяч лет приведет ее обратно к Земле вместе с людьми и урожаем знаний.

Вот так и исчезло у людей Земли желание изучать Вселенную — ведь все ее любознательные обитатели с богатым воображением и любовью к приключениям оказались в другом мире. Старые привычки у жителей Земли отмирали с трудом, и многие поколения в течение нескольких тысячелетий еще что-то помнили и пытались, в основном из зависти, превзойти улетевших на другую планету людей. Но со временем подробности этих событий терялись, ученые более поздних цивилизаций смеялись над легендами о перемещении звезд, и легенды были забыты.

Это тоже они предвидели, эти великие люди. И они спрятали гору под землю, уверенные, что все равно найдутся на свете люди, которые, несмотря ни на что, будут верить, что под этой горной цепью скрыт ключ от звезд, ожидающий назначенного часа. Электронные модели, хранящиеся в банках памяти грандиозного механизма, будут существовать всегда в надежде, что когда придет время возвращения на Землю потомков тех отважных людей, кто-нибудь из земных жителей, может быть, окажется неподалеку и узнает о былой славе человеческого рода и будет счастлив, что живет на Земле.

XXVIII

— Так вот что притягивало нас сюда! — воскликнула Чалит. — Креоан, ты ведь тоже это чувствовал?

Они вышли наружу и теперь слепо брели среди камней. То, что им открылось, превосходило даже их самые сокровенные мечты. Пораженные, друзья старались осмыслить втиснутую в их мозг информацию.

Смеркалось. Очевидно, они пробыли внутри горы много часов.

— Я думаю, это притяжение ощутил бы любой, кто знает о приближении гибели Земли и пытается ее спасти. Даже если бы этот человек находился на другом конце нашей планеты. Может быть, сейчас храбрые люди плывут через океаны или сбивают ноги о камни этой горной цепи, следуя призыву силы, которая заставила метеоры сойтись в одной точке. — Креоан немного помолчал и добавил: — Я никогда не обращал внимания на предзнаменования, никогда! Но теперь поверил в них! Как я теперь понимаю, это тоже неслучайно. Возможно, те люди создали знаки и знамения, убедительные для невежественных варваров на случай, если больше ничего не останется. А по сравнению с ними разве мы не варвары? Посмотри-ка на меня и на себя! Лохматые, хромые, оборванные — мы прекрасная пара для того, чтобы встречать наших братьев.

Чалит сделала шаг назад и взглянула на Креоана, он на нее — и оба начали безудержно хохотать, цепляясь друг за друга, чтобы не потерять от смеха равновесие и не упасть на камни.

— Ой-ой-ой! — с трудом выговорила Чалит. — Какой же у нас вид! Но я не стыжусь. Все же в нас что-то еще осталось от того великого духа, который повел их к звездам. Если бы в нас его не было, мы бы не услышали зова горы.

Оба замолчали. Наконец Креоан сказал:

— Знаешь, наверное, нам надо пойти назад.

— Назад? — лицо Чалит стало серьезным.

— Ведь у нас для наших друзей есть невероятная новость...

— Но будут ли Роф, Зейла, Паро-Мни и все остальные рады, если мы вернемся и скажем: оказывается, нет никакой опасности!

— Не исключено, что она все-таки есть, — сказал Креоан. — Кто знает, что могло случиться в том, другом мире за сто тысяч лет? Разве не могли наши братья, как и мы, через определенные циклы возвращаться к дикости и варварству?

Чалит сникла.

— Это было бы грустно, — сказала она. — Но ты, конечно, прав. Пойдем! Они должны знать правду.

И все же она медлила, глядя на совсем уже темное небо.

— Креоан! — неожиданно воскликнула она изменившимся голосом. — Посмотри! Звезда двигается!

— Я думаю, все метеоры теперь притягиваются к этому месту, — пожал плечами Креоан.

— Нет, Креоан, я прекрасно знаю, как выглядят метеоры — их короткую вспышку и тусклое свечение хвоста. Но этот движущийся огонек не блекнет!

Креоан поднял голову и посмотрел вверх. Чалит была права: яркий огонек загадочным образом пересекал небо, пронзая клубящиеся облака вулканического дыма. Он рос на глазах. И Креоан понял, что это...

— Они не забыли нас, — прошептал он и сжал руку Чалит. — Не забыли!

— Что ты имеешь в виду? — крикнула Чалит.

— Это может означать только одно: сто тысяч лет назад такие корабли улетели с Земли в другой мир. И вот они возвращаются! Чалит, Чалит, как прекрасно, что мы живем именно сейчас!

— Тогда... — она запнулась. — Тогда не пойдем назад! Давай ждать их. Ведь они прилетят сюда? Они, наверное, помнят, где их гора?

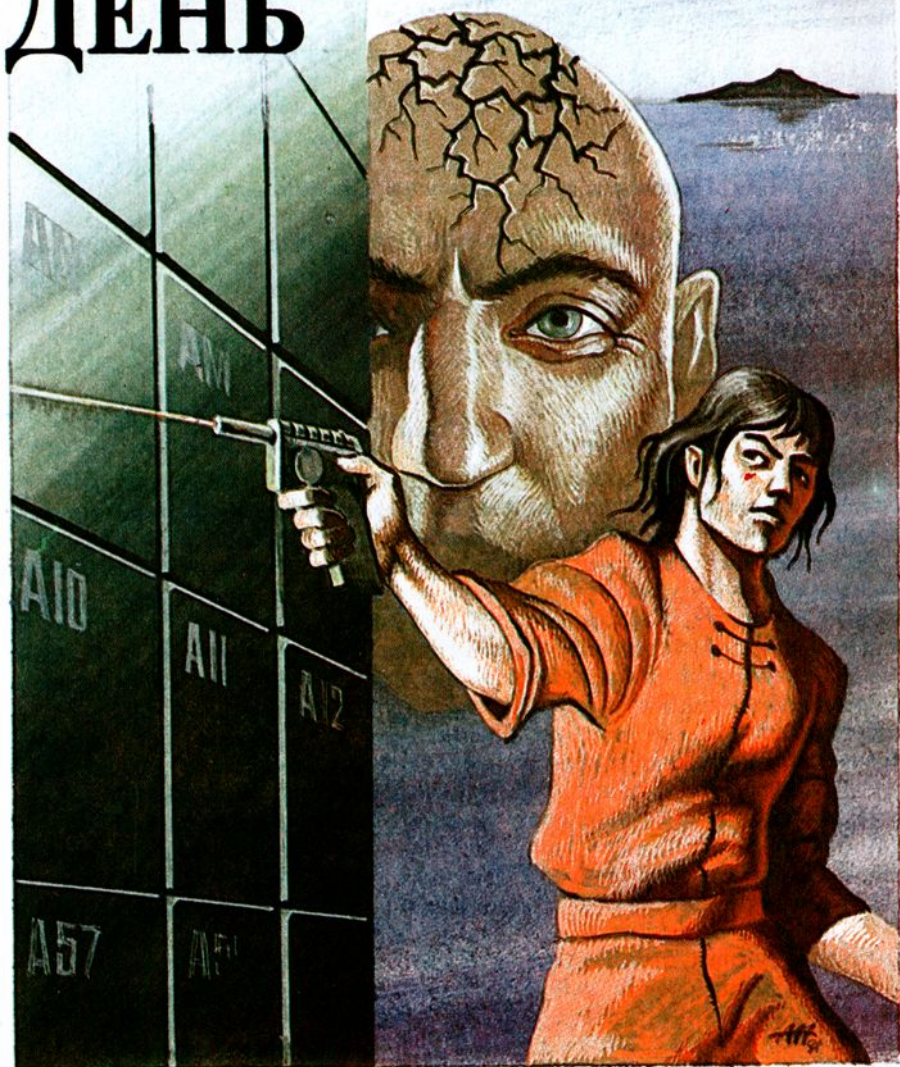
— Конечно, мы будем их ждать, — сказал Креоан. — Если бы мы знали, мы ждали бы их всю жизнь!

Космический корабль увеличивался на фоне неба.

Он шел на посадку.

АЙРА ЛЕВИН

ЭТОТ ИДЕАЛЬНЫЙ ДЕНЬ

Перевод с англ. *Дмитрия Тихомирова*

Редактор *Надежда Голосовская*

Спасибо, Маркс, Христос, Вуд, Вей —
За этот идеальный день!
Маркс, Вуд, Вей и Христос —
Кто остался — вот вопрос?
Вей, Вуд, Христос и Маркс —
Только Вей жив сейчас.
Дали нам они подарки:
Школы светлые и парки,
И нас сделали они
Послушными, х о - р о - ш и - м и!

Детская считалочка
для игры в мяч

ЧАСТЬ I

ВЗРОСЛЕНИЕ

Глава первая

Посреди белых бетонных строений большого города, между гигантскими и просто высокими домами примостилась широкая розовая площадь. Это площадь для игр; около двухсот детей играют здесь под присмотром десятка воспитательниц в белых комбинезонах. Дети — все голые, загорелые, черноволосые — ползают по красным и желтым цилиндрам, качаются на качелях, играют в групповые игры в тенистом углу, где нарисованы на земле «классики», сидит компания из пяти детей, один говорит, остальные слушают.

— Они ловят зверей, едят их, а шкуры носят, — рассказывал мальчик лет восьми. — И они делают то, что называется «драка». Это значит, бьют друг друга руками, камнями и всякими штуками. И они совсем друг друга не любят и друг другу не помогают.

Его слушали, вытаращив глаза от удивления. Одна девочка, чуть помладше, сказала:

— Но ведь нельзя снять браслет! Это невозможно! — она оттянула свой браслет пальцем, чтобы показать, как надежно он сидит на руке.

— Браслет снять можно, если есть такие инструменты, — ответил мальчик. — Ведь тебе же его снимают в день нового звена.

— На секунду!

— Но ведь снимают!

— Где они живут? — спросила другая девочка.

— В горах, на вершинах. В глубоких пещерах. Везде, где их не найти.

— Они, наверное, больные,— сказала первая девочка.

— Конечно, больные,— засмеялся мальчик.— «Неизлечимые» — и значит больные. Их и зовут «неизлечимые», потому что они совсем-совсем больные.

Самый маленький, лет шести, спросил:

— А их не лечат?

Большой мальчик презрительно глянул на него.

— Без браслетов? В пещерах?

— А как они стали больными? — спросил маленький мальчик.— Ведь пока они не убегут, их лечат?

— Лечение,— ответил старший,— не всегда помогает.

Маленький мальчик воскликнул:

— Всегда?

— Нет, не всегда.

— Боже мой! — сказала подошедшая к детям воспитательница, с волейбольным мячом под мышкой.— Вы не слишком тесно сидите? Во что вы играете? В колечко?

Дети отпрыгнули друг от друга и раздались пошире, только шестилетний малыш так и не сдвинулся с места. Воспитательница удивленно посмотрела на него.

Из громкоговорителей прозвучал сигнал: «Дин-дон!»

— Душ, и одеваемся! — крикнула воспитательница детям, играющим в мяч.

Малыш наконец встал на ноги, но выглядел он озабоченным и несчастным. Воспитательница с беспокойством склонилась над ним:

— Что случилось?

Мальчик часто-часто заморгал глазами. Правый глаз у него был зеленый, левый — карий.

Воспитательница бросила мячи на землю, взяла руку ребенка, взглянула на его браслет, потом нежно обняла малыша за плечи:

— Что с тобой, Ли? Ты проиграл? Но проиграть — то же самое, что выиграть, ты ведь знаешь, правда?

Мальчик кивнул.

— Важно повеселиться и поупражняться, правда?

Мальчик снова кивнул и попытался улыбнуться.

— Ну, вот так-то лучше,— похвалила воспитательница.— Уже лучше. Теперь ты не похож на старую грустную мартышку.

Мальчик улыбнулся.

— Под душ, и одеваться,— с облегчением сказала воспитательница. Она повернула мальчика за плечи и легонько шлепнула по задку.— Давай,— сказала она,— беги.

Мальчик, которого звали Чип, но чаще Ли (его номер был Ли РМ 35М 4419) — почти ни слова не сказал за ужином, но его сестра Мир болтала без передышки, поэтому никто из родителей

не обратил внимания на молчание сына. Только когда вся семья уселась в кресла перед телевизором, мать взглянула на него:

— Ты в порядке, Чип?

— Да, все хорошо.

Мать повернулась к отцу и сказала:

— Он ни слова не вымолвил за весь вечер.

Все хорошо,— сказал Чип.

— Тогда почему ты такой притихший? — спросила мать.

— Тс-с,— сказал отец. Экран засветился, цветное изображение постепенно становилось ярче.

Когда первый телечас закончился и дети собрались спать, мать Чипа вошла в ванную и стала смотреть, как он чистит зубы. Чип кончил чистить зубы и положил щетку в футляр.

— В чем дело? — спросила мать.— Кто-то что-то сказал про твой глаз?

— Нет,— ответил он, краснея.

Сполосни щетку.

— Я уже прополоскал.

— Сполосни.

Он вымыл щетку и, дотянувшись, положил футляр на полку.

— Иисус говорил,— сказал он.— Иисус ДВ. Когда мы играли.

— О чем? О твоём глазе?

— Нет, не о глазе. Никто ничего не говорит о моем глазе.

— Тогда что же?

Чип поежился.

— О членах, которые... заболели и... уходят из Семьи. Убегают и снимают браслеты.

Мать взволнованно посмотрела на него. «Неизлечимые»,— сказала она.

Сын кивнул. То, как мать отреагировала на его речь, и то, что она знала это слово, еще больше обеспокоило Чипа.

— Это правда? — спросил он.

— Нет,— ответила мать.— Это неправда. Я позову Боба, он объяснит тебе.— Она заторопилась из ванной, столкнувшись в дверях с Мир, которая входила, застегивая пижаму.

В гостиной отец Чипа спросил: «Осталось две минуты. Они еще не в постели?»

— Кто-то из детей рассказал Чипу о неизлечимых,— сказала мать.

— Вот ненависть! — заволновался отец.

— Я позвоню Бобу,— сказала мать, подходя к телефону.

— Уже девятый час.

— Он придет,— сказала мать. Она дотронулась своим браслетом до пластинки телефонного сканера и прочла громко номер, напечатанный красным на карточке, заткнутой за рамку экрана: «Боб НЕ 20Г 3018». Она ждала, нервно сжимая руки.— Я видела, что его что-то беспокоит,— произнесла она.— Он ни слова не сказал за весь вечер.

Отец Чипа поднялся с кресла.

— Я поговорю с ним,— сказал он.

— Пусть лучше Боб это сделает! — отозвалась мать.— Отправь Мир в кровать, она еще в ванной.

Боб пришел через двадцать минут.

— Он в комнате,— встретила его мать Чипа.

— Вы смотрите телевизор,— сказал Боб родителям.— Садитесь и смотрите,— он улыбнулся им.— Не о чем беспокоиться, ничего страшного. Это случается каждый день.

— До сих пор? — удивился отец Чипа.

— Конечно,— ответил Боб,— и через сто лет будет то же самое. Дети есть дети.

Он был самый молодой советчик из всех, что у них когда-либо были: двадцать один год, только год, как из Академии. Но, тем не менее, в нем не было ничего, что вызывало бы недоверие, наоборот, он был спокойнее и рассудительнее, чем советчики тридцати или пятидесяти пяти лет.

Он подошел к комнате Чипа и заглянул. Чип лежал в кровати, подперев рукой голову, перед ним была раскрыта детская книжка.

— Привет, Ли,— сказал Боб.

— Привет, Боб,— ответил Чип.

Боб вошел и сел на край кровати. Он поставил свой телекомп на пол между ног, протянул руку к голове Чипа, потрогал лоб и потрепал мальчику волосы.— Что почитываешь? — спросил он.

— «Борьбу Вуда»,— ответил Чип, показывая Бобу яркую обложку. Потом он закрыл книгу, бросил на кровать и указательным пальцем начал обводить желтую букву «В» в слове «Вуд».

— Я слышал, кто-то тебе что-то там сказал насчет неизлечимых? — спросил Боб.

— Это так? — спросил Чип, не отрывая взгляда от книги.

— Это так, Ли,— ответил Боб.— Это было так много-много лет назад, но теперь это уже не так, теперь это уже история.

Чип молча водил пальцем по букве «В».

— Мы тогда знали о медицине и о химии гораздо меньше, чем знаем сейчас,— Боб внимательно глядел на Чипа,— и еще через пятьдесят лет после Объединения члены иногда заболевали, очень немногие члены, и им казалось, что они больше не члены. Некоторые из них убегали и жили сами по себе в тех местах, которыми Семья не пользовалась: на заброшенных островах, на горных вершинах и в других похожих местах.

— И они снимали браслеты?

— Я думаю, снимали,— сказал Боб,— ведь браслеты им все равно бы не пригодились в тех местах, где нет сканеров.

— Иисус сказал, что они делали что-то, что называется «драка».

Боб отвернулся, но тут же снова повернулся к Чипу.

— Лучше говорить: «Они вели себя агрессивно». Да, они так поступали.

Чип взглянул вверх на Боба.

— Но теперь они уже умерли? — спросил он.

— Да, все они умерли,— сказал Боб.— Все до одного,— он погладил Чипа по волосам.— Это было давным-давно. Теперь такого не бывает.

Чип сказал:

— Теперь мы знаем о медицине и химии гораздо больше. Лечение помогает.

— Верно, ты прав,— сказал Боб.— И не забывай, что в то время было пять разных компьютеров. Как только кто-нибудь из больных членов убегал со своего континента, он полностью терял связь.

— Мой дедушка помогал строить УниКомп.

— Я знаю, Ли. Так что, когда в следующий раз кто-нибудь тебе скажет о неизлечимых, помни две вещи: первое, лечение гораздо эффективнее теперь, чем много лет назад, и, второе — у нас есть УниКомп, который следит за нами на всех континентах Земли. Хорошо?

— Хорошо,— сказал Чип и улыбнулся.

— Посмотрим, что он скажет о тебе.— Боб поднял телекомп с пола и, раскрыв, положил себе на колени.

Чип сел в кровати и подвинулся поближе. Он подтянул рукав пижамы, чтобы открыть браслет.— Ты думаешь, мне назначат дополнительное лечение? — спросил он.

— Если нужно,— ответил Боб.— Хочешь сам включить?

— Я? — спросил Чип.— Можно?

— Конечно,— сказал Боб.

Чип осторожно взялся указательным и большим пальцами за включатель. Он щелкнул, и зажглись маленькие огоньки — синие, янтарные, опять янтарные. Чип улыбнулся им.

Боб, глядя на него, тоже улыбнулся.

— Дотронься.

Чип коснулся браслетом пластинки сканера, и синий огонек рядом покраснел.

Боб что-то набрал на клавиатуре ввода информации. Чип смотрел на его быстро бегающие пальцы. Закончив вводить информацию, Боб нажал на кнопку ответа. На экране засветилась зеленым строчка символов, под ней — еще одна строчка. Боб внимательно изучал эти символы. Чип смотрел на него.

— Завтра в двенадцать двадцать пять! — сказал Боб.

— Ура! — сказал Чип.— Спасибо!

— Спасибо Уни,— ответил Боб, выключая телекомп и закрывая крышку.— Кто сказал тебе про неизлечимых? — спросил он.— Какой Иисус?

— ДВ 33 и еще что-то там,— ответил Чип — Он живет на двадцать четвертом этаже.

Боб защелкнул замки на телекомпе.

— Он, наверное, так же волнуется, как ты разволновался,— сказал он.

— Можно ему тоже получить дополнительное лечение?

— Если нужно, я предупрежу его советчика. Теперь спать, брат, тебе завтра в школу.— Боб взял книгу у Чипа и положил на тумбочку.

Чип лег и уютно устроился на подушке. Боб встал, выключил лампу, еще раз потрепал Чипа по волосам, затем наклонился и поцеловал в голову.

— Увидимся в пятницу, — сказал Чип.

— Верно, — ответил Боб. — Спокойной ночи.

— Спокойной ночи, Боб.

Когда Боб вошел в гостиную, родители Чипа встревоженно встали с кресел.

— С ним все в порядке, — сказал Боб. — Он уже, наверное, спит. Завтра в полдень он получит дополнительное лечение, возможно — небольшую дозу транквилизатора.

— О, какое облегчение! — сказала мать Чипа, и то же повторил и отец. — Спасибо, Боб.

— Спасибо Уни, — ответил Боб. Он подошел к телефону. — Я хочу договориться о помощи тому мальчику, — сказал он. — Тому, кто рассказал все Чипу, — и он прикоснулся своим браслетом к сканеру.

На следующий день, после ленча, Чип спустился по эскалаторам на три этажа ниже, где, под школой, был расположен медицентр. Он прикоснулся браслетом к сканеру у двери медицентра, и на индикаторе засветилось мигающее зеленое «да», и еще одно зеленое «да» — у двери в секцию терапии, и еще одно «да» — у двери в лечебный кабинет.

Четыре из пятнадцати блоков были на профилактическом обслуживании, так что очередь стояла длинная. Тем не менее, довольно скоро он взшел на специально сделанные для детей ступеньки и, закатав рукав, просунул руку в обрамленное резиновым кантом отверстие. Он старался держать руку как можно тверже, как взрослый, пока сканер внутри блока нашел его браслет, зафиксировал его, и Чип почувствовал на руке теплый инъекционный диск. Внутри блока загудели моторчики, зажурчала жидкость. Синий огонек над головой Чипа стал красным, инъекционный диск зажужжал, звякнул, ужалил на мгновение его руку, и огонек снова посинел.

В тот же день на площадке для игр Иисус ДВ — тот мальчик, что рассказал Чипу про неизлечимых — нашел его и поблагодарил за помощь.

— Спасибо Уни, — ответил Чип. — Я получил дополнительное лечение, ты тоже?

— Да, — сказал Иисус. — Другие ребята тоже, и Боб УТ тоже. Это он мне все рассказал.

— Это на меня как-то подействовало, немного, — сказал Чип. — то, что есть члены, которые заболевают и убегают.

— На меня тоже немного подействовало, — сказал Иисус. — Но такого больше не случается, это было давным-давно.

— Лечение сейчас гораздо лучше, чем раньше, — сказал Чип.

— И у нас есть УниКомп, который следит за нами на всех континентах Земли, — добавил Иисус.

— Точно, — сказал Чип.

Подошла воспитательница и прогнала их к детям, играющим в мяч. Они стояли огромным кругом, пятьдесят или шестьдесят мальчиков и девочек, занимая больше четверти всей площадки.

Глава вторая

Чипа назвал Чипом его дедушка. Он всем дал свои имена, которые отличались от настоящих: мать Чипа, свою дочь, он называл Сузу, а не Анна, отца Чипа — Майк, а не Иисус (сам отец находил это глупым), а Мир он звал Ива, с чем она не хотела смириться: «Нет! Не зови меня так! Я — Мир, я — Мир КД 37Т 50002!»

Папа Джан был странный человек. Разумеется, он странно выглядел — все пожилые люди имели какие-то особенные черты внешности: на несколько сантиметров ниже или выше ростом, слишком темная или слишком светлая кожа, большие уши, кривой нос. Папа Джан был выше обычного роста, и кожа у него была темнее обыкновенного; у него были большие и выпуклые глаза и две рыжеватых пряди в седеющих волосах. Но не только внешность его была странной, речь его тоже была странна, и именно в речи, главным образом, проявлялась эта его необычность. Он всегда говорил горячо и убежденно, но у Чипа, тем не менее, сложилось впечатление, что он говорит не то, что думает, а прямо противоположное. Хотя бы, как он отзывается об именах: «Замечательно! Восхитительно! Четыре имени для мальчиков, четыре имени для девочек! Что может быть яснее, что может лучше — подчеркнуть всеобщую одинаковость! Ведь ясно, что каждый захочет назвать своего мальчика в честь Христа, Маркса, Вуда или Вей, верно ведь?

— Да,— сказал Чип.

— Конечно! А раз Уни дает мальчикам только четыре имени, то и девочкам он должен давать четыре имени, правильно? Это очевидно! Послушай,— он остановился и, нагнувшись, заглянул Чипу в лицо. Его большие глаза, казалось, готовы были рассмеяться. Они вместе шли на парад, был какой-то праздник — то ли День Объединения, то ли День Рождения Вей, то ли что-то в этом роде; Чипу было семь лет.— Послушай, Ли РМ 35М 26 Д 449988 Икс Игрек Зет, я хочу рассказать тебе нечто фантастическое и невероятное. В мое время — ты слушаешь? — в мое время было БОЛЬШЕ ДВАДЦАТИ ИМЕН ТОЛЬКО ДЛЯ МАЛЬЧИКОВ! Ты можешь в это поверить? Были «Джан» и «Джон», и «Аму», и «Лев». «Хига» и «Майк»! «Тонио»! А во времена моего отца имен было еще больше, сорок или пятьдесят! Разве не странно? Столько разных имен, хотя все члены одинаковы и взаимозаменяемы! Ты слышал когда-нибудь о подобной глупости?

Чип кивнул, смутившись, потому что он чувствовал, что Папа Джан имел в виду как раз все наоборот, что почему-то совсем не глупость, когда существует сорок или пятьдесят имен для мальчиков.

— Ты только посмотри на них! — говорил Папа Джан, ведя Чипа за руку через Парк Единства, когда они шли на парад.— Совер-

шенно одинаковые! Разве это не прекрасно? Волосы, глаза, кожа, профиль — все одинаковое, мальчики, девочки — все одинаковые! Как горошины в стручке. Разве это не прелестно? Разве это не высший класс?

Чип, краснея (ведь у него один глаз зеленый, не такой, как у всех), спросил:

— А что такое «горошины в стручке?»

— Я не знаю,— сказал Папа Джан.— Члены ели это до появления унипирогов. Шарья так говорила.

Папа Джан работал главным координатором стройки в ЕВП 55131, в двадцати километрах от 55128, где жила семья Чипа. По воскресеньям и праздникам он приезжал их навестить. Его жена, Шарья, утонула, катаясь на прогулочном катере в 135-м, в тот год, когда родился Чип, и дед так больше и не женился.

Другие дедушка и бабушка, по отцу, жили в МЕК 10405, и Чип видел их только тогда, когда они звонили и поздравляли кого-нибудь с днем Рождения. Они тоже были странными, но гораздо меньше, чем Папа Джан.

В школу ходить было приятно и играть тоже приятно. Музей До-Объединения тоже был приятен, хотя некоторые экспонаты были жутковатые: «копья» и «пушки», например, а еще «тюремная камера» с по-идиотски одетым «заключенным», сидящем на койке и сжимающим голову руками в бесконечной тоске. Чип каждый раз смотрел на него, а чтобы подойти, он обычно отставал от своего класса и, посмотрев, быстро догонял.

Мороженое, игрушки и веселые книжки — это тоже было приятно. Однажды, когда Чип коснулся своим браслетом сканера в центре снабжения, одновременно приставив к сканеру наклейку на коробке с игрушками, индикатор промигал красным «нет», и Чипу пришлось положить игрушку — это был конструктор — на место. Он не мог понять, почему Уни отказал ему, день был тот, что нужно, и игрушка относилась к нужной категории. «Должна быть какая-то причина, дорогой,— сказал стоящий за спиной Чипа член,— свяжись со своим советчиком и спроси».

Чип спросил, и оказалось, что в игрушке не отказано, а она только задержана на несколько дней. Чип развлекался где-то со сканером, много раз подряд прикладывая к нему браслет, и задержка игрушки была предупреждением, чтобы Чип так больше не делал. Это мигающее красное «нет» было первым «нет» в жизни Чипа, которое значило для него что-то важное, до этого «нет» появлялось только, когда он, скажем, по ошибке хотел войти в чужой класс или приходил в медцентр не в свой день, поэтому на сей раз «нет» больно задело его и огорчило.

Дни рождения тоже были приятны, и Рождество Христово, и Рождество Марксово, и День Объединения, и Дни Рождения Вуда и Веи. А еще приятнее, потому что они бывали реже, становились дни нового звена. Новое звено на браслете сверкало больше, чем старые, и оставалось самым блестящим много дней, пока он не вспо-

минал, что нужно посмотреть на него снова, но на браслете уже были только старые звенья, все одинаковые и неотличимые друг от друга. Как «гарошины в стрючке».

Весной 145-го, когда Чипу было десять лет, ему с родителями и с сестрой было предоставлено путешествие в ЕВР 00001, экскурсия на УниКомп. От автопорта до автопорта надо было ехать больше часа — самое длинное путешествие, которое, как казалось Чипу, он когда-либо совершал, хотя его родители и уверяли, что когда ему было полтора года, он летел из Мек в Евр, а потом через несколько месяцев из ЕВР 20140 в ЕВР 55128. Они поехали на экскурсию к УниКомпу апрельским воскресеньем вместе с пожилой супружеской парой, обоим за пятьдесят (чи-то странные бабушка и дедушка, у обоих волосы светлее, чем обычно, у нее — неровно подстриженные), и с еще одной парой, чи дети — мальчик и девочка — были на год старше Чипа и Мир. Папа этих детей вел машину от поворота около ЕВР 00001 до автопорта около УниКомпа. Чип с интересом наблюдал, как чужой папа управляется с рычажками и кнопками. Было забавно медленно ехать на колесах после стремительного полета в воздухе.

Они снялись на фоне белого мраморного здания УниКомпа — более белого и более красивого, чем на фотографиях или по телевизору, как и снеговые горы за УниКомпом были величественнее, чем представлялись обычно, а Озеро Всеобщего Братства — голубее и длиннее. Все встали в очередь у входа, дотронулись до сканера и вошли в голубой изгибающийся холл. Улыбающийся член в бледно-голубом комбинезоне указал им на очередь у лифтов. Они встали в эту очередь, и к ним подошел Папа Джан, радостно улыбаясь в ответ на их недоумение.

— А что вы-то здесь делаете? — спросил отец Чипа, когда Папа Джан расцеловался с мамой Чипа. Потому что перед отъездом они рассказали дедушке, что их удостоили поездки, а Папа Джан не сказал, что сам обратился с такой просьбой.

Папа Джан расцеловался и с отцом Чипа.

— Я просто решил сделать вам сюрприз, — сказал он. — Я хотел рассказать об Уни вот этому другу. — Папа Джан положил руку на плечо Чипа, — чуть больше, чем ему расскажет автогид. Привет, Чип, — он наклонился и поцеловал Чипа в щеку, а Чип, удивленный тем, что Папа Джан здесь из-за него, поцеловал его в ответ и сказал: «Здравствуй, Папа Джан».

— Привет, Мир КД 37Т 5002, — серьезно сказал Папа Джан и поцеловал Мир. Она тоже поцеловала его.

— Когда ты попросил о поездке? — спросил отец Чипа.

— Через несколько дней после вас, — ответил Папа Джан. Очередь продвинулась на несколько метров, и они вместе с ней.

Мать Чипа сказала:

— Но ты ведь был здесь только пять или шесть лет назад, ведь верно?

— Уни знает, кто его собирал,— с улыбкой ответил Папа Джан.— У нас есть особые привилегии.

— Это не так! — возмутился Чип.— Ни у кого нет особых привилегий!

— Ну, в любом случае, я здесь! — ответил Папа Джан и с улыбкой наклонился к Чипу.— Правда?

— Правда,— сказал Чип и улыбнулся в ответ.

В молодости Папа Джан помогал строить УниКомп. Это было его первое поручение.

В лифт поместилось около тридцати членов, и вместо обычной музыки из динамика послышался человеческий голос: «Здравствуйте, братья и сестры, добро пожаловать в здание УниКомпа.— Голос был теплый и дружелюбный, Чип узнал его: этот голос звучал все время по телевизору.— Вы чувствуете, что мы начали движение,— продолжал голос,— и сейчас опускаемся вниз со скоростью двадцать два метра в секунду. Нам потребуется всего лишь чуть более трех с половиной минут, чтобы достичь пятикилометровой глубины, на которой расположен Уни. Шахта, по которой мы спускаемся...»

Голос перечислял различные данные о подземном комплексе, в котором расположен УниКомп, рассказал о толщине стен и о защищенности компьютера от всех стихийных бедствий и повреждений человеком. Чип слышал все это и раньше, в школе и по телевизору, но слушать то же самое теперь, спускаясь в лифте между стенами УниКомпа, зная, что через несколько минут ты увидишь сам компьютер, заставляло воспринимать эту информацию по-новому и очень волновало. Он не отрывал взгляда от звучащего диска над дверью лифта. Папа Джан обнимал Чипа за плечи, как бы подбадривая его. «Сейчас мы замедляем движение,— продолжал голос.— Приятной вам экскурсии, вы будете довольны, не правда ли?» — и лифт остановился, дверь разделилась пополам и половинки скользнули в стороны.

Они оказались в маленьком холле, меньше чем тот, на уровне земли, перед ними появился другой улыбающийся член в бледно-синем и еще одна очередь стоящих попарно членов. Очередь упиралась в двустворчатую дверь, которая виднелась в дальнем конце слабоосвещенного холла.

— Приехали! — воскликнул Чип, а Папа Джан сказал: «Нам не обязательно идти всем вместе»,— и они чуть отстали от родителей и Мир, которые обернулись и с недоумением смотрели на Чипа и Папу Джана, — по крайней мере, родители — Мира была мала, и ее не было видно за толпой. Член, стоящий перед Чипом, обернулся и жестом предложил им пройти вперед, но Папа Джан помотал головой: «Нет, брат, спасибо. Все в порядке». Он помахал рукой родителям Чипа и улыбнулся, Чип сделал то же самое. Родители Чипа тоже улыбнулись, пошли вместе с очередью.

Папа Джан осматривался по сторонам, его выпуклые глаза

озарились внутренним светом, он продолжал улыбаться. Ноздри его носа поднимались и опадали в такт дыханию.

— Итак,— сказал он,— ты наконец-то увидишь УниКомп. Ты волнуешься?

— Да, очень,— ответил Чип.

Они продвинулись немного вперед вместе с очередью.

— Я тебя не осуждаю,— сказал Папа Джан.— Замечательно! Единственный раз в жизни увидеть машину, которая классифицирует тебя и даст тебе поручение, которая будет решать, где тебе жить и сможешь ты или нет жениться на девушке, на которой захочешь жениться, а если ты на ней женишься, будешь ли иметь детей и как их назовут, если они у тебя будут...— конечно, ты взволнован, а кто бы не разволновался?

Чип в замешательстве посмотрел на Папу Джана.

Папа Джан, улыбаясь, похлопал его по спине, и в этот момент они прошли в следующий холл, открывшийся за дверью.

— Смотри! — сказал он Чипу.— Смотри на дисплеи, смотри на Уни, смотри на все! Все это здесь для того, чтобы ты смотрел!

У входа, на специальном стенде, лежали автогиды — как в музее, Чип взял один из них и вставил в ухо. Странное поведение Папы Джана разволновало его, и он пожалел, что не пошел вперед с родителями и Мир. Папа Джан тоже вставил в ухо автогид. «Интересно, что новенького я услышу», — сказал он и усмехнулся. Чип отвернулся от него.

Все его беспокойство и напряжение мгновенно прошли, как только он оказался перед стеной, которая сверкала и переливалась тысячами миниатюрных огоньков. В ушах Чипа зазвучал тот же голос, что и в лифте, и голос этот рассказывал, а огоньки на стене показывали, как УниКомп получает через свою охватывающую весь мир информационную сеть микроволновые импульсы со всех бесчисленных сканеров и телекомпов, а также механизмов с дистанционным управлением, как Уни обрабатывает эту информацию и посылает ответный импульс на ретрансляционную станцию сети и дальше — адресату.

Да, Чип был взволнован. Что могло сравниться с Уни в быстроте, уме, вездесущности?

Следующий отсек стены рассказывал о том, как работают блоки памяти, луч света бегал по исчерпанной всевозможными линиями металлической поверхности, заставляя части ее светиться, голос рассказывал что-то о направленных электронных пучках и сверхпроводящих сетках, о заряженных и незаряженных секторах, которые становятся носителями информации по принципу двоичного кода, и когда УниКомпу задают вопрос, он считывает нужную информацию в соответствующем секторе...

Чип не понял, как это происходит, но так было даже замечательнее: Уни знает все, что только можно знать, таким волшебным, таким непонятным образом.

Следующий отсек стены были стеклянным, и там находился сам УниКомп: двойной ряд разноцветных металлических блоков, похожих на лечебные блоки в медцентре, но пониже и поменьше.

Блоки были розовые, коричневые и оранжевые. Между ними, по большому освещенному розовым светом залу расхаживали десять-двенадцать членов в бледно-голубых комбинезонах, они улыбались и болтали между собой, считывая показания с приборов и записывая эти показания на красивых темно-синих пластиковых досках. На стене была золотая эмблема креста и серпа, а на часах, которые висели на той же стене, светилось: 11.08 Вск. 12 Апр 145 Г.О. В ушах Чипа тихо, а потом все громче и громче зазвучала музыка, это было «Вперед, вперед!» в исполнении огромного оркестра, и так трогательно, так торжественно звучала музыка, что слезы гордости и счастья навернулись Чипу на глаза.

Он мог бы стоять перед этой стеной часами, глядя на деловитых и приветливых членов и на весело сверкающие блоки памяти, слушать «Вперед, вперед!» и «Одна Могучая Семья», но музыка постепенно затихла (когда 11.10 на часах сменилось на 11.11), и голос деликатно, понимая его чувства, напомнил Чипу, что другие члены ждут своей очереди и предложил пройти к следующему дисплею дальше по коридору. С сожалением он оторвался от стеклянной стены УниКомпа, и вместе с ним другие члены, которые вытирали показавшиеся в уголках глаз слезы, улыбались и кивали. Он улыбнулся им, а они — ему.

Папа Джан поймал его за руку и повел через зал к какой-то двери, рядом с которой стоял сканер.

— Ну как, понравилось? — спросил он.

Чип кивнул.

— Это не Уни,— сказал Папа Джан.

Чип непонимающе посмотрел на него.

Папа Джан вынул автогид из уха Чипа. «Это не УниКомп! — сказал он зловещим шепотом.— Это все не настоящее, все эти розовые и оранжевые ящики! Эти игрушки здесь специально, чтобы Семья приходила на них посмотреть, и чтобы Семье становилось уютно и тепло! — выпученные глаза Папы Джана придвинулись к Чипу, он ощущал на своем лице дыхание деда.— Он внизу,— сказал Папа Джан.— Под этим уровнем есть еще три, и там-то он и находится. Хочешь увидеть его? Хочешь увидеть н а с т о я щ и й УниКомп?»

Чип смотрел на деда и не мог произнести ни слова.

— Хочешь, Чип? — спрашивал Папа Джан.— Хочешь увидеть его? Я могу показать!

Чип кивнул.

Папа Джан отпустил его руку и выпрямился; посмотрел во все стороны и улыбнулся.

— Замечательно,— сказал он.— Нам туда,— и, взяв Чипа за плечо, направил обратно, в сторону, откуда они пришли, мимо стеклянной стены, перед которой стояла толпа глядящих в машинный зал членов, и мимо бегающего луча, который объяснял про блоки памяти, и мимо мигающей огоньками стены, и («Извините, пожалуйста!») — через очередь вновь прибывающих членов, и в другой конец зала, который был темнее и совсем пустой, где в стене виднелся

огромный неработающий дисплей телекомпа и лежали рядом двое носилок с подушками и одеялами.

В углу была дверь, а с ней рядом — сканер, и когда они подошли ближе, Папа Джан задержал руку Чипа.

— Но здесь сканер! — сказал Чип.

— Нет, — ответил Папа Джан.

— А разве не сюда мы...

— Да.

Чип удивленно взглянул на Папу Джана, а тот протолкнул его вперед мимо сканера, открыл дверь, втолкнул Чипа внутрь и сам вошел, аккуратно и быстро закрыв за собой дверь, прежде чем это успел сделать чуть шипящий механизм плавного закрывания.

Чип в ужасе уставился на деда.

— Все в порядке, — сухо сказал Папа Джан, а потом вдруг по-доброму взял голову Чипа в свои ладони и заговорил мягко: — Все в порядке, Чип. Ничего с тобой не случится. Я делал так много раз.

— Мы не спросили разрешения! — сказал Чип, все еще дрожа.

— Все в порядке, — сказал Папа Джан. — Послушай, кому принадлежит УниКомп?

— Принадлежит?..

— Чей он? Чей это компьютер?

— Он... Всей Семьи.

— А ты — член Семьи, разве не так?

— Да...

— Ну, значит, это немножко и твой компьютер, правда? Он принадлежит тебе, а не наоборот, не ты ему принадлежишь.

— Нет, нам надо всегда спрашивать разрешения, — сказал Чип.

— Чип, пожалуйста, поверь мне, — сказал Папа Джан, — мы не собираемся ничего брать, мы даже ничего не будем трогать. Мы будем только смотреть. Для этого я сегодня и приехал, показать тебе настоящий УниКомп. Ты же хочешь его увидеть, правда?

Чип, после секундной паузы, ответил:

— Да.

— Тогда ни о чем не волнуйся, все в порядке. — Папа Джан ободряюще посмотрел Чипу в глаза, а затем отпустил его голову и взял Чипа за руку.

Они стояли на площадке, с которой вели куда-то вниз ступеньки. Спустились на несколько ступенек — четыре или пять, — и снизу потянуло холодом. Папа Джан остановился и придержал Чипа.

— Стой здесь, — сказал он. — Я вернусь через две секунды. Не шевелись.

Под тревожным взглядом Чипа Папа Джан поднялся обратно на площадку, открыл дверь, выглянул наружу, а потом быстро вышел. Дверь за ним закрылась.

Чип снова начал дрожать. Он ведь прошел мимо сканера, не дотронувшись, а теперь стоял один посреди холодного лестничного пролета, и Уни не знал, что он тут!

Дверь снова открылась, и вошел Папа Джан с перекинутыми через руку синими одеялами. «Там очень холодно», — сказал он.

Они шли рядом; завернувшись в одеяла, вдоль узкого прохода, едва-едва достаточного, чтобы идти вдвоем. Проход был образован двумя стальными стенами, которые почти сходились в одной точке где-то далеко впереди, у поперечной стены, и возвышались над их головами метра на полтора, завершаясь у светящегося белого потолка — это были даже не стены, а ряды огромных стальных блоков, поставленных вплотную друг к другу и запотевших от холода, с нанесенными через трафарет черного цвета надписями на уровне глаз: Н 46, Н 48 с одной стороны; Н 49, Н 51 — с другой. Проход, по которому они шли, был одним из двадцати или около того подобных проходов, узкие параллельные щели между стоящими спинами друг к другу блоками, ряды которых прерывались только четырьмя поперечными проходами, несколько шире остальных.

Они шли, их дыхание превращалось в пар, а от ступеней бежали по полу маленькие тени. Звуки, которые они производили при ходьбе — шуршание папловых комбинезонов и шлепанье сандалий — были единственными звуками, гулко отдававшимися в тишине.

— Ну? — спросил Папа Джан, посмотрев на Чипа.

Чип плотнее завернулся в одеяло.

— Не так красиво, как наверху, — ответил он.

— Да, — сказал Папа Джан. — Здесь, внизу, нет симпатичных молодых членов с ручками и досками. Нет теплого света и милых розовых машин. Здесь круглый год никого нет. Пусто, холодно и безжизненно. Мрачно.

Они остановились на пересечении двух проходов, двух металлических щелей, уходящих в одну сторону, и в другую, и в третью, и в четвертую. Папа Джан покачал головой и нахмурился.

— Это неправильно, — сказал он. — Я не знаю, почему и как, но это неправильно. Мертвые мысли мертвых членов. Мертвые идеи, мертвые решения.

— Почему здесь так холодно? — спросил Чип, глядя на пар из своего рта.

— Потому что он мертв, — сказал Папа Джан, качая головой. — Нет, я не знаю, — добавил он. — Все эти штуки не работают, если температура выше определенного предела; я в этом плохо разбираюсь, я отвечал только за доставку сюда блоков в целости и сохранности.

Они пошли по другому проходу: Р 20, Р 22, Р 24.

— Сколько их здесь? — спросил Чип.

— Тысяча двести сорок на этом уровне, тысяча двести сорок на уровне под этим. И это только сейчас, за восточной стеной приготовлено вдвое больше места, на то время, когда Семья станет больше. Шахты, вентиляционная система — все уже готово...

Они спустились на следующий уровень. Он был такой же, как и верхний, только на двух перекрестках стояли стальные колонны, а цифры на блоках памяти были красные, а не черные. Они прошли мимо D 65, D 63, D 61...

— Здесь были самые большие земляные работы, какие только когда-либо были, — сказал Папа Джан. — Самая грандиозная работа

вообще, которая когда-нибудь выполнялась — создать один компьютер, который бы заменил старые пять. Новости о строительстве передавали каждый вечер, когда мне было столько лет, сколько тебе сейчас. Я рассчитывал, что тоже еще успею поработать на стройке, когда мне будет двадцать лет, если получу нужную классификацию. И я попросил ее.

— Ты попросил классификацию?

— Да, попросил,— сказал Папа Джан, улыбаясь и кивая.— Это не было в то время чем-то неслыханным. Я попросил мою советчицу спросить Уни — вернее, не Уни, тогда был ЕвроКомп — спросить ЕвроКомп, и — Христос, Маркс, Вуд и Веи! — я получил эту классификацию, 042 С, строительный рабочий третьего класса. И первое поручение — здесь.— Папа Джан огляделся по сторонам, по-прежнему улыбаясь, его глаза живо светились.— Они собирались опускать эти громадины через шахту,— сказал он и засмеялся.— А я как-то просидел целую ночь, и высчитал, что можно завершить работу на восемь месяцев раньше, если мы пробьем тоннель с другой стороны Горы Любви,— Папа Джан покрутил пальцем в воздухе,— и будем вкатывать их на колесах. ЕвроКомп не додумался до такого простого решения. Или он не очень спешил стереть поскорее свою память! — Папа Джан снова засмеялся.

Вдруг он перестал смеяться, и Чип, глядя на него, впервые заметил, что его волосы совсем поседели. Рыжие пряди, которые были несколько лет назад, исчезли.

— И вот они,— снова заговорил Папа Джан,— на своих местах, привезенные сюда по моему тоннелю, и работают на восемь месяцев дольше, чем могли бы.— Он посмотрел на блоки, мимо которых они проходили так, как будто они его раздражали.

Чип спросил:

— Ты... что, не любишь УниКомп?

Папа Джан секунду помедлил с ответом.

— Нет, не люблю,— сказал он и прокашлялся.— С ним нельзя спорить, ему нельзя ничего объяснить...

— Но он знает все,— сказал Чип.— О чем с ним можно спорить, или объяснять?

Они разошлись, чтобы обойти квадратную стальную колонну, и снова пошли рядом.

— Я не знаю,— сказал Папа Джан.— Я не знаю,— он опустил голову и какое-то время шел нахмурившись, плотно завернувшись в одеяло.— Послушай,— сказал он наконец,— Есть какая-то классификация, которой тебе хочется больше, чем других? Какое-нибудь поручение, на которое ты особенно надеешься?

Чип неуверенно посмотрел на Папу Джана и пожал плечами.

— Нет,— сказал он.— Я хочу ту классификацию, которую я получу, для которой я подхожу. И те поручения, для которых я годен, и которые Семья мне доверит. Правда, есть одно поручение: помогать расселяться...

— ...Помогать Семье расселяться по Вселенной,— досказал за него Папа Джан.— Я знаю. По объединенной уникомповской Все-

ленной. Пойдем,— добавил он.— Давай вернемся наверх. Я не могу больше выносить этот братовредительский холод!

Чип, смутившись, спросил:

— А разве нет еще одного уровня? Ты сказал, что...

— Мы туда не пройдем,— сказал Папа Джан.— Там сканеры, и члены, которые увидят, что мы не дотронулись, кинутся нам «помогать». Там все равно ничего интересного нет, только приемо-передающая аппаратура и морозильные установки.

Они подошли к лестнице. Чип чувствовал себя подавленным. Папа Джан почему-то был в нем разочарован, и, хуже того, нездоров, потому что хотел спорить с Уни, не трогал сканеры и ругался.

— Тебе надо сказать твоему советчику,— сказал Чип, пока они поднимались по ступенькам,— что ты хочешь спорить с Уни.

— Я не хочу спорить с Уни,— сказал Папа Джан.— Я только хочу, чтобы я мог спорить с Уни, если захочу с ним спорить.

Чип совсем не мог это осмыслить.

— Все равно надо сказать,— повторил он.— Может быть, тебе назначат дополнительное лечение.

— Да, возможно,— сказал Папа Джан и через секунду добавил: — Хорошо, я скажу.

— Уни знает все обо всем,— сказал Чип.

Они поднялись на второй пролет, на площадку перед залом с дисплеем, остановились и сложили одеяла. Папа Джан закончил складывать первым и смотрел, как Чип сворачивает свое.

— Готово,— сказал Чип, прижав к груди синий сверток.

— Ты знаешь, почему я назвал тебя «Чип»? — спросил Папа Джан.

— Нет,— ответил Чип.

— Есть старая пословица: «Осколок старого камня» *. Это значит, что ребенок похож на своих родителей или предков.

— Да?!

— Я не имел в виду, что ты похож на своего отца или на меня,— продолжал Папа Джан.— Я думал, что ты похож на моего деда. То есть своим глазом. У него тоже был один глаз зеленый.

Чип двинулся к двери, надеясь, что Папа Джан закончит говорить и они выйдут наружу, где им давно пора находиться.

— Я знаю, что ты не любишь говорить об этом,— сказал Папа Джан,— но тут нечего стыдиться. Немножко отличаться от всех — это не так уж страшно. Раньше члены были такие разные, что ты даже представить себе не можешь. Твой прапрадед был очень смелый и способный человек. Его звали Хэнно Рибек — тогда имена и номера были отдельно,— и он был космонавтом, помогал строить колонию на Марсе. Так что не стесняйся, что у тебя его глаз. Они, там, дерутся с этими генами, извини, что я ругаюсь, но несколько твоих генов они упустили. Может быть, у тебя не только зеленый глаз, может быть, в тебе есть храбрость и способности моего деда,— он начал открывать дверь, но снова обернулся и посмотрел на внука.—

* Чип — обломок, осколок, щепка (Здесь и далее — прим. переводчика).

Попробуй захотеть чего-нибудь, Чип,— сказал он.— Попробуй, за день — за два до следующего лечения. Тогда проще хотеть, о чем-то беспокоиться...

Когда они вышли из лифта в холл главного здания, родители Чипа и Мир уже ждали их.

— Где вы были? — спросил отец, а Мир, державшая в руках миниатюрный оранжевый блок памяти (фальшивый), сказала:

— Мы так давно вас ждем!

— Мы смотрели на Уни,— ответил Папа Джан.

— Все это время? — удивился отец.

— Да, все время.

— Вам надо было идти дальше и уступить очередь другим членам.

— Это вам надо было, Майк,— сказал Папа Джан, улыбаясь.— Мой автогид сказал: «Джан, дружище, как я рад тебя видеть! Ты и твой внук можете стоять и смотреть сколько хотите!»

Отец Чипа отвернулся, не улыбувшись.

Они пошли в столовую, заказали пироги и коку — все, кроме Папы Джана, который не проголодался,— и взяли еду с собой, на воздух, на площадку для пикников, как раз за домом УниКомпа. Папа Джан показал Чипу на Гору Любви и рассказал ему подробнее о бурении тоннеля, что очень удивило отца Чипа: целый тоннель, чтобы вкатить какие-то тридцать шесть не очень больших блоков памяти. Папа Джан сказал ему, что на нижнем уровне тоже стоят блоки памяти, но не сказал, сколько их и какие они холодные и безжизненные. Чип тоже не сказал и от этого почувствовал себя странно — от того, что он и Папа Джан знают что-то и не говорят остальным, это как-то отличало их от всех, и делало их двоих в чем-то похожими, хоть немножко...

Когда они поели, то пошли в автопорт и встали в очередь. Папа Джан стоял вместе с ними, пока они не приблизились к сканерам, а потом попрощался и ушел, объяснив, что подождет двух друзей из Ривербенда и с ними поедет домой, эти друзья тоже собирались посетить Уни, но позже, после обеда. «Ривербендом»* он называл 55131, где он жил.

Когда Чип снова встретился с Бобом НЕ, своим советчиком, он рассказал ему о Папе Джане, что тот не любит Уни, хочет с ним спорить и что-то ему объяснять.

Боб, улыбаясь, сказал:

— Такое иногда случается с членами его возраста, Ли. Тут не о чем беспокоиться.

— Но ты можешь сказать это Уни? — спросил Чип.— Может быть, ему назначат дополнительное лечение или более сильное...

— Ли,— сказал Боб, подавшись вперед и навалившись грудью на стол,— химические вещества, которые мы используем для лечения, очень ценные, и сделать их очень трудно. Если бы все пожилые члены получали всегда столько, сколько им нужно, то веществ могло

* Ривербенд — речная излучина, название города.

бы не хватить молодым членам, которые на самом деле гораздо важнее для Семьи. А если бы мы захотели сделать столько лекарства, чтобы хватило всем, нам бы пришлось отказаться от более важных работ. Уни знает, сколько чего нужно сделать, и кому сколько и чего нужно. Твой дедушка на самом деле совсем не несчастлив, поверь мне. Просто он немножко с причудами, и мы такими будем, когда нам будет за пятьдесят.

— Он говорил такое слово! «Д----ся».

— Старые члены иногда так говорят, — ответил Боб. — Они ничего плохого при этом не думают. Слова сами по себе не бывают грязными; действия, которые называют эти так называемые грязные слова, могут быть грубыми. Члены вроде твоего деда говорят только слова, без действий. Это, конечно, не очень хорошо, но это еще не болезнь. А как ты сам? Какое-нибудь беспокойство есть? Давай оставим твоего деда его советчику.

— Нет, беспокойства нет, — сказал Чип, думая, как он прошел мимо сканера не дотронувшись, и как он был там, куда не получил от Уни разрешения войти; и почему-то ему не захотелось рассказать об этом Бобу.

— Нет, никакого беспокойства, — добавил он. — Все по высшему классу.

— О'кей, — сказал Боб. — Дотронься. До следующей пятницы, верно?

Через неделю или около того Папу Джана перевели в США 60607. Чип, родители и Мир поехали провожать его в аэропорт EBR 55130.

В зале ожидания, пока родители вместе с Мир смотрели через стекло на летное поле и на садящихся в самолеты членов, Папа Джан отозвал Чипа в сторону. Он ласково улыбнулся внуку.

— Чип, — зеленоглазый, — сказал он. (Чип нахмурился, но попытался тут же прогнать хмурое выражение). — Ты попросил для меня дополнительное лечение, правда?

— Да, — сказал Чип, — Как ты узнал?

— Просто догадался. Я надеюсь на тебя, Чип. Помни, чей ты осколок, и помни, что я сказал о том, чтобы чего-нибудь захотеть.

— Я постараюсь, очень, — сказал Чип.

— Последние пошли, — заметил отец Чипа.

Папа Джан поцеловал их всех, попрощался и присоединился к выходящим членам. Чип подошел к стеклу и стал смотреть, как Папа Джан идет вместе с другими членами через темнеющее летное поле — необычно высокий член, с болтающимися вещмешком в неуклюже согнутой руке. У эскалатора он обернулся и помахал рукой. Чип помахал в ответ, надеясь, что Папа Джан увидит его, потом дед отвернулся и положил запястье той руки, в которой он держал вещмешок, на сканер. Сверкающий зеленый свет пробился через сумерки и расстояние, затем Папа Джан ступил на эскалатор и плавно поехал вверх.

На обратном пути, в машине, Чип сидел тихо и думал, что ему будет не хватать Папы Джана и его приходов по воскресеньям и праздникам. Это странно, потому что Папа Джан был такой странный и непохожий на других старый член. Но именно поэтому он будет скучать по нему, понял Чип: потому что Папа Джан странный и ни на кого не похожий, и некому будет заполнить его место.

— В чем дело, Чип? — спросила мать.

— Я буду скучать по Папе Джану, — ответил он.

— Я тоже, — сказала мать, — но время от времени мы будем видеть его по телефону.

— Я не хочу, чтобы он уезжал, — сказал Чип. — Я хочу, чтобы его перевели сюда обратно.

— Вряд ли это случится, — сказал отец, — и это хорошо. Он плохо влиял на тебя.

— Майк! — сказала мать.

— Пожалуйста, уж ты не начинай этой ерунды, — перебил отец. — Меня зовут Иисус, а его — Ли.

— А меня — Мир, — сказала Мир.

Глава третья

Чип запомнил то, что говорил ему Папа Джан, и в следующие месяцы после его отъезда много думал о том, чтобы чего-нибудь захотеть, захотеть сделать что-нибудь, как Папа Джан в десять лет хотел помогать строить Уни. Каждые несколько дней он долго не мог заснуть ночью, лежал и думал около часа обо всех возможных поручениях, о всяких классификациях, которые он знал — координатор стройки, как Папа Джан, лабораторный техник, как его отец, плазмафизик, как его мать, фотограф, как отец друга, доктор, советчик, зубной врач, космонавт, актер, музыкант. Все они казались вполне одинаковыми, но прежде чем он действительно захотел бы какую-нибудь из этих классификаций, надо было выбрать одну. Странная мысль — хотеть чего-то, выбирать, решать. Эта мысль заставляла его чувствовать себя маленьким, но в то же время и большим.

Однажды ночью он вдруг подумал, что должно быть интересно проектировать большие дома, вроде тех маленьких домиков, которые он строил из полученного когда-то давно конструктора (мигающее красное «нет» от Уни). Эта мысль пришла ему в голову в ночь перед лечением, именно тогда, когда, как говорил Папа Джан, хотеть легче всего. На следующую ночь проектирование домов ни чем не отличалось от других классификаций. Даже, напротив, сама мысль хотеть какую-то особенную классификацию казалась в ту ночь глупой и до-Объединенческой, Чип не стал долго думать и быстро заснул.

В ночь перед следующим лечением он снова думал о проектировании домов — самых разных, а не только обычных трех типов — и удивлялся, почему вся привлекательность этой мысли пропала месяц назад. Лечения должны были предупреждать болезни и успокаивать нервных членов, не допускать, чтобы у женщин было слишком

много детей, а у мужчин росли на лице волосы; как могли лечения влиять на привлекательность какой-то мысли? Но, тем не менее, они влияли, и через месяц, и через два, и через три.

Чип подозревал, что такие мысли эгоистичны, но даже если это и так, то тут такой ничтожный эгоизм, отнимающий только час или два от сна, никогда не занимающий время занятий или телевизионное время, что он даже не посчитал нужным сказать об этом Бобу. НЕ, как не стал бы рассказывать о каком-то моменте нервозности или о неприятном сне. Каждую неделю, когда Боб спрашивал, все ли в порядке, Чип отвечал «да». Все — высший класс, ничто не беспокоит. Он следил за собой, чтобы не «думать о желаниях» слишком много или слишком часто, так что спал он всегда достаточно, а утром, умываясь, внимательно изучал свое лицо, чтобы проверить, нормально ли он выглядит. Он выглядел нормально — за исключением глаз, конечно.

В 146 году Чипа и его семью вместе с большинством жителей их дома перевели в АФР 71680. Дом, в который их поселили, был только что построен, в холлах лежал зеленый, а не серый палас, экраны телевизоров были больше, а мебель — с мягкой обивкой, хотя и нерегулируемая.

Ко многому пришлось привыкать в '71680. Климат был теплее, и комбинезоны — легче и светлее, монорельс был старый и часто ломался, а унипирогі завернуты в зеленоватую фольгу и на вкус казались солеными и не совсем нормальными.

Новым советчиком Чипа и его семьи стала Мария СЗ 14Л 8584. Она была на год старше матери Чипа, хотя и выглядела на несколько лет моложе.

Как только Чип привык к '71680 (школа, хотя бы, ничем не отличалась от его прежней школы), он снова начал «думать о желаниях». Теперь он видел, что между классификациями существуют существенные различия, и гадал, какую же классификацию выберет для него Уни, когда придет время. Уни — эти два этажа холодных стальных блоков, давящая гулкая пустота... Он жалел, что Папа Джан не отвел его на третий, нижний уровень, где были члены. Было бы приятней думать о том, что его классифицирует Уни и несколько членов, чем просто Уни; если ему дадут классификацию, которая ему не понравится, и в этом будут принимать участие члены, возможно, он мог бы им объяснить...

Папа Джан звонил два раза в год, он просил больше звонков, как он сам говорил, но ему давали только два раза. Он постарел и улыбался усталой улыбкой. Одна секция в США 60607 перестраивалась, и Папа Джан отвечал за эту работу. Чип хотел бы сказать ему, что он пытается захотеть чего-нибудь, но не мог, потому что все стояли перед экраном рядом с ним. Однажды, когда разговор уже кончался, Чип сказал: «Я пробую», и Папа Джан улыбнулся как раньше и сказал: «Молодец!»

Когда разговор закончился, отец спросил Чипа:

— Что это ты пробуешь?

— Ничего, — ответил Чип.

— Ты что-то хотел этим сказать,— настаивал отец.

Чип пожал плечами.

Мария СЗ тоже спросила Чипа, когда они в следующий раз увиделись:

— Что ты имел в виду, когда сказал дедушке, что «пробуешь»?

— Ничего,— ответил Чип.

— Ли,— Мария глядела на него с упреком.— Ты сказал, что ты пробуешь. Что ты пробуешь?

— Пробую не скучать по нему,— сказал Чип.— Когда его перевели в США, я сказал, что буду скучать по нему, а он сказал, чтобы я попробовал не скучать, что все члены одинаковые и, к тому же, он будет звонить так часто, как только сможет.

— Ах,— сказала Мария, продолжая недоверчиво смотреть на Чипа.— Почему ты не сказал это сразу?

Чип пожал плечами.

— А ты скучаешь по нему?

— Немножко,— сказал Чип.— Я пробую не скучать.

Пришло время секса, и о нем было даже приятней думать, чем о желаниях. Хотя Чип и проходил в школе, что оргазм очень приятен, он не имел никакого представления о почти непереносимой прелести наступающего ощущения, экстазе подхода и истощении полного удовлетворения в следующие моменты. Никто не догадывался об этом, ни один из его школьных товарищей, и они не говорили ни о чем другом и с большой радостью посвящали бы себя только этому занятию. Чип с трудом мог думать о математике, электронике и астрономии, не говоря уже о разнице между классификациями.

Правда, через несколько месяцев все успокоилось и привыкли к новому удовольствию, отведя ему обычное место в ночь с субботы на воскресенье, каждую неделю, по расписанию.

Однажды в субботу вечером, когда Чипу было четырнадцать лет, он поехал на велосипеде вместе с компанией друзей на прекрасный пляж с белым песком в нескольких километрах к северу от АФР 71680. Там они купались — прыгали, толкались и плескались в волнах с розовой от вечернего солнца пеной — и разводили костер на песке, и сидели вокруг него на одеялах, и ели свои пироги и пили коку, и закусывали хрустящими ломтиками сладкого кокосового ореха, который они разбили о камень. Один мальчик крутил записи песен и пел, не очень хорошо, а потом, когда пламя потрескивало в последних угольках, компания разделилась на пять пар, каждая на своем одеяле.

Девочку, с которой был Чип, звали Анна ВФ, и после оргазма — самого лучшего, который только был у Чипа, или так ему показалось,— его наполнило чувство нежности к ней, и ему захотелось дать ей что-нибудь в благодарность, что-то вроде красивой раковины, которую Карл ГГ подарил Йин АП, или песню, как Ли ОС, проигрыватель которого тихо ворковал какую-то мелодию девочке, с которой

Ли лежал сейчас рядом. У Чипа не было ничего для Анны: ни раковины, ни песни, совсем ничего, кроме, может быть, его мыслей.

— Ты хотела бы подумать о чем-нибудь интересном? — спросил он, лежа на спине и обнимая ее.

— М-м, — ответила она и крепче прижалась к его боку. Ее голова лежала у Чипа на плече, а рука — на груди.

Он поцеловал ее в лоб.

— Подумай, какие есть разные классификации, — сказал он.

— М-м?

— ...И попробуй решить, какую ты бы выбрала, если бы тебе надо было выбирать.

— Выбирать? — спросила она.

— Да.

— Что ты хочешь этим сказать?

— Выбирать. Получить, выбрать. Какая классификация тебе больше нравится? Доктор, инженер, советчик...

Она подперла голову рукой и покосилась на него.

— Что ты имеешь в виду? — спросила она.

Чип слегка вздохнул и сказал:

— Нас будут классифицировать, правильно?

— Правильно.

— А представь, что нас не будут классифицировать. Представь, что мы должны сами классифицировать себя.

— Это глупо, — сказала она, чертя что-то пальцем на его груди.

— Об этом интересно думать.

— Давай снова трахаться, — сказала она.

— Подожди минутку, — ответил Чип. — Ты только подумай, сколько всяких классификаций! Представь, что если бы мы сами...

— Я не хочу, — сказала она, переставая рисовать. — Это глупо. И нездорово. Нас классифицируют, и нечего об этом думать. Уни знает, что мы...

— Пошел в драку этот Уни, — сказал Чип. — Ты только притворись на минуту, что мы живем...

Анна оттолкнула его и легла на живот, она теперь лежала напряженно и неподвижно, повернувшись к Чипу затылком.

— Извини, мне очень жаль, — сказал он.

— Мне очень жаль, — сказала она. — Жаль тебя. Ты болен.

— Нет, я не болен, — сказал Чип.

Она ничего не ответила.

Он сел и в отчаянии посмотрел на ее напряженную спину.

— У меня это случайно сорвалось, — сказал он. — Извини.

Анна молчала.

— Это только слова, Анна, — сказал Чип.

— Ты болен, — повторила она.

— Вот ненависть, — выругался он.

— Ты понимаешь, что я имею в виду?

— Анна, — сказал Чип, — послушай, забудь об этом. Забудь обо всем, хорошо? Просто забудь, — он пощекотал ее между ног, но она сдвинула их, преградив путь его руке.

— Ах, Анна,— сказал Чип.— Ну, чего ты. Я же сказал, что мне очень жаль, правда? Ну, давай снова трахаться. Я вылижу тебя сначала, если хочешь.

Чуть поколебавшись, она расслабила ноги и позволила Чипу щекотать себя.

Потом она перевернулась на спину и села, глядя на него.

— Ты болен, Ли? — спросила она.

— Нет,— сказал он и заставил себя рассмеяться.— Конечно, я не болен.

— Я никогда о таком не слышала,— сказала она.— Классифицировать себя? Как мы можем это сделать? Как мы можем столько знать?

— Я просто думаю об этом, иногда. Не очень часто. Даже, почти никогда и не думаю.

— Это такая... смешная мысль,— сказала она.— Это звучит так... я не знаю... так до-Объединенчески.

— Я больше об этом не думаю,— сказал Чип, и поднял правую руку со съехавшим вниз браслетом.— Любовь Семьи,— поклялся он.— Давай, ложись, и я тебя вылижу.

Она откинулась на одеяло, все еще с выражением беспокойства на лице.

На следующее утро без пяти десять Мария СЗ позвонила Чипу и попросила зайти к ней.

— Когда? — спросил он.

— Сейчас,— ответила она.

— Хорошо,— сказал Чип.— Я сейчас спущусь.

— Зачем это ты ей нужен в воскресенье? — спросила мать Чипа.

— Не знаю,— ответил Чип.

Но он знал. Анна ВФ позвонила своему советчику.

Он ехал вниз по эскалатору, думая, как много Анна рассказала о нем, и что ему отвечать; и неожиданно ему захотелось заплакать и сказать Марии, что он болен, что он эгоист и лгун. Члены, ехавшие вверх по эскалатору, навстречу ему, улыбались, были спокойны и довольны, в гармонии с приятной музыкой, доносившейся из динамиков, только он был виновен и несчастлив.

В кабинетах советчиков было необычно тихо. В нескольких кубических секциях виднелись советчики и члены, но большинство секций было пусто, с аккуратно убранными столами и свободными стульями, ожидавшими, что кто-нибудь на них сядет. В одной секции член в зеленом комбинезоне склонился над телефоном и орудовал отверткой.

Мария стояла на стуле, украшая праздничной рождественской лентой картину «Вей разговаривает с химиотерапевтами». Два рулона ленты — красной и зеленой — лежали на столе, там же стоял открытый телекомп, а рядом с ним — контейнер с чаем.

— Ли? — спросила Мария, не оборачиваясь.— Как ты скоро! Садись.

Чип сел. Строчки зеленых символов светились на экране телекомпа. Кнопка ответа была прижата сувенирным пресс-папье из РОС 81655.

— Не падай! — сказала Мария ленте и, не сводя с нее глаз, осторожно спустилась со стула. Лента не упала.

Мария повернула стул к столу. С улыбкой глядя на Чипа села. Она посмотрела на экран телекомпа и отпила несколько глотков из контейнера с чаем. Потом она поставила контейнер, посмотрела на Чипа и снова улыбнулась.

— Один член говорит, что тебе нужно помочь, — сказала она. — Та девушка, с которой ты вчера трахался, Анна, — она взглянула на экран, — ВФ 35Х6143.

Чип кивнул.

— Я сказал плохое слово, — сказал он.

— Два плохих слова, — сказала Мария, — но не это главное. По крайней мере, в сравнении с остальным. Главное — то, что ты говорил насчет того, чтобы самому решать, какую выбрать классификацию, если бы не было УниКомпа, который этим занимается.

Чип перевел глаза с Марии на рулоны красной и зеленой рождественской ленты.

— Ты часто думаешь об этом, Ли? — спросила Мария.

— Иногда, редко, — ответил Чип. — В свободные часы или ночью, в школе — никогда, и во время телевизора — тоже.

— Ночное время тоже считается, — сказала Мария. — Ночью ты должен спать.

Чип посмотрел на нее и ничего не сказал.

— Когда это началось? — спросила она.

— Я не знаю, — сказал он. — Несколько лет назад. В Евр.

— Твой дед? — спросила Мария.

Чип кивнул.

Она посмотрела на экран, потом, сочувственно, на Чипа.

— Тебе никогда не приходило в голову, — спросила она, — что это «решение» и «выбирание» суть проявления эгоизма? Эгоизм?

— Может быть, — сказал Чип, глядя на край стола и водя по нему пальцем.

— Ах, Ли, — сказала Мария. — А зачем же я здесь? Зачем вообще советчики? Чтобы помогать нам, правда?

Чип кивнул.

— Почему ты не сказал мне? Или твоему советчику в Евр? Почему ты ждал, потерял сон и растревожил эту Анну?

Чип пожал плечами, по-прежнему глядя на свой рисующий на столе палец с черным ногтем.

— Это было, в общем, интересно, — сказал он.

— В общем, интересно, — сказала Мария. — Может быть, тоже, в общем, интересно, подумать о до-Объединенческом хаосе, в котором мы бы оказались, если бы действительно сами выбирали себе классификацию. Ты подумал об этом?

— Нет, — сказал Чип.

Ну так подумай. Представь себе, что сто миллионов членов захотят стать телевизионными актерами, и ни один не захочет работать в крематории.

Чип посмотрел на нее.

— Я очень болен? — спросил он.

— Нет, — сказала Мария. — Но ты мог бы серьезно заболеть, если бы не помощь Анны, — она сняла пресс-папье с кнопки телекомпа, и с экрана исчезли зеленые символы. — Дотронься, — сказала Мария.

Чип коснулся браслетом пластинки сканера, и Мария начала что-то набирать на клавиатуре.

— Тебя проверяли на тысяче тестов, начиная с первого дня школы, — сказала она. — И УниКомп знает результаты даже самого последнего из них, — ее пальцы бегали по черным клавишам. — Ты сотни раз встречался с советчиками, и УниКомп тоже об этом знает. Он знает, какая есть работа, и кто ее должен делать. Он знает все. Ну, так кто же лучше и рациональнее проведет классификацию, ты или УниКомп?

— УниКомп, Мария, — сказал Чип. — Я знаю это. Я совсем не собирался на самом деле себя классифицировать. Я только... только подумал: «а что, если», это все.

Мария прекратила печатать и нажала на кнопку ответа. На экране появились зеленые символы.

— Иди в лечебный кабинет, — сказала Мария.

Чип вскочил на ноги.

— Спасибо, — сказал он.

— Спасибо Уни, — ответила Мария, выключая телекомп. Она закрыла его и защелкнула замки.

Чип медлил.

— Я буду здоров? — спросил он.

— Абсолютно, — ответила Мария. Она ободряюще улыбнулась.

— Прости, что заставил тебя прийти в воскресенье, — сказал Чип.

— Ничего, — сказала Мария. — Один раз в жизни я украшу кабинет к Рождеству раньше двадцать четвертого декабря.

Чип вышел из коридора советчиков и вошел в лечебный кабинет. Работал всего один блок, но и в очереди стояло только три члена. Когда подошла его очередь, Чип просунул руку так глубоко, как только мог, в обрамленное резиной отверстие и с благодарностью почувствовал контакт браслета со сканером и мягкое жужжание инъекционного диска. Он хотел, чтобы это «шелк-жж-ж-шелк» продолжалось долго-долго, и он стал полностью и навсегда здоров, но на этот раз все произошло даже быстрее, чем обычно, и Чип заволовновался, что прервалась связь между блоком и Уни, или что в самом блоке не хватило лекарства. Быть может, в такое тихое воскресное утро этот блок небрежно зарядили?

Тем не менее, беспокойство прошло, и, поднимаясь вверх по эскалатору, он чувствовал себя гораздо лучше по отношению ко всему: к себе самому, к Уни, к Семье, к миру, ко Вселенной.

Первое, что он сделал, когда пришел домой,— позвонил Анне ВФ и поблагодарил ее.

В пятнадцать лет Чип получил классификацию 663 Г — генетик-испытатель четвертого класса, и его перевели в РОС 41500, в Академию Генетических Наук. Он изучал начала генетики, лабораторную технику, теорию модуляции и трансплантации; он катался на коньках и играл в футбол, ходил в Музей до-Объединения и в Музей Семейных Достижений; у него была подруга Анна из Япо, а потом — другая, по имени Мир, из Авс. В четверг, 18 октября 151 года, он вместе со всеми сидел до четырех утра и смотрел по телевизору запуск «Аль-таира», а потом спал и ничего не делал следующие полдня, объявленные нерабочими.

Однажды вечером неожиданно позвонили его родители.

— У нас плохие новости,— сказали они,— Папа Джан умер сегодня утром.

Тоска охватила Чипа, и должно быть, отразилась на его лице.

— Ему было шестьдесят два, Чип,— сказала мать.— Он прожил свою жизнь.

— Никто не живет вечно,— сказал отец Чипа.

— Да,— ответил Чип.— Я совсем забыл, какой он старый. А как вы? Мир уже получила классификацию?

После разговора с родителями Чип вышел пройтись, хотя шел дождь и было уже почти десять часов вечера. Он пошел в парк. Все шли ему навстречу. «Шесть минут»,— произнес улыбаясь, какой-то член.

Чип не отреагировал. Ему было все равно. Ему хотелось, чтобы шел дождь, ему хотелось промокнуть. Он не знал, почему, но ему этого хотелось.

Он сел на скамью. Парк был пуст, все остальные уже ушли. Чип вспоминал, как Папа Джан говорил противоположное тому, что думал, а то, что он действительно думал, произнес глубоко под землей, около Уни, завернувшись в синее одеяло.

На спинке скамейки, стоящей напротив, на другой стороне дорожки, кто-то угловато написал красным мелом: В ДРАКУ УНИ! Кто-то другой — быть может, тот же самый больной член, устыдившись — перечеркнул надпись белым. Снова пошел дождь и начал смывать надпись, белый и красный мел, смешавшись, потекли розовыми подтеками по спинке скамейки.

Чип поднял голову к небу и подставил лицо дождю, пытаясь почувствовать, будто ему так грустно, что он плачет.

Глава четвертая

В начале третьего и последнего года в Академии, Чип принял участие в сложном обмене спальнями, затеянном для того, чтобы поселить все спонтанно возникшие пары как можно ближе друг к другу. В своей новой секции Чип оказался только через две

спальни от некоей Йин ДВ, а напротив через проход, наискосок от Чипа, поселился необычно низкого роста член по имени Карл ВЛ, которого часто можно было видеть с блокнотом для набросков в руке, и который, хоть и довольно охотно отвечал, когда к нему обращались, редко сам затевал разговор.

В глазах у этого Карла ВЛ была необычная сосредоточенность, как будто он близок к решению каких-то сложных вопросов. Однажды Чип заметил, как он тихо вышел из комнаты в начале первого телевизионного часа и не возвращался до конца второго; в другой раз — ночью, в спальне, когда огни уже погасли, — он увидел, что сквозь одеяло на постели Карла пробивается слабый свет.

Однажды в субботу ночью, а точнее — ранним воскресным утром — Чип, который тихо возвращался из секции Йин ДВ, заметил, что Карл не спит. Он, в пижаме, сидел на кровати, в руке он держал раскрытый блокнот, подставив его под свет лежащего на краю стола фонаря, и что-то чертил быстрыми короткими движениями руки. Фонарик был чем-то прикрыт так, что от него исходила только узкая полоска света.

Чип подошел поближе и спросил:

— Сегодня без девушки?

Карл вздрогнул и закрыл блокнот. В руке он сжимал палочку угля для рисования.

— Извини, я тебя потревожил, — сказал Чип.

— Все в порядке, — ответил Карл; его лицо было почти скрыто темнотой, только на подбородке и на скулах светились слабые отблески света. — Я закончил рано. Мир КГ. А ты не остаешься у Йин до утра?

— Она храпит, — ответил Чип.

Карл удивленно что-то промычал.

— Я сейчас ложусь, — сказал он.

— Что ты делаешь?

— Да так, диаграммы генов, — ответил Карл. Он перегнул блокнот и показал Чипу первую страницу. Чип подошел поближе, нагнулся — и разглядел пересекающиеся линии генов в секции В₃, аккуратно нарисованные ручкой, даже с тенями. — Я пытался еще углем, — сказал Карл, — но плохо получается, — он закрыл блокнот, положил уголь на стол и выключил фонарь. — Приятного сна, — сказал он.

— Спасибо, — ответил Чип, — тебе тоже.

Он вернулся в свою спальню и ошупью забрался в постель, думая правда ли Карл рисует диаграммы генов, рисовать которые углем и пробовать-то не стоило. Возможно, надо поговорить с советчиком, Ли УВ, об этой таинственности Карла и таком нечленском поведении, но Чип решил немного подождать, пока он не убедится, что Карлу нужна помощь, и что он не отнимет зря времени у Ли УВ, у Карла, да и у себя тоже. Не было повода паниковать.

Через несколько недель наступил День Рождения Веи, и, когда кончился парад, Чип и еще с десяток студентов поехали после обеда в Сад Развлечений. Они покатались немного на лодках, а потом

пошли в зоопарк. Когда все собрались у фонтана, Чип вдруг увидел Карла ВЛ, который, сидя на перилах перед лошадиным вольером и держа на коленях блокнот, что-то рисовал. Чип извинился и, отойдя от группы, приблизился к Карлу.

Карл увидел Чипа и улыбнулся ему, закрывая при этом блокнот.

— Прекрасный был парад, — сказал он.

— Действительно, замечательный, — ответил Чип. — А ты рисуешь лошадей?

— Пытаюсь.

— Можно мне посмотреть?

Карл на мгновение взглянул Чипу в глаза и сказал:

— Конечно, почему же нет? — он отогнул верхнюю часть блокнота, и Чип увидел жеребца, который ржал; конь был нарисован густыми резкими линиями и заполнял собой всю страницу. Мускулы вздувались под отливающей шкурой лошади, глаза были дикие, навывкате, передние копыта трепетали. Рисунок удивил Чипа своей жизненностью и силой. Он никогда не видел изображения лошади, которое хоть сколько-нибудь приближалось к этому. Он искал слова, и смог сказать только:

— Это — потрясающе, Карл! Высший класс!

— Этот рисунок не точный, — сказал Карл.

— Точный!

— Нет, не точный, — ответил Карл. — Если бы он был точный, я учился бы в Академии Художеств.

Чип посмотрел на настоящих лошадей, которые паслись в вольере, а потом снова на рисунок Карла, опять на лошадей, и опять на рисунок, и увидел, что ноги у лошадей в вольере были толще, а грудь — уже, чем на рисунке.

— Ты прав, — сказал он, глядя на рисунок, — он не точный. Но он... он почему-то, лучше, чем точный.

— Спасибо, — сказал Карл. — Я и хотел, чтобы он был такой. Я еще не закончил.

Глядя на него, Чип спросил:

— Ты еще кого-нибудь рисовал?

Карл перевернул предыдущую страницу и показал Чипу сидящего льва, гордого и внимательного. В правом нижнем углу рисунка стояла буква «А», обведенная кружком.

— Замечательно! — сказал Чип.

Карл перевернул еще несколько страниц, и появились два оленя, мартышка, парящий орел, две фыркающие друг на друга собаки, крадущийся леопард.

Чип засмеялся.

— У тебя здесь весь братовредительский зоопарк! — сказал он.

— Нет, не весь, — ответил Карл.

На всех рисунках стояло в углу «А» в кружке.

— Зачем это? — спросил Чип.

— Художники раньше подписывали свои работы. Чтобы показать, чье это произведение.

— Я знаю,— сказал Чип.— Но почему «А»?

— О,— ответил Карл и начал перевертывать страницу обратно, одну за другой.— «А» значит Аши. Так меня зовет моя сестра,— Карл дошел до лошади, добавил линию на брюхе и поглядел на лошадей в вольере своим сосредоточенным взглядом, который теперь стал понятен.

— У меня тоже есть еще одно имя,— сказал Чип.— Чип. Мой дед назвал меня так.

— Чип?

— Это значит «осколок старого камня». Я, кажется, похож на дедушку моего дедушки,— Чип с интересом посмотрел, как Карл уточняет линию задних ног лошади, а потом сделал шаг в сторону.— Я лучше пойду к моей группе,— сказал он.— Это — высший класс. Просто стыдно, что ты не получил классификацию художника.

Карл пожал плечами:

— Тем не менее, не получил,— сказал он.— Поэтому я рисую по воскресеньям и праздникам, и в свободное время. Я никогда не позволяю рисованию мешать моей работе и всему тому, что я обязан делать.

— Правильно,— ответил Чип.— Увидимся в общежитии.

Вечером, после телевизора, Чип вернулся в спальню и нашел на столе рисунок лошади. Карл, из своей спальни напротив, спросил:

— Хочешь?

— Да,— ответил Чип,— спасибо. Это потрясающе. Сейчас рисунок был даже еще мощнее и жизненнее, чем раньше. В углу листа появилось «А» в круге.

Чип прикрепил рисунок на доску для записок над столом, и когда он заканчивал это делать, вошла Йин ДВ, занести сегодняшний выпуск «Вселенной», который она брала читать.

— Откуда это у тебя? — спросила она.

— Карл ВЛ нарисовал,— ответил Чип.

— Очень мило, Карл,— сказала Йин.— Ты хорошо рисуешь.

Карл, надевавший пижаму, ответил:

— Спасибо. Я рад, что тебе понравилось.

А Чипу Йин прошептала:

— Там все непропорционально. Но все равно оставь его там, где повесил. С твоей стороны очень благородно повесить у себя этот рисунок.

Иногда, в свободное время, Чип и Карл вместе ходили в Музей до-Объединения. Карл делал наброски с мастодонта и бизона, с пещерного человека в его животном убежище, с солдат и матросов в их бесчисленных разнообразных формах. Чип бродил среди первых автомобилей и дикто-пишущих машинок, среди сейфов, наручников и «телевизоров». Он изучал макеты и рисунки старых зданий: церкви со шпилями и контрфорсами, замки с башнями, большие и маленькие дома с окнами и запирающимися дверьми. В окнах, думал Чип, были и хорошие стороны. Было бы приятно, думал он,

выглядывать из своего окна дома или на работе, это придавало бы уверенности, заставляло чувствовать себя больше. А вечером, снаружи, дом с рядами светящихся окон должен быть очень привлекателен, даже красив.

Однажды Карл зашел в спальню Чипа и остановился у стола, плотно сжав кулаки. Чип посмотрел на него и подумал, что у Карла жар, или даже хуже того; его лицо пылало, а глаза странно щурились. Нет, это не жар. Карл в ярости, в такой ярости, в которой Чип никогда его не видел; в такой сильной ярости, что не может разжать губ, чтобы произнести хоть слово.

Чип взволнованно спросил:

— Что случилось?

— Ли,— сказал Карл.— Послушай. Ты можешь сделать мне одолжение?

— Конечно! Разумеется!

Карл наклонился ближе к Чипу и прошептал:

— Попроси для меня блокнот, хорошо? Я только что попросил, но мне было отказано. Их там было пятьсот, драка! Вот такая стопка, и мне пришлось положить его на место!

Чип уставился на него.

— Попроси один, хорошо? — сказал Карл.— Ведь каждый может немножко порисовать в свободное время, правда? Ну, давай, хорошо?

С трудом Чип произнес:

— Карл...

Карл посмотрел на него, его ярость смягчилась, и он выпрямился.

— Нет, сказал он.— Нет, я просто потерял контроль над собой. Извини. Извини, брат. Забудь об этом,— он похлопал Чипа по плечу.— Я уже в порядке,— сказал он.— Я снова попрошу, через неделю или что-нибудь около. Я все равно слишком много рисовал, наверное. Уни знает лучше,— он пошел вдоль по коридору к ванной комнате.

Чип повернулся к столу и, дрожа, положил голову на локти.

Сегодня четверг. Еженедельные встречи с советчиком были у Чипа по вудодням, утром, в 10.40, и на этот раз он скажет Ли УВ о болезни Карла. Уже и речи быть не может, что он окажется паникером, наоборот, он слишком долго ждал. Ему следовало сказать что-то еще при первых признаках, когда Карл выскользнул из телевизионной (рисовать, разумеется), или даже когда он заметил необычный взгляд Карла. Какой ненависти он столько ждал? Он уже слышал, как Ли УВ мягко упрекает его: «Ты был не очень хорошим братоохранителем, Ли».

Рано утром в следующий вудодень Чип решил взять несколько комбинезонов и последний номер «Генетика». Он спустился в центр снабжения и вошел на товарную площадь. Он взял «Генетика» и пачку комбинезонов, прошел чуть дальше и вошел в секцию для художников. Он увидел стопку блокнотов в зеленой обложке, не пятьсот, но штук семьдесят-восемьдесят, и никто не собирался их брать.

Чип отошел в сторону, думая, что он, наверное, сходит с ума. Если бы Карл обещал не рисовать в то время, когда не должен...

Чип пошел обратно.— Ведь каждый может немножко порисовать в свободное время, правда?» — и взял блокнот и коробочку углей. Он встал в самую короткую очередь, сердце сильно билось у него в груди, руки дрожали. Он вдохнул как можно глубже, потом еще раз и еще.

Он приложил браслет к сканеру, а затем — этикетки с комбинезонов, с «Генетика», с блокнота и с углей. Все было «да». Чип уступил очередь следующему члену.

Он вернулся в спальню. В комнате Карла никого не было, кровать была не застелена. Чип вошел в свою комнату, положил комбинезоны на полку, а «Генетика» на стол. На первой странице блокнота он написал все еще нетвердой рукой: «Только в свободное время. Обещай мне». Затем он положил блокнот и уголь на кровать, сел за стол и стал смотреть журнал.

Появился Карл, он вошел в свою комнату и стал застилать кровать.

— Это твое? — спросил Карл.

Карл посмотрел на блокнот и уголь на кровати Чипа.

— Это не мое,— сказал Чип.

— Ах, да. Спасибо,— сказал Карл, вошел и взял блокнот и уголь.— Большое спасибо,— повторил он.

— Тебе надо написать свой номер на первой странице,— сказал Чип,— если ты собираешься так повсюду его оставлять.

Карл вошел в свою секцию, открыл блокнот и посмотрел на первую страницу. Потом поглядел на Чипа, кивнул, поднял правую руку и одними губами произнес: «Любовь Семьи».

Они вместе ехали по эскалатору в класс.

— Зачем ты испортил страницу? — спросил Карл.

Чип улыбнулся.

— Я не шучу,— сказал Карл.— Ты что, никогда не слышал, что записки оставляют на ненужной бумаге?

— Христос, Маркс, Вуд и Вей! — сказал Чип.

В декабре того же 152 года пришли ужасные вести о Серой Смерти, распространившейся по всем марсианским колониям, кроме одной, и полностью выкосившей их всего за девять дней. В Академии Генетических Наук, как и во всех семейных учреждениях, наступила беспомощная тишина, потом стенания и, наконец — всеобщая решимость помочь Семье преодолеть серьезное препятствие, на которое она наткнулась. Все работали напряженнее и дольше. Свободное время было уменьшено наполовину, в воскресенье учились, а в Рождество Христово отдыхали лишь полдня. Только генетика могла сделать более стойкими будущие поколения, все спешили закончить свой курс обучения и приступить к первому настоящему поручению. На каждой стене висели белым по черному написанные плакаты: «Снова на Марс!»

Этот подъем продолжался несколько месяцев. Только на Марксово Рождество объявили выходным целый день, и никто не знал, что с ним делать. Чип, Карл и их подружки поплыли на лодке на один из островов в озере Парка Развлечений, и там загорали на огромном валуне. Карл нарисовал свою подружку. В первый раз — по крайней мере, насколько знал Чип — Карл нарисовал живого человека.

В июне Чип попросил еще один блокнот для Карла.

Их учеба кончилась, на пять недель раньше, и они получили поручения: Чип — в исследовательской лаборатории вирусной генетики в США 90058, Карл — в Институте энцимологии в ЯПО 50319.

Вечером, перед отъездом из Академии, все паковали свои вещи в мешки. Карл вытащил из ящиков стола блокноты с зеленой обложкой — десяток из одного ящика, полдесятка из другого, еще блокноты из других ящиков — и свалил их в кучу на кровати.

— Ты это никогда не запихнешь в мешок, — сказал Чип.

— Я и не собираюсь, — ответил Карл. — Они использованы, они мне не нужны, — он сел на кровать и пролистал один блокнот, время от времени вырывая из него отдельные рисунки.

— Можно мне взять несколько? — спросил Чип.

— Конечно, — сказал Карл и бросил Чипу блокнот.

Там были, в основном, наброски из до-Объединенческого музея. Чип выбрал один — человек в кольчуге целится куда-то из лука, и еще один — обезьяна чешется.

Карл собрал большинство блокнотов и пошел по коридору в сторону мусоропровода. Чип положил блокнот на кровать Карла и взял другой.

В нем были нарисованы обнаженные мужчина и женщина, стоящие в парке, а сзади них неясными очертаниями вырисовывался город. Эти люди были выше, чем обычно, красивые и с каким-то странным чувством собственного достоинства. Женщина довольно сильно отличалась от мужчины, не только половыми органами, но и длиной волос, выступающими грудями и более мягкими очертаниями. Это был великолепный рисунок, но что-то в нем неприятно задело Чипа, он не мог понять, что.

Он стал смотреть другие страницы, там были другие мужчины и женщины, рисунок становился более уверенным, выполненный меньшим числом более простых линий. Это были лучшие рисунки Карла, но в каждом из них было что-то не то, чего-то не хватало, была какая-то дисгармония, которой Чип никак не мог уловить.

Вдруг у Чипа мурашки побежали по коже.

На этих людях не было браслетов.

Он еще раз пролистал блокнот, чтобы убедиться в этом, чувствуя, что его подташнивает. Браслетов не было. Браслетов не было ни на одной фигуре. И не было никакой возможности допустить, что рисунки не закончены: в углу каждого листа стояло «А» в кружке.

Чип положил блокнот, вышел от Карла и сел на свою постель; он смотрел, как Карл вернулся, собрал остальные блокноты и с улыбкой унес их.

В холле были танцы, но недолго и не очень широко — из-за Марса. Потом Чип пошел вместе со своей подружкой в ее комнату.

— Что случилось? — спросила она.

— Ничего, — ответил он.

Карл тоже спросил его утром, когда они сворачивали одеяла:

— Что случилось, Ли?

— Ничего.

— Тебе жалко уезжать?

— Немного.

— Мне тоже. Ну, давай твои простыни, я их выброшу в мусоропровод.

— Какой у него номер? — спросил Ли УВ.

— Карл ВЛ 35С 7497, — ответил Чип.

Ли УВ записал номер.

— И в чем именно выражается это? — спросил он.

Чип вытер руки о колени.

— Он нарисовал несколько картинок с членами, — сказал он.

— Ведущими себя агрессивно?

— Нет, нет. Просто стоят и сидят, трахаются, играют с детьми.

— Ну и что?

Чип перевел взгляд на крышку стола.

— У них нет браслетов, — сказал он.

Ли УВ ничего не сказал. Чип взглянул на него, советчик смотрел на Чипа. Через секунду Ли УВ спросил:

— Несколько рисунков?

— Целый блокнот.

— И совсем нет браслетов?

— Нет.

Ли УВ вздохнул, а потом выдохнул воздух сквозь плотно сжатые зубы несколькими шипящими порциями. Он посмотрел в свою записную книжку: «КВЛ 35С 7497», — сказал он.

Чип кивнул.

Он разорвал рисунок человека с луком, который был агрессивен, и обезьяну тоже разорвал. Потом отнес куски в мусоропровод и выбросил.

Он уложил последние вещи — ножницы, зубную щетку и окантованную фотографию родителей и Папы Джана — и завязал мешок. Зашла подружка Карла с вещмешком через плечо.

— Где Карл? — спросила она.

— В медцентре.

— Ох, — сказала она, — скажи ему, что я с ним прощаюсь, хорошо?

— Конечно.

— Они поцеловались в щеку.

— До свидания, — сказала она.

— До свидания.

Она пошла по коридору. Несколько студентов, теперь уже бывших, прошли мимо. Они улыбнулись Чипу и попрощались с ним.

Он оглядел опустевшую комнату. Рисунок лошади все еще висел на доске для записок. Чип подошел к нему и стал разглядывать, он снова увидел жеребца, который ржал, такой живой и такой дикий. Почему Карл стал рисовать что-то еще кроме зверей в зоопарке? Зачем он начал рисовать людей?

У Чипа возникло и стало расти чувство, что не следовало говорить Ли УВ о рисунках Карла, даже хотя он и знал, что, конечно же, правильно сделал. Разве может быть неправильно — помочь больному брату? Не с к а з а т ь было бы неправильно, молчать, как он молчал сначала, позволив Карлу дойти до того, что он стал рисовать членов без браслетов и заболел еще больше. Ведь он, может быть, даже рисовал членов, ведущих себя агрессивно. Дерущихся.

Конечно, Чип правильно сделал, что сказал.

Но тем не менее чувство, что он поступил неправильно, оставалось и росло, и неожиданно переросло в чувство вины.

Кто-то подошел к нему, Чип обернулся, думая, что это Карл возвращается из медцентра, чтобы поблагодарить его, но это был какой-то другой покидающий Академию студент.

Однако, это должно было произойти: Карл вернется и скажет: «Спасибо, что помог мне, Ли. Я, правда, был болен, но сейчас мне намного лучше», а он сам ответит: «Не благодари м е н я, брат, скажи спасибо Уни», а Карл скажет: «Нет, нет», и будет настаивать и жать его руку.

Неожиданно Чипу захотелось исчезнуть, не встречаться с Карлом, который будет благодарить его за помощь; он схватил свой мешок и поспешил в коридор — остановился в нерешительности, затем быстро вернулся. Он снял рисунок лошади со стены, развязал на столе мешок, засунул рисунок между страницами записной книжки, закрыл мешок и вышел.

Он сбегал вниз по эскалаторам, извиняясь перед стоящими членами, в испуге, что Карл побежит за ним; он бежал до самого нижнего уровня, где находилась рельсовая станция и встал в длинную очередь желающих уехать в аэропорт. Он стоял прямо, не оглядываясь.

Наконец он подошел к сканеру. Секунду он смотрел на него, а потом коснулся его своим браслетом. «Да», промигал зеленым сканер.

Чип заторопился к выходу.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

ОЖИВАНИЕ

Глава первая

Между июлем 153 года и марксом 162 у Чипа было четыре поручения: два — в исследовательских лабораториях в США, короткое поручение в Институте Генной Инженерии в Инд, где он посещал

лекции о новейших достижениях мутационной индукции и пятилетнее поручение на химиосинтетическом заводе в Кит. Чипа два раза повышали в классификации, и к 162 году он был генетик-испытатель второго класса.

Все эти годы он был внешне нормальным, всем довольным членом Семьи. Он хорошо выполнял свою работу, принимал участие в занятиях спортом и активно отдыхал, каждую неделю занимался сексом, каждый месяц звонил домой родителям и каждые шесть месяцев навещал их, вовремя приходил на телевизор и на лечения, а также на встречи с советчиком. Он не испытывал дискомфорта, о котором следовало бы сказать советчику: ни физического, ни морального.

Но внутри, напротив, он был далеко не нормален. Чувство вины, с которым он оставил Академию, заставило его скрыть его от следующего советчика, потому что он хотел сохранить это чувство, которое, хотя и было неприятным, было самым сильным, которое он когда-либо испытывал, и странным образом это чувство расширяло границы его бытия, и то, что он скрывал ощущение своей вины от советчика — не говорил ни о каком дискомфорте, изображал спокойного, удовлетворенного всем члена — с течением лет переросло в привычку не раскрываться перед другими, постоянно следить за собой. Все стало для него под вопросом: унипирог, комбинезоны, одинаковость комнат и мыслей членов, а особенно работа, которую он делал, завершение которой, как он видел, только упрочит общую одинаковость. Конечно, у него не было другого выбора, вообще не было, видно, никакого выбора, но тем не менее он не рассказывал о своих состояниях и продолжал мучиться вопросами. Лишь в первые дни после лечения он действительно был таким членом, каким казался.

Только одно в мире было несомненно правильным: рисунок лошади, выполненный Карлом. Чип вставил его в рамку — не из центра снабжения, а в самодельную, из реек, которые он отодрал с задней стороны ящика стола и отполировал — и повесил у себя в комнате в США, у себя в комнате в Инд, у себя в комнате в Кит. Было гораздо приятнее смотреть на этот рисунок, чем на «Вей разговаривает с химиотерапевтами» или «Маркс за работой», или «Христос изгоняет меня из храма».

В Кит Чип подумывал о женитьбе, но узнал, что ему не будет разрешено иметь детей, так что мысль о женитьбе потеряла для него смысл.

В середине маркса 162 года, незадолго до его двадцатисемилетия, Чипа перевели обратно в Институт Генной Инженерии в ИНД 26100, и дали поручение во вновь образованном Центре Генетической Субклассификации. С помощью новых микроскопов удалось установить различия между генами, которые до того казались одинаковыми, и Чип был один из сорока специалистов бб3 Б и В, направленных на уточняющую субклассификацию. Комната Чипа была в четырех зданиях от работы, так что каждый день он дважды

совершал приятную прогулку до Центра, и скоро нашел подружку, чья комната была на этаж ниже его комнаты. Его советчик, Боб Ро, был на год моложе самого Чипа. Казалось, что жизнь будет идти и дальше так, как прежде.

Однажды апрельским вечером, когда Чип собирался почистить зубы и лечь спать, в футляре от зубной щетки он нашел что-то белое. Удивившись, он поднес к глазам свою находку. Это оказался крошечный рулончик плотно свернутой бумажной ленты. Чип положил футляр и развернул маленький бумажный прямоугольник с печатными буквами. «Ты кажешься очень необычным членом, — говорилось там. — Например, ты думал, какую ты бы выбрал классификацию. Ты бы хотел познакомиться с другими необычными членами? Подумай об этом. Ты жив только частично. Мы можем помочь тебе больше, чем ты можешь себе представить».

Записка удивила Чипа знанием его прошлого, поразила своей таинственностью и особенно этим: «Ты жив только частично». Что все это означало — это странное утверждение, и вообще все это странное послание? И, прежде всего, кто положил его в футляр от зубной щетки? Но именно это место, вдруг понял Чип, было идеальным для такой записки, потому что здесь он точно нашел бы ее, и только он, а никто другой. Так кто же так умно положил сюда записку? Кто угодно мог зайти в его комнату раньше вечером, или днем. По крайней мере, двое заходили в его комнату: на столе лежали записки от Мир СК, подружки Чипа, и от секретаря домового фотоклуба.

Чип почистил зубы, лег в постель и перечитал записку. Тот, кто ее написал — один из этих «других необычных членов» — должно быть имел доступ к памяти УниКомпа, к тому моменту, когда Чип мечтал классифицировать сам себя, и это показалось группе достаточным чтобы вызвать к нему симпатию. А стоило ли симпатизировать ему? Они все ненормальные, это точно. Но он сам? Разве он тоже ненормален? «Мы можем помочь тебе больше, чем ты можешь себе представить». Что это значит? Помочь ему в чем? И если он решит с ними встретиться, что ему делать? Очевидно, ждать следующей записки, какого-то контакта. «Подумай об этом», — было сказано в записке.

Прозвучал последний сигнал, он снова скатал бумагу в маленький рулон и глубоко затолкнул его за корешок своей настольной книги «Живая Мудрость Веи». Он выключил свет и стал лежа думать о записке. Она встревожила его, но это было в то же время необычно и интересно. «Хочешь познакомиться с другими необычными членами?»

Чип ничего не сказал о записке Бобу РО. Каждый раз, приходя вечером в комнату, Чип искал новую записку в футляре от зубной щетки, но никак не находил. По дороге на работу и с работы, садясь на стул в телевизионной, стоя в очереди в столовой или в центре снабжения, он всматривался в глаза окружающих его членов, готовый к любому намеку, даже простому взгляду или кивку, приглашающему следовать за собой. Но ничего подобного не случилось.

Прошло четыре дня, и Чип начинал уже думать, что эта записка просто шутка больного члена, или, еще хуже — какая-нибудь проверка. Может быть, Боб РО сам ее написал, чтобы посмотреть, скажет ли Чип про нее? Нет, это все смешно: он кажется, на самом деле заблуждается.

Чип был очень заинтригован, даже возбужден, он был полон надежд, и сам не знал, на что надеется — однако, постепенно, с течением времени, когда ни новой записки, ни какого-то другого контакта так и не было, он почувствовал себя разочарованным и раздраженным.

И тогда, через неделю после своего первого появления, записка появилась снова: такой же сложенный втрое и скатанный в трубочку кусок бумаги в футляре от зубной щетки. Чип вынул записку, его волнение и надежда неожиданно, в один миг, вернулись к нему. Он развернул листок и прочитал: «Если хочешь познакомиться с нами и узнать, как мы можем помочь тебе, будь между зданиями 16 и 18 на Нижней Площади Христа завтра вечером в 11.15. Не прикасайся ни к одному сканеру по дороге. Если увидишь членов у сканера, мимо которого тебе надо пройти, пойдя другой дорогой. Я буду ждать до 11.30». Внизу была подпись: «Снежинка».

На пешеходных дорожках было совсем немного членов, да и то таких, которые спешили домой, спать, и смотрели только перед собой. Чипу пришлось изменить свой маршрут только однажды, он пошел быстрее и пришел на Нижнюю Площадь Христа ровно в 11.15. Пересек освещенное луной белое пространство, прошел мимо выключенного фонтана, в котором отражалась луна, и нашел 16 и темный проход, который отделял это здание от 18.

Там не было никого — но потом, в нескольких метрах от себя, в тени — Чип разглядел белый комбинезон с каким-то знаком, вроде красного медицентровского креста. Он вошел в темноту и приблизился к члену, который тихо стоял у стены здания 16.

— Снежинка? — спросил он.

— Да, — голос был женский. — Ты трогал какие-нибудь сканеры?

— Нет.

— Странное ощущение, правда? — на ней была бледная маска: тонкая, хорошо прилегающая.

— Я делал это и раньше, — ответил Чип.

— Тем лучше для тебя.

— Только однажды, меня тогда специально оттолкнули, — сказал он. Чипу казалось, что она старше его, но на сколько — он никак не мог определить.

— Мы пойдем в одно место, отсюда пять минут ходу, — сказала она. — Там мы собираемся регулярно, нас шестеро, четверо мужчин и две женщины — ужасное соотношение которое, надеюсь, ты улучшишь, я на тебя рассчитываю. Мы хотим предложить тебе одну вещь, и если ты согласишься, то, очевидно, станешь одним из нас; если откажешься, то не станешь, и наша сегодняшняя встреча будет последней. Поэтому мы пока не можем позволить тебе узнать, как мы выглядим и где собираемся, — она вынула руку из кармана, в руке она держала что-то белое. — Мне придется за-

бинтовать тебе глаза,— сказала она,— поэтому на мне эта медицинская одежда, я буду выглядеть естественно, когда буду тебя вести.

— В такое время?

— Мы так делали и раньше, ничего не случилось,— ответила она.— Ты не возражаешь?

Чип пожал плечами:

— Думаю, нет,— сказал он.

— Приложи это к глазам,— она дала ему два комка ваты. Чип закрыл глаза, приложил к векам и прижал каждый комок пальцем. Она начала наматывать бинт вокруг его головы, прижимая вату к глазам. Чип отнял пальцы и стал крутить головой, чтобы помочь ей. Она продолжала наматывать и наматывать бинт, захватывая его лоб и щеки.

— Ты уверена, что ты не из медцентра? — спросил Чип.

Она ухмыльнулась и ответила: «Абсолютно уверена». Потом натянула конец бинта, плотно затягивая его, прижала бинт со всех сторон руками, над глазами тоже, и взяла Чипа за руку. Она повернула его — в сторону площади, понял он — и повела за собой.

Не забудь про свою маску,— сказал Чип.

Она резко остановилась.

— Спасибо, что напомнил,— сказала она. Ее рука отпустила плечо Чипа и через секунду вернулась. Они снова пошли.

Звук их шагов изменился, стал рассеиваться в пространстве, и ветер стал обдувать лицо Чипа — вернее, нижнюю часть лица, не закрытую бинтом; они шли по площади. Рука Снежинки, держащая Чипа за руку выше локтя, увлекала его куда-то по диагонали, влево, в сторону от дороги в Институт.

— Когда мы придем туда, куда мы идем,— сказала она,— я заклею пластырем твой браслет, и мой тоже. Мы стараемся не знать номеров друг друга. Я знаю твой — это я тебя нашла,— но остальные не знают; все, что они знают — это то, что я приведу одного многообещающего члена. Позже, один или двое из них, возможно, узнают твой номер.

— Вы проверяете жизнь каждого, кто получает здесь поручения?

— Нет. Зачем?

А разве не так ты нашла меня — когда выяснила, что я думал о том, чтобы сам себя классифицировать?

— Три ступеньки вниз,— сказала она.— Нет, это было только подтверждение. Теперь вторая, и третья. На что я обратила внимание — так это на твой вид, у тебя вид человека, который не на сто процентов в лоне Семьи. Ты тоже научишься это замечать, если будешь с нами. Я узнала, кто ты, потом пошла в твою комнату и увидела рисунок на стене.

— Лошадь?

— Нет, «Маркс за работой»,— иронично сказала она.— Конечно, лошадь. Ты рисуешь так, как ни один нормальный член никогда не станет рисовать. Вот тогда я и проверила твою историю, после того, как увидела лошадь.

Они вышли с площади и шли по одной из пешеходных дорожек, ведущих на запад — К или Л, он не был уверен, по какой.

— Ты ошиблась,— сказал Чип.— Это рисовал не я.

— Нет, это ты рисовал,— сказала она.— Ты просил блокноты и рисовальный уголь.

— Для члена, который это нарисовал. Мой друг по академии.

— Это уже интересно,— сказала она.— Обмануть Уни при просьбе — это самый лучший признак. В любом случае, тебе этот рисунок понравился настолько, что ты сохранил его и вставил в рамку. Или рамку тоже сделал твой друг?

Чип улыбнулся.

— Нет, рамку сделал я,— сказал он,— это ты точно заметила.

— Здесь мы повернем направо.

— Ты советчик?

— Я? Драка, нет.

— Но ты можешь узнавать историю человека?

— Иногда.

— Ты в Институте работаешь?

— Не спрашивай так много,— сказала она.— Послушай, как ты хочешь, чтобы мы тебя называли? Вместо Ли РМ?

— О,— сказал он,— Чип.

— Чип? Нет,— возразила она.— Не говори первое, что приходит тебе на ум. Ты должен быть какой-нибудь «Пират» или «Тигр». Другие — Кинг, Лайлак, Леопард, Хаш и Спэрроу¹.

— Меня звали Чип, когда я был маленьким,— сказал он.— Я привык к этому.

— Хорошо,— сказала она.— Но я бы такое имя не выбрала. Ты знаешь, где мы сейчас?

— Нет.

— Хорошо. Теперь налево.

Они вошли в какую-то дверь, поднялись по ступенькам, открыли еще одну дверь, в большой гулкий зал, через который прошли зигзагами, как бы обходя какие-то неровно поставленные предметы. Поднялись по неподвижному эскалатору, миновали длинный коридор и повернули направо.

Она оставила Чипа и напомнила про браслет. Он поднял руку, и его браслет сильно придавили и потеряли. Он потрогал браслет: на месте номера было что-то мягкое. Это и еще то, что он ничего не видел, заставило Чипа вдруг почувствовать себя бестелесным, как будто он сейчас оторвется от пола, пролетит прямо сквозь стены в космос, растворится и станет ничем.

Она снова взяла его за руку. Они прошли чуть дальше и остановились. Он услышал короткий стук в дверь, потом еще раз и еще раз, звук открываемой двери, затихающие голоса. «Привет,— сказала она, проводя Чипа вперед.— Это Чип, он на этом настаивает».

¹ Кинг — король; Лайлак — сирень; Хаш — «тсс», тишина; Спэрроу — воробей.

По полу заскрипели отодвигаемые стулья, зазвучали приветственные голоса. Чья-то рука пожала руку Чипа:

— Я Кинг,— представился член.— Я рад, что ты решился прийти.

— Спасибо,— ответил Чип.

Другая рука пожала руку Чипа жестче, чем первая.

— Снежинка говорит, что ты прямо художник,— этот голос был старше, чем голос Кинга.— Я — Леопард.

К Чипу потянулись другие руки: женский голос быстро произнес:

— Привет, Чип, я — Лайлак,— и другой женский голос: — А я — Спэрроу, я надеюсь, что ты будешь всегда приходить. — А я Хаш, жена Леопарда. Привет!

Последний голос и рука были старые, другие два голоса — молодые.

Чип подвели к стулу и усадили. Его руки нащупали крышку стола, гладкую и пустую, со слегка закругленным краем — овальный стол или большой круглый. Все остальные тоже сели, Снежинка справа от него, о чем-то болтая, кто-то сел слева. Чип почувствовал, что где-то что-то горит, он принялся, чтобы удостовериться в этом: никто из членов, казалось, не замечал гари.

— Что-то горит,— сказал Чип.

— Табак,— ответила пожилая женщина Хаш — слева от него.

— Табак? — переспросил Чип.

— Мы его курим,— сказала Снежинка.— Хочешь попробовать?

— Нет,— сказал Чип.

Некоторые засмеялись.

— Это не так уж смертельно,— сказал Кинг, сидящий дальше, слева от него.— Я даже думаю, что он дает и какой-то положительный эффект.

— Это очень приятно,— сказала одна из молодых женщин напротив него.

— Нет, спасибо,— ответил Чип.

Они снова засмеялись, обменявшись между собой репликами, и постепенно замолчали. На правую руку Чипа, лежавшую на столе, легла рука Снежинки, он хотел сбросить ее, но сдержался. Он глупо сделал, что пришел. Что он здесь делает, сидя с завязанными глазами между больными членами с фальшивыми именами? Его собственная ненормальность — ничто по сравнению с ними. Табак! Это растение вымерло сто лет назад, где они его откопали?

— Извини нас за повязку, Чип,— сказал Кинг,— я думаю, Снежинка объяснила, зачем это нужно.

— Да,— ответил Чип, Снежинка тоже сказала: «Да». Ее рука убралась с руки Чипа, и Чип снял свою руку со стола и сцепил обе руки на коленях.

— Мы ненормальные члены, что совершенно очевидно,— сказал Кинг.— Мы делаем много таких вещей, которые, как считается, делают только больные. Но мы думаем, что такие члены не больны. Мы знаем, что они не больны,— голос его был сильный, глубокий и

властный. Чип представил себе, что Кинг — большой и мощный человек, лет сорока. — Я не собираюсь вдаваться в подробности, — продолжал он, — потому что в твоём теперешнем состоянии они огорчат и шокируют тебя, как тебя шокировало и огорчило то, что мы курим табак. Ты сам узнаешь в будущем все детали, если у тебя с нами есть будущее.

— Что ты имеешь в виду? — спросил Чип. — В моём теперешнем состоянии?

На секунду наступила тишина. Какая-то женщина кашлянула.

— Пока ты заторможен и усреднен твоим последним лечением, — ответил Кинг.

Чип неподвижно сидел, повернув голову в сторону Кинга, не в состоянии говорить о несправедливости того, что Кинг только что сказал. Постепенно он осмыслил его слова и произнес:

— Я не заторможен и не усреднен.

— Но, тем не менее, это так, — сказал Кинг.

— Вся Семья заторможена и усреднена, — сказала Снежинка, и сзади нее раздался мужской голос:

— Все, не только ты.

Это сказал Леонард.

— Из чего, ты думаешь, состоит лечение? — спросил Кинг.

— Вакцины, антисептик, — начал Чип, — противозачаточные средства, иногда транквилизаторы...

— Всегда транквилизаторы, — сказал Кинг. — И ЛПК, которые снижают агрессивность, а также сводят к минимуму радость и способность к восприятию, и все другие братовредительские качества, свойственные мозгу.

— А также сексуальный депрессант, — добавила Снежинка.

— Да, и это тоже, — сказал Кинг. — Десять минут механического секса в неделю, лишь малая доля того, что возможно.

— Я этому не верю, — сказал Чип. — Ничему не верю.

Но все сказали, что это правда: «Это правда, Чип», «Действительно, это правда», «Правда!»

— Ты же сам занимаешься генетикой, — сказал Кинг, — разве не на это работает генная инженерия? — на уменьшение агрессивности, контроль сексуальных эмоций, привнесение в человека желания помогать ближним, послушания и чувства благодарности. Лечения дают все эти эффекты на некоторое время, а генная инженерия способна влиять даже на рост и на цвет кожи.

— Лечения помогают нам, — сказал Чип.

— Они помогают Уни, — произнес женский голос напротив Чипа, с другой стороны стола.

— И поклонникам Вей, которые запрограммировали Уни, — добавил Кинг. — Но они не помогают нам, по крайней мере, их польза несоизмерима с их вредом. Они превращают нас в машины.

Чип покачал головой, потом покачал головой еще раз.

— Снежинка сказала нам, — это заговорила Хаш тихим, спокойным голосом, который очень подходил к ее имени, — что у тебя есть

ненормальные наклонности. Ты никогда не замечал, что они сильнее перед лечением и слабее после лечения?

— Я уверена, что ты сделал эту рамку за день или два до лечения, а не после,— сказала Снежинка.

Чип подумал несколько секунд.

— Я не помню,— сказал он,— но когда я был маленьким и думал о том, чтобы классифицировать себя, после лечения эти мысли казались глупыми и до-Объединенческими, а перед лечением они просто... приводили в восторг.

— Ну вот,— сказал Кинг.

— Но этот восторг был н е з д о р о в ы м.

— Он был здоровым,— сказал Кинг, а женский голос с другой стороны стола добавил:

— Ты был живой, ты что-то чувствовал. Любое чувство лучше и здоровее, чем отсутствие чувств.

Чип вспомнил о чувстве вины, которое он носил в себе и скрывал от советчиков со времени случая с Карлом в Академии. Он кивнул: «Да,— сказал он,— да, может быть». Он повернул голову в сторону Кинга, в сторону женщины, в сторону Леопарда и в сторону Снежинки, жалея, что он не может открыть глаза и увидеть их.

— Но тогда я не понимаю,— сказал он.— Вы же получаете лечения или нет? Так разве вы не...

— Мы получаем ослабленные лечения,— сказала Снежинка.

— Да, мы получаем лечения,— сказал Кинг,— но нам удалось добиться ослабленных лечений, без некоторых компонентов, так что мы — чуть больше, чем те машины, которыми Уни нас считает.

— И именно это мы тебе и предлагаем,— раздался голос Снежинки,— возможность видеть больше, чувствовать больше, делать больше и радоваться больше.

— И страдать тоже больше, скажи ему и это,— произнес новый голос, мягкий, но четкий, принадлежавший второй молодой женщине. Она сидела за столом напротив Чипа, слева, где-то рядом с Кингом.

— Это не так,— сказала Снежинка.

— Да, это так,— сказал тот же четкий, почти девичий голос,— ей было, наверное, не больше двадцати.— Будут такие дни, когда ты станешь ненавидеть Христа, Маркса, Вуда и Вей и захочешь разломать Уни. Будут дни, когда тебе захочется сорвать свой браслет и убежать на горные вершины, как неизлечимые раньше, только для того, чтобы делать то, что ты хочешь, иметь возможность выбора и жить своей собственной жизнью.

— Лайлак!— сказала Снежинка.

— Будут дни, когда ты станешь ненавидеть нас,— продолжал говорить женский голос,— за то, что мы разбудили тебя и сделали тебя не машиной. Машины чувствуют себя во Вселенной как дома, только люди изгнанники.

— Лайлак,— сказала Снежинка.— Мы пытаемся уговорить Чипа присоединиться к нам, и мы совсем не хотим расстроить его.— Для Чипа она добавила:— Лайлак действительно ненормальная.

— В том, что говорит Лайлак, есть правда,— сказал Кинг.— Да, иногда мы несчастливы. Ты, Снежинка,— нет, я знаю. За редкими исключениями, вроде Снежинки, способность чувствовать счастье означает также способность чувствовать несчастье. Но как сказала Спэрроу, любое чувство лучше и здоровее, чем полная бесчувственность, а несчастливые моменты не так уж часто бывают, правда.

— Часто,— сказала Лайлак.

— О, пожалуйста,— сказала Снежинка.— Давай прекратим этот разговор о несчастье.

— Не волнуйся, Снежинка,— сказала женщина напротив, Спэрроу.— Если он вскочит и побежит, ты его поймаешь.

— Ха-ха, драка! — отозвалась Снежинка.

— Снежинка, Спэрроу! — сказал Кинг.— Ну, Чип, каков будет твой ответ? Хочешь получать ослабленные лечения? Этого можно добиться постепенно, путем нескольких шагов, первый сделать легко, и если через месяц тебе не понравится, как ты себя почувствуешь, можешь пойти к советчику и сказать, что заразился от группы очень больных членов, которых ты, к сожалению, не сможешь опознать.

Через секунду Чип сказал:

— Что я должен делать? Он почувствовал, как Снежинка сжала его руку.

— Хорошо,— прошептала Хаш.

— Секундочку, я раскурю трубку,— сказал Кинг.

— Вы все сейчас курите? — спросил Чип. Запах гари был сильный, сухой и щекоущий ноздри.

— Сейчас нет,— ответила Хаш.— Только Кинг, Лайлак и Леопард.

— Но мы все курили,— сказала Снежинка.— Это не делается без перерыва, ты какое-то время куришь, а потом ненадолго перестаешь.

— Где вы достаете табак?

— Мы его выращиваем,— сказал Леопард, довольный вопросом.— Хаш и я. В парковой зоне.

— В парковой зоне?

— Да, там,— сказал Леопард.

— У нас две грядки,— сказала Хаш,— а в прошлое воскресенье мы нашли место для третьей.

— Чип? — позвал Кинг, и Чип повернул голову в его сторону и стал слушать.— В основном первый шаг заключается в том, чтобы вести себя так, как будто тебя перелечили,— начал Кинг.— Замедли все свои действия на работе, во время игр — слегка, почти незаметно. Сделай небольшую ошибку на работе, а через несколько дней — еще одну. И в сексе веди себя неважно. Для этого надо мастурбировать перед встречей с девушкой, так тебе удастся убедительно провалиться.

— Мастурбировать?

— Ох, залеченный, всем довольный член! — сказала Снежинка.

— Доведи себя до оргазма своей рукой,— сказал Кинг.— И не очень расстраивайся, когда потом у тебя оргазма не будет. Пусть твоя девушка скажет своему советчику, твоему не говори. Не акцентируй внимания ни на чем, ни на ошибках, которые ты допустишь, ни на опозданиях на встречи, ни на чем-то еще; пусть другие всё замечают и обо всем рассказывают.

— Притворись, что ты задремал во время телевизора,— сказала Снежинка.

— Тебе осталось десять дней до следующего лечения,— продолжал Кинг.— На будущей неделе, когда ты встретишься с советчиком, если ты сделаешь все то, что я тебе сказал, советчик будет тебя расспрашивать об этом твоём оцепенении. Опять, никакого беспокойства с твоей стороны. Апатия. Если ты сделаешь все правильно, количество депрессантов в твоём лечении несколько уменьшат, настолько, что через месяц ты будешь гореть желанием узнать, в чем же заключается шаг номер два.

— Это, кажется, достаточно просто,— сказал Чип.

— Это так,— ответила Снежинка, а Леопард сказал:

— Мы все это сделали, ты тоже сможешь.

— Тут есть одна опасность,— продолжал Кинг.— Хотя твое лечение будет слабее, чем обычно, его воздействие в первые дни все равно будет сильным. Ты резко изменишь отношение к тому, что ты сделал, и у тебя будет сильное желание рассказать обо всем своему советчику и получить самое сильное лечение. Невозможно сейчас сказать, сможешь ты или нет подавить в себе этот импульс. Мы смогли, но другие не смогли. В прошлом году мы вот так разговаривали с двумя членами, они сыграли в эту апатию, но потом во всем признались через день или два после лечения.

— А не может мой советчик что-то заподозрить, когда я впаду в эту апатию? Ведь он, наверное, знает о тех двух случаях.

— Да,— сказал Кинг.— Но такой сбой ритма действительно происходит, когда у какого-то члена уменьшается потребность в депрессантах, так что если ты сделаешь все убедительно, этот этап ты пройдешь. Потребность рассказать обо всем — вот этого действительно надо опасаться.

— Повторяй себе,— сказала Лайлак,— что это химический препарат заставляет тебя думать, что ты болен и что тебе нужна помощь, препарат, который ввели тебе без твоего согласия.

— Моего согласия? — спросил Чип.

— Да,— сказала она.— Твое тело принадлежит тебе, а не Уни.

— Расскажешь ты все или выдержишь,— сказал Кинг,— зависит от того, насколько твое сознание поддается перестройке химией, и ты немного, но можешь на это повлиять, в ту или другую сторону. С учетом того, что мы знаем о тебе, у тебя хорошие шансы.

Они дали ему еще несколько советов насчет сбоя ритма — пропустить раз или два свой обеденный пирог, лечь спать до последнего сигнала,— а затем Кинг предложил Снежинке проводить Чипа вновь на то место, где они встретились.

— Надеюсь увидеть тебя снова, Чип,— сказал он.— Без бинтов.

— Я тоже надеюсь,— сказал Чип. Он встал и отодвинул стул.

— Удачи,— сказала Хаш, и тоже сказали Воробей и Леопард. Лайлак сказала то же самое последней: «Удачи тебе, Чип».

— Что будет,— спросил он,— если я подавлю желание все рассказать?

— Мы узнаем об этом,— сказал Кинг,— и один из нас свяжется с тобой дней через десять после лечения.

— Как вы узнаете?

— Мы узнаем.

Снежинка взяла его руку.

— Хорошо,— сказал Чип,— спасибо вам, всем вам.

Они ответили: «Не за что, не за что», «пожалуйста» и «рады что-то сделать для тебя, Чип». Что-то было странное во всех этих ответах, и, пока Снежинка вела его за руку к выходу из комнаты, Чип понял, что это было: никто не сказал «СпасибоУни».

Они медленно шли, Снежинка держала его за руку не как медсестра, а как девушка, идущая со своим первым парнем.

— Трудно в это поверить,— сказал он,— что то, что я вижу и чувствую сейчас, на самом деле не такое.

— Не такое,— сказала она,— даже и вполтину не такое. Ты сам увидишь.

— Надеюсь.

— Обязательно. Я уверена.

Он улыбнулся и спросил:

— А ты была уверена насчет тех, которые попробовали, и у которых не получилось?

— Нет,— сказала она,— а потом: — Я была уверена насчет одного, но не насчет второго.

— В чем заключается второй шаг? — спросил Чип.

— Сначала пройди через первый шаг.

— А этих шагов больше чем два?

— Нет. Два шага, если получится, обеспечат тебе максимальное сокращение медикаментов. Тогда ты действительно оживешь. Да, насчет шагов: сейчас три ступеньки вверх.

Они взошли на три ступеньки и пошли дальше. Теперь они снова оказались на площади. Она была абсолютно безмолвна, даже ветер утих.

— Траханье — самое лучшее во всем этом,— сказала Снежинка.— Оно получается гораздо лучше, гораздо дольше, и гораздо больше возбуждает, и ты сможешь им заниматься почти каждую ночь.

— Это невероятно.

— И, пожалуйста, запомни,— сказала она,— что это я тебя нашла. Если я только замечу, что ты хотя бы смотришь на Спэрроу, я тебя убью.

Чип вздрогнул, но тут же велел себе не быть дураком.

— Извини меня, сказала она,— я веду себя агрессивно по отношению к тебе. Сверхагрессивно.

— Все в порядке,— ответил Чип,— я не шокирован.

— Не очень.

— Как насчет Лайлак? — спросил он.— Можно мне смотреть на нее?

— Сколько хочешь, она любит Кинга.

— Да?

— С до-Объединенческой страстью. С него началась вся группа. Сначала он, потом Леопард и Хаш, потом я, потом Спэрроу.

Звук их шагов стал громче и начал гулко отдаваться в воздухе. Она остановила его. «Мы пришли»,— сказала она. Он почувствовал, как ее руки взялись за конец бинта, и нагнул голову. Она начала разматывать бинт, открывая кожу, которой сразу же становилось прохладно. Она разматывала и разматывала бинт и неожиданно сняла комки ваты с глаз Чипа. Он моргнул и широко открыл глаза.

Снежинка стояла рядом с ним в лунном свете, глядя на него как бы вызывающе, затапливая бинт в карман своего медицинцетровского комбинезона. Каким-то образом она уже успела надеть свою белую маску — но это была не маска, с удивлением увидел Чип, это было ее лицо. Ее лицо было очень бледно. Белее, чем все лица членов, которые он когда-либо видел, кроме некоторых почти шестидесятилетних. Ее лицо было почти белое. Почти такое же белое, как снег.

— Маска на месте,— сказала она.

— Извини,— сказал он.

— Все в порядке,— ответила она и улыбнулась.— Мы все странные в чем-то. Посмотри на свой глаз,— ей было лет тридцать пять или около того, черты лица были резкие, выражение лица — умное. Волосы были недавно подстрижены.

— Извини,— сказал он опять.

— Я же сказала, что все в порядке.

— Тебе можно показываться мне?

— Я что-то скажу тебе,— начала Снежинка.— Если ты не выдержишь, то я уверена, что всю нашу компанию нормализуют. На самом деле, мне бы этого даже хотелось,— она взяла его голову в свои ладони и поцеловала его, ее язык ошупал его губы, потом скользнул внутрь и заходил у него во рту. Она крепко сжала его голову, прижалась низом своего живота к нему и стала тереться об него круговыми движениями. Чип почувствовал ответную реакцию, и положил свои руки ей на спину. Он осторожно встретил ее язык своим языком.

Она отняла рот.

— Учитывая, что это середина недели,— сказала она,— я довольна.

— Христос, Маркс, Вуд и Вей,— сказал он.— Вы все так целуетесь?

— Только я, брат,— сказала она,— только я.

Они снова поцеловались.

— Теперь иди домой,— сказала она.— Не трогай ска-
неры.

Он отступил от нее.

— Увидимся в следующем месяце,— сказал он.

— Тебе стоит со мной увидеться,— сказала она.— Удачи.

Он вышел на площадь и направился к институту. Один раз он оглянулся. За его спиной был только пустой проход между бледными освещенными луной зданиями.

Глава вторая

Боб Ро поднял на Чипа глаза из-за стола, за которым сидел, и улыбнулся.

— Ты опоздал,— сказал он.

— Извини,— сказал Чип. Он сел.

Боб закрыл белый блокнот с красным спиральным переплетом.

— Как ты? — спросил он.

— Хорошо.

— Хорошая была неделя?

— Мм-мм.

Боб секунду смотрел на Чипа, его локоть лежал на ручке кресла, пальцами он тер крылья носа.

— Ты хотел бы рассказать о чем-то? — спросил он.

Чип помолчал, а потом покачал головой:

— Нет,— сказал он.

— Я слышал, что ты вчера после обеда полдня делал чужую работу.

Чип кивнул.

— Я взял образец из другой секции коробки с образцами.

— Поступил не образцово,— сказал Боб, улыбнулся и хмыкнул.

Чип вопросительно посмотрел на него.

— Шутка,— сказал Боб.— Образцы — образцово.

— Ах,— сказал Чип и улыбнулся.

Боб положил подбородок на руку, коснувшись одним пальцем губ.

— Что случилось в пятницу? — спросил он.

— В пятницу?

— Что-то там насчет чужого микроскопа.

Чип на секунду показался озадаченным.

— Ах,— сказал он,— да. Но я этим микроскопом так и не воспользовался. Я просто вошел в кабинет. Я не менял настройку. Я ничего не трогал.

— Похоже, что не такая уж хорошая была неделя,— сказал Боб.

— Да, кажется нет,— ответил Чип.

— Мир СК говорит, что у тебя были затруднения в субботу.

— Затруднения?

— В смысле секса.

Чип покачал головой.

— Не было никаких затруднений,— сказал он,— просто был не в настроении, вот и все.

— Она говорит, что ты пытался, но не мог добиться эрекции.

— Ну, я чувствовал, что мне это надо сделать, ради нее, но я был не в настроении.

Боб смотрел на Чипа и молчал.

— Я был уставший,— сказал Чип.

— Похоже, в последнее время ты часто бывал уставший. Поэтому ты не был на встрече твоего фотоклуба в пятницу вечером?

— Да,— сказал Чип, я рано лег спать.

— Как ты себя чувствуешь сейчас? Ты сейчас уставший?

— Нет, я чувствую себя прекрасно.

Боб посмотрел на него, затем выпрямился в кресле и улыбнулся.

— О'кей, брат,— сказал он,— дотронься и иди.

Чип коснулся своим браслетом сканера на телекомпе Боба и встал.

— Увидимся через неделю,— сказал Боб.

— Да.

— Во-время.

Чип, который был уже у двери, обернулся и спросил:

— Что, извини?

— Во-время, на будущей неделе,— повторил Боб.

— Ах, да,— сказал Чип и вышел из кабинета.

Он думал, что все сделал правильно, но это никак нельзя было проверить, и чем больше приближалось лечение, тем больше он волновался. Мысль о том, что его восприятие станет значительно острее, казалась все привлекательнее с каждым часом, и Снежинка, Кинг, Лайлак и другие становились тоже все интереснее и вызывали восхищение. Ну и что, если они курят табак? Они — счастливые и здоровые члены,— нет, люди, а не члены! — которые нашли способ бежать от стерильности и одинаковости и всеобщей механической эффективности. Он хотел видеть их и быть с ними. Он хотел целовать и обнимать странно бледную Снежинку, говорить с Кингом на равных, по-дружески, больше услышать о странных, но таких захватывающих дух мыслях Лайлак. «Твое тело принадлежит тебе, а не Уни»,— какая неприятная до-Объединенческая фраза! Если для нее есть какие-то основания, то в ней может оказаться смысл, который приведет его... он не знал, к чему, к какой-то резкой перемене в его отношении ко всему!

Наступила ночь перед лечением. Он лежал без сна несколько часов, а потом с забинтованными руками карабкался на покрытую снегом горную вершину, с удовольствием курил табак под руководством дружески улыбающегося Кинга, расстегивал комбинезон Снежинки и она оказывалась белой-белой с красным крестом от горла до паха; водил древнюю машину с рулевым колесом по коридорам и залам огромного Центра Генетического Подавления, и у него был новый браслет с надписью «Чип», а в окно своей комнаты он видел хорошенькую обнаженную девушку, поливающую куст сирени. Она нетерпеливо кивнула, и он пошел к ней — и проснулся, чувствуя себя свежим, энергичным и веселым, несмотря на все эти сны, более

живые и убедительные, чем те пять или шесть, которые он видел в своей жизни.

В тот день, в пятницу, Чип получил свое лечение. «Щелк-жж-щелк», казалось, продолжалось на долю секунды меньше, чем обычно, и когда Чип отошел от блока, опуская рукав, он все еще чувствовал себя хорошо и самим собой, человеком, видящим живые сны, членом когорты необычных людей, перехитривших Семью и Уни. Он нарочито медленно шел к Центру. Его поразила мысль, что теперь ему особенно важно продолжать этот сбой ритма, чтобы оправдать второй этап уменьшения дозы; в чем бы этот второй шаг не заключался и чего бы он не потребовал, Чип весь был направлен на него. Он был доволен собой, потому что понял это, и недоумевал, почему Кинг и другие этого не подсказали. Быть может, они думали, что он будет неспособен делать что-то после лечения. Те два члена, очевидно, полностью распались на части, несчастные братья.

В тот день он допустил хорошенькую маленькую ошибку: начал диктовать для печатания доклад, в то время, как микрофон был повернут неправильно, вверх, и один член 663 Б это видел. Чипу было чуть неловко, что он так поступает, но, тем не менее, он сделал это.

В тот вечер, к своему собственному удивлению, он действительно задремал во время телевизора, хотя передавали что-то действительно интересное, репортаж о новом радиотелескопе в Изр. И позже, во время заседания домового фотоклуба, Чип едва мог держать глаза открытыми. Он извинился за ранний уход и пошел в свою комнату. Он разделся, не позаботившись выбросить использованный комбинезон, лег в постель без пижамы и выключил свет. Ему было интересно, какие сны он увидит.

Он проснулся в испуге, подозревая, что болен и нуждается в помощи. Что же не так? Что он сделал такого, чего не следовало делать?

Осознание пришло к нему, и он покачал головой, едва в силах в это поверить. Правда ли это? Возможно ли такое? Действительно ли он был таким, так заражен группой несчастных больных членов, что нарочно делал ошибки, пробовал обмануть Боба РО (и, может быть, ему это удалось!), думал о чем-то враждебном всей любящей Семье? О, Христос, Маркс, Вуд и Веи!

Он думал о том, что говорила ему молодая Лайлак: помнить, что это только химический препарат заставляет его считать себя больным, препарат, который ему ввели без его согласия. Его согласия! Как будто согласие имело какое-то отношение к лечению, которое проводилось, чтобы сохранить здоровье и хорошее самочувствие члена, составную часть здоровья и хорошего самочувствия всей Семьи! Даже до-Объединения, даже в хаосе и безумии двадцатого века, согласия человека не спрашивали перед тем, как лечить его от тифа или тифа, как там это называлось. Согласие! А он ее выслушал, и даже не прервал!

Прозвучал первый сигнал, и он выпрыгнул из постели с желанием как-то загладить все совершенные им ошибки. Он выбросил вче-

рашный комбинезон, помочился, умылся, почистил зубы, причесал волосы, надел свежий комбинезон, убрал постель. Он пошел в столовую и попросил свой пирог и чай, сел вместе с другими членами и хотел как-то им помочь, дать им что-нибудь, показать, что он лояльный и любящий член, а не больной обидчик, каким он был накануне. Человек слева от него доел свой пирог.

— Хочешь кусок моего? — спросил Чип.

Член удивленно посмотрел на него:

— Нет, конечно нет, — сказал он. — Но спасибо, ты очень добр.

— Да нет, не так уж, — сказал Чип, хотя он был рад, что член назвал его добрым.

Он направился в сторону Центра и пришел туда на шесть минут раньше времени. Он взял образец из своей секции коробки — именно из своей! — и понес его к своему микроскопу, надел, совершенно правильно, свои очки и начал работать, буква в букву соблюдая технику безопасности. Он с уважением вынул данные из Уни («прости меня, Уни, который знает всё»), и заложил новую информацию с теплым любящим чувством («Полная и точная информация об образце гена НФ 5049»).

Начальник отдела заглянул к нему в кабинет:

— Как дела? — спросил он.

— Замечательно, Боб.

— Хорошо.

Но в середине дня, тем не менее, он почувствовал себя хуже. Как же будет с ними, с теми больными? Следует ему оставить их в этом болезненном состоянии, с их табаком, ослабленными лечениями, до-Объединенческими мыслями? У него не было выбора. Ему забинтовали глаза. Найти их невозможно.

Но это неправда, их можно найти. Снежинка показала ему свое лицо. Сколько таких бледных членов, женщин ее возраста, может быть в городе? Три? Четыре? Пять? Уни, если Боб его спросит, может выдать их номера через секунду. А когда ее найдут и как следует полечат, она скажет номера некоторых других членов группы, а они — номера оставшихся. Всю группу можно найти и помочь ей за день или за два.

Так, как он тогда помог Карлу.

Эта мысль остановила его размышления. Он помог Карлу, и почувствовал вину — вину, к которой он прирос за долгие годы, и теперь она составляла его часть. О, Иисус Христос и Вей Ли Чун, как он болен, даже представить себе невозможно!

— С тобой все в порядке, брат?

Это спросил член, сидящий за столом напротив него, пожилая женщина.

— Да, — сказал Чип. — Я в порядке, — он улыбнулся и поднес свой пирог ко рту.

— Ты был такой встревоженный несколько секунд, — сказала она.

— Я в порядке, — сказал он. — Я вспомнил об одной вещи, которую забыл сделать.

— Ах,— сказала женщина.

Помогать им или не помогать? Что правильно, что неправильно? Он знал, что неправильно: не помочь им, бросить их, как будто он совсем не братоохранитель.

Но он не был уверен, что помочь этим людям будет тоже правильно, а как так может быть, что неправильно и то, и другое?

Во второй половине дня Чип работал с меньшим усердием, но хорошо, и делал все, как надо. В конце дня он пришел к себе в комнату, лег на постель, надавил основанием ладоней на закрытые глаза, почувствовал пульс. Он слышал голоса тех больных, видел, как он сам берет образец из чужой секции и обманывает Семью, ворует у нее время, энергию и ресурс оборудования. Прозвучал сигнал на ужин, но он остался лежать как лежал, слишком запутавшись в себе, чтобы есть.

Потом позвонила Мир СК.

— Я в холле,— сказала она.— Без десяти восемь. Я жду уже двадцать минут.

— Извини,— ответил он,— сейчас спущусь.

Они пошли с ней на концерт, а после концерта отправились в ее комнату.

— Что случилось? — спросила она.

— Не знаю,— сказал он.— Я был... расстроен в последние дни.

Она покачала головой и стала быстрее работать с его вялым пенисом.

— Бесполезно,— сказала она,— ты сказал своему советчику? Я своему сказала.

— Да, сказал. Послушай,— Чип отвел ее руку,— целая группа новых членов приехала позавчера в шестнадцатый дом. Почему бы тебе не пойти в холл и не найти кого-нибудь другого?

Она казалась расстроенной.

— Да, я думаю, наверное, надо,— сказала она.

— Я тоже так сделаю,— сказал Чип.— Давай дальше.

— Это бесполезно,— ответила она и встала с кровати.

Он оделся, пошел в свою комнату, снова разделся. Он думал, что ему будет трудно заснуть, но ошибся.

В воскресенье Чипу стало даже хуже. Он начал надеяться, что позвонит Боб, увидит, что он не в порядке, и вытянет из него правду. В этом случае он не будет чувствовать никакой вины или ответственности, только успокоение. Чип сидел в комнате и смотрел на экран телефона. Позвонил кто-то из футбольной команды, но Чип сказал, что плохо себя чувствует.

В полдень он пошел в обеденный зал, быстро съел свой пирог и вернулся в комнату. Позвонил кто-то из Центра, спросить, не знает ли Чип чей-то там номер.

Разве Бобу не сказали сейчас, что Чип ведет себя ненормально? Разве Мир ничего не сказала? Или тот, кто звонил из футбольной команды? Или та член, -оторая сидела напротив него вчера за завтраком? Разве она не была достаточно проницательной, чтобы

понять все, несмотря на его извинение, и не запомнить его номер? (Посмотрите на него, ждет, чтобы другие ему помогли: кому в Семье помог ты?). Где же Боб? Что он за советчик?

Больше никто не звонил, ни после обеда, ни вечером. Музыка один раз прерывалась для сводки новостей о космическом корабле.

В понедельник утром, после завтрака, Чип пошел в медцентр. Сканер промигал «нет», но он сказал дежурному, что хочет увидеть своего советчика, дежурный позвонил с телекомпа, и сканеры говорили «да, да, да» всю дорогу до кабинетов советчиков, половина которых была пуста. Было только 7.50.

Чип вошел в пустой кабинет Боба, сел и стал ждать его, положив руки на колени. Он прокрутил в голове порядок, в котором будет рассказывать: сначала про намеренный сбой ритма, потом про группу, что они говорили и делали, и как их всех можно найти через бледность Снежинки, и, наконец — про нездоровое и иррациональное чувство вины, которое он пронес в себе через все годы, с тех пор, как помог Карлу. Первое, второе, третье. Он получит дополнительное лечение, чтобы восполнить все то, что недополучил во время лечения в пятницу, и выйдет из медцентра здоровый духом и здоровый телом, здоровым и довольным членом.

«Твое тело — твое, а не Уни».

Нездорово, до-Объединенчески. Уни — воля и мудрость всей Семьи. Семья создала Чипа, дала ему пищу, одежду, дом, образование. Она дала ему даже разрешение на его собственное зачатие. Да, она создала его, и теперь он должен будет...

В кабинет, болтая телекомпом, вошел Боб и, в изумлении, остановился.

— Ли, — сказал он, — привет. Что-то не в порядке?

Чип посмотрел на Боба. Имя было не в порядке. Он — Чип, а не Ли. Он взглянул на свой браслет: Ли РМ 35М 4419. Он ожидал, что Боб назовет его «Чип». Кто же звал его Чип? Во сне, в странном счастливом сне, манящая девушка...

— Ли? — переспросил Боб, ставя на пол телекомп.

Уни назвал его Ли. В честь Веи. Но он был Чип, осколок старого камня. Кто же он? Ли? Чип? Ли?

— Что случилось, брат? — спросил Боб, наклоняясь к нему и кладя руку на его плечо.

— Я хотел повидать тебя, — ответил Чип.

— Насчет чего?

Он не знал, что ответить.

— Ты говорил, чтобы я не опаздывал, — сказал он. — Я вовремя?

— Вовремя? — Боб отступил на шаг и, скосив глаза, посмотрел на него. — Брат, ты пришел раньше на день. Твой день вторник, а не понедельник.

Чип встал.

— Извини, — сказал он, — я лучше пойду в Центр, — и он шагнул к двери.

Боб поймал его за руку.

— Постой,— сказал он; телекомп завалился на бок и шлепнулся на пол.

— Я в порядке,— сказал Чип.— Я перепутал. Я приду завтра,— и, не обращая внимания на руку Боба, вышел из кабинета.

— Ли,— позвал Боб.

Чип не остановился.

В тот вечер он внимательно смотрел телевизор — стыковка рельсового пути в Арг, репортаж с Венеры, новости, танцевальная программа и «Живая мудрость Веи», а потом он пошел в свою комнату. Он нажал на кнопку выключателя, но кнопка была чем-то заклеена и не сработала. Дверь резко закрылась, ее закрыл кто-то, стоявший рядом с Чипом в темноте и громко дышавший.

— Кто здесь? — спросил Чип.

— Кинг и Лайлак,— ответил Кинг.

— Что случилось сегодня утром? — спросила Лайлак откуда-то из-за стола.— Почему ты пошел к советчику?

— Рассказать,— ответил Чип.

— Но не рассказав.

— Но я должен был бы рассказать,— отозвался Чип.— Пожалуйста, выйдите отсюда.

— Видишь? — сказал Кинг.

— Нам надо попробовать,— ответила Лайлак.

— Пожалуйста, уходите,— сказал Чип.— Я не хочу встречаться с вами снова, ни с кем из вас. Я больше не знаю, что правильно, а что неправильно. Я даже не знаю, кто я.

— У тебя есть около десяти часов, чтобы это выяснить,— сказал Кинг.— Твой советчик придет завтра утром и поведет тебя в Главный Медцентр. Там тебя осмотрят. Это не должно было случиться, по крайней мере, в течение трех недель или около того, только после нового сбоя ритма. Это и был бы шаг номер два. Но это случится завтра, и, возможно, это будет шаг назад.

— Но так случиться не должно,— сказала Лайлак.— Ты еще можешь превратить этот шаг во второй шаг вперед, если сделаешь все так, как мы тебе скажем.

— Я не хочу слушать,— сказал Чип.— Пожалуйста, уйдите.

Они не ответили. Он услышал, как Кинг сделал какое-то движение в темноте.

— Как ты не понимаешь? — спросила Лайлак.— Если ты сделаешь то, что мы тебе скажем, твои лечения сократят настолько, что они станут такие же слабые, как наши. А если нет, то их снова усилят, вернут на прежний уровень. Их, даже, возможно, еще больше усилят, правда, Кинг?

— Да,— ответил Кинг.

— Чтобы «защитить» тебя,— продолжала Лайлак.— Так, что ты никогда даже и не попытаешься из-под них вырваться. Ты понимаешь, Чип? — ее голос приблизился.— У тебя единственный шанс. Весь остаток жизни ты будешь машиной.

— Нет, не машиной, членом,— сказал Чип,— здоровым членом, который выполняет свое поручение, помогает семье, а не обманывает ее.

— Ты зря тратишь силы, Лайлак,— сказал Кинг.— Если бы прошло еще несколько дней, может и получилось бы, но сейчас слишком рано.

— Почему ты ничего не сказал утром? — спросила Лайлак,— Ты же пошел к советчику, почему ты не рассказал? Другие рассказывали.

— Я и собирался,— сказал он.

— Но почему не сделал?

Чип отвернулся от ее голоса.

— Он назвал меня Ли,— сказал он,— а я думал, что я Чип. Все стало... так неясно.

— Но ты и есть Чип,— сказала она, подходя ближе,— ты кто-то, чье имя отличается от того, что дал тебе Уни. Кто-то кто думал о самостоятельном выборе классификации, вместо Уни.

Он отступил на шаг, в замешательстве, потом обернулся и посмотрел на неясные силуэты их комбинезонов — невысокая Лайлак напротив него, в двух метрах от него, и, справа от него — Кинг, силуэтом у светлого дверного проема.

— Как вы можете что-то говорить против Уни? — спросил он.— Он дал нам все!

— Только то, что мы ему дали, чтобы он вернул нам,— сказала Лайлак.— Он отказал нам во сто раз большем.

— Он разрешил нам родиться!

— А сколько,— ответила она,— не родятся? Твои дети? Или мои?

— Что ты хочешь сказать,— спросил он,— что всем, кто хочет иметь детей, надо разрешить их иметь?

— Да,— сказала она,— именно это я хочу сказать.

Качая головой, Чип отступил к своей кровати и сел. Она подошла к нему, нагнулась и положила руки ему на колени.

— Пожалуйста, Чип,— сказала она,— я не должна говорить так, пока ты еще в таком состоянии, но, пожалуйста, поверь мне. Поверь нам. Мы не больны, мы здоровы. Это весь мир болен — со всей этой химией, эффективностью, смирением, желанием помочь. Сделай то, что мы тебе говорим. Стань здоровым. Пожалуйста, Чип.

Ее серьезность тронула его. Он попробовал разглядеть ее лицо.

— Почему это для тебя так важно? — спросил он. Ее руки у него на коленях были маленькие и теплые, и он ощутил импульс потрогать их, накрыть своей рукой. Смутно он разглядел ее глаза, большие и немного необычного разреза, необыкновенные и прекрасные.

— Нас так мало,— сказала она,— и я думаю что, может быть, если бы нас было больше, мы смогли бы что-нибудь сделать, как-нибудь выбраться отсюда и жить самостоятельно.

— Как неизлечимые,— сказал Чип.

— Так нас научили их называть,— отозвалась Лайлак.— Может быть, они на самом деле были непобедимые, неотравляемые.

Он посмотрел на нее, пытаясь получше разглядеть лицо.

— У нас есть капсулы,— сказала она,— которые замедлят твои рефлексы и понизят кровяное давление, и в твоей крови появятся такие вещества, которые заставят врачей подумать, что твои лечения слишком сильные. Если ты проглотишь эти капсулы завтра утром, до прихода твоего советчика, и если будешь вести себя в медцентре так, как мы тебе скажем, и отвечать на определенные вопросы так, как мы скажем — тогда завтра ты сделаешь второй шаг и будешь здоров.

— И несчастлив,— сказал Чип.

— Да,— ответила Лайлак, с улыбкой в голосе,— несчастлив, тоже, но не так сильно, как я сказала. Меня иногда заносит.

— Каждые пять минут,— добавил Кинг.

Она убрала руки с колен Чипа и поднялась.

— Ну что? — спросила она.

Он хотел ответить ей «да», но в то же время ему хотелось сказать «нет».

— Дайте мне посмотреть на капсулы,— сказал он.

Кинг, выступив вперед, произнес:

— Ты увидишь их после того, как мы уйдем. Они здесь,— он вложил в руку Чипа маленькую гладкую коробочку,— красную надо принять сегодня вечером, а остальные две — завтра утром, как только проснешься.

— Откуда они у вас?

— Один из группы работает в медцентре.

— Решайся,— сказала Лайлак.— Ты хочешь услышать, что тебе надо говорить и делать?

Чип потряс коробочку, но в ней ничего не загремело. Он смотрел на две смутных фигуры перед собой. Он кивнул.

— Хорошо,— сказал он.

Они стали рассказывать ему все, что нужно. Лайлак села на кровать рядом с ним, Кинг — на отодвинутый от письменного стола стул. Они научили его напрячь мускулы перед анализом обмена веществ и смотреть поверх объектива во время проверки глазного дна. Они сказали ему, что нужно ответить доктору, который будет им заниматься, и старшему советчику, который будет его расспрашивать. Они предупредили, каким тестам его могут подвергнуть: неожиданный шум сзади; или оставят одного, но будут наблюдать за ним, а записи доктора останутся лежать рядом на столе. В основном говорила Лайлак. Два раза она дотронулась до него, один раз до ноги, и один раз до предплечья, а однажды, когда ее рука лежала рядом с ним, он погладил ее, провел по ней своей рукой. Ее рука отодвинулась таким движением, которое могло начаться еще до прикосновения.

— Это страшно важно,— сказал Кинг.

— Извините, что важно?

— Не надо совсем не обращать на него внимания,— сказал Кинг.— На отчет.

— Заметь его,— сказала Лайлак.— Посмотри на него, а потом веди себя так, как будто не стоит утруждаться брать этот отчет и читать его. Как будто тебе достаточно все равно — так или эдак.

Когда они закончили, было уже поздно; последний сигнал прозвучал полчаса назад.

— Лучше нам выйти поодиночке,— сказал Кинг.— Ты иди первой. Подожди на углу.

Лайлак поднялась на ноги, и Чип тоже встал. Ее рука нашла его руку.

— Я знаю, ты все сделаешь как надо, Чип,— сказала она.

— Я попробую,— сказал он.— Спасибо, что вы пришли.

— Пожалуйста,— ответили они и пошли к двери. Чип подумал, что увидит ее в свете холла, когда она будет выходить, но Кинг встал в дверном проеме, и дверь закрылась.

Несколько секунд они стояли друг перед другом, молча.

— Не забудь,— сказал Кинг,— красная капсула — сейчас, другие две — когда проснешься.

— Да, хорошо,— сказал Чип, нащупывая в кармане коробочку.

— У тебя не должно быть никаких затруднений.

— Я не знаю, так много надо запомнить.

Они опять замолчали.

— Большое спасибо, Кинг,— сказал Чип, протягивая в темноте руку.

— Ты везучий человек,— сказал Кинг.— Снежинка очень страстная женщина. Вы с ней прекрасно проведете много времени.

Чип не понял, почему он это сказал.

— Надеюсь,— ответил он,— трудно поверить, что может быть больше одного оргазма в неделю.

— Что нам нужно теперь сделать,— сказал Кинг,— так это найти мужчину для Спэрроу. Тогда у всех кто-то будет. Так лучше. Четыре пары. Никакого напряжения.

Чип опустил руку. Он вдруг понял, что Кинг велит ему держаться подальше от Лайлак, назначает, кто кому принадлежит, и велит ему подчиняться этому разделению. Видел ли Кинг, как он потрогал руку Лайлак?

— Теперь я пойду,— сказал Кинг,— отвернись, пожалуйста.

Чип отвернулся и услышал, как Кинг двинулся к двери. Комната слабо осветилась светом из коридора, по полосе света пробежала тень, и все исчезло, когда дверь закрылась.

Чип обернулся. Как странно думать о том, что кто-то так особенно любит другого члена, что хочет, чтобы никто до него не дотрагивался! Станет ли он таким же, если его лечения ослабят? В это — как и во многое другое — трудно было поверить.

Он подошел к выключателю и, дотронувшись, понял, чем он заклеен: полоской ленты, под которой было что-то плоское и квадрат-

ное. Он отодрал ленту и нажал на кнопку. Он зажмурился от засверкавшего потолка.

Когда он снова стал видеть, он посмотрел на ленту, она была телесного цвета, с приставшим кусочком синего картона. Он выбросил ленту в мусоропровод и вынул из кармана коробочку. Она была из белого пластика с откидывающейся крышкой. Чип открыл ее. Внутри на вате лежала красная капсула, белая, и еще одна, наполовину белая, наполовину желтая.

Чип взял коробочку с собой в ванную и включил свет. Поставив коробочку на край раковины, он открыл воду, вынул из углубления чашку и наполнил ее. Затем выключил воду.

Он начал думать, но прежде, чем серьезно задуматься, он вынул красную капсулу, положил ее как можно дальше на язык и выпил воду.

Им занимались целых два врача, вместо одного. Они водили его, одетого в бледно-синий халат, из одного кабинета в другой, совещались с осматривающими его врачами, совещались между собой и делали пометки и записи на бланке медицинского отчета, передавая его друг другу. Один из врачей была женщина лет за сорок, вторым — мужчина тридцати с чем-то лет. Женщина иногда обнимала Чипа за плечи во время ходьбы, улыбалась и называла его «младший брат». Мужчина смотрел на него бесстрастно, его глаза были меньше обычного размера, и, к тому же, слишком близко посажены. На щеке у него был свежий шрам, от виска до угла рта. Врач не отрывал глаз от Чипа — кроме тех моментов, когда смотрел на бланк отчета. Даже совещаясь с другими врачами он смотрел на него. Когда все трое входили в очередной кабинет, — врач обычно входил следом за Чипом и улыбающейся женщиной-врачом. Чип думал, что он устроит какой-нибудь неожиданный шум, но он ничего не сделал.

Беседа со старшим советчиком, молодой женщиной, прошла хорошо, как понял Чип, но все остальное шло плохо. Он испугался напрячь мускулы перед анализом обмена веществ, потому что доктор смотрел на него, и он забыл, что нужно смотреть поверх объектива во время исследования глазного дна, а вспомнил, когда было уже поздно.

— Плохо, ты пропустишь рабочий день, — сказал наблюдающий за Чипом врач.

— Я наверстаю, — ответил Чип и, сказав, понял, что это ошибка — так отвечать. Он должен был сказать «всё к лучшему», или: «Я буду здесь весь день?», или просто вялое «да» перелеченного члена.

В полдень ему дали выпить стакан горькой белой жидкости вместо унипирога, а затем были новые тесты и анализы. Женщина-врач уходила куда-то на полчаса, но мужчина не уходил.

Около трех часов они, похоже, закончили и отвели Чипа в маленький кабинет. Мужчина сел за стол, а Чип — напротив него.

Женщина сказала: «Извините, я вернусь через две секунды». Она улыбнулась Чипу и вышла.

Мужчина минуту или две изучал отчет, водя пальцем по своему шраму, потом он посмотрел на часы и положил пластинку с отчетом на стол.

— Схожу за ней,— сказал он, встал из-за стола и вышел, прикрыв наполовину за собой дверь.

Чип сидел неподвижно, потом он шмыгнул носом и посмотрел на отчет. Он перегнулся через стол, выгнул шею и прочел слова «холинестеразный абсорбентный фактор, не увеличен», и снова сел на свой стул. Смотрел он на отчет слишком долго? Он не знал. Он потер большой палец на руке и принялся его разглядывать, а потом перевел взгляд на висящие на стенах кабинета картины — «Маркс за работой» и «Вуд оглашает Договор об Объединении».

Врачи вернулись. Женщина-врач села за стол, а мужчина — на стул около нее. Женщина посмотрела на Чипа. Она не улыбалась. Она казалась озабоченной.

— Младший брат,— сказала она,— я волнуюсь за тебя. Я думаю, что ты пытался нас дурачить.

Чип посмотрел на нее.

— Дурачить вас? — спросил он.

— В этом городе есть больные члены,— сказала она,— ты знаешь это?

Чип покачал головой.

— Да,— сказала она,— такие больные, что больше просто невозможно. Они завязывают глаза членам, отводят их в какое-то место и велят им «сбить ритм», ошибаться и притворяться, что они потеряли интерес к сексу. Они пытаются сделать других членов такими же больными, как они сами. Ты знаешь о таких членах?

— Нет,— сказал Чип.

— Анна,— произнес мужчина,— я наблюдал за ним. Нет никаких поводов думать, что тут еще что-то не в порядке, кроме того, что показали тесты,— он повернулся к Чипу и добавил: Все легко можно исправить, тебе не о чем беспокоиться.

Женщина покачала головой.

— Нет,— сказала она.— Нет, я чувствую, что тут что-то не так. Младший брат, ведь ты хочешь нам помочь, правда?

— Никто не просил меня ошибаться,— сказал Чип.— Почему? Зачем мне это надо?

Мужчина постучал пальцем по отчету.

— Посмотри на энцимологический сбой,— сказал он женщине.

— Я смотрела, смотрела.

— Его сильно ПЛЧ— или тут, тут и тут. Давай введем информацию в Уни, и он у нас поправится.

— Я хочу, чтобы его посмотрел Иисус ХЛ.

— Почему?

— Потому что я волнуюсь.

— Я не знаю никаких больных членов,— сказал Чип,— если бы я знал, то сказал бы моему советчику.

— Да,— сказала женщина,— так зачем же ты хотел видеть его вчера утром?

— Вчера? — переспросил Чип.— Я думал, что это мой день. Я перепутал.

— Пожалуйста, пойдем,— сказала женщина, вставая и беря отчет.

Они вышли из кабинета и пошли по коридору. Женщина обняла Чипа за плечи, но не улыбалась. Мужчина отстал и шел где-то сзади.

Они дошли до конца коридора, где была дверь с надписью 600 А и коричневая табличка, на которой белыми буквами было написано: «Отдел химиотерапии. Главный врач». Они вошли в приемную, где за столом сидел молодой член. Женщина-врач сказала ей (это была девушка), что они хотели проконсультироваться с Иисусом ХЛ насчет диагноза, девушка встала и вышла в другую дверь.

— Зря теряем время,— сказал врач-мужчина.

— Надеюсь, что это так, поверь,— ответила женщина.

В приемной было два стула, голый низкий стол и «Веи разговаривает с химиотерапевтами» на стене. Чип подумал, что если его заставят признаться, он попробует не упоминать о белой коже Снежинки и о не совсем обычном разрезе глаз у Лайлак.

Девушка-член вернулась и не закрыла за собой дверь.

Они вошли в большой кабинет. Худой седеющий член лет пятидесяти с лишним — Иисус ХЛ — сидел за большим неубранным столом. Он кивнул докторам, когда они подошли поближе, и рассеянно посмотрел на Чипа. Он махнул рукой в сторону стула, стоящего с другой стороны стола, напротив. Чип сел на этот стул.

Женщина-врач подала Иисусу ХЛ отчет.

— Мне кажется, здесь что-то не так,— сказала она.— Я боюсь, что он симулирует.

— Но энзимологический анализ показывает обратное,— произнес второй врач.

Иисус ХЛ откинулся на спинку своего кресла и внимательно изучил отчет. Врачи стояли по бокам его кресла, глядя на него. Чип пытался выглядеть любопытным, но не озабоченным. Он на секунду взглянул на Иисуса ХЛ и стал смотреть на стол. На столе были навалены и разбросаны всякие бумаги, они лежали даже на старомодном телекоме в потертom футляре. Питьевой контейнер с ручками и линейками стоял рядом с окантованным снимком Иисуса ДХ, моложе, чем сейчас, улыбающегося на фоне здания УниКомпа. Еще на столе были два сувенирных пресс-папье, одно необычной квадратной формы, из КИТ 61332, и круглое из АРГ 20400; пресс-папье лежали просто так, не на бумаге.

Иисус открепил отчет от жесткой дощечки, на которой писали врачи, перевернул и прочел обратную сторону листа.

— Что бы я сделала, Иисус,— сказала женщина-врач,— оставила бы его здесь на ночь и некоторые тесты повторила бы завтра.

— Зря потратим...— начал мужчина.

— Или еще лучше,— продолжала женщина, громче,— спросим его сейчас под ЛП.

— Зря потратим время и ресурсы,— сказал мужчина.

— Мы кто, врачи или анализаторы эффективности? — резко спросила женщина.

— Иисус ХЛ положил дощечку с отчетом и посмотрел на Чипа. Он встал с кресла и обошел стол, врачи поспешно отступили, чтобы дать ему пройти. Он подошел к Чипу и стал прямо напротив его стула, высокий и худой, в запятнанном чем-то желтым комбинезоне с красным крестом.

Он снял руки Чипа с подлокотников кресла, повернул их ладонями вверх, ладони заблестели от пота.

Он отпустил его руку, а запястье другой задержал в своей, щупая пульс. Чип заставил себя взглянуть вверх, рассеянно. Иисус ХЛ секунду смотрел на него вопросительно, и затем заподозрил — нет, он все знал — и презрительно улыбнулся от своего знания. Чип почувствовал себя упавшим, поверженным.

Иисус ХЛ взял Чипа за подбородок, наклонился и вблизи посмотрел ему в глаза.

— Открой глаза как можно шире,— сказал он. Это был голос Кинга. Чип вытаращил глаза.

— Вот так,— продолжал он.— Смотри на меня так, как будто я сказал что-то шокирующее,— это был голос Кинга, вне всякого сомнения. Рот у Чипа открылся.— Не разговаривай, пожалуйста,— сказал Кинг-Иисус ХЛ, больно повернув Чипу челюсть. Он внимательно смотрел в глаза Чипу, поворачивая его голову вправо и влево, затем он отпустил подбородок Чипа и отступил. Он обошел стол и снова сел. Он взял отчет, взглянул на него и протянул его женщине-врачу, улыбаясь.— Ты ошибаешься, Анна,— сказал он.— Можешь успокоиться. Я видел много симулирующих членов, этот не притворяется. Я благодарю тебя, тем не менее, за твою озабоченность.— Мужчине он сказал: — Она права, Иисус, мы не должны быть анализаторами эффективности. Там, где затронуто здоровье члена, Семья может себе позволить потратить немного больше времени и ресурсов. Да и что такое, в конечном итоге, Семья, если не сумма всех ее членов?

— Спасибо, Иисус,— сказала женщина, улыбаясь,— я рада, что я ошиблась.

— Дайте эту информацию Уни,— сказал Кинг, поворачиваясь и глядя на Чипа,— чтобы нашего брата с этого момента правильно лечили.

— Да, немедленно,— женщина поманила Чипа. Он поднялся со стула.

Они вышли из кабинета. В дверях Чип обернулся.

— Спасибо,— сказал он.

Кинг взглянул на него из-за своего заваленного стола — только взглянул, без улыбки, без тени дружелюбия.

— Спасибо Уни,— сказал он.

Меньше, чем через минуту после того, как Чип вернулся в свою комнату, позвонил Боб.

— Я только что получил послание из Центрального Медцентра,— сказал он.— Твои лечения были чуть-чуть не в норме, но с этого момента они будут абсолютно правильными.

— Хорошо,— сказал Чип.

— Это смятение и усталость, которые ты ощущал, постепенно уйдут в течение одной недели или около того, и ты станешь таким, как раньше.

— Надеюсь.

— Станешь. Послушай, хочешь, я завтра тебя вызову, или подождем до следующего вторника?

— Можно до вторника.

— Замечательно,— сказал Боб. Он ухмыльнулся.— Знаешь,— сказал он,— ты уже выглядишь лучше.

— Мне уже стало чуть лучше,— ответил Чип.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

Каждый день он чувствовал себя чуть лучше, чуть более проснувшимся и ясным, чуть более уверенным, что болезнь — это то, что с ним было раньше, а здоровье — то, к чему он идет. К пятнице — на третий день после обследования — он чувствовал себя так, как обычно в день перед лечением. Но последний раз его лечили только неделю назад, три недели, и даже больше, лежали перед ним, просторные и неисследованные, только потом подойдет новое лечение. Сбой ритма сработал, Боб был одурачен, и лечение уменьшено. А следующее лечение, по результатам обследования, будет уменьшено еще больше. Какие необыкновенные чувства он будет испытывать через пять или шесть недель?

Вечером в ту пятницу, через несколько минут после последнего сигнала, в комнату Чипа вошла Снежинка.

— Не обращай на меня внимания,— сказала она, снимая свой комбинезон.— Я просто кладу записку в футляр твоей зубной щетки.

Она легла к нему в постель и помогла ему снять пижаму. Ее тело под его руками и губами было мягким, гибким и более возбужденным, чем тело Мир СК или чье-либо другое; и его собственное тело, когда она гладила, целовала и лизала его, отвечало более резкой дрожью, чем когда-либо раньше, и напряженнее было желание. Он вошел в нее — глубоко, удобно вошел — и довел бы их обоих немедленно до оргазма, но она задержала его, оставила, заставила выйти и снова войти, приняв странное, но удобное положение, а потом — другое. Минут двадцать или даже больше они работали и экспериментировали вместе, стараясь насколько

ко это возможно, не шуметь, из-за членов за стеной и на этажах ниже.

Когда они закончили и распались, она спросила:

— Ну?

— Ну, это был высший класс. Но, честно говоря, из того, что ты рассказывала, я ожидал даже большего.

— Терпение, брат,— сказала она,— ты все еще инвалид. Придет время, и на эту ночь ты будешь смотреть так, как будто мы только пожали друг другу руки.

Он рассмеялся.

— Ш-ш!

Он обнял ее и поцеловал.

— Что написано,— спросил он,— в этой записке, что ты положила мне в футляр от щетки?

— В воскресенье в одиннадцать вечера, в то же время и на том же месте.

— Но без бинтов.

— Без бинтов,— сказала она.

Он увидит их всех, Лайлак и остальных.

— Я как раз гадал, где будет следующая встреча,— сказал он.

— Я слышала, что ты просвистел через этот второй этап, как ракета.

— Проковылял через него, ты хочешь сказать. Я бы ни за что не проскочил, если бы не...— знает ли она, кто такой Кинг? Правильно ли говорить о нем?

— Если бы ни что?

— Если бы не Кинг и Лайлак,— сказал он.— Они пришли сюда накануне ночью и подготовили меня.

— Ну, конечно,— сказала она,— никто из нас не проскочил бы, если бы не капсулы и все остальное.

— Интересно, где они их достали.

— Я думаю, кто-то из них работает в медицинском центре.

— Д-да, наверное, тогда понятно,— сказал Чип. Она не знала. Или знала, но не знала, что он знает. Неожиданно он почувствовал раздражение от того, что надо быть осторожным, что эта необходимость возникла между ними.

Она села в кровати.

— Послушай,— сказала она,— мне неприятно это говорить, но не забудь завтра сделать все как обычно с твоей подружкой. Завтра ночью.

— У нее появился кто-то другой,— ответил он,— ты моя подружка.

— Нет,— сказала она,— по крайней мере, не в субботу ночью. Наши советчики будут ломать себе голову, почему мы выбрали себе кого-то из другого дома. У меня есть замечательный абсолютно нормальный Боб из другого конца холла, а у тебя — замечательная нормальная Йин или Мария. Но если ты дашь ей больше, чем один раз и быстро, я сверну тебе шею.

— Завтра ночью я ей и этого дать не смогу.

— Все в порядке,— сказала она,— ты еще считаешься выдворяющим,— она строго посмотрела на него,— в самом деле,— добавила она,— ты должен помнить, чтобы не становиться слишком страстным ни с кем, только со мной. И носить довольную улыбочку между первым и последним сигналом. И работать как следует над своим поручением, но только не перебарщивать. Надо так же притворяться, когда получаешь ослабленные лечения, как и тогда, когда только хочешь этого добиться,— она снова легла на спину рядом с ним и обняла себя его рукой.— Драка,— сказала она,— сейчас я тебе дам что-то для курения.

— Это в самом деле так приятно?

— Мм, хмм. Особенно в такие моменты, как этот.

— Мне придется попробовать.

Они лежали, разговаривая и лаская друг друга, еще какое-то время, а затем Снежинка попыталась раскрутить его еще раз:

— Кто не пытается, тот не выигрывает,— сказала она, но все, что она делала, не возымело эффекта. Она ушла около двенадцати.— В воскресенье в одиннадцать,— сказала она от двери.— Поздравляю.

В субботу вечером Чип познакомился в нижнем холле с членом по имени Мария КК, друга которой перевели в Кан за несколько дней до этого. В месте обозначения года рождения на ее браслете стояло 38, таким образом, ей было двадцать четыре года.

Они пошли на традиционные пения перед Марксовым Рождеством в Парк Равенства. Пока они сидели, ожидая, когда амфитеатр весь заполнится, Чип рассматривал ее вблизи. Подбородок у нее был острый, но в остальном она была как все: смуглая кожа, чуть приподнятые вверх уголки глаз, коротко стриженные черные волосы, желтый комбинезон на изящной худой фигуре. Ноготь на одном из пальцев ноги был необычного цвета, синефиолетовый. Она сидела, улыбаясь, глядя на противоположный скат амфитеатра.

— Откуда ты? — спросил Чип.

— Из Рос,— ответила она.

— Какая у тебя классификация?

— Один — сорок Б. Техник-офтальмолог.

— Что ты делаешь?

Она повернулась к нему:

— Я ставлю контактные линзы,— ответила она,— в детском отделении.

— Тебе это нравится?

— Конечно,— она посмотрела на него несколько растерянно,— Почему ты меня так много спрашиваешь? — спросила она.— И почему ты так на меня смотришь — как будто никогда раньше не видел члена?

— Я раньше не видел тебя,— ответил Чип.— Я хочу узнать тебя.

Я ничуть не отличаюсь от других членов,— сказала она. — Во мне нет ничего необычного.

— У тебя подбородок чуть острее, чем обычно.

Она отпрянула, чувствуя себя задетой и сконфуженной.

— Я не хотел тебя обидеть,— сказал Чип,— я просто хотел сказать, что в тебе есть что-то необычное, даже если это и не так важно.

Она внимательно посмотрела на него, а потом снова перевела взгляд на противоположный склон амфитеатра. Она покачала головой.

— Я не понимаю тебя, — сказала она.

— Извини, — ответил Чип, — я был болен до вторника. Но мой советчик отвел меня в Главный Медцентр, и меня вылечили. Я сейчас еще поправляюсь. Не волнуйся.

— Ну, что ж, хорошо,— сказала женщина. Через секунду она повернулась к Чипу и весело ему улыбнулась. — Я прощаю тебя,— сказала она.

— Спасибо,— ответил Чип, неожиданно почувствовав к ней жалость.

Она снова отвернулась.

— Я надеюсь, что мы будем петь «Освобождение Масс»,— сказала она.

— Будем,— ответил Чип.

— Я так люблю это,— добавила Мария и принялась напевать мелодию.

Чип продолжал смотреть на нее, пытаясь смотреть обычным, нормальным взглядом. То, что она сказала, было правдой: она не отличалась от всех остальных членов. Что могут значить острый подбородок или необычного цвета ноготь? Она была точно такая же, как любая Мария, или Анна, или Мир, или Йин, которые когда-либо были его подружками: смиренная и добрая, готовая помочь и любящая работать. Но в то же время она вызвала в нем жалость. Почему? И могли ли те, другие, вызвать в нем жалость, если он посмотрел на них вблизи, так, как он смотрит на нее, если он вслушивается в то, что они говорят?

Он посмотрел на членов по другую сторону от себя, на массы членов на нижних ярусах, на массы членов на верхних ярусах...

Все они были похожи на Марию КК, все улыбались и все были готовы петь свои любимые Рождественские Марксовы песни, и все они вызывали жалость, каждый член в этом амфитеатре, сотни, тысячи, десятки тысяч членов. Их лица заполняли огромный котел рядами, как коричневые бусы, лежащие огромными, прилегающими друг к другу овалами.

Лучи света осветили золотой крест и красный серп в центре гигантского котла. Раздались четыре знакомые ноты грубы, и все запели:

Одна могучая Семья,
Единый организм

Без злобы, жадности, и ей
Неведом эгоизм.

Каждый член дает Семье все, что он должен дать,
И все, для жизни нужное, он может получать!

Но они совсем не могучая Семья, подумал Чип. Они — слабая Семья, печальная и достойная жалости Семья, заторможенная химическими препаратами и обездушенная браслетами. Только Уни действительно могуч.

Одна могучая Семья,
Один большой народ —
Своих сынов и дочерей
Он храбро в космос шлет...

Он автоматически пел слова, думая, что Лайлак была права: ослабленные лечения принесли новые несчастья.

В воскресенье, в одиннадцать вечера, Чип встретился со Снежинкой в прогале между домами на Нижней Площади Христа. Он обнял ее и с благодарностью поцеловал, радуясь ее сексуальности, юмору и бледной коже, и еще горькому запаху табака — всему тому, что составляло ее и никого больше.

— Христос и Вен, я рад тебя видеть, — сказал он.

Она крепче прижалась к нему и счастливо ему улыбнулась.

— Быть с нормальными — это просто облом, правда? — спросила она.

— И какой! — ответил Чип. — Сегодня утром мне хотелось бить не по мячу, а по футболистам.

Она рассмеялась.

Чипу было плохо с момента пения, но сейчас он почувствовал, что его отпустило, что он счастлив и даже стал выше.

— Я нашел подружку, — сказал он, — и, подумай только, я трахнул ее без всяких затруднений.

— Драка.

— Не так много, без такого удовлетворения, как было у нас, но совсем без затруднений, а ведь даже и суток не прошло.

— Я обойдусь без подробностей.

Он усмехнулся, провел руками по ее бокам и обхватил за бедра.

— Я думаю, что я даже смогу сделать это сегодня, — сказал он, дразня ее своими большими пальцами.

— Твое «эго» растет не по дням, а по часам.

— Не только «эго», а все.

— Пойдем, брат, — сказала она, снимая его руки и беря его под одну из них, — лучше довести тебя до закрытого помещения, пока ты не начал петь.

Они вышли на площадь и пересекли ее наискосок. Флаги и обвисшие украшения к Марксову Рождеству неподвижно висели над ней, постепенно теряясь в мерцании огней в далеких переулках.

— Куда же мы идем? — спросил Чип, радостно шагая, — где это тайное место сбора больных совратителей здоровых молодых членов?

— До-Объединение, — сказала Снежинка.

— Музей?

— Правильно. А ты можешь придумать место лучше для компании обманывающих Уни ненормальных? Именно там нам и место. Все просто, — сказала она, оттянув его назад за руку. — Не надо идти так энергично.

Из прохода, в которой они собирались войти, вышел какой-то член. В руке он нес то ли чемоданчик, то ли телекомп.

Чип пошел рядом со Снежинкой обычным шагом. Член, поравнявшись с ними — он нес телекомп, — улыбнулся и кивнул. Они улыбнулись и кивнули в ответ и разминулись с ним.

Спустились на несколько ступенек и вышли с площади.

— К тому же, — сказала Снежинка, — там никого не бывает с восьми до восьми, и там бесчисленное количество трубок, смешных костюмов и необычных кроватей.

— Вы там берете вещи?

— Кровати не берем. Но мы их используем каждый раз. Торжественная встреча в кабинете для конференций была только из-за тебя.

— Чем еще вы занимаетесь?

— Ну, сидим и жалуемся друг другу немножко. В основном это Лайлак и Леопард. Мне хватает секса и курения. Кинг смешно изображает телепрограммы, вот увидишь, как ты будешь смеяться.

— Что касается кроватей, — спросил Чип, — это происходит по групповому принципу?

— Только в парах, дорогой, мы не настолько до-Объединенческие члены.

— А ты с кем делила кровать?

— Со Спэрроу, конечно. «Необходимость — мать изобретательности», и так далее. Бедная девочка, теперь мне ее жалко.

— Конечно.

— Конечно! Но ничего, в Памятниках Девятнадцатого Века есть искусственный пенис. Она выживет.

— Кинг говорит, что нам надо найти для нее мужчину.

— Надо. Будет гораздо лучше, если у нас будет четыре пары.

Так и Кинг говорит.

Когда они пересекли первый этаж музея, освещая себе путь фонариком, который оказался у Снежинки, какой-то другой свет осветил их сбоку, и чей-то голос совсем близко произнес: «Привет!» Они вздрогнули. «Извините, — сказал тот же голос, — это я, Леопард».

Снежинка перевела свой фонарь на автомобиль двадцатого

века, и фонарик внутри него погас. Они приблизились к сверкающей металлической машине. Леопард, который сидел за рулевым колесом, оказался старым круглолицым членом в шляпе с оранжевым пером. На его щеках и на носу было несколько темных пятен. Он протянул руку, тоже с пятнами, через дверцу с открытым стеклом.

— Поздравляю, Чип,— сказал он.— Я рад, что ты через все прошел.

— Собираешься прокатиться? — спросила Снежинка.

— Уже катался,— ответил Леопард.— В Япо и обратно. Теперь у «Вольво» кончилось горючее. И еще машина вся насквозь промокла, об этом тоже не забудь.

Они улыбнулись ему и друг другу.

— Фантастика, правда? — сказал Леопард, поворачивая руль и работая рычагом, который отходил от оси рулевого колеса.— Водитель полностью управлял машиной, с начала и до конца поездки, обеими руками и ногами.

— Она, наверное, была очень неуклюжей,— сказал Чип, а Снежинка добавила:

— Не говоря уж о том, что она была очень опасной.

— Но и веселой,— добавил Леопард,— это же просто приключение: выбирать место назначения, потом — дороги, как туда проехать, соизмерять свое движение с движением других машин...

— А если ошибся, то умереть,— сказала Снежинка.

— Я не думаю, что это случалось так уж часто, как нам говорят,— сказал Леопард.— Если бы это случалось часто, то передние части машин делали бы гораздо мощнее.

— Но это утяжелило бы машины, и она стали бы двигаться еще медленнее,— сказал Чип.

— Где Хаш? — спросила Снежинка.

— Наверху, со Спэрроу,— ответил Леопард. Он открыл дверцу своей машины и вышел, в руке он держал фонарик.— Они там прибирают. В комнату еще что-то принесли,— он поднял наполовину стекло и плотно закрыл дверцу. Широкий кожаный пояс, украшенный металлическими заклепками, был застегнут на его талии поверх комбинезона.

— Кинг и Лайлак? — спросила Снежинка.

— Где-то там.

«Используют кровать»,— подумал Чип, когда они, все трое, шли дальше по музею.

Он много думал о Кинге и Лайлак с тех пор, как увидел Кинга, и какой он старый — пятьдесят два или три, а может быть даже больше. Он думал о разнице в возрасте между ними двумя — тридцать лет, по меньшей мере,— и о том, как Кинг велел ему держаться от Лайлак подальше, и о больших, неправильного разреза глазах Лайлак, и как ее маленькие теплые руки оперлись о его колени, когда она склонилась перед ним, призывая его к более нормальной жизни, к пробуждению.

Они поднялись по ступенькам неподвижного главного эскалатора и пересекли второй этаж музея. Свет от двух фонариков Леопарда и Снежинки плясал на ружьях и кинжалах, круглых лампочках накаливания, истекающих кровью боксерах, королях и королевах в драгоценностях и отороченных мехом одеждах, на трех нищих, грязных и увечных, выставяющих свои увечья напоказ и протягивающих кружки. Перегородка за нищими была раздвинута, обнаруживая узкий проход, уходящий дальше вглубь здания, освещенный на глубину нескольких метров светом из находящейся слева двери. Тихий женский голос что-то говорил. Леопард прошел вперед, в зал, а Снежинка, стоя около нищих, стала отрывать куски пластыря с катушки, которую она достала из мешка первой помощи. «Здесь Снежинка с Чипом», — произнес Леопард внутри комнаты. Чип налепил на табличку браслета кусок пластыря и несколько раз потер пластырь, плотно приклеивая его.

Они вошли в пахнущую табаком духоту, где на двух до-Объединенческих стульях сидели две женщины: старая и молодая, в руках они держали ножи, а на столе перед ними лежала куча коричневых листьев. Это были Хаш и Спэрроу, они пожали руку Чипу, поздравляя его. Хош, с морщинками возле глаз, улыбалась; Спэрроу, большеногая и большерукая, казалась смущенной, ее ладонь была горячей и влажной. Леопард стоял рядом с Хаш, держа нагревательную спираль у отверстия изогнутой черной трубки, выдувая дым по обе стороны мундштука.

Комната, действительно, большая, была фондовым помещением музея, ее дальняя часть забита вплоть до потолка до-Объединенческими реликвиями, поздними и ранними: машины, мебель, картины, узлы с одеждой, мечи и какие-то орудия с деревянными рукоятками, статуя члена с крыльями («ангел»), пять или шесть ящиков, закрытых, открытых, маркированных ИНД 26110, заклеенных по углам квадратными желтыми наклейками.

Оглядевшись, Чип сказал:

— Здесь хватит вещей еще на один музей.

— И это все оригиналы, — ответил Леопард, — а на витринах не все оригиналы, ты знаешь.

— Я не знал.

В передней части комнаты было много разного рода стульев и скамеек. К стенам были прислонены картины, также лежали картонные коробки с небольшими реликвиями и кучи рассыпавшихся книг. Внимание Чипа привлекла картина, изображающая огромный валун. Он отодвинул стул, чтобы рассмотреть ее. Валун, почти целая гора, летел в синем небе над землей, раздражая своей пестрой раскраской.

— Какая странная картина, — сказал Чип.

— Их тут много, странных, — отозвался Леопард.

— Те, на которых Христос, — сказала Хаш, — у него там свет вокруг головы, и он совсем не похож на человека.

— Я видел такие,— сказал Чип, глядя на валун,— но такого я не видел, ничего подобного. Это очаровывает: реально и нереально одновременно.

— С собой ее брать нельзя,— сказала Снежинка,— мы не можем брать ничего, чего могут хватиться.

— Все равно, мне некуда ее девать,— сказал Чип.

— Как тебе нравятся ослабленные лечения? — спросила Спэрроу.

Чип повернулся к ней. Спэрроу отвела взгляд, переводя его на свои руки, держащие листья и нож. Хаш была занята тем же, чем и Спэрроу: рубила ножом свернутые листья в тонкие полоски, которые, уже нарубленные, кучей лежали перед ней. Снежинка сидела с трубкой во рту, Леопард держал нагревательную спираль в своей трубке.

— Чудесно,— сказал Чип.— В буквальном смысле. Сколько чудес! С каждым днем все больше и больше. Я благодарен вам всем.

— Мы всего лишь поступили так, как нам велят,— сказал Леопард улыбаясь.— Мы помогли брату.

— Не так, как они имеют в виду,— сказал Чип.

Снежинка предложила ему трубку.

— Ты готов попробовать? — спросила она.

Чип подошел к ней и взял трубку. Та часть ее, где помещался табак, была теплая, а сам табак — серый и дымящийся. Секунду он колебался, потом улыбнулся всем смотрящим на него и приложил мундштук к губам. Глубоко всосал воздух из него и выдохнул дым. Вкус был терпкий и приятный, к его удивлению. «Неплохо», — сказал он. Потом он опять повторил всю процедуру, с большей уверенностью. Дым попал ему в горло, и Чип закашлялся.

Леопард с улыбкой подошел к дверям, сказал:

— Я принесу специально для тебя трубку,— и вышел.

Чип вернул трубку Снежинке и, прокашливаясь, сел на вытертую скамью темного дерева. Он стал смотреть, как Хаш и Спэрроу режут табак. Хаш улыбнулась ему.

— Где вы берете семена? — спросил Чип.

— С самих растений,— сказала она.

— А где вы взяли те, с которых начали?

— У Кинга были.

— Что у меня было? — спросил Кинг, входя, высокий, худой и светлоглазый, на его груди поверх комбинезона висел на цепи золотой медальон. Рядом с ним была Лайлак, его рука держала ее руку. Чип встал. Она посмотрела на него, необычная, темная, красивая, молодая.

— Семена табака,— сказала Хаш.

Кинг, тепло улыбаясь, протянул Чипу руку.

— Рад видеть тебя здесь,— сказал он.

Чип пожал его руку, пожатие Кинга было твердым и сердечным.

— Очень приятно видеть в группе новое лицо,— сказал Кинг,— особенно мужское, которое поможет мне ставить на свое место этих до-Объединенческих женщин.

— Ха! — сказала Снежинка.

— Здесь хорошо,— сказал Чип, ободренный и польщенный дружелюбием Кинга. Его холодность в тот момент, когда Чип выходил из его кабинета, была, должно быть, только притворством,— конечно, из-за наблюдающих за ними докторов.

— Спасибо,— сказал Чип,— за все. Вам обоим.

— Я очень рада, Чип,— ответила Лайлак. Ее рука все еще сжимала руку Кинга. Кожа у Лайлак была необычно темного оттенка, приятного, почти коричневого цвета, с розоватым отливом. Глаза — большие, посаженные почти на одной линии, ровно; губы — розовые, очень мягкие с виду.

Она отвернулась от Чипа и сказала:

— Привет, Снежинка,— потом высвободила свою руку из руки Кинга, подошла к Снежинке и поцеловала ее в щеку.

Ей было лет двадцать или двадцать один, не больше. В верхних нагрудных карманах ее комбинезона что-то лежало, и от этого ее груди выглядели, как груди женщин с рисунков Карла. В этом было что-то странное, таинственно-интригующее.

— Ты начинаешь, ощущать себя по-иному, Чип? — спросил Кинг. Он стоял у стола скручивая нарезанный табак и набивая им трубку.

— Да, еще как! — сказал Чип.— Все так, как ты и говорил. Вошел Леопард и сказал:

— Ну, вот, Чип,— а затем дал ему толстую желтую трубку с янтарным мундштуком, Чип поблагодарил его и попробовал, удобно ли держать: трубка хорошо лежала в руке и прикосновение ее к губам тоже было приятно. Он подошел с ней к столу, и Кинг с висящим на груди медальоном показал, как правильно ее набивать.

Леопард повел Чипа в ту часть музея, где располагались служебные помещения, показал другие запасники, большой кабинет для конференций и много других кабинетов и мастерских.

— Нужно,— сказал он,— чтобы кто-то проверял комнаты для этих встреч наедине, нет ли там какого-нибудь подозрительного беспорядка. Девушки могли бы быть поаккуратнее. Обычно это делаю я, а когда меня не будет, может, ты этим займешься? Нормальные члены не настолько лишены наблюдательности, как нам бы этого хотелось.

— Тебя переводят? — спросил Чип.

— Да нет,— ответил Леопард,— я скоро умру. Мне уже больше шестидесяти двух, уже почти три месяца, как исполнилось. И Хаш столько же.

— Извини,— сказал Чип.

— Да, это так,— отозвался Леопард,— но никто не живет вечно. С пеплом от табака тоже можно нажать неприятности, но насчет этого все аккуратны. О запахе можешь не беспокоиться:

в семь сорок включается вентиляция, и весь запах выдувает: я один раз остался до утра и проверил. Спэрроу собирается после нас разводить табак. А листья мы сушим прямо здесь, за баком горячей воды, я тебе покажу.

Когда он вернулся в запасник, Кинг и Снежинка сидели друг напротив друга и играли в какую-то механическую игру, стоявшую на скамье между ними. Хаш дремала в кресле, а Лайлак скрючилась у горы экспонатов, вынимая одну за одной книги из картонной коробки, просматривала их и потом клала в стопку, к уже лежавшим на полу книгам. Спэрроу в запаснике не было.

— Что это? — спросил Леопард.

— Новая игра пришла, — ответила Снежинка, не поднимая глаз.

Они нажимали и отпускали кнопки, и маленькие пластинки били по заржавленному металлическому шарiku, бросая его вперед и назад по усеянному перегородками полю. Пластинки, кои из которых были сломаны, дребезжали при ударах. Шарик прыгал так и сяк и наконец остановился в углублении на стороне Кинга.

— Пять! — закричала Снежинка. — Ты готов, брат!

Хаш открыла глаза, посмотрела на них и снова закрыла.

— Проиграть — то же самое, что и выиграть, — сказал Кинг, поджигая металлической зажигалкой табак в трубке.

— Злость, это так, — сказала Снежинка. — Чип? Давай, ты следующий.

— Нет, я лучше посмотрю, — сказал он.

Леопард тоже отказался играть, и Кинг со Снежинкой начали новую партию. В паузе во время игры, когда Кинг забил Снежинке шар, Чип спросил:

— Можно мне посмотреть зажигалку? — и Кинг тут же протянул ее. На зажигалке была нарисована летящая птица. Утка, подумал Чип. Он уже видел зажигалки в музее, но никогда не держал в руках. Он открыл крышку и крутанул большим пальцем зазубренное колесико. После второй попытки вспыхнуло пламя. Чип закрыл зажигалку, осмотрел ее со всех сторон и в следующую паузу вернул Кингу.

Он еще недолго понаблюдал за игрой, а потом отошел. Приблизился к куче экспонатов и какое-то время рассматривал ее, а потом подошел поближе к Лайлак. Она взглянула вверх на него и улыбнулась, кладя очередную книгу в стопку на пол.

— Я все надеюсь найти одну на Языке, — сказала она, — но они все на старых языках.

Чип нагнулся и поднял книгу, которую Лайлак только что держала в руках. На корешке виднелись небольшие буквы: *Badda fördöd*. «Хм», — сказал Чип, качая головой. Он пролистал пожелтевшие страницы, глядя на странные слова и предложения: *allvarlig-lögnerska, dök ner på brickorna*. Над многими буквами были две точки или маленький кружочек.

— Некоторые похожи на Язык, и там можно понять одно-два слова, — сказала Лайлак, — а другие... Но ты сам посмотри, —

и она показала ему книгу, в которой зеркально написанные N и прямоугольные буквы без нижней стороны были перемешаны с обычными P, E и O.— Ну, что это значит? — спросила она, откладывая книгу.

— Хорошо бы найти книгу, которую мы смогли бы прочесть, — сказал Чип, глядя на розово-коричневую мягкость ее щеки.

— Да, — сказала она, — но я думаю, что книги все просмотрели, прежде чем они попали сюда, поэтому мы ничего и не находим.

— Ты думаешь, их все просмотрели?

— Должно быть много книг на Языке, — сказала Лайлак, — как же по-твоему возник Язык, если уже не было какого-то самого распространенного?

— Да, конечно, — сказал Чип, — ты права.

— Тем не менее, — сказала Лайлак, я продолжаю надеяться, что они что-нибудь пропустили, — она скосила глаза на книгу и положила ее в стопку.

Ее набитые нагрудные карманы шевелились от ее движений, и Чип вдруг представил себе, что это пустые карманы, лежащие на выступающих грудях, как у женщин, которых рисовал Карл, груди почти до-Объединенческой женщины. Это было возможно, учитывая ее необычно темную кожу и ненормальности их всех. Он снова перевел взгляд на ее лицо, чтобы не смутить ее, если у нее действительно были такие груди.

— Я думала, что я второй раз просматриваю эту пачку, — сказала Лайлак, — но теперь у меня странное чувство, что я ее в третий раз просматриваю.

— Но зачем, по-твоему, надо было им проверять все эти книги? — спросил Чип.

Она помедлила с ответом, положив локти на колени и свесив кисти, пристально смотря на него своими большими ровно посаженными глазами.

— Я думаю, что нас учили неправде, — сказала она, — о том, какая была жизнь до Объединения. То есть перед самым Объединением, не в древности.

— Какая неправда?

— Насилие, агрессивность, жадность, ненависть, враждебность. Конечно, в какой-то мере это было, я думаю, но я не могу поверить, что кроме этого больше ничего не было, а именно этому нас и учат. Все эти «боссы», которые наказывают «рабочих», и болезни, и алкогольное пьянство, и голод, и саморазрушение. А ты веришь?

Чип посмотрел на нее.

— Не знаю, — сказал он, — я об этом особенно не думал.

— Я тебе скажу, во что я не верю, — сказала Снежинка. Она поднялась со скамейки, их партия с Кингом, очевидно, закончилась. — Я не верю, что они обрезали крайнюю плоть у младенцев мужского пола. В ранний период до-Объединения — может быть: — в ранний, самый ранний период, — но не в поздний, это

слишком невероятно. То есть, у них же был хоть какой-то разум, или нет?

— Да, это невероятно,— сказал Кинг, постукивая трубкой о ладонь,— но я видел фотографии. По крайней мере, так называемые, фотографии.

Чип одним движением обернулся и сел на пол.

— Что ты хочешь сказать; — спросил он. — Что фотографии могут быть... не подлинными?

— Конечно, могут,— сказала Лайлак. — Посмотри поближе на фотографии в книгах. Некоторые части были дорисованы. А некоторые,— убраны,— она начала складывать книги обратно в коробку.

— Я не думал, что такое возможно,— сказал Чип.

— С плоскими возможно,— ответил Кинг.

— То, что нам дают,— сказал Леопард, сидящий на позолоченном стуле и играя пером на своей шляпе,— это, наверное, смесь правды и неправды. Кто что думает: что здесь правда и что здесь вымысел, и сколько здесь правды, и сколько вымысла?

— А не можем мы заняться этими книгами и изучить эти языки? — спросил Чип,— одного языка нам прекрасно хватит.

— Для чего? — спросила Снежинка.

— Чтобы выяснить,— ответил он,— что правда, а что нет.

— Я уже пробовала,— сказала Лайлак.

— Конечно, пробовала,— сказал Чипу Кинг с улыбкой,— какое-то время назад она немало ночей провела, ломая свою прелестную головку над этой кучей чепухи. Уж ты-то этого не делай, прошу тебя, Чип.

— А почему? — спросил Чип,— быть может, мне повезет больше.

— А если и повезет? — спросил Кинг,— если ты расшифруешь какой-нибудь язык и прочтешь несколько книг, и выяснишь, что нас учат неправде. Может быть, все неправда. Может быть, жизнь в 2000 году старого стиля была один сплошной оргазм, где все выбирали себе классификацию, какую хотели, и помогали своим братьям, и по уши сидели в любви, здоровья и жизненных благах. Ну и что? Ты по-прежнему будешь здесь, в 162 году после Объединения, с браслетом и советчиком, и с ежемесячными лечениями. Ты только станешь еще несчастнее. Мы все станем несчастнее.

Чип нахмурился и посмотрел на Лайлак. Она складывала книги в коробку, не глядя на него. Он снова посмотрел на Кинга, пытаясь найти слова.

— Тем не менее, это будет знание,— сказал он. — Быть счастливым или несчастным — разве это самое важное? Знать правду — это счастье другого рода, приносящее больше удовлетворения, я думаю, даже если это будет грустное счастье.

— Грустное счастье? — спросил Кинг, улыбаясь. — Я этого совсем не понимаю,— Леопард казался погруженным в размышления.

Снежинка сделала Чипу знак встать и сказала:

— Пойдем, я хочу тебе кое-что показать.

Он поднялся на ноги.

— Но мы, возможно, откроем, что все было только лишь преувеличено, — сказал он, — что был голод, но не настолько, агрессивность, но не настолько. Может быть, какие-то мелочи и придумали, вроде обрезания крайней плоти или почитания флагов.

— Если ты так чувствуешь, тогда действительно нет никакого смысла мучиться, — сказал Кинг. — Ты хоть представляешь, что это будет за работа? У тебя голова пойдет кругом.

Чип пожал плечами.

— Будет хорошо все это знать, — сказал он. Он взглянул на Лайлак, она укладывала последние книги в коробку.

— Пойдем, — сказала Снежинка, беря Чипа под руку. — Оставьте нам немножко табака, вы, члены!

Они вышли в темноту выставочного зала. Фонарик Снежинки освещал им дорогу.

— Что это? — спросил Чип. — Что ты хочешь мне показать?

-- А что ты думаешь? — Кровати! Конечно уж, не книги.

Обычно они встречались два раза в неделю, по воскресеньям и вудодням или четвергам. Они курили, разговаривали и валяли дурака с реликвиями и экспонатами. Иногда Спэрроу пела песни. Она сама сочиняла, аккомпанируя себе на инструменте, который нужно было держать на колене, и струны под ее пальцами издавали приятные древние звуки. Песни были короткие и печальные — о детях, которые жили и умирали на звездных кораблях, о влюбленных, одного из которых переводят, о вечном море. Иногда Кинг изображал в лицах вечернее телевидение, комически переиначивая диктора, говорящего о контроле над климатом или о хоре из пятидесяти членов, которые поют «Мой браслет». Чип и Снежинка пользовались кроватью семнадцатого века и диваном девятнадцатого века, ранней до-Объединёнской сельскохозяйственной кибиткой и поздним до-Объединённым пластиковым ковром. Ночами, между общими встречами, они приходили иногда друг к другу в комнаты. Номер на двери комнаты Снежинки гласил Анна РУ 24А 9155, «24», которые Чип не мог не заметить, значило, что ей тридцать восемь — больше, чем он думал.

День ото дня чувствительность обострялась, а ум становился все беспокойнее и тоньше. Лечения задурманивали его и отбрасывали назад, но только на неделю или около того, затем он опять бодрствовал, опять жил. Он начал работать над языком, который пыталась расшифровать Лайлак. Она показала ему книги, с которыми она работала, и сделанный ею список. *Memento* значило момент, *silenzio* — тишина. Она показала ему целые страницы с легко угадываемым переводом, но были и такие слова в каждом предложении этой книги, о значении которых можно было толь-

ко догадываться и гадать можно было как угодно. Значило allora «тогда» или «уже»? Что означало quale, sporse и rimane? Чип работал с книгами около часа во время каждой встречи. Иногда Лайлак облакачивалась на его плечо, глядя, чем он занят, говорила: «О, да, конечно!» или «А не может это быть день недели?», но большинство времени она проводила рядом с Кингом, набивая ему трубку и слушая, когда он говорит. Кинг смотрел, как работает Чип, и, отражаясь в стеклянных панелях до-Объединенческой мебели улыбался остальным и поднимал брови.

Чип виделся с Марией КК в субботу вечером и в воскресенье после обеда. Он вел себя с ней нормально, улыбался в Саду Развлечений и трахал ее просто и без страсти. Он нормально вел себя выполняя поручение, следуя всем необходимым процедурам. Нормальное поведение начало раздражать его, все больше и больше с каждой неделей.

В июле умерла Хаш. Спэрроу написала о ней песню, и когда Чип вернулся в свою комнату после встречи, на которой она эту песню спела, она и Карл (почему он не подумал о нем раньше?) неожиданно соединились у него в голове в одной ассоциации. Спэрроу была большая и неуклюжая, но милая, когда поет; ей лет двадцать пять или около. Карл, очевидно, был «вылечен», когда Чип ему «помог», но разве не было у него сил, или такой ответственности, или чего бы там ни было, чтобы противостоять лечению, хотя бы в какой-то мере? У него, как и у Чипа, классификация 663, не может ли быть так, что он тоже где-то в Институте, идеальный вариант, чтобы ввести его в группу, и идеальная пара для Спэрроу. Конечно, стоило попробовать разыскать его. Какая была бы радость по-настоящему помочь Карлу! С ослабленными лечениями он станет рисовать — чего он только не нарисует? — такие картины, которые и представить себе невозможно!

Как только Чип встал на следующее утро, он вынул свою новую записную книжку из запячного мешка, дотронулся до сканера телефона и прочел номер Карла. Но экран остался пустым, и телефонный голос извинился, сказав, что член, которого Чип вызывает, за пределами досягаемости.

Через несколько дней Боб РО спросил Чипа об этом случае, уже вставая со стула.

— Да, кстати,— сказал он,— я хотел тебя спросить, с чего это ты хотел позвонить этому Карлу ВЛ?

— А,— сказал Чип, уже стоя,— хотел проведать, как он там. Теперь, когда я в порядке, мне хочется убедиться, что все тоже в порядке.

— Конечно, он в порядке,— сказал Боб,— странно так думать после стольких лет.

— Просто я вдруг вспомнил про него,— сказал Чип.

Он вел себя нормально от первого сигнала до последнего, и дважды в неделю ходил на встречи с группой. Он работал над языком — Italiano, назывался этот язык,— хотя и подозревал,

что Кинг был прав, и из всей затеи ничего не выйдет. По крайней мере, это было какое-то занятие, и более осмысленно, чем играть в механические игрушки. И иногда, благодаря этому занятию, к нему подходила Лайлак и склонялась над сидящим Чипом, чтобы посмотреть на его работу, положив одну руку на кожаное покрытие крышки стола, а другую — на спинку его стула. Он мог ощущать ее запах — это не было фантазией, она действительно пахла цветами — и смотреть на ее темную щеку, шею, грудь под комбинезоном с выступающими вперед подвижными округлостями. Это были груди. Это определенно были груди.

Глава четвертая

Однажды августовской ночью, просматривая книги в поисках чего-нибудь на Italiano, Чип наткнулся на какую-то книгу на другом языке, название книги «Vers l'avenir» — было похоже на слова Italiano «verso» и «avvenire», и, очевидно, означало «Вперед к будущему». Чип открыл книгу и пролистал ее, в глаза ему бросилось «Веи Ли Чун», напечатанное сверху двадцати или тридцати страниц. Сверху других групп страниц были напечатаны другие имена — Марио Софик, А. Ф. Либман... В книге, как понял Чип было несколько отрывков из разных авторов, и два из этих отрывков действительно принадлежали Веи. Название одного из них — *Le pas prochain en avant* — Чип разобрал (*pas* очевидно означало *passo, avant — avanti*), это была глава «Следующий шаг вперед» из первой части «Живой мудрости Веи».

Когда Чип постепенно осознал ценность того, что он нашел, он застыл на месте. В этой маленькой коричневой книжке с держащимся на нескольких нитках переплете было двенадцать или пятнадцать страниц на до-Объединенческом языке, точный перевод которых ждал Чипа в ящике его ночного столика. Тысячи слов, глаголов в их запутывающих формах; вместо догадок и продвижения наощупь, как было с этими почти бесполезными отрывками на Italiano, он может постичь основу этого языка за несколько часов!

Чип ничего не сказал остальным, он положил книгу в карман и подошел к ним, набил трубку, как будто не произошло ничего необычного. В конце концов *Le pas* чего-то там *avant* могло совсем и не быть. «Следующим шагом вперед». Но нет, должно было быть.

Да, это было так. Чип понял это, как только сравнил первые несколько предложений. Он просидел в своей комнате всю ночь напролет, тщательно читая и сравнивая, водя одним пальцем по строчкам до-Объединенческого языка, а другим — по строчкам перевода. Он два раза проделал этот путь сквозь четырнадцать страниц эссе, а затем начал составлять список слов по алфавиту.

На следующую ночь он был уставший, и спал, но еще через сутки, после ухода Снежинки, он опять сидел всю ночь и работал.

Он стал ходить в музей ночами, в промежутках между обычными встречами. Там он мог курить во время работы и просматривать другие книги на Français — так назывался этот язык, что означал крочо-

чек под «С», было неизвестно — и бродить по залам с фонариком. На третьем этаже он нашел аккуратно заплатавшую в некоторых местах карту мира 1951 года, на которой Евр называлось «Европа», одной из частей которой была Франция, где говорили на Français, и где находились города со странными манящими названиями: «Париж» и «Нант», «Лион» и «Марсель».

Тем не менее, Чип ничего не говорил остальным. Он хотел поразить Кинга полностью освоенным языком и обрадовать Лайлак. На встречах он больше не работал над Italiano. Однажды во время встречи Лайлак спросила его об этом языке, и Чип честно ответил, что бросил попытки разгадать его. Она отвернулась с видом разочарования, и Чип был счастлив от сознания сюрприза, который он готовит для нее.

Ночи с субботы на воскресенье, когда он лежал рядом с Марией КК, пропадали зря, также и ночи, когда собиралась группа, хотя сейчас, когда умерла Хаш, Леопард приходил не всегда, и когда он не приходил, Чип оставался в музее прибирать, а потом еще сидел и работал.

Через три недели он мог бегло читать на Français, только время от времени попадались непонятные слова. Он нашел несколько книг на Français. Он прочел одну из них, заглавие которой в переводе значило «Убийства пурпурного серпа» и другую, «Пигмеи экваториальных лесов», и еще одну «Отец Горио».

Он дождался ночи, когда Леопард не пришел и рассказал им обо всем. Кинг сделал такое лицо, будто услышал плохие новости. Глаза его мерили Чипа с головы до ног, а лицо стало вдруг неподвижным и напряженным, постарело и помрачнело. Лайлак отреагировала так, как будто ей сделали подарок, который она давно с нетерпением ждала. «Ты читал книги на нем?» — воскликнула она. Ее глаза расширились и сияли, губы были разомкнуты. Но реакция остальных не дала Чипу того удовлетворения, на которое он надеялся. Ему было тяжело от того, что он теперь узнал.

— Три книги,— ответил он Лайлак,— и наполовину прочел четвертую.

— Это восхитительно, Чип! — воскликнула Снежинка,— почему ты держал это в секрете?

А Спэрроу сказала:

— Я не думала, что это возможно.

— Поздравляю, Чип,— сказал Кинг, вынимая трубку из рта,— это достижение, даже с помощью эссе. Ты в самом деле поставил меня на место,— он посмотрел на свою трубку, стараясь держать ее абсолютно ровно.— Что ты успел выяснить? — спросил он.— Что-нибудь интересное?

Чип посмотрел на него.

— Да,— сказал он,— многое из того, чему нас учат — правда. Были преступления и насилие, глупость и голод. На каждой двери был замок. Флаги и границы территорий были важны в жизни. Дети ждали, когда умрут их родители, чтобы унаследовать деньги. Труд и материалы разбазаривались просто фантастически.— Чип посмотрел на Лайлак и ободряюще ей улыбнулся, ее так долго ожидаемый по-

дарок разваливался.— Но кроме всего этого,— сказал он,— члены, похоже, чувствовали себя сильнее и счастливее, чем мы. Ездили, куда хотели, делали, что хотели, «зарабатывали» вещи, «владели» вещами, выбирали, все время выбирали — это как-то делало их более живыми, чем члены сейчас.

Кинг потянулся за табаком.

— Ну что ж, это как раз то, что ты и собирался найти, правда? — сказал он.

— Да, правда,— ответил Чип,— но есть еще кое-что.

— Что же? — спросила Снежинка.

Глядя на Кинга, Чип произнес:

— Хаш могла бы не умереть.

Кинг удивленно посмотрел на него, все остальные тоже.

— О чем ты говоришь? — спросил Кинг, его пальцы перестали набивать трубку.

— Ты не знаешь? — спросил его Чип.

— Нет,— сказал он,— я не понимаю.

— Что ты хочешь сказать? — спросила Лайлак.

— Ты не знаешь, Кинг? — спросил Чип.

— Нет,— сказал Кинг.— Что за... У меня нет ни малейшего представления о том, на что ты намекаешь. Как до-Объединенческие книги могли тебе сказать что-то о Хаш? И почему я должен это знать, если они и могли тебе что-то сказать?

— Жить до шестидесяти двух лет,— сказал Чип,— это не чудо, которому мы обязаны химии, генетике и унипирогам. Пигмеи экваториальных лесов, чья жизнь была трудной даже по до-Объединенческим стандартам, жили до пятидесяти пяти и шестидесяти. Член по имени Горио жил до семидесяти трех, и никто не думал, что он какой-то необычный, а это было в начале девятнадцатого века. Члены жили до восьмидесяти лет, даже до девяноста и больше!

— Это невозможно,— сказал Кинг,— тело столько не продержится: сердце, легкие...

— Книга, которую я сейчас читаю,— сказал Чип,— про членов, которые жили в 1991 году. У одного из них было искусственное сердце. Он дал деньги врачам, и они заменили его сердце искусственным.

— Что за...— сказал Кинг.— Ты уверен, что ты действительно понимаешь этот Франдаиз?

— Франк а и с,— сказал Чип.— Да, совершенно уверен. Шестьдесят два — это не долгая жизнь, это относительно короткая жизнь.

— Но тогда, когда мы у м и р а е м,— сказала Спэрроу,— п о ч е м у же, если это не тогда... когда нам надо умереть?

— Мы не умираем...— сказала Лайлак и перевела взгляд с Чипа на Кинга.

— Правильно,— сказал Чип,— нас з а с т а в л я ю т умереть. Уни заставляет. Он запрограммирован на эффективность, на эффективность во-первых, во-вторых и в последних. Он проанализировал всю информацию в своих блоках памяти — это не те милые розовые игрушки, которые вы видели, если были на экскурсии, это — уродливые стальные монстры — и решил, что шестьдесят два — оптималь-

ный возраст для смерти, лучше, чем шестьдесят один или шестьдесят три, и лучше, чем возиться с искусственными сердцами. Если шестьдесят два — не новое достижение в долгожительстве, которому мы должны радоваться — а я з н а ю, что это не т а к,— тогда это единственный ответ. Замена нам уже готова, и ждет, и вот мы уходим, на несколько месяцев раньше или позже, так что все не кажется так уж подозрительно аккуратным. На тот случай, если кто-нибудь настолько болен, что вообще может испытывать ч у в с т в о подозрения.

— Христос, Маркс, Веи! — сказала Снежинка.

— Да,— сказал Чип,— особенно Вуд и Веи.

— Кинг? — обратилась Лайлак.

— Я ошеломлен,— сказал Кинг.— Теперь я понимаю, Чип, почему ты думал, что я знаю,— и добавил, обращаясь к Снежинке и Спэрроу:— Чип знает, что я работаю в химиотерапии.

— А ты не знаешь? — спросил Чип.

— Не знаю.

— Есть яд или нет яда в лечебных блоках? — спросил Чип.— Э т о т ы д о л ж е н з н а т ь.

— Не горячись, брат, я пожилой член,— сказал Кинг.— Яда как такового нет, но почти любая составляющая инъекции могла бы вызвать смерть, если впрыснуть ее слишком много.

— А ты не знаешь, сколько каких веществ впрыскивают, когда члену исполняется шестьдесят два?

— Нет,— сказал Кинг,— лечения составляются прямыми сигналами от Уни к блокам, и их невозможно скорректировать. Я, конечно, могу с п р о с и т ь Уни, из чего состояло или будет состоять какое-то конкретное лечение, но если то, что ты говоришь — правда,— он улыбнулся,— то Уни мне солжет, не так ли?

Чип задержал дыхание, а потом выдохнул:

— Да.

— А когда член умирает,— спросила Лайлак,— симптомы какие — как при старости?

— Симптомы такие, которые, как меня учили, бывают при старости,— сказал Кинг.— С тем же успехом это могут быть симптомы чего-нибудь другого,— он посмотрел на Чипа.— Ты не нашел каких-нибудь медицинских книг на этом языке? — спросил он.

— Нет,— ответил Чип.

Кинг вынул зажигалку и большим пальцем откинул крышку.

— Это возможно,— сказал он,— это очень возможно. Никогда не приходило мне в голову. Члены живут до шестидесяти двух лет, когда-то жили меньше, когда-нибудь будут жить дольше; у нас два глаза, два уха, один нос. Установленные факты,— он щелкнул зажигалкой и поднес пламя к трубке.

— Э т о д о л ж н о б ы т ь правдой,— сказала Лайлак.— Это естественное логическое завершение мыслей Вуда и Веи. Контролировать жизнь каждого, и потом придешь к тому, что будешь контролировать и смерть каждого.

— Это ужасно,— сказала Спэрроу,— я рада, что Леопарда здесь нет. Ты можешь себе представить, как бы он себя чувствовал? Не толь-

ко Хаш, но и он сам в любой день... Мы не должны ему ничего говорить, пусть он думает, что это случится естественно.

Снежинка тусклыми глазами посмотрела на Чипа.

— Зачем ты нам-то это сказал? — спросила она.

Кинг ответил ей:

— Чтобы мы могли испытать счастливую грусть. Или это было грустное счастье, Чип?

— Я думал, вы захотите это знать, — сказал Чип.

— Почему? — спросила Снежинка. — Что мы можем сделать? Пожаловаться нашим советчикам?

— Я тебе скажу, что мы можем сделать, — сказал Чип, — вовлечь больше членов в нашу группу.

— Да! — воскликнула Лайлак.

— А где мы их найдем? — спросил Кинг. — Мы не можем просто схватить за шкуру на тротуаре какого-нибудь Карла или Марию, ты знаешь.

Чип сказал:

— Ты хочешь сказать, что на своем поручении ты не можешь сделать распечатку всех местных членов с ненормальными тенденциями?

— Только если дам Уни какой-нибудь существенный предлог для этого, иначе нет, — сказал Кинг. — Одна фальшивая нота, брат, и врачи будут обследовать меня. А это означает, если такое вдруг случится, что они снова обследуют тебя.

— Другие ненормальные есть, — сказала Спэрроу, — кто-то же пишет «Бить Уни» на задних стенах домов.

— Мы должны придумать способ, чтобы они могли найти нас, — сказал Чип. — Какой-нибудь знак.

— И что тогда? — спросил Кинг, — что мы будем делать, когда нас окажется двадцать или тридцать сильных людей? Попросим групповую экскурсию и разнесем Уни бомбой на куски?

— Такая мысль у меня была, — сказал Чип.

— Чип! — воскликнула Снежинка. Лайлак во все глаза смотрела на него.

— Во-первых, — сказал Кинг, улыбаясь. — Уни хорошо защищен, практически неприступен. А во-вторых, большинство из нас там уже были, а второго визита нам не дадут. Или мы отсюда пешком пойдем в Евр? И что мы будем делать, когда всё в мире выйдет из-под контроля — фабрики встанут, автомобили разобьются, а все сигналы перестанут звучать? — станем по-настоящему до-Объединенцами и будем за это молиться?

— Если бы мы смогли найти таких членов, которые знают компьютеры и микроволновую теорию, — сказал Чип, — членов, которые знают Уни, то может быть мы могли бы найти способ изменить его программу.

— Если бы мы могли найти таких членов, — сказал Кинг. — Если бы мы смогли привлечь их к нам. Если бы мы смогли добраться до Евр-один. Ты что, не видишь, чего ты хочешь? Ты хочешь просто невозможного, вот и всё. Вот поэтому-то я тебя и просил не

терять зря время с этими книгами. Мы не можем ничего нигде изменить. Это мир Уни, ты можешь это понять своей головой? Этот мир был передан Уни пятьдесят лет назад, и Уни будет выполнять свое поручение — расселять эту ненавистную семью по ненавистной вселенной, — и мы будем выполнять наши поручения, включая смерть в шестьдесят два года и обязательный телевизор каждый день. Вот так-то, брат: вся свобода, на которую мы можем надеяться — это трубка, шутки и немного больше траханья. Давай не терять то, чего мы достигли, хорошо?

— Но если мы найдем других...

— Спой песню, Спэрроу, — сказал Кинг.

— Я не хочу, — сказала она.

— Спой песню!

— Хорошо, спою.

Чип взглянул на Кинга, поднялся с кресла и зашагал прочь из комнаты. Он вошел в темный выставочный зал, стукнулся боком обо что-то твердое, и, ругаясь, зашагал дальше. Он отошел далеко от коридора и запасника, остановился и стал тереть лоб, качаясь взад-вперед, напрягая лодыжки, прямо перед витриной с отблескивающими драгоценностями королей и королев и немymi, темнее темного зала, стражниками. «Кинг, — сказал он, — думает, что он действительно король, братоненавистник...»

Издали донеслось пение Спэрроу и бряцание струн ее до-Объединческого инструмента. И чьи-то приближающиеся шаги.

— Чип! — это была Снежинка. Он не обернулся. Он почувствовал прикосновение к руке. — Пойдем назад, — сказала она.

— Оставь меня одного, хорошо? — ответил он. — Просто оставь меня одного на пару минут.

— Пойдем, — сказала она, — ты ведешь себя по-детски.

— Слушай, — сказал он, повернувшись к ней, — пойдй, послушай Спэрроу, а? Пойди покури трубку.

Она не сразу отозвалась, но потом сказала:

— Хорошо, — и ушла.

Чип повернулся обратно к королям и королевам, он глубоко дышал. Ушибленное бедро болело, он потерял большое место. Это просто приводило в ярость — как Кинг отменяет любую его идею, заставляет всех вести себя так, как будто он...

Она возвращалась. Он начал было говорить ей, чтобы она убиралась в драку, но одернул себя. Он вздохнул сквозь плотно сжатые зубы и обернулся.

К Чипу приближался Кинг, его седые волосы и комбинезон были чуть освещены слабым светом из коридора. Они посмотрели друг на друга, и Кинг сказал:

— Я не хотел говорить так резко.

— Как это ты не взял себе отсюда короны? — спросил Чип. — И мантии. Только медальон — это мало для до-Объединенческого короля.

Кинг помолчал несколько секунд, а потом сказал:

— Приношу свои извинения.

Чип глубоко вздохнул и задержал дыхание, потом выдохнул.

— Каждый член, которого мы привлечем в нашу группу,— сказал он,— означает новые идеи, новую информацию, возможности, о которых мы, быть может, не подумали.

— И новый риск тоже,— сказал Кинг.— Попробуй посмотреть на это с моей точки зрения.

— Не могу,— сказал Чип.— Я, скорее, вернусь к полным лечением, чем останувлюсь только на этом.

— «Только это» кажется очень милым для члена моего возраста.

— Ты на двадцать или тридцать лет ближе к шестидесяти двум, чем я, как раз тебе бы стоило захотеть изменить положение вещей.

— Если бы это было возможно, быть может, я и захотел бы перемен,— сказал Кинг.— Но химиотерапия плюс компьютеризация означают отсутствие выбора.

— Не обязательно,— сказал Чип.

— Обязательно,— сказал Кинг,— и я не хочу смотреть, как «только это» уплывает по сточной трубе. Даже то, что ты сюда приходишь ночью в промежутках между встречами,— дополнительный риск. Но не обижайся на мои слова,— он поднял руку,— я не прошу тебя бросать твои планы.

— Я и не собираюсь,— ответил Чип и добавил: — Не волнуйся, я буду осторожен.

— Хорошо,— сказал Кинг,— а мы будем продолжать осторожно искать ненормальных. Без «знаков»,— Кинг протянул руку.

Покорившись одно мгновение, Чип пожал ее.

— Теперь пойдем назад,— сказал Кинг.— Девушки расстроились.

Чип пошел вслед за ним в сторону коридора.

— Что это ты сказал насчет того, что блоки памяти — «стальные монстры»? — спросил Кинг.

— Они такие и есть,— ответил Чип.— Огромные замороженные блоки, тысячи блоков. Мой дед показал их мне, когда я был маленьким. Он помогал строить Уни.

— Братоненавистник.

— Нет, он сам был этим огорчен. Жалел об этом. Христос и Веи, если бы он был жив, это был бы прекрасный член для нашей группы!

На следующую ночь Чип сидел в комнате запасника, читая и покуривая трубку, как вдруг услышал голос Лайлак, который произнес:

— Привет, Чип! — и он увидел ее стоящей в дверном проеме с фонариком в руке.

Чип встал, не отводя от нее взгляда.

— Ничего, что я тебя оторвала? — спросила она.

— Конечно, нет, я рад тебя видеть,— сказал Чип.— Кинг здесь?

— Нет,— ответила она.

— Проходи, сказал Чип.

Она осталась стоять в дверях.

— Я хочу, чтобы ты научил меня этому языку,— сказала она.

— С удовольствием,— ответил он.— Я как раз собирался тебя спросить, нужны ли тебе списки слов. Проходи.

Он продолжал смотреть на нее, когда она входила в комнату, потом ощутил у себя в руке трубку, положил ее и подошел к куче реликвий. Нашупал ножки одного из стульев, которым они пользовались, подбросив, перевернул его сидением вверх и принес к столу. Она уже убрала фонарик в карман и сейчас смотрела на раскрытые страницы книги, которую он читал. Он поставил стул к столу, рядом со своим, отодвинув сначала свой в сторону, чтобы освободить место.

Она перевернула книгу и стала разглядывать обложку.

— Это значит «Причина страсти»,— сказал он,— что совершенно очевидно. Но обычно не так просто сразу понять смысл.

Она снова посмотрела на открытые страницы.

— Некоторые слова похожи,— сказала она.

— Так я и напал на этот язык,— ответил Чип. Его рука лежала на спинке стула, который он принес для нее.

— Я весь день сидела,— сказала она,— а ты садись. Продолжай. Он сел и вытащил сложенные списки из-под книг.

— Можешь их держать сколько хочешь,— сказал он, разворачивая списки и раскладывая их на столе.— Я их уже знаю наизусть.

Он показал ей, как группируются глаголы, следуя разным типам изменения для выражения времени и для указания на подлежащее, и как прилагательные принимают ту или иную форму, в зависимости от существительных, к которым они относятся.

— Это сложно,— сказал он,— но как только ты поймешь, что к чему, переводить очень просто.

Он перевел для нее страницу из «Причины страсти». Виктор, торговец, совладелец нескольких промышленных компаний — член, которому поставили искусственное сердце,— упрекает свою жену Каролину, что она была нелюбезна с влиятельным законодателем.

— Это очаровывает,— сказала Лайлак.

— Что меня поражает,— сказал Чип,— это то, сколько было непроизводительных членов. Все эти совладельцы и законодатели, солдаты и полицейские, банкиры, сборщики налогов...

— Они не были непроизводительными,— сказала Лайлак.— Они не производили в е щ и, но они создавали условия, позволяющие членам жить так, как они жили. Они производили с в о б о д у, или, по крайней мере, поддерживали ее.

— Да,— сказал Чип,— я думаю, что ты права.

— Я права,— сказала она и беспокойно отпрянула от стола.

Чип на мгновение задумался.

— До-Объединенческие члены,— сказал он,— плевали на эффективность — взамен свободы. А мы сделали наоборот.

— Мы так не сделали,— сказала Лайлак.— Это сделали за нас,— она повернулась к нему лицом и добавила:

— Как ты думаешь, возможно, что неизлечимые еще живы?

Он посмотрел на нее.

— Что их потомки дожили до наших дней,— продолжала она,— и у них есть... общество где-нибудь? На острове, или в каком-то месте, которое Семья не использует?

— Гм,— сказал Чип и потер лоб.— Конечно, это возможно. Члены выживали на островах до Объединения, а почему и не после?

— Я так и думаю,— сказала Лайлак, снова подходя к нему.— Со времен последних неизлечимых уже должно было смениться пять поколений...

— Измотанных болезнями и трудностями...

— Но рождающих детей, сколько и когда они хотят!

— Я не знаю, как насчет общества,— сказал он,— но колония, наверное, есть...

— Город,— сказала она.— Они были умные, они были сильные.

— Вот это мысль! — сказал Чип.

— Ведь это возможно, правда? — она склонилась над ним, положив руки на стол, с застывшим вопросом в широко раскрытых глазах, ее щеки пылали розовой смуглостью.

Чип поглядел на нее.

— Что думает Кинг? — спросил он. Она немного отодвинулась от него и сказала:

— Как будто я могу угадать.

Неожиданно она рассердилась, ее глаза взглянули зло.

— Ты ужасно вел себя с ним вчера вечером! — сказала она.

— Ужасно? Я? С ним?

— Да! — она, резко повернувшись, отпрянула от стола.— Ты допрашивал его, как будто ты... Как ты мог даже подумать, что он знает, как Уни убивает нас и не говорит нам?

— Я и сейчас думаю, что он это знал.

Она сердито повернулась к нему:

— Он не знал! — сказала она.— Он не держит секретов от меня!

— Ты что, его советчик?

— Да! — сказала она,— именно это я и есть, если хочешь знать.

— Да нет,— сказал Чип.

— Да.

— Христос и Веи,— сказал Чип.— В самом деле? Ты советчик? Уж эту классификацию я бы тебе дал в последнюю очередь. Сколько тебе лет?

— Двадцать четыре.

— И ты его советчик?

Она кивнула.

Чип расхохотался.

— Я думал, что ты работаешь в саду,— сказал он.— Ты пахнешь цветами, ты это знаешь? В самом деле.

— Я ношу их аромат.

— Но с и ш ь?

— Аромат цветов, в виде жидкости. Это называется «духи». Кинг сделал для меня.

Чип широко раскрыл глаза на нее.

— Парфюм! — сказал он, хлопнув по раскрытой книге перед ним. — Я думал, это он ей какой-то гермицид положил в ванну. Конечно! — он зашарил в списках слов, схватил ручку, зачеркнул одно слово и написал другое. — Дурак, — сказал он. — «Парфюм» значит «духи»*. Аромат цветов в жидкой форме. Как он это сделал?

— Не обвиняй его в том, что он нас обманывал.

— Хорошо, не буду, — он положил ручку.

— Все, что у нас есть, — продолжала она, — есть благодаря ему.

— Да что у нас есть? — сказал Чип. — Ничего — если только мы не используем это, чтобы достичь большего. А он, похоже, не хочет, чтобы мы пытались это сделать.

— Он более рассудительный, чем мы.

Чип смотрел на нее с расстояния в несколько метров, она наклонилась перед кучей реликвий.

— Что бы ты сделала, — спросил он, — если бы мы как-нибудь обнаружили, что город неизлечимых существует?

Ее глаза остановились на его глазах.

— Я бы пробралась туда, — сказала она.

— И питалась растениями и животными?

— Если необходимо, — она взглянула на книгу, потянулась к ней. —

Виктор и Каролина, кажется, были очень довольны обедом.

Он улыбнулся и сказал:

— Ты настоящая до-Объединенческая женщина, правда?

Она не ответила.

— Можно мне посмотреть на твои груди? — спросил он.

— Зачем?

— Мне просто интересно.

Она расстегнула верхнюю часть комбинезона и раздвинула его. Ее груди были розово-коричневыми мягкими на вид конусами, которые шевелились от ее дыхания, прямые сверху и закругленные снизу. Их верхушки, тупые и розовые, казалось, сжимались и темнели все больше и больше, пока Чип смотрел на них. Он почувствовал странное возбуждение, как будто от ласки.

— Они очень милые, — сказал он.

— Я знаю, что милые, — сказала Лайлак, застегивая комбинезон и запирая застежку. — Я еще и этим обязана Кингу. Я думала, что я самый уродливый член из всей Семьи.

— Ты?

— Пока он меня не убедил, что это не так.

— Хорошо, — сказал Чип, — ты очень многим обязана Кингу. Все мы ему многим обязаны. Зачем ты пришла ко мне?

— Я тебе уже сказала, — ответила она. — Учить язык.

— Ерунда, — сказал Чип, вставая. — Ты хочешь, чтобы я начал искать места, которыми Семья не пользуется, чтобы удостовериться, что твой «город» существует. Потому что я это сделаю, а он нет, потому что я не «рассудительный» и не старый, и не довольствуюсь подшучиванием над телевизором.

* Духи: perfume (англ.) — parfum (фр.)

Она направилась к двери, но он поймал ее за плечо и развернул к себе лицом.

— Пстой! — сказал он. Она с испугом посмотрела на него, он взял ее за подбородок и поцеловал в губы, схватил ее голову обеими руками и толкнулся языком в ее сжатые зубы. Она уперлась руками ему в грудь и мотнула головой. Он подумал, что она перестанет сопротивляться, сдастся и примет поцелуй, но ошибся, она продолжала бороться с нарастающим напором, и, наконец, он отпустил ее, и она, оттолкнувшись от него, отскочила.

— Это — это уж а с н о! — сказала она. — Принуждать меня! Это... со мной так никогда не обращались!

— Я люблю тебя, — сказал он.

— Посмотри на меня, я дрожу, — сказала она. — Вей Ли Чун, это так ты любишь, становись животным? Это уж а с н о!

— Человеком, — сказал он, — как ты.

— Нет, — сказала она. — Я не могу никого обидеть, схватить так кого-нибудь! — она потрогала себя за подбородок и пошевелила нижней челюстью.

— А как, по-твоему, целуют неизлечимые? — спросил он.

— Как люди, а не как животные.

— Извини, — сказал он. — Я люблю тебя.

— Хорошо, — сказала она, — я тебя тоже люблю — так, как я люблю Леопарда и Снежинку, и Спэрроу.

— Я не это имею в виду.

— А я это имею в виду, — сказала она, глядя на него. Она пошла к двери. — Не делай этого больше. Это ужасно!

— Возьмешь списки?

Она посмотрела так, будто собиралась сказать «нет», поколебалась и сказала:

— Да. Я за этим и пришла.

Он повернулся, собрал со стола списки, сложил их вместе, потом вынул «Pete Gogiot» * из стопки книг. Она подошла, и он отдал ей все.

— Я не хотел тебя обидеть, — сказал он.

— Все в порядке, — сказала она. — Только не делай этого больше.

— Я буду искать места, которые Семья не использует, — сказал он, — я просмотрю все карты в МСД и выясню, есть ли...

— Я это делала, — сказала она.

— Внимательно?

— Так внимательно, как только могла.

— Я снова это сделаю, — сказал он. — Это единственное, с чего можно начать. Миллиметр за миллиметром.

— Хорошо, — сказала она.

— Подожди секунду, я тожу ухожу.

Она подождала, пока он убрал курительные принадлежности и привел комнату в надлежащий вид, и затем они вместе вышли, прошли через выставочный зал и спустились по эскалатору.

— Город неизлечимых, — сказал он.

* Отец Горйо (фр.)

— Это возможно,— сказала она.
— В любом случае, его стоит поискать,— сказал он.
Они вышли на тротуар.
— В какую тебе сторону? — спросил он.
— На запад,— ответила она.
— Я пройду с тобой несколько кварталов.
— Нет,— сказала она.— Правда, чем дальше ты на улице, тем больше опасность, что кто-нибудь увидит, как ты не трогаешь сканеры.
— Я касаюсь рамки сканера, а в этот момент загораживаю его собой. Очень ловко.
— Нет,— сказала она.— Пожалуйста, иди своей дорогой.
— Хорошо,— сказал он.— Спокойной ночи.
— Спокойной ночи.
Он положил руку ей на плечо и поцеловал в щеку.
Она не отстранилась, она была напряжена и чего-то ждала под его рукой.
Он поцеловал ее в губы. Они были мягкие и теплые, слегка разжатые; она повернулась и пошла.
— Лайлак! — позвал он и пошел за ней.
Она обернулась и сказала:
— Нет. Пожалуйста, Чип, иди!
Он стоял в нерешительности. Вдалеке показался какой-то член, направляющийся в их сторону.
Он смотрел, как она идет, ненавидя ее, любя ее.

Глава пятая

Вечер за вечером он быстро (но не слишком быстро) съедал свой ужин, а потом ехал в Музей Семейных Достижений и изучал множество светящихся карт высотой от пола до потолка, до закрытия музея в десять перед началом вечернего телевизора. Однажды ночью он пришел в музей после последнего сигнала — шел пешком полтора часа,— но обнаружил, что карты невозможно рассмотреть при свете фонарика, их обозначения терялись в отблесках, а он не рискнул включить их внутреннюю подсветку, поскольку, как ему показалось, она была связана с освещением всего зала, а это бы означало такой скачок потребления энергии, который Уни мог бы заметить. Однажды в воскресенье он взял с собой Марию КК, отослал ее смотреть выставку «Вселенная завтрашнего дня» и три часа кряду изучал карты.

Он ничего не нашел: ни острова без города или промышленного предприятия, ни горной вершины, на которой не было бы центра космических исследований или климатологии, ни одного квадратного километра суши — или океанского дна, в крайнем случае — который бы не возделывался, на котором не было бы шахт или фабрик, или домов, или аэропортов, или парков восьмимиллиардной Семьи. Начертанные золотом слова над входом в отдел карт — «Земля — наше наследие, мы используем ее мудро и рационально» — казались правдой, настолько правдой, что даже чуть-чуть места не оставалось для хотя бы минимального общества вне Семьи.

Леопард умер, и Спэрроу пела песни. Кинг сидел молча, дергая рычаги какой-то до-Объединенческой машины, а Снежинка хотела больше секса.

Чип сказал Лайлак:

— Ничего. Совсем ничего.

— Но ведь этих маленьких колоний должно было быть поначалу тысячи,— сказала она.— Хотя одна из них должна была выжить.

— Тогда это пять членов где-нибудь в пещере,— ответил Чип.

— Пожалуйста, ищи дальше,— сказала она.— Ты не мог проверить в с е острова.

Он думал об этом в темноте, сидя в автомобиле двадцатого века, держась за рулевое колесо и двигая разными ручками и рычагами; и чем больше он думал об этом, тем менее вероятным казалось существование города или даже колонии неизлечимых. Даже если он и проглядел какую-то область на карте, может ли существовать колония без того, чтобы Уни о ней не знал? Люди оставляют следы своего существования; тысяча людей, даже сотня, поднимет температуру воздуха в районе своего обитания, загрязнит реки и ручьи своими отходами, и воздух, возможно, тоже загрязнит своими примитивными кострами. Суша и море вокруг будут полны следов их присутствия в сотне форм, возможных для обнаружения.

Так что Уни давно должен был узнать о существовании такого города, а узнав об этом — что бы он сделал? Отправил бы туда докторов и советчиков, и переносные лечебные блоки, «вылечил» бы неизлечимых и превратил их в «здоровых» членов.

Если только, конечно, они не защитили себя... Их предки оставили Семью вскоре после Объединения, когда лечения были добровольными, или чуть позже, когда они были уже обязательными, но не столь эффективны, как сейчас; конечно, некоторые из т е х неизлечимых должны были защищать свой уход силой, смертоносным оружием. Не передали ли они навыки борьбы и оружие следующим поколениям? Что может сделать Уни сегодня, в 162 году, против вооруженного, готового защищать себя общества, когда Семья не вооружена и полностью лишена чувства агрессии? Что мог он сделать пять или шесть лет назад, выявив признаки существования такого общества? Позволить ему существовать и дальше? Оставить его жителей с их «болезнями», оставить им эти несколько квадратных километров мира? Распылить над городом ЛПК? Но если оружие этого города может сбивать самолеты? Мог ли Уни решить своими стальными блоками, что цена «лечения» несоизмерима с его пользой?

До лечения Чипу оставалось два дня, и его разум был так активен, как никогда. Чип надеялся, что разум станет еще активнее. Он чувствовал, что существует что-то еще, о чем он не подумал, где-то сразу за границей его осознания.

Если Уни позволит городу быть и не станет жертвовать членами, временем и техникой для «помощи», тогда ч т о? Тогда есть ч т о - т о,

следующий шаг мысли, который надо сделать, шаг, который вытекает из предыдущего.

Он позвонил в медицентр в четверг, за день до лечения, и пожаловался на зубную боль. Ему предложили придти утром в пятницу, но Чип сказал, что в субботу он и так придет, потому что у него лечение в этот день утром, и нельзя ли ему поймать сразу двух зайцев? Это не очень сильная боль, так, небольшой зуд.

Чипу назначили придти в субботу утром, в 8.15.

Тогда он позвонил Бобу РО и сказал ему, что у него визит в зубной кабинет в субботу утром в 8.15. Не считает ли он, что будет хорошо провести тогда же и лечение? Поймать сразу двух зайцев.

— Я думаю, да,— сказал Боб РО.— Не отключайся,— и включил свой телекомп.— Ты Ли РМ...

—...Тридцать пять М 4419.

— Правильно,— сказал Боб, набирая что-то на клавиатуре.

Чип сидел с рассеянным видом.

— В субботу утром в 8.05,— сказал Боб.

— Замечательно,— сказал Чип.— Спасибо.

— Спасибо Уни,— ответил Боб.

И таким образом, у Чипа оказалось между лечениями на один день больше, чем когда бы то ни было.

Вечером в тот четверг шел дождь, и Чип сидел у себя в комнате. Он сел за стол, положил голову на руки, подперев подбородок кулаками, и принялся думать, жалея, что он не в музее и ему нельзя курить.

Если город неизлечимых существует, и Уни об этом знает, и оставляет его в покое из-за его вооруженных защитников, то... то...

То Уни не будет сообщать об этом Семье, чтобы не беспокоить ее и никоим образом не дразнить — и заложит неправильную информацию в картографическое оборудование.

Конечно же! Как могли неиспользуемые площади, если они есть, появиться на красивых картах Семьи?! «А посмотри сюда, Папа,— воскликнет ребенок, который увидит такую карту.— Почему мы не Используем Наше Наследие Мудро и Рационально?» И Папа отвечает: «Да, это странно...» Так что этот город неизлечимых назовут каким-нибудь ИНД 99999 или «Огромная Фабрика Настольных Ламп», и никому не позволят подойти к нему на пять километров. Если это остров, то его вообще не покажут на карте: его закроет голубой океан.

Так что, рассматривать карты совершенно бесполезно. Города неизлечимых могут быть тут, там, повсюду. Или — их вообще нет. Карты ничего не доказывают и не опровергают.

Быть может, это великое откровение, к которому он подготовил свой мозг — то, что это разглядывание карт было глупостью с самого начала? Что город вообще никак невозможно обнаружить, кроме как, разве что, исходить пешком всю Землю?

Бить Лайлак, с ее сумасшедшими идеями!

Нет, не Лайлак.

Бить Уни.

Полчаса Чип занимался разрешением задачи — как можно отыскать теоретически возможный город в мире, где свободно путешествовать невозможно? — но потом бросил и лег спать.

Тут он вдруг начал думать о Лайлак, о поцелуе, который она не приняла, и о поцелуе, который она разрешила, и о странном подъеме, который он испытал, когда она показала ему свои нежные выступающие груди...

В пятницу он нервничал и был на грани срыва. Вести себя нормально было непереносимо тяжело. Чипу приходилось сдерживаться весь день в Центре, и во время обеда, телевизора и собрания фотокружка. После последнего сигнала он пошел в соседнее здание, где жила Снежинка — «Ой, — сказала она, — я завтра, наверное, вообще с места сдвинуться не смогу», — а потом в Музей До-Объединения. Он кружил по залам с фонариком, неспособный отбросить свою мысль. Город может существовать, он даже может оказаться где-то рядом. Чип мельком взглянул на витрину с деньгами и на заклеенного в камере («нас двое, брат»), на замки и на камеры для плоских фотоснимков.

Было одно решение вопроса, которое казалось Чипу возможным, но для этого нужно было вовлечь в группу еще с десятков членов. Каждый из них смог бы тогда проверить карты, которые изображали немногие знакомые ему места. Сам он, например, мог бы проверить все генетические лаборатории и исследовательские центры, и те города, которые он видел или о которых рассказывали другие члены. Лайлак могла бы проверить центры советчиков и другие города... Но это займет целую вечность, и понадобится целая армия недолеченных членов. Он уже слышал, как Кинг злится.

Он взглянул на карту 1951 года, и поразился, как всегда, странным названиям и частой сети границ. Тем не менее члены могли ездить куда хотели, в большей или меньшей степени! Тонкие тени в местах прохождения линий координатной сетки двигались по карте, вслед за движениями фонарика Чипа. Если бы не движущийся фонарик, синие прямоугольники были бы абсолютно...

Синие прямоугольники...

Если это остров, то его вообще не покажут на карте: его закроет голубой океан.

И на до-Объединенческих картах тоже.

Чип не позволил себе разволноваться. Он медленно водил фонариком перед покрытой стеклом картой и считал места, где образовывались тонкие движущиеся тени. Таких мест было восемь — все на голубом фоне, в тех местах, где океан; места эти были равномерно расположены. Пять таких заплат покрывали всего один сектор координатной сетки, а три — по два сектора координат. Одна из синих прямоугольных заплат была совсем рядом с Инд, в «Бенгальском заливе» — Заливе Стабильности.

Чип положил фонарик на окантовку витрины и взялся обеими руками за края тяжелой рамы карты. Он приподнял ее, снял с крючка, опустил на пол, прислонил застекленной стороной к своему колену и снова взял фонарик.

Рама была старая, но серая бумага, заклеивающая ее сзади, казалась сравнительно новой. В нижней части этой бумаги были напечатаны буквы ЕВ.

Чип взял карту за проволоку на ее задней стороне и пронес ее через зал, вниз по эскалатору, через зал второго этажа и внес в запасник, где они всегда собирались. Включил свет, затем поднес карту к столу и осторожно положил на него стеклом вниз.

Ногтем он оторвал туго натянутую бумагу от нижней части рамы и с боков, протаскивал бумагу под проволоку и отогнул вверх, так, чтобы она не падала. В раме лежала белая картонка, плотно прибитая по краям маленькими гвоздиками.

Чип порывался в коробках с небольшими реликвиями, пока не нашел плоскогубцы, ржавые и с желтой наклейкой на одной из ручек. Плоскогубцами он вытащил гвоздики из рамы и вынул картонку, а потом еще одну, которая лежала под ней.

Обратная сторона карты была покрыта коричневыми разводами, но не повреждена, без дыр, которые могли бы оправдать заплату. Читалась бледная коричневая надпись: «Виндэм, МУЗ-2161» — какой-то ранний музейный номер.

Чип взялся за края карты и приподнял ее со стекла, перевернул и поднял над головой, против белого света с потолка. На местах всех заплат просвечивали острова: вот тут большой, «Мадагаскар», здесь группа маленьких, «Азорские». Под заплатой в Заливе Стабильности оказалась гряда из четырех маленьких островов, «Андаманские острова». Чип не помнил никаких из этих найденных под заплатами островов на картах в МСД.

Он положил карту обратно в раму, лицевой стороной вверх, оперся руками о стол и принялся смотреть на нее, усмехнулся ее до-Объединенчески странному виду, ее восьми почти невидимым прямоугольникам. «Ну, Лайлак! — подумал он. — Подожди, я тебе скажу!»

Положив верхнюю часть рамы на стопку книг и поставив под картой стоймя свой фонарик, Чип набросал на листе бумаги четыре маленьких «Андаманских острова» и линию берега «Бенгальского залива». Он скопировал названия и местоположение других островов и списал масштаб карты, который был, скорее, в «милях», чем в километрах.

Пара островов средней величины, «Фолклендские острова», были недалеко от побережья Арг («Аргентины») напротив «Санта-Клаус», который, похоже, был городом АРГ 20400. Что-то зашевелилось в памяти Чипа, когда он сделал это сопоставление, но что — он не мог вспомнить.

Он измерил Андаманские острова: три, расположенные близко друг к другу, были общей протяженностью около ста двадцати миль — что-то около двухсот километров, если Чип правильно помнил, но достаточно для нескольких городов! Самый близкий путь к этим островам лежал с другой стороны Залива Стабильности, из МОР 77122, если он и Лайлак (и Кинг? Снежинка? Стэрроу?) когда-нибудь попадут туда. Если попадут? Конечно, попадут, теперь,

когда он нашел острова. Уж как-нибудь они доберутся дотуда, должны.

Он перевернул карту в раме лицом вниз, положил обратно картонки и вдавил гвоздики обратно в отверстия — ручкой плоскогубцев, гадая, пока он производил все эти действия, почему АРГ 20400 и «Фолклендские острова» засели у него в памяти.

Он просунул бумажный задник карты обратно под проволоку — в воскресенье вечером он принесет клейкую ленту и заделает получше — и отнес карту обратно на третий этаж. Он повесил карту обратно на крючок и убедился, что оторванный задник не виден со стороны.

АРГ 20400... Недавно по телевизору показывали новую шахту для добычи цинка, которую пробивают там, может быть поэтому то место показалось ему важным? Он, конечно, никогда там не бывал...

Чип спустился на первый этаж и взял три табачных листа из-за бака с горячей водой. Принес их наверх в запасник, вынул из коробки свои курительные принадлежности, сел за стол и начал резать листья.

Могла ли быть какая-нибудь другая причина, почему острова заклеили и убрали с карт? И кто их заклеивал?

Хватит. Он устал думать. Чип расслабился — его мысль обратилась к сияющему лезвию ножа, к Хаш и Спэрроу — как они сидели и резали табак, в первый раз, когда он их увидел. Он спросил Хаш, откуда взялись семена табака, и она ответила, что были у Кинга.

И тут он вспомнил, где видел АРГ 20400 — только номер, не сам город.

Два члена в комбинезонах с красным крестом вели в Главный Медицинский центр кричащую женщину в рваном комбинезоне, поддерживая эту женщину с обеих сторон. Они держали ее за руки, и, казалось, разговаривали с ней, но она продолжала кричать — короткими резкими одинаковыми вскриками, которые отражались эхом от стен, а потом еще раз, дальше в ночь. Женщина кричала, и стены и ночь кричали с ней.

Чип подождал, пока женщина и сопровождающие ее зашли в здание, подождал еще, пока приглушенные крики, удаляясь, не затихли, а потом пересек тротуар и вошел. Он схватился за входной сканер, будто пошатнувшись, стукнул браслетом под металлической табличкой и медленно, и нормально пошел к скользящему вверх эскалатору. Он встал на него и поехал, держась за поручень. Где-то в глубине здания женщина все еще кричала, но потом перестала.

Второй этаж был освещен. Проходящий через холл член со стаканами на подносе, кивнул ему. Чип кивнул в ответ.

Третий и четвертый этаж тоже были освещены, но эскалатор на пятый этаж был неподвижен и уходил в темноту. Чип пошел вверх по ступенькам на пятый этаж, а потом на шестой.

Он прошел, освещая себе путь фонариком, по коридору шестого этажа — теперь уже быстро, — мимо дверей, в которые он заходил тогда вместе с двумя врачами, — женщиной, что называла его «младший брат», и мужчиной со шрамом на щеке, который за ним наблю-

дал. Он дошел до конца коридора, осветил фонариком дверь с табличкой 600А и «Главный Врач Отделения химиотерапии».

Он прошел через приемную в кабинет Кинга. Большой стол был не в таком беспорядке, как тогда: потертый телекомп, стопка папок, контейнер с ручками — и два пресс-папье, необычное квадратное и обычное круглое. Он поднял круглое — АРГ 20400 было написано на нем — и секунду подержал его холодную покрытую металлом тяжесть на ладони. Потом положил его обратно, рядом с фотографией молодого Кинга, улыбающегося на фоне здания Уни-Компа.

Чип зашел за стол, выдвинул центральный ящик и стал рыться в нем, пока не нашел список персонала отдела в пластиковой обложке. Он пробежал глазами колонку Иисусов, и в середине нашел Иисуса ХЛ 09Е 6290. Его классификация была 080 А, место жительства — Г 35, комната 1744.

Он секунду помедлил перед дверью, поняв неожиданно, что Лайлак может быть сейчас там, спит рядом с Кингом под его распростертой властной рукой. «Хорошо! — подумал он. — Пусть она все услышит в первую очередь!» Он открыл дверь, вошел и закрыл дверь за собой. Он направил фонарик в сторону кровати и зажег его.

Кинг был один, он спал, обняв руками свою седую голову.

Чип был рад и разочарован одновременно. Однако, рад все-таки больше. Он все скажет ей потом, подойдет к ней с торжеством, и расскажет все, что он узнал.

Он включил свет, выключил фонарик и положил его в карман. — Кинг, — позвал он.

Голова и руки в пижамных рукавах не пошевелились.

— Кинг, — позвал Чип еще раз и подошел к кровати. — Проснись, Иисус ХЛ, — добавил он.

Кинг повернулся на спину и прикрыл глаза рукой. Пальцы на руке раздвинулись, и между ними блеснул глаз.

— Я хочу поговорить с тобой, — сказал Чип.

— Что ты здесь делаешь? — спросил Кинг. — Который час?

Чип бросил взгляд на часы:

— Четыре пятьдесят.

Кинг сел, протирая глаза.

— Какая драка тут происходит? — спросил он. — Что ты здесь делаешь?

Чип взял стул от стола, придвинул его к кровати и сел. В комнате было неубрано, из мусоропровода торчал комбинезон, пятна от чая на полу.

Кинг кашлянул в кулак, потом еще раз. Он, не отнимая кулак от рта, смотрел на Чипа покрасневшими глазами; растрепанные волосы прядями прилипли к голове.

— Я хочу знать, как там на Фолклендских островах, — сказал Чип. Кинг опустил голову.

— На каких островах? — спросил он.

— Фолклендских,— ответил Чип.— На тех самых, с которых у тебя семена табака. И духи, которые ты подарил Лайлак.

— Я сделал духи,— сказал Кинг.

— А семена табака? Тоже сделал?

— Мне их дал один человек,— сказал Кинг.

— В АРГ 20400?

Помедлив мгновение, Кинг кивнул.

— Где он их достал?

— Я не знаю.

— Ты не спросил?

— Нет,— сказал Кинг,— не спросил. Почему бы тебе не вернуться сейчас туда, где ты должен быть? Можно поговорить об этом завтра вечером.

— Я не пойду сейчас никуда,— сказал Чип.— Я буду здесь, пока я не услышу правду. У меня лечение в 8.05. Если я не приду на него вовремя, все кончится — я, ты, группа. Ты перестанешь быть королем.

— Ты, братоненавистник,— сказал Кинг,— убирайся отсюда.

— Я не уйду,— ответил Чип.

— Я сказал тебе правду.

— Я не верю.

— Тогда иди сам себя бить,— сказал Кинг и повернулся на живот.

Чип остался на месте. Он смотрел на Кинга и ждал.

Через несколько минут Кинг повернулся к нему лицом, сел. Откинул одеяло и поставил босые ноги на пол. Обими руками он потер колени.

— Американуева,— сказал он,— а не Фолклендские. Они приплывают на берег и торгуют. Твари с волосатыми лицами, в грубой материи и в коже,— он взглянул на Чипа.— Болезненные отвратительные дикари, которые говорят так, что с трудом можно понять.

— Они существуют, они выжили.

— Это все, что они сделали. Их руки как деревянные от работы. Они воруют друг у друга и голодают.

— Но они не вернулись в Семью.

— Они бы снова убежали, если бы вернулись,— сказал Кинг.— У них до сих пор есть религия. И они пьют алкоголь.

— Сколько они живут? — спросил Чип.

Кинг промолчал.

— Больше шестидесяти двух? — спросил Чип.

Глаза Кинга холодно сощурились.

— Чего такого волшебного в жизни,— сказал он,— что ее нужно продлевать вечно? Чего такого прекрасного в жизни тут или там, что шестидесяти двух лет не достаточно — взамен постоянных драк? Да, они живут больше шестидесяти двух. Один из них заявил, что ему восемьдесят, и, взглянув на него, я поверил. Но они умирают и м о л о ж е, в тридцать лет, даже после двадцати — от работы, от отвратительной еды и защищая свои деньги.

— Это только одна группа островов,— сказал Чип,— а есть еще семь других.

— Они все должны быть такими же,— сказал Кинг.

— Откуда ты знаешь?

— А как они могут быть другими? — спросил Кинг.— Христос и Веи, если бы я думал, что хотя бы получеловеческое существование возможно, я бы что-нибудь сказал!

— Ты все равно должен был что-нибудь сказать,— возразил Чип.— Острова есть прямо здесь, в Заливе Стабильности. Леопард и Хаш могли бы добраться до них и жить дальше.

— Они бы погибли.

— Тогда ты должен был дать им выбор, где умереть,— сказал Чип.— Ты же не Уни.

Он встал и поставил стул обратно к столу. Потом взглянул на экран телефона, перегнулся через стол и взял карточку с номером советчика, заткнутую за край экрана: Анна СГ 38П 2823.

— Ты хочешь сказать, что не знаешь ее номер? — спросил Кинг. Что вы делаете, встречаетесь в темноте? Ты уже нашел способ, как уходить от ее крайностей?

Чип положил карточку в карман.

— Мы вовсе не встречаемся,— сказал он.

— Ну, рассказывай,— сказал Кинг,— я вижу, что происходит. Ты думаешь я что, совсем уже мертвец?

— Ничего не происходит,— сказал Чип.— Она один раз приходила в музей, я дал ей списки слов на Франкаисе, вот и все.

— Могу себе представить,— сказал Кинг.— Убирайся отсюда, ладно? Мне нужно спать,— он снова лег на кровать, закрыл ноги одеялом и натянул одеяло на грудь.

— Ничего не происходит,— сказал Чип.— Она чувствует, что слишком многим тебе обязана.

Не открывая глаз, Кинг произнес:

— Но скоро мы примем меры в этом направлении, не так ли?

Чип не сразу ответил:

— Ты должен был сказать нам. Про Американуеву.

— Американуеву,— сказал Кинг, а потом замолчал и ничего больше не произнес. Он лежал с закрытыми глазами, его грудь под одеялом поднималась и опускалась.

Чип подошел к двери и выключил свет.

— Увидимся завтра вечером,— сказал он.

— Я надеюсь, вы туда попадете,— сказал Кинг.— На Американуеву. Вы этого заслуживаете.

Чип открыл дверь и вышел.

Язвительность Кинга огорчила Чипа, но когда он прошелся несколько минут пешком, к нему вернулось веселое настроение и оптимизм, Чип почувствовал вдохновение от результатов этой ночи особенно ясного сознания. В его правом кармане похрустывала карта Залива Стабильности и Андаманских островов, названия и местоположение других бастионов неизлечимых, и карточка с напечатанным красным шрифтом номером Лайлак. Христос, Маркс и Веи, на что он был бы способен, если бы совсем не было лечений?

Он вынул из кармана карточку и прочел ее на ходу. «Анна СГ 38П 2823». Он позвонит ей после первого сигнала и договорится о встрече в свободное время, сегодня вечером. Анна СГ. Нет, не Анна, она — Лайлак: ароматная, нежная, красивая. (Кто выбрал такое имя: она или Кинг? Невероятно! Этот драчун думал, что они встречаются и трахаются. Если бы). Тридцать восемь П, двадцать восемь, двадцать три. Некоторое время он шел в ритме ее номера, (Который мысленно повторял), но потом понял, что он идет слишком быстро, и замедлил шаг, снова положил карточку в карман.

Он придет к себе до первого сигнала, примет душ, переоденется, позвонит Лайлак, позавтракает (он проголодался), потом получит в 8.05 свое лечение и пойдет к зубному в 8.15 («Сегодня намного лучше, сестра. Боль почти совсем прошла»). Лечение одурманит, в драку его, но не настолько, что он не сможет рассказать Лайлак про Андаманские острова и начать придумывать с ней — и со Снежинкой, и со Спэрроу, если они захотят — как можно попробовать туда попасть. Снежинка, возможно, решит остаться. Он надеялся на это, это бы очень все упростило. Да, Снежинка могла бы остаться с Кингом, смеяться и курить, и трахаться с ним, и играть в эту механическую игру с подбрасыванием мячика. А они с Лайлак ушли бы на острова.

Анна СГ, тридцать восемь П, двадцать восемь, двадцать три...

Чип подошел к зданию в 6.22. Два рано проснувшихся члена шли по его коридору, одна голая, одна одетая. Он улыбнулся и сказал: «Доброе утро, сестры».

Он вошел в свою комнату, зажег свет и увидел лежащего на его постели Боба РО, который приподнялся на локтях и, мигая, посмотрел на Чипа. Его телекомп, открытый, лежал на полу, сверкая голубыми и янтарными огоньками.

Глава шестая

Чип закрыл за собой дверь.

Боб спустил ноги с кровати и сел, с беспокойством глядя на него. Комбинезон у Боба был немного расстегнут на груди.

— Где ты был, Ли? — спросил он.

— В комнате отдыха, — сказал Чип. — Я туда зашел после фотокружка — забыл там ручку, — и неожиданно почувствовал себя очень усталым. Наверно, потому что вчера не получил лечения, я думаю. Я сел отдохнуть и, — он улыбнулся, — вот уже и утро.

Боб продолжал смотреть на него с беспокойством. Покачал головой.

— Я смотрел в комнате отдыха, — сказал он. — И в комнате у Марии КК, и в спортзале, и на дне бассейна.

— Ты, наверное, меня не заметил, — сказал Чип, — я был в углу, за...

— Я смотрел в комнате отдыха, Ли, — сказал Боб. Он застегнул комбинезон и с отчаянием покачал головой.

Чип отошел от двери, медленно обогнул Боба, направляясь в ванную.

— Мне нужно в туалет,— сказал он.

Он вошел в ванную, расстегнул комбинезон и помочился, пытаясь отыскать в себе ту ясность разума, которая была у него до этого, пытаясь найти объяснение, которое удовлетворило бы Боба или показало бы, в худшем случае, только единичным отклонением, только в эту ночь. В любом случае, почему Боб пришел сюда? Сколько времени он здесь?

— Я позвонил в одиннадцать тридцать,— сказал Боб,— и никто не ответил. Где ты был с того момента до сих пор?

Чип застегнул комбинезон.

— Гулял,— сказал он громко, чтобы Боб услышал.

— Не дотрагиваясь до сканеров? — спросил Боб.

Христос и Веи!

— Я, наверное, забыл,— сказал он, включил воду и вымыл руки.— Это все из-за зубной боли.— Стало хуже. Полголовы болит,— он вытер руки, видя в зеркало, что Боб на кровати смотрит на него.— Не мог заснуть и вышел пройтись. Я сказал про эту комнату отдыха, потому, что знаю, мне нужно было идти прямо в...

— Я тоже не мог заснуть,— сказал Боб,— от этой твоей «зубной боли». Я тебя видел во время телевизора, у тебя был напряженный и ненормальный вид. Так что я позвонил дежурному по записи к дантистам. Тебе предложили прийти в пятницу, но ты сказал, что у тебя лечение в субботу.

Чип повесил полотенце, повернулся и остановился в дверях, глядя на Боба.

Прозвучал первый сигнал, заиграла «Одна Могучая Семья».

Боб сказал:

— Это все была игра, правда, Ли? Сбой ритма прошлой весной, сонливость, передозировка лекарств?

Через секунду Чип кивнул.

— Ой, брат,— сказал Боб,— что ты делаешь?

Чип не ответил.

— Ой, брат,— опять сказал Боб, нагнулся и выключил телекомп. Закрыв крышку и захлопнул замки.— Ты простишь меня? — Он поставил телекомп на торец, и с обеих сторон двумя руками стал придерживать ручку, чтобы она стояла стоймя.— Я тебе скажу одну смешную вещь... Во мне есть тщеславие. Есть. Точнее, было. Я думал, что я один из двух-трех самых лучших советчиков во всем доме. Да в каком там доме, драка, в городе! Бдительный, внимательный, чувствительный... «Приходит грубое прозрение»,— Бобу удалось уставить ручку вертикально, потом со стуком опустил ее и сухо улыбнулся Чипу.— Ты не единственный больной, если это может утешить.

— Я не болен, Боб,— сказал Чип.— Я здоровее, чем когда-нибудь был в жизни.

Боб сказал, по-прежнему улыбаясь:

— Это, как будто, противоречит очевидности, не правда ли? — он поднял с пола телекомп и встал.

— Ты не можешь видеть очевидного,— сказал Чип,— ты одурманен своими лечениями.

Боб кивком велел следовать за собой и направился к двери.

— Пойдем! Пойдем, приведем тебя в порядок.

Чип остался, где стоял. Боб открыл дверь, оглянулся.

— Я абсолютно здоров,— сказал Чип.

Боб дружески протянул руку.

— Пойдем!

Он взял Чипа за локоть, они вышли в коридор. Двери уже были открыты, члены тихо разговаривали, шли куда-то. Четверо или пятеро стояли возле доски объявлений.

— Боб,— сказал Чип,— я хочу, чтобы ты выслушал меня.

— Я всегда слушаю, ведь правда? — ответил Боб.

— Я хочу, чтобы ты попробовал раскрыть свое сознание,— сказал Чип,— потому что ты не глупый, ты умный, и у тебя доброе сердце и ты готов помочь мне.

Мэри КК сошла им навстречу с эскалатора, перед собой держала стопку покрывал с брусом мыла сверху. Парням улыбнулась, сказала: «Привет», а Чипу в отдельности:

— Ты где был?

— В комнате отдыха,— объяснил Боб.

— Среди ночи? — не поняла Мэри.

Чип кивнул, Боб сказал: «Да, они пошли на эскалатор. Боб придерживал Чипа за локоть.

Они поехали вниз.

— Я понимаю, ты уверен, что твой мозг уже открыт,— сказал Чип.— Но если бы ты попытался приоткрыть его чуть больше, послушать меня и подумать пару минут?

— Хорошо, Ли, я готов,— ответил Боб.

— Боб, мы не свободны. Никто из нас не свободен. Ни один человек, никто из членов Семьи!

— Как могу я считать, что ты здоров, если ты прешь такое? Естественно, мы свободны. Мы свободны от войны, голода, преступности, насилия, агрессивности, себялю...

— Да-да, мы свободны от многого,— сказал Чип,— но мы не свободны, чтобы творить. Ты этого не видишь? Быть «свободными от» не имеет ничего общего с быть свободными вообще.

Боб пробурчал непонимающе:

— Быть свободными творить? Что?

Они соспустили с эскалатора, обогнули его по направлению к следующему.

— Быть свободными выбирать собственную классификацию,— сказал Чип,— иметь детей, когда желаем, идти, куда желаем, и делать то, что желаем, даже отказываться от лечения, когда не хотим принимать....

Боб промолчал.

Они ступили на движущиеся ступени эскалатора.

— Лечение в самом деле нас затормаживает, Боб,— сказал Чип,— я знаю это по своему опыту. В них есть такие вещества, кото-

рые «нас делают послушными, нас делают хорошими», как в этом стишке, помнишь? Меня уже полгода недолечивают,— прозвучал второй сигнал,— и я более проснувшийся и живой, чем когда-либо. Я думаю яснее и чувствую глубже. Я трахаюсь четыре или пять раз в неделю, ты можешь в это поверить?

— Нет,— сказал Боб, глядя на свой телекомп, едущий на поручне эскалатора.

— Это правда,— сказал Чип.— Теперь ты уверен больше, чем когда-либо, что я сейчас болен, правда? Клянусь Любовью Семьи, я не болен. Есть другие члены, такие же, как я, тысячи, может быть, миллионы. Есть острова по всему миру, может, города на материке тоже — они шли к следующему эскалатору,— где люди живут в настоящей свободе. У меня есть список этих островов, здесь, в кармане. Их нет на картах, потому что Уни не хочет, чтобы мы знали о них, потому что они обороняются от Семьи, и люди там не хотят покориться, чтобы их лечили. Ты ведь хочешь помочь мне, правда? Действительно хочешь?

Еще один эскалатор вырос перед ними. Боб хмуро смотрел на Чипа.

— Христос и Веи,— сказал он.— Разве ты можешь сомневаться в этом, брат?

— Тогда, хорошо,— сказал Чип,— вот что я хочу, чтобы ты сделал для меня: когда мы придем в лечебный кабинет, скажи Уни, что я в порядке, что я заснул в комнате отдыха, так, как я тебе сказал. Не сообщай ничего о том, что я не дотрагивался до сканеров, или что я придумал эту зубную боль. Пусть мне дадут такое лечение, которое я должен был получить вчера, хорошо?

— И это тебе поможет? — спросил Боб.

— Да,— ответил Чип.— Я знаю, что ты так не думаешь, но я прошу тебя, как брата и как друга — уважать то, что я думаю и чувствую. Я как-нибудь проберусь на какой-нибудь из тех островов и не причиню никакого вреда Семье. То, что Семья дала мне, я вернул моей работой, и, кроме того, я не просил ничего, у меня не было выбора принимать или нет то, что дает Семья.

Они шли к следующему эскалатору.

— Хорошо,— сказал Боб, когда они поехали дальше вниз,— я выслушал тебя, Ли, теперь ты выслушай меня,— его рука на предплечье Чипа немножко сжалась.— Ты очень, очень болен, и это полностью моя вина, и я себя чувствую несчастным из-за этого. Нет никаких островов, которых нет на картах, и лечения нас не затормаживают, и если бы у нас была такая «свобода», о которой ты думаешь, у нас был бы беспорядок, и перенаселение, и нужда, и преступления, и война. Да, я собираюсь помочь тебе, брат. Я скажу Уни все, тебя вылечат, и ты будешь мне благодарен.

«Третий этаж — Медицентр», гласила табличка у следующего эскалатора. Член в комбинезоне с красным крестом ехал по эскалатору вверх, им навстречу, он улыбнулся и сказал:

— Доброе утро, Боб.

Боб кивнул ему.

— Я не хочу, чтобы меня вылечили,— сказал Чип.

— Это доказывает, что тебя надо лечить,— сказал Боб,— успокойся и поверь мне, Ли. Да нет, зачем верить мне? Поверь Уни, хорошо? Поверь тем членам, которые запрограммировали Уни.

Через секунду Чип сказал:

— Хорошо, поверю.

— Я чувствую себя ужасно,— сказал Боб, и тут Чип, резко повернувшись к нему, обеими руками толкнул Боба в спину. Чтобы самому удержать равновесие, он схватился за поручень, слыша, как Боб громыкает по ступенькам и звякает его телекомп, и перелез на плывущую вверх полосу между эскалаторами. Она остановилась, как только Чип оказался на ней. Он дернулся к поручню едущего вверх эскалатора, схватился за поручень и перебросил свое тело вниз, брякнувшись коленями на жесткий металл ступенек. Мгновенно вскочил на ноги. «Остановите его!» — закричал Боб снизу и побежал по ползущим вверх ступеням, перескакивая через две. Член с красным крестом наверху эскалатора обернулся: «Что вы...», Чип схватил его за плечи — пожилого члена с выпученными глазами — и оттолкнул в сторону.

Он побежал по коридору. «Остановите его!» — закричал еще кто-то, другие члены тоже закричали: «Поймайте его!», «Он болен, остановите!»

Впереди была столовая, стоявшие в очереди члены обернулись на крики. Чип закричал: «Держите его, на бегу указывая куда-то рукой. — Остановите! — и мчался мимо очереди вглубь столовой. Протискиваясь в дверь, он благополучно миновал сканер. Крикнул:

— Больному члену нужна помощь! Помогите!

Он на ходу окинул взглядом зал и побежал в секцию раздачи пищи. Приостановился, пошел быстрым шагом, пытаясь успокоить дыхание, мимо членов, укладывающих стопки пирогов между вертикальными рельсами и тех, что насыпали чайный порошок в стальные барабаны. Навстречу попалась тележка, нагруженная коробками с надписью «Салфетки», он развернул ее и стал толкать перед собой обогнув двух членов, которые ели стоя, и еще двух — они собирали рассыпавшиеся по полу пироги.

Чип продвигался к двери с надписью «Выход» на одну из угловых лестничных клеток. Слыша за своей спиной возбужденные голоса, он толкнул тележкой дверь, распахнул ее и выкатился вместе с тележкой на площадку. Закрыл дверь и подпер тележкой, отступил на две ступеньки и рванул тележку на себя, зажав между дверью и перилами. Черное колесо тележки повисло над лестничным пролетом, продолжая вращаться.

Чип побежал по ступенькам вниз.

Ему надо выбраться наружу, на тротуары и площади. Он пойдет в музей — тот, должно быть, еще закрыт — и спрячется в запаснике или за баком горячей воды. А завтра вечером туда придет Лайлак со своими друзьями. Надо было подобрать несколько пирогов. Почему он не сообразил? Драка!

Он добрался до первого этажа и быстро пошел по коридору,

кивнул встречной женщине-члену, та взглянула на его ноги и с беспокойством закусил губу. Он проследил за ее взглядом и остановился как вкопанный: комбинезон на коленях был разодран, на правом колене ссадина, капельки крови.

— Вам помочь? — спросила женщина-член.

— Я иду в медцентр, — ответил Чип, — спасибо, сестра. — Он пошел дальше. Ничего не поделаешь, придется положиться на удачу. Когда он выберется на улицу и отойдет подальше от здания, то обвяжет коленку носовым платком и как-нибудь пригласит комбинезон. Теперь, когда он знал, что колено содрано, оно начало ныть. Чип пошел быстрее.

Он свернул за угол, вышел в заднюю часть холла, и приостановился, глядя на эскалаторы, плывущие вниз и вверх по обе стороны от него, на дверь из четырех стеклянных створок, со сканером — далеко перед собой, в противоположном конце холла; на солнечный тротуар за дверьми. Члены, разговаривая, входили и выходили — все как обычно, голоса негромкие, встревоженные.

Чип направился к дверям, стараясь глядеть только прямо перед собой. Он проделает свой обычный трюк со сканером — колено будет поводом для хромоты, если кто-то обратит внимание. И как только он выберется наружу...

Тут музыка прекратилась, и женский голос из динамика произнес:

— Приносим извинения. Всех просим минуту оставаться на своих местах. Пожалуйста.

Чип остановился посреди холла.

И все остановились чего-то ожидая и вопросительно переглядываясь. Только эскалаторы продолжали движение, но потом и они остановились. Один член — женщина — пошла вниз по ступеням. «Не двигайся!» — крикнули ей разом несколько членов, она покраснела и остановилась.

Чип глядел на огромные витражи: бородатые Христос и Маркс, лысый Вуд, улыбающийся узкоглазый Веи. Что-то скатилось по его колену. Нагнулся — капля крови.

— Братья и сестры, — произнес женский голос из динамика. — Произошло чрезвычайное происшествие. В здании находится член, который болен, очень болен. Он агрессивен, убежал от своего советчика. — Ее слушали затаив дыхание. — Ему нужна помощь всех нас, его надо найти и как можно скорее доставить в лечебный кабинет.

— Ну и ну! — сказал чей-то голос за спиной Чипа, а другой спросил:

— Где же его искать?

— Очевидно, он находится не выше четвертого этажа, — продолжала женщина в динамике, — ему двадцать семь лет... — внезапно подключился другой, мужской голос — быстрый и неразборчивый. Он был обращен к дикторше. Чип поймал на себе взгляд впереди стоявшего члена, стал равнодушно рассматривать портрет Вуда. Между тем женщина говорила. — Возможно, он попытается покинуть

вание. Просим членов, находящихся поблизости выходов, срочно перекрыть их. Остальные не двигаются! Только два члена, ближайшие к выходам!

Члены возле дверей переглянулись, двое из них двинулись к выходу и неловко встали по обе стороны рядом со сканерами. «Это ужасно!» — сказал кто-то. Член, который только что рассматривал коленку Чипа, теперь смотрел на его лицо. В ответ Чип взглянул на него — мужчина лет сорока, Чип ответил взгляд.

— Член, которого мы ищем, — сказал женский голос, — мужчина, 27 лет, номер Ли РМ 35М 4419. Повторяю, Ли РМ 35М 4419. Сначала мы проверим каждого из вас внизу, затем будем искать на этажах. Секундочку, секундочку, пожалуйста, УниКомп говорит, что этот член — единственный Ли РМ в здании, так что необязательно помнить его номер. Нам нужно искать только Ли РМ. Ли РМ. Посмотрите на браслеты окружающих вас членов. Мы ищем Ли РМ. Удостоверьтесь, что каждого члена в вашем поле зрения проверил хотя бы один другой член. Члены, находящиеся сейчас в комнатах, выйдите, пожалуйста, в коридор. Ли РМ. Мы ищем Ли РМ.

Чип повернулся к ближайшему члену, взял его за руку и посмотрел на его браслет. «Покажи мне свой», — сказал тот. Чип на мгновение поднял запястье и двинулся к другому. «Я не видел», — запротестовал член. Чип будто не слышал его, шел к дверям. Первый член со словами: «Брат, я не видел», — тронул его за плечо.

Чип побежал. Кто-то схватил его сзади, кажется, тот член, что смотрел на его разбитое колено. Чип обернулся и ударом кулака в лицо свалил его с ног.

«Это он!» «Вот он!», «Помогите ему!» «Остановите его!» — разом закричали все члены.

Чип добежал до двери, и ударом кулака отшвырнул одного члена, загоротившего дорогу, но другой схватил его за руку, повторяя в самое ухо: подоспели и прочие преследователи, повисли на Чипе со всех сторон.

— Мы ищем Ли РМ, — произнес на этот раз — мужской голос из репродуктора. — Он может повести себя агрессивно. Когда мы найдем его, мы не должны бояться. Он нуждается в нашей помощи и в нашем сочувствии.

— Отпустите меня! — закричал Чип, пытаясь вырваться из рук, крепко державших его.

— Помогите ему! — в ответ закричали члены. — Несите его в лечебный кабинет! Помогите ему!

— Оставьте меня! — умолял Чип. — Я не хочу, чтобы мне помогали! Оставьте меня в покое, братоненавистники!

Его тащили вверх по ступеням эскалатора запыхавшиеся и дрожащие члены. У одного на глазах стояли слезы:

— Ничего, ничего, — жалобно повторял он, — мы тебе поможем. Тебя вылечат, мы тебе поможем.

Чип пытался брыкаться, но его ноги тоже крепко держали.

— Я не хочу вашей помощи! — кричал он. — Я хочу, чтобы меня оставили в покое! Я здоров! Я здоров! Я не болен!

Его протащили мимо членов, которые стояли, заткнув руками уши и следя за происходившим напряженными взглядами.

— Ты болен, — сказал Чип члену, которого ударил в лицо. У того из распухшего носа текла кровь. Он крепко сжимал руку Чипа. — Ты заторможен и одурманен, — твердил Чип. — Ты мертв. Ты мертвый человек. Ты мертв!

— Тс-с, мы любим тебя, мы поможем тебе, — ответил тот, с разбитым носом.

— Христос и Вей, отпустите меня!

Его втащили еще на несколько ступенек.

— Он обнаружен, — сказал мужской голос из репродуктора. — Ли РМ найден, члены. Его несут в медицентр. Чрезвычайная ситуация прекратилась, братья и сестры, вы можете продолжать свои занятия. Спасибо вам, спасибо за помощь и сотрудничество. Спасибо от имени Семьи, спасибо от имени Ли РМ.

Его тащили по коридору медицентра.

Снова раздалась музыка. С середины оборванной мелодии.

— Вы мертвецы, — сказал Чип. — Вся Семья мертва. Уни жив, только Уни. Но есть острова, где живут люди! Посмотрите на карту! Посмотрите на карту в Музее До-Объединения!

Его втащили в лечебный кабинет. Там был Боб, бледный и потный, с кровоточащим порезом над бровью, он барабанил по клавишам телекомпа, который держала перед ним девушка в синем халате.

— Боб, — прохрипел Чип, — сделай мне одолжение... Взгляни на карту в Музее До-Объединения. Взгляни на карту 1951 года!

Но его протащили в комнату с синим освещением. Он уперся было в край лечебного блока, но ему насильно втолкнули руку внутрь. Рукав рубашки разорвался, рука вошла в блок по плечо.

Кто-то утешающе погладил его по щеке — это был Боб, он дрожал.

— Ты будешь в порядке, Ли, — сказал он. — Верь Уни, — струйки крови текли по лицу из пореза.

Сканер поймал браслет Чипа, руки коснулся инъекционный диск. Чип сжал веки. «Я не позволю сделать себя мертвым! — медленно твердил он. — Я не позволю сделать себя мертвым! Я буду помнить про острова, я буду помнить Лайлак! Я не позволю сделать себя мертвым, я не позволю сделать себя мертвым!»

Он открыл глаза, и Боб улыбнулся ему. Над его бровью была полоска пластыря телесного цвета.

— Они сказали в три часа, и точно — в три! — сказал Боб.

— Что ты имеешь в виду? — не понял Чип. Он лежал на кровати, его советчик сидел рядом.

— Доктора сказали, что ты в это время проснешься, — ответил Боб. — В три часа. Не два пятьдесят девять, не в три с минутой, а ровно в три! Так оно и есть.

— Где я? — спросил Чип.

— В Главном Медцентре.

И тогда он вспомнил — вспомнил то, что думал и говорил, и, самое худшее — то, что делал.

— О, Христос... — прошептал он. — О, Маркс. О, Христос и Вей...

— Ничего, Ли, — тронул его за плечо Боб.

— Боб, — продолжал Чип, — о, Христос и Вей, Боб, я... я столкнул тебя вниз с...

— ... эскалатора, — подсказал Боб. — Да, брат. Это был редкий момент моей жизни, но, тем не менее, все в порядке. — Он коснулся пластыря над бровью. — Все затянулось, и все хорошо, а дня через два заживет.

— Я ударил члена! Собственной рукой!

— С ним тоже все в порядке, — сказал Боб. — Две от него, — он кивнул на красные розы в вазе, что стояла на столе, — две — от Марии КК, а две — от членов из твоего отдела.

Чип посмотрел на розы. Их ему прислали члены, которых он ударил, которым врал, которых предавал, и на глаза навернулись слезы.

— Ну, ничего, ничего... — пробормотал Боб.

Но Христос и Вей, он думает только о себе!

— Послушай, Боб, — начал Чип, приподнимаясь на локте и загоразживаясь от света ладонью, — ведь есть...

— Ничего, ничего... — продолжал успокаивать его советчик.

— Боб, есть другие!.. Они так же больны, как я был только что болен... Надо найти и помочь им...

— Мы знаем...

— Есть член по имени «Лайлак», Анна СГ 38П 2823, и еще один...

— Мы знаем, мы знаем, — кивал головой Боб. — Им уже помогли. Им всем помогли...

— Помогли?..

— Тебя расспросили, пока ты был без сознания, — объяснил Боб. — Сегодня понедельник. Прошел день. Их уже нашли, и помогли им. Анна СГ, и еще одна, которую ты называл Снежинкой — Анна ПЮ и Йин ГУ — Спэрроу.

— И Кинг... — сказал Боб, мотнув головой, — нет, мы опоздали. Этот... он мертв.

— Мертв?..

— Он повесился, — ответил Боб. Чип с ужасом смотрел на него. Боб добавил. — В душевой... разорвал одеяло...

— О, Христос и Вей! — Чип откинулся на подушку. Болезнь, болезнь, болезнь, и он тоже был болен...

— Но все другие в полном порядке, — сказал Боб, похлопав Чипа по руке. — И ты тоже будешь в порядке. Ты поедешь в реабилитационный центр, брат. У тебя будет недельный отпуск. Может быть, даже больше.

— Мне так стыдно, Боб... Так ненавистно стыдно...

— Ничего, ничего, — успокаивал Боб. — Тебе же ведь не было бы

стыдно, если б ты поскользнулся и сломал лодыжку, правда? Это то же самое. Мне должно быть стыдно, если уж кому-то нужно стыдиться...

— Я лгал тебе!

— Я позволил себе лгать... Послушай, никто в самом деле ни за что не отвечает. Ты это скоро поймешь.— Он нагнулся, поднял с пола вешевой мешок и положил себе на колени, заглянул.— Это все твое... Посмотри, не забыл ли я чего-нибудь. Зубная щетка, скрепки, фотографии, записные книжки, рисунок лошади, твои...

— Он больной,— сказал Чип,— я не хочу его. Выброси его.

— Рисунок?

— Да.

Боб достал рисунок из мешка и взглянул на него.

— Хорошо нарисовано,— сказал он,— он не точен, но... чем-то хорошо.

— Он больной,— сказал Чип,— его нарисовал больной член. Выброси его.

— Как скажешь...— Боб положил мешок на кровать, встал, прошел в другой конец комнаты, открыл мусоропровод и бросил туда картинку.

— Есть острова, где живут больные члены...— сказал Чип,— по всему миру...

— Я знаю,— ты сказал нам об этом...

— Почему мы не можем им помочь?

— Этого я не знаю,— ответил Боб,— но Уни знает. Я тебе уже говорил, ЛИ — верь Уни!

— Я буду! — сказал Чип.— Я буду...— и слезы опять полились у него из глаз.

В комнату вошел член в комбинезоне с красным крестом.

— Как мы себя чувствуем? — спросил он.

— Он в неважном состоянии,— ответил Боб.

— Этого следовало ожидать. Не беспокойся, мы его поднимем на ноги.— Член подошел к Чипу и взял за запястье.

— Ли, мне надо идти,— сказал Чипу Боб.

— Хорошо...

Боб поцеловал Чипа в щеку.

— На случай, если тебя не пришлют сюда обратно, до свидания, брат...

— Спасибо, Боб,— сказал Чип.— Спасибо. Спасибо за все.

— Спасибо Уни,— ответил Боб, потрепал Чипа по руке и улыбнулся. Кивнул члену с красным крестом и вышел.

Член вынул из кармана пневмо-шприц, снял с него чехол.

— Ты будешь чувствовать себя абсолютно нормально очень скоро,— сказал он.

Чип лежал неподвижно с закрытыми глазами, вытирая одной рукой слезы, пока врач закатывал рукав на его другой руке.

— Я был так болен,— сказал Чип.— Я был так болен...

— Тс-с, не думай об этом,— ответил член, осторожно делая укол.— Тут не о чем думать. Ты очень скоро поправишься.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

БЕГСТВО

Глава первая

Старые города разрушили, новые города построили. В новых городах здания были выше, площади шире, парки больше, монорельсовые вагоны бежали в них быстрее, но ходили реже.

Запустили еще два космических корабля, к Сириусу Б и к 61-ой Лебеда. Колонии на Марсе, вновь заселенные и тщательно охраняемые от вымирания, после того случая в 152 году, расширились каждый день; также расширились и колонии на Венере и на Луне, и форпосты на Титане и на Меркурии.

Час свободного времени увеличили на пять минут. Телекомпы с вводом информации с клавиатуры стали заменять на телекомпы, воспринимающие информацию с голоса, а унипирогии приобрели приятный привкус. Продолжительность жизни возросла до 62,4 лет.

Члены работали и ели, смотрели телевизор и спали. Они пели, ходили в музеи и гуляли в садах развлечений.

В двухсотлетний юбилей Веи во время парада в одном из новых городов огромное знамя с портретом улыбающегося Веи нес на высоком флагштоке член тридцати или около того лет, правый глаз у него был зеленый, а не карий. Когда-то давно этот член болел, но теперь он был в полном порядке. У него было поручение, комната, подружка и советчик. Он был спокоен и доволен.

Во время парада случилась странная вещь. Когда этот член маршировал, улыбаясь, с флагштоком в руках, в его голове сам собой начал звучать номер: Анна СГ, тридцать восемь П, двадцать восемь, двадцать три. Номер все повторялся и повторялся, сам собой, в такт маршу. Член гадал, чей это может быть номер, и почему он так повторяется и повторяется у него в голове.

Неожиданно он вспомнил: это что-то из болезни! Это был номер одного больного члена, ее звали Лавли? Нет — Лайлак. Почему, столько времени спустя, этот номер вернулся к нему? Он стал четче отбивать шаг, пытаясь отвлечься, и был рад, когда подали сигнал петь.

Он рассказал об этом случае своему советчику.

— Не о чем беспокоиться, — ответил советчик. — Ты, возможно, увидел что-то, что напомнило тебе о ней. Может быть, ты даже увидел ее саму. Ничего страшного нет в этом воспоминании, если, конечно, оно не начнет тебя беспокоить. Дай мне знать, если это повторится.

Но это не повторилось. Он был здоров, спасибо Уни.

Однажды на Рождество Христово, когда у него было уже другое поручение и он жил в другом городе, он поехал на велосипеде со своей подружкой и с четырьмя другими членами в парковую зону за

городом. Они взяли с собой пироги и коку и устроили пикник на земле под деревьями.

Он поставил свой контейнер с кокой на плоский камень, и, когда потянулся за ним во время разговора, случайно опрокинул. Другие члены наполнили его контейнер из своих.

Через несколько минут, складывая обертку от пирога, он заметил лист с какого-то дерева, лежащий на камне, на листе блестели капли коки, черенок загибался вверх, как ручка. Он поднял лист за черенок, — и увидел сухое овальное пятно в форме листа. Весь камень был мокро-черный, но там, где лежал лист, он был серый и сухой. Что-то в этом моменте показалось Чипу важным. Он некоторое время сидел молча, глядя на лист в одной руке, на свернутую обертку от пирога — в другой, и на сухой силуэт листика на камне. Его подружка что-то сказала ему, и он оторвался от созерцания, сложил лист и обертку вместе и отдал их члену, у которого был мешок для мусора.

Образ силуэта на камне приходил ему в голову еще несколько раз в тот день и на следующий день — тоже. Потом у него было очередное лечение, и он забыл о листе. Но, тем не менее, через две-три недели это воспоминание вернулось к нему. Он не мог понять почему. Может быть, он точно так же уже поднимал когда-то лист с мокрого камня? Если да, то он этого не помнит...

Время от времени, когда он гулял в парке, или, что странно, стоял в очереди на лечение, образ сухого силуэта приходил ему в голову, и он хмурился.

Случилось землетрясение (стул сбросил его с себя, в микроскопе разбилось стекло, и из глубин лаборатории раздался самый громкий звук, который он когда-либо слышал в своей жизни). Сейсмоклапан на другой стороне континента заклинило, и он не сработал — телевидение объяснило это через несколько дней. Такого не случалось раньше, и такого больше не будет. Члены, конечно, должны огорчиться, но насчет будущего опасаться нечего.

Десятки зданий рухнули, сотни членов погибли. Все медицентры в городе были переполнены ранеными, и больше половины лечебных блоков были повреждены, лечения откладывались.

Через несколько дней после того, как он должен был бы получить свое лечение, он подумал о Лайлак и что он любил ее совсем по-другому, более-более восторженно, чем он любил кого-то. Он хотел сказать ей что-то. Что же? Да, конечно, про острова. Острова, которые он нашел замаскированными на До-Объединенческой карте. Острова неизлечимых...

Ему позвонил советчик.

— Ты в порядке? — спросил он.

— Не думаю, Карл, — ответил он, — мне нужно лечение.

— Не вешай трубку, — сказал советчик, отвернулся и тихо что-то произнес в телекомп. Через секунду он повернулся обратно. — Можешь

получить его сегодня вечером в семь тридцать,— сказал он,— но тебе придется пойти в медицентр в Т24.

В семь тридцать он стоял в длинной очереди, думая о Лайлак, пытаясь вспомнить точно, как она выглядела. Когда он подошел к лечебному блоку, ему в голову опять пришла мысль о сухом силуэте на камне.

Лайлак позвонила ему (она была в том же самом здании), и он пошел в ее комнату, это был запасник До-Объединенческого музея. Украшения из зеленых драгоценных камней висели у нее в ушах, камни сверкали вокруг ее розово-коричневой шеи, она была в длинной рубашке из сверкающего зеленого материала, который обрисовывал ее мягкую грудь. «Он подошел к ней, обнял и поцеловал — ее губы были теплые и мягкие, рот приоткрыт,— и он проснулся в темноте и разочаровании, это был сон, это был только сон.

Но странным и пугающим образом все это было в нем: и запах духов («парфюм»), и вкус табака, и звуки песен Спэрроу, и желание Лайлак, и злость на Кинга, и негодование на Уни, и жалость к Семье, и счастье от способности чувствовать, от того, что он жив и бодрствует.

А утром у него будет лечение, и все это уйдет. В восемь часов. Он включил свет, посмотрел на часы: 4-54. Чуть больше, чем через три часа...

Он снова выключил свет и с открытыми глазами лежал в темноте. Он не хотел потерять нахлынувшие ощущения. Болезнь это или нет, но он хотел сохранить возможность изучать их и радоваться им. Он не хотел думать об островах — нет, никогда, это действительно болезнь,— но он хотел думать о Лайлак и о встречах группы в комнате реликвий прошлого, и иногда, может быть, видеть сны.

Но через три часа лечение, и все уйдет. Он ничего не может сделать — разве что, случится еще одно землетрясение, а какие на это шансы? До сих пор все эти годы сейсмоклапаны работали отлично, и они будут работать так и в будущем. И какое землетрясение может отсрочить его лечение? Никакое. Поскольку Уни знает, что он уже лгал однажды, чтобы получить отсрочку.

Сухой силуэт на камне пришел ему в голову, но он отогнал этот образ, чтобы думать о Лайлак, увидеть ее так, как он видел ее во сне, не тратить зря три часа настоящей жизни. Он забыл, какие необычные были у нее глаза, какая милая улыбка, ее розово-коричневую кожу, как трогательно была ее серьезность. Он забыл так ненавистно много: удовольствие курения, восторг расшифровки Французского...

Воспоминание о силуэте листа вернулось к нему, и он стал думать о нем, с раздражением силясь понять, почему сознание так прицепилось к этому листу? Ему хотелось избавиться от него раз и навсегда. Он вернулся мыслями к странно незначительному моменту, когда увидел лист со сверкающими на нем каплями коки, увидел свои пальцы, поднимающие лист за черенок, и другую свою руку, державшую свернутую обертку из фольги, и сухой серый овал на черном,

мокром от коки камне. Он пролил коку, а там лежал лист, и камень под ним был...

Он сел в кровати и стукнул ладонью левой руки по правому рукаву своей пижамной куртки. «Христос и Веи!», — произнес он в испуге.

Он встал до первого сигнала, оделся и убрал постель.

Он первым пришел в столовую, поел и попил и вернулся в комнату с оберткой от пирога, которая, сложенная, но не примятая, лежала у него в кармане.

Он развернул обертку, положил на стол и разгладил рукой. Он аккуратно перегнул квадрат фольги пополам, а половинку сложил еще вдвое. Он хорошо пригладил свернутую обертку и приподнял ее; прямоугольник фольги был тонкий, несмотря на свои шесть слоев. Слишком тонкий? Он снова положил фольгу на стол.

Он пошел в ванную, и из мешочка первой помощи взял вату и рулон пластыря. Он принес все это на стол.

Он положил слой ваты на свернутый кусочек фольги — слой ваты, меньший по площади, чем фольга — и начал заклеивать сверху вату и фольгу большими перехлестывающими полосами пластыря телесного цвета. Концы полос он слегка, некрепко, приклеил к столу.

Дверь открылась, он обернулся, закрывая то, что делает, и пряча рулон пластыря в карман. Это был Карл КК из соседней комнаты.

— Ты готов завтракать? — спросил Карл.

— Я уже, — ответил он.

— О, — сказал Карл, — увидимся позже.

— Верно, — сказал он, и улыбнулся.

Карл закрыл дверь.

Он закончил наклеивать пластырь, затем оторвал концы полос от стола и отнес повязку, которую сделал, в ванную. Положил повязку фольгой вверх на край раковины и закатал рукав.

Он взял повязку и аккуратно приложил фольгой к внутренней стороне руки, в том месте, где ее должен будет коснуться инъекционный диск. Прижал повязку и прочно приклеил выступающие части пластыря к коже.

Лист. Защита. Сработает или нет?

Если сработает, он будет думать только о Лайлак, не об островах. Если он обнаружит, что думает об островах, то скажет своему советнику.

Он опустил рукав.

В восемь часов он встал в очередь в лечебный кабинет. Он стоял, скрестив руки на груди, держась ладонью за то место, где под рукавом была повязка — чтобы согреть ее, на случай, если инъекционный диск реагирует на температуру.

«Я болен. — думал он. — Я заболел всеми болезнями: раком, оспой, холерой — всеми. На моем лице вырастут волосы!»

Он сделает это только один раз. При первом признаке, что что-нибудь не так, он скажет советчику.

Может быть, и не сработает.

Подошла его очередь. Он закатал рукав до локтя, вставил кисть в окаймленное резиной отверстие лечебного блока, а затем оттянул рукав до плеча, одновременно пропихивая руку дальше.

Он почувствовал, как сканер нашел его браслет, и легкое давление инъекционного диска на ватную повязку...

Ничего не произошло.

— Ты уже все,— произнес член за его спиной.

На блоке снова горел синий огонек.

— Ох,— сказал он и опустил рукав, вынимая руку.

Ему надо было идти прямо на поручение.

После обеда он вернулся в свою комнату и в ванной снял повязку. Фольга не была повреждена, но кожа тоже не была поврежденной после лечения. Он оторвал слой фольги от пластыря.

Вата посерела и свернулась. Он выжал повязку над раковиной, и из ваты брызнула струйка прозрачной жидкости.

Осознание приходило, с каждым днем все больше и больше. Вернулась память, с более жесткими, горькими деталями.

Вернулись ощущения. Негодование на Уни превратилось в ненависть, влечение к Лайлак переросло в неутолимый голод.

Опять он играл по-старому: был нормальным на поручении, нормальным с советчиком, нормальным со своей подружкой. Но день ото дня этот обман все больше раздражал его, злил, все труднее становилось притворяться.

В день следующего лечения он сделал новую повязку из фольги, ваты и пластыря и опять выжал из нее несколько капель прозрачной жидкости.

На подбородке, щеках и верхней губе у него появились черные точки — начали расти волосы. Он разобрал свою машинку для стрижки, проволокой примотал одно лезвие к ручке и каждое утро до первого сигнала мылил лицо и сбрасывал черные точки.

Каждую ночь ему снились сны. Иногда во сне наступал оргазм.

Это все больше и больше сводило с ума — притворяться спокойным и удовлетворенным, смиренным и хорошим! В Марксово Рождество он бежал трусцой по пляжу, а потом помчался, помчался прочь от членов, которые трусили вместе с ним, прочь от загорающей, жующей пироги Семьи. Он бежал, пока берег не сузился и пляж не превратился в мелкий и острый камень, и он бежал по камням и скользким древним развалинам. Потом он остановился, и один, обнаженный, между океаном и парящими утесами, сжал руки в кулаки и стал бить ими об утесы, крича «Бить их» чистому синему небу, и крутил и рвал неуязвимую цепь своего браслета.

Шел 169 год, пятое мая. Шесть с половиной лет было потеряно. Шесть с половиной лет! Ему тридцать четыре. Он в США 90058.

А где она? Еще в Инд, или где-то еще? На Земле она или на звездном корабле?

И жива ли она, как он, или мертва, как все остальные в Семье?

Глава вторая

Теперь было легче, когда он разбил руки и накричался, легче медленно идти с довольной улыбочкой, смотреть телевизор и на экран микроскопа, сидеть рядом с подружкой на концертах в амфитеатре.

И все это время думать: что же делать?..

— Беспокойство? — спросил советчик.

— Ну, немножко, — ответил он.

— Я и подумал, что ты выглядишь не очень. В чем дело?

— Ну, знаешь, я был болен несколько лет назад...

— Я знаю.

— А сейчас один член, с которым я вместе был болен, даже тот, который меня заразил, здесь, в этом здании. Можно перевести меня куда-нибудь в другое?

Советчик с сомнением посмотрел на него:

— Я немного удивлен, — сказал он, — что УниКомп снова поселил вас вместе.

— Я тоже, — сказал Чип, — но она здесь. Я видел ее за ужином вчера вечером и сегодня утром — тоже.

— Ты говорил с ней?

— Нет.

— Я выясню, — сказал советчик. — Если она здесь и ты чувствуешь себя неловко, конечно, мы тебя переведем. Или переведем ее. Какой у нее номер?

— Я весь не помню? — сказал Чип, — Анна СТ 38 П.

Советчик позвонил ему рано утром на следующий день.

— Ты ошибся, Ли, — сказал он. — Ты видел не того члена. И, кстати, она Анна СГ, а не СТ.

— Ты уверен, что ее здесь нет?

— Совершенно. Она в Афр.

— Ты меня успокоил, — сказал Чип.

— Еще, Ли: вместо лечения в четверг, у тебя будет лечение сегодня.

— Сегодня?

— Да. В час тридцать.

— Хорошо, — ответил он, — спасибо, Иисус.

— Спасибо Уни.

В глубине ящика стола у него было спрятано три сложенных обертки от пирога. Он взял одну, пошел в ванну и принялся делать повязку.

Она в Афр. Это ближе, чем Инд, но все равно за океаном. Плюс, кроме того, вся ширина США.

Там его родители в '71334; он подождет несколько недель и попросит визит. Почти два года прошло с тех пор, как он их видел в последний раз, была небольшая надежда, что его просьба будет удовлетворена. Когда он попадет в Афр, он сможет ей позвонить — притворится, что у него болит рука, попросит ребенка дотронуться до сканера уличного телефона, — и выяснит, где она живет. «Привет, Анна СГ. Надеюсь, ты так же здорова, как я. В каком ты городе?»

А потом что? Пойти туда пешком? Попросить о поездке на машине в какое-нибудь место рядом, в учреждение, связанное каким-нибудь образом с генетикой? Поймет ли Уни, что он затевает?

Но даже если это все произойдет, даже если он доберется до нее, что он будет делать тогда? Это будет слишком — надеяться, что она тоже подняла однажды лист с мокрого камня. Нет, в драку это, она, очевидно, нормальный член, такой, каким он был несколько месяцев назад. И при его первом ненормальном слове она отправит его в медицентр. Христос, Маркс, Вуд и Веи, что он может сделать?

Он может забыть о ней, это один ответ, одному пуститься в путь к ближайшему свободному острову. Там, должно быть, есть женщины, наверное, даже очень много женщин, и у некоторых из них, может быть, розово-коричневая кожа, большие необычного разреза глаза и мягкие с виду конические груди. Стоит ли рисковать собственным живым состоянием ради слабой надежды оживить ее?

Тем не менее, она разбудила жизнь в нем, склонившись перед ним, положив руки ему на колени.

Не рискуя собой, однако. По крайней мере, не так рискуя.

Он пошел в до-Объединенческий музей, по-старому, ночью, не трогая сканеров. Музей был такой же, как в ИНД 26110. Некоторые экспонаты были немножко другие, стояли в других местах.

Он нашел до-Объединенческую карту, она была выпущена в 1937, с такими же наклеенными на нее восемью голубыми прямоугольниками. Ее обратная сторона была разрезана и грубо заклеена клейкой лентой, кто-то еще был тут до него. Эта мысль была волнующей: кто-то еще нашел острова, и сейчас, в этот самый миг, может быть, на пути к одному из них.

В запаснике — в нем был только стол, несколько картонных коробок и машина в виде какой-то будки под покрывалом, с рядами маленьких рычагов — он снова поднял карту против света, снова увидел спрятанные острова. Он перевел на лист бумаги ближайший, «Куба», недалеко от юго-восточной оконечности США. И на случай, если он рискнет увидеть Лайлак, он обвел очертания Афр и двух островов возле нее — Мадагаскар на востоке и маленький остров Маджорка на севере.

В одной из коробок были книги, он нашел одну на французском. Спиноза и его современники. Он просмотрел книгу и взял с собой.

Он повесил карту, которую вставил обратно в раму, на место, и стал бродить по музею. Взял наручный компас, который, кажется, еще работал, «бритву» с костяной ручкой и камень, чтобы ее точить.

— Нам скоро должны дать новое поручение,— сказал начальник отдела однажды за обедом.— Нашей работой будет заниматься ГЛ 4.

— Я надеюсь поехать в Афр,— сказал он,— там мои родители.

Было рискованно так говорить, немножко не по-членски, но, может быть, начальник отдела мог косвенно влиять на то, кто куда поедет.

Его подружку переводили, и он поехал в аэропорт проводить ее и заодно посмотреть, можно ли попасть на борт самолета без разрешения Уни. Похоже, невозможно: тесная очередь садящихся в самолет членов не позволит понарошку дотронуться до сканера, а когда к сканеру подойдет последний член, то за его спиной тут же вырастит член в оранжевом комбинезоне, готовый выключить эскалатор и опустить его в яму. Выйти из самолета так же трудно: когда последний член касался сканера, на него уже смотрели два члена в оранжевых комбинезонах; они переключали эскалатор в обратную сторону, дотрагивались до сканера и поднимались на борт со стальными контейнерами для пирогов и напитков. Может быть, ему удастся сесть на самолет, переждав в ангарной зоне, и спрятаться внутри, хотя он не мог вспомнить никаких потайных мест в салоне — и откуда ему знать, куда этот самолет полетит?

Лететь невозможно, пока Уни не скажет, что ему можно лететь.

Он попросил визит к родителям. Ему было отказано.

Его отделу дали новые поручения. Двоих с классификацией 66 послали в Афр, но не его, его послали в США 36104. Во время полета он изучал самолет. Потайных мест не было. Был только длинный салон с сиденьями, туалет впереди, отсек раздачи пирогов и напитков, и телеэкраны, на которых актер играл Маркса — на всех.

США 36104 был на юго-востоке, рядом с оконечностью США, под которой была Куба. Как-нибудь в воскресенье он может поехать кататься на велосипеде, и так и ехать, из города в город, ночевать в парковых зонах между городами, и ночами приходить в города за пирогами и питьем. Ему надо проехать, по карте из МСД, тысячу двести километров. В '33037 он может найти лодку или торговцев, которые приплывают на берег, как в АРГ 20400, о котором говорил Кинг.

«Лайлак,— думал он,— что еще я могу сделать?»

Он снова попросил поездку в Афр, и снова ему было отказано. Он начал ездить на велосипеде по воскресеньям, чтобы натренировать ноги. Он пошел в до-Объединенческий музей '36104, и нашел компас получше и нож с лезвием-пилой, которым он мог бы срезать ветки в парке. Он проверил тамошнюю карту, ее задник был не тронут, не открыт. Он написал на нем: «Да, есть острова, где члены свободны. В драку Уни!»

Однажды рано утром в воскресенье он отправился на Кубу, у него в карманах лежал компас и нарисованная им карта. В корзинке велосипеда на свертке лежала «Живая мудрость Веи», контейнер коки и пирог, в одеяло был завернут вещмешок, а в нем бритва с точиль-

ным камнем, кусок мыла, машинка для стрижки, два пирога, нож, фонарик, вата, рулон пластыря, снимок родителей и Папы Джана и запасной комбинезон. На правой руке, под рукавом, у него была повязка, хотя, если его поведут на лечение, то почти обязательно найдут ее. Еще на нем были очки от солнца, он улыбался, катя на юго-восток по велодорожке вместе с другими членами в сторону '36081. Через равные промежутки времени мимо мчались автомобили — по дороге, параллельной велодорожке. Камешки, поднятые в воздух реактивными двигателями машин, время от времени опускались в металлический заборчик, отделяющий велодорожку от дороги.

Он останавливался каждый час или около того и отдыхал несколько минут. Он съел полпирога и выпил немного коки. Он думал о Кубе, и о том, что он возьмет из '33037, чтобы торговать. Он думал о женщинах на Кубе. Возможно, их привлечет новый человек. Они будут совершенно нелеченные, страстные сверх всякого воображения, красивые, как Лайлак, или даже еще красивее...

Он проехал пять часов, а потом развернулся и поехал назад.

Он заставлял сознание заниматься поручением. Он был служащим ббз в педиатрическом отделении медцентра. Это была скучная работа, бесконечное исследование генов с небольшим разнообразием, и с такого поручения членов редко переводили. Он просидит тут до конца жизни.

Каждые четыре-пять недель он просил разрешения на поездку к родителям в Афр.

В феврале 170-го просьба была удовлетворена.

Он сошел с самолета в четыре утра, по времени Афр, и прошел в зал ожидания, держась со страдающим видом за правый локоть, и перекинув вешмешок через левое плечо. Женщина, которая выходила из самолета следом за ним и которая помогла ему, когда он упал, дотронулась за него до телефонного сканера.

— Ты уверен, что с тобой все в порядке? — спросила она.

— Все прекрасно, — он улыбнулся. — Спасибо, и желаю приятной поездки, — телефону же он сказал: «Анна СГ 38 П 2823». Женщина-член ушла.

Экран вспыхнул и обрел резкость, когда установилась связь, а затем потемнел и так и остался темным. «Ее перевели, — подумал он, — ее нет на этом материке». Он ждал, что ему скажет телефон. Но ее голос произнес: «Секундочку, я не могу...» — и вот она, туманно-близко. Она отступила на шаг и села на край кровати, протирая глаза, в пижаме. «Кто это?» спросила она. Позади нее перевернулся на спину какой-то член. Была ночь с субботы на воскресенье. Или она вышла замуж?

— Кто? — спросила она, поглядела на него и наклонилась поближе, моргая. Она была еще красивее. Есть ли у кого-нибудь такие глаза?

— Ли РМ, — сказал он, говоря вежливо, по-членски. — Ты не помнишь? Из ИНД 26110, в 162 году.

Ее бровь на секунду сморщилась.

— Ах, да, конечно,— сказала она и улыбнулась.— Конечно, я помню. Как ты, Ли?

— Очень хорошо, а как ты?

— Прекрасно,— ответила она и перестала улыбаться.

— Вышла замуж?

— Нет. Я рада, что ты позвонил, Ли.

Я хочу сказать тебе спасибо. Ты знаешь, за то, что ты мне помог.

— Спасибо Уни,— ответил он.

— Нет, нет,— сказала она.— Спасибо тебе. С опозданием,— она опять улыбнулась.

Извини, что я звоню в этот час. Я проездом в Афр, меня переводят.

— Ничего, я рада, что ты позвонил.

— Где ты? — просил он.

— В '14509.

— Там живет моя сестра.

— Правда?

— Да,— сказал он,— в каком ты здании?

— П51.

— А она в А каком-то.

Член сзади нее сел в кровати, и она обернулась и что-то ему сказала. Он улыбнулся Чипу. Она повернулась к нему снова и сказала:

— Это Ли ХЕ.

— Привет,— улыбнулся Чип, повторяя про себя: «'14509, П 51, '14509, П 51».

— Привет, брат,— сказали губы Ли ХЕ, его голос не достигал телефона.

— У тебя что-то с рукой? — спросила Лайлак.

Он все еще держался за руку.

— Нет. Упал, когда выходил из самолета.

— Ох, мне жаль,— она бросила взгляд на что-то за его спиной.— Там член ждет, нам сейчас лучше попрощаться.

— Да,— сказал он,— до свидания. Я был рад повидать тебя. Ты совсем не изменилась.

— Ты тоже. До свидания, Ли,— она привстала, потянулась вперед и исчезла.

Он отключился и уступил место ожидавшему очереди члену.

Она была мертва, нормальный здоровый член, лежащий рядом со своим другом в '14509, П 51. Как он может рискнуть заговорить с ней о чем-то не таком нормальном и здоровом, как она? Он может провести день с родителями и улететь обратно в США, поехать на велосипеде в следующее воскресенье и на этот раз не вернуться.

Он стал ходить по залу ожидания. На стене висела карта очертаний Афр с огоньками в местах крупных городов и соединяющими их оранжевыми линиями. Ближе к северу был '14510, недалеко от которого живет она. Полматерика от '71330, где он. Оранжевая линия соединяла два этих огонька.

Посмотрел расписание рейсов на «Воскресенье, 18 фев.» на мигающем табло. Самолет на '14510 вылетает в 8.20 вечера, за сорок минут до его рейса на США 33100.

Он подошел к стеклянной стене, обращенной к летному полю, и посмотрел на членов, стоящих в очереди по одному на эскалатор самолета, с которого он только что сошел. Подошел член в оранжевом комбинезоне и встал около сканера.

Он обернулся и снова посмотрел в зал ожидания. Зал был почти пуст. Члены, что летели вместе с ним в самолете — женщина со спящим младенцем и мужчина с двумя вещмешками, приложили свои браслеты и браслет младенца к сканеру двери, ведущей в автопорт. «Да», промигал сканер зеленым три раза — все вышли. Член в оранжевом комбинезоне, стоя на коленях около фонтанчика для питья, откручивал панель у его основания; другой толкал перед собой уборочную машину к боковой двери зала ожидания, дотронулся до сканера — «да» — и вытолкнул полотер через открывшиеся в обе стороны двери.

Чип задумался на секунду, глядя на члена, работающего у фонтана, а затем пересек зал ожидания, дотронулся также до сканера и вышел. Машина на '71334 ждала, в ней сидели три члена. Он сел в машину, извинившись перед членами, что заставил их ждать. Дверь закрылась, и машина поехала. Он сидел, держа на коленях вещмешок, и думал.

Когда он добрался до квартиры родителей, то вошел тихо, побрился, а потом разбудил их. Они были рады, даже счастливы видеть его.

Втроем разговаривали, завтракали и опять разговаривали. Они попросили телефонный звонок к Мир, в Евр, и им было разрешено позвонить; они говорили с ней и с ее Карлом, с ее десятилетним Бобом и восьмилетней Йин. Потом по его предложению они пошли в Музей Семейных Достижений.

После обеда он спал три часа, а потом они поехали по рельсовой дороге в Сад Развлечений. Его отец присоединился к игре в волейбол, а он и мать сели на скамейку посмотреть.

— Ты опять болен? — спросила она.

— Нет, конечно, нет. Со мной все прекрасно.

Она взглянула ему в лицо. Ей пятьдесят семь, волосы поседели, смуглая кожа покрылась морщинами.

— Ты о чем-то думаешь?

— Я в порядке. Пожалуйста, верь мне.

Она озабоченно покачала головой:

— Хорошо, Чип.

Любовь к ней неожиданно наполнила его, любовь и благодарность, и детское чувство единения с ней. Он обнял ее за плечи и поцеловал в щеку.

— Я люблю тебя, Сузу...

Она рассмеялась:

— Христос и Веи! Какая же у тебя память!

— Потому что я здоров, — сказал он. — Помни это, ладно? Я здоров и счастлив. Я хочу, чтобы ты помнила это.

— Почему?

— Потому, — улыбнулся он.

Он сказал им, что самолет улетает в восемь.

— Мы прощаемся в автопорту, — сказал он, — в аэропорту будет слишком много народу.

Его отец все равно хотел поехать, но мать сказала, нет, они останутся в '334, она устала.

В семь тридцать он поцеловал их на прощание — отца и мать, шепнул ей на ухо: «Помни», — встал в очередь на машину, которая шла в '71330 в аэропорт. Сканер, когда он коснулся его, ответил: «Да».

Зал ожидания был переполнен даже больше, чем он предполагал. Члены в белом, желтом и бледно-голубом ходили, стояли и сидели в ожидании своей очереди, некоторые с вещмешками, некоторые — без. Среди них было несколько членов в оранжевом.

Он посмотрел на табло: рейс в 8.20 на '14510, посадка в секторе номер два. Там стояла очередь, а за стеклом самолет уже подруливал навстречу поднимающемуся эскалатору. Открыли люк, и из него по эскалатору сошел член, потом еще один.

Чип протолкнулся сквозь толпу к боковой двери зала ожидания, сделал вид, что притронулся к сканеру и приоткрыл дверь в служебную часть аэропорта, где, освещенные белым светом с потолка, как блоки памяти Уни, стояли рядами ящики и коробки. Он снял с плеча вещмешок и засунул его между стеной и коробкой.

Он продолжал спокойно идти вперед. Его путь пересекла тележка с металлическими контейнерами, ее толкал член в оранжевом комбинезоне, который взглянул на Чипа и кивнул.

Он кивнул ему в ответ и продолжал шагать, глядя, как член в оранжевом провез тележку через огромные открытые ворота не залитое светом летное поле.

Он опять сделал вид, что коснулся сканера, и вошел в комнату, где на крючках висели обычные комбинезоны, и два члена — мужчина и женщина снимали с себя оранжевые.

— Привет, — сказал он.

— Привет, — ответили оба члена.

Чип подошел к шкафу и открыл дверцу — там были полотенца и бутылки с зеленой жидкостью.

— Где одежда? — спросил он.

Один из членов кивнул на другой шкаф.

Он подошел к шкафу, открыл. На полках лежали оранжевые комбинезоны, оранжевые защитные щитки на ноги, тяжелые оранжевые перчатки.

— Откуда ты? — спросил один член.

— Из РУС 50937, — сказал он, беря комбинезон и защитные щитки. — Мы держали одежду там.

— Она должна быть тут, — сказал член, застегивая комбинезон.

— Я жила в РУС, — сказала женщина-член. — Я меня там было два поручения — сначала четыре года, потом три.

Чип не торопясь надевал защитные щитки и закончил лишь тогда, когда оба члена выбросили в мусоропровод свои оранжевые комбинезоны и вышли.

Он натянул оранжевый комбинезон на свой белый и застегнул его до горла. Этот комбинезон был тяжелее обыкновенных, и у него были дополнительные карманы.

Чип заглянул в другие шкафы, нашел гаечный ключ и довольно большой кусок желтого паплона. Потом пошел в комнату, где оставил вещмешок, и обмотал его куском паплона. Открывшаяся дверь стукнула Чипа.

— Извини, — сказал входящий член. — Я тебя ударил?

— Нет, — ответил Чип, поднимая завернутый в ткань мешок.

Член в оранжевом комбинезоне пошел своей дорогой.

Чип подождал мгновение, провожая его взглядом, а затем сунул вещмешок под мышку левой руки и вынул из кармана гаечный ключ. Взял его в правую так, чтобы смотрелось естественно.

Он пошел вслед за членом, потом свернул к открытым воротам, смотревшим на летное поле.

Эскалатор, ведущий на борт самолета, стоявшего у второго сектора, был пуст. Тележка, возможно, та самая, которую на его глазах выкатили на поле, стояла у низа эскалатора, рядом со сканером.

Еще один эскалатор медленно опускался под землю. Самолет, который он обслуживал, катился к взлетной полосе. Это рейс на Кит в 8.10, вспомнил Чип.

Он опустился на колено, положил вещмешок и гаечный ключ на бетон и притворился, что что-то не так с его защитным щитком. Все в зале ожидания станут смотреть на самолет в Кит, когда тот будет подниматься, именно тогда он ступит на эскалатор. Мимо него прошли ноги в оранжевом, какой-то член шел в сторону ангаров. Чип снял защитный щиток и снова надел, глядя, как самолет разворачивается...

Самолет рванулся вперед. Чип подобрал мешок и гаечный ключ, встал и пошел обычным шагом. Яркость залитого светом летного поля взбудоражила его, но он сказал себе, что на него никто не смотрит, все смотрят на самолет. Он подошел к эскалатору, сделал вид, что дотронулся до сканера — стоявшая рядом тележка помогла, оправдав его неловкость — и встал на ползущие вверх ступени. Он сильно сжал завернутый в паплон вещмешок и ключ с влажной ручкой, когда эскалатор быстро стал поднимать его к открытой двери самолета. Он ступил с эскалатора в самолет.

Два члена в оранжевом суеились у блока раздачи пирогов и напитков. Они взглянули на него, он кивнул им. Они кивнули в ответ. Он прошел по проходу в сторону туалета.

Вошел, оставив дверь открытой, и положил вещмешок на пол, повернулся к раковине, покрутил краны и постучал по ним ключом. Потом опустился на колено и постучал по сливной трубе. Раздвинул ключ и надел его на трубу.

Услышав, как эскалатор остановился, а потом снова пошел, он потянулся к двери и выглянул. Членов в оранжевом не было. Положил

ключ, встал, закрыл дверь и расстегнул оранжевый комбинезон, снял, сложил в длину и скатал в такой тонкий валик, в какой только смог. Снова встав на колени, он развернул вещмешок, впихнул в него комбинезон, свернул желтый паплон и тоже положил в мешок. С сандалий он снял защитные щитки, сложил их вместе и засунул в угол мешка, сунул и ключ, плотно прижал крышку вещмешка и завязал его.

С мешком на плече он вымыл лицо и руки холодной водой. Сердце билось быстро, но чувствовал себя хорошо. Он посмотрел в зеркало на себя, с одним зеленым глазом. «В драку Уни!»

Тут услышал голоса членов, поднимающихся на борт самолета, и замер у раковины.

Дверь открылась, вошел мальчик лет десяти.

— Привет,— сказал Чип, вытирая руки,— ты хорошо провел день?

— Да,— ответил мальчик.

Чип выбросил в мусоропровод полотенце.

— Первый раз летишь?

— Нет,— сказал мальчик, расстегивая комбинезон,— я много раз летал,— он сел на один из стульчиков.

— Увидимся,— пробормотал Чип и вышел.

Самолет был заполнен примерно на треть, и на борт входили все новые члены. Он сел на ближайшее свободное место у прохода, проверил, хорошо ли закрыт вещмешок, и поставил его себе в ноги.

В конце полета он проделает все точно также. Когда пассажиры начнут выходить из самолета, он пойдет в туалет и наденет оранжевый комбинезон. Он будет возиться с раковиной, пока члены не загрузят на борт контейнеры с едой, и выйдет из туалета после того, как они уйдут. В служебной зоне, за ящиком или в шкафу, он избавится от комбинезона, защитных накладок и ключа, а потом сделает вид, что тронул сканер у входа из аэропорта, и пойдет пешком в '14509. Это в восьми километрах к востоку от '510, он проверил по карте в МСД сегодня утром. Если повезет, он будет там к полуночи или чуть позже.

— Как странно,— сказала какая-то женщина-член, сидящая рядом с ним:

Она смотрела в глубину салона.

— Почему-то для него нет места.

По проходу медленно шел член, смотря то в одну сторону, то в другую. Все места были заняты. Пассажиры озирались, пытались как-то помочь ему.

— Должно быть место,— сказал Чип, привставая и оглядываясь,— Уни не мог ошибиться.

— Мест нет,— сказала сидящая рядом с ним женщина-член,— все заняты.

Разговоры поползли по салону. Для того, в самом деле, не было места. Какая-то женщина взяла ребенка к себе на колени, и член сел рядом с ней.

Самолет пришел в движение, зажглись телеэкраны, началась программа о географии и природных ресурсах Африки.

Он пытался следить за передачей: в ней могла быть полезная для него информация, он не мог. Если его сейчас обнаружат и будут лечить, он больше никогда не станет живым. И Уни может быть уверен, что он не узрит никакого смысла и в тысяче листьев на мокрых камнях.

Он добрался до '14509 в двенадцать ночи. Он был абсолютно бодр и энергичен, все еще по времени США, где сейчас был полдень.

Сначала он пошел в музей До-Объединения, а потом на велостанцию на площади, ближайшую к П 51. Он сделал два похода на велостанцию и еще один — в столовую П 51 и в центр снабжения этого же здания.

В три часа ночи он вошел в комнату Лайлак. Он смотрел на нее, спящую, при свете фонарика, смотрел на ее щеки, на ее шею, на ее темную руку на подушке, потом подошел к столу и включил лампу.

— Анна,— сказал он, становясь у ее кровати в ногах,— Анна, тебе надо встать.

Она что-то пробормотала.

— Проснись, Анна,— сказал он.— Ну, проснись же!

Она приподнялась, прикрыв рукой глаза, жалобно постанывая. Села в кровати, всмотрелась в него, узнала и недоуменно нахмурилась.

— Я хочу, чтобы ты прокатилась со мной на велосипеде,— сказал он.— Только не говори громко и не зови на помощь.— Он полез в карман и вынул пистолет. Держал он его так, как, похоже, и надо было держать — положив указательный палец на спусковой крючок, а остальные на рукоять и направив дуло в лицо.— Я убью тебя, если ты не сделаешь то, что я скажу. Не кричи, Анна.

Глава третья

Она не сводила глаз с пистолета.

— Генератор слабый,— сказал он, но его хватало, чтобы сделать дырку в сантиметр глубиной в стене музея, а в тебе будет дырка побольше. Так что лучше тебе подчиниться. Извини, что испугал, но, возможно, ты поймешь, почему я делаю это.

— Это ужасно,— сказала она,— ты еще болен!

— Да,— сказал он,— мне стало хуже. Так что делай, что я тебе говорю, или семья потеряет двух ценных членов.

— Опомнись, Ли!— взывала она.— Ты видишь себя с оружием в руке, которым угрожаешь?

— Встань и оденься,— сказал он.

— Пожалуйста, разреши мне позвонить...

— Одевайся быстро!

— Хорошо,— сказала она, откидывая одеяло.— Хорошо, я сделаю так, как ты велишь.— Она встала и растегнула пижаму.

Он отступил, не отрывая от нее взгляда, по-прежнему целясь в нее из пистолета.

Она сняла пижаму, оставила ее на полу и повернулась к полке за комбинезоном. Он смотрел на ее груди и на все тело, которое едва заметно — полнотой ягодиц, округлостью бедер — тоже отличалось от нормального. Как она была красива!

Она ступила в комбинезон и продела руки в рукава.

— Ли, прошу тебя, — зашептала она, — пойдем в медицентр, и ...

— Не разговаривай! — приказал он.

Она застегнула комбинезон и надела сандалии.

Почему ты надумал кататься на велосипеде в середине ночи? — спросила она.

— Упакуй свой мешок, — сказал он.

— Мой вещмешок?

— Да, — сказал он, — положи еще один комбинезон, аптечку и машинку для стрижки. И все важное, что ты хотела бы сохранить. У тебя есть фонарик?

— Что ты собираешься делать? — спросила она.

— Упакуй мешок!

Она собрала вещи и когда закрыла мешок, Чип повесил его себе на плечо.

— Мы обойдем здание, — сказал он. — Там, за домом, у меня два велосипеда. Мы пойдем рядом. У меня, ты знаешь, в кармане пистолет. Если встретится член и ты подашь ему знак, мол, что-то не так, я убью тебя и его. Понятно?

— Да...

— Делай все, что я тебе скажу. Если остановлюсь и буду поправлять сандалию, ты остановишься и тоже будешь поправлять. До сканеров мы дотрагиваться не будем. Ты делала это раньше, теперь будешь делать снова.

— Мы сюда не вернемся? — спросила она.

— Нет. Мы уезжаем далеко.

— Тогда я хочу взять фотографию.

— Возьми, — разрешил он. — Я же сказал тебе взять все, что ты хочешь сохранить.

Она подошла к столу, выдвинула ящик и стала шарить в нем. «Фотографию Кинга? — подумал он. Нет, Кинг — это часть ее «болезни». Возможно, фотографию семьи».

— Она где-то тут, — сказала женщина нервно, ненормальным голосом.

Он подбежал к ней и оттолкнул от стола. «Ли РМ пистолет² вело...» — было написано на дне ящика.

— Я пытаюсь помочь тебе, — сказала она.

Ему захотелось ее ударить, но он сдержался. И это было неправильно: теперь она будет знать, что он не причинит ей вреда. И он дал ей пощечину, обжигающую и сильную.

— Не пытайся дурачить меня! — сказал он. — Ты признаешь, насколько я болен? Ты будешь мертва и, может быть, десяток других членов тоже умрут, если ты сделаешь что-нибудь еще в этом роде!

Она уставилась на него дрожа, держась рукой за щеку.

Он тоже дрожал, зная, что сделал ей больно. Вырвал ручку из ее пальцев, вымарал то, что она написала, и закрыл бумагами, ручку он швырнул в ящик, задвинул его, взял ее за локоть и подтолкнул к двери.

Они вышли из комнаты и пошли рядом по коридору. Он держал руку в кармане, сжимая пистолет.

— Перестань трястись,— сказал он,— я тебе не причиню вреда, если будешь делать то, что я говорю.

Они поехали вниз по эскалаторам. Навстречу попались два члена, которые поднимались вверх.

— Ты и они,— сказал он,— и любой другой, кто попадется на пути...

Она промолчала.

Он улыбнулся членам. Те улыбнулись в ответ, а она кивнула им.

— Меня второй раз за год переводят,— сказал он ей.

Они спустились еще на несколько эскалаторов и ступили на тот, который вел в холл. Три члена, двое с телекомпаниями, стоя разговаривали у сканера одной из дверей.

— Теперь без фокусов,— сказал он ей.

Они ехали вниз, отражаясь в далеких стеклах, за которыми была темнота. Члены продолжали разговаривать. Один из них поставил телекомп на пол.

Они сошли с эскалатора.

— Подожди, Анна.— Она остановилась и повернулась к нему.— Ресница в глаз попала, помоги,— сказал он.— У тебя есть платок?

Она пошарила в кармане и покачала головой.

Он нашел платок под пистолетом, вынул и подал ей. Он стоял лицом к членам, оттянув пальцем веко, другая рука по-прежнему была в кармане. Она коснулась уголком платка его глаза. Ее все еще трясло.

— Это только ресница,— сказал он,— не из-за чего волноваться.

За спиной Лайлак член поднял с пола телекомп, и все принялись пожимать друг другу руки и целоваться. Двое с телекомпаниями коснулись сканера. «Да», промигал он, «да». Они вышли. Третий член пошел в сторону Чипа и Лайлак; это был мужчина двадцати с небольшим лет.

Чип отвел руку Лайлак.

— Теперь все,— сказал он, моргая.— Спасибо, сестра.

— Могу я помочь? — спросил член.— Я 101.

— Нет, спасибо, просто ресница в глаз попала,— сказал Чип. Лайлак сделала какое-то движение. Чип посмотрел на нее. Она сунула платок в карман.

Член взглянул на ее мешок.

— Приятного путешествия,— сказал он.

— Спасибо,— ответил Чип,— спокойной ночи.

— Спокойной ночи,— сказала Лайлак.

Они шли по направлению выхода, увидели в стеклянной двери отражение члена, ступившего на ползущий вверх эскалатор.

— Я прислонюсь к сканеру,— сказал Чип,— а ты дотронься до него сбоку, но не до пластинки.

Они вышли на улицу.

— Пожалуйста, Ли,— сказала Лайлак,— ради Семьи, давай вернемся и поднимемся в медицентр.

— Молчи!

Они свернули в проход между домом Лайлак и соседним. Темнота становилась все непроницаемей, и Чип вынул фонарик.

— Что ты собираешься сделать со мной? — спросила она.

— Ничего,— сказал он,— если ты не вздумаешь снова меня дурачить.

— Тогда чего ты хочешь от меня? — спросила Лайлак.

Он не ответил.

На перекрестке за домами стоял сканер. Лайлак приподняла руку, но Чип сказал: «нет!» и они прошли мимо него, не дотронувшись. Лайлак страдающе простонала:

— Ужасно...

Велосипеды были прислонены к стене, там, где он их оставил. Закрытый сверху одеялом мешок лежал в корзинке одного из велосипедов, туда же были запиханы пироги и контейнеры с питьем. На корзинку второго велосипеда тоже было накинуто одеяло. Чип поставил на него мешок Лайлак и закрыл его сверху концами одеяла, плотно подоткнув.

— Садись,— сказал он, держа ее велосипед.

Она села и взялась за руль.

— Мы поедем прямо к Восточной дороге,— сказал он.— Не поворачивай, не останавливайся, не делай рывков вперед, пока я тебе не скажу.

Он сел на другой велосипед. Затолкал фонарик за борт корзинки так, чтобы он через решетку освещал тротуар перед велосипедом.

Они поехали рядом по узкому проходу, который был совершенно темен, и только в промежутках между домами высоко над головой маячила полоска звездного неба. Бледно-голубой свет единственного фонарика бежал впереди.

— Поддай ходу,— сказал Чип.

Они поехали быстрее.

— Когда у тебя следующее лечение? — спросил он.

Она промолчала, но потом ответила:

— Восьмого маркса.

Через две недели, подумал он. Христос и Вей, почему не завтра или послезавтра? Правда, могло быть и хуже: могло оставаться четыре недели.

— Я смогу его получить? — спросила она.

Не было смысла волновать ее больше, чем она уже волновалась.

— Может быть,— ответил он,— посмотрим.

Он собирался проезжать в день небольшое расстояние, и лишь в часы свободного времени, когда велосипедисты не привлекают внимания, от одной парковой зоны до другой, минуя в день город,

быть может, два; двигаться будут в направлении '12082 на северном побережье Афр, в город, ближайший от Маджорки.

И тем не менее в первый же день в парковой зоне недалеко от '14509 он изменил свое решение. Найти укрытие было труднее, чем он думал. Только спустя много времени после рассвета — прошло часов восемь — они устроились под каменным козырьком, скрытым от глаз разросшейся молодой зеленью, прогалы в которой Чип замаскировал срезанными ветками. Вскоре они услышали шум коптера, который пролетел над ними, потом еще несколько раз. И каждый раз Чип направлял пистолет на Лайлак, а она сидела не шевелясь, уставившись на него, с недоеденным пирогом в руке. В полдень раздался треск сучьев, шелест листьев и голос — не более чем в двадцати метрах от себя. Кто-то неразборчиво говорил, медленно и без выражения, как говорят в радиотелефон или в телекомп с акустическим вводом информации.

Или нашли записку Лайлак на дне ящика, или, что вероятнее, Уни сопоставил его и ее исчезновение и два пропавших велосипеда. Да, он переменит свой план; раз их ищут, то рискованно покидать укрытие. Они проведут неделю здесь, тронутся в путь в воскресенье. Сделают рывок в шестьдесят-семьдесят километров — не прямо на север, а на северо-восток — и спрячутся еще на неделю. Через четыре или пять воскресений они по кривой достигнут '12082, и с каждым воскресеньем Лайлак все больше будет собой и все меньше Анной СГ, будет больше ему помогать, или по крайней мере меньше заботиться о том, чтобы ему «помочь».

Но сейчас, однако, она была Анной СГ. Он связал ее, заткнул ей рот куском одеяла, и проспал с пистолетом в руке, пока не село солнце. Посреди ночи он снова связал ее и заткнул ей рот, а сам сел на велосипед. Он вернулся через несколько часов с пирогами, питьем и еще двумя одеялами, полотенцами, туалетной бумагой, «наручными часами», которые уже сейчас перестали тикать, и двумя книгами на французском. Она лежала без сна там, где он ее оставил. Глаза у нее были и тревожные, и печальные. Заболевшему члену, который взял ее в плен, она прощала такое обращение с собой. Она жалела его!

Но днем она стала смотреть на него с отвращением. Он потрогал себя за щеку, заросшую двухдневной щетиной, и чуть смущенно сказал:

— У меня почти год не было лечений.

Она опустила голову и закрыла рукой глаза.

— Ты превратил себя в животное, — сказала она.

— А мы все и есть животные, — сказал Чип. — Христос, Маркс, Вуд и Вей превратили нас во что-то нечеловеческое.

Лайлак отвернулась, когда он начал бриться, но взглянула раз через плечо, взглянула два, а потом и вовсе обернулась и стала без удовольствия смотреть.

— Ты не порежешь кожу? — спросила она.

— Сначала я резался, — сказал он, легко орудуя бритвой и смотрясь в боковую плоскость своего фонарика, положенного

на камень.— Но мне приходилось столько раз бриться за это время...

— Ты всегда пользуешься чаем? — спросила она.

Он рассмеялся.

— Нет. Это вместо воды. Сегодня ночью я собираюсь пойти поискать пруд или ручей.

— Как часто ты... делаешь это? — спросила она.

— Каждый день,— ответил он.— Я пропустил вчера. Это занудно, но это еще на несколько недель. По крайней мере, я надеюсь.

— Что ты хочешь сказать? — спросила она.

Он ничего не ответил и продолжал бриться.

Она отвернулась.

Он читал книгу на французском, о причине войны, которая длилась тридцать лет. Лайлак сначала спала, а потом села на одеяло и стала смотреть на него, на деревья и на небо.

— Хочешь, я буду учить тебя этому языку? — спросил он.

— Зачем?

— Когда-то ты хотела выучить его,— сказал он,— ты помнишь? Я дал тебе списки слов.

— Да,— сказала она,— я помню. Я выучила их, но забыла. Я сейчас здорова, зачем мне теперь их учить?

Он сделал небольшую гимнастику и ее тоже заставил сделать, чтобы быть готовыми к длинному путешествию в воскресенье. Она слушалась его не возражая.

Этой ночью он нашел не ручей, а ирригационный канал с бетонными стенками шириной около двух метров. Искупался в его медленно текущей воде, затем принес полные питьевые контейнеры в укрытие, разбудил Лайлак и развязал. Он провел ее через заросли, стоял и смотрел, пока она купалась. Ее мокрое тело отсвечивало в слабом свете месяца.

Он помог ей вылезти на берег, подал полотенце и стоял рядом, пока она вытиралась.

— Ты знаешь, почему я все это делаю? — спросил он.

Она удивленно взглянула на него

— Потому что я люблю тебя.

— Тогда разреши мне уйти,— сказала она.

Он покачал головой.

— Тогда как ты можешь говорить, что любишь меня?

— Люблю,— сказал он.

Она наклонилась и стала вытирать ноги.

— Ты хочешь, чтобы я снова заболела? — спросила она.

— Да,— ответил он.

— Тогда ты ненавидишь меня,— сказала она,— ты не любишь меня.

Она выпрямилась. Он взял ее за руку, прохладную и влажную, мягкую.

— Лайлак...— сказал он.

— Анна.

Он попробовал поцеловать ее в губы, но она отстранилась. Он поцеловал ее в щеку.

— Теперь направь на меня свой пистолет и изнасилуй,— сказала она.

— Я не сделаю этого,— ответил он и отпустил ее руку.

— Не знаю, почему бы тебе этого не сделать,— сказала она, надевая комбинезон и наощупь застегивая его.— Пожалуйста, Ли, давай вернемся в город. Я уверена, что тебя можно вылечить, потому что если бы ты был по-настоящему болен, неизлечимо болен, ты бы изнасиловал меня. Ты бы был гораздо менее добрым, чем сейчас.

— Пошли в укрытие,— сказал он.

— Пожалуйста, Ли...— настаивала Лайлак.

— Чип,— поправил он.— Меня зовут Чип. Пошли,— он кивнул в сторону укрытия, и они пошли, пробираясь через заросли.

Ближе к концу недели она взяла его ручку и книгу, которую он читал, и стала рисовать картинки на обороте обложки — почти похожих Христа и Вей, дома, свою левую руку и ряд оттененных крестов и серпов. Он смотрел за ней, чтобы убедиться, что она не пишет записок, которые попытается передать кому-нибудь в воскресенье.

Потом нарисовал здание и показал ей.

— Что это? — спросила она.

— Здание.

— Нет, не похоже.

— Это здание,— сказал он.— Не обязательно всем им быть плоскими и прямоугольными.

— А что это за овалы?

— Окна.

— Никогда не видела такого здания,— сказала она.— Даже в до-Объединенческом. Где оно?

— Нигде,— сказал он.— Я его придумал.

— Ох,— сказала она,— тогда это не здание, оно не настоящее. Как ты можешь рисовать то, чего нет?

— Я болен, член? — спросил он.

Она вернула ему книгу, не глядя в глаза.

— Не шути с этим,— сказала она.

Он надеялся — ну, не надеялся, но думал, что это возможно, случится,— что в субботу ночью, из привычки или из желания, или только из членской доброты, она проявит женский интерес к нему. Но этого не произошло. Она была такая же, как во все другие ночи, тихо сидела в сумерках, обхватив руками колени, смотря на ленту пурпурного неба между качающимися черными верхушками деревьев и черным каменным козырьком над головой.

— Субботняя ночь,— сказал он.

Я знаю,— ответила она.

Они молчали несколько секунд, а затем она сказала:

— Я не получу мое лечение, да?

— Нет,— сказал он.

Тогда я могу забеременеть,— сказала она.— Мне нельзя иметь детей, и тебе тоже.

Он хотел сказать ей, что они идут в такое место, где решения Уни не имеют силы, но было еще слишком рано: она могла испугаться и стать неуправляемой.

— Да, я думаю, ты права, — сказал он.

Он связал ее, накрыл и поцеловал в щеку. Она молча лежала в темноте. Он встал с колен и пошел к своим одеялам.

Отрезок пути в воскресенье прошел благополучно. Рано утром группа молодых членов остановила их, но только чтобы попросить о помощи в починке велосипеда. Лайлак сидела на траве в стороне, пока Чип работал. К закату солнца они были в парковой зоне к северу от '14266. Проехали около семидесяти пяти километров.

Опять было трудно найти укрытие, но Чип все-таки нашел — развалины стен до-Объединенческого или ранне-Объединенческого здания, покрытые, как крышей, провисающей массой дикого винограда и ползучих растений — это укрытие было больше и удобнее, чем то, которое было у них на прошлой неделе. В ту же ночь, несмотря на то что они ехали весь день, он пошел в '266 и принес трехдневный запас пирогов и напитков.

Лайлак стала раздражительной.

— Я хочу почистить зубы, — сказала она, — и я хочу принять душ. Сколько мы еще будем так жить? Всегда? Тебе, может быть, нравится жить, как животному, но мне нет, я человек. И я не могу спать со связанными руками и ногами.

— Ты же спала на прошлой неделе, — сказал он.

— Ну, а теперь не могу!

— Лежи тихо и дай мне поспать, — приказал он.

Когда она смотрела на него, в ее взгляде не было больше жалости. Она неодобрительно хмыкала, когда он брился и когда читал, отвечала коротко или вообще не отвечала, когда он о чем-то спрашивал. Она заартачилась, когда они делали гимнастику, и ему пришлось взять пистолет и пригрозить ей.

Время подходит к восьмому маркса, дню ее лечения, сказал он себе, и эта раздражительность — естественная реакция на положение пленника и дискомфорт, это признак здоровой Лайлак, которая похоронена в Анне СГ. Это должно радовать его, но жить рядом с агрессивностью и раздражительностью гораздо труднее, чем с симпатией и членским послушанием, которые были на прошлой неделе.

Она жаловалась на насекомых и на скуку. Была одна дождливая ночь, и она жаловалась на дождь.

Однажды ночью Чип проснулся и услышал, что она двигается. Он посветил фонариком. Она развязала руки и развязывала ноги. Он снова связал ее и ударил.

В эту субботнюю ночь они не разговаривали.

В воскресенье снова ехали на велосипедах. Чип держался близко к ней и был начеку, когда им встречались члены. Он напомнил ей, чтобы она улыбалась, кивала, отвечала на приветствия, вела себя так, как будто все в порядке. Они ехали в мрачной тишине, и он боялся, что несмотря на угрозу пистолетом она позовет на помощь или в любой

момент остановится и откажется ехать дальше. «Не только тебя,— сказал он,— всех, кто окажется рядом, я убью. Клянусь, что я это сделаю». Она послушно крутила педали, улыбалась и кивала обиженно. У Чипа заклинило переключение передач, и они проехали только сорок километров.

К концу третьей недели ее раздражение спало. Она сидела нахмурившись, срывала травинки, разглядывала свои пальцы, крутила браслет на запястье. Она с любопытством смотрела на Чипа, будто раньше его не видела, и подчинялась его словам медленно, механически.

Он был занят починкой велосипеда и оставил ее бодрствующей, без присмотра.

Однажды вечером на четвертой неделе она спросила:

— Куда мы едем?

Он посмотрел на нее секунду и сказал:

— На остров, который называется Маджорка. В Море Вечного Мира.

— Маджорка? — переспросила она.

— Это остров неизлечимых,— сказал он.— Еще в мире семь таких островов. Нет, пожалуй, больше, чем семь, потому что некоторые из них — группы островов. Я нашел их на карте в до-Объединенческом, еще в Инд. Они были заклеены и не показаны на картах в МСД. Я собирался сказать тебе о них в тот день, когда меня... вылечили.

Она помолчала, а потом спросила:

— Ты сказал Кингу?

В первый раз она упомянула его. Должен он сказать ей, что Кингу не надо было ничего говорить, что он все знал и скрывал от них? Зачем? Кинг был мертв, зачем омрачать ее воспоминания о нем?

— Да, я сказал,— ответил он.— Он был поражен и очень воодушевлен. Я не понимаю, почему он... сделал то, что сделал. Ты знаешь об этом, правда?

— Да, я знаю,— сказала она, взяла кусок пирога и стала жевать. Спросила:

— Как они живут на этих островах?

— Не представляю,— сознался он.— Может, очень грубо, очень примитивно. Но лучше, чем здесь, я уверен.— Он улыбнулся.— Что бы там ни было, это — свободная жизнь. Она может быть и высоко цивилизованной. Первые неизлечимые, очевидно, были независимые и находчивые члены.

— Я не уверена, что хочу туда,— сказала она.

— Не торопись,— ответил он.— Через несколько дней ты будешь уверена. Ведь это именно у тебя появилась мысль, что колонии неизлечимых могут существовать, ты помнишь? Ты просила меня начать их искать.

Она кивнула:

— Я помню.

Позднее на той же неделе она взяла новую книгу на французском, которую он нашел, и попыталась читать. Он сидел рядом с ней и переводил.

В то воскресенье, когда они ехали на велосипедах, какой-то член нагнал Чипа и пристроился слева, не обгоняя и не отставая.

— Привет,— сказал он.

— Привет,— ответил Чип.

— Я думал, что старые велосипеды все уже сняли.— сказал он.

— Я тоже,— сказал Чип,— но там были и такие.

У этого члена рама велосипеда была тоньше и скорости переключались большим пальцем.

— В '935-м? — спросил он.

— Нет, в '939-м,— сказал Чип.

— О,— сказал член. Он посмотрел на их корзинки, набитые завернутыми в одеяла мешками.

— Нам лучше поспешить, Ли,— сказала Лайлак,— наших уже не видно.

— Ничего, они нас подождут,— сказал Чип. Им придется подождать, у нас все пироги и одеяла.

Член улыбнулся.

— Нет, давай поедem быстрее,— сказала Лайлак,— зачем заставлять их ждать.

— Ладно,— сказал Чип и, обращаясь к члену, добавил: — Хорошего дня.

— Вам тоже,— ответил тот.

Они стали быстрее крутить педали и вырвались вперед.

— Молодец, Лайлак,— сказал Чип,— он как раз собирался спросить, почему мы так много всего везем.

Лайлак не ответила.

Они проехали в тот день около восьмидесяти километров и добрались до парковой зоны к северо-западу от '12471, в одном дне пути от '082. Они нашли очень хорошее укрытие, треугольную расщелину между высокими каменными уступами с нависающими над ней деревьями. Чип нарезал ветвей, чтобы закрыть вход.

— Больше можешь меня не связывать,— сказала Лайлак,— я не уйду и не буду пытаться привлечь чье-то внимание. Можешь положить пистолет в мешок.

— Ты хочешь добраться туда? — спросил он.— На Маджорку?

— Конечно,— сказала она.— Горю желанием. Это то, чего я всегда хотела — когда я была собой, конечно.

— Хорошо,— сказал он, положил пистолет в мешок и не стал связывать ее в эту ночь.

Ее неожиданная небрежность показалась ему подозрительной. Не должна ли была она проявить больше энтузиазма? Да и благодарности тоже, это было то, чего он ожидал, то, что он заранее нарисовал себе — благодарность, проявление любви. Он лежал без сна, слушая ее медленное дыхание. Действительно она спит или притворяется? Может ли быть, что она дурачит его каким-то невообразимым образом? Он посветил на нее фонариком. Глаза закрыты, рот чуть-чуть открыт, руки вместе под одеялом, будто она связана.

Сейчас только двадцатое маркса, сказал он себе. Через неделю или две в ней будет больше чувства. Он закрыл глаза. Когда

проснулся, она подбирала с земли камешки и ветки. «Доброе утро», — сказала она приветливо.

Они нашли неподалеку ручеек и дерево с зелеными плодами, «оливу», как подумал Чип. Фрукты были странного вкуса, и они оба предпочли пироги.

Она спросила его, как ему удалось избежать лечений, и он рассказал ей про лист на мокром камне и про повязки, которые делал. Рассказ произвел на нее впечатление.

— Ты поступил умно, — сказала она.

Однажды ночью они ходили в '12471 за пирогами, напитками, полотенцами, туалетной бумагой, комбинезонами, новыми сандалиями и еще чтобы рассмотреть, насколько это возможно при фонарике, карту этой местности в МСД.

— Что мы будем делать, когда доберемся до '082? — спросила она на следующее утро.

— Спрячемся на берегу, — ответил Чип, — и каждую ночь будем ждать торговцев.

— А они решатся, — спросила она, — решатся приплыть на берег?

— Да, — сказал он, — я думаю, решатся. В стороне от города.

— А не плавают ли они скорее в Евр? Это ведь ближе.

— Будем надеяться, что они бывают и в Афр тоже, — сказал Чип. — Я хочу достать в городе несколько вещей, которые для них представляли бы ценность, когда туда доберемся. Мы продадим их. Надо об этом подумать.

— Есть ли надежда, что мы найдем лодку? — спросила она.

— Едва ли, — сказал он, — там нет островов вблизи берега, так что моторных лодок скорее всего нет. Конечно, всегда есть весельные лодки в парках развлечений, но я не могу представить, как мы греем двести восемьдесят километров, а ты?

— Это невозможно...

— Нет, — сказал он, — возможно. В самом худшем случае. Но я рассчитываю на торговцев или на какую-нибудь организованную спасательную операцию. Маджорке надо защищаться, потому что Уни знает о ней, он знает обо всех островах. Так что члены там должны искать сбегающих из Семьи, чтобы увеличивать свое население, свою мощь.

— Да, может быть, — сказала она.

Была еще одна дождливая ночь, и они сидели рядом, завернувшись в одеяло, забившись в самый угол своего убежища между высокими каменными уступами. Он поцеловал ее и попробовал расстегнуть верх комбинезона, но она задержала его руку.

— Я знаю, что это бессмысленно, — сказала она, — но у меня еще осталось небольшое предубеждение, что только в субботу вечером... Пожалуйста! Можем мы подождать до субботы?

— Это не имеет смысла, — сказал он.

— Я знаю, но... пожалуйста... Можно нам подождать?

— Ты уверена, что хочешь подождать?

— Да, Чип.

Они читали и думали, что лучше взять из '082 для продажи. Потом он проверил велосипеды, она сделала гимнастику, делала ее дольше и тщательнее, чем он.

В субботу вечером он вернулся с ручья, и она стояла, держа в руках направленный на него пистолет, ее глаза сузились и смотрели с ненавистью.

— Он позвонил мне перед тем, как сделал это,— сказала она.

— Что ты...— начал Чип.

— Да! — закричала она.— Кинг позвонил мне! Ты лгун! Ненавистный...— Она нажала на курок. Снова и снова. Посмотрела на пистолет, потом на него.

— Там нет генератора,— сказал он.

— Какую же драку ты...— Она размахнулась и кинула пистолетом в него. Он поднял руки, пистолет больно ударил в грудь, и у него перехватило дыхание.

— Пойти с тобой? — кричала она.— Трахаться с тобой? После того, как ты его убил?

Он схватился за грудь, с трудом мог вздохнуть.

— Я не убивал его! — сказал он.— Он сам себя убил, Лайлак! Христос и...

— Потому что ты солгал ему! Солгал про нас! Сказал ему, что мы...

— Это он так думал, я сказал ему, что это не так! Я сказал ему, но он никак не хотел мне верить!

— Ты не возразил ему,— сказала она.— Он сказал, что ему все равно, что мы один другого стоим, а потом он повесил трубку и...

— Лайлак,— сказал он,— я клянусь любовью Семьи, что я сказал ему, что это неправда!

— Тогда почему он убил себя?

— Потому что он знал!

— Потому что ты ему сказал! — произнесла она, повернулась и схватила свой велосипед и протаранила наваленные кучей ветки у входа в расщелину.

Он побежал и схватился за велосипед двумя руками.

— Ты останешься здесь! — крикнул он.

— Отпусти! — сказала она, обернувшись.

Он взял велосипед за раму, повернул и отбросил в сторону. Схватил ее за руку. Она ударила его, но он не отпустил ее.

— Он знал про острова! — сказал он.— Про острова! Он был там, недалеко, торговал с членами! Вот почему я знаю, что они приходят на берег!

Она уставилась на него.

— О чем ты...— сказала она.

— У него было поручение возле одного из островов,— сказал он.— Фолклендские острова, недалеко от Арг. И он встречался с теми членами и торговал с ними. Он не сказал нам, потому что он бы туда не ушел, и он не хотел уходить! Вот почему он себя убил. Он знал, что ты все узнаешь от меня, и ему было стыдно, и он устал, и он бы перестал быть Кингом — королем!

— Ты лжешь мне так же, как солгал ему,— сказала она и выдернула руку, комбинезон порвался у нее на плече.

— Вот откуда у него были духи и семена табака,— сказал он.

— Я не хочу тебя слышать,— сказала она,— и видеть. Я пойду одна,— она шагнула к своему велосипеду, подняла вывалившиеся из корзинки мешок и одеяло.

— Не будь душой,— сказал он.

Она подняла велосипед, швырнула мешок в корзинку и запихнула сверху одеяло. Он подошел к ней и взял велосипед за седло и руль.

— Одна ты не пойдешь!

— Пойду,— ее голос дрожал. Они оба с двух сторон держались за велосипед. Ее лицо краснело в сгущающейся темноте.

— Я не собираюсь тебя отпускать,— сказал он.

— Я сделаю то, что сделал он, прежде, чем пойду с тобой.

— Послушай меня, ты...— сказал он.— Я мог быть на таком острове полгода назад! Я был уже на пути и вернулся с полдороги, потому что не хотел оставлять тебя мертвой и безмозглой! — он положил руку ей на грудь и сильно толкнул, отбросив к каменной стене. Отшвырнул в сторону задрезавший велосипед. Потом шагнул к ней и прижал ее руки к камню.— Я приехал сюда аж из США,— сказал он,— и мне нравится эта животная жизнь не больше, чем тебе. Мне до драки, любишь ты меня или ненавидишь,— «Ненавижу»,— сказала она,— ты будешь со мной! Пистолет не стреляет, но есть камни и руки. Тебе не придется себя убивать, потому что...— боль пронзила его пах — она ударила его коленом,— и она уже была на расстоянии от него, у выхода, бледно-желтым силуэтом, разгребая, толкая ветки.

Он подскочил и поймал ее за руку, повернул к себе и бросил ее, кричащую, на землю. «Скотина,— завизжала она.— Ты, больной, агрессивный...» — и он накинулся на нее и прижал свою руку к ее рту, изо всех сил. Ее зубы поймали кожу его ладони и стали кусать ее, все сильнее и сильнее. Она брыкалась, а сжатыми в кулаки руками била его по голове. Он прижал ее бедро коленом, стопой другой ноги — другую ее ногу, в лодыжке, поймал ее за запястье и перестал обращать внимание на ее вторую руку, которая била его, и на продолжающие впиваться в ладонь зубы. «Тут может быть кто-нибудь! — сказал он.— Сегодня суббота! Ты что, хочешь чтобы нас обоих вылечили?» — она продолжала бить его и кусать ладонь.

Ее удары замедлились и прекратились, зубы разжались, отпустили. Она лежала, тяжело дыша, глядя на него. Попыталась пошевелить ногой под его стопой, но он крепче прижал ее к земле. Он продолжал сжимать ее запястье и зажимать ей рот. Он чувствовал, что она как будто откусила кусок плоти с его ладони.

То, что она сдалась, лежит под ним, с раздвинутыми ногами, неожиданно возбудило его. Он подумал: сорвать с нее комбинезон и «взять ее»? Разве она не сказала, что им надо подождать до субботы? И, может быть, она прекратит нести чепуху насчет Кинга, и что она его ненавидит, перестанет драться — а именно это они и делают, дерутся,— и произносят ругательства на французском.

Ее глаза смотрели на него.

Он отпустил ее лодыжку и взялся за комбинезон в том месте, где тот был порван — на плече. Он разорвал его дальше поперек груди, и она снова начала бить его, напрягать ноги и кусаться.

Он разорвал комбинезон до конца, так, что она вся была открыта спереди, и тут он ее почувствовал, почувствовал мягкие и подвижные груди и гладкий живот, лобок с небольшим количеством густых волос, влажные губы под ним. Ее руки били его по голове и вцеплялись в волосы, зубы кусали ладонь. Он продолжал ощупывать ее другой рукой — груди, живот, лобок, губы, поглаживал ее, щекотал, трогал ее, все больше возбуждаясь — и наконец расстегнул свой комбинезон. Ее нога вывернулась из-под его стопы и лягнула, но он снова прижал ее. Она перекатилась, пытаясь сбросить его, но он прижал ее ноги своей ногой. Он лег на нее, прижав ступнями ее лодыжки, и ноги ее тоже прижал к земле своими расставленными коленями, вытащил свои части и с силой вошел в нее, поймал одну ее руку и пальцы другой. «Стой, — сказал он, — стой», — и продолжал входить внутрь. Она брыкалась и извивалась, глубже вгрызаясь в его ладонь. Он был уже наполовину в ней, поднажал, и вошел полностью. «Стой, — сказал он, — стой». Он медленно двигался, отпустил ее руки и нашел ее груди под собой. Он стал ласкать их мягкость и напрягающиеся соски. Она укусила его руку и снова стала извиваться. «Стой, — сказал он, — перестань, Лайлак». Он медленно двигался в ней, потом быстрее и резче.

Он встал на колени и посмотрел на нее. Она лежала, закрыв глаза рукой, другая ее рука была откинута, груди поднимались и опускались.

Он нашел одно из одеял, встряхнул и накрыл ее.

— Ты в порядке? — спросил он, склоняясь над ней.

Она промолчала.

Он нашел фонарик и посмотрел на свою ладонь. Из овально расположенных свежих ранок бежала кровь.

— Христос и Веи, — сказал он. Он полил это место водой, вымыл с мылом и высушил. Оглянулся в поисках аптечки первой помощи и не смог ее найти.

— Ты взяла аптечку? — спросил он.

Она ничего не ответила.

С поднятой вверх рукой, он нашел свой вещмешок, открыл его и достал аптечку. Сел на камень и положил аптечку на колени, а фонарик — на другой камень, рядом.

— Животное, — сказала она.

— Я не кусаюсь, — сказал он. — И я не пытаюсь убить. Христос и Веи, ты думала, что пистолет заряжен, — он распылил на ладонь исцелитель, сначала тонкий слой, потом толстый.

— Скотина, — сказала она.

— Ну, давай, — сказал он. — Уж не начинай этого опять.

Он развернул бинт и услышал, что она поднимается с земли, услышал, как зашуршал ее комбинезон, когда она снимала его. Голая, она подошла, взяла фонарик и пошла к своему вещмешку, вынула

мыло, полотенце, комбинезон и пошла вглубь расщелины, где за несколько дней, до этого она сделала ступеньки из камней, чтобы выходить с той стороны к ручью.

Он в темноте наложил повязку, потом нашел на земле, около ее велосипеда, ее же фонарик. Он поставил велосипед рядом со своим, собрал одеяла и устроил два спальных места, как обычно; потом положил свой мешок рядом с ее мешком, поднял пистолет и обрывки ее комбинезона. Пистолет он положил себе в мешок.

Из-за темного каменного утеса, сквозь черные неподвижные листья, выглянула луна.

Она не возвращалась, и он начал бояться, что она ушла пешком.

Наконец она вернулась. Положила мыло и полотенце в свой мешок, выключила фонарик и забралась между одеял.

— Я возбудился, когда ты оказалась подо мной,— сказал он.— Я всегда желал тебя, а эти последние недели были просто непереносимыми. Ты знаешь, что я тебя люблю, знаешь?

— Я пойду одна,— сказала она.

— Когда мы доберемся до Маджорки,— сказал он,— если мы туда доберемся, ты можешь делать все, что хочешь, но пока мы туда не добрались, мы будем держаться вместе. Да, Лайлак?

Она не ответила.

Он проснулся от странных звуков, взвизгиваний и болезненного хныканья. Сел и посветил на нее фонариком, она закрыла руками рот, и по ее лицу бежали из закрытых глаз слезы.

Он подбежал к ней, склонился, потрогал ее лоб.

— Лайлак, не надо,— сказал он.— Не плачь, Лайлак, пожалуйста, не надо,— она плачет, подумал он, потому что он сделал ей больно, может быть, изнутри.

Она продолжала плакать.

— Лайлак, извини меня! — сказал он.— Извини меня, любимая! О, Христос и Веи, уж лучше бы пистолет сработал.

Она покачала головой, не отнимая рук ото рта.

— Ты поэтому плачешь? — сказал он.— Потому, что я сделал тебе больно? Тогда почему? Если ты не хочешь идти со мной, то и не надо, не ходи.

Она снова покачала головой, продолжая плакать.

Он не знал, что делать. Он сидел рядом с ней, глядя ее по голове, и спрашивал почему она плачет, и говорил ей, чтобы она не плакала, а потом он взял свои одеяла, расстелил их рядом с ней, лег, повернул ее к себе и обнял. Она продолжала плакать, он проснулся, она глядела на него, лежа на боку, подперев голову ладонью.

— Нам нет смысла идти по отдельности,— сказала она,— так что пойдем вместе.

Он попытался вспомнить, что они говорили перед тем, как заснуть. Насколько он мог вспомнить, ничего; она плакала.

— Хорошо,— сказал он, не понимая ее.

— Мне очень стыдно за пистолет,— сказала она. Как я могла это сделать? Я была уверена, что ты солгал Кингу.

— Мне очень стыдно за то, что я сделал,— сказал он.

— Не надо,— сказала она.— Я тебя не виню. Все было абсолютно естественно. Как твоя рука?

Он вытащил руку из-под одеяла и согнул ее, рука больно заныла.

— Ничего,— сказал он.

Она взяла его руку в свою и посмотрела на повязку.

— Ты распылил лекарство?

— Да,— сказал он.

Она смотрела на него, по-прежнему держа его руку в своей. Глаза ее были большие, карие и по-утреннему ясные.

— Ты правда отправился на остров и вернулся? — спросила она.

Он кивнул.

Она улыбнулась и снова посмотрела на его руку, поднесла ее к губам и стала целовать пальцы, один за другим.

Глава четвертая

Они выехали только поздним утром и долго ехали быстро, чтобы компенсировать свою утреннюю расслабленность. Стоял странный день, с дымкой в воздухе, тяжело дышалось, небо было серо-зеленое, а солнце казалось белым диском, на который можно смотреть широко открытыми глазами. Это был сбой в контроле за погодой, Лайлак вспомнила похожий день в Кит, когда ей было двенадцать или тринадцать лет. («Ты там родилась?» — «Нет, я родилась в Мек» — «Правда? Я тоже!») Теней не было, и велосипеды, попадавшие им навстречу, казалось, висели над землей, как автомобили. Члены понимающе смотрели на небо и, подъехав ближе, кивали без улыбки.

Когда они сидели на траве, деля на двоих контейнер с пирогом, Чип сказал:

— Теперь лучше ехать медленно. На велодорожке могут быть сканеры, нужно выбирать подходящий момент, чтобы их благополучно миновать.

— Сканеры из-за нас? — спросила Лайлак.

— Не обязательно,— ответил он.— Просто потому, что это ближайший город к одному из островов. Разве ты не приняла бы дополнительных предосторожностей, если бы была Уни?

Он боялся не столько сканеров, сколько того, что впереди их может ждать медицинская команда.

— А что, если члены нас там поджидают? — спросила она.— Советчики и врачи, с нашими фотографиями?

— Это не очень вероятно, много времени прошло,— сказал Чип.— Надо попытаться счастья. У меня есть пистолет и нож,— он потрогал карман.

Через секунду она спросила:

— Ты ими воспользуешься?

— Да,— сказал он.— Думаю, да.

— Надеюсь, что не придется,— сказала она.

— Я тоже.

— Лучше тебе надеть темные очки,— сказала Лайлак.

— Сегодня? — он посмотрел на небо.

— Из-за твоего глаза.

— Ах,— сказал он,— конечно.— Он вынул очки от солнца и надел их, посмотрел на нее и улыбнулся.— А ты вряд ли сможешь что-нибудь сделать. Разве что, выдохнуть и задержать дыхание.

— Что ты имеешь в виду? — спросила она, покраснела и добавила: — Их не видно, когда я одета.

— Это первое, что я заметил, когда взглянул на тебя,— сказал Чип,— их.

— Я тебе не верю,— сказала она.— Ты врешь. Врешь. Правда? Он рассмеялся и дернул ее за подбородок.

Они ехали медленно. На велодорожке сканеров не оказалось. Никакая медицинская команда не остановила их.

Все велосипеды в этих местах были нового типа, но никто ничего не сказал насчет их старых велосипедов.

К вечеру они были в '12082. Проехали в западную часть города, вдыхая запах моря, внимательно смотря на дорожку впереди себя.

Они оставили велосипеды в парковой зоне и пешком вернулись к столовой, где ступеньки спускались к пляжу. Море было далеко под ними, оно мягко раскинулось, синее море — далеко-далеко, до туманного зеленоватого горизонта.

— Эти члены не дотронулись,— произнес детский голос.

Рука Лайлак жала руку Чипа. «Идем дальше»,— сказал он. Они пошли вниз по бетонным ступеням, спускавшимся с крутого утеса.

— Эй, вы, там! — воскликнул член, мужчина.— Вы, два члена!

Чип выдернул свою руку из руки Лайлак, и оба они обернулись. Член стоял за сканером на верхней ступеньке, держа за руку голую девочку пяти-шести лет. Она терла голову красным совком и смотрела вниз на них.

— Вы сейчас дотронулись? — спросил член.

Они переглянулись и посмотрели на члена.

— Конечно,— сказал Чип.

— Да, конечно,— сказала Лайлак.

— Он не сказал «да»,— сказала девочка.

— Сказал, сестра,— строго произнес Чип.— Если бы он не сказал, мы бы не прошли, правда? — он посмотрел на члена и позволил себе улыбнуться. Член наклонился и что-то сказал девочке.

— Нет, он не сказал,— произнесла та.

— Пойдем,— сказал Чип Лайлак. Они повернулись и пошли вниз.

— Маленькая ненавистница,— сказала Лайлак, а Чип ответил:

— Просто пойдем дальше...

Они спустились до самого низа и остановились снять сандалии. Чип, стоящий сзади, обернулся и посмотрел вверх: члена с девочкой не было, по лестнице спускались другие члены.

Пляж был полупустой, под странным туманным небом в дымке. Члены сидели и лежали на одеялах, многие — в комбинезонах. Все были молчаливы и разговаривали тихо, и музыка из громкоговорителей — «Воскресенье, День Веселья» — звучала громко и неестественно. Группа детей прыгала через веревочку у края воды: «Спасибо, Маркс, Христос, Вуд, Вей, — за этот идеальный день. Вей, Вуд, Христос и Маркс...»

Они пошли по берегу на запад, держась за руки и неся свои сандалии в другой руке. Узкий пляж стал еще уже, народу становилось все меньше. Впереди стоял скандер, прямо на границе утесов и моря.

Чип сказал:

— Я никогда раньше не видел сканера на пляже.

— Я тоже, — сказала Лайлак.

Они переглянулись.

— Вот туда мы и пойдем, — сказал он, — попозже.

Она кивнула, и они ближе подошли к сканеру.

— У меня дурацкое желание дотронуться до него, — сказал Чип. — Пошел в драку, Уни, вот я где!

— Не смей, — сказала она.

— Не волнуйся, — казал он, — я не буду.

Они пошли назад, к центру пляжа. Сняли комбинезоны, вошли в воду и заплыли далеко. Повернувшись спиной к морю, они внимательно рассматривали берег за сканером, серые утесы, постепенно таявшие в серо-зеленой дымке. С утесов взлетела птица, покружила и полетела обратно. Она исчезла, скрылась в щели, казавшейся полоской, толщиной в волос.

— Там, возможно, есть пещера, где мы сможем устроиться, — сказал Чип.

Спасатель свистнул и помахал им. Они поплыли обратно к берегу.

— Без пяти пять, члены, — произнес громкоговоритель. — Мусор и полотенца в корзины, пожалуйста. Не забывайте о членах вокруг вас, когда вытряхиваете одеяла.

Они оделись, поднялись обратно наверх по ступенькам и пошли к рощице, в которой оставили велосипеды. Они отвели их подальше в рощу. Сели отдохнуть. Чип почистил компас, фонарики и нож, а Лайлак завязала все остальное в один узел.

Через час или около того после наступления темноты они пошли в столовую, набрали целую коробку пирогов и напитков и снова пошли на пляж. Миновали сканер. Ночь была безлунная и беззвездная, дневная дымка все еще висела в воздухе. В колыхавшемся крае воды то там, то тут вспыхивали фосфоресцирующие искры, все остальное пространство было одной сплошной темнотой. Чип держал под мышкой коробку с пирогами и напитками. Через каждые несколько секунд он освещал путь фонариком. Лайлак несла узел.

— В такую ночь торговцы не приплывут, — сказала она.

— Зато никого не будет на пляже, — ответил Чип. — Никаких сексуально-диких двенадцатилетних. Это хорошо.

Но нет, это плохо, подумал Чип. Что, если дымка останется на много дней и ночей, задержав их на самом краю свободы? Возможно ли, что Уни специально создал эту дымку, именно для этой цели? Он улыбнулся своим мыслям.

Они шли, пока не решили, что находятся где-то на полдороге между '082 и следующим городом на западе; тогда они положили на землю коробку, узел и принялись искать подходящую пещеру. Они нашли пещеру через несколько минут — низкую щель с песчаным полом, замусоренную обертками от пирогов и, странным образом, двумя кусками — голубым «Египтом» и розовой «Эфиопией», — оторванными от до-Объединенческой карты. Они внесли в пещеру коробку и узел, расстелили одеяла, поели и легли рядом.

— Ты можешь? — спросила Лайлак, — после сегодня утром и вчера вечером?

— Без лечений, — сказал Чип, — все возможно.

— Это фантастика, — сказала Лайлак.

Позднее Чип сказал:

— Даже если мы дальше никуда не доберемся, даже если через пять минут нас поймают и вылечат, это того стоило. Мы были сами собой, живыми, по крайней мере, несколько часов.

— Мне нужна вся моя жизнь, а не ее кусочек, — сказала Лайлак.

— Она у тебя будет, — сказал Чип. — Я тебе обещаю, — он поцеловал ее в губы, лаская ее щеку в темноте. — Ты останешься со мной? — спросил он. — На Маджорке?

— Конечно, — сказала она. — А почему нет?

— Ты же не собиралась, — ответил Чип. — Помнишь? Ты даже не собиралась добраться со мной досюда.

— Христос и Веи, это было вчера вечером, — сказала она и поцеловала его. — Конечно, я останусь, — сказала она. — Ты разбудил меня, и теперь мы с тобой крепко связаны.

Они лежали, обнимая и целуя друг друга.

— Чип! — закричала она — наяву, а не во сне.

Она была рядом с ним. Он сел и стукнулся головой о камень, схватил нож, который перед сном воткнул в песок.

— Чип! Смотри! — он нащупал нож и встал на колени, опершись на руку. Она была темным силуэтом, склонившимся у слепого голубого выхода пещеры. Он поднял нож, готовый искромсать любого, кто б ни появился.

— Нет, нет, — сказала она, смеясь. — Иди сюда, посмотри! Ну же! Ты не поверишь!

Щурясь на сверкание неба и моря, он подполз к ней.

— Смотри, — сказала она счастливо, показывая на берег.

Метрах в пятидесяти от них на песке лежала лодка, маленькая двухвинтовая моторная лодка, старая, с белым корпусом и красным низом. Она лежала в песке у самой воды, слегка наклонившись

вперед. Можно было разглядеть белые пятна на корпусе и на ветровом стекле: части стекла, похоже, не было.

— Давай посмотрим, цела ли она! — сказала Лайлак. Положив руку на плечо Чипу, она начала выбираться из пещеры, он бросил нож, схватил ее за руку и втянул обратно.

— Подожди минутку!

— Почему? — она посмотрела на него.

Он потерял голову в том месте, где ударился, и нахмурился, глядя на лодку — такую бело-красную и пустую, и удобную, ясным солнечным, совсем не туманным утром.

— Это какой-то фокус, — сказал он. — Ловушка. Это слишком удобно. Мы ложимся спать, просыпаемся — и нам подали лодку. Ты права. Я не верю.

— Ее нам не «подали», — сказала Лайлак, — она здесь много недель. Посмотри, сколько на ней птичьего помета, и как глубоко она в песке носом!

— Откуда она? — раздумывал он. — Здесь поблизости нет островов.

— Может быть, торговцы приплыли на ней с Маджорки и попались на берегу, — сказала она. — Или, может, специально оставили для таких членов, как мы. Ты же говорил, что возможна спасательная операция.

— И никто ее не увидел и никуда не отвел за все то время, что она здесь стоит?

— Уни никого не пустил на эту часть пляжа.

— Давай подождем, — сказал он. — Давай просто немного подождем.

Она неохотно согласилась:

— Хорошо.

— Это слишком удобно, — сказал Чип.

— А почему все должно быть неудобно?

Они остались в пещере. Поели, снова увязали вещи в одеяла все время наблюдая за лодкой. По очереди ползали в конец пещеры и зарывали свои экскременты в песок.

Волны докатывались до низа лодки и опадали при отливе. Птицы кружились и садились на ветровое стекло и руль, четыре из них были чайки, и две какие-то коричневые, поменьше.

— Эта лодка становится все грязнее и грязнее с каждой минутой, — сказала Лайлак. — А что, если о ней стало известно и именно сегодня ее заберут?

— Говори шепотом, — попросил Чип. — Христос и Вей, жаль, что я не взял телескоп!

Он попробовал импровизировать телескоп из линзы компаса, линзы фонарика и свернутого листа картонки от коробки, но телескоп никак не хотел работать.

— Сколько мы собираемся ждать? — спросила Лайлак.

— До темноты, — ответил он.

Никто не прошел по пляжу, единственными звуками были шелест волн, порывы ветра и крики птиц.

Он пошел к лодке один, медленно и осторожно. Она была более старой, чем казалась из пещеры, поблекшая краска корпуса хранила следы починок, низ лодки был с вмятинами и облупился. Он обошел вокруг, не трогая ее, ища с фонариком признаки — он не знал, какие они могут быть — какой-нибудь хитрости, опасности. Он ничего не увидел, он видел только старую лодку, которая непонятным образом была брошена, без центральных сидений, с отбитым, примерно, на треть лобовым стеклом, вся запятнанная сухим птичьим пометом. Он выключил фонарик и посмотрел в сторону утесов — дотронулся до скобы и ждал сигнала тревоги. Утесы оставались темными и пустынными в бледном лунном свете.

Он ступил на борт, залез в лодку и осветил фонариком приборную доску. Управление казалось достаточно простым: выключатель приводных турбин и подъемной турбины, ручка управления скоростью со шкалой до 100 км/ч, рулевое колесо, несколько измерительных приборов и индикаторов, и переключатель с надписью «Автомат» и «Ручное», стоящий в положении «Ручное». Он нашел батарейный отсек в полу между передними сидениями и открыл его крышку, гарантийный срок батареи был до апреля 171 года, еще год.

Он посветил фонариком на турбинный отсек. В одной из турбин были навалены веточки. Он выгреб их, вынул застрявшие, и посветил фонариком в турбину — она была новая, блестящая. Вторая турбина была старая, лопасти винта ржавые, одной лопасти не хватало.

Чип сел на водительское место и нашел выключатель освещения приборной доски, который сработал. На маленьких часах зажглось 5.11, пят, 27 авг 169. Он включил одну тяговую турбину, затем вторую, они заскрежетали, но потом заработали мягко. Он выключил их, посмотрел на приборы и индикаторы и выключил освещение приборов.

Утес был так же пустынен, как раньше. Ни один член не выскочил из укрытия. Он обернулся к морю позади себя, оно было пустое и плоское, посеребренное сужающейся дорожкой, которая кончалась под почти полной луной. Никакие лодки не летели по нему.

Он посидел в лодке несколько минут, затем вылез из нее и пошел к пещере.

Лайлак стояла снаружи, у входа.

— Все в порядке? — спросила она.

— Нет, не в порядке, — ответил он. — Ее оставили не торговцы, потому что там нет никакой записки или чего-то в этом роде. Часы остановились в прошлом году, но у нее новая турбина. Я не пробовал подъемную турбину из-за песка, но даже если она работает, корпус треснул в двух местах, и лодка, может быть, так завязла, что вообще не сдвинется с места. С другой стороны, она может отвезти нас в '082 — в маленький приморский медицентр — даже если, похоже, телеконтроля за ней нет.

Лайлак печально смотрела на него.

— Тем не менее, мы можем попробовать, — сказал он. — Если ее оставили не торговцы, они не приплывут на берег, пока эта штука тут торчит. Может быть, мы просто два очень везучих члена. Чип отдал ей фонарик.

Он вынес коробку и узел из пещеры, взял все это под мышки. Они пошли к лодке.

— Как насчет того, чем торговать? — спросила она.

— У нас будет вот она, — сказал Чип. — Лодка должна стоять в сто раз больше, чем камеры или аптечки, — он посмотрел в сторону утесов. — Ну, доктора! — крикнул он. — Теперь можете выходить!

— Тс-с, не надо! — сказала она.

— Мы забыли сандалии, — сказал он.

— Они в коробке.

Он положил коробку и узел в лодку, и они соскоблили птичий помет с разбитого стекла двумя кусками раковины. Приподняли нос лодки, развернули ее в сторону моря, потом приподняли корму и подтащили к воде.

Так, попеременно поднимая то один, то другой конец, они наконец дотасовали лодку до бурунов, и она начала неуклюже качаться и плясать на волнах. Чип держал лодку, пока Лайлак забиралась в нее, потом оттолкнул от берега и забрался сам.

Он сел, включил освещение приборов. Лайлак села рядом, наблюдая. Он взглянул на нее — она с беспокойством смотрела на него — и включил тяговые турбины, а затем — подъемную. Лодка резко затряслась, бросая их из стороны в сторону. Снизу раздался громкий стук. Чип поймал рулевое колесо и повернул ручку регулировки скорости. Лодка рванулась вперед, тряска и стук уменьшились. Он увеличил скорость. Стук исчез, и тряска превратилась в ровную вибрацию. Лодка скользила по водной поверхности.

— Она не поднимается, — сказал он.

— Но движется, — отозвалась она.

— Но сколько она будет двигаться? Она не рассчитана, чтобы так биться о воду, и корпус уже треснул, к тому же, — Чип увеличил скорость, лодка заскользила по хохолкам зыби. Он попробовал рулевое колесо, лодка слушалась. Он направил лодку на север, вытащил компас и сравнил его показания с индикатором направления.

— Она не везет нас в '082, — сказал он. — По крайней мере, пока. Она посмотрела назад и вверх.

— Никого!

Он еще увеличил скорость, и нос поднялся чуть больше, но сила, с которой они ударялись о зыбь, возросла. Он сбросил скорость до прежней. Спидометр показывал пятьдесят шесть.

— Я не думаю, что мы идем больше сорока, — сказал он. — Будет уже светло, когда мы туда доберемся, если мы туда доберемся. Если доберемся, то все равно, когда. Я надеюсь не попасть не на тот остров, я не знаю, насколько она отклоняется от курса.

Рядом с Маджоркой были два других острова: ЕВР 91766, в сорока километрах к северо-востоку, медеплавильный комплекс, и ЕВР 91603, в восьмидесяти пяти километрах к юго-западу, где был комплекс по переработке водорослей и климатономический подцентр.

Лайлак приникла к Чипу, уклоняясь от ветра и брызг из-за отбитой части стекла. Чип сжимал рулевое колесо. Он смотрел на индикатор

тор направления, на освещенное луной море впереди, и на звезды, которые светили над горизонтом.

Звезды растворились, небо начало светиться, а Маджорки не было. Было только гладкое и бесконечное море вокруг них.

— Если мы идем со скоростью сорок,— сказала Лайлак,— то мы должны доплыть за семь часов. Уже прошло больше, верно?

— Может быть, мы не идем сорок,— сказал Чип.

Или, может быть, он слишком мало или слишком сильно отклонился влево в расчете на западное течение? Может, он проехал Маджорку и направляется в сторону Евр? Или, может быть, Маджорка не существует — ее закрыли на до-Объединенческих картах, потому что до-Объединенческие члены «разбомбили» ее до основания, а зачем напominать Семье о глупости и варварстве?

Он продолжал вести лодку, на волос отклоняясь от севера к западу, но немножко сбавил ход.

Небо еще больше просветлело, но острова все не было, никакой Маджорки. Они шарили глазами по горизонту — молча, избегая встречаться взглядами.

Последняя звезда сверкала над водой на северо-востоке. Нет, сверкала на воде. Нет — «Там свет»,— сказал он.

Она посмотрела, куда он показывал, и схватила его руку.

Огонек двигался по дуге из стороны в сторону, а потом вверх и вниз, будто маня. Он был, примерно, в километре.

— Христос и Веи,— сказал тихо Чип и направил лодку к нему.

— Осторожно,— сказала Лайлак,— может быть, это...

Он поменял руку на рулевом колесе, достал из кармана нож и положил себе на колени.

Огонек погас, и показалась маленькая лодка. Кто-то сидел в ней и махал какой-то бледной штукой, которую потом надел себе на голову — шапкой,— после чего продолжал махать рукой.

— Член,— сказала Лайлак.

— Ч е л о в е к,— сказал Чип. Он продолжал рулить в сторону лодки — весельная лодка, похоже,— держась одной рукой за руль, а другой — за рычаг регулировки скорости.

— Посмотри на него! — сказала Лайлак.

Махавший человек был маленький и седобородый с румяным лицом под широкополой желтой шляпой. Он был одет в синюю сверху и белую снизу одежду.

Чип замедлил ход, подошел ближе и выключил все три турбины.

Человек — старше шестидесяти двух и голубоглазый — фантастически голубоглазый — улыбнулся коричневыми зубами с прогалами на месте недостающих и сказал:

— Удирате от манекенов, верно? Свободы ищите? — его лодка плясала на боковой волне.

— Да,— сказал Чип.— Да, ищем. Мы пытаемся найти Маджорку.

— Маджорку? — переспросил человек. Он рассмеялся и почесал бороду.— Майорку,— сказал он,— а не Маджорку. Майорка! Но сейчас она называется «Свобода». Ее не называют Майорка, Бог знает сколько, лет сто, наверное. Это Свобода.

— Мы рядом? — спросила Лайлак.

А Чип сказал:

— Мы друзья. Мы пришли не для того, чтобы как-то... вмешаться, пытаться «вылечить» вас или что-нибудь в этом роде.

— Мы сами неизлечимые, — сказала Лайлак.

— Вы бы сюда не пришли, кабы не эдак, — сказал человек. — На то я и здесь, высматривать братву, вроде вас, и провожать в порт. Да, вы рядом. Она там, — и показал на север.

И теперь на горизонте ясно была видна низкая зеленая полоса. Розовые блики светились над ней в западной части — горы, освещенные первыми лучами солнца.

Чип и Лайлак посмотрели на них, посмотрели друг на друга, и снова на Маджорку-Майорку-Свободу.

— Держи конец, — сказал человек, — я привяжу его к вашей скобе и поднимусь к вам на борт.

Они повернулись друг к другу и переглянулись. Чип взял с колен нож и бросил на пол. Тронул Лайлак за руку.

Они улыбнулись друг другу.

— Я думала, мы его проехали, — сказала она.

— Я тоже, — сказал он. — Или что он больше не существует.

Они снова улыбнулись, наклонились друг к другу, и поцеловались.

— Эй, подайте мне руку! — Человек глядел на них с кормы лодки, цепляясь за борт пальцами с грязными ногтями.

Они подошли к нему. Чип встал коленом на заднее сиденье и помог мужчине забраться.

Его одежда была из полотна, шляпа обшита тонкими полосками желтой кожи. Он был на полголовы ниже их и улыбался широко и странно. Чип схватил его грубую руку и пожал ее.

— Я Чип, — сказал он, — а это — Лайлак.

— Рад познакомиться, — сказал голубоглазый бородатый старик, улыбаясь кривоzubой улыбкой. — Я — Даррен Костанца, — он пожал руку Лайлак.

— Даррен Костанца? — переспросил Чип.

— Да, такое имя.

— Какое красивое! — воскликнула Лайлак.

— У вас лодка... — сказал Даррен Костанца, оглядываясь.

— Она не поднимается, — ответил Чип, — но она принесла нас сюда. Нам повезло, что мы ее нашли.

Даррен Костанца улыбнулся им.

— А карманы у вас набиты камерами и всякими штуками? — спросил он.

— Нет, — сказал Чип, — мы решили ничего не брать. Был отлив, и...

— А вот это вы зря сделали, — сказал Даррен Костанца. — Совсем ничего не взяли?

— Пистолет без генератора, — сказал Чип, вынимая его из кармана. — Несколько книг и бритва там, в узле.

— Ну, это уже что-то, — сказал Даррен Костанца беря пистолет и глядя его большим пальцем по ручке.

— Мы сможем продать лодку, — сказала Лайлак.

— Нужно было взять больше, — сказал Даррен Костанца, отвернувшись. Чип и Лайлак удивленно переглянулись, и тут мужчина обернулся, в руке у него был пистолет. Он направил пистолет на них, пистолет же Чипа сунул себе в карман.

— Эта старая штука стреляет пулями, — сказал он, отступая к передним сидениям. — Ей не нужен генератор. Пиф-паф. А теперь в воду, быстро! Давайте. В воду.

Они смотрели на него.

— Прыгайте в воду, вы, тупые железяки! — закричал он. — Вы что, хотите пулю в голову? — он передвинул что-то в задней части пистолета и направил его на Лайлак.

Чип толкнул ее к борту лодки. Она забралась на поручень и на борт, и со словами: «Зачем он это делает?» — скользнула в воду. Чип прыгнул за ней.

— Прочь от лодки! — закричал Даррен Костанца. — Дальше, прочь! Плывите!

Они отплыли на несколько метров, комбинезоны надулись на них, а потом опали, наполнившись водой.

— Зачем вы это делаете? — спросила Лайлак.

— Сама догадайся, железка! — сказал Даррен Костанца, садясь на место рулевого.

— Мы утонем, если вы нас оставите! — прокричал Чип. — Мы не выплывем!

— А кто вас сюда приглашал? — сказал Даррен Костанца, и лодка с плеском рванулась прочь, гребная лодка плясала за ее кормой, разрезая клочья пены.

— Ты, в драку, братоненавистник! — прокричал Чип. Лодка повернула к восточной оконечности далекого острова.

— Он ее взял себе! — сказала Лайлак. — Он собирается сам ею торговать!

— Больной эгоистичный до-Объединенец, — сказал Чип. — Христос, Маркс, Вуд и Вей, у меня был нож в руке, и я его бросил на пол! «Ждет, чтобы проводить нас в порт»! Он пират, вот он кто, ненавистный...

— Перестань! Не надо! — сказала Лайлак, смотря на него с отчаянием.

— О, Христос и Вей! — сказал он.

Они растегнули комбинезоны и выскользнули из них.

— Не бросай, — сказал Чип. — Они будут держать воздух, если мы завяжем отверстия.

— Еще одна лодка! — воскликнула Лайлак.

— Слишком далеко... поплыли?..

Они обвязали рукава своих комбинезонов вокруг шеи и поплыли в прохладной воде. Остров был невозможно далеко — километров двадцать или больше.

Если мы сможем недолго отдыхать на надутых комбинезонах, думал Чип, то сможем проплыть столько, что нас заметят с другой лодки. Но кто там? Члены вроде Даррена Костанцы? Скверно пахнущие пираты и убийцы? Кинг был прав?

— Надеюсь, вы туда попадете,— сказал Кинг, лежа на кровати с закрытыми глазами.— Вы оба. Вы этого заслуживаете. В драку этого братоненавистника!

Вторая лодка оказалась рядом с пиратской, которая взяла дальше на восток, как бы для того, чтобы избежать встречи с ней.

Чип плыл ровно, поглядывая на Лайлак, плывущую рядом. Выдержат ли они? Доберутся ли до острова или утонут, захлебнутся, медленно опустятся в темнеющие воды?.. Он отогнал от себя эти мысли.

Вторая лодка остановилась, их собственная была теперь от нее дальше, чем раньше. Но вторая лодка теперь казалась больше, и все увеличивалась.

Они развязали рукава комбинезонов у горла и принялись размахивать светло-голубым, ярко-желтым.

— Сюда! — кричали они.— Помогите! Помогите! Помогите! — продолжая махать комбинезонами.

Лодка вильнула в сторону, потом резко обратно. Она направилась прямо на них, увеличиваясь: просигналил гудок — громко, громко, громко, громко...

Подпрыгивая, она подошла и выросла до своей натуральной величины. П. И. было написано на ее носу крупно, зеленым: у нее была одна турбина. Лодка остановилась, и к ним побежала волна и накрыла с головой. «Держитесь!»! — прокричал человек в лодке. Что-то пролетело в воздухе и шлепнулось рядом с ними: плавающий круг на веревке. Чип схватил его, и веревка напряглась, ее тянул член — молодой, светловолосый. Он подтащил их к лодке. «Я в порядке,— сказала Лайлак под рукой Чипа.— Я в порядке».

По борту лодки шли вверх скобы-ступени. Лайлак пыталась взобраться по скобам, но пальцы не слушались. Молодой мужчина, блондин, перегнувшись через борт, помог ей.

Чип подтолкнул ее за ноги вверх и начал взбираться сам.

Они лежали на теплой твердой палубе под колючими одеялами и тяжело дышали. Светловолосый по очереди приподнял их головы и приставил к их губам маленький металлический контейнер. Жидкость в нем пахла так же, как Даррен Костанца. Она обожгла им горло, но как только они проглотили ее, жидкость чудесным образом согрела желудки.

— Алкоголь? — спросил Чип.

— Не беспокойтесь,— сказал молодой блондин, улыбаясь им сверху вниз нормальными зубами, накручивая контейнер на фляжку,— от одного глотка ваш мозг не разложится,— ему было лет двадцать пять, небольшая мордочка, тоже светлая, нормальные глаза, нормальная кожа. На бедре на коричневом поясе из кармана торчал пистолет. На светловолосом была белая полотняная рубашка без рукавов и залатанные синим коричневатые брюки до колен, тоже из полотна. Положив фляжку на сидение, он расстегнул пояс с пистолетом.

— Достану-ка я ваши комбинезоны,— сказал он.— А вы попробуйте отдышаться,— он положил пояс с пистолетом рядом с фляжкой и встал на борт. Раздался всплеск, катер качнулся.

— По крайней мере не все такие, как тот,— сказал Чип.

— У него пистолет,— сказала Лайлак.

— Но он оставил его здесь,— сказал Чип.— Если бы он был... болен, он бы побоялся.

Они тихо лежали под колючими одеялами, держась за руки, глубоко дыша, глядя в чистое синее небо.

Катер наклонился, и молодой человек вскарабкался на борт с их комбинезонами, с которых ручьями стекала вода. Его волосы, давно не стриженные, прилипли к голове мокрыми кольцами.

— Чувствуете себя лучше? — спросил он, улыбаясь им.

— Да,— ответили они оба.

Он вытряс воду из комбинезонов за борт.

— Извините, я не успел вовремя, чтобы уберечь вас от этого своба. Большинство иммигрантов приходят из Евр, так что я обычно держусь с северной стороны. Нам бы нужно две лодки, а не одна. Или локатор подальше.

— Вы... полицейский? — спросил Чип.

— Я? — молодой человек улыбнулся.— Нет, я работаю в Помощи Иммигрантам. Это такое агентство, которое нам любезно разрешили открыть, чтобы помогать новым иммигрантам осваиваться. И добираться до берега, не утонув,— он повесил комбинезоны на идущие по борту перила и расправил складки.

Чип приподнялся на локте.

— А это часто бывает? — спросил он.

— Воровать лодки иммигрантов — одно из любимых местных развлечений.— Есть и другие, еще веселее.

Чип сел, и Лайлак села рядом с ним. Молодой человек повернулся к ним, на его боку отблескивало розовым солнце.

— Мне жаль разочаровать вас,— сказал он,— но вы пришли совсем не в рай. Четыре пятых населения острова — потомки тех семей, которые жили здесь до-Объединения или пришли сразу после, они все давно перемешались, все между собой родственники — невежественные, мнительные, самодовольные, посредственности — и они презируют иммигрантов. «Железки» — они нас зовут. Из-за браслетов. Даже когда мы их уже сняли.

Он поднял с сидения пояс с пистолетом и снова застегнул его на бедрах.

— Мы зовем их «свобы»,— сказал он,— только никогда не говори это громко, а то тут же окажется, что пятеро-шестеро из них топчутся у тебя на ребрах. Это еще одно их развлечение.

Он снова посмотрел на них.

— Островом управляет Генерал Костанца,— сказал он,— с...

— Это тот, кто украл лодку! — сказали они.— Даррен Костанца!

— Сомневаюсь,— ответил молодой человек.— Генерал не встает

так рано. Ваш своб, должно быть, вам лапшу на уши навесил.

— Братоненавистник,— сказал Чип.

— Генерала Костанцу,— продолжал молодой человек,— поддерживает Церковь и Армия. Даже для свобов очень мало свободы, для нас же свободы практически нет. Нам приходится жить в особых районах, «Железгородах», и мы не можем выйти из них без существенного повода. Нам надо показывать удостоверения личности каждому свобскому полицейскому, и единственная работа, которую мы можем получить — самая грязная, самая трудоемкая,— он поднял фляжку.

— Хотите еще? — спросил он.— Это называется «виски».

Чип и Лайлак покачали головами.

Молодой человек отвинтил контейнер и налил в него янтарного цвета жидкость.

— Так, что я упустил? — сказал он.— Нам не разрешено владеть землей и оружием. Я сдаю пистолет, как только ступаю на берег,— он поднял контейнер и посмотрел на них.— Добро пожаловать на Свободу! — сказал он и выпил.

Чип и Лайлак обескураженно посмотрели друг на друга и на молодого человека.

— Так они его называют,— сказал он.— Свобода.

— Мы думали, они рады новым людям,— сказал Чип,— и что им будет легче обороняться от Семьи.

Молодой человек, закручивая контейнер на фляжку, сказал:

— Никто сюда не приходит, не считая двух-трех иммигрантов в месяц. Последний раз, когда Семья пыталась угрожать ланки, было еще тогда, когда было пять компьютеров. С тех пор, как в строй вошел Уни, ни одной такой попытки больше не было.

— Почему? — спросила Лайлак.

— Никто не знает,— сказал молодой человек.— Есть разные теории. Ланки думают, что или «Бог» их защищает, или что Семья боится Армии, компании пьяных ни на что не способных грубиянов. Иммигранты думают — ну, некоторые думают,— что остров такой загаженный, что Уни просто не хочет вонизься.

— А другие думают...— начал Чип.

Молодой человек положил фляжку на полку рядом с приборной доской. Он сел на сидение и снова повернулся к ним.

— Другие,— сказал он,— и я один из них, думают, что Уни использует остров, и свобов, и все спрятанные острова в мире.

— Использует их? — спросил Чип, а Лайлак сказала:

— Как?

— Как тюрьму для нас,— ответил молодой человек.

Они посмотрели на него.

— Почему на пляже всегда есть лодка? — спросил молодой человек.— Всегда, в Евр и в Афр — старая лодка, но еще способная добраться сюда. И почему эти заклеенные вручную карты в музеях? Не проще ли было сделать фальшивые карты, действительно без островов?

Они смотрели на него во все глаза.

— Что вы сделаете,— продолжал молодой человек, он тоже пристально глядел на них,— если вы программируете компьютер на поддержание идеально эффективного, идеально стабильного, идеально сотрудничающего общества? Как поступить с биологическими капризами, «неизлечимыми, возможными нарушителями спокойствия»?

Они ничего не ответили.

Он пригнулся к ним ближе.

— Вы оставляете несколько «не объединенных» островов по всему свету,— сказал он,— оставляете в музеях карты, а на берегу — лодки. Компьютеру не нужно удалять плохих, они сами себя удаляют. Они радостно мчатся в ближайшую изоляционную палату, а там свободы уже поджидают, во главе с Генералом Костанца, чтобы забрать их лодки, запихнуть их в Железгорода и держать их там беспомощных и безвредных — так, как высоконравственные ученики Христа, Маркса, Вуда и Вей даже и представить себе не могут.

— Этого не может быть,— сказала Лайлак.

— Многие из нас думают, что может,— сказал молодой человек.

Чип спросил:

— Уни разрешил нам придти сюда?

— Нет,— сказала Лайлак,— это слишком... запутанно.

Молодой человек посмотрел на Чипа.

Чип сказал:

— Я думал, что я такой ненавистнически умный!

— Я тоже,— сказал молодой человек, откидываясь на сидении.

Я представляю, как вы себя чувствуете.

— Нет, этого не может быть,— сказала Лайлак.

На секунду наступила тишина, а потом молодой человек сказал:

— Сейчас я вас отвезу на берег. ПИ снимет с вас браслеты, зарегистрирует и даст вам двадцать пять монет для начала,— он улыбнулся.— Как бы плохо ни было,— сказал он,— это лучше, чем с Семей.— Полотно гораздо удобнее паплона — правда,— и даже гнилая фига лучше по вкусу, чем уни-пироги. Вы можете иметь детей, пить, курить сигареты, иметь пару комнат — если много работаете. Некоторые железки даже умудряются разбогатеть — содержатели увеселительных заведений, главным образом.. Если вы говорите свобам «сэр» и держитесь в Железгороде, то все в порядке. Никаких сканеров, советчиков, и по телевизору не идет круглый год «Жизнь Маркса».

Лайлак улыбнулась. Чип тоже улыбнулся.

— Наденьте комбинезоны,— сказал молодой человек.— Нагота приводит свобод в ужас. Это «дурно»,— и он повернулся к приборной доске.

Они откинули одеяла и влезли в свои влажные комбинезоны, встали за спиной молодого человека, и он повел катер к острову. От острова расходились зеленые и золотые тучи только что взошедшего солнца, и он был увенчан горами и испещрен точками белого, желтого, розового, голубого.

— Как красиво,— решительно произнесла Лайлак.

Чип, обняв ее за плечи, смотрел вперед прищуренными глазами и ничего не ответил.

Глава пятая

Они жили в городе, который назывался Полленса, на одной половине комнаты в потрескавшемся и осыпающемся доме в Железгороде, где часто гасло электричество и из крана шла коричневая вода. У них был матрас, стол, стул и ящик для одежды, которым они пользовались как вторым стулом. Люди в другой половине — семья Ньюманов — мужчина и женщина лет за сорок с девятилетней дочкой разрешили им пользоваться плитой, телевизором и полкой в холодильнике, где они хранили свои продукты. Это была комната Ньюманов, Чип и Лайлак платили четыре доллара в неделю за свою половину.

Они зарабатывали девять долларов двадцать центов в неделю на двоих. Чип работал на железнорудной шахте, грузил руду в вагоны, в бригаде с другими иммигрантами, рядом с автоматическим погрузчиком, который стоял сломанный — пыльный и неподвижный. Лайлак работала на швейной фабрике, прикрепляла застёжки к рубашкам. Там тоже стояла неподвижная машина, забитая корпией.

Их девяти долларов двадцати центов хватало на комнату, еду, проезд по железной дороге, несколько сигарет и газету под названием «Иммигрант Свободы». Они откладывали пятьдесят центов в неделю на одежду и непредвиденные обстоятельства, которые могут возникнуть, а пятьдесят центов отдавали Помощи Иммигрантам, как частичное погашение двадцатипятидолларовой ссуды, которую им дали по прибытии. Они ели хлеб, рыбу, картошку и финики. Сначала от этой еды у них были спазмы и запоры, но скоро они научились любить ее, получать удовольствие от разного вкуса и разного вида еды. Они с нетерпением ждали трапезы, хотя готовка и мытье посуды оказалось нудной работой.

Их тела изменились. Тело Лайлак кровоточило несколько дней в месяц, что, как заверили их Ньюманы, было нормально в нелеченной женщине, ее тело также округлилось и стало более гибким, волосы выросли длиннее. Тело Чипа огрубело и стало сильнее от работы в шахте. У него отросла прямая черная борода, и он подстригал ее раз в неделю ножницами Ньюманов.

Клерк в Иммиграционном Бюро дал им имена. Чипа называли Элико Ньюмарк, а Лайлак — Грэйс Ньюбридж. Позднее, когда они поженились,— не обращаясь к Уни, но заполнив формуляры, заплатив налог, и с клятвами «Богу» — имя Лайлак сменилось на Грэйс Ньюмарк. Они, тем не менее, продолжали называть друг друга Чип и Лайлак.

Они привыкли держать в руках монеты и иметь дело с хозяевами магазинов, и ездить на вечно ломающемся и переполненном монорельсе Полленсы. Они научились уступать дорогу местным уроженцам и никак не обижать их, они запомнили наизусть Обет Лояльности и приветствовали красно-желтый флаг Свободы. Они стучались в двери,

прежде чем открыть их, и говорили среда вместо «вудодень», март вместо «маркс». Они все время напоминали себе, что слова драка и ненависть приемлемы в обществе, а трахаться — неприличное слово.

Хассан Ньюман пил очень много виски. Вскоре после того, как он возвращался с работы — на самой большой мебельной фабрике острова, — он играл в какие-то шумные игры с Джиджи, своей дочкой, и наощупь раздвигал занавеску, разделяющую пополам комнату, держа бутылку в трехпалой, покалеченной пилой руке. «Ну, грустные железки, — говорил он, — где, в драку, ваши стаканы? Давайте, развеселитесь чуть-чуть». Чип и Лайлак выпили с ним несколько раз, но обнаружили, что от виски они становились сумбурными и неуклюжими, и после этого обычно отказывались.

— Ну что же, — сказал Хассан Ньюман однажды вечером. — Я знаю, что я хозяин комнаты, но я же не свободен, правда? Или что? Думаете, я буду ждать, что вы меня отбла... отблагодарите тем же? Я знаю, что вы любите считать пенни...

— Дело не в этом, — сказал Чип.

— А в чем же? — спросил Хассан. Он покачнулся и удержался на ногах.

Чип помолчал, подумал, а затем сказал:

— Ну, и какой же смысл убегать от лечений, если ты будешь одурманивать себя виски? С тем же успехом ты бы мог вернуться в Семью.

— А, — сказал Хассан. — А, теперь понял, — он сердито на них посмотрел, этот ширококостный, со спутанной бородой и налитыми кровью глазами человек. — Подождите, — сказал он. — Посмотрим, когда вы здесь подольше поживете, вот и все, — он повернулся и, путаясь в занавеске, вышел на свою половину. Они услышали, как он что-то бормочет, а его жена, Рия, успокаивает его.

Почти все в этом доме пили виски, похоже, столько же, как и Хассан. Громкие голоса, счастливые или сердитые, слышались через стену всю ночь. Лифт и коридоры пропахли спиртным, рыбой и сладкими духами, которыми люди пытались бороться с неприятными запахами.

Обычно вечерами, когда они заканчивали уборку, Чип и Лайлак шли на крышу подышать немного свежим воздухом или садились за стол читать «Иммигранта» или книги, которые они нашли в моно-рельсе или взяли в маленькой библиотеке Помощи Иммигрантам. Иногда они смотрели телевизор вместе с Ньюманами — псы о глупом непонимании в семьях местных жителей, с небольшими паузами для объявлений о разных марках сигарет или дезинфектантов. Иногда были речи Генерала Костанцы или главы церкви — Папы Климента: — неуспокаивающие речи об уменьшении количества еды, пространства и ресурсов, за которые не стоит винить одних лишь иммигрантов. Хассан, воинственный от виски, обычно выключал их до того, как речь кончалась: телевизор на Свободе, в отличие

от телевизоров Семьи, можно было выключать и включать в любое время, по желанию.

Однажды в шахте к концу пятнадцатиминутного обеденного перерыва Чип подошел к автоматическому погрузчику и стал рассматривать его, соображая, правда ли что его невозможно починить, или, может нужно просто заменить испорченную деталь. Местный уроженец, начальник бригады, подошел и спросил, что он делает. Чип ответил ему, стараясь говорить как можно уважительнее, но местный рассердился: «Вы, затраханые железки, все думаете, что вы, черт возьми, самые умные! — сказал он и положил руку на рукоятку своего пистолета. — Убирайся на свое место, и там и сиди! Попробуй придумать, как тебе меньше есть, если уж очень хочешь о чем-то думать».

Не все местные были так грубы. Владелец их дома проникся симпатией к Чипу и Лайлак, и обещал им отдельную комнату за пять долларов в неделю, как только что-нибудь освободится.

— Вы не как некоторые из ваших, — говорил он. — Пьют, ходят по тротуарам совершенно голые, — я лучше возьму на несколько центов меньше, но поселю таких, как вы.

Чип, глядя на него, сказал:

— Есть причины, по которым иммигранты пьют, вы знаете.

— Я знаю, знаю, — сказал хозяин. — Я первый скажу, ужасно мы с вами обращаемся. Но, тем не менее, вы разве пьете? Вы ходите голяшом?

Лайлак сказала:

— Спасибо, мистер Коршэм. Мы будем благодарны, если вы дадите нам комнату.

Они болели насморками и гриппом. Лайлак потеряла работу на швейной фабрике, но нашла лучше, на кухне ресторана, который держали местные, и туда можно было ходить пешком.

Однажды вечером в комнату вошли двое полицейских, проверяли удостоверения личности и искали оружие. Хассан пробурчал что-то, предъявляя удостоверение, и они дубинками уложили его на пол. Они проткнули ножами матрасы и разбили несколько тарелок.

У Лайлак не было «периода», нескольких ежемесячных дней вагинального кровотечения, и это означало, что она беременна.

Однажды ночью Чип стоял на крыше, курил и смотрел на северо-восточный край неба, оттуда исходило скучное оранжевое зарево от медеплавильного комплекса на ЕВР 91766. Лайлак, которая снимала высохшее белье с веревки, подошла и обвила его рукой. Поцеловала в щеку и прильнула к нему.

— Неплохо, — сказала она. — Мы накопили двенадцать долларов, у нас теперь в любой день может быть своя комната, а еще раньше у нас будет ребенок.

— Железка, — сказал Чип.

— Нет, — сказала Лайлак, — ребенок.

— Все воняет, — сказал Чип. Все прогнило. Все бесчеловечно.

— Это все, что есть, — сказала Лайлак. — Нам лучше привыкнуть к этому.

Чип ничего не ответил. Он продолжал смотреть на оранжевое зарево в небе.

В «Иммигранте Свободы» каждую неделю печатались статьи про певцов и спортсменов из иммигрантов, иногда об ученых, которые зарабатывают сорок или пятьдесят долларов в неделю, живут в хороших квартирах, общаются с влиятельными и просвещенными местными и надеются на возможность более сбалансированных, нормальных отношений между двумя группами населения. Чип с пренебрежением читал эти статьи — он чувствовал, что они специально публиковались местными владельцами газеты, чтобы убаюкать и успокоить иммигрантов, — но Лайлак принимала их всерьез, как свидетельство того, что их собственный жребий в конце-концов улучшится.

Однажды в октябре, когда они прожили на Свободе чуть больше шести месяцев, в газете появилась статья про художника Моргану Ньюгэйта, который пришел из Евр восемь лет назад и живет в четырехкомнатной квартире в Нью-Мадриде. Его картины, одну из которых, сцену Распятия, только что представили Папе Клементу, приносят ему каждая по сто долларов. Он подписывает их буквой «А», объяснялось в статье, потому что его прозвище — Аши.

— Христос и Веи! — воскликнул Чип.

— Что такое? — спросила Лайлак.

— Я учился в академии вместе с этим «Морганом Ньюгэйтом», — сказал Чип, показывая ей статью. — Мы были хорошими друзьями. Его звали Карл. Ты помнишь тот рисунок лошади в Инд?

— Нет, — сказала она, не отрываясь от книги.

— Ну, так это он нарисовал, — сказал Чип. — Подписывался он обычно буквой «А» в кружке. Аши... Что-то похожее на имя, которое тогда упомянул Карл. Христос и Веи, так значит, он тоже убежал! «Убежал», если это можно так назвать, на Свободу, в изоляционную палату Уни. Он, хотя бы, занимается тем, чем всегда хотел, для него Свобода — это на самом деле свобода.

— Тебе стоит ему позвонить, — сказала Лайлак.

— Позвоню, — сказал Чип.

Но, может быть, он и не позвонит. Есть ли, в самом деле, какой-то смысл в том, чтобы позвонить «Моргану Ньюгэйту», который написал Распятие для Папы и уверяет своих товарищей-иммигрантов, что условия с каждым днем улучшаются? Но, может быть, Карл этого не говорил, может, «Иммигрант» соврал.

— Ты не говори, а позвони, — сказала Лайлак. — Может быть, он поможет тебе получить работу получше.

— Да, — сказал Чип, — может быть.

Она подняла на него глаза.

— Что случилось? Ты разве не хочешь работу получше?

— Я позвоню завтра, по дороге на работу, — сказал он.

Но он не позвонил. Он вонзал свою лопату в руду, поднимал, перекидывал, снова вонзал, снова поднимал и перекидывал. «В драку их всех, — думал он, — железок, которые пьют, железок, которые думают, что все становится лучше: свобов, манекенов; в драку Уни».

В следующее воскресенье, утром, Лайлак пошла с ним вместе в здание за два квартала от них, где в холле был телефон, и ждала, пока он листал истрепанную телефонную книгу. Имена Морган и Ньюгэйт давали иммигрантам часто, но у немногих иммигрантов были телефоны; там был только один Ньюгэйт, Морган, и как раз в Нью-Мадриде.

Чип опустил в телефон три жетона и назвал номер. Экран был разбит, но это было неважно, потому что телефоны на Свободе больше не передавали изображения.

Ответил женский голос, и когда Чип спросил, дома ли Морган Ньюгэйт, женщина сказала, что он дома, и больше ничего. Тишина затянулась, и Лайлак, которая ждала в нескольких метрах в стороне, возле плаката с рекламой лечебных аэрозолей, подошла ближе. «Его нет?» — спросила она шепотом.

— Алло? — произнес мужской голос.

— Это Морган Ньюгэйт?

— Да. Кто это?

— Это Чип, — сказал Чип, — Ли РМ, из Академии Генетических Наук.

Наступила тишина, а потом:

— Боже мой, — произнес голос, — Ли! Ты брал для меня блокноты и уголы!

— Да, — сказал Чип. — И сказал моему советчику, что ты болен и тебе нужна помощь.

Карл рассмеялся.

— Правда, сукин сын! — сказал он. — Это потрясающе! Когда ты выбрался оттуда?

— Примерно, полгода назад, — ответил Чип.

— Ты в Нью-Мадриде?

— В Полленсе.

— Что ты делаешь?

— Работаю на шахте, — сказал Чип.

— Христос, это финиш, — сказал Карл, и через секунду добавил: — Там сущий ад, наверное, да?

— Да, — сказал Чип, думая: «Он даже говорит их языком. Ад. Боже мой, клянусь, он наверное и молитвы читает».

— Жаль, что эти телефоны не работают, я бы хотел на тебя посмотреть, — сказал Карл.

Неожиданно Чипу стало стыдно своей враждебности. Он рассказал Карлу о Лайлак и о ее беременности. Карл сказал, что был женат в семье, но ушел один. Он не разрешил Чипу поздравить его с успехом.

— Вещи, которые я продаю, ужасны, — сказал он. — Нравится маленьким детям свобов. Но мне удастся делать то, что я хочу, три дня в неделю. Так что я не могу жаловаться. Послушай, Ли — нет, как тебя, Чип? Чип, послушай, нам надо встретиться. У меня есть мопед, я приеду как-нибудь вечером. Нет, подожди, — сказал он, — ты что-нибудь делаешь в будущее воскресенье, ты и жена?

Лайлак с беспокойством посмотрела на Чипа. Он сказал:

— Не думаю, не уверен.

— У меня будут друзья,— сказал Карл.— Вы тоже приезжайте, ладно? Часам к шести.

Лайлак закивала, и Чип сказал:

— Мы попытаемся. Мы, наверное, сможем.

— Уверен, что сможете,— сказал Карл. Он дал Чипу свой адрес.— Я рад, что ты выбрался оттуда,— сказал он. Здесь лучше чем там, в любом случае, правда?

— Немного,— сказал Чип.

— Жду вас в следующее воскресенье,— сказал Карл.— Пока, брат.

— Пока,— сказал Чип и отключился.

Лайлак сказала:

— Мы поедем, правда?

— Ты представляешь, сколько будет стоить билет?

— Ах, Чип...

— Хорошо, хорошо,— сказал он.— Хорошо, мы поедем. Но я не приму от него никакой милости. А ты не спросишь. Запомни это.

Каждый вечер всю неделю Лайлак сидела над их лучшей одеждой отпарывала истрепавшиеся рукава от зеленого платья, штопала брюки как можно незаметнее.

Дом на самом краю Нью-Мадридского Железогорода был не в худшем состоянии, чем многие дома местных. В холле подметено, и только чуть-чуть пахнет виски, рыбой и духами, и лифт работает.

В свежем алебастре на двери Карла была кнопка. Чип нажал на нее. Он стоял, напрягшись, Лайлак держала его под руку.

— Кто там? — спросил мужской голос.

— Чип Ньюман,— ответил Чип.

Дверь отперли и открыли, и Карл — тридцатипятилетний бородастый Карл с пристальным взглядом прежнего Карла,— заулыбался, схватил руку Чипа и сказал:

— Ли! Я думал, вы не приедете!

— Мы нарвались на каких-то добродушных свобов,— сказал Чип.

— О, Христос,— сказал Карл и впустил их.

Он запер дверь, Чип представил жену. Лайлак сказала:

— Здравствуйте, мистер Ньюгэйт,— и Карл, взяв ее протянутую руку, сказал:

— Я Аши. Здравствуйте, Лайлак.

Чипа Карл спросил:

— Они вас обидели?

— Нет,— сказал Чип.— Просто: «Прочтите наизусть «Обет», и все такое.

— Ублюдки,— сказал Карл.— Проходите, я дам вам выпить, и вы об этом забудете,— он взял их за локти и провел по узкому коридору, увешанному с обеих сторон картинами, рама к раме.

— Ты выглядишь потрясающе, Чип,— сказал он.

— Ты тоже, Аши,— сказал Чип.

Они улыбнулись друг другу.

— Семнадцать лет, брат,— сказал Карл.

Мужчины и женщины сидели в накуренной комнате с коричневыми стенами, их было десять — двенадцать, они разговаривали, держа в руках сигареты и стаканы. На звук шагов перестали разговаривать и обернулись в ожидании.

— Это Чип, а это Лайлак,— сказал им Карл.— Чип и я учились вместе в академии, самые худшие студенты-генетики в Семье.

Мужчины и женщины улыбнулись, и Карл стал указывать на них по очереди и называть их имена: «Вито, Санни, Рия, Ларс...» Большинство из них были иммигранты, бородатые мужчины и длинноволосые женщины с глазами и цветом кожи Семьи. Двое были местные: бледная прямая с орлиным носом женщина лет пятидесяти или около того, с золотым крестом, висящим на ее кажущемся пустым платье («Джулия»,— сказал Карл, и она улыбнулась, не разжимая губ), и полная женщина помоложе с рыжими волосами в узком платье с переливающимися серебристыми бусинами. Некоторые из гостей могли быть как иммигрантами, так и местными: сероглазый безбородый мужчина по имени Боб; блондинка; молодой голубоглазый человек.

— Виски или вино? — спросил Карл.— Лайлак?

— Вино, пожалуйста,— сказала Лайлак.

Они проследовали за Карлом к маленькому столику, уставленному бутылками и стаканами, стояла на нем тарелка с парой ломтиков сыра и мяса, лежали пачки сигарет, спички. На стопке салфеток стояло сувенирное пресс-папье. Чип взял его, рассмотрел, оно было из ABC 21989.

— Чувствуешь ностальгию? — спросил Карл, наливая вино.

Чип показал пресс-папье Лайлак, и она улыбнулась.

— Не очень,— сказал он и положил пресс-папье на место.

— Чип?

— Виски.

Рыжеволосая женщина из местных в серебристом платье подошла, улыбаясь, с пустым стаканом в руке, на пальцах у нее было множество колец. Она сказала, обращаясь к Лайлак:

— Я думаю, все ваши люди красивы. Пусть в Семье нет свободы, но она на голову впереди нас по внешнему облику. Я бы все дала, чтобы быть худой, загорелой и с таким разрезом глаз.

Она заговорила о разумном отношении Семьи к сексу, и Чип вдруг обнаружил, что стоит со стаканом в руке, Карл и Лайлак разговаривают с другими, а женщина говорит с ним. Черные линии окаймляли и увеличивали ее карие глаза.

— Ваши люди немного более открыты, чем мы,— сказала она.— То есть сексуально. Вы больше наслаждаетесь этим.

Женщина из иммигрантов подошла и спросила:

— Хейнц возвращается, Марг?

— Он в Паламе,— ответила Марг, обернувшись.— Крыло гостиницы рухнуло.

— Прошу извинить меня,— сказал Чип и отступил в сторону. Он пошел в другой конец комнаты, кивнул сидящим там людям и отпил немного виски из своего стакана, глядя на картины на стенах — пятна коричневого и красного на белом фоне. Виски было лучше на вкус, чем виски Хассана. Не такое горькое и обжигающее, не такое крепкое, словом, более приятное. Картины с пятнами коричневого и красного были только плоским дизайном, на который интересно посмотреть секунду, не больше, ибо они ничем не связаны с жизнью. Подпись Карла (нет, Аши!) — «А» в кружке — стояло в нижнем левом углу. Чип гадал: были ли это картины, которые он рисовал на продажу, или же, коли висели у него в гостиной, являли собой часть «того, что он хочет делать», о чем он говорил с удовлетворением. Рисует ли он еще красивых мужчин и женщин без браслетов, каких он рисовал в академии?

Чип отпил еще виски и повернулся к людям, сидящим рядом с ним: трое мужчин и женщина, все иммигранты. Они разговаривали о мебели. Он послушал их несколько минут, сделал несколько глотков из стакана, и отошел.

Лайлак сидела рядом с крючконосой женщиной из местных — Джулией. Они курили и разговаривали, или, скорее, Джулия говорила, а Лайлак слушала.

Чип подошел к столу и подлил в свой стакан виски, зажег сигарету.

Человек, по имени Ларс, подошел и представился. Он держал школу для детей иммигрантов в Нью-Мадриде. Его привезли на Свободу ребенком, и он прожил на ней сорок два года.

Подошел Аши, держа за руку Лайлак. «Чип, пойдем, посмотрим мою мастерскую»,— сказал он.

Он провел их все в тот же коридор, увешанный картинами. Остановился.

— Ты знаешь, с кем ты разговаривала? — спросил он Лайлак.

— С Джулией,— сказала она.

— С Джулией Костанца,— уточнил он.— Она двоюродная сестра Генерала. Презирает его. Была одним из основателей Помощи Иммигрантам.

Его мастерская была большая и ярко освещенная. На мольберте была незаконченная картина — женщина из местных с котенком на руках, на другом мольберте холст испещренный синими и зелеными пятнами. Другие картины стояли прислоненными к стенам: пятна коричневого и оранжевого, синего и пурпурного, пурпурного и черного, оранжевого и красного.

Он объяснил им, что пытается сделать, подчеркивая соотношение, противопоставление и нюансы цвета.

Чип отвернулся и выпил свое виски.

— Послушайте, вы, железки! — сказал он достаточно громко, чтобы все могли его слышать.— Перестаньте говорить о мебели на секунду и послушайте! Вы знаете, что мы должны сделать? Бить

Уни! Я не ругаюсь, я имею это в виду буквально. Драться с Уни! Потому что это Уни надо винить — за все! За свобов, которые есть то, что они есть, потому что им не хватает еды, или пространства, или связей с внешним миром; и за манекенов, которые есть то, что они есть, потому что их накачивают ЛПК с одной стороны и транквилизаторами с другой; и за нас, которые есть то, что мы есть, потому что Уни засунул нас сюда, чтобы от нас избавиться! Это Уни надо винить — он так заморозил мир, что в нем не происходит больше перемен — и нам надо драться с ним! Нам надо поднять наши глупые битые зады и **ДРАТЬСЯ С НИМ!**

Аши, улыбаясь, похлопал его по щеке.

— Эй, брат,— сказал он,— ты кажется, немножко перебрал. Эй, Чип, ты меня слышишь?

Конечно, он перебрал, конечно, конечно. Но это не одурманило его, это расковало его. Это открыло все, что было внутри него многие месяцы. Виски было хорошее! Виски было восхитительное!

Он остановил похлопывающую его руку Аши.

— Я в порядке, Аши,— сказал он.— Я знаю, что я говорю! — Всем другим, сидящим, покачивающимся и улыбающимся, он сказал:

— Мы не можем просто сдатьсь и принять существующее положение вещей, приноравливаться к тюрьме! Аши, ты раньше рисовал членов без браслетов, и они были так красивы! А теперь ты пишешь только цвет, цветные пятна.

Они пытались усадить его — Аши с одной стороны, а Лайлак с другой; Лайлак выглядела обеспокоенной и смущенной.

— Ты тоже, любимая,— сказал он.— Ты тоже принимаешь все это, приноравливаешься,— он позволил им усадить себя, потому что стоять стало трудно, а сидеть было лучше, удобней, и можно было развалиться.— Нам надо драться, а не приспосабливаться,— сказал он.— Драться, драться, драться. Нам надо драться,— сказал он сероглазому безбородому человеку, сидящему напротив.

— Боже мой, как ты прав! — сказал человек.— Я с тобой! Бить Уни! А как? Поплывем на лодках и возьмем с собой Армию для благой цели? Но, может быть, за морем наблюдают спутники и нас будут ждать доктора с облаками ЛПК? У меня есть идея получше, мы сядем на самолет — я слышал, что есть на острове один, который летает,— и мы...

— Не дразни его, Боб,— сказал кто-то.— Он только что пришел.

— Это и видно,— сказал безбородый, вставая.

— Есть способ, как это сделать,— сказал Чип.— Должен быть,— он стал думать о море и об острове в море, но не мог думать так ясно, как хотел бы. Лайлак взяла его за руку.— Нам надо с ним драться,— сказал он ей.

— Я знаю, я знаю,— сказала она, грустно глядя на него.

Подошел Аши и приставил теплую чашку к его губам.

— Это кофе,— сказал он.— Выпей.

Кофе был горячий и крепкий, Чип сделал глоток и оттолкнул чашку.

— Медный комплекс,— сказал он.— На '91766. Медь должны доставлять на берег. Должны быть лодки или баржи, мы могли бы...

— Это уже делали,— сказал Аши.

Чип посмотрел на него, думая, что он его дурачит, смеется над ним, как тот сероглазый безбородый человек.

— Все, что ты говоришь,— сказал Аши,— все, что ты думаешь — «драться с Уни» — все это было сказано и продумано раньше. Двадцать раз,— он приставил чашку к губам Чипа.— Выпей еще,— сказал он.

Чип опять оттолкнул чашку, покачал головой.

— Это неправда,— сказал он.

— Правда, брат. Ну, вы...

— Неправда! — сказал Чип.

— Правда,— подала голос женщина с другого конца комнаты.— Это правда.

Джулия. Это была Джулия, двоюродная сестра Генерала Костанца одиноко и прямо сидящая в своем черном платье с золотым крестом.

— Каждые пять или шесть лет,— сказала она,— группа людей вроде тебя — иногда только двое или трое, иногда с десятков — высаживается на тот берег, чтобы разрушить УниКомп. Они отправляются на лодках, даже на подводных лодках, которые строят годами, или на баржах, о которых ты сейчас говорил. Они берут с собой оружие, взрывчатку, противогазы, газовые бомбы, всякие механизмы и инструменты; у них есть планы, в которых они уверены. Они никогда не возвращаются. Я финансировала две последние экспедиции, и я поддерживаю семьи людей, которые ушли с ними, так что я говорю не просто так. Я надеюсь, что ты достаточно трезв, чтобы понять, говорю, чтоб развеять твою бесполезную тоску. Принять и приспособиться — это все, что возможно. Будь благодарен за то, что у тебя есть: милая жена, скоро будет ребенок и маленькая толика свободы, которая со временем, мы надеемся, увеличится. Я могла бы добавить, что ни при каких обстоятельствах я не стану финансировать новую экспедицию. Я не настолько богата, как думают некоторые.

Она смотрела на Чипа маленькими черными глазами над бледным горбатым носом.

— Они никогда не возвращаются, Чип,— подтвердил Аши.

— Может быть, они добираются до берега,— добавил Аши,— может быть, они добираются до '001. Может быть, им даже удастся попасть в здание. Но дальше им попасть не удастся, потому что они исчезли. Все. А Уни продолжает работать.

Теперь Чип взглянул на Джулию. Она сказала:

— Мужчины и женщины, точно такие же, как ты. И так происходит давно, сколько я себя помню.

Лайлак сжала его руку с сочувствием.

Аши снова протягивал Чипу чашку с кофе.

Он замотал головой.

— Не хочу...

Он сидел неподвижно, на лбу его выступил пот, а потом он наклонился вперед, и его начало рвать.

Он лежал на кровати, рядом с ним лежала Лайлак. Она спала. За занавеской храпел Хассан. Во рту Чип почувствовал горький вкус и вспомнил о рвоте. Христос и Вен! И прямо на ковер — первый, который он видел за полгода.

Потом он вспомнил, что ему сказали Джулия и Карл-Аши.

Он какое-то время лежал, потом поднялся и на цыпочках прошел за занавеску, мимо спящих Ньюманов к раковине. Он попил воды, и потому что ему не хотелось спускаться в холл, тихо помочился в раковину и тщательно ее сполоснул.

Он снова лег рядом с Лайлак и натянул на себя одеяло. Он снова почувствовал себя немного пьяным, голова болела, но он лежал на спине с закрытыми глазами, дышал легко и медленно, через какое-то время почувствовал себя лучше.

Он продолжал лежать с закрытыми глазами и думать о разном.

Через полчаса или около того загремел будильник Хассана. Лайлак перевернулась на бок. Он погладил ее по голове, и она села в постели.

— Ты в порядке? — спросила она.

— Да, вроде, — ответил он.

Зажегся свет, и они зажмурились. Они слышали, как Хассан ворчит, поднимаясь, зевает, пукает.

— Вставай, Рия, — сказал он. — Джиджи? Пора вставать.

Чип лежал на спине, касаясь ладонью щеки Лайлак.

— Прости, дорогая, — сказал он. — Я позвоню ему сегодня и извинюсь.

Она взяла его руку и прикоснулась к ней губами.

— Ты бы не смог сдержаться, — сказала она. — Он все понял.

— Я собираюсь попросить его помочь мне найти работу получше, — сказал Чип.

Лайлак вопросительно посмотрела на него.

— Все вышло из меня, — сказал Чип. — Как виски. Все вышло. Я буду трудолюбивым оптимистичным железкой. Я приму и приспособлюсь. Когда-нибудь у нас будет квартира больше, чем у Аши.

— Я не хочу этого, — сказала она. — Но две комнаты мне бы, все же, хотелось.

— У нас они будут, — сказал Чип. — Через два года. Две комнаты через два года, я обещаю.

Она улыбнулась ему.

Он сказал:

— Нам надо подумать о переезде в Нью-Мадрид, где наши богатые друзья. У этого человека, у Ларса — школа, знаешь? Быть может, ты могла бы там учить. И ребенок туда может пойти, когда подрастет.

— Чему бы я могла учить? — спросила она.

— Чему-нибудь,— сказал он.— Я не знаю,— он опустил голову и погладил ее груди.— Хотя бы, как иметь красивые груди,— сказал он.

Улыбаясь, она сказала:

— Нам надо одеваться.

— Давай пропустим завтрак,— сказал он и пригнул ее к постели, перекатился и лег на нее, они обнялись и стали целоваться.

— Лайлак? — позвала Рия.— Как вчера было?

Лайлак освободила рот.

— Потом расскажу! — крикнула она.

Когда он шел в шахту по тоннелю, то вспомнил про тоннель в Уни, тоннель Папы Джана, по которому вкатили блоки памяти. Он остановился, как вкопанный.

Тоннель, в который вкатили настоящие блоки памяти. А над ними стояли фальшивые — розовые и оранжевые игрушки, к которым можно было добраться через здание УниКомпа и на лифтах, и про которые каждый думал, что это и есть Уни, каждый, включая — а как же иначе! — всех тех мужчин и женщин, которые отправлялись в прошлом драться с ним. Но Уни, настоящий Уни, был на нижних уровнях, и до него можно было добраться через тоннель, через тоннель Папы Джана с той стороны Горы Любви.

Он должен быть еще там — возможно, закрытый у входа, может быть, даже замурованный метровым слоем бетона — но он, несомненно, еще там, потому что никто не засыпет весь длинный тоннель — в особенности рассчитанный на эффективность компьютер. А там внизу было готовое место для новых блоков памяти — так сказал Папа Джан,— так что тоннель когда-нибудь снова понадобится.

Он там, за Горой Любви.

Тоннель в Уни.

С хорошими картами кто-нибудь, кто в этом разбирается, возможно, сможет рассчитать его точное местоположение или хотя бы почти точное.

— Эй, ты! Проходи! — крикнул кто-то.

Он быстро пошел вперед, думая об этом.

Он там. Тоннель.

Глава шестая

— Если деньги, то мой ответ — нет,— сказала Джулия Костанца, быстро идя вдоль клацающих ткацких станков, провожаемая взглядами женщин-иммигранток.— Если работа, то я, возможно, смогу тебе помочь.

Чип, идущий рядом с ней, сказал:

— Аши уже нашел мне работу.

— Значит деньги,— сказала она.

— Сначала информация,— сказал Чип,— а потом, возможно, деньги,— он открыл дверь.

— Нет,— сказала Джулия, проходя в двери.— Почему ты не пойдешь в ПИ? Она для этого и существует. Какая информация? Насчет чего? — она взглянула на него, когда они начали подниматься по винтовой лестнице, прогибающейся от их веса.

Чип сказал:

— Мы можем присесть где-нибудь на пять минут?

— Если я сяду,— сказала Джулия,— половина этого острова завтра останется голая. Тебе, может, это и ничего, но не мне. Какая информация?

Он поколебался секунду. Глядя на ее крючкообразный нос в профиль, он сказал:

— Те, которые атаквали Уни, они...

— Нет,— сказала она. Остановилась, повернулась к нему, положив одну руку на центральную стойку винтовой лестницы.— Вот об этом я действительно ничего не хочу слышать. Я все поняла в ту же минуту, как ты вошел в гостиную, такой у тебя был неодобряющий вид. Нет. Меня больше не интересуют никакие планы и схемы. Иди разговаривать к кому-нибудь другому,— она пошла вверх по ступенькам.

Он быстро догнал ее.

— Они собирались воспользоваться тоннелем? — спросил он.— Скажи мне только, собирались ли они воспользоваться тоннелем из-за Горы Любви?

Она открыла дверь в конце лестницы, он придержал дверь и прошел за Джулией на большой чердак, где лежали какие-то части от машин. С шелестом взлетели птицы к дырам в крыше и вылетели наружу.

— Они собирались войти с другими людьми,— сказала она, идя прямо через чердак к двери в другом его конце.— Вместе с туристами. По крайней мере, по плану. Они собирались спуститься на лифте.

— А потом?

— Нет смысла...

— Пожалуйста, ответь...— просил Чип.

Она сердито взглянула на него.

— Там есть какое-то большое смотровое окно,— сказала, наконец, она.— Они собирались разбить его и бросить взрывчатку.

— Обе группы?

— Да.

— Им, возможно, это удалось,— сказал он.

Она остановилась, взявшись за ручку двери, и озадаченно посмотрела на него.

— Это не настоящий Уни,— объяснил Чип.— Это витрина для туристов. И, возможно, она специально предназначена служить фальшивой мишенью для предполагаемых покушений. Неизлечимые могли разнести там все на куски, и ничего бы не случилось — разве что, их бы схватили и вылечили.

Она продолжала удивленно смотреть на него.

— Настоящая штука еще глубже,— сказал он.— На трех уровнях. Я был там однажды, когда мне было лет десять или одиннадцать.

Она сказала:

— Рыть тоннель — это самое с...

— Он там уже есть,— сказал Чип.— Его не надо рыть.

Джулия открыла дверь на другой, ярко освещенный чердак, где стоял неподвижный ряд прессов со слоями тканей на станинах. На полу была вода, и двое мужчин пытались приподнять конец длинной трубы, которая, очевидно, упала со стены и лежала поперек остановленного конвейерного ремня, заваленного раскроенной тканью. Конец трубы, выходящий из стены, был все еще закреплен, и его необходимо было снять с конвейера и приставить обратно к стене. Еще один человек, иммигрант, ждал на приставной лестнице, чтобы принять его.

— Помогите им,— сказала Джулия и стала собирать куски ткани с мокрого пола.

— Если я так буду проводить время, ничего не изменится,— сказал Чип.— Это приемлемо для тебя, но не для меня.

— Помогите им! — сказала Джулия.— Давай! Мы поговорим позже. Ты вообще никуда не попадешь, если будешь нахальничать...

Чип помог мужчинам закрепить трубу на стене и вышел с Джулией на огороженную перилами площадку. Нью-Мадрид протянулся под ними, яркий на утреннем солнце. За ним лежала полоска синезеленого моря с точками рыбацких лодок.

— Каждый день что-то новое,— сказала Джулия, засовывая руку в карман серого фартука. Она вынула сигареты; предложила одну Чипу и зажгла их обычными дешевыми спичками.

Они закурили, и Чип сказал:

— Тоннель там есть. По нему ввозили блоки памяти.

— Кто-то из тех групп, с которыми я была связана, возможно, знал об этом,— сказала Джулия.

— Ты можешь это выяснить?

Она затаилась. В солнечном свете она казалась старше, кожа лица и шеи была вся в морщинках.

— Да,— сказала она.— Я думаю да. А ты откуда знаешь об этом?

Он рассказал ей.

— Я уверен, что его не зарыли. В длину он километров пятнадцать. И кроме того, его должны использовать. Там отведено место для новых блоков памяти, когда Семья станет больше.

— Я думала, что у колоний свои компьютеры,— сказала задумчиво Джулия.

— Да,— ответил он, не понимая. А потом он понял. Только в колониях семья росла, на Земле, где у пары было только двое детей, и не каждой паре давали право на потомство, Семья уменьшалась, а не увеличивалась. Он никогда не связывал это с тем, что Папа Джан говорил о пространстве для новых блоков памяти.

— Может быть, они будут нужны для нового телеуправляемого оборудования,— сказал он.

— Или, может быть твой дедушка не располагал достоверной информацией?

— Это он придумал тоннель,— сказал Чип.— Он там есть, я знаю, что есть. И это может быть путь, единственный путь, по которому можно подобраться к Уни. Я собираюсь попробовать, и мне нужна твоя помощь. Сколько ты можешь дать?

— Тебе нужны мои деньги, ты хочешь сказать?

— Да. И твоя помощь. В поисках нужных людей с нужными навыками. И в получении нужной нам информации и снаряжения. И в поисках людей, которые научат нас тому, чего мы не умеем. Я хочу делать все очень медленно и осторожно. Я хочу вернуться.

Она смотрела на него, прищурившись от сигаретного дыма.

— Ну что же, ты не абсолютный дебил. Какую работу Аши тебе нашел?

— Мыть посуду в Казино.

— Боже мой! — сказала она.— Приходи сюда завтра утром без четверти восемь.

— В казино я по утрам свободен,— сказал он.

— Приходи сюда! — сказала она.— У тебя будет достаточно времени.

— Хорошо,— сказал он, улыбаясь.— Спасибо.

Она затушила окурок о перила.

— Я не собираюсь платить за это,— сказала она.— Не за все. Я не могу. Ты не представляешь, сколько это будет стоить. Взрывчатка, например: в прошлый раз стоила больше двух тысяч долларов, и это было пять лет назад, Бог знает, сколько она будет стоить сегодня,— она мрачно посмотрела на свой окурок и выбросила его за перила.— Я заплачу то, что смогу,— и я представлю тебя людям, которые заплатят остальное, если ты им достаточно польстишь.

— Спасибо,— сказал Чип.— Я не могу просить о большем. Спасибо.

— Боже, опять я в это влезаю,— сказала Джулия.— Подожди, ты сам это поймешь; чем старше становишься, тем меньше меняешься. Я — единственный ребенок в семье, который привык всегда поступать по-своему, вот в чем моя беда. Идем, у меня работа.

Они пошли вниз по ступенькам, которые вели на площадку.

— Правда,— сказала Джулия,— у меня есть все благородные основания тратить мое время и деньги на таких людей, как ты — Христианская готовность помочь семье, любовь к справедливости, свободе, демократии — но, я же сказала, что я — единственный ребенок в семье, который привык поступать по-своему. Меня бесит, просто бесит, что я не могу поехать, куда хочу на этой планете! Или с планеты, вот в чем дело! Ты не представляешь, как я негодную на этот чертов компьютер!

Чип рассмеялся.

— Представляю,— сказал он.— Я точно так же чувствую.

— Это чудовище прямо из ада,— сказала Джулия.

Они обошли вокруг здания.

— Это чудовище, конечно,— сказал Чип, выкидывая свою сигарету.— По крайней мере такой, какой он сейчас. Я хочу попробовать сделать вот что — выяснить, не можем ли мы изменить его программу, а не разрушать его. Если Семья будет управлять им, а не наоборот, то было бы не так плохо. Ты, правда, веришь в рай и ад?

— Давай не вдаваться в религию,— сказала Джулия,— а то ты обнаружишь, что моешь тарелки в Казино. Сколько они тебе платят?

— Шесть пятьдесят в неделю.

— Правда?

— Да.

— Я дам тебе столько же,— сказала Джулия.— Но если здесь кто-то тебя спросит, говори, что получаешь пять.

Он подождал, пока Джулия спросила некоторых людей, но так и не узнала ничего ни о какой экспедиции, которой было бы известно что-нибудь о тоннеле, и тогда, утвердившись в своем решении, рассказал о своих планах Лайлак.

— Ты не можешь! — сказала она.— После всех этих людей, что туда ушли!

— Они метили не в ту цель,— ответил он.

Она высоко подняла бровь.

— Это... я не знаю, что и сказать...— Я думала, что ты... освободился от всего этого. Я думала, что мы устроились,— она обвела руками комнату, их нью-мадридскую комнату, в которой они сами красили стены, в которой Чип сам сделал полку, в которой стояла кровать, холодильник, на стене висел набросок смеющегося ребенка.

Чип сказал:

— Дорогая, я, может быть, единственный человек на всех островах, который знает про тоннель, про настоящий Уни. Я должен воспользоваться этим преимуществом. Как я могу этого не сделать?

— Хорошо, воспользуйся,— сказала она.— Придумай план, помоги организовать экспедицию — замечательно! Я сама тебе помогу! Но почему тебе надо идти? Другие пусть идут — те, у кого нет семьи.

— Я еще буду здесь, когда родится ребенок,— сказал он.— На подготовку уйдет много времени, да и уйду я на неделю, не больше.

Она во все глаза смотрела на него.

— Ты понимаешь, что говоришь? — воскликнула она.— Какая неделя? Ты... ты можешь уйти навсегда! Тебя могут поймать и вылечить!

— Мы научимся драться. У нас будет оружие и...

— Пусть идут другие!

— Как я могу просить кого-то пойти, если сам не иду?

— Попроси — и все!

— Нет,— сказал он.— Я должен пойти тоже.

— Я поняла... Ты не должен пойти, ты хочешь пойти.

Помолчав, он ответил:

— Хорошо, я хочу пойти. Да хочу! Я не могу представить, что меня там не будет, когда Уни будет повержен. Я сам хочу бросить взрывчатку или дернуть за выключатель, или — что там нужно будет в конце сделать. Все сам!

— Ты болен,— сказала она. Взяла с коленей шитье, нашла иголку и стала шить.— Я правда так думаю. Ты заиклен на Уни. Он нас сюда не засунул, нам повезло, что мы сюда добрались. Аши прав: он бы нас убил так, как он убивает людей в шестьдесят два года, он бы не стал зря тратить лодки и острова. Мы убежали от него, он уже повержен, а ты болен, хочешь пойти назад и победить его еще раз.

— Он засунул нас сюда,— сказал Чип,— потому что программисты не могли оправдать убийство еще молодых людей.

-- Ерунда,— сказала Лайлак.— Они оправдали убийство пожилых людей, они бы оправдали и убийство младенцев. Мы убежали. А ты собираешься назад.

— Как насчет наших родителей? — спросил он.— Их-то убьют через несколько лет. Как насчет Снежинки и Спэрроу — в общем, всей Семьи?

Она продолжала шить, втыкая иголку в зеленую ткань — рукава от ее зеленого платья, из которых она шила распашонку для малыша.

Позднее в постели, он сказал:

— Если что-то вдруг будет не так, Джулия позаботится о тебе. И о ребенке.

— Это большое утешение,— сказала она.— Спасибо. Спасибо тебе. И Джулии спасибо.

ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ

НАСТУПЛЕНИЕ

Глава первая

Он был занят, занят так, как никогда в жизни: составлял план, искал людей и оснащение, ездил, изучал, объяснял, умолял, придумывал, решал. И еще работал на фабрике, где Джулия, несмотря на отгулы, которые ему позволяла, обеспечивала от него отдачу в шесть с половиной долларов, которые ему платила за ремонт машин и ускорение производства. Плюс ко всему, он делал основную часть домашней работы из-за беременности жены. Он был изможден больше, чем когда-либо за всю свою жизнь, но он также воспринимал все четче, чем когда-либо; один день — болен от забот, а на следующий уверенный в успехе, энергичный и живой.

План, проект, был как машина, которую надо собрать, предварительно сделав все детали, каждая из которых формой и размером влияла на последующую.

Прежде чем он мог решить, сколько человек потребуется для экспедиции, ему надо было отчетливо представлять механизм работы Уни, где как с наибольшей эффективностью его можно атаковать.

Он поговорил с Ларсом Ньюманом, другом Аши, тот послал его к человеку в Андрейте, который дал адрес человека из Манакора.

— Я знал, что те блоки слишком малы для объема информации, которая в них должна содержаться,— сказал человек из Манакора, по фамилии Ньюбрук, и ему было почти семьдесят лет, он преподавал в технологической академии до того, как оставил Семью. Ньюбрук ухаживал за внучкой, менял ей пеленки, и это занятие, видимо, не вполне его устраивало.

— Не вертись! — сказал он строго малышке. — Ну, если вам удастся проникнуть внутрь,— обратился он к Чипу,— тогда, очевидно, нужно направиться к источнику энергии. К реактору или, более вероятно, к реакторам.

— Но ведь их можно заменить довольно быстро. Разве нет? — усомнился Чип. — А я хочу вывести Уни из строя надолго. Пусть Семья, проснувшись, ломает себе порядком голову, как вернуть Уни к жизни.

— Черт возьми, не вертись! — прикрикнул на девочку Ньюбрук. — Тогда холодильная установка.

— Холодильная установка? — переспросил Чип.

— Да,— уверенно сказал Ньюбрук. — Температура внутри блоков памяти должна быть близка к абсолютному нулю, подними ее на несколько градусов — и сетки не будут... — Ты видишь, что ты наделала?! — сетки не будут больше сверхпроводимыми. Ты сотрешь память Уни,— он поднял плачущего ребенка и прижал к себе, похлопывая по задку. — Ну перестань...

— Сотру навсегда? — спросил Чип.

Ньюбрук кивнул, продолжая пошлепывать плачущего ребенка.

— Даже если холодильную установку восстановят,— сказал он,— всю информацию придется закладывать заново. Это займет годы.

— Что мне и нужно,— сказал Чип.

Холодильная установка.

И резервная холодильная установка.

И вторая резервная установка, если она есть.

Три холодильные установки, которые надо вывести из строя. Два человека на каждую, подумал он, один — чтобы заложить взрывчатку, один — чтобы держать членов на расстоянии.

Шесть человек, чтобы остановить охлаждение Уни, а потом блокировать входы, чтобы не пропустить помощь, которую он позовет своим тающим слабеющим мозгом. Могут ли шесть человек удержать лифты и тоннель? (И упоминал ли Папа Джан другие шахты в том выделенном новом пространстве?). Но шесть — это был минимум, а минимум он и хотел, потому что если кого-то из них поймут по дороге, он все расскажет врачам, и Уни будет ждать их в тоннеле. Чем меньше людей, тем меньше опасность.

Он и еще пятеро.

Светловолосый человек, который работал на патрульном катере ЛПИ — Вито Ньюкам, но он называл себя Довер — красил поручни катера, слушая Чипа, и когда Чип заговорил о тоннеле и настоящих блоках памяти, перестал красить, присел на корточки с кистью в руке,

повернувшись к Чипу белыми пятнами краски на светлой бороде и на груди.

— Ты уверен? — спросил он.

— Абсолютно.

— Да, похоже, пришло время, чтобы кто-то снова как следует треснул этот братоненавистник,— Довер Ньюкам посмотрел на свой большой палец, выпачканный в краске, и вытер его о брюки.

Чип присел рядом.

— Хочешь в этом участвовать? — спросил он.

Довер ответил не сразу.

— Да,— сказал, наконец, он.— Конечно, хочу...

Аши сказал нет, что Чип и ожидал, он спросил только потому, что не спросить, как он подумал, было бы неудобно.

— Я просто не уверен, что риск оправдается,— сказал Аши.— Я помогу тебе, чем смогу, конечно. Джулия уже закинула удочку насчет участия, и я обещал сто долларов. Я сделаю и больше, если будет нужно.

— Прекрасно,— сказал Чип.— Спасибо, Аши. Твоя помощь нужна. Ты ведь можешь пройти в Библиотеку, правда? Попробуй найти какие-нибудь карты района ЕВР-ноль-ноль. Объединенческие или до-Объединенческие. Чем больше, тем лучше, карты с топографическими деталями.

Когда Джулия узнала, что в группе будет Довер Ньюкам, она стала возражать.

— Он нужен мне на катере,— сказала она.

— Не будет нужен, когда мы сделаем дело,— сказал Чип.

— Боже мой,— сказала Джулия,— как ты живешь с такой неуверенностью в завтрашнем дне?

— Очень просто,— сказал Чип.— У меня есть друг, который молится за меня.

Джулия холодно посмотрела на него.

— Не бери больше никого из ПИ,— сказала она.— И не бери никого с фабрики. И не бери семейных, я могу разориться.

— А как ты живешь с такой маленькой верой? — спросил Чип.

Он и Довер поговорили с тридцатью или сорока иммигрантами, и не нашли никого, кто бы захотел участвовать в нападении. Они переписали и имена и адреса из списков ПИ, женщин и мужчин от двадцати до сорока, которые пришли на Свободу в течение последних нескольких лет, и к семи-восьми из них заходили каждую неделю. Сын Ларса Ньюмана пожелал быть в группе, но он родился на Свободе, а Чип хотел только таких людей, которые выросли в Семье, которые привыкли к сканерам и тротуарам, к тихому шагу и довольной улыбке.

Он нашел одну компанию в Полленсе, она могла сделать динамитные бомбы с быстрым или медленным механическим запалом, если их закажет кто-нибудь из местных, имеющий разрешение. Он нашел другую компанию, в Кальвие, которая могла сделать шесть противогазов, но они не могли гарантировать их от ЛПК, если он не даст им пробу этого газа для испытания. Лайлак, которая работала

в иммигрантской клинике, нашла врача, знающего формулу ЛПК, но ни одна химическая компания на острове не могла его сделать одним из основных компонентов был литий, а лития уже лет тридцать невозможно было достать.

Он давал еженедельные объявления на две строчки в «Иммигранте», предлагая купить комбинезоны, сандалии и вещмешки. Однажды он получил ответ от женщины из Андрэйта и через несколько дней, вечером, поехал к ней посмотреть на два вещмешка и пару сандалий. Мешки были потрепанные и старого образца, но сандалии еще ничего. Женщина и ее муж — по фамилии Ньюбридж — спросили, зачем они ему нужны. Им было едва за тридцать, жили они в крошечном захудалом подвале с крысами. Чип сказал, зачем и они попросили взять их в группу — просто настаивали на этом. Они выглядели абсолютно нормально, что говорило в их пользу, но была и какая-то лихорадочность, взвинченное напряжение, которое немного раздражало Чипа.

Он и Довер приехали к ним через неделю, и в этот раз супруги казались спокойными и, в принципе, подходили для группы. Их звали Джек и Рия. У них родилось двое детей, но оба ребенка умерли еще в грудном возрасте. Джек был ассинизатором, а Рия работала на фабрике игрушек. Они сказали, что здоровы, и здоровыми они и выглядели.

Чип решил взять их — временно, по крайней мере, — и посвящал в детали плана по мере того, как план обретал форму.

— Нам надо взорвать всю трахнутую штуку, а не только холодильную установку, — сказал Джек.

— Давайте внесем ясность, — сказал Чип в ответ на это предложение. — В нашей группе принимать решения буду я. Если вы не готовы делать каждый шаг, как я скажу, можете обо всем забыть.

— Да, ты абсолютно прав, — сказал Джек. — В такой операции нужен один, кто приказывает, иначе ничего не получится.

— Но мы ведь можем что-то предлагать? — спросила Рия.

— Чем больше, тем лучше, — сказал Чип. — Но решения буду принимать я, а вы будете готовы им подчиняться.

Джек сказал: «Я готов», и Рия: «Я тоже».

Вычислить вход в тоннель оказалось более трудным делом, чем Чип себе представлял. Он собрал три крупномасштабные карты центра Евр и очень подробную до-Объединенную карту «Швейцарии», на которую аккуратно перенес комплекс Уни, но все, с кем он ни советовался — бывшие инженеры и геологи, местные горные инженеры — сказали, что нужно больше информации, чтобы можно было построить проекцию тоннеля с какой-то надеждой на точность. Аши заинтересовался этой проблемой и проводил случавшиеся у него свободные часы в Библиотеке, переписывая все относящиеся к «Женеве» и «Юрским горам» из старых энциклопедий и работ по геологии.

Две лунные ночи подряд Чип и Довер плавали на катере ПИ к точке, западней ЕВР 91766, и смотрели на перевозящие медь баржи. Баржи проходили, как они выяснили, с равными интервалами в четыре часа двадцать пять минут. Каждый низкий темный силуэт ровно

двигался на северо-запад со скоростью тридцать километров в час, волны, докатывавшиеся после их прохода, поднимали и опускали катер, поднимали и опускали. Через три часа сидящая выше в воде баржа возвращалась пустая.

Довер рассчитал, что идущие в ЕВР баржи, если они сохраняют скорость и направление, доходят до ЕВР 91772 чуть больше, чем за шесть часов.

На вторую ночь Довер подвел катер к боку баржи и замедлил ход, чтобы идти с ней вровень, пока Чип карабкался на борт. Чип пробыл на барже несколько минут, удобно сидя на ее компактно сложенном грузе медных слитков в деревянных ящиках, а потом снова перелез на катер.

Лайлак нашла еще одного человека для группы, служителя в клинике по имени Ларс Ньюстон, который называл себя Баззом. Ему было тридцать шесть лет, столько же, сколько и Чипу, и он был выше нормального роста, тихий и, по виду, способный ко многому человек. Он прожил на острове девять лет, из них три года проработал в клинике, и за это время набрался достаточных знаний о медицине. Он был женат, но жил отдельно от жены. Он захотел присоединиться к группе, потому что, как он сказал, все время чувствовал, что кому-то надо что-то сделать, хотя бы попробовать. «Неверно,— сказал он,— позволять Уни владеть миром, не попытавшись вернуть людям мир».

— Он — замечательный человек, тот, кто нам и нужен,— сказал Чип жене, после того, как Базз вышел из комнаты.— Мне бы хотелось иметь еще двоих Баззов в группе вместо Ньюбриджев. Спасибо.

Лайлак, стоя у раковины за мытьем чашек, ничего не ответила. Чип подошел к ней, обнял за плечи и поцеловал в волосы. Она была на седьмом месяце беременности, грузная и неловкая.

В конце марта Джулия дала званый обед, на котором Чип, к тому времени уже несколько месяцев работавший над планом, представил его гостям — местным с деньгами, на каждого из которых можно было рассчитывать, по словам Джулии, в смысле пожертвования в пятьсот долларов по крайней мере. Чип показал список всех затрат, который он составил, и передал по кругу карту «Швейцарии» с нарисованным приблизительно тоннелем.

Он не так охотно откликнулся на идею, как ожидал Чип.

— Три тысячи шестьсот на взрывчатку? — спросил один из них.

— Да, так, сэр,— сказал Чип.— Если кто-то знает, где можно достать взрывчатку за меньшие деньги, я буду рад, если он мне скажет.

— Что это за «укрепление вещмешков»?

— Тех мешков, что мы понесем на себе; они не рассчитаны на большой груз. Их нужно разобрать и снова собрать на металлическом каркасе.

— Вы и ваши люди ведь не можете покупать оружие и бомбы?

— Я буду покупать,— сказала Джулия,— и все будет размещено на принадлежащей мне территории вплоть до отправления экспедиции. У меня есть разрешения.

— Когда вы думаете отправиться?

— Я еще не знаю,— сказал Чип.— Противогазы будут готовы через три месяца со дня заказа. И нам надо найти еще одного человека, закончить все тренировки. Я надеюсь на июль или август.

— Вы уверены, что тоннель именно там?

— Нет, мы еще работаем над этим. Это приблизительный чертеж.

Пятеро гостей извинились, а семеро дали чеки, которых набралось только на сумму две тысячи шестьсот долларов, меньше четверти тех одиннадцати тысяч, которые были нужны.

— Свобские ублюдки,— сказала Джулия.

— В любом случае это начало,— сказал Чип.— Мы можем делать заказы. И нанять Капитана Голда.

— Повторим все все через несколько недель,— сказала Джулия.— Зачем ты так разволновался? Надо было говорить увереннее.

Родился ребенок, мальчик, и они назвали его Джан. Оба глаза у него были карие.

По воскресеньям и средам, вечерами, на неиспользуемом чердаке фабрики Джулии Чип, Довер, Базз, Джек и Рия учились разным видам борьбы. Их учителем был офицер Армии, Капитан Голд, маленький человек, которому они очевидно не нравились. Казалось, ему доставляет удовольствие, что они бьют друг друга и кидают на разостланные по полу тонкие маты. «Бей! Бей! Бей!»,— говорил он, скача перед ними в футболке и армейских брюках.— Бей! Вот так! Вот это удар, а не это! Это — ты кому-то машешь! Боже всемогущий, вы безнадежны, вы, железки! Давай! Зеленый Глаз, ударь его!»

Чип направил кулак на Джека и вдруг оказался в воздухе и лежащим на спине на мате.

— Молодец! — сказал Капитан Голд.— Это было немножко по-человечески! Вставай, Зеленый Глаз, ты не мертвец! Что я тебе говорил о низкой стойке?

Джек и Рия учились быстрее всех, Базз медленнее.

Джулия дала еще один обед, Чип говорил увереннее, и они получили три тысячи двести долларов.

Заболел ребенок — у него была высокая температура и желудочная инфекция,— но он поправился, и выглядел хорошо и счастливо, жадно сосал груди Лайлак. Лайлак стала ласковее, довольна ребенком и интересовалась делами экспедиции.

Чип нашел шестого человека, рабочего фермы, под Сантэни, который пришел из Афр незадолго до Чипа и Лайлак. Он был немножко старше, чем бы хотелось Чипу, сорок три года, но он был сильный и быстрый человек, уверенный, что Уни можно победить. В Семье он занимался хроматографией, и его звали Морган Ньюмарк, хотя он по-прежнему себя называл своим семейным именем — Карл.

Аши сказал: «Я думаю, что теперь сам смогу найти этот чертов тоннель»,— и вручил Чипу двадцать страниц заметок, которые он сделал в Библиотеке. Чип показал их вместе с картами каждому из

трех человек, с которыми он консультировался раньше, и все они захотели рискнуть сделать проекцию возможного положения тоннеля. Они пришли, что было совсем неожиданно, с тремя разными вариантами места выхода из тоннеля. Два были в пределах километра один от другого, и один — в шести километрах от них. «Этого достаточно, если мы не можем сделать больше», — сказал Чип Доверу.

Компания, которая взялась поставить противогазы, вышла из дела — не вернув Чипу аванса в восемьсот долларов, — и надо было найти другого исполнителя.

Чип снова разговаривал с Ньюбруком, бывшим преподавателем технологической академии, насчет типа холодильных установок, которые скорее всего действуют на Уни. Джулия дала еще один обед, а Аши устроил вечеринку: собрали еще три тысячи долларов. Базз нарвался на шайку местных, и хоть он и удивил их тем, что хорошо дрался, вышел из драки с двумя треснувшими ребрами и с переломом большой берцовой кости. Стали искать другого человека, на случай, если он не сможет участвовать в экспедиции.

Как-то ночью Лайлак разбудила Чипа.

— Чип?... — прошептала она.

— А? — он слышал, как спящий Джан дышит в колыбели.

— Ты прав, — сказала она, — и этот остров — тюрьма, в которую Уни нас посадил...

— Да?

— И отсюда уже бывали вылазки...

— Да?

Она помолчала, — он видел, что она лежит на спине с открытыми глазами, — а затем сказала:

— А не посадит ли Уни сюда других людей — здоровых членов, чтобы предупредить новые атаки?

Он не ответил, обдумывая ее слова.

— Может быть, чтобы участвовать в них? — сказала она. — И устроить так, чтобы всем «помогли» в ЕВР?

— Нет, — сказал он и покачал головой. — Это — нет. Им же надо получить лечения, верно? Чтобы оставаться «здоровыми»?

— Да, — сказала она.

— Ты думаешь, здесь где-то есть тайный медцентр? — спросил он, улыбаясь.

— Нет, — сказала она.

— Нет, — повторил он. — Я уверен, что здесь нет... шпионов. Прежде, чем Уни до этого дойдет, он бы просто уничтожил неизлечимых, так, как говоришь ты и Аши.

— Откуда ты знаешь? — спросила она.

— Лайлак, здесь нет шпионов, — сказал он. — Ты просто ищешь, о чем бы поволноваться. Теперь спи. Джан скоро проснется. Давай.

Он поцеловал ее, и она повернулась на другой бок. Через какое-то время она, похоже, заснула.

Чип лежал без сна.

Этого не может быть. Им были бы нужны лечения...

Скольким людям он рассказал о плане, о тоннеле, о настоящих блоках памяти? Не сосчитать. Сотням человек! А каждый из них, должно быть, рассказал другим...

Он даже объявление поместил в «Иммигранте»: «Куплю вещмешки, комбинезоны, сандалии...»

Кто-то из группы? Нет. Довер? — Невозможно. Базз? — Нет, никогда. Джек или Рия? — Нет. Карл? Он и правда еще мало знает Карла — приятный, много говорит, немножко пьет — больше, чем ему следовало бы, но ничего серьезного — нет, Карл не может быть не тем, кем кажется: работает на ферме в глуши, от всего вдалеке...

Джулия? Он с ума сходит. Христос и Веи! Боже мой!

Просто, Лайлак слишком волнуется, вот и все.

Не может быть шпионов, каких-нибудь людей, которые тайно на стороне Уни; они бы нуждались в лечениях, чтобы быть такими. Он будет продолжать, несмотря ни на что.

Он заснул.

Прибыли бомбы: связка тонких коричневых цилиндров, скрепленных клейкой лентой вокруг черного. Их положили в сарай позади фабрики. У каждой была маленькая металлическая ручка, синяя или желтая, прикрученная такой же лентой к боку бомбы. У бомб с синей ручкой был тридцатисекундный запал, с желтой — четырехминутный.

Они испытали одну ночь в мраморном карьере, зажали ее в трещину и потянули за ручку запала, синюю, пятидесятиметровой проволокой, спрятавшись за кучу выпиленных блоков. Взрыв, когда он раздался, был громовым, и на месте щели они нашли яму размером с дверной проем, с катящимися камешками и стоящей в воздухе пылью.

Они ходили в горы — все, кроме Базза — с мешками, нагруженными камнями. Капитан Голд показал им, как заряжать пулевой пистолет и фокусировать лазерный луч, как взводить курок, целиться и стрелять — в планки, прислоненные к задней стене фабрики.

— Ты даешь еще один обед? — спросил Чип Джулию.

— Через неделю или две, — ответила она.

Но она не дала обеда. Она больше не говорила о деньгах, и Чип тоже.

Он провел какое-то время с Карлом и удостоверился, что тот не шпион.

Нога у Базза почти совсем прошла, и он настаивал на своем участии.

Были готовы противогазы и оставшееся оружие, и инструменты, и ботинки с шипами, и пластиковые листы, и переделанные вещмешки, часы, мотки прочной веревки, надувной плот, лопата, компасы, бинокли.

— Попробуй меня ударить, — сказал Капитан Голд, Чип ударил и разбил ему губу.

Все было готово только к ноябрю, на это ушел почти год, и Чип решил еще подождать и пойти на Рождество, чтобы добраться до '001 в праздник, когда велодорожки и тротуары, автопорты и аэропорты будут заполнены максимально, когда члены будут двигаться

чуть быстрее, чем обычно, и даже «здоровый» член может не заметить, что где-то стоит сканер.

В воскресенье, за неделю до отъезда, они перенесли все из сарая на чердак и упаковали мешки и вторые мешки, которые они распакуют на том берегу. Там была Джулия и сын Ларса Ньюмана, Джон, который должен был привести назад катер ПИ, и подружка Довера, Нелла — двадцати двух лет, такая же светловолосая, как и он, возбужденная всем происходящим. Заглянул Аши и Капитан Голд. «Вы гайки, все вы железки», — сказал Капитан Голд, а Базз сказал: «Иди-иди, своб». Когда они ушли, когда все мешки были завернуты в пластик и обвязаны веревкой, Чип попросил всех не входящих в группу выйти, а остальным сказал:

— Я много думал о том, что случится, если одного из нас поймут. — И вот что я решил. Если кто-нибудь, попадется, операция отменяется.

Все удивленно посмотрели на него. Базз сказал:

— После всего, что сделано?!

— Да, — сказал Чип. — У нас не будет шансов на успех, если кого-то вылечат и он скажет докторам, что мы идем через тоннель. Так что мы пойдем назад, быстро и тихо, и найдем одну из этих лодок. Я даже собираюсь приметить какую-нибудь лодку, когда мы будем высаживаться — перед тем, как идти.

— Христос и Веи! — сказал Джек. — Конечно, если троих или четверых поймут, но одного?

— Так я решил, — сказал Чип. — Это правильное решение.

Рия спросила:

— Что, если тебя поймут?

— Тогда Базз будет главным, — сказал Чип, — и он сам будет решать. Но пока будет так: если кого-то поймут, мы вернемся.

Карл сказал:

— Так что, пусть никого не поймут.

— Правильно, — сказал Чип. Он встал. — Все. Выспитесь хорошо. В среду, в семь часов.

— В вудодень, — сказал Довер.

— Вудодень, вудодень, вудодень, — сказал Чип. — В вудодень в семь.

Он поцеловал Лайлак, будто идет поговорить с кем-то о чем-то и вернется через несколько часов. «Пока, дорогая», — сказал он.

Она прижала его к себе, прильнув щекой к его щеке, и ничего не сказала.

Он снова поцеловал ее, отстранил и подошел к колыбели. Джан пытался дотянуться до пустой сигаретной пачки, висевшей над колыбелью на веревочке. Чип поцеловал его в щеку и сказал: «До свидания».

Вышел из комнаты, не оглядываясь.

Аши ждал внизу на своем мопед. Он отвез Чипа в Полленсу и на пирс.

Они все собрались в конторе ПИ без четверти семь, и пока подстригали друг другу волосы, подошел грузовик. Джон Ньюман, Аши и человек с фабрики погрузили мешки и плот на катер, а Джулия распаковала бутерброды и кофе. Мужчины подстригли волосы и тщательно побрились.

Они надели браслеты и застегнули звенья, которые казались обыкновенными. На браслете Чипа было написано: Иисус АУ 31Г 6912.

Он попрощался с Аши и поцеловал Джулию.

— Пакуй свой рюкзак и готовься посмотреть мир,— сказал он.

— Осторожней,— сказала она.— И попытайся молиться.

Он вошел на катер, сел на палубе возле мешков, вместе с Джоном Ньюманом и остальными — Баззом и Карлом, Джеком и Рией; мужчины выглядели странно, как в Семье, с этими коротко подстриженными волосами и похожими безбородыми лицами.

Довер запустил мотор и направил катер из гавани, а затем повернул его в сторону слабого оранжевого свечения, которое исходило от '91766.

Глава вторая

В бледном предрассветном тумане они соскользнули с баржи и оттолкнули от нее нагруженный вещмешками плот. Трое из них вели плот, а трое плыли рядом, глядя на черный берег с высокими утесами. Двигались медленно, держась от берега метрах в пятидесяти. Каждые десять минут они менялись местами.

Когда отплыли на значительное расстояние от '91772, развернули плот и стали толкать его к берегу. Причалили в маленькой песчаной бухточке с возвышающимися по краям скалами, разгрузили плот и развернули мешки. Открыли и дополнительные мешки и надели комбинезоны, положили в карманы пистолеты, часы, компасы, карты; затем вырыли яму в песке, положили туда два освободившихся вещмешка, все пластиковые упаковки, спущенный плот, одежду, в которой ходили на Свободе, лопату, которой копали. Они засыпали яму и утоптали ее, чтобы поверхность была ровной, и со свисающими с плеча мешками и сандалями в руках пошли один за другим по узкой полоске берега. Небо посветлело, и перед ними появились их тени, скользящие вверх и вниз по скалистому берегу. Идущий в конце шеренги Карл начал насвистывать «Одна могучая Семья». Все заулыбались, и Чип, идущий первым, подхватил мотив. Некоторые последовали его примеру.

Вскоре они подошли к лодке — старой синей лодке, лежащей на боку и ждущей неизлечимых, которые решат, что им повезло. Чип обернулся и, сделав несколько шагов назад, сказал: «Вот она, если будет нам нужна», а Довер сказал: «Не будет», Джек, после того, как Чип ушел вперед, поднял камень и бросил его в лодку, но промахнулся.

Они на ходу перевесили мешки с одного плеча на другое. Чуть меньше, чем через час, они подошли к стоявшему к ним задом ска-

неру. «Снова дома», — сказал Довер, Рия застонала, а Базз сказал: «Привет, Уни, как поживаешь?» — и похлопал на ходу по верхушке сканера. Он не хромал при ходьбе, Чип несколько раз оборачивался, чтобы в этом убедиться.

Полоска пляжа начала расширяться, и они подошли к корзине для мусора, потом к другим корзинам для мусора, а затем к вышкам спасателей, громкоговорителям и часам — «6.54 Чет 25 Дек 171 Г. О.» — и к лестнице, зигзагами уходящей вверх по утесу, с красными и зелеными лентами, завязанными в некоторых местах на перилах.

Они положили на песок мешки, сандалии, сняли и расстелили комбинезоны. Растянулись на комбинезонах, отдыхая под лучами солнца. Чип думал о том, что им надо сказать Семье — и они говорили об этом, и еще о том, насколько выведенный из строя Уни нарушит работу телевидения и сколько времени может занять восстановление передач.

Карл и Довер уснули.

Чип лежал с закрытыми глазами и представлял, с какими проблемами столкнется Семья после своего пробуждения, и как их будет решать.

«Христос, который нас учил...» — зазвучало из динамиков в восемь часов, и двое спасателей в красных кепках и темных очках сошли вниз по зигзагообразной лестнице. Один из них подошел к вышке возле группы.

— Счастливого Рождества, — сказал он.

— Можете купаться, если хотите, — сказал он, взбираясь на вышку.

Чип, Джек и Довер вошли в воду. Немного поплавали, глядя на спускающихся по лестнице членов, вышли на берег и снова легли.

Когда на берегу собралось уже тридцать пять или сорок членов, в 8.22, шестеро членов поднялись с песка, надели на себя комбинезоны и вещмешки.

Чип и Довер первыми подошли к лестнице. Они улыбались и говорили «Счастливого Рождества» идущим вниз членам, и легко симитировали прикосновение к сканеру наверху. Ближайшие к ним члены, завтракающие в столовой, сидели к ним спиной.

Они подождали у фонтанчика Джека и Рику, а затем — Базза и Карла.

Пошли к стоянке велосипедов, там стояли в ряд двадцать, двадцать пять машин. Они взяли шесть велосипедов с краю, положили мешки в корзинки и покатали к велодорожке. Там постояли, улыбаясь и беседуя, пока рядом не оказалось ни одной машины или велосипедиста, и тогда всей группой прошли мимо сканера, касаясь браслетами его боковой стороны, на случай, если кто-то видит издали.

Они поехали в сторону EBP 91770, поодиночке и по двое, далеко растянувшись на велодорожке. Чип ехал первым, за ним Довер. Чип смотрел на встречных велосипедистов и на редкие машины, проносившиеся мимо. «Мы сделаем это, — думал он. — Мы сделаем это».

В аэропорт они вошли поодиночке и собрались у табло в зале вылета. Члены плотно сдавили их, красно-зеленый зал ожидания был переполнен, и гул голосов так громок, что рождественская музыка слышалась только время от времени. За стеклом задумчиво поворачивались и двигались большие самолеты, принимая членов сразу с трех эскалаторов, катились к взлетным полосам.

Время было 9.35. Следующий самолет на EBP 00001 вылетал в 11.48.

Чип сказал:

— Мне не хотелось бы здесь рассиживаться. Баржа, на которой мы ехали, могла потратить дополнительную энергию или придти позже, и если разница значительна, Уни мог вычислить в чем дело.

— Полетим сейчас,— сказала Рия,— куда-нибудь, как можно ближе к '00001, а потом снова поедем на велосипедах.

— Мы туда попадем гораздо раньше, если подождем,— сказал Карл.— Тут не такое уж плохое убежище.

— Нет,— сказал Чип, взглянув на расписание вылетов,— давайте сядем на рейс 10.06 в '00020. Это самое ближайшее место, куда мы можем попасть, только в пятидесяти километрах от '001.

Они протиснулись сквозь толпу к боковой двери, ведущей из зала, и сгрудились вокруг ее сканера. Дверь открылась, вышел член в оранжевом комбинезоне. Извинившись, он протянул руку между Чипом и Довером, чтобы дотронуться до сканера. «ДА»,— промигал сканер — и член пошел дальше.

Чип вынул из кармана часы, сверил их с часами в зале ожидания.

— Ворота номер шесть,— сказал он.— Если там больше одного эскалатора, вставайте в очередь на самый ближний к хвосту, в конце очереди, но чтобы за вами стояло еще членов шесть, не меньше. Довер? — он взял Довера за локоть, и они прошли в дверь и вышли в служебную часть аэропорта. Стоящий там человек в оранжевом комбинезоне сказал:

— Вам нельзя здесь находиться.

— Уни нам разрешил,— сказал Чип.— Мы из дизайна аэропортов.

— Классификация Три-тридцать семь А,— добавил Довер.

— Это крыло будут расширять в будущем году,— сказал Чип.

— Я понимаю, что ты имел в виду потолок,— сказал Довер, глядя вверх.

— Да,— сказал Чип.— Его можно спокойно поднять на метр.

— На полтора метра,— сказал Довер.

— Если не будет проблем с коммуникациями,— добавил Чип. Член повернулся и вышел.

— Да, все коммуникации,— сказал Довер.— Это сложная проблема.

— Давай, я тебе покажу, как они идут,— сказал Чип. — Это интересно.

— Конечно,— ответил Довер.

Они вошли в зону, где члены в оранжевых комбинезонах загружали контейнеры с пирогами и питьем, быстрее, чем обычно работают члены.

— Три-тридцать семь А? — спросил Чип у Довера.

— А почему бы и нет? — сказал Довер, показывая на потолок, в тот момент, как они расступились, чтобы пропустить члена с тележкой. — Видишь, как проходят трубы?

— Придется поменять всю систему, — сказал Чип. — Здесь тоже.

Они сделали вид, что дотронулись до сканера, и вошли в комнату, где на крючках висели комбинезоны. В комнате никого не было. Чип закрыл дверь и показал на шкаф, где хранились оранжевые комбинезоны.

Они надели оранжевые комбинезоны поверх своих желтых, нацепили защитные щитки на сандалии. Разорвали подкладку у карманов оранжевых комбинезонов, чтобы попасть в свои собственные.

Вошел член в белом.

— Привет, — сказал он. — Счастливого Рождества.

— Счастливого Рождества, — ответили они.

— Меня прислали из '765 помочь, — сказал он. Ему было лет тридцать.

— Хорошо, очень кстати, — сказал Чип.

Вошедший член, расстегивая комбинезон, посмотрел на Довера, который застегивал свой.

— Зачем ты надел его сверху? — спросил он.

— Так теплее, — ответил Чип, подходя к нему.

Член, в недоумении, обернулся к Чипу.

— Теплее? — спросил он. — А зачем вам теплее?

— Извини, брат, — сказал Чип и ударил его кулаком в живот. Тот согнулся, крикнув, и Чип врезал ему в челюсть. Член выпрямился и стал падать навзничь, Довер подхватил его под руки и мягко опустил на пол. Тот лежал с закрытыми глазами, будто спал.

Чип, посмотрев на него, сказал: «Христос и Вей, получается».

Они разорвали один комбинезон, связали руки и ноги члена, и заткнули рукавом рот, подняли его и положили в шкаф, где стоял полотер.

9.51 на часах сменилось на 9.52.

Они завернули свои мешки в оранжевые комбинезоны и вышли из комнаты, мимо членов, которые занимались контейнерами с едой и питьем. В служебной части они нашли полупустую картонную коробку с полотенцами и положили в нее мешки. Держа с двух сторон эту коробку, прошли через ворота на летное поле.

Самолет стоял напротив ворот номер шесть, огромный самолет, пассажиры спускались по двум эскалаторам. Члены в оранжевых комбинезонах ждали возле эскалаторов с тележками для контейнеров.

Они пошли налево от самолета, пересекли летное поле, по-прежнему неся коробку, обогнули медленно ехавший грузовик обслуживания и подошли к ангарам, которые располагались в крыле с плоской крышей, вытянутом в сторону взлетных полос.

Вошли в ангар. Там стоял самолет поменьше, под ним работали члены в оранжевом, вытаскивали из него квадратный черный прибор. Чип и Довер пронесли коробку в конец ангара, где в боковой стене была дверь. Довер открыл ее, заглянул внутрь и кивнул Чипу.

Они вошли и закрыли за собой дверь. Оказались на складе: полки с инструментами, ряды деревянных ящиков, черные металлические бочки, маркированные «Смаз масло СГ».

— Лучше и быть не может,— сказал Чип, когда они поставили коробку на пол.

Довер подошел к двери, встал, вынул пистолет, взяв его за ствол.

Чип, присев на корточки, развернул мешок, открыл его и вынул бомбу с желтой ручкой — запал на четыре минуты.

Он раздвинул две бочки с маслом, положил между ними бомбу, вверх ручкой, прижатой липкой лентой. Потом вынул часы, посмотрел.

— Сколько? — спросил Довер.

— Три минуты.

Чип, держа в руке часы, вернулся к коробке, завернул мешок и сдвинул створки коробки.

— Может, нам что-то из этого хлама пригодится? — сказал Довер, показывая на инструменты.

Чип подошел к инструментам, но тут дверь открылась и вошла женщина в оранжевом комбинезоне.

— Привет,— сказал Чип и положил часы в карман.

— Привет,— ответила женщина-член, окинула взглядом Чипа.— Ты кто?

— Ли РП,— ответил он.— Меня прислали из '765, помочь,— он взял с полки плоскогубцы.

— Сегодня не так тяжело, как в День Рождения Вей,— сказала женщина-член.

Еще один член вошел на склад.

— Все в порядке, Мир,— сказал он.— У Ли эта штука есть.

— Я спрашивала, а он сказал, что нет,— ответила женщина-член.

— В общем, есть — сказал мужчина-член и вышел.

Женщина-член пошла за ним.

Чип не отрывая взгляда от двери, пока она медленно закрывалась. Руки его дрожали. Он положил на полку плоскогубцы, перевел дыхание и показал дрожавшие руки Доверу, который улыбнулся и сказал: «Очень не по-членски».

Чип вынул из кармана часы. «Меньше минуты»,— сказал он и пошел к бочкам, склонился над ними. Снял клейкую ленту с ручки запала.

Довер положил пистолет в карман, протолкнул в карман внутреннего комбинезона и встал у двери.

Чип, глядя на часы и держась за запал, сказал: «Десять секунд». Он ждал, ждал, ждал. Затем потянул ручку вверх, выпрямился, Довер открыл дверь. Они подняли коробку, вышли со склада и закрыли за собой дверь.

Они шли с коробкой по ангару — «Спокойно, спокойно», — говорил Чип, — через летное поле, к самолету, стоявшему у ворот номер шесть. Перед эскалаторами стояли члены, поднимающиеся на борт.

— Что здесь? — спросил член в оранжевом с дощечкой для записей, поравнявшись с ними.

— Нам велели принести сюда, — сказал Чип.

— Карл! — окликнули этого члена. Карл остановился, повернулся: «Да?» — а Чип и Довер пошли дальше.

Они поднесли коробку к заднему эскалатору самолета, поставили на землю. Чип стоял возле сканера, смотрел на ручки пуска эскалатора. Довер проскользнул сквозь очередь и встал с задней стороны сканера. Между ними шли члены, трогая браслетами мигающий зеленым сканер и ступая на эскалатор.

К Чипу подошел член в оранжевом и сказал:

— Я на этом эскалаторе.

— Только что мне сказал Карл, встать сюда, — ответил Чип. — Меня прислали из '765, помочь.

— Что случилось? — спросил Карл, тот самый член с дощечкой для записей, подходя к ним. — Почему вас тут трое?

— Я думал, что я на этом эскалаторе, — ответил член. Воздух содрогнулся, и громкий рев раздался со стороны ангаров.

Темный столб, широкий и все увеличивающийся, встал над отсеком ангаров, и в черноте виднелось кувыркающееся оранжевое пламя. Черно-красный дождь упал на крышу аэровокзала и летное поле, из ангаров бежали члены в оранжевом, замедляя постепенно бег и оборачиваясь на столб огня.

Член с доской для записей, широко раскрыв глаза, куда-то помчался. Другой поспешил за ним.

Члены в очереди на эскалатор стояли неподвижно, глядя в сторону ангаров. Чип и Довер брали из за руки и подталкивали вперед. «Не останавливайтесь, — говорили они. — Продолжайте движение, пожалуйста. Нет никакой опасности. Самолет ждет. Дотроньтесь и проходите. Продолжайте движение, пожалуйста». Так они пропускали членов мимо сканера на эскалатор, и одним из этих членов был Джек. — «Красиво», — сказал он, глядя мимо Чипа, делая вид, что трогает сканер, и Рия, которая выглядела так возбужденно, как никогда за все время, что Чип знал ее, и Карл, казавшийся испуганным и мрачным, и Базз, улыбаясь. Довер ступил на эскалатор после Базза, Чип подал ему завернутый вещмешок и повернулся к другим членам, которых оставалось в очереди семь или восемь и которые все смотрели на ангары. «Продолжайте движение, пожалуйста, — сказал он. — Самолет вас ждет. Сестра!»

— Нет никакой причины для тревоги, — произнес женский голос из громкоговорителей. — В ангаре произошла авария, но в данный момент ситуация полностью контролируется.

Чип торопил членов у эскалатора. «Дотрагивайтесь и проходите, — говорил он. — Самолет ждет».

— Члены, вылетающие следующими рейсами, пожалуйста, займите ваши места в очереди, — продолжал женский голос. — Члены, са-

дящиеся в самолеты, продолжайте посадку. Расписание вылетов остается прежним».

Чип сделал вид, что дотронулся до сканера, и ступил на эскалатор последним. Скользя вверх с завернутым вещмешком под мышкой, он взглянул в сторону ангаров: столб дыма черный и чадающий, но огня уже нет. Он посмотрел вперед на бледно-голубые комбинезоны. «Весь персонал, кроме номеров сорок семь и сорок девять, продолжайте выполнять ваши обязанности,— сказал женский голос из громкоговорителей.— Весь персонал, кроме номеров сорок семь и сорок девять, продолжайте выполнять ваши обязанности. Ситуация полностью контролируется,— Чип ступил внутрь самолета, и дверь опустилась за ним.— Расписание вылетов остается...» — члены в самолете неловко стояли, глядя на занятые места.

— Сегодня есть дополнительные пассажиры по случаю праздника,— сказал Чип.— Проходите вперед и попросите членов с детьми взять детей на колени. Все уместятся.

Члены двинулись вдоль по проходу, смотря то в одну сторону салона, то в другую.

Остальные пятеро сидели в конце салона, возле блока раздачи пирогов и напитков. Довер снял мешок с сидения рядом с собой, и Чип сел.

— Неплохо,— сказал Довер.

— Мы еще не взлетели,— ответил Чип.

Самолет наполнился разговорами: члены рассказывали другим членам про взрыв, новость распространялась от ряда к ряду. На часах было уже 10.06, но самолет не двигался.

10.06 сменилось на 10.07.

Шестеро переглянулись и опять приняли равнодушно-скучающий вид.

Самолет мягко накренился и рванулся вперед. Вот его движение ускорилося. Свет в салоне стал менее ярким, зажглись телеэкраны.

Они посмотрели «Жизнь Христа» и выпуск «Семья за работой» годичной давности. Они пили чай и коку, но не ели, пирогов на борту не оказалось, потому что час был не обеденный, и хотя у них были завернутые в фольгу круги сыра, члены, которые подходили налить себе чего-нибудь из напитков, могли заметить, что они едят. Чип и Довер потели в двойных комбинезонах. Карл дремал, и Рия и Базз с двух сторон толкали его, чтобы он не закрывал глаза.

Полет занял сорок минут.

Когда на табло появилась надпись EBP 00020, Чип и Довер поднялись, подошли к блокам с напитками и стали нажимать кнопки, сливая остатки коки и чая. Самолет приземлился, прокатился немного и остановился. После того, как несколько десятков членов вышли, Чип и Довер сняли пустые контейнеры из-под напитков, поставили их на пол и сняли с них крышки, а Базз положил в каждый контейнер завернутый вещмешок. Все шестеро пошли к двери. Чип, прижимающий к груди контейнер, сказал пожилому члену: «Извините нас, пожалуйста»,— и оттеснил его. Остальные пятеро прошли вплотную за ним. Довер, несущий второй контейнер, сказал пожилому члену:

«Вам лучше подождать, пока я сойду с эскалатора», — и тот кивнул, с выражением замешательства.

Внизу эскалатора Чип протянул руку к сканеру, загородив его от членов в зале ожидания. Базз, Карл, Рия и Джек прошли беспрепятственно, сделав вид, что коснулись сканера, Довер тоже потянулся к сканеру и кивнул члену наверху эскалатора.

Четверо направились в зал ожидания, а Чип и Довер пересекли летное поле и вошли в ворота служебной зоны. Они поставили контейнеры, вынули из них мешки и протиснулись между двумя рядами ящиков. Нашли свободное пространство у стены и сняли оранжевые комбинезоны и защитные щитки с сандалий.

Вышли из служебной зоны через дверь, с мешками через плечо. Остальные ждали возле сканера. Они вышли из аэропорта по двое — народу было почти также много, как в '91770, — и снова собрались вместе на стоянке велосипедов.

К полудню они были северней '00018. Съели круги сыра между велодорожкой и Рекой Свободы, в долине, окаймленной горами, которые поднимались до ужасающих снежных высот. Пока ели, разглядывали свои карты. К ночи, высчитали они, смогут быть в парковой зоне в нескольких километрах от входа в тоннель.

Было чуть больше трех, когда они, подъезжая к '00013, заметили встречного велосипедиста — молоденькую девушку, почти подростка, которая выжидательно смотрела на лица едущих на север. На их лицах тоже, когда они поравнялись, появилось выражение озабоченности, членского желания помочь. Вскоре показалась еще одна велосипедистка, пожилая женщина с корзиной цветов, которая так же, чуть обеспокоенно, смотрела на их лица. Чип улыбнулся ей, когда она проезжала мимо. На велодорожке не было ничего особенного, и на дороге тоже. Через несколько сот метров велодорожка и дорога сворачивали направо и исчезали за энергостанцией.

Чип съехал на траву, остановился, оглянулся и сделал знак товарищам подъехать к нему.

Они отвели велосипеды в сторону. Были они на самом краю парковой зоны перед городом: полоса травы, столики для пикника и пологий склон горы с редкими деревьями.

— Мы никогда не доедем, если будем каждые полчаса останавливаться, — сказала Рия.

Они сели на траву.

— Я думаю, что за поворотом, проверяют браслеты, — сказал Чип. — Телекомпы и комбинезоны с красными крестами. Велосипедистки так смотрели, будто пытались разглядеть больных. У них был этот самый вид — «как-я-могу-помочь».

— Вот ненависть... — проворчал Базз.

Джек сказал:

— Христос и Веи, если мы начнем беспокоиться насчет выражения лиц каких-то членов, то не лучше ли просто развернуться и поехать домой?

Чип укоризненно взглянул на него:

— Проверка браслетов — это ведь не что-то невероятное, правда?

Уни, наверное, уже знает, что взрыв в '91770 — не просто авария и, видимо, вычислил причину. Это самая короткая дорога из '020 к Уни — и до первого поворота осталось километров двенадцать.

— Хорошо, значит они проверяют браслеты,— сказал Джек.— А какой ненависти у нас пистолеты?

— Да! — подхватила Рия.

Довер сказал:

— Если мы будем прорываться с пистолетами, за нами погонится каждый, кто едет по велодорожке.

— Тогда бросим бомбу,— сказал Джек.— Нам надо шевелиться, а не сидеть на задах, раз уж начали игру. Эти манекены все равно наполовину мертвецы, какая разница, если мы нескольких убьем? Мы же поможем всем остальным, правда?

— Пистолеты и бомбы — на тот случай, когда они будут необходимы,— сказал Чип, а не на тогда, когда мы можем без них обойтись,— он повернулся к Доверу.— Прогуляйся вон туда, посмотри, что там за поворотом.

Довер встал, пересек полоску травы, поднял что-то, бросил в корзину для мусора и вошел в лесок. Его желтый комбинезон превратился в мелькающее желтое пятно, которое вскоре затерялось на лесистом склоне.

Они отвели взгляд от леса, куда ушел Довер. Чип вынул карту.

Джек стал срывать травинки. Рия, сидя рядом с ним, смотрела на него.

— Что ты предлагаешь,— спросил Джек,— если они проверяют браслеты?

Чип поднял глаза от карты.

— Сдадим немного назад, свернем к востоку и объедем их.

Джек сорвал еще несколько травинок, отбросил их в сторону.

— Пойдем,— сказал он Рие и встал. Она вскочила, ее глаза загорелись.

— Куда вы? — спросил Чип.

— Туда, куда мы собирались,— сказал Джек, смотря на него сверху вниз.— В парковую зону у входа в тоннель. Мы будем ждать вас до рассвета.

— Сядьте, вы,— сказал Карл.

Чип сказал:

— Вы пойдете со всеми вместе, когда я скажу. Вы согласились подчиняться в начале.

— Я передумал,— сказал Джек.— Подчиняться твоим приказам мне нравится не больше, чем Уни.

— Вы все разрушите,— сказал Базз.

— Это вы все разрушаете! — ответила Рия.— Останавливаться, возвращаться, объезжать — если собрались сделать что-то, делайте!

— Сядьте и подождите, пока Довер вернется,— сказал Чип.

Джек улыбнулся.

— Ты что, силой заставишь меня остаться? — сказал он.— Здесь, на виду у всей Семьи? — он кивнул Рие, и они подняли с травы свои велосипеды и положили мешки в корзинки.

Чип встал, кладя карту в карман.

— Мы не можем разделять группу надвое,— сказал он.— Подождите и подумайте минутку, а, Джек? Как мы узнаем, что...

— Ты только сидишь на одном месте и думаешь,— сказал Джек.— А я пойду к Уни по тоннелю,— он повернулся и пошел, ведя велосипед. Рия со своим велосипедом пошла за ним. Они направились к велодорожке.

Чип сделал шаг за ними следом и остановился, сжав зубы и кулаки. Он хотел вынуть пистолет и принудить их вернуться, но мимо проезжали велосипедисты, на траве рядом расположились какие-то члены.

— Ты ничего не можешь сделать, Чип,— сказал Карл, а Базз добавил: «Братоненавистники».

На краю велодорожки Джек и Рия сели на велосипеды. Джек помахал рукой: «Пока! — крикнул он.— Увидимся в холле на телевизоре!» Рия тоже помахала, и они покатили в сторону поворота.

Базз и Карл помахали им вслед.

Чип взял мешок из корзинки и повесил на плечо. Второй мешок он кинул Баззу на колени.

— Карл, ты останешься здесь, а Базз пойдет со мной,— сказал он.

Он пошел к лесу и понял, что идет быстро, сердито, ненормально, но — «В драку это!» — подумал он. Он шел вверх по склону туда, куда ушел Довер. «Черт их возьми!»

Базз нагнал его.

— Христос и Вей,— сказал он.— Не швыряй мешки!

— Черт их побери! — сказал Чип.— Как только я в первый раз их увидел, сразу понял, что они не подходят! Но я закрыл на это глаза, потому что я был так ненавистнически... Черт меня побери! Это я виноват. Я!

— Может быть, нет никакой проверки браслетов и они будут ждать в парке,— сказал Базз.

Между деревьями впереди замелькало что-то желтое: Довер возвращался. Он увидел их и подошел.

— Ты прав,— сказал он.— Врачи на земле, врачи в воздухе...

— Джек и Рия ушли,— сказал Чип.

Довер был потрясен.

— И ты не остановил их?

— Как? — Чип взял Довера за руку, и развернул.— Показывай дорогу!

Довер повел их вверх по склону меж деревьев.

— Джек и Рия не пройдут,— сказал он.— Там целый медицинский центр, и заграждения по бокам — не свернешь.

Они вышли из-за деревьев на каменный скат. Базз шел последним, он задыхался.

— Надо лечь, а то нас заметят,— сказал Довер.

На животах они подползли к вершине каменного ската. Внизу лежал город, '00013, его белые плиты сверкали на солнце, блестели переплетающиеся монорельсовые пути, ярко вспыхивали блики от машин на кольцевой дороге. Вдоль города изгибалась река и текла

дальше на север, синяя и тонкая, с красивыми прогулочными лодками и длинным караваном барж, который проплывал под мостами.

Они заглянули вниз. Под ними был каменный полукотел, дно которого представляло собой закругленную площадку, где надвое разветвлялась велодорожка. Одна шла с севера от энергостанции, поворачивала, проходила под дорогой с проносившимися на большой скорости машинами, и вела в город; другая пересекала площадь, шла вдоль речного изгиба, вдоль восточного берега, снова подходя близко к дороге. Перед развилкой барьеры разделяли подъезжавших велосипедистов на три ряда, каждый ряд проезжал перед группой членов в комбинезонах с красным крестом, стоявших у маленьких необычного вида сканеров. Три члена в антигравитационных поясах висели в воздухе параллельно земле, по одному над каждой группой врачей. В ближней части площадки стояли две машины и коптер, и еще другие члены в комбинезонах с красным крестом стояли вдоль дорожки, ведущей из города, поторапливая едущих оттуда велосипедистов, когда они притормаживали, чтобы посмотреть на очередь к сканерам.

— Христос, Маркс, Вуд и Веи,— сказал Базз.

Чип, глядя вниз, подтянул к себе мешок и открыл его.

— Они, должно быть, где-то в очереди,— сказал он. Он нашел бинокль, поднес к глазам и настроил.

— Вот они,— сказал Довер.— Видишь мешки в корзинках?

Чип прошелся биноклем по очереди и нашел Джека и Рию, они медленно ехали рядом между деревянными барьерами. Джек смотрел вперед, его губы шевелились. Рия кивнула. Оба они держались за руль только левой рукой, правые руки обоих были в карманах.

Чип передал бинокль Доверу и потянулся к своему мешку.

— Мы должны помочь им пробиться,— сказал он.— Если им удастся проскочить мост, они, быть может, смогут затеряться в городе.

— Они собираются стрелять, когда будут около сканеров,— сказал Довер.

Чип дал Баззу бомбу с синей ручкой и сказал:

— Сними ленту, и будь готов дернуть ручку, когда я тебе скажу. Попробуй кинуть ее ближе к коптеру: убьем сразу двух зайцев.

— Кидай раньше, чем они начнут стрелять,— сказал Довер.

Чип взял у него бинокль и снова посмотрел на Джека и Рию. Повел биноклем по членам перед ними: примерно пятнадцать велосипедистов оставалось между ними и сканерами.

— У них пули или лазерные лучи? — спросил Довер.

— Пули,— сказал Чип.— Не беспокойся, я хорошо рассчитаю,— он смотрел на очередь медленнодвигающихся велосипедистов, прикидывая их скорость.

— Они, может быть, все равно будут стрелять,— сказал Базз.— Просто, для удовольствия. Ты видел, как Рия смотрела?

— Приготовься,— сказал Чип. Он ждал, пока Джек и Рия не окажутся за пять велосипедов от сканеров.— Давай,— сказал он.

Базз дернул ручку и кинул бомбу — незаметно, вбок, размахнувшись. Бомба ударилась о скалу, запрыгала вниз и подкатилась прямо под бок копитера. «Назад», — сказал Чип. Он еще раз взглянул в бинокль на Джека и Рию, за два велосипеда от сканеров, напряженных, но уверенных, и скользнул вниз, между Баззом и Довером. «У них такой вид, как будто на вечеринку собрались», — сказал он.

Они ждали, прижавшись щеками к камню, и вот проревел взрыв, и каменный скат содрогнулся. Внизу треснул и заскрежетал металл. Наступила тишина, только горький запах повис в воздухе, а потом голоса, тихо, громче и громче. «Эти двое», — прокричал кто-то.

Они придвинулись к вершине ската.

Велосипеды Джека и Рии неслись по мосту. Другие остановились, велосипедисты поставили одну ногу на землю, смотря в сторону копитера — наклонившегося на бок и дымящегося. — Несколько членов в комбинезонах с красным крестом бросились догонять беглецов. Три члена, парящие в воздухе, развернулись и полетели к мосту.

Чип поднес к глазам бинокль — к согнутой спине Рии, и Джека перед ней. Они бешено крутили педали в двухмерной плоскости, но казалось, что совсем не удаляются. Поднялся сверкающий туман, который частично скрыл велосипедистов от глаз Чипа.

Парящий сверху член направил вниз цилиндр, извергающий густой белый газ.

— Он попал в них! — сказал Довер.

Рия остановилась, не слезая с велосипеда, Джек оглянулся на нее через плечо.

— В Рию, но не в Джека, — сказал Чип.

Джек остановился, направив пистолет вверх. Пистолет вздрогнул, потом еще раз.

Член в воздухе скособочился («тр», «тр» прозвучали выстрелы), извергающий белый газ цилиндр выпал из его рук.

Члены во все стороны бросились от моста — на велосипедах; выпучив глаза, бежали по боковым дорожкам.

Рия села на землю рядом с велосипедом. Подняла голову, лицо ее было влажное и блестящее. Над ней в дыму неясно виднелись комбинезоны с красным крестом.

Джек с пистолетом в руке широко раскрыл глаза, рот его открылся, округлившись; закрылся и снова открылся в блестящем тумане. («Рия!» — услышал Чип тихо и далеко). Джек поднял пистолет (Рия!) и выстрелил, выстрелил, выстрелил.

Еще один член в воздухе («тр» «тр» «тр») скособочился и уронил свой цилиндр. На дорожке под ним показалось красное, потом еще больше красного.

Чип опустил бинокль.

— Противогаз! — сказал Базз. У него тоже был бинокль.

Довер лежал, уткнувшись в руку.

Чип сел и стал смотреть без бинокля на узкий опустевший мост, по которому мчался, вихляясь, далекий велосипедист в бледно-голубом, а за ним в воздухе — член, державшийся от него на расстоя-

нии; на двух мертвых или умирающих членов, медленно поворачивающихся в воздухе, их сносило ветром; на членов в комбинезонах с красным крестом, идущих теперь растянувшейся на ширину моста цепью, и как один из них помог подняться женщине в желтом возле упавшего велосипедиста, обнял ее за плечи и повел к площадке.

Велосипедист приостановился, оглянулся на членов в комбинезонах с красным крестом, потом снова рванул вперед, перегнувшись через руль. Член в воздухе подлетел к нему и поднял руку. Столб густого белого дыма вылетел из нее и коснулся велосипедиста.

Чип поднес к глазам бинокль.

Джек, в серой морде противогаза, наклонился влево в сверкающем тумане и поставил на мост бомбу. Потом он нажал на педали, юзнул, завалился набок и упал. Он приподнялся на локте, велосипед лежал у ног. Вещмешок, выпавший из корзинки, оказался рядом с бомбой.

— Ой, Христос и Веи,— сказал Базз.

Чип опустил бинокль и аккуратно намотал ремешок бинокля на перемычку между окулярами.

— Сколько? — спросил Довер, глядя на Чипа.

— Три,— сказал Чип.

Взрыв был ясный, громкий и сильный. Чип смотрел, как Рия идет прочь от моста с членом в комбинезоне с красным крестом, который ведет ее. Она не обернулась на взрыв.

Довер, глядевший вниз с колен, повернулся к Чипу.

— Полный мешок,— сказал Чип.— Он сидел с ним рядом,— Он положил бинокль в вещмешок и закрыл его.— Нам надо выбираться отсюда. Спрячь бинокль, Базз. Пойдем.

Он не хотел смотреть, но перед тем, как они ушли со склона, посмотрел.

Середина моста была черная и неровная, парапет по краям был взорван и выворочен наружу. За пределами почерневшего пространства лежало велосипедное колесо и какие-то другие небольшие ошметки, к которым медленно направлялись члены в комбинезонах с красным крестом. Кусочки бледно-голубого лежали на мосту и плыли по реке.

Они вернулись к Карлу и сказали ему, что случилось, потом все четверо сели на велосипеды и проехали несколько километров на юг, там они въехали в парковую зону, нашли ручей, попили и ополоснулись.

— А теперь мы вернемся? — спросил Довер.

— Не все,— сказал Чип,— не все.

Они с удивлением посмотрели на него.

— Да, я говорил, что мы вернемся,— в случае, если кого-то поймают,— продолжал Чип.— Я хотел, чтобы, пойманный был в этом уверен и соответственно отвечал бы на допросах. Возможно, сейчас Рия это и говорит,— он взял сигарету, которую они пустили по кругу. Несмотря на риск, что кто-то почует запах дыма, отнесен-

ный ветром, затянулся и передал сигарету Баззу.— Один из нас вернется,— сказал он,— по крайней мере, я надеюсь, что только один пойдет — взорвет бомбу или две между этим местом и побережьем и возьмет лодку, чтобы все было так, будто мы придерживаемся плана. Остальные спрячутся в парковой зоне, проберутся ближе к '001 и подойдут к тоннелю через две недели или что-нибудь около того.

— Хорошо,— сказал Довер, а Базз добавил:

— Я всегда думал, что не имеет смысла так легко сдаваться.

— Нас троих хватит? — спросил Карл.

— Мы этого не узнаем, пока не попробуем,— ответил Чип.— А хватило бы шести? Возможно, все может сделать и один, а может, и двенадцать не справятся. Но после того, как мы зашли так далеко, я, в драку, хочу это выяснить.

— Я с тобой, я просто спросил,— сказал Карл.

И Базз сказал:

— Я тоже с тобой.

— Я тоже,— сказал Довер.

— Хорошо,— сказал Чип.— Трое в любом случае лучше, чем один, уж это я знаю. Карл, ты пойдешь назад.

Карл жалобно посмотрел на него.

— Почему я?

— Потому что тебе сорок три,— ответил Чип.— Извини, брат, но я не могу придумать никакой другой причины, чтобы решить, кто вернется.

— Чип,— сказал Базз,— я думаю, что будет лучше, если я тебе скажу, что вот уже несколько часов у меня болит нога. Я могу вернуться, могу идти дальше, но — в общем, в любом случае, я подумал, что тебе это надо сказать.

Карл дал Чипу сигарету. От нее осталось сантиметра два, Чип ткнул окурок в землю.

— Хорошо, Базз, пожалуй, так будет лучше. Пойдешь ты, но сначала побрейся. Нам всем лучше побриться, на случай, если нарвемся на кого-нибудь.

Они побрились, а затем выбрали для Базза маршрут к ближайшей точке побережья. Он должен заложить бомбу в аэропорту '00015 и еще одну, когда окажется около моря. Базз оставил себе еще две бомбы — на всякий случай, а остальные отдал Чипу.

— Если повезет, ты будешь у лодки завтра ночью,— сказал Чип.— Убедись, что никто не считает по головам, сколько в ней народу. Скажи Джулии, и Лайлак тоже, что мы будем прятаться по крайней мере две недели, а может, и дольше.

Базз попрощался со всеми за руку, пожелал им удачи, сел на велосипед и уехал.

— Какое-то время мы побудем здесь, будем спать по очереди,— сказал Чип.— А ночью пойдем в город за пирогами и комбинезонами.

- За пирогами,— сказал Карл, а Довер добавил:
- Это будут долгие две недели.
- Нет,— сказал Чип.— Я сказал: «две недели» на случай, если его поймут. Мы все сделаем за пять или шесть дней.
- Христос и Веи,— сказал Карл, улыбаясь,— ну ты и скрытный!

Глава третья

Они пробыли на этом месте два дня — спали, ели, брились и тренировались в драке, играли в детские игры «в слова», рассуждали о демократическом правительстве, о сексе, о пигмеях экваториальных лесов,— а на третий день, в воскресенье, двинулись на север. Не доезжая до '00013 они остановились и вззошли на вершину склона, откуда была видна площадка под горой и мост. Мост был наполовину починен и перегорожен барьерами. Вереницы велосипедистов пересекали площадь в обоих направлениях, не было ни докторов, ни сканеров, ни коптеров, ни машин. Там, где тогда стоял коптер, виднелся прямоугольник свежего розового покрытия.

Сразу после обеда они проехали мимо '001 и издалека бросили взгляд на белое здание Уни за Озером Всеобщего Братства. Они въехали в парковую зону за городом.

Вечером, в сумерках, спрятав велосипеды в прикрытой ветками впадине, с мешками на плече, они прошли за сканер в конце парковой зоны и ступили на травяные склоны у подножия Горы Любви. Они шли быстро, в ботинках и зеленых комбинезонах, с висящими на шеях биноклями и противогазами. В руках они держали пистолеты, но когда темнота сгустилась, а склон стал каменистее и не такой пологий, они положили пистолеты в карманы. Время от времени останавливались, и Чип, прикрывая фонарик рукой, светил на свой компас.

Они подошли к первому из трех предполагаемых мест начала тоннеля, разделились и начали искать вход, осторожно пользуясь фонариками. Они не нашли входа.

Они направились к второму предполагаемому месту, в километре на северо-восток. Месяц выглянул из-за склона горы, слабо осветив его, и они внимательно оглядели склон, пока пересекали каменистое подножие.

Склон стал ровным — но только на той полоске, по которой они шли,— и они поняли, что идут по дороге, по старой и поросшей кое-где кустами дороге. Сзади них она поворачивала к парковой зоне, впереди уходила в складку горы.

Они переглянулись и вынули пистолеты. Сойдя с дороги, пошли, держась склона, тихим шагом, выстроившись в цепочку — впереди Чип, затем Довер, потом Карл,— придерживая мешки, чтобы они не стучали, с пистолетами в руках.

Они подошли к складке и стали ждать, напряженно прислушиваясь.

Из-за поворота не доносилось ни звука.

Они выжидали. Затем Чип оглянулся на товарищей, взял противогаз и надел его.

Остальные сделали то же самое.

За поворотом начиналось большое гладкое пространство, а напротив, у подножия отвесного склона виднелось черное, круглое, плоское — начало большого тоннеля.

Тоннель казался абсолютно незащищенным.

Они сняли противогазы и стали смотреть на вход в тоннель в бинокли. Они изучили гору над ним и, сделав несколько шагов вперед, осмотрели закругляющиеся стены отвесного ската и овальный просвет неба, как крыша нависших над площадкой.

— Базз, должно быть, хорошо сделал свое дело, — сказал Карл.

— Или плохо, и попался, — сказал Довер.

Чип перевел бинокль на вход в тоннель. Он порос бледнозеленым кустарником.

— Такое же ощущение, как от тех синих лодок на берегу, — сказал Чип. — Вот, прямо так, открытый тоннель...

— Ты думаешь, он ведет обратно на Свободу? — спросил Довер, а Карл засмеялся.

— Там могут быть пятьдесят ловушек, которые мы заметим, когда будет слишком поздно. — Чип опустил бинокль.

Карл сказал:

— Может быть, Рия ничего им не сказала.

— Когда тебя расспрашивают в медцентре, ты говоришь все, — ответил Чип. — Но даже если она и не сказала, разве не могли его хотя бы прикрыть? Мы же для этого инструменты с собой брали.

Карл сказал:

— Может быть, им до сих пор пользуются.

Чип еще раз внимательно посмотрел на начало тоннеля.

— Мы всегда можем повернуть назад, — подал голос Довер.

— Конечно. Что ж пойдём... — сказал Чип.

Они снова надели противогазы и медленно пошли через открытое пространство. Не появилось никаких облаков газа, не сработала никакая сирена, в воздухе не показалось никаких членов в антигравитационных поясах.

Они подошли к входу в тоннель и посветили внутрь фонариками. Отблески света вспыхивали на высокой пластиковой с уходящими вдаль линиями округлости тоннеля, вплоть до того места, где тоннель, казалось, кончился — нет, изгибался вниз под углом. В тоннель входили две металлических колеи, широкие и плоские, между ними оставалось около двух метров не покрытого пластиком скалистого пола.

Они оглянулись на площадку перед входом и посмотрели на верхний край тоннеля. Шагнули в тоннель, сняли противогазы и пригнулись.

— Ну? — сказал Чип. — Готовы?

Карл кивнул, а Довер, улыбаясь, сказал:

— Пошли:

Они еще немного постояли, а потом зашагали по черному камню между колеями.

— А воздух-то будет нормальный? — спросил Карл.

— У нас противогазы, если что, — ответил Чип. Он осветил фонариком часы. — Без четверти десять. Мы должны быть там около часа ночи.

— Уни не будет спать, — сказал Довер.

— Пока мы его не усыпим, — отозвался Карл.

Тоннель немного изогнулся вниз, и они остановились, всматриваясь в пластиковую округлость тоннеля, отблескивающую все дальше и дальше, и дальше в мрачную черноту.

— Христос и Веи, — прошептал Карл.

Они снова пошли между колеями более скорым шагом, выстроившись в ряд.

— Надо было взять велосипеды, — сказал Довер. — Съехали бы с горки.

— Давайте говорить как можно меньше, — сказал Чип. — И только светить одним фонариком. Сейчас твой, Карл.

Они шли молча, вслед за фонариком Карла. Бинокли сняли с шеи и положили в мешки.

Чип чувствовал, что Уни прислушивается к ним, записывает вибрацию от их шагов или тепло их тел. Смогут ли они преодолеть оборону, которую Уни обязательно выставит, победить его членов, устоять перед его глазами? (Годны ли на что-нибудь противогазы? Джек упал потому, что надел противогаз слишком поздно, или было бы все равно, если бы он надел его раньше?).

Ну что же, время задавать вопросы прошло, сказал себе Чип. Пришло время идти вперед. Они встретят то, что их там поджидает, и приложат все усилия, чтобы добраться до холодильной установки и взорвать ее.

Сколько членов придется им ударить или убить? Может быть, ни одного, подумал Чип, может быть достаточно пригрозить пистолетом, чтобы их не тронули. (Готовые помочь лишенные эгоизма члены, видящие, что Уни в опасности? Нет, никогда).

Ну что же, придется пойти на это, другого пути нет.

Чип перенесся мыслями на Лайлак — на Лайлак и Джана, и на их комнату в Нью-Мадриде.

В тоннеле стало холодно, но дышалось легко.

Они продолжали идти в пластиковую округлость тоннеля, которая отблескивала в чернейшую черноту, с уходящими в глубь колеями. «Вот и мы, — думал он. — Теперь. Мы делаем это».

Через час они остановились передохнуть. Сели на металлические полосы, разделили поровну пирог, пустили по кругу контейнер с чаем.

Карл сказал:

— Я бы руку отдал за немного виски.

— Я тебе куплю ящик, когда мы вернемся, — сказал Чип.

— Ты свидетель,— сказал Карл Доверу.

Они посидели несколько минут, отдохнули и снова пошли. Довер шел по колее.

— Ты выглядишь вполне уверенным,— сказал Чип, направив на него свой фонарик.

— Да, уверен,— ответил Довер.— А ты нет?

— И я,— сказал Чип, снова направив свет вперед.

— Я бы чувствовал себя увереннее, если бы нас было шестеро,— сказал Карл.

— Я тоже,— отозвался Чип.

«Довер какой-то смешной,— думал он.— уткнулся в руку, когда Джек начал стрелять, а теперь, когда ему самому, возможно, придется убивать, весел и беспечен. Но, может быть, это маска, чтобы скрыть волнение? Или, просто двадцать пять или двадцать шесть... сколько ему там лет — сами за себя говорят.

Они продолжали идти, перекидывая мешки с плеча на плечо.

— Ты уверен, что эта штука когда-нибудь кончится? — спросил Карл Чипа.

Тот поднес фонарик к сверкнувшим часам.

— Одиннадцать тридцать,— сказал он.— Мы одолели половину пути.

Они продолжали идти в пластиковой округлости. Стало чуть теплее.

Снова остановились. Без четверти двенадцать. Но обнаружили, что не могут усидеть на месте, поднялись и пошли.

Впереди в темноте блеснул свет, Чип вытащил пистолет.

— Подожди,— сказал Довер, тронув его за руку.— Это мой свет. Посмотри! — он выключил и включил свой фонарик. Выключил и включил, и отблеск света в темноте пропадал и снова появлялся.— Это конец тоннеля,— сказал Довер.— Или что-то лежит на колеех.

Они пошли быстрее. Карл тоже вынул свой пистолет. Отблеск света, слегка качаясь вверх и вниз, казалось, оставался от них на том же расстоянии, маленький и слабый.

— Он движется прочь от нас,— сказал Карл.

Но потом, внезапно, он стал ярче, приблизился.

Они остановились, надели и закрепили противогазы и продолжали идти. К стальному диску-стене, перегораживающей тоннель до самого верха.

Они подошли близко, но не прикоснулись к диску. Он должен был убираться вверх, как они заметили: серии ровных вертикальных царапин бежали по нему, а внизу был вырезан так, чтобы плотно садиться на колеи.

Они опустили на шею противогазы, и Чип поднес часы к свету фонарика Довера.

— Без двадцати час,— сказал Чип.— Мы хорошо дошли.

— Или тоннель продолжается с той стороны диска,— сказал Карл.

— Ты еще будешь об этом думать,— сказал Чип, кладя пистолет

в карман и снимая с плеча мешок. Он поставил его на каменный пол, встал перед ним на колени и развязал.

— Подойди ближе со светом, Довер,— сказал он.— Карл, не трогай.

Карл кивнул на стенку:

— Ты думаешь, она под током?

— Довер? — произнес Чип.

— Спокойно,— сказал Довер.

Он отступил на несколько метров в глубину тоннеля и направил на Карла и Чипа фонарик. В луче виднелся конец дула его лазерного пистолета.

— Без паники, вам не сделают ничего плохого,— сказал он.— Ваши пистолеты не работают. Брось пистолет, Карл. Чип, покажи мне руки, потом заложил их за голову и встань.

Чип изо всех сил всматривался в темноту над светом. Там была мерцающая полоска — коротко подстриженные светлые волосы Довера.

Карл спросил:

— Это шутка или что?

— Брось пистолет, Карл,— продолжал Довер.— И мешок тоже поставь. Чип, покажи мне свои руки.

Чип протянул пустые ладони, заложил руки за голову и встал. Пистолет Карла звякнул о камень, и мешок тоже брякнул.

— Что это? — спросил Карл Чипа.— Что он делает?

— Он шпион,— сказал Чип.

Лайлак была права. Шпион в группе. Но Довер? Это просто немыслимо. Такого не могло быть.

— Руки за голову, Карл,— сказал Довер.— Теперь повернитесь оба, лицом к стене.

— Ты, братоненавистник,— сказал Карл.

Они повернулись к стальной стене.

— Довер,— сказал Чип.— Христос и Веи...

— Ты, ублюдок,— сказал Карл.

— Вам не сделают ничего плохого,— повторил Довер. Стена скользнула вверх — и длинная бетонная комната открылась перед ними, колеи доходили до половины комнаты и кончались. В дальнем конце комнаты виднелась двустворчатая дверь.

— Шесть шагов вперед и остановиться! — скомандовал Довер.— Ну, давайте. Шесть шагов.

Они прошли шесть шагов и остановились.

Пряжки ремней от вещмешков звякнули сзади.

— Пистолет смотрит на вас,— сказал Довер снизу, он нагнулся за мешками. Чип с Карлом переглянулись. В глазах Карла был вопрос, Чип покачал головой.

— Все в порядке,— сказал Довер, голос снова исходил с высоты его полного роста.— Прямо!

Они прошли через комнату с бетонными стенами, и половинки двери в конце комнаты скользнули в стороны. За дверью показались белые кафельные стены.

— В дверь и направо,— сказал Довер.

Они вошли в дверной проем и повернули направо. Перед ними открылся длинный коридор с белыми кафельными стенами, кончающийся у простой стальной двери, рядом с которой стоял сканер. Правая стена коридора была сплошь облицована кафелем, левая прерывалась расположенными через равные промежутки стальными дверями, их было десять или двенадцать, у каждой свой сканер, с промежутками метров по десять.

Чип и Карл шли рядом по коридору, держа руки на затылке. «Довер!» — думал Чип. Первый человек, к которому он пошел! А почему бы и нет? Так резко анти-УниКомповски он говорил в тот день на катере ПИ! Это Довер сказал ему и Лайлак, что Свобода — это тюрьма, что Уни разрешил им попасть в нее!

— Довер! — сказал Чип.— Какой ненависти можешь ты...

— Спокойно! — предупредил Довер.

— Тебя не затормаживают, тебя не лечат?

— Нет.

— Тогда — как? Почему?

— Вы увидите через минуту,— сказал Довер.

Они подошли к двери к конце коридора, и она резко открылась вбок. За дверью расстился другой коридор: шире первого, не так ярко освещенный, с темными стенами, без кафеля.

— Вперед,— сказал Довер.

Они прошли через дверной проем и остановились, вытаращив глаза.

— Вперед,— повторил Довер.

Они пошли дальше.

Что это был за коридор? Пол покрыт ковром, ковром золотого цвета, толще и мягче чем все те, которые Чип когда-либо видел и по которым ему приходилось ходить в своей жизни. Стены из сверкающего полированного дерева, с нумерованными дверями с золотыми ручками (12,11) по обе стороны. Между дверьми висят картины — красивые, явно до-Объединенческие: сидящая со сложенными руками женщина, улыбающаяся, как будто знает что-то важное; город под холмом, со зданиями с окнами, под странным небом в тучах; сад; полулежащая женщина; мужчина в доспехах. Приятный аромат плавал в воздухе, резкий, сухой, который невозможно было никак описать.

— Где мы? — спросил Карл.

— В Уни,— ответил Довер.

Перед ними была открытая двустворчатая дверь, за ней лежала комната, задрапированная красным.

— Идите дальше! — сказал Довер.

Они прошли через дверь в обитую красным комнату, она оказалась очень большой, широко расходящейся в стороны, и члены, люди сидели и улыбались, и начинали смеяться, смеялись и вставали с мест, и некоторые аплодировали; молодые люди, старые люди вставали со стульев и диванов, смеялись и аплодировали, аплодировали, аплодировали, они все аплодировали! — и руку Чипа

кто-то потянул вниз — смеющийся Довер,— и он посмотрел на Карла, который посмотрел на него, в изумлении, а они все аплодировали, мужчины и женщины, пятьдесят, шестьдесят человек, бодрые и живые, в шелковых, а не паплоновых комбинезонах, зеленых-золотых-синих-белых-пурпурных; высокая и красивая женщина, чернокожий мужчина, женщина, похожая на Лайлак, человек с белыми седыми волосами, которому, должно быть, было за девяносто; аплодировали, смеялись, смеялись, аплодировали...

Чип обернулся, и Довер, усмехаясь, сказал:

— Вы не спите,— и, Карлу: Это на самом деле все происходит.

— Что это? — сказал Чип.— Что это за драка? Кто они?

Смеясь, Довер ответил:

— Они программисты, Чип! И вы тоже ими станете! Ох, если бы вы могли видеть ваши лица!

Чип, выпучив глаза, посмотрел на Карла и снова на Довера.

— Христос и Вей, о чем ты говоришь? — сказал он.— Программисты умерли! Уни... он работает сам по себе, у него нет...

Довер смотрел куда-то за Чипа, улыбаясь. Тишина заполнила комнату.

Чип обернулся.

Человек в улыбающейся маске, похожей на Вей (наяву ли это все происходит?) приближался к нему пружинящей походкой, в красном шелковом комбинезоне с высоким воротником.

— Ничего не работает само по себе,— произнес он голосом высоким, но сильным, губы его улыбающейся маски шевелились, как настоящие. (Но маска ли это? — желтая кожа туго натянутая на острые скулы, блестящие глаза-щели, остатки седых волос на желтом черепе?) — Ты, должно быть, Чип, с зеленым глазом,— сказал человек, улыбаясь и протягивая руку.— Тебе придется рассказать мне, что было не так с именем «Ли», что тебе захотелось его поменять.

Вокруг них поднялся смех.

Протянутая рука была нормального цвета и молодая. Чип взял ее («Я схожу с ума», думал он), и рука сильно схватила его руку, больно стиснула на мгновение костяшки пальцев.

— А ты Карл,— сказал человек, поворачиваясь и снова протягивая руку.— Вот если бы ты поменял свое имя, я бы тебя понял,— смех стал громче.— Пожми руку,—сказал человек, улыбаясь.— Не бойся.

Карл пожал.

Чип сказал:

— Вы...

— Вей,— сказал человек, его глаза-щели засверкали.— Отсюда и выше — да,— он дотронулся до высокого ворота своего комбинезона.— Отсюда и ниже,— сказал он,— я — несколько разных членов, главным образом Иисус РЕ, который победил в десятиборье в 163 году,— он улыбнулся Чипу и Карлу.— Ты когда-нибудь играл в мяч, прыгал через веревочку? «Вей, Вуд, Христос и Маркс; только Вей жив сейчас». Это до сих пор правда, видите. «Устами младенцев».

Проходите, садитесь, вы, наверное, устали. Почему вы не могли спуститься на лифте, как все остальные? Довер, приятно видеть тебя снова. Ты провел все очень хорошо, кроме этого ужасного случая на мосту в '013.

Они сидели на глубоких и удобных красных стульях, пили бледно-желтое, с терпким привкусом вино из блестящих стаканов, ели сладко затушенные кубики мяса и рыбы, и кто-знает что, принесенное на восхитительных белых тарелках молодыми членами, которые улыбались им с восхищением — и пока они сидели, ели и пили, они разговаривали с Веи.

С Веи!

Сколько лет этой желтой голове с растянутой кожей, живой и горящей, этому чудовищу на гибком туловище в красном комбинезоне, которое легко потянулось за сигаретой, небрежно закинуло ногу за ногу? Его последний юбилей — сколько лет со дня рождения: двести шесть, двести семь?

Веи умер в возрасте шестидесяти лет, через двадцать пять лет после Объединения. За несколько поколений до постройки Уни, который запрограммировали его «духовные наследники», которые умерли, разумеется, в шестьдесят два года. Так учили Семью.

И вот он сидит — пьет, ест, курит. Мужчины и женщины стояли вокруг него, он, казалось, не замечал их.

— Все эти острова сначала были бастионами первых неизлечимых, а затем, как ты говоришь, «больничными изоляторами», в которые мы позволяли неизлечимым «убежать», хотя мы и не были так добры в те дни, чтобы предоставлять лодки, — Веи улыбнулся и затянулся сигаретой. — Потом, однако, — сказал он, — я нашел островам лучшее применение, и теперь они служат нам, простите меня, заповедниками дикой жизни, где могут возникнуть и утвердиться естественные лидеры, в точности так, как сделали вы. Теперь мы предоставляем лодки и карты довольно косвенным образом и «пастухов», как Довер, которые сопровождают возвращающихся членов и предотвращают насилие настолько, насколько возможно. И предотвращают, разумеется, последнее задуманное насилие, разрушение Уни — хотя обычная цель — это витрина для посетителей, так что реальной опасности все равно нет.

Чип сказал:

— Я не знаю, где я.

Карл, накалывая кубик мяса на маленькую золотую вилку, сказал:

— Спишь в парковой зоне, — и мужчины и женщины рядом рассмеялись.

Веи, улыбаясь, сказал:

— Да, это отнюдь не успокаивающее открытие, я уверен. Компьютер, который, как вы думали, был неизменный и неконтролируемый хозяин Семьи, на самом деле слуга Семьи, контролируемый такими же членами, как вы — предприимчивыми, думающими и неравнодушными. Его цели и образ действий изменяются постоянно, в соот-

ветствии с решениями Высшего Совета и четырнадцати подсоветов. Мы наслаждаемся роскошью, как видите, но на нас лежит ответственность, которая более чем оправдывает эту роскошь. Завтра вы начнете учиться. Сейчас, однако,— он подался вперед и ткнул сигарету в пепельницу,— очень поздно, благодаря вашему пристрастию к тоннелям. Вас проводят в ваши комнаты, я надеюсь, вы найдете их достойными такой далекой прогулки,— он улыбнулся и встал. Чип и Карл встали вместе с ним. Вей протянул Карлу руку.— Поздравляю, Карл,— сказал он.— И тебя, Чип, поздравляю. Мы давно подозревали, что раньше или позже ты придешь. Мы рады, что ты не разочаровал нас. То есть, я рад; трудно не говорить так, как будто Уни тоже способен чувствовать,— он отвернулся, и вокруг них столпились люди, которые жали их руки и говорили:

— Поздравляем, мы не думали, что вы доберетесь раньше Дня Объединения, это ужасно, правда, когда вы входите, а все тут сидят. Поздравляем! Вы привыкните к тому, что здесь есть, поздравляем!

Комната была большая и бледно-голубая, с широкой бледно-голубой шелковой постелью с множеством подушек, с большой картиной, изображающей плавающие водяные лилии, со столом, на котором стояли закрытые тарелки и графины, с темно-зелеными креслами и с вазой белых и желтых хризантем на длинном бюро.

— Тут красиво,— сказал Чип.— Спасибо.

Девушка, которая привела его сюда — обычного вида член лет шестнадцати или около, в белом паплоне — сказала:

— Сядь, и я сниму твои...— она указала на его ступни.

— Ботинки,— сказал Чип, улыбаясь.— Нет, спасибо, сестра, я могу сделать это сам.

— Дочь,— сказала она.

— Дочь?

— Программисты — наши Отцы и Матери,— сказала она.

— Ох,— произнес Чип.— Хорошо. Спасибо, дочь. Ты можешь идти.

Она удивленно и обиженно посмотрела на него.

— Я должна остаться и заботиться о тебе,— сказала она.— Мы обе,— она кивнула в сторону открытой двери за кроватью. За дверью горел свет, доносился звук бегущей воды.

Чип заглянул в комнату.

Это оказалась бледно-голубая ванная, большая и сверкающая; еще одна девушка в белом паплоне, стоя на коленях перед наполняющейся ванной, болтала рукой в воде. Она обернулась и сказала:

— Привет, отец.

— Привет,— ответил Чип.

Опершись рукой о косяк, он оглянулся на девушку, снимающую покрывало с кровати и тут же перевел взгляд на ту, что была в ванной.

Она улыбнулась ему снизу вверх, с колен. Чип продолжал стоять, держа рукой за косяк.

— Дочь...— сказал он.

Глава четвертая

Он сидел в кровати — кончил завтракать и потянулся за сигаретой — когда раздался стук в дверь. Одна из девушек открыла, и вошел Довер, улыбающийся, чистый и порывистый, одетый в желтый шелк.

— Как дела, брат? — спросил он.

— Замечательно,— ответил Чип,— замечательно.

Другая девушка зажгла Чипу сигарету, взяла поднос с посудой и спросила, хочет ли он еще кофе.

— Нет, спасибо,— ответил Чип и обратился к гостю.— Ты хочешь кофе?

— Нет,— отказался Довер. Он сел в темно-зеленое кресло и откинулся на спинку, положив локти на подлокотники, сцепив руки на животе и вытянув ноги.

Улыбаясь Чипу, спросил:

— Прошел шок?

— Драка, нет,— сказал Чип.

— Это давний обычай,— сказал Довер.— Ты сам с удовольствием примешь в этом участие, когда придет следующая группа.

— Это жестоко, это просто жестоко,— сказал Чип.

— Подожди, ты будешь смеяться и аплодировать вместе со всеми.

— Как часто приходят группы?

— Иногда годами не приходят,— сказал Довер,— а иногда одна за другой. В среднем получается один с чем-то человек в год.

— И у тебя была связь с Уни все это время, братоненавистник? Довер кивнул и улыбнулся.

— Телекомп размером со спичечную коробку. По крайней мере, я держал его в спичечном коробке.

— Негодяй,— сказал Чип.

Девушка с подносом вышла, а другая поменяла пепельницу на ночном столике, взяла свой комбинезон со спинки стула и пошла в ванную.

Довер проводил ее взглядом, а потом вопросительно взглянул на Чипа.

— Хорошая была ночь?

— М-мм,— промямлил Чип.— Как я понял, их не лечат...

— Не по всем параметрам, это уж точно,— сказал Довер.— Я надеюсь, ты не обижаешься на меня, что я не намекнул ни о чем во время пути. Правило железное: никакой помощи кроме той, что от тебя просят, никаких предложений, ничего; держаться с краю насколько возможно и пытаться предотвращать кровопролития. Я даже не должен был говорить всю эту ерунду на катере — насчет того, что Свобода — это тюрьма, но я просидел там уже два года, и никто

даже и не думал попробовать что-нибудь сделать. Ты теперь понимаешь, почему мне хотелось как-то сдвинуть все с мертвой точки.

— Да, конечно,— сказал Чип.

Он стряхнул пепел с сигареты в чистую белую пепельницу.

— Я пришел так рано, чтобы ты не сказал об этом Вей,— продолжал Довер.— Ты обедаешь с ним в час.

— Карл тоже?

— Нет, только ты. Я думаю, он тебя планирует ввести впоследствии в Высший Совет. Я приду без десяти и отведу тебя к нему. Здесь ты найдешь бритву — такая штука, вроде карманного фонарика. После обеда пойдем в медицентр и начнем принимать средство против бороды.

— Здесь есть медицентр?

— Здесь есть все,— сказал Довер.— Медицентр, библиотека, спортзал, бассейн, театр, даже сад, да такой, что ты поклянешься, что он наверху. Я тебе после все покажу.

Чип спросил:

— И здесь мы... живем?

— Все, кроме нас, бедных пастухов,— сказал Довер.— Я поеду на другой остров, но не раньше, чем через шесть месяцев, спасибо Уни.

Чип тщательно затушил сигарету.

— А что, если я не захочу оставаться? — сказал он.

— Не захочешь?

— У меня жена и ребенок, надеюсь ты помнишь?

— Ну, у многих такая же ситуация,— сказал Довер.— Здесь у тебя более серьезная обязанность, Чип, обязанность перед всей Семьей, включая членов на островах.

— Приятная обязанность,— сказал Чип.— Шелковые комбинезоны и две девушки сразу.

— Это только вчера,— ответил Довер.— Сегодня тебе повезет, если будет хотя бы одна.— Он выпрямился в кресле.— Послушай, я знаю, что здесь есть... поверхностная привлекательность, которая заставляет все это казаться... спорным. Но Семья нуждается в Уни. Подумай, как обстоят дела на Свободе! И Семья нуждается в не лечимых программистах, которые управляют Уни и...— ну, Вей обьяснит это лучше меня. И один день в неделю мы все равно носим пап-лон. И едим пироги.

— Целый день? — спросил Чип.— Правда?

— Верно, верно,— сказал Довер, вставая. Он подошел к стулу, где лежал зеленый комбинезон Чипа, поднял его и пощупал карманы.

— Здесь все? — спросил он.

— Да,— сказал Чип.— Включая несколько снимков, которые я хотел бы сохранить.

— Извини, ничего из того, с чем ты пришел,— сказал Довер.— Тоже правило,— он поднял с пола ботинки Чипа.— Каждый сначала чувствует себя немножко неуверенно. Ты будешь гордиться, что ты здесь, когда приобретешь правильный взгляд на вещи. Это обязанность.

— Я запомню,— сказал Чип.

В дверь постучали, и девушка, которая унесла поднос, вошла с синим комбинезоном и белыми сандалиями. Она положила все на кровать.

Довер, улыбаясь, сказал:

— Если хочешь паплон, то это можно устроить.

Девушка посмотрела на него.

— Драка, нет,— сказал Чип.— Я думаю, я так же достоин шелка, как все здесь.

— Достоин,— сказал Довер.— Достоин, Чип. Увидимся без десяти час, хорошо? — он направился к двери, перекинув через руку зеленый комбинезон и держа ботинки. Девушка заторопилась открыть перед ним дверь.

Чип спросил:

— Что случилось с Баззом?

Довер остановился и обернулся с видом сожаления.

— Его поймали в '015,— сказал он.

— И вылечили?

Довер кивнул.

— Тоже правило? — спросил Чип.

Довер снова кивнул, повернулся и вышел.

На обед были тонкие бифштексы, приготовленные в чуть приправленном специями коричневом соусе, маленькие коричневые луковичи, нарезанный ломтями желтый овощ, которого Чип не встречал на Свободе — «Тыква», сказал Веи,— и прозрачное красное вино, которое было не такое вкусное, как желтое вино накануне вечером. Они ели золотыми ножами и вилками с тарелок с широкой золотой каймой.

Веи, одетый в серый шелк, ел быстро, отрезая кусочки от бифштекса, поднося их на вилке к своему окруженному морщинами рту, и совсем недолго жуя, прежде чем проглотить пищу и снова поднять вилку. Иногда он приостанавливался, отпивал вина и прижимал к губам желтую салфетку.

— Это все существовало,— сказал он.— Какой был смысл разрушать?

Комната была большая, красиво обставленная в до-Объединенческом стиле: белая, золотая, оранжевая, желтая. В углу комнаты два члена в белых комбинезонах ждали у сервировочного стола на колесиках.

— Конечно, сначала это кажется неправильным,— сказал Веи, но окончательные решения должны приниматься получающими лечение членами, а не получающие лечение члены не могут и не должны прожить свою жизнь на пирогах, телевизоре и «Марксе за работой»,— он улыбнулся.— Даже и на «Веи разговаривает с химиотерапевтами»,— добавил он и отправил в рот кусок бифштекса.

— Почему Семья сама не может принимать за себя решения? — спросил Чип.

Вей прожевал и проглотил кусок.

— Потому что она неспособна на это,— сказал он.— То есть на то, чтобы принять разумное решение. А без лечений — ну что ж, у тебя был пример на твоём острове — она мнительна и глупа, и агрессивна, чаще всего руководствуется эгоизмом, нежели чем-либо другим. Эгоизмом и страхом,— он взял с вилки лук.

— Она пришла к Объединению,— сказал Чип.

— Ммм, да,— сказал Вей,— но после какой борьбы! И какой хрупкой структурой было Объединение, пока мы не поддержали его лечениями! Нет, Семье надо помогать быть полностью гуманной — сегодня лечениями, завтра генной инженерией, а за нее надо принимать решения. Те, у кого есть для этого средства и интеллект, тоже должны выполнять свой долг. Уклониться от него было бы преступлением против своего вида,— он отправил в рот еще один кусок бифштекса, поднял руку и поманил прислуживающих членов.

— И часть этого долга,— сказал Чип,— убивать членов в шестьдесят два года?

— Ах, это,— произнес Вей и улыбнулся.— Всегда основной вопрос, который задают непременно с суровым видом.

Два члена подошли к ним, один с графином вина, другой с золотым подносом, который он держал ближе к Вей.

— Ты смотришь только на одну часть картины,— сказал Вей, беря большую вилку и нож и снимая бифштекс с подноса. Он задержал в воздухе бифштекс, с которого капал сок.— На что ты отказываешься посмотреть,— сказал он,— это на неисчислимое количество членов, которые бы умерли раньше шестидесяти двух, если бы не покой, стабильность и благополучие, которое мы им даем. Подумай на секунду о массе, а не об индивидуумах внутри массы,— он положил бифштекс на тарелку.— Мы добавляем немного больше лет к средней продолжительности жизни Семьи, чем отнимаем у нее,— сказал он.— Намного, намного больше лет,— он полил бифштекс соусом и взял луку и тыквы.— Чип? — спросил он.

— Нет, спасибо,— ответил Чип. Он отрезал кусок от лежавшей перед ним половины бифштекса. Член с графином вновь наполнил его стакан.

— Случайно,— продолжал Вей, разрезая бифштекс,— реальный возраст смерти ближе сейчас к шестидесяти трем, чем к шестидесяти двум. Этот возраст будет еще больше расти, по мере того, как население Земли поэтапно уменьшается,— он положил в рот кусок бифштекса.

Члены отошли в сторону.

Чип сказал:

— Вы учитываете тех членов, которые не рождаются, в вашем балансе прибавленных и отнятых лет?

— Нет,— сказал Вей улыбаясь.— Мы не забываем реальности. Если бы эти члены рождались, то не было бы ни стабильности, ни благополучия, ни, возможно, самой Семьи,— он положил в рот кусок тыквы, прожевал и проглотил.— Я не ожидаю, что твои чувства переменятся после одного обеда,— сказал он.— Осмотрись, погово-

ри со всеми, покопайся в библиотеке — особенно в разделах по истории и социологии. Я провожу неформальные беседы несколько вечеров в неделю — раз став учителем, всегда им остаешься, — посиди на нескольких таких встречах, поспорь, порассуждай.

— Я оставил жену и маленького ребенка на Свободе, — сказал Чип.

— Из чего я заключаю, — сказал Веи, улыбаясь, — что они не были для тебя чрезмерно важны.

— Я ожидал, что вернусь, — сказал Чип.

— Можно принять меры, чтобы о них позаботились, если это необходимо, — сказал Веи. — Довер сказал мне, что ты уже это сделал.

— Мне позволят вернуться? — спросил Чип.

— Ты не захочешь, — сказал Веи. — Ты придешь к пониманию того, что мы правы и твоя ответственность здесь, — он отпил вина и прижал к губам салфетку. — Если мы неправы в мелочах, ты сможешь однажды заседать в Высшем Совете и поправить нас, — сказал он. — Тебя, кстати, интересует архитектура или городское планирование?

Чип ответил не сразу.

— Раз или два я думал заняться проектированием...

— Уни считает, что пока ты должен быть в Архитектурном совете, — сказал Веи. — Посмотри на него изнутри. Познакомься с Мадхиром, его главой, — он отправил в рот колечко лука.

Чип сказал:

— Но я, правда, ничего не знаю...

— Ты можешь научиться, если тебе интересно, — сказал Веи, разрезая бифштекс. — Времени предостаточно.

Чип кивнул.

— Да. Программисты, похоже, живут больше, чем шестьдесят два года. Даже больше, чем шестьдесят три.

— Исключительных членов следует сохранять насколько возможно дольше, — сказал Веи. — Ради Семьи, — он положил в рот кусочек бифштекса и стал жевать, глядя на Чипа своими глазами-щелями. — Хочешь услышать нечто невероятное? — спросил он. — Твое поколение программистов почти наверняка будет жить бесконечно. Разве это не фантастика? Мы, старики, должны умереть рано или поздно. Доктора говорят, что, может быть, и нет, но Уни говорит, что должны. Вы, молодые, тем не менее, со всей вероятностью не умрете. Никогда. — Помолчав, добавил: — Думаю, эта мысль не даст тебе покоя. И станет более привлекательной, когда ты немного состаришься.

Чип проглотил то, что было у него во рту, бросил взгляд на покрытую серым шелком грудь Веи.

— Этот член, — спросил он, — победитель в десятиборье. Он умер естественной смертью или его убили?

— Его убили, — ответил Веи. — С его разрешения, которое он дал без принуждения, даже с готовностью.

— Конечно, — сказал Чип. — Его лечили.

— Атлета? — спросил Веи. — Им дают очень мало. Нет, он был горд, что он станет... причастным ко мне. Единственное его опасение было, стану ли я держать его «в форме» — опасение, которое, я боюсь, было оправданным. Ты увидишь, что дети — обычные члены здесь — соперничают друг с другом, чтобы дать части своего тела на трансплантацию. Если ты хочешь заменить этот глаз, например, они будут проскальзывать к тебе в комнату и просить тебя об этой чести, — он взял в рот кусок тыквы.

Чип заерзал в кресле.

— Мой глаз мне не мешает, — сказал он. — Он мне нравится.

— А зря, — сказал Веи. — Если б ничего нельзя было изменить, тогда другое дело. Но терпеть несовершенство, которое можно устранить? Этого мы не должны допускать. Совершенство — наша общая цель, она у нас одна. Мы еще не пришли к совершенству, но когда-нибудь придем. Семья уже настолько исправленная генетически, что лечения больше не нужны; команда вечно живущих программистов, так что острова тоже можно объединить; совершенство на Земле, которое «ширится, ширится, ширится, к звездам», — вилка с куском бифштекса замерла у его губ. Он смотрел вдаль перед собой и говорил. — Я мечтал об этом, когда был молод: идеальная вселенная кротких, готовых помочь, любящих, не эгоистичных. Я буду жить, чтобы увидеть это. Я буду жить, чтобы увидеть это.

После обеда Довер провел Чипа и Карла по всему комплексу — показал библиотеку, спортзал, бассейн и сад («Христос и Веи!» — «Подождите, вы еще увидите закаты и звезды»); музыкальную комнату, театр, холлы, столовую и кухню («Я не знаю, откуда это», — сказала девушка-член, глядя, как другие члены снимают пучки салата и связки лимонов со стального транспортера. — Все, что нам нужно, приходит, — сказала она, улыбаясь. — Спросите Уни»). Всего было четыре уровня, с одного на другой можно было попасть на маленьких лифтах и по узким эскалаторам. Медицентр был на нижнем уровне. Доктора, которых звали Боровьев и Розен и которые двигались как молодые люди, несмотря на морщинистые лица, такие же старые, как у Веи, радостно поздоровались с ними, обследовали их и сделали инъекции.

— Мы можем заменить этот глаз, раз плюнуть, — сказал Розен Чипу, а Чип ответил:

— Я знаю. Спасибо, но он мне не мешает.

Пришли в бассейн. Довер плавал с высокой красивой женщиной, которую Чип заметил, когда она аплодировала накануне вечером, а сам же он и Карл уселись на край бассейна и они стали смотреть на плавающих.

— Как ты себя чувствуешь? — спросил Чип.

— Я не знаю, — сказал Карл. — Я, конечно, польщен, а Довер говорит, что это все необходимо и наш долг — помочь, но... я не знаю. Даже если они управляют Уни, это все равно Уни, не так ли?

— Да, — сказал Чип. Я так же чувствую.

— Стала бы такая неразбериха, если бы мы сделали то, что хотели,— продолжал Карл,— но она сама собой бы устроилась, более или менее,— он покачал головой.— Я, правда, не знаю, Чип, сказал он.— Любая система, которую Семья создала бы сама, была бы, конечно, гораздо менее эффективна, чем Уни, чем эти люди; этого ты не можешь отрицать.

— Нет, не могу,— ответил Чип.

— Разве не фантастика, сколько они живут? — сказал Карл.— Я до сих пор не могу переварить то, что... посмотри на эти груди, а? Христос и Веи.

Светлокожая женщина с круглыми грудями прыгнула в бассейн с бортика на противоположной стороне.

Карл сказал:

— Давай поговорим попозже, хорошо? — он соскользнул в воду.

— Конечно, у нас полно времени,— сказал Чип.

Карл оттолкнулся от стенки бассейна и поплыл, выкидывая руки над головой.

На следующее утро Чип, выйдя из своей комнаты, пошел по покрытому зеленым ковром коридору к стальной двери в конце его. Не успел он сделать и нескольких шагов, как услышал: «Привет, брат», это Довер догнал его и пошел рядом.

— Привет,— сказал Чип. На ходу спросил: — За мной присматривают?

— Только, когда ты идешь в эту сторону,— ответил Довер.

Чип сказал:

— Я все равно ничего не смог бы сделать голыми руками, даже если б и хотел.

— Я знаю,— сказал Довер.— Старик осторожен. До-Объединенческое сознание,— он постучал себя по виску и улыбнулся.— Только несколько дней,— добавил он.

Они дошли до конца коридора, и стальная дверь открылась. За ней простирался белый кафельный коридор, член в синем дотронулся до сканера и прошел в дверь.

Они повернулись и пошли назад. Дверь прошелестела за их спинами.

— Ты увидишь его,— сказал Довер.— Возможно, он сам проведет с тобой экскурсию. Хочешь, пойдем в спортзал?

После обеда Чип заглянул в кабинеты Архитектурного Совета. Маленький веселый старик узнал его и приветствовал — Мадхир, глава Совета. Лет ему, казалось, было за сотню; его рукам тоже — в общем, похоже, ему всему. Он представил Чипа другим членам Совета: пожилой женщине по имени Сильви, рыжеволосому мужчине лет пятидесяти или около, чьею имени Чип не дослышал, и низенькой, но хорошенькой женщине, которую звали Гри-Гри. Чип выпил с ними кофе и съел пирожное с кремом. Они показали ему планы, которые обсуждали, выкладки, которые Уни сделал для перестройки «городов Г-3». Они говорили, стоит или нет переделать планы по нескольким разным типам, задавали вопросы по телекомпу и не соглашались с ответами. Пожилая женщина, Сильви, объяснила по

пунктам, почему она считает эти планы неоправданно однообразными. Мадхир спросил Чипа, есть ли у него мнение, Чип сказал, что нет. Молодая женщина, Гри-Гри, приглашающе улыбнулась ему.

В тот вечер в главном холле была вечеринка — «С Новым Годом!» — «С Уни Годом!» — и Карл прокричал в ухо Чипу:

— Я тебе скажу, что мне не нравится здесь. Нет виски! Разве это не облом? Если вино можно, то почему не виски?

Довер танцевал с женщиной, похожей на Лайлак (нет, даже и наполовину не такая красивая), и еще были люди, с которыми Чип вместе сидел за столом во время трапез и которых он встречал в спортзале и в музыкальной комнате, люди, которых он видел в одной или другой части комплекса, люди, которых он раньше не видел, людей было больше, чем накануне вечером, когда он и Карл вошли в холл — было почти сто человек, а одетые в белый паплон члены двигались между ними с подносами.

— С Уни Годом! — сказала Чипу пожилая женщина, которая сидела с ним за обеденным столом. Гера или Гела. — Уже почти сто семьдесят второй! — сказала она.

— Да, — ответил Чип. — Полчаса осталось.

— А, вот он! — сказала она и двинулась вперед. В дверях стоял Веи, в белом комбинезоне, вокруг него толпились люди. Он жал им руки и целовал в щеки, его сморщенное желтое лицо треснуло ухмылкой и блестело, глаза потерялись в морщинах. Чип отступил назад, дальше в толпу, и отвернулся. Гри-Гри махала ему рукой, подпрыгивая, чтобы видеть его за головами. Он помахал ей в ответ, улыбнулся и пошел дальше.

Следующий день, День Объединения, он провел в спортзале и в библиотеке.

Он был на нескольких вечерних беседах Веи. Они проходили в саду, в приятном месте. Трава и деревья были настоящие, звезды и луна — почти реальность, луна меняла фазы, но не положение на небе. Время от времени слышались птичьи трели и дул приятный ветерок. Обычно на беседах было пятнадцать-двадцать программистов, которые сидели на стульях и на траве. Говорил главным образом Веи, расположившись в кресле. Он толковал цитаты из «Живой мудрости» и искусно подводил частные вопросы к обобщениям. Иногда он уступал доводам главы Совета по Образованию, Густафсена, или доводам Боровьева, главы Медицинского Совета, или еще кому-нибудь из Высшего Совета.

Сначала Чип сидел с краю и только слушал, но потом начал задавать вопросы: почему хотя бы некоторым составным частям лечений нельзя вернуть добровольный принцип, почему человеческое совершенство не может включать в себя доли эгоизма и агрессивности; и не играет ли эгоизм, в самом деле, существенную роль в их собственном принятии «долга» и «ответственности», на которые они ссылаются. Некоторые программисты вокруг него, казалось, были озадачены этими вопросами, но Веи отвечал на них терпеливо

и полно, он даже, казалось, приветствовал их, слышал его «Веи?» через вопросительные реплики других. Чип придвинулся чуть ближе к центру группы.

Однажды ночью он сел в кровати и закурил в темноте.

Женщина, лежащая рядом с ним, погладила его по спине.

— Все в порядке, Чип,— сказала она.— Так лучше для всех.

— Ты читаешь мысли? — спросил он.

— Иногда,— ответила она. Ее звали Деирдр, и она была в Совете по Колониям. Тридцать восемь лет, светлокожая и не особенно красивая, но чувствительная, стройная и приятная в общении.

— И я начинаю думать, что так лучше,— сказал Чип,— но я не знаю, убеждает меня в этом логика Веи или омары, Моцарт и ты. Не говоря уж о перспективе вечной жизни.

— Это меня пугает,— сказала она.

— Меня тоже,— отозвался Чип.

Она продолжала поглаживать его по спине.

— Мне понадобилось два месяца, чтобы остынуть,— сказала она.

— Так ты это назвала? — спросил Чип.— Остывание?

— Да,— сказала она.— И взросление. Принятие реальности.

— Тогда почему у меня такое чувство, что это называется «сдаться»? — спросил Чип.

— Ляг,— сказала Деирдр.

Он отложил сигарету, поставил пепельницу на стол и повернулся к ней, ложась рядом. Они обнимали друг друга и целовались.

— Правда,— сказала она.— Так лучше для всех, по большому счету. Мы улучшим жизнь постепенно, работая в наших советах.

Они целовались и ласкали друг друга, а затем сбросили простыню, она закинула ногу Чипу на бедро, и его напряжение легко скользнуло в нее.

Однажды утром он сидел в библиотеке, как вдруг его за плечо тронула чья-то рука. Чип обернулся и вздрогнул — перед ним стоял Веи. Он наклонился, оттолкнул Чипа и приблизил лицо к экрану.

Через секунду он сказал:

— Ну что ж, ты попал на нужного человека,— он еще одно мгновение смотрел на экран, затем выпрямился, отпустил плечо Чипа и улыбнулся.— Почитай Либмана тоже,— сказал он.— И Окиду, и Маркуза. Я напишу список книг и дам тебе в саду сегодня вечером. Ты придешь?

Чип кивнул.

Дни Чипа превратились в скучную рутину: утро — в библиотеке, после обеда — в Совете. Он изучал методы строительства и планирования среды, изучал чертежи силуэтов фабрик и устройство коммуникаций в жилых зданиях. Мадхир и Сильви показывали ему чертежи строящихся зданий и зданий запланированных на будущее; городов, какие они есть, и (пластиковые макеты) какими они могут когда-то стать. Он был восьмым членом Совета, из остальных семи трое склонялись к тому, чтобы отклонить проекты Уни и изменить их, и четверо, включая Мадхира, к тому, чтобы принять без рассуждений.

Официальные заседания проводились по пятницам после обеда, в другое время в кабинетах редко бывало больше четырех-пяти членов. Однажды там были только Чип и Гри-Гри, и они в итоге оказались переплетенными между собой на диване Мадхира.

После Совета Чип шел в спортзал и в бассейн. Он ел вместе с Деирдр и с Довером, и с женщиной, которая была с Довером в тот день, и с теми, кто присоединялся к ним — иногда Карл, который был в Транспортном Совете и смирился с вином.

Однажды в феврале Чип спросил Довера, можно ли связаться с тем, кто заменил Довера на Свободе, узнать в порядке ли Лайлак и Джан и заботится ли о них Джулия, как она обещала.

— Конечно,— сказал Довер.— Никаких проблем.

— Так ты сделаешь это? — спросил Чип.

Довер промолчал.

Через несколько дней он разыскал Чипа в библиотеке.

— Все хорошо,— сказал он.— Лайлак живет дома, покупает продукты и платит за квартиру, так что Джулия, должно быть, держит слово.

— Спасибо, Довер. Я беспокоился.

— Тамошний человек будет за ней присматривать,— сказал Довер.— Если ей что-нибудь будет нужно, деньги можно послать по почте.

— Это замечательно,— сказал Чип.— Бедная Джулия поддерживает семью, когда это совсем не обязательно. Если бы она знала, с ней бы случился припадок.

Довер улыбнулся.

— Случился бы,— сказал он.— Но конечно, не все, кто ушел оттуда, добрались сюда, так что в некоторых случаях это необходимо.

— Правда,— сказал Чип.— Я не подумал.

— Увидимся за обедом,— сказал Довер.

— Да,— сказал Чип.— Спасибо.

Довер ушел, а Чип наклонился над экраном визира. Он поставил палец на кнопку переворачивания страниц и через секунду нажал ее.

Он начал говорить на заседаниях Совета и задавать меньше вопросов на беседах с Веи. Пустили подписной лист, чтобы сократить число дней, когда едят унипирог, до одного в месяц; он поколебался, но подписал. Он перешел от Деирдр к Блэки, к Нине и обратно к Деирдр; слушал в малых холлах сплетни насчет секса и шутки насчет членов Высшего Совета; следовал всем идиотским увлечениям вроде делания бумажных самолетиков и разговаривания на до-Объединенческих языках.

Однажды утром он проснулся рано и пошел в спортивный зал. Там был Веи, который прыгал через коня и махал гириями, блестящий от пота, с рельефными мускулами и тонкой талией, в черном соспендолии и с чем-то белым вокруг шеи.

— Еще одна ранняя птичка, доброе утро,— сказал он, прыгая в одну и в другую, в одну и в другую сторону; вращая гириями по отдельности и вместе над своей головой с пучками седых волос.

— Доброе утро,— ответил Чип. Он подошел к стене, снял халат и повесил на крючок. Другой халат, синий, висел через несколько крючков.

— Ты не был на беседе вчера вечером,— сказал Веи.

Чип повернулся к нему.

— Была вечеринка,— сказал он, сбрасывая сандалии.— День рождения Паты.

— Все в порядке,— сказал Веи, прыгая и вращая гири.— Я просто так заметил.

Чип ступил на мат и начал бег на месте. Белое вокруг шеи Веи было плотно сидящей шелковой повязкой.

Веи перестал прыгать, бросил гири и взял полотенце, висевшее на параллельных брусках.

— Мадхир боится, что ты будешь радикалом,— сказал он, улыбаясь.

— Он и половины не знает,— ответил Чип.

Веи смотрел на него, по-прежнему улыбаясь, вытирая полотенцем свои большие мускулистые плечи и под мышками.

— Ты так работаешь каждое утро? — спросил Чип.

— Нет, раз или два в неделю,— ответил Веи.— Я не спортсмен по натуре,— он перекинул полотенце за спину.

Чип перестал трусить на месте.

— Веи, я хочу с тобой кое о чем поговорить.

— Вот как? А в чем дело?

Чип сделал к нему шаг.

— Когда я только попал сюда,— начал он,— и мы обедали вместе...

— Да? — поощрил его Веи.

Чип прокашлялся и сказал:

— Ты сказал, что если я захочу, я смогу заменить глаз. И Розен сказал то же самое...

— Да, конечно,— кивнул Веи.— Ты хочешь это сделать?

Чип посмотрел на него неуверенно.

— Я не знаю, это кажется такая... суета,— сказал он.— Но я постоянно помню об этом...

— Это не суета — исправить недостаток,— сказал Веи.— Небрежение — не сделать этого.

— Можно мне поставить на глаз линзу? — спросил Чип.— Коричневую линзу?

— Да, можно,— сказал Веи,— если ты хочешь спрятать недостаток, а не устранить его.

Чип сказал после некоторого раздумья.

— Хорошо... Я хочу, чтобы это сделали.

— Договорились,— сказал Веи и улыбнулся.— Мне два раза меняли глаза. Первые несколько дней видно нечетко, потом все приходит в норму. Пойди в медцентр сегодня же, до обеда. Я скажу Розену, чтобы он сам это сделал, как можно скорее.

— Спасибо,— поблагодарил Чип.

Веи повесил полотенце на свою замотанную белым шеей, по-

вернулся к параллельным брускам и, подтянувшись, выпрямил руки.

— Помалкивай об этом,— сказал он, передвигаясь на руках между брусками,— а то дети начнут тебе надоедать.

Все было сделано, Чип посмотрел в зеркало; оба его глаза были карие. Он улыбнулся, отступил на шаг и снова шагнул к зеркалу. Он смотрел на себя с одной стороны и с другой, улыбаясь.

Когда он оделся, то опять посмотрел в зеркало.

Деирдр, в холле, сказала:

— Потрясающе! Ты выглядишь великолепно! Карл, Гри-Гри, посмотрите, какой у Чипа глаз!

Члены помогли им облачиться в тяжелые зеленые пальто с капюшонами. Они застегнули пальто, надели толстые зеленые перчатки, и член распахнул дверь. Двое — Веи и Чип — вошли.

Они шли рядом по проходу между стальными стенами блоков памяти, дыхание выходило паром из ноздрей. Веи говорил о температуре внутри блоков памяти, об их весе и числе. Они свернули в более узкий проход, где стальные стены протянулись перед ними, сходясь у далекой поперечной стены.

— Я был здесь ребенком,— сказал Чип.

— Довер мне говорил,— ответил Веи.

— Тогда он напугал меня,— сказал Чип.— Но в нем есть какое-то... величие, в этом порядке и точности.

Веи кивнул, его глаза заблестели.

— Да,— сказал он.— Я ищу поводов, чтобы приходить сюда.

Они свернули в боковой проход, прошли мимо колонны и повернули в длинный узкий коридор между стоящими спинами друг к другу рядами стальных блоков памяти.

Снова в одних комбинезонах, они смотрели в широкую огороженную парпетом яму, круглую и глубокую, где находились стальные и бетонные сооружения, соединенные синими рукавами, а более толстые синие рукава уходили вверх к низкому ярко светящемуся потолку. («Я подумал, что тебя особенно интересует холодильная установка»,— сказал Веи, улыбаясь, и Чипу, похоже, было неловко). Рядом с ямой стояла стальная колонна, за ней была еще одна огороженная яма с синими рукавами, и еще одна колонна, и еще одна яма. Комната была огромная, прохладная и тихая. Приемопередающая аппаратура составляла две длинных стены этой комнаты со сверкающими красными огоньками; члены в синем вытаскивали и заменяли вертикальные панели с двумя ручками, блестящие черным и золотым. Четыре реактора под красными чехлами стояли в конце зала, а за ними, за стеклом, полдюжины программистов сидели за круглым пультом, читая что-то в микрофоны, переворачивая страницы.

— Ну вот,— сказал Веи.

Чип смотрел во все стороны. Он потряс головой и выдохнул.

— Христос и Веи,— сказал он.

Веи счастливо засмеялся.

Они еще немного постояли, походили, посмотрели, поговорили с некоторыми членами, а затем покинули зал и пошли по белым кафельным коридорам. Стальная дверь открылась перед ними, и они прошли в нее и пошли рядом по коридору с ковром, начавшимся за дверью.

Глава пятая

В начале сентября 172 года группа из семи мужчин и женщин в сопровождении «пастуха» по имени Анна отправилась с Андаманских островов в Заливе Стабильности нанести удар и уничтожить Уни. Объявления об их продвижении делались в столовой программистов во время каждой трапезы. Два члена группы «провалились» в аэропорту МОР 77120 (покачивание голов и вздохи разочарования), и еще двое на следующий день в аэропорту в ЕВР 46209 (покачивание голов и вздохи разочарования). Вечером в четверг, десятого сентября, трое оставшихся — молодые мужчина и женщина и мужчина постарше — вошли один за другим в главный холл, держа руки за головой, рассерженные и испуганные. Коренастая женщина, вошедшая за ними, ухмыляясь, положила револьвер в карман.

Трое глупо усталились в зал, и программисты встали с мест, смеясь и аплодируя. Были среди них и Чип с Деирдр. Чип смеялся громко, аплодировал сильно. Все программисты громко смеялись и сильно аплодировали, пока вновь пришедшие не опустили руки с недоумением глядя друг на друга и на своего смеющегося и аплодирующего пастуха.

Веи, в отделанном золотом зеленом комбинезоне, подошел к ним, улыбаясь и пожимая руки. Программисты зашикали друг на друга. Веи дотронулся до своего воротника и сказал: «Отсюда и выше, в любом случае. Отсюда и ниже...» Программисты смеялись и шикали друг на друга. Они подошли ближе, чтобы услышать, поздравлять.

Через несколько минут коренастая женщина выскользнула из толпы и вышла из холла. Она повернула направо и пошла по узкому идущему вверх эскалатору. Чип пошел за ней.

— Поздравляю,— сказал он.

— Спасибо,— ответила женщина, оглядываясь на него и устало улыбаясь. Ей было около сорока, лицо грязное, под глазами круги.

— Когда ты пришел? — спросила она.

— Месяцев восемь назад,— ответил Чип.

— С кем? — женщина ступила на эскалатор.

Чип ступил на эскалатор следом за ней.

— С Довером,— сказал он.

— О,— сказала она.— Он еще здесь?

— Нет,— ответил Чип.— Его ушли в прошлом месяце. Твои люди ведь не с пустыми руками пришли?

— Лучше бы с пустыми,— сказала женщина.— Мое плечо онемело, я его не чувствую. Эти мешки... Я оставила их у лифта. Сейчас заберу,— она сошла с эскалатора.

Чип пошел за ней.

— Я тебе помогу их оттащить,— сказал он.

— Ничего, я возьму мальчика,— сказала женщина, поворачивая направо.

— Нет, я с удовольствием тебе помогу.

Они шли по коридору мимо стеклянной стены бассейна. Женщина заглянула туда и сказала:

— Вот там я и буду через пятнадцать минут.

— Я к тебе присоединюсь,— сказал Чип.

Женщина взглянула на него.

— Хорошо,— сказала она.

Навстречу им по коридору шли Боровьев и член.

— Анна! Привет! — сказал Боровьев, глаза светились на его увявшем лице. Член, девушка, улыбнулась Чипу.

— Привет! — сказала женщина, здороваясь с Боровьевым за руку.— Как ты?

— Прекрасно! — ответил Боровьев.— О, да у тебя усталый вид.

— Так и есть.

— Но все в порядке?

— Да,— сказала женщина.— Они внизу. Я собираюсь отделаться от мешков.

— Отдохни! — сказал Боровьев.

— Я и собираюсь,— ответила женщина, улыбаясь.— Шесть месяцев.

Боровьев улыбнулся Чипу и, взяв члена за руку, прошел мимо них. Женщина и Чип свернули к стальной двери в конце коридора. Миновали арку, ведущую в сад, там кто-то пел и играл на гитаре.

— Какие у них были бомбы? — спросил Чип.

— Сырые, пластиковые,— сказала женщина.— Кидаешь — и взрывается. Я с удовольствием их выброшу в мусорный ящик.

Стальная дверца уползла вбок, они вошли, повернули направо. Белый кафельный коридор со сканерами перед дверями протянулся перед ними.

— В каком ты совете? — спросила женщина.

— Подожди секунду,— сказал Чип, останавливаясь и беря ее за руку.

Она повернулась к нему, и он ударил ее кулаком в живот. Потом цепко схватив за лицо сильно ударил головой о стену. Она стала падать вперед, он снова ударил ее о стену и отпустил. Она сползла по стене вниз — кафель треснул,— тяжело опустилась на пол и легла на бок, колено вверх, глаза закрыты.

Чип шагнул к ближайшей двери и открыл ее. Там был туалет. Придерживая дверь ногой, он потянулся и взял женщину под мышки. В коридор вошел член, мальчик лет двадцати, выпучил от удивления глаза.

— Помоги мне,— сказал Чип.

Мальчик подошел, лицо его побледнело.

— Что случилось? — спросил он.

— Возьми ее за ноги, — сказал Чип. — Она потеряла сознание. Они внесли женщину в туалет и положили на пол.

— А нам не стоит отнести ее в медцентр? — спросил мальчик.

— Подождем минуту, — сказал Чип. Он встал на одно колено около женщины, залез в карман ее желтого паплонового комбинезона и вытащил ее пистолет. Он направил его на мальчика.

— Повернись лицом к стене, — сказал он. — Ни звука.

Мальчик безропотно повернулся лицом к стене между стульчиками.

Чип встал, переложил пистолет из руки в руку и, держа его за обмотанный лентой ствол, поднял с силой, опустил рукоятку на коротко стриженную голову мальчика. Удар кинул мальчика на колени. Он повалился вперед, на стену, а затем вбок, уткнувшись головой в вертикальную трубу, в его коротких черных волосах заблестело красное.

Чип отвернулся, взял пистолет на изготовку, большим пальцем откинул предохранитель, и направил пистолет на заднюю стенку туалета: красная нитка, протянувшаяся из дула, разнесла вдребезги кафель и выбила из-под него пыль. Чип сунул пистолет в карман и, придерживая его, перешагнул через женщину.

Он вышел в коридор, тщательно закрыл за собой дверь и быстро зашагал, сжимая рукоятку пистолета в кармане. Дошел до конца коридора и повернул вместе с коридором налево.

Идущий навстречу член улыбнулся и сказал:

— Привет, отец.

Чип кивнул, проходя мимо.

— Да, сын, — сказал он.

Нужная дверь была впереди в правой стене. Он подошел к ней, открыл и вошел. Закрыл за собой дверь и остановился в темном холле. Он вынул пистолет.

Напротив, под еле-еле светящимся потолком, стояли розовые, коричневые и оранжевые блоки памяти для посетителей, золотой крест и серп, часы на стене — 9.33 Чет 10 Сент 172 Г. О.

Он пошел налево, мимо других витрин, темных, спящих, постепенно теряющихся в темноте, чем дальше были от света, что падал из открытой двери.

Он вошел в холл.

На полу в центре лежали три вещмешка, пистолет и два ножа. Еще один вещмешок лежал около дверей лифта.

Улыбаясь Вей откинулся на спинку кресла и затянулся сигаретой.

— Поверьте мне, — сказал он, — что все так себя чувствуют в этот момент. Но даже самые строптивые, осуждающие нас, постепенно понимают, что мы мудры и что мы правы, — он посмотрел на программистов, стоявших вокруг стульев. — Разве это не так, Чип? —

спросил он. — Скажи им, — он оглядывался улыбаясь.

— Чип вышел, — сказала Деирдр, и кто-то добавил: — За Анной. Другой программист сказал:

— Плохо дело, Деирдр... — а Деирдр, обернувшись, ответила:

— Он вышел не за Анной, он просто вышел, он сейчас вернется.

— Немного уставший, конечно, — съязвил кто-то.

Вей посмотрел на свою сигарету, подался вперед и затушил ее в пепельнице.

— Каждый здесь подтвердит, что я говорю, — сказал он вновь пришедшим и улыбнулся. — Извините меня, хорошо? — сказал он. — Я скоро вернусь. Не вставайте, — он поднялся, и программисты расступились перед ним.

Одну половину мешка заполняла солома, другую, отделенную от первой деревянной перегородкой — проволока, инструменты, бумажки, пироги. Чего только не было. Чип прошупал один, другой отсек с соломой и тут его пальцы наткнулись на что-то твердое. Он вытряхнул из отсека солому и вынул тяжелый беловатый шар, похожий на глиняный. Шар уместился на ладони, к нему прилипли соломинки. Он положил его на пол, и вынул еще два — один отсек был снова пуст, — и он достал четвертый. Он вынул деревянную рамку из одного мешка, отложил ее в сторону, вытряхнул солому, инструменты, все, что там было и положил четыре бомбы вместе. Открыл еще два мешка, вынул бомбы из них и положил к тем, четырем, — пять из одного мешка, шесть из другого. Осталось место еще для трех бомб.

Он поднялся на ноги и направился к мешку у лифта. Какой-то звук из холла заставил его резко развернуться — он оставил пистолет на полу возле бомб, — но дверной проем был темный и пустой, и звук (шуршание шелка?) больше не повторился. Если он вообще был. Может, это звук его собственных шагов, который отразился от стены?

Не отрывая глаз от дверного проема, Чип отступил к мешку, поймал его лямку и быстро перенес его к другим мешкам, снова опустился на колени и пододвинул к себе пистолет. Он открыл мешок, вытряхнул солому, вынул еще три бомбы и положил их к остальным. Три ряда по шесть. Он накрыл их соломой и закрыл мешок, затем продел руку в лямку и поднял мешок на плечо. Он осторожно поднимал мешок, скользя им по бедру. Бомбы в мешке тяжело осели.

Пистолет около мешков тоже был лазерный, он выглядел новее, чем тот, что был у Чипа. Чип поднял его и открыл. На месте генератора был камень. Он положил пистолет, взял один из ножей — с черной ручкой, до-Объединенческий, лезвие истонченное, но острое — и опустил его в правый карман. Взяв работающий пистолет и придерживая мешок пальцами снизу, он встал с колен, переступил через пустой мешок и тихо пошел к дверному проему.

За ним были темнота и тишина. Чип подождал, пока привыкнут глаза и он станет видеть отчетливее и пошел налево. Огромный телекомп выступал из витринной стены (он был сломан, разве нет, когда Чип был здесь раньше?), он прошел мимо него и остановился. Кто-то лежал впереди около стены, неподвижно.

Но нет, это были носилки, двое носилок с подушками и одеялами. Те одеяла, в которые Папа Джан и он завернулись. Очень возможно, что те же самые.

Он остановился на секунду, вспоминая.

Затем пошел дальше. К двери. К двери, в которую его протолкнул Папа Джан. И сканер возле двери, первый, мимо которого он прошел, не дотронувшись. Как он тогда испугался!

«Теперь тебе не надо толкать меня, Папа Джан», — подумал он.

Он приоткрыл дверь, заглянул на площадку — ярко освещенную, пустую — и вошел.

И вниз по лестнице, в прохладу. Теперь быстро, а то мальчик и женщина наверху могут скоро прийти в себя и поднимут тревогу.

Он прошел мимо двери на первый уровень блоков памяти.

И на второй.

И дошел до низа лестницы, до двери на нижний уровень. Он уперся в нее правым плечом, взял пистолет наизготовку и повернул ручку левой рукой.

Медленно приоткрыл дверь. В полумраке светились красные огоньки одной из стен приемо-передающего оборудования. Низкий потолок тоже слабо светился. Он открыл дверь пошире. Перед ним была огороженная холодильная яма, уходящие вверх синие рукава, за ними — колонна, яма, колонна, яма. В другом конце комнаты виднелись реакторы, красные чехлы двоились в темном стекле комнаты программистов. Ни души, закрытые двери, тишина — только воющий звук, низкий и непрерывный. Он открыл дверь еще шире, сделал за дверью шаг в зал, и увидел вторую стену оборудования, которая переливалась красными огоньками.

Он прошел дальше в зал, поймал край двери за собой и отпустил дверь, чтобы она захлопнулась. Опустил пистолет, большим пальцем скинул лямку вещмешка с плеча и мягко поставил мешок на пол. Его горло было сжато, голова запрокинута. В челюсть уперся локоть в зеленом шелке, сильные пальцы ломали шею, душили его. Рука с пистолетом была как замком схвачена мощной рукой.

— Ты, лжец, — прошептал Веи ему в ухо, — как приятно убить тебя.

Он потянул за эту руку, ударил ее свободной левой рукой, она была как мраморная, рука статуи. Он попробовал отодвинуть ногу в стойку, чтобы перекинуть Веи через себя, но тот тоже отступил назад, держа Чипа выгнутым и беспомощным, он поволок его за собой под крутящимся блестящим потолком, и рука Чипа была выкручена и расплющена, расплющена о жесткое ограждение, и пистолет выпал, звякнув, в яму. Он сделал движение назад и схватил голову Веи, нашел его ухо и повернул его. Твердая мускулистая рука еще сильнее сдавила ему горло, и потолок стал розовым и пульсирующим. Он потянул свою руку вниз, за воротник Веи, просунул пальцы под повязку, намотал ее на руку, изо всех сил нажимая костяшками жесткую твердую плоть. Его правую руку отпустили,

за левую схватили и потянули. Правой он поймал запястье на своей шее, оттащил руку. Глотнул горлом воздух.

Его отбросило, бросило на стену светящегося красным оборудования, порванная повязка была намотана вокруг его руки. Он схватился за две ручки и выдернул панель, развернулся и метнул ее в приближающегося Веи. Веи отбросил ее в сторону, и продолжал приближаться, обе его руки были подняты для рубящего удара. Чип присел, выкинув вверх левую руку («Пригнись, Зеленый Глаз!» — прокричал Капитан Голд). Удары обрушились на его руку, он двинул кулаком Веи в сердце. Веи подался назад, ударив ногой. Чип отскочил от стены, сделал круг, ощупал своей онемелой рукой карман и нашел рукоять ножа. Веи рванулся к нему и обрушил удары на его шею и плечи. С поднятой левой рукой Чип рванул нож из кармана и воткнул его в середину груди Веи — воткнул наполовину, а потом, сильнее, до конца, по рукоятку в шелк. Удары продолжали сыпаться на него. Он вытащил нож и отступил.

Веи остался стоять, где стоял. Он смотрел на Чипа, на нож в его руке, посмотрел вниз на себя. Он дотронулся до своего живота и посмотрел на пальцы. Он посмотрел на Чипа.

Чип продолжал кружить, наблюдая за ним, сжимая нож.

Веи рванулся вперед. Чип ударил ножом, разрезал рукав Веи, но Веи поймал его руку в обе своих руки и повлек Чипа назад, к ограждению, прижимая коленом. Чип поймал шею Веи, нажал, нажал сильно, как только мог под порванным зелено-золотым воротником. Он отжал Веи от себя, вывернулся от ограждения и давил, продолжал давить, пока Веи держал его руку с ножом. Он заставил Веи отступать вокруг ямы. Веи ударил одной рукой Чипа по запястью, сбил руку, Чип высвободил руку с ножом и ударил Веи ножом в бок. Веи дернулся, перевалился через ограждение, полетел в яму и упал спиной на цилиндрическую стальную конструкцию. Он соскользнул с нее и сел, прислонившись к синей трубе, открыл рот, тяжело дыша, у него на коленях появилось черно-красное пятно.

Чип подбежал к вещмешку. Поднял его и быстро пошел обратно, вдоль по залу, держа мешок на руке. Положил нож в карман — нож упал, но он не стал нагибаться, — рывком открыл мешок и завернул его клапан под днище. Он повернулся и медленно пошел обратно к стене оборудования, остановился и встал лицом к ямам и колоннам между ними.

Тильной стороной кисти вытер пот с губ и со лба, увидел на руке кровь и вытер руку о бок.

Он вынул из мешка одну бомбу, размахнулся с плеча, прицелился и швырнул ее. Она попала в центральную яму. Чип взялся за вторую бомбу. Из ямы послышалось: «плюм», но — никакого взрыва. Чип вынул вторую бомбу и швырнул ее в яму, размахнувшись сильнее.

Звук, который раздался из ямы, был более плоский и мягкий, чем от первой бомбы.

Огороженная яма осталась такой, какой была, с выходящими из нее вверх синими рукавами.

Чип посмотрел на яму и на ряды белых бомб с приставшими соломинками на дне мешка.

Он взял еще одну бомбу и швырнул ее в ближайшую яму так сильно, как только мог.

Снова «плюм».

Он подождал, и осторожно подошел к яме, подошел ближе и увидел бомбу на цилиндрическом стальном сооружении, белая лепешка белая глиняная грудь.

Высокий задыхающийся звук посыпался из дальней ямы. Веи. Он смеялся.

«Это были три ее бомбы, бомбы пастуха,— подумал Чип.— Может быть, она что-то сделала с ними». Он подошел к середине стены оборудования и встал к ней спиной, лицом к центральной яме. Швырнул бомбу. Она ударилась в синий рукав и прилипла к нему, круглая и белая.

Веи смеялся, задыхаясь. Царапанье, еще какие-то звуки послышались из той ямы, где он был.

Чип швырнул еще несколько бомб. «Одна из них может сработать, одна из них должна сработать!» («Кидаешь — и взрывается,— сказала она.— Буду рада выкинуть их в мусорный ящик». Она бы не стала лгать. Что случилось с бомбами?) Он швырял бомбы в синие рукава и в колонны, залепил квадратные стальные колонны плоскими белыми налезаящими друг на друга дисками. Он бросил все «бомбы», швырнул последнюю прямо через зал, она широко размазалась по стене с аппаратурой.

Он стоял, держа в руке пустой мешок.

Веи громко смеялся.

Он сидел верхом на ограждении ямы, держа двумя руками пистолет, направленный на Чипа. Черно-красные подтеки бежали вниз по его цепким одетым в комбинезон ногам, красное стекало на ремни сандалий. Он все смеялся и смеялся.

— Что ты думаешь? — спросил он.— Слишком холодные? Слишком влажные? Слишком сухие? Слишком старые? Слишком какие? — он отнял одну руку от пистолета, схватился за перила позади себя и слез с ограждения. Перекидывая ногу через перила, он сморщился и с шипом втянул воздух.— О—о, Иисус Христос! — сказал он,— ты и правда поранил это тело. С-с-с! Ты и правда его повредил,— он выпрямился и снова взялся за пистолет обеими руками, направив его на Чипа.— Идея,— сказал он. — Ты отдаешь мне свое, правильно? Ты повредил тело, ты даешь мне другое. Честно? И — аккуратно, экономно! Что мы сейчас сделаем: застрелим тебя в голову, очень осторожно, а затем мы дадим докторам долгую работу с нами, целую ночь,— он улыбнулся пошире.— Я обещаю держать тебя «в форме», Чип,— сказал он и пошел вперед медленными неловкими шагами, прижав локти плотно к бокам, сжимая на высоте груди пистолет, направленный в лицо Чипу.

Чип отступил к стене.

— Мне придется изменить мою речь к новичкам,— сказал Веи.— «Отсюда и ниже я Чип, программист, который почти одурачил меня

своими разговорами, и новым глазом, и своими улыбками в зеркале». Однако, я не думаю, что у нас будут еще новички, риск стал перевешивать развлечение.

Чип кинул в него мешок и ринулся вперед, прыгнул на Веи и бросил его на спину. Веи закричал, и Чип, лежа на нем, стал бороться за пистолет в его руке. Красные лучи вылетели из пистолета. Чип прижал пистолет к полу. Проревел взрыв. Чип вырвал пистолет из руки Веи и освободился от него, встал на ноги, отпрянул назад, обернулся и посмотрел.

Напротив, в центре стены с оборудованием, была осыпающаяся и дымящаяся пещера — там, где прилипла бомба, которую он бросил. В воздухе плавала пыль, и широкая дуга черных обломков лежала на полу.

Чип посмотрел на пистолет и на Веи. Веи, приподнявшись на локоть, смотрел через зал, а потом перевел взгляд на Чипа.

Чип отступил в конец зала, в угол, глядя на облепленные белым пластиком колонны, на синие с белыми нашлепками рукава центральной ямы. Он поднял пистолет.

— Чип! — закричал Веи. — Это твое! Это будет однажды твое! Мы оба можем жить! Чип, послушай меня, — сказал он, подаваясь вперед, — есть радость в обладании им, в управлении, в том, что ты — единственный. Это абсолютная правда, Чип. Ты сам в этом убедишься. Есть радость в обладании им.

Чип выстрелил из пистолета в дальнюю колонну. Красная нитка ударила поверх белых дисков, вторая попала точно в один из них. Взрыв вспыхнул и проревел, прогрохотал и продымил. Дым осел, и колонна была слегка выгнута в сторону дальнего конца зала.

Веи тяжело застонал. Дверь за Чипом начала открываться, он толчком закрыл ее и встал к ней вплотную спиной. Он стал стрелять из пистолета в бомбы на синих рукавах. Ревели взрывы, вырывалось пламя, и более сильный взрыв рванул из ямы, придавив Чипа к двери, разбивая стекла, швырнув Веи к колеблющейся стене аппаратуры, захлопывая открывшиеся было двери в другом конце зала. Пламя заполнило яму, огромный содрогающийся цилиндр желто-оранжевого, огороженный перилами и стучащийся в потолок. Чип поднял руку, защищаясь от жара.

Веи встал на четвереньки, а потом на ноги. Он пошатнулся и, запынаясь, пошел вперед. Чип выстрелил красной ниткой ему в грудь, потом еще раз, и Веи повернулся назад и заковылял к яме. Пламя охватило его комбинезон, и он упал на колени, и вперед, на пол. Его волосы загорелись, комбинезон горел.

Удары сотрясали дверь, из-за нее слышались крики. Открылись другие двери, и вошли какие-то члены. «Назад!» — закричал Чип, направив пистолет на ближайшую колонну и выстрелил. Проревел взрыв, и колонна прогнулась.

Пламя в яме осело, а погнутые колонны прогибались с жутким скрежетом.

В зал вошли члены. «Назад!» — прокричал Чип, и они отступили к дверям. Он вжался в угол, наблюдая за колоннами, за потолком.

Дверь рядом с ним открылась. «Назад!» — закричал он, нажимая на нее.

Сталь колонн порвалась и вывернулась наружу, чушка бетона выскальзнула из ближайшей колонны.

Почерневший потолок треснул, застонал, просел, посыпался кусками.

Колонны сломались, и потолок рухнул. Блоки памяти с грохотом посыпались в ямы, огромные стальные блоки врубались друг в друга и скользили, бились в стены с аппаратурой. Взрывы ревели в ближней и в дальней яме, подбрасывая блоки и сдвигая их в пламя.

Чип поднял руку, защищаясь от жары. Он посмотрел туда, где лежал Веи. На этом месте был блок, его край выступал над треснувшим полом.

Звучали новые стоны и трески — из черноты сверху, обрамленной освещенными краями проломленного потолка. И снова падали блоки, колотясь о те, которые уже были внизу, разрывая и вспарывая их. Блоки памяти заполнили пролом, соскальзывая, громяхая.

И в зале, несмотря на пламя, стало прохладно.

Чип опустил руку и посмотрел на темные силуэты отблескивающих в огне стальных блоков, наваленных через провалившийся потолок. Он смотрел и смотрел, а затем он повернулся, двинулся к двери и протолкался через глядящих внутрь во все глаза членов.

Он прошел, держа у бедра пистолет, сквозь членов и программистов, сбегających по белым кафельным коридорам, и через других программистов, бегущих по ковровым коридорам, увешанных картинами.

— Что это? — прокричал Карл, остановившись и схватив его за руку.

Чип равнодушно сказал:

— Пойди, посмотри.

Карл отпустил его, взглянул на пистолет и на лицо Чипа, и побежал.

Чип пошел дальше.

Глава шестая

Он вымылся, из баллончика распылил лекарство на ожоги на руке и несколько порезов на лице, и надел поплоновский комбинезон. Застегивая его, он окинул взглядом комнату. Он собирался взять покрывало с кровати, для Лайлак, чтобы сшила себе платье, и маленькую картинку или что-нибудь для Джулии, но теперь, однако, он не хотел ничего брать. Он положил в карманы сигареты и пистолет. Дверь открылась, и он снова вытащил пистолет. На него уставилась Деирдр, вид у нее был неистовый.

Чип сунул пистолет в карман.

Она вошла и закрыла за собой дверь.

— Это был ты? — сказала она.

Он кивнул.

— Ты хоть осознаешь, что ты сделал?

— То, чего не сделала ты,— ответил он.— То, зачем ты пришла сюда, и от чего себя отговорила.

— Я пришла сюда остановить его, чтобы его можно было перепрограммировать,— сказала она,— а не уничтожить его совсем!

— Его как раз постоянно перепрограммировали, помнишь? — сказал Чип.— А если бы я оставил его и настоял на настоящем перепрограммировании — не знаю, как, но если бы я это сделал,— он бы все равно рано или поздно повернул туда же. К тому же Веи. Или к новому — ко мне. «Есть радость в обладании им»,— это были его последние слова. Все остальное было бы мудрствование. И самообман.

Она сердито отвернулась, но потом снова посмотрела на него.

— Здесь все осядет,— сказала она.

— Я не чувствую никакой дрожи,— сказал Чип.

— В общем, все уходит. Вентиляция может сломаться. Есть опасность радиации.

— Я не собирался оставаться,— сказал Чип.

Она открыла дверь, взглянула на него и вышла.

Он вышел следом за ней. Программисты спешили по коридорам в обоих направлениях, таща картины, узлы из наволочек, диктопишущие машинки, лампы. («Там был Веи! Он мертв!» «Держись подальше от кухни, это сумасшедший дом!»). Он шел между ними. Стены были голые, только большие рамы пусто висели на них. («Сири говорит, что это был Чип, а не новички!» «...двадцать пять лет назад, Объедини острова, у нас достаточно программистов, а он мне цитату об эгоизме»).

Эскалаторы работали. Чип поднялся на верхний уровень и пошел в обратном направлении, сквозь полуоткрытую стальную дверь, к ванной комнате, где лежали мальчик и женщина. Их там не было.

Он спустился на один уровень. Программисты и члены с картинами и узлами проталкивались в комнату, которая вела к тоннелю. Он вошел в стекающую толпу. Дверь впереди была опущена, но, должно быть, не до конца, потому что все медленно двигались вперед. («Скорее!» «Ну, двигайся, чего ты?» «О, Христос и Веи!»)

Кто-то схватил его за руку, Мадхир уперся взглядом в него, прижимая к груди набитую чем-то скатерть.

— Это был ты? — спросил он.

— Да,— ответил Чип.

Мадхир выпучил глаза, задрожал, вспыхнул.

— Сумасшедший! — закричал он.— Маньяк! Маньяк!

Чип освободил свою руку, повернулся и пошел дальше.

— Вот он! — кричал Мадхир.— Чип! Это он! Это он все сделал! Вот он! Вот! Это он все сделал!

Чип шел впереди толпы, глядя на стальную дверь, сжимая пистолет в кармане. («Ты, братоненавистник, ты что, с ума сошел?» «Он ненормальный, он ненормальный!»)

Они шли вверх по тоннелю, сначала быстро, потом медленно, бесконечный беспорядочный поток темных нагруженных фигур. Там

и здесь вдоль тоннеля горели лампы, за каждой из них тянулась часть блестящей пластмассовой округлости.

Чип увидел, что Деирдр сидит сбоку, у стены. Она посмотрела на него с каменным лицом. Он продолжал идти, держа у бедра пистолет.

На выходе из тоннеля они сидели и лежали на открытой площадке, курили и ели, и разговаривали, толпясь, рылись в своих узлах, меняли вилки на сигареты.

Чип увидел на земле носилки, четыре или пять, член держал перед ними лампу, другие члены стояли на коленях.

Он положил пистолет в карман и подошел. Мальчик и женщина лежали на носилках, головы у них были перевязаны, глаза закрыты, но простыни на груди двигались. Еще на двух носилках были члены, и еще на носилках лежал — Барлоу, глава Совета по Питанию, он казался мертвым, глаза закрыты. Возле него стоял на коленях Розен, приклеивая что-то пластырем к груди под разрезанным комбинезоном.

— Они в порядке? — спросил Чип.

— Остальные — да, — ответил Розен. — У Барлоу был сердечный приступ, — он посмотрел вверх на Чипа. — Они говорят, что Вей был там, — сказал он.

— Был, — ответил Чип.

— Ты уверен?

— Да, — сказал Чип. — Он мертв.

— Трудно поверить, — Розен покачал головой, взял что-то маленькое из руки члена и навинтил это на то, что он приклеил к груди Барлоу.

Чип понаблюдал за ним секунду, затем пошел к выходу с площадки и сел, прислонившись к камню, зажег сигарету. Он скинул с ног сандалии и курил, глядя, как члены и программисты выходят из тоннеля, бродят туда-сюда, ищут места, где сесть. Из тоннеля появился Карл с картиной и с узлом.

К Чипу подошел член. Чип вытащил пистолет из кармана и положил себе на колени.

— Ты Чип? — спросил Член. Он был старший из двух мужчин, что пришли вечером.

— Да, — сказал Чип.

Человек сел на землю рядом. Ему было под пятьдесят, темнокожий, с выступающим подбородком.

— Кое-кто там готов наброситься на тебя, — сказал он.

— Я в этом не сомневался, — ответил Чип. — Но я ухожу через секунду.

— Меня зовут Льюис, — сказал человек.

— Привет, — сказал Чип.

Они пожали друг другу руки.

— Куда ты идешь? — спросил Льюис.

— Обратно на остров, откуда я пришел, — ответил Чип. — Сво-

бода. Маджорка. Майорка. Ты, кстати, случайно не знаешь, как управлять коптером?

— Нет,— сказал Льюис,— но это, должно быть, нетрудно.

— Меня беспокоит посадка,— сказал Чип.

— Садись на воду.

— Но я бы все-таки не хотел потерять коптер, если я вообще его найду. Хочешь сигарету?

— Нет, спасибо,— сказал Льюис.

Они помолчали секунду. Чип затянулся сигаретой и посмотрел вверх.

— Христос и Вей, настоящие звезды,— сказал он.— У них там внизу были фальшивые.

— Правда? — спросил Льюис.

— Правда.

Льюис обвел взглядом программистов. Покачал головой.

— Они так горюют, будто Семья утром умрет,— сказал он.— Это не так. Она родится.

— Родится ко многим бедам, тем не менее,— сказал Чип.— Они уже начались. Самолеты разбились...

Льюис посмотрел на него и сказал:

— Не умерли члены, которые должны были умереть...

Чип кивнул:

— Да. Спасибо, что напомнил...

Льюис сказал:

— Конечно, беды будут. Но в каждом городе есть недолеченные члены. Они пишут «В драку Уни». Они-то и направят все вначале. А в конце будет лучше. Живые люди!

— Будет интереснее, это точно,— сказал Чип, надевая сандалиии.

— Ты ведь не собираешься оставаться на своем острове, правда? — спросил Льюис.

— Я не знаю,— сказал Чип.— Я еще не думал что будет после того, как я доберусь туда.

— Возвращайся,— сказал Льюис.— Семье нужны такие члены, как ты.

— Правда? — спросил Чип.— Мне там заменили глаз, и я не уверен, что сделал это только для того, чтобы одурачить Вей,— он затушил сигарету и встал. Программисты оглядывались на него, он направил на них пистолет, и они поспешно отвернулись.

Льюис тоже встал.

— Я рад, что бомбы сработали,— сказал он улыбаясь.— Это я их сделал.

— Они сработали замечательно,— сказал Чип.— Кидаешь — и взрывается.

— Хорошо,— сказал Льюис.— Послушай, я не знаю ни про какой глаз, ты садись на сушу и вернись через несколько недель.

— Я посмотрю,— сказал Чип.— До свидания.

— До свидания, брат,— сказал Льюис.

Чип повернулся, покинул площадку, и стал спускаться по каменистому склону к парковой зоне.

Он летел над дорогами, где редкие движущиеся машины медленно петляли между стоящими вдоль реки Свободы, где баржи слепотыкались в берега; мимо городов, где монорельсовые кабины неподвижно прилипли к рельсу, над некоторыми из них висели коптеры.

Когда стал увереннее управлять коптером, снизился, смотрел на площади, где бесцельно бродили и собирались члены, скользили над фабриками с остановившимися входящими и выходящими линиями, над строительными площадками, где ничто не шевелилось, кроме члена или двух, и снова над рекой; пролетел над группой членов, которые привязывали баржу к берегу, взбираясь на нее, смотрели на него вверх.

Он полетел вдоль реки к морю, удерживая коптер на небольшой высоте. Он думал о Лайлак и о Джане. Лайлак, которая в изумлении обернется от раковины (ему надо было взять это покрывало, почему он не взял?). Но живут ли они еще в той комнате? Не могла ли Лайлак, думая, что его поймали и вылечили и он никогда не вернется... выйти замуж за другого? Нет, никогда. (А почему нет? Почти девять месяцев его не было). Нет, она не сделает этого. Она...

Капли прозрачной жидкости ударили по пластиковому передку коптера и растеклись вбок. Что-то протекло наверху, подумал Чип, но затем он увидел, что небо стало серым, серым с обеих сторон, но темнее впереди, как небо на некоторых до-Объединенческих картинах. Это дождь стучит по коптеру!

Дождь! Днем! Он летел, держась за рычаг одной рукой, а пальцем другой проводил изнутри по пластику, вдоль дорожек стекающих снаружи дождевых капель.

Дождь днем! Христос и Веи, как странно! И как неудобно!

Но в этом было и что-то приятное. Что-то естественное.

Он взялся за рычаг второй рукой — «Давай не будем слишком самоуверенными, брат». — и, улыбаясь, полетел дальше.

Стивен Кинг

ЧУЖИЕ ГЛАЗА

Сидя на крыльце моего дома мы с Ричардом любовались песчаными дюнами и приятным сочетанием темно-синего неба и нежно-зеленой, почти лазоревой воды Залива. Клубы дыма от сигары Ричарда заставляли moskitov держаться на безопасном расстоянии.

— Ты — их глаза, — задумчиво повторил Ричард. — Ты уверен, что убил мальчика. Вдруг тебе это приснилось?

— Нет, не приснилось. Но я не убивал его! Говорю тебе — это они убили его. А я — их глаза.

— Ты похоронил его? — вздохнув, спросил Ричард.

— Да.

— Помнишь где?

— Да. — Я вытащил сигарету из нагрудного кармана. С моими забинтованными руками сделать это было не так уж просто. А уж чесались они невыносимо.

— Хочешь увидеть, поезжай на «вездеходе». Моя каталка, — я показал на свое инвалидное кресло, — завязнет в песке.

«Вездеходом» я называл «фольксваген» Ричарда модели 1959 года, на котором были специальные шины. Этой машиной он пользовался, когда собирал деревянные обломки на отмели. Уйдя на покой, покончив дела с недвижимостью в Мэриленде, он перебрался в Кэй-Кэролайн и занялся изготовлением деревянных скульптурок, которые зимой сбывал туристам по бессовестным ценам.

Ричард дымил сигарой, глядя на Залив.

— Не сейчас. Расскажи-ка мне еще раз.

Я вздохнул и начал возиться со спичками. Он взял их и помог мне прикурить. Я сделал две глубокие затяжки. Зуд в пальцах сводил меня с ума.

— Хорошо, слушай. Вчера в семь вечера я курил сигарету и смотрел на Залив, вот как сейчас, и...

— Нет, начни с того, что было раньше, — сказал он.

— Раньше?

— Расскажи мне о полете.

Я покачал головой.

— Ричард, ну сколько можно! Я же ничего нового...

— Вдруг вспомнишь, — перебил он меня. Его морщинистое лицо было таким загадочным, как его скульптуры. — Вспомнишь именно сейчас.

— Ты так думаешь?

— Очень может быть. А потом мы поищем могилу.

— Могилу... — как эхо повторил я. Слово прозвучало, как удар колокола из глубокой пустоты, которая была черней, чем что-либо, черней, чем даже тот ужасный океан, по которому мы с Кори плыли пять лет назад. Кромешная тьма...

Под бинтами мои новые глаза незряче уставились в темноту, на которую их обрekli бинты. И сводили меня с ума этим зудом.

На орбиту мы с Кори вышли на «Сатурн-16», том самом, который телекомментаторы нарекли «Эмпайр Стэйт Билдинг». Действительно махина, скажу я вам: одна пусковая шахта семьдесят метров, иначе при взлете он разворотил бы половину мыса Кеннеди. Старичок «Сатурн-В» рядом с ним кажется просто игрушкой.

После облета Земли и проверки всех бортовых систем мы взяли курс на Венеру. В это время в сенате как раз шли отчаянные дебаты по поводу дополнительных ассигнований на освоение глубокого космоса, поэтому парни из НАСА * готовы были молиться на нас, лишь бы мы что-нибудь нашли, все равно что.

* НАСА — Национальное управление по аэронавтике и изучению космического пространства, США. (Прим. ред.)

— Неважно, что найти, — очень любил говорить, пропустив несколько стаканчиков, Дон Ловинджер, тайный вдохновитель программы «Зевс». — Ваш корабль напичкан аппаратурой: телекамеры, уникальный телескоп. Найдите золото или платину. А еще лучше каких-нибудь маленьких синеньких человечков, которых мы могли бы изучать с чувством собственного превосходства. В общем, что угодно, хоть тень отца Гамлета. Сойдет для начала.

Кто бы возражал, только не мы с Кори. Но пока от дальней космической программы практических результатов не было. Экипаж Бормана, Андерса и Ловелла, достигнув Луны, обнаружил пустой бесприютный мир, напоминающий наши песчаные пляжи; Маркхем и Джекс спустя одиннадцать лет высадились на Марсе, и кроме чахлого лишайника и мерзлого песка — ничего. Миллионы вылетели в трубу. Плюс человеческие жертвы: Петерсен и Ледекер из-за аварии на последнем «Аполлоне» до сих пор болтаются вокруг Солнца, Джону Девису тоже не повезло — осколок метеорита пробил его орбитальную обсерваторию. Нет, что ни говори, а космическая программа продвигалась со скрипом. Похоже, что этот полет к Венере был нашим последним шансом.

Прошло шестнадцать дней. Мы прикончили немало банок концентратов, наигрались в карты и успели наградить друг друга насморком, но с практической точки зрения дело шло ни шатко, ни валко. На третий день мы лишились увлажнителя воздуха, достали запасной — вот, собственно, и все дела. На наших глазах планета из звезды превратилась в диск, из диска в хрустальный шар молочной белизны, ну а затем мы вошли в верхние слои атмосферы Венеры. В общем, полет как полет. Мы обменивались шутками с центром управления, слушали музыку Вагнера и «Битлз», проводили различные эксперименты в автоматическом режиме, начиная от измерения солнечного ветра и кончая уточнением разработок навигации глубокого космоса. Мы провели две промежуточные коррекции орбиты, практически не показавшие отклонений, и на девятый день полета Кори вышел в открытый космос, чтобы похлопать по ДЕСЕ, которая вдруг забарахлила. В остальном все было в норме, пока...

— ДЕСА? Что это такое? — поинтересовался Ричард.

— Этот эксперимент провалился. НАСА сделала ставку на галаантенну: на коротких волнах мы передавали программные команды — вдруг кто-нибудь услышит. — Я почесал пальцы о брюки, но стало только хуже. — Это вроде того радиотелескопа в Западной Вирджинии, который ловит сигналы из космоса. Только тот слушает, а мы передавали, в основном на далекие планеты: Юпитер, Сатурн, Уран. Но если там и была разумная жизнь, то в тот момент она вздремнула.

— В открытый космос выходил только Кори?

— Да. И если он и подхватил какую-то звездную заразу, телеметрия этого не показала.

— Однако...

— Не это важно, — мрачно сказал я. — Важно то, что происходит здесь сейчас. Ричард, вчера они убили мальчика. Понимаешь, каково это было видеть и уж тем более в этом участвовать. Его голова... на мелкие осколки, будто внутри разорвалась граната.

— Досказывай, — попросил он.

Я невесело усмехнулся.

— Да что рассказывать?

Мы вращались вокруг планеты по эллиптической орбите, изменяющейся от витка к витку. Семьдесят шесть миль в апогее, двадцать три в перигее — первый виток. На втором витке орбита еще больше вытянулась. За четыре витка мы хорошо разглядели планету. Сделали более шестисот снимков и бог знает сколько кинопленки.

Облачный покров Венеры состоит из метана, аммиака, пыли и прочей дряни. Вообще-то планета напоминает Большой Каньон, по которому гуляет ветер. По подсчетам Кори, скорость у поверхности достигала 600 миль в час. Наш бур с включенным маяком привенерился и с визгом принялся за дело. Спектроскоп отметил лишь залежи ценных минералов, но ни растительной, ни какой иной жизни мы не обнаружили. Вот вам и Венера! Нет — так нет, но, странное дело, у меня душа уходила в пятки, как будто мы кружили над домом с привидениями посреди дальнего космоса. Это ненаучно, я знаю, но я чуть было не рехнулся, пока мы не повернули назад: еще немного, и горло бы себе перерезал. Венера не Луна. Луна пустынная, но, я бы сказал, стерильно чистая. А мир, который мы здесь увидели, был ни на что не похож. Спасибо еще, хоть этот облачный покров. Представь себе совершенно лысый череп — точнее образа не подберешь.

На обратном пути мы узнаем: сенат постановил сократить вдвое расходы на освоение космоса. По этому поводу Кори заметил: «Ну что, Арти, возвращаемся к метеоспутникам?». А я, признаться, был доволен: нечего нам соваться во все дыры!

Через двенадцать дней Кори был мертв, а я на всю жизнь остался инвалидом. Все это случилось при приземлении — парашют не раскрылся. Вот ведь ирония судьбы: провести месяц в космосе, вернуться из немыслимой дали, куда еще не долетал человек, и такой конец! А все потому, что одному типу захотелось кофейку и он не проверил какое-то там реле!

Мы шмякнулись будь здоров. Один из вертолетчиков потом говорил, что это было похоже на летящего вниз гигантского младенца с развевающейся пуповиной. Когда мы шарахнулись, я потерял сознание и в себя пришел уже на палубе авианосца «Портленд». Вместо красной ковровой дорожки меня ждали носилки. Впрочем, красного цвета хватало — я был весь в крови...

Два года я провел в Бетезде. Получил Медаль Героя, кучу денег и это инвалидное кресло. Потом обосновался здесь: люблю смотреть, как взлетают ракеты.

— Знаю, — сказал Ричард и, немного помолчав, добавил: — Покажи свои руки.

— Нет! — быстро и резко ответил я. — Я не могу позволить им видеть. Я же говорил тебе.

— Прошло пять лет, — заметил Ричард. — Почему нет, Артур? Можешь ты мне это объяснить толком?

— Не знаю! Не знаю! Может быть у нее длительный инкубационный период? Или, может, я подцепил ее не там, а позже, в Форт-Лодерлейл, или, того лучше, здесь, на крылечке. Откуда мне знать?

Ричард перевел взгляд на воды Залива, окрашенные лучами заходящего солнца в красный цвет.

— Я пытаюсь во всем разобраться. Артур, я не хочу думать, что тебе изменяет рассудок.

— Если так, я покажу тебе свои руки, — сказал я через силу. — Но только в крайнем случае!

Ричард встал и взял трость. Он казался старым и немощным.

— Я пригону «вездеход», и мы поищем мальчика.

— Спасибо, Ричард.

Он двинулся по разбитой проселочной дороге, которая проходила через Большую Дюну в сторону Кэй-Кэролайн. На другом конце Залива, ближе к мысу, небо стало цвета гнилой сливы, и до моих ушей донеслись отдаленные раскаты грома.

Я не знал имени мальчика, но часто видел его на пляже перед заходом солнца, когда он бродил по берегу с решетом под мышкой. На нем были вытертые шорты, перешитые из старых летних брюк, а от загара он был почти черный. На городском пляже Кэй-Кэролайн предприимчивый молодой человек, просеивая решето песок в поисках четвертаков и десятицентовиков, может собрать за день до пяти долларов, если повезет конечно. Время от времени я махал ему издали, и он махал мне в ответ — две незнакомые, но родственные души, в противовес хохочущим толстосумам-туристам в «кадиллаках». Мне думается, мальчик жил на хуторе близ почты, в полумиле отсюда.

Когда он появился в тот вечер, я уже с час сиднем сидел на своем наблюдательном пункте. Бинты я снял. Зуд был непереносим, но всегда становилось лучше, если дать им возможность смотреть.

Странное, никем в мире не испытанное ощущение: ты — как приоткрытая дверь, в которую сквозь щелочку со страхом и ненавистью подглядывают в наш мир чужие глаза. Ужасней всего то, что в эти минуты и я вижу его таким же. Представь, что твой разум переселился в муху, и та в упор разглядывает твое лицо тысячью глаз. Теперь, я думаю, тебе понятно, почему я бинтовал руки, даже тогда, когда рядом не было ни души?

Все это началось в Майами. Я имел дело с представителем департамента ВМФ по фамилии Крессвелл. Он навещал меня раз в год — возможно, его боссы собрались поставить на мне гриф «секретно». Любопытно, что он жаждал увидеть: может, ненормальный блеск глаз? Или красную букву на лбу? Бог знает. Но не зря же мне отвалили такую пенсию, которую и получать-то неловко.

Мы с Крессвеллом сидели в отеле на веранде его комнаты и за бутылкой обсуждали будущие космические программы Соединенных Штатов. Было около четверти четвертого. Вдруг у меня зачесались пальцы, как-то по-особенному, будто по ним прошел ток. Я сказал об этом Крессвеллу.

— Наверно дотронулся до ядовитого плюща этого золотушного острова, — ухмыльнулся он.

— Здесь кроме кустарника пальметто и потрогать-то нечего. Может быть, какая-нибудь инфекция семилетней давности. — Я посмотрел на руки. Руки как руки, только вот чешутся.

В тот же вечер я подписал стандартный бланк. («Торжественно клянусь, что я не передавал и не раскрывал никакой информации, которая могла бы...» и т.д., и т.п.) и поехал домой на своем стареньком «форде» с ручным управлением. Здорово придумано — сразу себя человеком чувствуешь.

Дорога была не близкой, и к тому времени, когда подъехал к повороту на Кэй-Кэролайн, я уже чуть не свихнулся: руки чесались по-сумасшедшему. Знаешь, как заживает глубокий порез? Вот-вот. Такое чувство, будто под кожу кто-то забрался и роет там ходы.

Солнце почти село, и я рассматривал руки в свете приборного щитка. На подушечках пальцев, как раз там, где снимают отпечатки, появились маленькие красные пятнышки, и еще несколько таких же воспаленных мест было на суставах. Я поднес кончики пальцев ко рту и тут же с внезапным омерзением отдернул руку. Чувство неизъяснимого ужаса подступило к горлу, перехватило его. Там, где появились красные пятнышки, кожа была горячей, воспаленной и какой-то желеобразной, вроде мякоти подгнившего яблока.

Остаток пути я старался убедить себя, что виновник — ядовитый плющ. Но мозг сверлила жутковатая мысль о моей тетушке, которая свои последние десять лет прожила взаперти в мансарде нашего дома. Моя мать, носившая ей наверх еду, запретила мне, ребенку, даже упоминать ее имя. Причину я узнал много позже: у моей тетки была болезнь Хансена — проказа.

Когда я приехал домой, то первым делом позвонил доктору Фландерсу. Мне ответили, что доктор на рыбалке, но если что-то срочное, то доктор Балланджер...

— Когда вернется доктор Фландерс?

— Не раньше чем завтра днем. Вы можете...

— Могу, — оборвал я.

Я медленно повесил трубку, потом набрал номер Ричарда, но слышал только длинные гудки. Некоторое время я сидел в нерешительности. Зуд усиливался. С руками творилось что-то непонятное.

Я подкатил свое инвалидное кресло к книжному шкафу и взял с нижней полки потрепанную медицинскую энциклопедию, которой я пользовался много лет. В разъяснениях было столько туману, что они больше смахивали на издевку. Я мог быть болен чем угодно... Или ничем.

Я откинулся на спинку кресла и закрыл глаза. Со шкафчика в углу комнаты слышалось тиканье старых космических часов, издавдала доносился гул самолета, державшего курс на Майами. Эти звуки мне не мешали, и в тишине я слышал собственное дыхание.

Вдруг я с ужасом осознал, что вижу раскрытую книгу, хотя глаза у меня были закрыты. Вижу, но как-то не так, будто чужими глазами, в четвертом измерении. То, что я видел, было грязным, чудовищным, искаженным до неузнаваемости, но, вне всякого сомнения, это были страницы раскрытой энциклопедии.

И не один я ее разглядывал.

Я поспешно открыл глаза, чувствуя, как сжимается сердце. Но это ощущение не прошло, хотя и чуть притупилось. Я видел текст и диаграммы, как любой нормальный человек, и в то же время как-то по-другому, как бы другими глазами, которые воспринимали книгу, как совершенно чужеродный предмет — уродливый по форме и зловещий по смыслу.

Я медленно поднес ладони к лицу, и вдруг вся комната явилась мне во всем своем отталкивающем безобразии.

Я дико вскрикнул.

Из потрескавшихся воспаленных язвочек на меня глядели множество глаз. И по мере того, как я смотрел на них, эти глаза упорно и настойчиво выталкивали себя на поверхность.

Но не это зрелище заставило меня закричать. Впервые я увидел свое лицо — лицо монстра.

«Вездеход» перевалил через песчаную дюну, и Ричард остановил его возле самого крыльца. Мотор пофыркивал на холостых оборотах. По специальному пандусу я съехал в кресле с крыльца, и Ричард помог мне перебраться в машину.

— Порядок, Артур, — подбодрил меня Ричард. — Командуй, сегодня ты за главного. Куда ехать?

Я указал на то место у воды, где Большие Дюны постепенно сходили на нет, и Ричард согласно кивнул. Из-под колес брызнул песок, когда мы лихо рванули с места. Обычно я не упускаю случая попенять Ричарду за его лихачество, но сейчас помалкивал. Мои мысли были заняты совсем другим: темнота бесила их, и я

мог чувствовать, как они напрягаются, стремясь разглядеть что-то сквозь бинты, желая, чтобы я снял их.

«Вездеход» мчался через высокие дюны, взвывая и подсакивая на ухабах. Слева во всем своем кровавом великолепии садилось солнце, из глубины Залива на нас медленно наплывали свинцовые тучи, из которых в воду змеились молнии.

— Сверни направо, — сказал я, — к тому навесу.

Ричард резко тормознул и, перегнувшись через сидение, достал заступ. Меня даже передернуло, когда я увидел его.

— Где? — бесстрастно спросил Ричард.

— Вон там.

Он вышел и медленно подошел к тому месту, на которое я указал. Помедлив секунду, вонзил заступ в песок. Казалось, копал он долго, швыряя через плечо комья мокрого песка. Тем временем гроза неутомимо приближалась, и под сенью темных туч в последних лучах заката вода мрачно блестела.

Он еще не кончил копать, а я уже знал, что тела мальчика там нет. Он перепрыгнул его. Прошлой ночью я не бинтовал руки, поэтому они могли видеть и действовать. Если уж они были способны использовать меня, чтобы убить мальчика, то почему бы им не использовать меня, чтобы перенести тело, даже тогда, когда я спал.

— Вот видишь, Артур, никакого мальчика здесь нет.

Ричард бросил заступ в машину и устало сел за руль. По пляжу скользили тени, словно убегая от надвигающейся грозы. Порывы ветра швыряли пригоршни песка в проржавевший «вездеход». Зуд в пальцах изводил меня.

— Они использовали меня, чтобы перепрыгнуть тело, — мрачно сказал я. — Они приобретают надо мной все большую власть, Ричард. Раз от разу все шире раскрывается дверь. Сотни раз в день я вдруг ловлю себя на том, что стою перед совершенно знакомым предметом — картиной, банкой бобов, — разглядываю его и не имею понятия, как я перед ним очутился. Протягиваю пальцы, показываю им и вижу ее, эту банку, так, как видят они, во всей ее непристойности — смятой, искореженной, уродливой...

— Артур! — прервал меня Ричард. — Артур, что ты говоришь?! — Несмотря на сумерки, я прочел на его лице острую жалость. — «Остановился... Перенес тело...» О чем ты говоришь, Артур? Ты же парализован, твои ноги давно уже не служат тебе!

— Эта штука тоже мертвая. Однако, включив зажигание, ты заставишь «вездеход» тронуться с места. Более того, ты можешь заставить его убить человека. И ничто не сможет остановить тебя. — Я чувствовал, что мой голос звучит почти истерически. — Я — их глаза, их открытая дверь в наш мир, разве ты не понимаешь, Ричард? Это они убили мальчика! Это они перенесли тело!

— По-моему, тебе не помешало бы обратиться к врачу, — тихо сказал он. — Давай возвращаться. Давай...

— Нет, ты проверь! Найди мальчика, убедись...

— Но ведь ты сказал, что не знаешь даже его имени.

— Должно быть он с хутора. Там всего несколько домов. Поинтересуйся...

— Уже поинтересовался. Я созвонился с Мод Харрингтон, когда ходил за «вездеходом». Вряд ли в нашем штате найдется другая такая женщина, которая всегда и обо всех все знает. Так вот, она не слышала, чтобы у кого-нибудь прошлой ночью пропал мальчик.

— Но он местный! Иначе и быть не может!

Ричард хотел повернуть ключ зажигания, но я остановил его. Он повернулся ко мне, и я начал разбинтовывать руки.

С Залива напозвала рычащая грозная туча.

К врачу я не пошел и не позвонил Ричарду. Просто стал бинтовать руки, прежде чем выползти на свет божий. Так прошло три недели, и все это время я продолжал слепо верить, что все это исчезнет. Здравого смысла в этом, конечно, нет, и быть не могло. Если бы мои ноги были в порядке, и я жил нормальной жизнью, то, может быть, я и обратился бы к доктору Фландерсу или к Ричарду, но в моей памяти все еще живо было воспоминание о моей тетушке, приговоренной к пожизненному заключению страшной болезнью, которая заживо пожирала ее. Теперь и себя я приговорил к мучительному затворничеству и только молил бога, чтобы проснуться однажды утром и стряхнуть с себя это наваждение, как дурной сон.

Но день ото дня я все яснее ощущал их — чужой, инородный разум. Я даже не задумывался, как они выглядят, откуда явились. Вопрос этот спорный. Главное — я был их глазами, открытой дверью в наш мир. Мне передавались их ужас и отвращение к нашему, столь отличному от их собственного, миру. Я даже ощущал, как их душила слепая ненависть, но наблюдений они не прекращали. Они внедрились в мою плоть, и я начал сознавать, что они используют меня, в действительности манипулируют мной, как марионеткой.

Когда мальчик, проходя мимо, приветливо помахал мне рукой, я уже твердо решил вызвать Крессвелла из департамента ВМФ. Ричард был прав в одном — конечно, я подцепил эту заразу либо в глубоком космосе, либо на орбите Венеры. Пусть парни из ВМФ обследуют меня и убедятся, что я не псих. Я не хочу просыпаться среди ночи от собственного крика, чувствуя, что они смотрят, смотрят...

Мои руки сами потянулись к мальчику, и я не сразу сообразил, что не забинтовал их. Множество глаз — огромных, с золотистой радужной оболочкой и расширенными зрачками — безмолвно наблюдали в умирающем свете дня. Однажды я ткнул в один из

них кончиком карандаша и чуть не взвыл от боли. Глаз устался на меня с такой злобной ненавистью, которая была хуже, чем физическая боль. Больше я их не задевал.

Сейчас они разглядывали мальчика. Внезапно я почувствовал, как мой мозг затуманился, а мгновение спустя я потерял над собой контроль. Дверь распахнулась. Чужими глазами — мои собственные, кажется, были закрыты — я видел гипсово-мертвое море и зловеще-пурпурное небо, я видел загадочное и ненавистное существо с непонятным предметом из дерева и металлической сеткой в руках, невыносимым в своей прямоугольности.

Я никогда не узнаю, что подумал этот бедняга с решетом под мышкой и с карманами, набитыми туристскими монетами, когда увидел мои простертые к нему руки, словно руки слепого дирижера, потерявшего контроль над своим безумным оркестром? Что он подумал, когда последний в его жизни луч света упал на мои руки, красные, потрескавшиеся и сияющие множеством глаз? О чем он подумал, когда эти руки вдруг взметнулись и обрушились на его? Что он подумал перед тем, как лопнул его череп?

Я знаю, о чем подумал я.

Я подумал, что заглянул за самую последнюю грань вселенной и увидел там геенну огненную.

Ветер рвал у меня бинты, и они длинными узкими лентами хлестали по машине. Тучи окончательно затянули небо, поглотив последние красные отблески заката, и дюны погрузились в мрачные сумерки. Тучи мчались над нами и кипели, как в адском котле.

— Ричард, ты должен обещать мне одну вещь. — Приходилось почти кричать, так завывало вокруг. — Обещай, что победишь, если я попытаюсь... причинить тебе боль. Ты понял?

— Да. — Воротник его расстегнутой рубашки хлопал на ветру. Лицо было сосредоточенным, прищуренные глаза потемнели.

Последние бинты упали к моим ногам.

Я смотрел на Ричарда, и они смотрели на Ричарда. Я видел человека, которого знал пять лет и которого успел полюбить. Они видели бесформенную живую тушу.

— Ты видишь их... — хрипло сказал я. — Теперь ты видишь их.

Он невольно попятился, и лицо его вдруг исказилось от неопишуемого ужаса. Сверкнула молния, прогремел гром, и вода Залива стала черна, как воды Стикса *.

— Артур...

* В древнегреческой мифологии: священная река в царстве мертвых. (Прим. ред.)

Господи, как же он мерзок! Как я мог жить рядом с ним, говорить с ним! Это же не живое существо, это мутант бубонной чумы! Это...

— Беги! Беги, Ричард!

И он побежал. Помчался большими кругами, нелспо взмахивая руками. Под этим небом он был словно на эшафоте. Мои зрячие руки сами взметнулись вверх, к тучам, к единственной близкой им реальности в этом кошмарном мире.

И тучи ответили им.

Гигантская бледно-голубая молния распоролa небо сверху донизу в день Страшного Суда. Она пронзила Ричарда, и последнее, что я помню — электрическое зловоние озона и гари.

Когда я очнулся, то оказалось, что я сижу в кресле у себя на крыльце. Гроза миновала, и воздух был полон приятной свежести. В вышине блестел тонкий серп луны. Песок был девственно чист — никаких следов ни Ричарда, ни его «вездехода».

Я посмотрел на свои руки. Глаза были открытые, но остекленевшие: они вымотались. Они дремали.

Теперь я твердо знал, что делать. Прежде чем дверь откроется вновь, ее нужно захлопнуть. Навсегда. Я уже мог видеть первые признаки необратимых изменений: пальцы стали укорачиваться... и изменяться.

В гостиной был маленький камин, который спасал меня от промозглого зимнего холода Флориды. Сейчас я растопил его с завидной быстротой. Я не имел ни малейшего представления, когда они могут проснуться.

Как только огонь разгорелся, я на своем кресле быстро съездил за канистрой с керосином и опустил в нее обе руки. Они моментально проснулись и завизжали от адской боли. Я испугался, что не успею добраться до камина.

Но я успел!

Все это было семь лет назад.

Я все еще живу во Флориде и по-прежнему люблю старты ракет. В последнее время полеты участились: нынешняя администрация все больше интересуется космосом. Поговаривают о новой серии запусков пилотируемых кораблей на Венеру.

Имя мальчика я выяснил, хоть это ничего не поменяло. Он действительно жил на хуторе, как я и думал. Его мать решила, что он в ту ночь уехал к другу, и только в понедельник подняла тревогу. Ричард... Что ж, у нас его всегда держали за чокнутого. Все сошлись на том, что он, наверное, вернулся в свой Мэриленд или влюбился в какую-нибудь женщину.

Что касается меня, то относятся ко мне терпимо, хотя считают большим чудачком. Согласитесь, мало кто из бывших астронавтов станет регулярно забрасывать своих конгрессменов в Вашингтоне письмами о том, что ассигнования на космос следовало бы употреблять с большей пользой.

Я научился вполне сносно пользоваться своими крючками. Больше года меня мучили ужасные боли, но человеческое тело может приспособиться почти ко всему. Я сам бреюсь, сам завязываю шнурки. Как я печатаю на машинке, вы сами убедились. Словом, не думаю, что мне будет трудно вставить в рот ствол дробовика и нажать на курок. Понимаете, три недели назад это началось снова.

Двенадцать золотистых глаз безупречным кругом проступили у меня на груди.

СОДЕРЖАНИЕ

Урсула ле Гуин	
Могила Атуана	5
Джон Бруннер	
Поймай падающую звезду	99
Айра Левин	
Этот идеальный день	211
Стивен Кинг	
Чужие глаза	434

АНГЛО-АМЕРИКАНСКАЯ ФАНТАСТИКА

Т о м 3

Перевод с английского

Составители *Юрий Никитин и Александр Томберг*
Общая редакция *Любови Антиповой*
Художественный редактор *Владимир Белоусов*
Технический редактор *Наталья Богданова*
Корректор *Людмила Неверова*

Сдано в набор 22.09.91. Подписано в печать 22.10.91. Формат 60×90/16. Бумага офсетная. Гарн. тип Таймс. Печать офсетная. Печ. л. 28. Усл. печ. л. 28. Усл. кр.-отт. 28. Уч.-изд. л. 27,3. Тираж 100 000 экз. Заказ 1-195. Цена договорная.

Издательство «Змей Горыныч», Москва, Подсосенский пер., 8.
Харьковская книжная фабрика «Глобус».
310012, Харьков, Энгельса, 11.

ИЗДАНИЕ ФИНАНСИРОВАНО

ФИРМОЙ

ЯНКО

ГЕНЕРАЛЬНЫЙ ДИРЕКТОР

Ч.Р. КОЖАРА

город ДОНЕЦК

